РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых выдающихся книг, рассказывающих о борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Булацель П.Ф. Борьба за правду
Бутми Г.В. Кабала или свобода
Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма
Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские!
Достоевский Ф.М. «Царство антихриста»
Дубровин А.И. Черная сотня
Жевахов Н.Д. Еврейская революция
Иванов В.Ф. Русский мир и масонство
Ильин И.А. Национальная Россия
Марков Н.Е. Лики Израиля. Войны темных сил
Меньшиков М.О. Письма к ближним
Нилус С.А. «Близ есть, при дверех...»
Осипов В.Н. Записки ниционалиста
Пасхалов К.Н. Русский вопрос
Тихомиров Л.А. Битва за Россию
Шарапов С.Ф. После победы славянофилов
Шафаревич И.Р. Русофобия
Шевцов И.М. Бородинское поле
Шмаков А.С. Еврейские речи

КЛАВДИЙ ПАСХАЛОВ

РУССКИЙ ВОПРОС

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2008

Издание осуществляется по программе научно-издательской деятельности Института русской цивилизации

Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: «Алгоритм», 2008.— 720 с.

Впервые после 1917 года публикуются произведения выдающегося русского мыслителя и публициста, одного из духовных вождей Черной сотни, Клавдия Никандровича Пасхалова. В течение ста лет его книги изымались из библиотек и уничтожались. Продолжатель дела славянофилов, Пасхалов стремился объединить русских людей, чтобы противостоять надвигающейся революционной угрозе, предлагая меры беспощадной борьбы с ней, в единении Царя и народа. Последовательную позицию он занимал и в отношении «еврейских притязаний». Отстаивая идеалы русской монархии, он разоблачал бездействие царских сановников, «боящихся прикосновения к «черносотенцам»» и российского дворянства, остающегося в стороне от монархического движения.

ISBN 978-5-902725-   -

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся русский мыслитель и публицист Клавдий Никандрович Пасхалов родился в 1843 г. в дворянской семье в Калужской губернии в семье боевого кавказского офицера. Мать К. Н. Пасхалова, Анна Никаноровна Пасхалова (урожденная Золотаева) (1823—1885), была поэтессой[1]. По всей видимости, юный К. Н. Пасхалов испытал сильное влияние со стороны одаренных родственников. Имеются сведения о том, что в юности он мечтал стать писателем, однако судьба распорядилась по-иному. Правда, Пасхалов пытался писать литературные произведения, в которых затрагивал вопросы, связанные с обустройством крестьянского быта и землеустройства (эта тема представляла огромный интерес для него и впоследствии; он еще не раз к ней обстоятельно обращался), однако сочинения молодого Пасхалова успеха не имели. Тем временем, в 1875 г. он поступил на службу в Министерство финансов, где работал в особой канцелярии по кредитной части. В 1882 г. Пасхалов стал сотрудником (членом Совета) Крестьянского банка. Дослужился до действительного статского советника.

Этим, пожалуй, и ограничиваются наши сведения о государственной службе К. Н. Пасхалова. Нам точно не известна даже дата выхода его в отставку (по крайней мере, уже к началу XX в. он отошел от государственной службы). Вообще, биографические сведения о нем в период с 1882 по 1905 г. крайне скудны, если не сказать, что вообще отсутствуют, а все его печатные публикации, хранящиеся в книгохранилищах страны, относятся уже к периоду после 1905 г. Между тем, Пасхалов, не

любивший чиновничество и презиравший его, вошел в историю, в первую очередь, не как государственный чиновник, а как видный общественный деятель, талантливый организатор и публицист.

Проявлял интерес К. Н. Пасхалов и к изучению истории. Известно, в частности, что с 14 февраля 1905 г. он состоял действительным членом Историко-Родословного Общества в Москве, которое занималось изучением генеалогического древа русских дворянских родов[2]. Еще будучи на государственной службе, К. Н. Пасхалов постепенно обзавелся обширными связями в кругах московских славянофилов. Активное участие он принял в работе старейшей правомонархической организации – «Русском Собрании», неоднократно выступал там с докладами (в частности, в 1911 г. он произнес доклад «Земское дело»)[3].

С самого начала революционной смуты 1905 г. К. Н. Пасхалов, несмотря на свой достаточно почтенный возраст (в 1905 г. ему было 62 года) выступил как активный борец с нею, причем, в отличие даже от многих идейных правых, он, наряду с Н. Н. Тихановичем-Савицким и некоторыми другими монархистами, последовательно отстаивал монархические идеалы, выступал за сохранение в стране неограниченного Самодержавия[4].

Так, в январе 1906 г. было опубликовано «Обращение Русского Собрания к единомышленным партиям, союзам и Русскому Народу по поводу Манифеста 17 октября». В нем содержался призыв ко всем русским людям, разделявшим программные положения Русского Собрания, «сплотиться, объединиться и образовать Всенародный Союз приверженцев Самодержавия, чтобы согласованно и в одном направлении действовать на предстоящих выборах в Государственную Думу». Это был один из первых документов монархического движения, в котором разъяснялось, что Манифест 17 октября не вводит конституционную форму правления и не должен повлечь за собой переработку Основных Законов Российской Империи. Пасхалов как член правомонархического «Кружка

москвичей» подписал одобрительный отзыв на это обращение. В числе подписантов отзыва были также Ю. П. Бартенев, К. П. Степанов, Г. А. Шечков, гр. С. Д. Шереметев, Федор, Александр и Сергей Самарины, Д. А. Хомяков, И. Ф. Тютчев и другие видные московские правые деятели[5].

Помимо Русского Собрания и «Кружка москвичей», К. Н. Пасхалов состоял почетным членом Русского Монархического Союза (РМС) и интеллектуального штаба московских монархистов – Русского Монархического Собрания. Эти организации были созданы в годы русской смуты другим видным правым деятелем, редактором «Московских Ведомостей» В. А. Грингмутом. В Русском Монархическом Собрании, как и в Русском Собрании, Пасхалов часто выступал с докладами. Позднее он был избран и почетным членом Калужского отдела Союза Русского Народа (СРН) — крупнейшей монархической организации.

Кроме того, К. Н. Пасхалов принял активное участие в работе ряда монархических съездов. На Втором Всероссийском Съезде Русских Людей, который прошел в Москве с 6 по 12 апреля 1906 г., он был председателем финансово-экономического отдела и выступал с докладом в защиту русского человека. Был Пасхалов и среди делегатов Третьего Всероссийского Съезда Русских Людей, который состоялся в Киеве с 1 по 7 октября 1906 г.

Презрев обструкцию, устроенную некоторыми видными правыми деятелями протоиерею Иоанну Иоанновичу Восторгову (прославленному в сонме Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г.), К. Н. Пасхалов принял участие в Съезде Русских Людей, который прошел в Москве с 27 сентября по 4 октября 1909 г., прислав на него доклад «О необходимой реформе земских учреждений»; позже, хотя и с некоторым опозданием, он прибыл на съезд лично и выступил с речью при закрытии съезда[6].

В 1908—1914 гг. К. Н. Пасхалов входил в состав редакционной комиссии «Книги русской скорби», издававшейся Рус-

ским Народным Союзом им. Михаила Архангела (РНСМА). Как известно, эта книга содержала в себе биографии «мучеников и борцов за идею Православия, Самодержавия, Царя и Русской Народности, погибших в результате террористических актов». Активно К. Н. Пасхалов участвует в патриотическом движении. Однако, как свидетельствует переписка, он очень часто испытывал чувство безысходности, предвидя грядущую катастрофу. Так, в письме от 28 декабря 1911 г. он жаловался Д. А. Хомякову: «...Мы в настоящем идем от позора к позору, можно сказать, ежедневно, каждым действием, каждым распоряжением правительственных несмышленышей... Мы приучаемся мало-помалу презирать наше правительство, сознавать его неспособность и бесполезность. А это штука очень опасная. В критическую минуту, когда революция ринется на существующий строй, стану ли я на его защиту? Нет. Мы наверно останемся в стороне... И правда, нам осталась одна надежда на великую милость Провидения, которое авось смилуется над нашей несчастной, засиженной всякой нечистью родиной»[7]. 11 марта 1912 г. (по другим данным, 1913 г.) 70-летний Пасхалов был принят Государем Николаем II, которого он предостерегал от надвигающейся революционной угрозы и предложил меры борьбы с ней[8].

К. Н. Пасхалов еще в 1913 г. предвидел надвигающуюся Великую войну, опубликовав одну из своих программных статей по внешнеполитическим проблемам под названием «Русский вопрос», в которой, в частности, отмечал: «Для России создалось теперь такое положение, что столкновение ее с Австрией является неизбежным. Хочет или не хочет она войны, а таковая будет, если только Россия не откажется добровольно от своего мирового значения и сама не станет членом славянской федерации под скипетром Габсбургов, чего, конечно, предположить нельзя… Удастся ли русскому колоссу устоять на ногах или же он рухнет и, рассыпавшись на составные части, послужит образованию новых государственных организмов, это зависит всецело от мудрости и искусства его государственных людей»[9].

С началом Первой мировой войны К. Н. Пасхалов заявил о себе как об активном борце с «немецким засильем» в Русском государстве и экономике. В частности, закон от 2 февраля 1915 г. о немецком землевладении он называл «шулерским», «составленным так искусно, что немцы могут, не нарушая его юридически, оставаться владельцами всей русской земли, ими до сих пор захваченной»[10].

К. Н. Пасхалов являлся одним из организаторов и активным участником Саратовского Совещания уполномоченных монархических организаций, которое состоялось с 27 по 29 августа 1915 г. На этом Совещании он был избран в состав депутации для Высочайшего приема. Однако депутации отказали от встречи с Государем, так как кто-то из сановников счел «несвоевременным» желание правых. Это решение явилось тяжелым ударом для Пасхалова. Так, в письме к председателю Одесского Союза Русских Людей Н. Н. Родзевичу он писал: «Знаете, руки опускаются, теряется всякая энергия и охота защищать то, что нас отталкивает и ценит меньше, чем старую подошву». Кадетам отпускаются миллионы бесконтрольно, «а мы пробиваемся на задворках, едва терпимые, да и то только тогда, когда кулаками защищаем от жидов и жидовствующих презрительно относящуюся к нам власть». «Во мне говорит не досада обманутого самолюбия, а просто отчаяние от потери способности власти различать, кто ее союзники и кто противники, в ком ее спасение и в ком — гибель»[11].

Несмотря на полученный отказ от встречи с Императором, К. Н. Пасхалов по-прежнему старался не падать духом и принимал активное участие в политической жизни. Хотя во внутренней борьбе в Союзе Русского Народа К. Н. Пасхалов был в большей степени сторонником А. И. Дубровина, чем Н. Е. Маркова, тем не менее, вынашивая идею объединения всех правых, он принял активное участие в созванном сторонниками Н. Е. Маркова Совещании монархистов, которое прошло с 21 по 23 ноября 1915 года в Петрограде (так называемое Петроградское Совещание). На Совещании Пасхалов выступал в прениях по вопросам борьбы с прогрессивным

(так называемым «желтым») блоком и борьбы с «немецким засильем», а также был избран членом Совета Монархических Съездов. Еще большую политическую активность Пасхалов проявил в ходе работы Нижегородского Всероссийского Совещания уполномоченных монархических организаций и правых деятелей, которое прошло с 26 по 28 ноября того же 1915 г. На этом Совещании в значительной степени преобладали сторонники А. И. Дубровина. Пасхалов принял посильное участие в организации Совещания, обсуждая стратегию его проведения. В частности, еще 8 ноября 1915 г. в письме к одному из главных инициаторов Совещания Н. Н. Родзевичу он отмечал: «Я не буду огорчен, если Нижегородское Совещание окажется вполне черносотенным; может быть, даже лучше, — так мы действительно будем больше похожи на народное собрание»[12]. Как ветеран монархического движения, Пасхалов был избран председателем этого Совещания. В самом начале его работы он выступил с речью о задачах монархических союзов и об их отличительных чертах в сравнении с другими политическими организациями. «Он подчеркнул, – пишет, комментируя речь К. Н. Пасхалова, А. Д. Степанов, – что коренное отличие заключается в том, что все политические организации борются за власть, подтачивая монархический образ правления, а монархисты борются за сохранение Самодержавия. Но правда на стороне правых, заметил Пасхалов, и привел пример: только благодаря Самодержавию стало возможным быстрое и решительное отрезвление народа. Враги утверждали, что Россия — тюрьма для человека, но нигде не живется так свободно личности, как в России. И мы видим, заключил Пасхалов, что за эту «тюрьму» проливают кровь все, даже инородцы»[13].

К. Н. Пасхалов также приветствовал Совещание по поручению председателя Совета Монархических Съездов И. Г. Щегловитова. По инициативе Пасхалова и за его подписью Нижегородское Совещание послало телеграммы председателям Государственного Совета и Государственной Думы с протестом по поводу организации «желтого» блока,

который, как отмечалось в телеграммах, «задумал во время войны совершить государственный переворот, о чем свидетельствует требование ответственного перед Думой правительства, тогда как в Самодержавной монархии правительство может быть ответственно только перед Царем»[14]. Кроме того, в конце работы Совещания Пасхалов послал от имени уполномоченных монархических организаций и правых деятелей письма председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину и начальнику штаба Ставки генерал-адъютанту М. В. Алексееву с просьбой оказать воздействие на Одесского генерал-губернатора генерала Эбелова, который притеснял Н. Н. Родзевича и Одесский Союз Русских Людей. Пасхалов также жаловался на то, что, как отмечается в отчете о заседаниях Нижегородского Совещания, «помимо общего пристрастного и недоброжелательного отношения генерала Эбелова к организации безусловно верноподданнической и законопослушной, этот администратор всячески препятствует ей развивать деятельность с целью оказать непосредственную помощь русским войскам в решительной борьбе с могучим противником»[15].

На Нижегородском Совещании Пасхалова избрали в состав Президиума Монархического движения, в который вошли также еще шесть человек (А. И. Дубровин, И. И. Дудниченко, Е. И. Полубояринова, Н. Н. Родзевич, Н. Н. Тиханович-Савицкий, Н. П. Тихменев). Он, как в свое время В. А. Грингмут, с гордостью принимал наименование «черносотенец» и 31 октября 1915 г. писал в этой связи Н. А. Маклакову: «...Может быть, и лучше, если наш съезд окажется в полном смысле «черносотенным». Тем меньше будет поводов к разладу, который неизбежно происходил между корифеями монархического хора»[16].

После проведенных Совещаний К. Н. Пасхалов, которому на тот момент было уже 72 года, испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, он, несмотря на возраст, еще ощущал бодрость, был полон оптимизма; с другой стороны, Пасхалов стал постепенно все больше испытывать чувство

разочарования, так как, во-первых, патриотическое движение продолжало находиться в системном кризисе, а во-вторых, идеи правых не находили понимания в высших кругах российской бюрократии. К. Н. Пасхалов все более впадал в депрессию, не веря в возможность переломить ситуацию. «...Конечно, мы останемся верны нашей идее государственного строения Руси, но не наш идеал осуществится; мы смяты и противниками, и теми, за чьи права боремся...», – писал он И. И. Дудниченко в начале 1916 г.[17] В письме Родзевичу от 22 апреля 1916 г., оценивая состояние патриотического движения, Пасхалов отмечал, что основная масса монархистов состоит из лавочников, артельщиков, чинуш не выше надворного советника, и у всех у них — ни гроша денег. А из образованных сословий «только среди духовенства находятся сочувствующие», тогда как «купец — весь либерал», дворянство в массе своей осталось в стороне от монархического движения благодаря бездействию его лидеров (Самариных, Хомяковых и др.). Пасхалов с горечью констатировал, что на Совещание в Нижний Новгород из Москвы не приехало ни души, «хотя я мозоль набил на пальцах от писем». Из этого факта он делал довольно резкий вывод: «Это не случайность, это вырождение правых в каких-то бесплодных ублюдков, боящихся прикосновения к «черносотенцам». В этом письме Пасхалов давал очень нелицеприятные, порою грубые, характеристики некоторым видным правым деятелям: Марков — интриган, Щегловитов — выдохся, не зарядившись, Левашов — подставной человек, Белецкий — утонул безвозвратно, Ширинский-Шихматов — много говорит, но ничего не делает, «даже с Дубровиным творится что-то неладное»[18].

Н. Н. Тиханович-Савицкий, поддерживавший с Пасхаловым переписку, заметил в письме тому же Родзевичу 5 мая 1916 г.: «Пасхалов потерял веру в восстановление Самодержавия окончательно»[19]. И действительно, в письме к Маклакову от 25 декабря 1916 г. Пасхалов, предчувствуя революционный взрыв, писал: «Хотел бы поздравить и с наступающим Новым годом. Но не будет ли это умышленной насмешкой при моей

глубокой убежденности, что нет решительно ни малейшего разумного основания ожидать в нем хоть малейшего просвета к лучшему»[20].

Несмотря на все это, осенью 1916 г. К. Н. Пасхалов вновь принимает самое непосредственное участие в работе монархических организаций. Так, в первых числах октября 1916 г. состоялось заседание Совета Монархических Съездов, в котором приняли участие К. Н. Пасхалов, А. А. Римский-Корсаков, С. В. Левашов, А. И. Дубровин, Н. Е. Марков, С. А. Кельцев и др. На заседании был, кроме всего прочего, поднят вопрос о кандидатуре нового председателя Совета ввиду отказа И. Г. Щегловитова занимать далее этот пост. Именно Пасхалов добился решения Совета просить стать лидером монархистов Н. А. Маклакова. Тогда же он написал письмо Маклакову, в котором призывал его возглавить патриотическое движение: «...Я горячо призываю вас... Станьте во главе всего монархического дела в России. Умоляю вас, не отказывайтесь поспешно, не губите тем только что организующееся, но столь необходимое теперь «единение» правых. Не разочаровывайте же меня, докажите разницу между вами и Щегловитовыми»[21]. Но Н. А. Маклаков отказался от лидерства в правомонархическом движении. Тогда Пасхалов на какое-то время прекратил переписку с ним, а также с лидером астраханских монархистов Н. Н. Тихановичем-Савицким, который поддержал решение Маклакова. Однако скоро отношения нормализовались, и Тиханович-Савицкий в начале 1917 г. уже рассматривал Пасхалова как кандидата в состав будущего Совета Монархических Единений, который планировалось избрать на Съезде монархического движения в 1917 г. Более того, Пасхалов был одним из немногих, кого Тиханович-Савицкий посвятил в свои планы организации работ по изменению Основных Законов. 31 января 1917 г. лидер астраханских монархистов сообщил Н. А. Маклакову, что возобновил переписку с Пасхаловым, и назвал его «бодрым и умным стариком»[22].

Несмотря на свой солидный возраст, Пасхалов в 1915—1916 гг. продолжал выступать со статьями в правомонархиче-

ской печати, а также вел активную переписку с различными правыми деятелями – Н. А. Маклаковым, Н. Н. Родзевичем, А. И. Дубровиным, Д. А. Хомяковым, А. А. Ширинским-Шихматовым и другими, тщетно пытаясь добиться объединения разрозненных правых организаций. Эти письма были перлюстрированы Департаментом полиции Министерства внутренних дел, и в настоящее время, как уже отмечалось выше, их копии хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)[23]. Пасхалов в переписке выражал надежду, что, «пока в Осн[овных] Зак[онах] существует слово «Самодержавие», хотя и ощипанное, — оно может возродиться во всей его исторической полноте и могучей силе»[24].

В годы Первой мировой войны Пасхалов жил в городе Алексине Тульской губернии, иногда выезжая в свое имение, село Колосово (также Тульской губернии). О жизни и деятельности Пасхалова после октября 1917 г. практически не имеется никаких сведений. Известно только, что он проживал в Тульской губернии. Как пишет в этой связи Ю. И. Кирьянов, Пасхалов «коротал» время в своем поместье[25]. При этом он, хотя и не принял большевистскую власть, тем не менее, полностью отошел от какой-либо политической борьбы и скончался своей смертью, насколько нам известно, не будучи подвергнут преследованиям со стороны большевиков, в 1924 г. в возрасте 81 года.

К. Н. Пасхалов оставил после себя значительное количество опубликованных работ, изданных в период с 1905 по 1916 гг. Особого внимания заслуживает «Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч.», публиковавшийся в Московской университетской типографии тремя томами в период с 1906 по 1912 г.[26] В него вошли практически все сочинения Пасхалова, написанные им в этот период времени. Кроме того, множество публикаций К. Н. Пасхалова выходили отдельными изданиями; некоторые были опубликованы на страницах правых газет и журналов[27].

К. Н. Пасхалова можно охарактеризовать прежде всего как убежденного пламенного монархиста, сторонника неогра-

ниченного Самодержавия. Как уже отмечалось нами, он последовательно выступал против любых попыток ограничить Самодержавную власть и полностью отвергал идею парламентаризма в той или иной форме. В этой связи показательно высказывание Пасхалова о том, что «ограниченное или конституционное самодержавие есть такая же бессмыслица, как, например, мокрый огонь, сухая вода и т. п.»[28] По его мнению, Государственная Дума – не более, чем сборище «всякой инородчины» и всевозможных «пройдох». Сама идея, по которой любое решение может быть принято большинством голосов, Пасхаловым полностью отвергалась. Показательно его высказывание в связи с провалом в мае 1914 г. благодаря перевесу всего в 5 голосов в Государственном Совете законопроекта о волостном земстве. Пасхалов возмутился тем, что «судьба Государства отдана в зависимость от случайного подсчета голосов, а Верховная Власть лишена возможности разумного критериума и может только изречь «да» или «нет» решению большей цифры»[29]. Самодержавие и парламентаризм оставались для Пасхалова всегда принципиально несовместимыми.

Он полагал, что «...следует восстановить не на словах только, но и в действительности право решающего законодательного голоса за историческим самодержавием; все остальные пособные ему учреждения — Государственная Дума и Совет — должны иметь смысл только совещательный, причем Верховная Власть должна восстановить свое право знать все состоявшиеся мнения, а не только большинства, и выбирать между ними то, которое по убеждению ее совести наиболее соответствует пользе народа и Государства»[30].

По мысли Пасхалова, законосовещательное учреждение, которое он именовал «Государственным учреждением», должно было состоять из народных избранников «русских общественных светских и духовных учреждений», а депутаты избирались бы посредством прямых выборов из числа гласных уездных земских собраний; при этом от выборов должны были быть отстранены, как отмечал Пасхалов, инородцы. Предусматривалось, что избранники «ни в каком случае не должны по-

лучать содержания ни денежного, ни в каком другом виде натурой или льготами от казны», а должны получать содержание от избравших их общественных групп[31].

В законосовещательном органе, согласно проекту Пасхалова, ликвидировались фракции, председатель не избирался, а назначался Высшей Властью, то есть Императором. Наказ для председателя должен был бы составлять Сенат. Депутаты пользовались бы полной свободой «в выражении своих мнений в пределах соблюдения законов, приличия и торжественного обещания (присяги), ими даваемого при приступе к занятиям», и при этом не имели какой-либо особой (депутатской) неприкосновенности[32]. Все мнения депутатов «с обстоятельною их мотивировкою» поступали бы на заключение Государственного Совета и далее вместе с мнениями Государственного Совета — на рассмотрение Государю. Самодержцу представлялось как мнение меньшинства, так и мнение большинства, высказанное при обсуждении законопроектов. Но, даже получив всю информацию о различных мнениях по тому или иному вопросу, Самодержец сохранял свободу воли[33]. Брошюра с изложением этой программы была поднесена Пасхаловым Императору Николаю II при личной встрече в 1912 г. и хранилась в личной библиотеке Самодержца[34].

К. Н. Пасхалов разделял традиционный для правых тезис о бюрократии как социальной прослойке, разделяющей Царя с народом и мешающей существованию России в русле традиционных ценностей Православия, Самодержавия и Народности. Публицист резко негативно относился к чиновничеству как к таковому; в особенности к чиновному Петербургу. «Петербург, очевидно, захлебывается в такой нравственной грязи и в таких чудовищных преступлениях против Родины, что достойно соперничает с Содомом, но, к сожалению, не разделяет его участи, а это единственный способ спасения для русского народа»[35], – писал он. Пасхалов считал необходимым немедленно «обуздать» чиновничество.

Ревностно отстаивал К. Н. Пасхалов первенствующее положение Православной Церкви, неоднократно на страницах

своих публикаций выражая озабоченность введением Указа от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, фактически уравнивавшего в правах все христианские конфессии и легализовавшего старообрядцев и сектантов[36]. Пасхалов справедливо прослеживал связь между новым законом и активизацией католиков, которые, в частности, стремились во что бы то ни стало окатоличить православное население Холмской епархии. Публицист, естественно, последовательно отстаивал тезис о недопустимости какого бы то ни было местного сепаратизма на окраинах Империи, неоднократно выступая в печати против финских и польских притязаний, и критиковал попытки некоторых правых (в частности, издателя газеты «Гражданин» В. П. Мещерского, известного экономиста и публициста С. Ф. Шарапова и других) допускать отдельные поблажки финнам[37].

Не обошел в своих трудах К. Н. Пасхалов и еврейский вопрос. Он неоднократно заявлял о том, что международное еврейство приняло непосредственное участие в подготовке революции 1905—1907 гг., и считал недопустимым ликвидацию ограничений, которые действовали в Царской России в отношении иудейского меньшинства. Так, в частности, в консервативной газете «Московские ведомости» в 1915 г. Пасхалов опубликовал статью под названием «Еврейские притязания», в которой выступил против попыток евреев и их покровителей среди высшей бюрократии, используя условия войны, добиться равноправия. Он считал, что особенность положения евреев в России «есть необходимое, неизбежное и неустранимое последствие того, что они в ней — народ пришлый, не внесший в страну ни клочка своей земли, а потому и не имеющий права претендовать на равенство с хозяевами земли»[38].

Во внешней политике К. Н. Пасхалов отстаивал идею геополитического равновесия и полной самостоятельности во взаимоотношениях с иностранными державами, против каких бы то ни было внешнеполитических союзов. «Весь европейский мир нам был всегда чужд и неприязнен, а теперь таковым стал американский – неизвестно, почему, а азиатский – по вине собственных наших руководителей. При таком положении

было бы величайшим заблуждением верить в возможность искренней дружбы к нам кого бы то ни было. Правильно понятые интересы России требуют, чтобы она была хороша и ровна со всеми великими и малыми державами, но да сохранит вас Всевышний от особой *дружбы* и *союзов*! Довольно они нам стоили. А потому ни с Германией, ни с Англией, Францией, ни даже, скажу, с Черногорией, которая теперь, кажется, тоже не оправдывает особого доверия, оказанного ей великим усопшим Монархом (Александром III. – *Д. С.*) …», – такими словами заканчивал публицист свою статью «С Англией или Германией?», написанную в 1908 г.[39]

Особое внимание в своих произведениях К. Н. Пасхалов уделял аграрному вопросу. Так, вместе с С. Ф. Шараповым он выпустил в Москве брошюру с характерным названием «Землеустроение или землеразорение? (По поводу закона 9 ноября 1906 года)». Во многом ее положения совпадают с работами Пасхалова «Деревенское раздумье» (М., 1907) и «Землеустроительное разорение России» (М., 1908; 2-е изд. М., 1909). Соавторы работы считали абсурдным тезис о малоземелье в России, отмечая наличие огромных просторов в Империи, совершенно не освоенных. Пасхалов и Шарапов подчеркивали, что острейшей нужды в земле не может быть потому, что в стране возделывается едва ли не $^1/_8$ часть пространства, а семь человек приходится на одну версту. По мнению Пасхалова, главный и непоправимый ущерб сельскому хозяйству был нанесен не консервацией общины, а «внезапным, колоссальным развитием промышленности, потребовавшим громадного количества рабочих рук, сплошь отнятых у земледелия. Сельскохозяйственный промысел не может конкурировать ни с каким фабрично-заводским, находясь в более тяжелых и неустранимых условиях»[40]. К. Н. Пасхалов выступал убежденным противником Столыпинской аграрной реформы, полагая, что разрушение общины будет иметь для российской деревни непоправимые последствия. На страницах его работ даны подчас очень резкие характеристики П. А. Столыпина (так же как, естественно, и его предшественника, либерала

и «конституционалиста» С. Ю. Витте); при этом Пасхалов поддерживал из всей программы Столыпина только введение военно-полевых судов. Даже после трагической гибели премьера, в 1915 г., Пасхалов выразился о Столыпине как о «политическом недоноске», добавив: «...Да простит ему Господь весь вред, принесенный России. — в соучастии с кантонистами из жидов, и кончая ныне собранным в С[овете] Министров ничтожеством»[41].

К. Н. Пасхалов являлся убежденным противником буржуазных преобразований и вообще буржуазии как таковой, справедливо видя в развитии капитализма прямую угрозу разрушения традиционных устоев патриархальной России, стирания всяческих границ между либерально-космополитическим Западом и традиционной Россией.

Целый цикл статей К. Н. Пасхалова посвящен проблеме функционирования земств. Публицист придавал огромное значение прежде всего деятельности выборных уездных земских учреждений и крайне негативно высказывался о намерениях властей ввести губернское земство, критикуя также планы создания волостного земства[42]. По его мнению, интересы страны требовали упразднения губернского земства. Пасхалов считал, что «в огромном большинстве случаев дела губернского земства могут быть переданы ведению уездных не только без всякого ущерба для дела, но и со значительной пользой и для дела, и для населения, а между тем один служебный персонал губернских управ и содержание дворцов, его вмещающих, поглощают в каждой земской губернии непроизводительно сотни тысяч народного достояния, что в общем составит многие миллионы расхода»[43].

Упразднение губернских земств, по мнению публициста, не должно было встретить затруднений, поскольку, отмечал Пасхалов, «все отрасли земской деятельности — дорожная, по народному здравию и образованию, общественное призрение и сельскохозяйственная — требуют местного знания потребностей и местного надзора, и потому правильнее находиться им под руководством местных земских органов»[44].

Отметим, что в период после 1917 г. и до настоящего времени произведения К. Н. Пасхалова, за исключением его переписки и отдельных отрывков работ, ни разу не публиковались. Между тем, они представляют большой интерес как для историков русской национальной мысли, так и для всех, увлекающихся историей нашего Отечества, – в первую очередь, потому, что дают богатый материал для характеристики воззрений и взглядов одного из виднейших представителей русской идеологии начала XX столетия.

Дмитрий Стогов

СМУТА 1905 — 1907

Обращение к соотечественникам

Целый поток неслыханных бедствий обрушился на нашу многострадальную Родину.

Ужасная, небывалая по своим размерам война уже второй год свирепствует на нашей далекой восточной окраине, унося десятки тысяч человеческих жизней и поглощая сотни миллионов народного достояния. Пользуясь ею, наши многочисленные тайные враги, внутренние и внешние, с удвоенною энергией стараются подкопаться под основы нашей государственной крепости, чуть не ежедневно убивая слуг Царевых, начиная с ближайшей ступени трона и кончая блюстителями уличного порядка. Окраины – Финляндия, Польша и Кавказ – проявляют несомненные признаки возмущения против России и Верховной ее Власти.

Казалось бы, что в такое тяжелое время, грозящее опасностью самому существованию Государства, наш священный долг Русских и верноподданных повелевает нам, оставя в стороне все наши личные вожделения, споры и разногласия, сплотиться дружно в одной мысли, в одном стремлении – защищать нашу мать Родину от всех ее врагов; всеми нашими силами и средствами помогать Правительству в его борьбе и с полчищами японцев, и с теми, кто снаряжает полки извергов, подло убивающих лучших и полезнейших деятелей Государства.

Но увы! – вместо единения против общей опасности, вместо дружного ей противодействия, вместо поддержки

Правительства в трудных обстоятельствах значительная часть нашего общества, – воспользовавшись минутой слабости лица, поставленного так неудачно во главе внутреннего управления страной, после зверского убийства его предместника[1], – подняла невообразимый вой и гам дерзких требований, среди которого, к стыду и позору нашему, всего резче выдавались голоса наших передовых деятелей земств, дум, профессоров, многих дворянских собраний, адвокатов, докторов, разных сборищ под предлогами, ничего общего с политикой не имеющими, как, например, педагогического и Сельскохозяйственного Обществ, Пироговского Съезда для борьбы с холерой и т. п. и до подростков включительно, не только высших, но и средних учебных заведений, подстрекаемых злоумышленниками и поощряемых бездействием власти.

С другой стороны, те же наши непримиримые тайные враги, возмутившие все наше слабоголовое общество, пустили яд своего смутьянства в рабочие и народные массы, стараясь первых склонить к оставлению столь необходимых для Государства в настоящем положении работ и внушая им совершенно невыполнимые требования, а вторых возмущая ложными грамотами от имени Царя и побуждая к самому дикому нарушению прав собственности, недопустимому ни в каком благоустроенном государстве.

К величайшему нашему несчастию, руководители нашего Правительства оказались в это критическое время не на высоте своего положения и, вместо энергического, решительного отпора дерзким до наглости требованиям коренного преобразования нашего государственного строя, с уничтожением Самодержавия и водворением правления выборной фальши, – к чему в особенности стремятся либеральные вожаки выборных земских и городских учреждений, доказавших и на их маленьком деле свою полную неспособность вести его честно и успешно, – думали утишить поднявшийся содом мягкими, уступчивыми мерами, не понимая, что они уступают не народной нужде, а крикам отъявленных врагов России и сбитой ими

с толка части нашего общества, ничего общего с народом не имеющей и нужд его не знающей.

* * *

Соотечественники! Не пора ли опомниться, не пора ли вернуться к здравому смыслу и понять весь позор поведения тех, кто в тяжкое для Родины время отчаянной борьбы предъявляет Правительству невыполнимые требования, подсказываемые нашими лютейшими врагами? Не пора ли оставить Правительству свободно употребить все силы на исполнение главной, неотложной и неизбежной задачи – на успешную борьбу с внешним врагом и на умиротворение инородческих окраин, дерзко поднимающих знамя бунта в это критическое для России время?

Вы, юноши, бросившие учение, – неужели вы не понимаете, что этим позорнейшим из позорных поступков вы только помогаете стремлению врагов вашей Родины разрушить ее всесторонне, чтобы не осталось и следа нашей Русской государственности и культуры, чтобы в момент политического разложения России все Русское, по своему невежеству, оказалось в подчиненном положении у более развитого и знающего инородческого и иностранного элемента, – и тогда вы же, так легкомысленно отказавшиеся от умственного развития и приобретения знаний, окажетесь в чернорабочих среди этих более развитых чуждых элементов? И чего можете вы достигнуть вашею нелепою забастовкой, кроме собственного невежества? Если вы стремитесь, по вашему мнению, к высшей форме государственного устройства, то таковая несомненно потребует и более сведущих, более развитых деятелей. Откуда же возьмет их Государство, лишенное образованного класса? Таким образом, прекращением учения вы сами не ускоряете, а отсрочиваете достижение большего государственного совершенства.

Вы, недостойные воспитатели нашего несчастного юношества, вы, так называемые ученые, профессора, сгубившие вашим преступным подстрекательством не одну тысячу юных

жизней и будущностей; вы, на развалинах нашего образования, разрушенного вашими бесчестными руками, спокойно питающиеся соками народа, вами губимого, – ваш медный либеральный лоб, вашу толстую носорожью кожу, под котороюнет ни сердца, ни совести, – не пробьет никакое слово увещания. Моральные воздействия против вас бессильны, а Правительство, по каким-то непонятным для нормального ума причинам, продолжает кормить ваши изменнические утробы, вместо того чтобы с позором прогнать вас, как вы того заслуживаете, – вы застрахованы: вся Россия, истинная Россия, все, искренно любящие свою Родину и болящие ее болями, все преданные нашим историческим заветам Православия и Самодержавия, – мы все бессильны против вас… Проклятие же на вас, политические фарисеи, сознательные развратители русского юношества, холодные убийцы тысячей умов и способностей, хамы, надругавшиеся над кормящею вас матерью, Родиной! От вас, учинивших такую необъятную подлость, с презрением отвернутся даже те, в чью пользу вы ее совершили. Да падет за это кара небесная на ваши бесчестные головы, если не понесете достойной земной кары!

* * *

Правители наши! Не довольно ли и вам вместо служения интересам Родины, стремиться к недостижимой цели – к удовлетворению алчных аппетитов явно бунтующей ничтожной кучки интеллигентов разных наименований и тайных стремлений всесветных врагов наших добить Россию смутами внутри, в то время, когда они же японскими руками будут бить нас извне? Вам, которым Верховною Властью вручены судьбы России, – вам непростительно не знать истинных нужд страны, которою вы управляете, вам непростительно идти в хвосте движения, возбужденного нашими бесчисленными тайными врагами, подлою частию нашей жидовствующей печати и сбитою ею с толка частью нашего общества, и – позорно не понимать этого.

Пользуясь бесконечною добротой нашего обожаемого Царя и стремясь к популярности среди всех враждебных России элементов, – вы вынуждали у Него одну уступку за другою вместо необходимости проявления сильной власти, пока, наконец, не довели положение страны до нынешнего хаотического состояния. Неужели вы не понимаете, что все настоящее бушевание, все это безумное стремление, и «как можно скорей», к уничтожению Самодержавия и к переходу ко лжепредставительству якобы народному, совершенно не вызывается *народными* потребностями, а возбуждено тайною вражескою агитацией для погибели нашей? Неужели вы не понимаете, что только двумя твердынями — Православием и Самодержавием, покоящимися на незыблемом основании русской народности, – и держится наше необъятное царство, что оно создано именно этими твердынями, что враги России, кто бы они ни были, – от Японии до Англии извне, и все инородцы, от финнов до армян, купно с нашими доморощенными анархистами внутри, – знают, в чем заключается непоколебимая мощь России, и потому-то к разрушению Самодержавия и Православия и направлены все их усилия?

И вот, – не только незрелых юношей, скудоумных, но далеко не ученых профессоров, полуневежественное общество и, паче всего, алчущих популярности и власти над страной, равнодушных к судьбе Отечества, руководителей в печати и общественных учреждениях, – но и вас, главных стражей нашей целости, успела совратить с истинного пути служения Родине искусственно созданная вражеским влиянием ложная потребность немедленного, коренного изменения образа правления!

Неоспоримо, что под влиянием ложно понимаемых потребностей Государства уже давно кормчие нашего государственного корабля сбились с настоящего пути, несмотря на всю его несомненную ясность; что давно пора приняться за оздоровление всего нашего бюрократического аппарата, возвращением его от произвола и беззаконий к строгому подчинению закону и к исполнению долга.

Нет человека в России, к какой бы партии он ни принадлежал, какого бы образа мыслей ни был, который находил бы удовлетворительным настоящее положение, созданное исключительно высшими руководителями внутренней политики, стремящимися подкопаться под главное основание Государства – народ, разрушением его исторически сложившегося быта, – руководителями, создающими массы паразитных должностей и покровительствующими всяким захватам иноземцами русских богатств и всему архилиберальному безумию, – проявляющими намеренную феноменальную бездеятельность во время профессорских и студенческих забастовок и многих других, – своим поведением всячески колебавшими и компрометировавшими авторитет Власти и доведшими Россию до того позорища, которое она теперь представляет собою в глазах всего мира. Но при чем же тут принцип Самодержавия, атакуемый с такою яростию нашими чиновными конституционалистами? Не оно, а уклонение от него создало весь этот хаос, который только свидетельствует о неспособности настоящего состава Царских советников.

И каким образом эти советники, оказавшиеся неспособными сладить с толпой крикунов, с фрондирующею кучкой забывших свое высокое призвание профессоров, с толпой поддавшихся вражеским подстрекательствам рабочих и молодежи, – советники, проглядевшие Гапона[2], допустившие злодейство 4 февраля[3], неспособные охранять верных слуг Государевых от ежедневных убийств и покушений, – каким образом, спрашиваем мы, могут они считаться способными к созиданию нового, совершеннейшего государственного здания? Может ли быть что нелепее этого предположения?

Нет, господа правители, – пощадите наше несчастное Отечество, перестаньте смущать нашего добрейшего, прекраснейшего Монарха, в угоду врагам его, вашими несвоевременными, неуместными и вредными советами о необходимости реформ; не служите проводниками к Престолу враждебных России влияний и уступите ваши места людям, лучше вас понимающим благовременность и уместность

мероприятий, людям, которые не посоветуют Царю: вместо наказания бунтующих рабочих – давать им льготы и поощрения; вместо изгнания с позором негодяев-профессоров, губителей юношества, – узаконять их забастовку и водворять невежество в Государстве; вместо укрепления народной самобытности и самостоятельности, – проектировать их разложение, вопреки ясно выраженной Государевой воле; вместо энергического и немедленного подавления всякого мятежного покушения, – допускать им совершаться безнаказанно и т. д. до бесконечности. Невозможно перечислить всех тех ужасных безобразий, которые мы пережили и переживаем по вашей явной и бесспорной вине и неспособности (не смеем сказать: злонамеренности, хотя на это очень похоже), господа правители!

Опомнитесь же, не толкайте нас в пропасть, помня, что и для вас может прийти час горького возмездия! Не бойтесь: вас не взорвут. Такие как вы – клад для крамольных врагов наших. Но есть Божий суд, а если вы и в него не верите, – то есть суд истории, в которую перейдет на вечный позор память о вашей феноменальной неспособности.

К вам, наконец, Русские люди всех сословий, положений и состояний, обращаемся мы с горячею мольбой: вы, которые действительно любите свое Отечество, не ищите удовлетворения своекорыстных или честолюбивых целей, сомкнитесь дружно для отпора всем беснующимся в погоне за бессмысленными и никому, кроме их самих, ненужными реформами, возвысьте смело свой голос за сохранение наших дорогих исторических начал государственного устройства.

Довольно нам скоморошествовать по западной указке. Пора начать жить своим умом, не справляясь с рецептами, не пригодными даже и для западноевропейского желудка. Много бедствий перенесла наша Родина в старину и, слава Богу, выходила из них без бритья бород, без куцых одеяний и беспробудного пьянства на ассамблеях, и не 200 лет, а много раньше назад начала неудержимо расти и крепнуть на своих родных, оригинальных, русских началах, пока не была спихнута вели-

кою дубинкой со своего исторического пути и начала ковылять в хвосте европейской мысли, что продолжает, к стыду нашему, и теперь, руководимая людьми, присвоившими себе почему-то название передовых, но доказавших свою полнейшую неспособность к самостоятельному мышлению.

Стряхните с себя, Русские люди, это позорное иго; заявите громко и смело, что довольно жить нам по чуждой нам указке, — так громко, чтобы заглушить и свой и чужой враждебный вой, разбудить оцепенелое Правительство, поддержать Власть и раздавить ядовитую гадину крамолы и измены, на какие бы высоты она ни залезла.

И да благословит и пощадит нас Создатель и Бог наш!

11 апреля 1905 г.

———

«Передовые деятели» против России

I

Настоящее умственное состояние правящих и направляющих кругов доказывает, до каких поистине колоссальных размеров может дойти уродливость общественного самосознания, когда оно заложено на неправильном фундаменте, когда создатель его стремился только, – как и ныне, при С. Ю. Витте, – «как можно скорей» перекроить Россию на прельстивший его впечатлительный ум западный образец, – не сообразуясь с тем, насколько пригодны естественные условия нашей исторической жизни для возвращения тех древес европейского просвещения, которые могучая воля первого разрушителя нашего исторического бытия не пересадила с корнями, а срубила и воткнула в нашу совсем неподготовленную для того почву, расчистив ее кнутом и топором для такого губительного эксперимента.

Вот теперь нам и приходится вкушать горькие плоды нашего фальшивого во всех отношениях просвещения, сходя-

щего на нет в последних судорогах до нелепости искаженного всероссийского мыслительного аппарата.

Когда всесветные враги наши увидели, что Россия, несмотря на неправильность основ ее духовного питания, способна все переварить в своем могучем, полном свежих сил, организме, в глубину которого не проникли язвы, привитые лишь верхнему, так сказать наружному, слою; когда наша Родина, несмотря на все препятствия, начала разрастаться, сделалась по силе первоклассною державой, а в ближайшем будущем грозила превратиться в державу внеклассную и, по своей могучести, ни с какою иною несравнимую, – тогда вся Европа, в опасении предвидевшейся Русской мировой гегемонии, начала употреблять все усилия для отдаления этого исторического момента и, если возможно, то и для совершенного разрушения могущества России.

К этой цели неуклонно стремились все государственные деятели всех европейских государств в течение минувшего столетия; нас искусно втравливали в войны, для нас бесполезные; нас унижали на Парижских и судили на Берлинских конгрессах, нас грабили и изводили материально, словом сказать, – не пренебрегали никакими средствами к достижению одной, для всех интересной цели – ослабления России.

Было бы очень странно, если бы при такой усиленной заботе о нашем обессилении вражеская агитация не воспользовалась ненормальным направлением нашего умственного развития и не стала бы обрабатывать нашу общественную мысль в желательном для нее смысле. И действительно, со средины прошлого столетия, тотчас по смене строгого Николаевского режима более мягким Александра II, началось систематическое развращение наших учебных заведений противоправительственною пропагандой посредством прокламаций, произведений Лондонской эмиграции[1] и образованием тайных сообществ с преступными целями ниспровержения существующего государственного строя.

В то же время и печать принялась мало-помалу проводить в общество идеи либерального космополитизма, вытрав-

ляя в нем, по возможности, все слабые остатки национализма и преданности своим историческим заветам. Начались студенческие бунты, польское восстание, политические убийства, ряд покушений на благодушнейшего либеральнейшего царя Александра II, окончившихся катастрофой 1 марта[2], – и в то же время все исполнители этих подлых деяний прославлялись как герои, как передовые бойцы за какую-то мифическую свободу, вызывая к ним сочувствие в неуравновешенных умах общества и молодежи, вместо ужаса и омерзения, которого они в действительности заслуживали.

Что же мудреного, что после такой обработки, продолжавшейся с постоянно увеличивающеюся интенсивностью в течение 50 лет, при крайне низком научном развитии, даваемом нашими, ныне покойными, высшими учебными заведениями, – вся наша интеллигенция окончательно обалдела, потеряла всякую способность к самостоятельному мышлению и правильной оценке преподносимого ей умственного яда, и слепо шла к цели, гибельной для России, но стремление к которой присваивало ей звание либеральной и передовой. Страстное желание заслужить это лестное для ограниченной посредственности звание «передового» и смертельный страх прослыть консерватором, ретроградом, крепостником, вообще отсталым человеком, привлекли в так называемый либеральный лагерь почти все общество и сплошь все петербургское чиновничество.

В семидесятых годах прошлого столетия в Петербурге в розничной продаже нельзя было достать *Московских Ведомостей*[3], читать их считалось позором, а имя их гениального руководителя, М. Н. Каткова[4], подвергалось всяческим поношениям, на какие только способна либеральная несправедливость.

II

Но что же сделали наше либеральное общество, наше либеральное чиновничество, – лакействовавшее пред каждым

радикальным хамом наших земско-революционных очагов, – какие государственные подвиги совершили они, какие новые горизонты государственного развития открыли, чтобы справедливо и с достаточным основанием присваивать себе наименование «передовых»?

Ответ на это один: ровно ничего.

В последних революционных сатурналиях во всех сообществах, старавшихся выказаться одно радикальнее другого, – благо Правительство забыло свою обязанность цыкнуть на расшалившихся не в меру ребят, все эти радикальные ребята обнаружили такое убожество не только государственного, но просто здравого смысла, какое невозможно было предполагать даже при самом скептическом отношении к умственному развитию нашей интеллигенции.

Как попугаи, заучившие с голоса лишь ограниченное количество похожих на человеческие слова звуков, употребляют их часто нелепо и совсем некстати, – так и наши передовые попугаи заучили со слов своих вожаков лишь несколько фраз об «учредительном собрании», «свободно избранных представителях», «свободе совести и печати», о «неприкосновенности личности», – и выкрикивали их при всяком неудобном случае, на позорище перед всею Европой, конечно, до смерти радовавшейся тому, как низко пал в России уровень общественного самосознания, и своим ироническим одобрением, принимаемом нашими либеральными несмышленышами всерьез поощрявшую нашу полуграмотную интеллигенцию. Но ведь все эти соблазнительные и красивые слова не составляют открытия «передовых» вожаков нашей легальной и нелегальной революции: уже второе столетие, как они повторяются во всех либеральных катехизисах, но человечество еще ровно ничего не выиграло от этого повторения.

Поразительное отсутствие способности к какому бы то ни было государственному творчеству у нашей реформаторской партии с особенною яркостью проявилось во всех слоях, наперегонки бросившихся на сломку старой России и на замену ее исторических учреждений западноевропейскою отбраковкой.

Ни одной новой мысли, ни одной оригинальной государственной идеи, приспособленной к особенностям нашего народного характера и требованиям местной жизни, не мог вымучить из себя весь синклит реформаторов, начиная с действительных тайных крамольников и кончая съездами коновалов.

В самом деле: главный руководитель Правительства в государственной реформации крестьянского быта обнаружил полнейшее незнание условий народной жизни и ее потребностей, и в своей *Записке* по этому предмету только пережевал сентиментальные мечтания Редакционных Комиссий[5] эпохи освобождения, от которых теперь отказались бы и их авторы, так как они были несомненно людьми умными.

Все коноводы земско-думские в своих записках и словесных прениях обнаружили совершенное непонимание вопросов государственного значения, постоянно смешивая идею Самодержавия с бюрократически-полицейским режимом и противопоставляя этому последнему свое излюбленное народное представительство, прямее сказать: конституцию, забывая, что никакая конституция не обойдется без бюрократии и полиции, и что эти исполнительные органы могут быть хороши или дурны вне всякого соотношения с принципом правления.

Наконец, в самое последнее время 22 губернских предводителя, объявив себя сторонниками Самодержавия (слава Богу!) и возвестив непримиримую войну конституционалистам, в то же время пристегивают к Самодержавию народное представительство, наделяя его такими обширными полномочиями, каких не дает иная конституция, и при которых бедному Самодержавию, так оригинально понимаемому предводителями, придется съежиться в самый скромный уголок своей горностаевой мантии, представив львиную часть ее его настоящему величеству – народному представительству. Очевидно, что гг. предводители пытались совместить несовместимое: и поборниками Самодержавия себя заявить, и от высокого титула «передовых» не быть отрешенными, но в результате вышла одна… несообразность.

Где же творчество всей этой бушующей мути? В чем оно выразилось, чтоб она имела право присвоить себе кличку «передовых деятелей», преследующих опошленный всеми этими «коротенькими» «правопорядок», «закономерность»? Неужели же это постоянное пережевывание революционной трухи, без малейшего проблеска самостоятельного творчества, – эта безнадежная неспособность к анализу и критике лже-истин, взятых напрокат из революционных учебников – это положительное убожество знаний и мыслей, – дают право на диплом «передового»?

Правда, – не припомню, кто первый: адвокаты или профессора – изобрели небывалую новинку, объявив, что они не могут по «взволнованности» исполнять своих обязанностей, и вслед за ними стая наших общественных попугаев начала твердить «взволнованность» и под ее влиянием постановлять невообразимые глупости, над которыми можно было бы хохотать до колик, если бы Правительство не приняло всерьез этих диких завываний, не опешило пред их наглостью и не сочло это за нечто угрожающее, чему надо оказать внимание, – тогда как это было просто озорство сытой на счет народа утробы, уверенной в безнаказанности. Но ведь это уж не ахти какой порох!

Убожество творчества наших «передовых» обнаружилось даже в такой мелочи, как революционный гимн. Они и этого не могли создать, а взяли напрокат старушку *Марсельезу*[6], так часто уже парадировавшую под ручку с нашим национальным гимном!

Итак: почему же они – «передовые»? А между тем этот лестный титул привлекает к себе многих равнодушных, не сведущих, не самостоятельно мыслящих, словом, всех, кто воспитан в страхе прослыть «отсталым», – а к таковым принадлежат все не сочувствующие политическим злодеяниям, чтущие свои родные исторические заветы, стремящиеся к охранению нашей народной самобытности и борющиеся против космополитического обезличения, одним словом, чтущие то, к чему стремятся все уважающие себя и имею-

щие будущность народы, начиная от англичан до японцев включительно.

Кто же истинно «передовой»? Не пора ли изменить номенклатуру, которая шулерски соблазняет и обманывает незрелые умы и завлекает их показною фальшивою мишурой в ряды злейших врагов России. Пусть они, эти «передовые», снимут маски и покажутся во всей отвратительной наготе своей зверской и честолюбивой алчности, – и тогда с ужасом, стыдом и горьким сожалением о своих невольных преступлениях против Родины отшатнется от них и большая часть обманываемого общества, и вся наша несчастная, сбитая с толку и никем не поддерживаемая молодежь.

23 апреля 1905 г.

———

О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя

Рескриптом 18 февраля на имя г. Министра внутренних дел ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было привлечь к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей.

Очевидно, что эта мера, могущая иметь огромное влияние на всю будущность Государства, как раньше сего и Указ 12-го декабря 1904 года[1], вызвана несомненным желанием Верховной Власти дать удовлетворение тем желаниям и требованиям, которые так шумно и настойчиво раздавались в большинстве печатных органов известного направления, в губернских земских и частью дворянских собраниях, городских думах и в сборищах так называемой интеллигенции, с участием даже правительственных чиновников, и в тайной пропаганде среди рабочих и учащейся молодежи, имевшей такие прискорбные последствия, но которым весь остальной русский народ оставался совершенно чужд и непричастен. Наиболее спокойная и

благоразумная часть общества напрасно указывала, что при настоящих затруднительных внешних обстоятельствах и войне, требующей напряжения всех сил Государства и внимания его правителей, несвоевременно предпринимать коренную ломку всего существующего строя для замены его другим, не имеющим за собою несомненности улучшения, и по своей новизне и неиспытанности не обещающим действовать сразу стройно и безошибочно, а потому могущим привести Россию к роковым последствиям.

Нельзя отрицать того неоспоримого для лиц всяких взглядов и направлений факта, что существующий правительственный механизм действует до крайности неудовлетворительно и требует коренного исправления, но отсюда еще не вытекает заключение о необходимости перемены самой системы правления, как того требуют мятущиеся слои общественной и даже государственной бюрократии, возбуждаемые известного пошиба печатью, ищущей дешевой популярности среди полуграмотной толпы, не способной к самостоятельному мышлению.

Наблюдаемое в настоящее время расстройство во всех частях государственного правительственного организма, в основе которого положен принцип Самодержавия, происходит вовсе не от того, что этот принцип пережил свой век и непригоден при настоящем состоянии общественного развития, и потому, по утверждению реформаторов, должен быть заменен принципом народного представительства; расстройство это происходит, во-первых, от бездействия власти, проявлявшегося в течение долгого периода времени и достигшего в настоящем до размеров, невозможных ни при каком образе правления без его окончательного крушения; во-вторых, от несоблюдения законов Государства, нарушаемых всеми, начиная от высших сановников и кончая самым мелким деятелем общественных учреждений, и, в-третьих, от полнейшей безнаказанности всех этих нарушителей.

Но и при таком плачевном состоянии правительственного аппарата, тайным врагам России едва ли удалось бы пожи-

нать теперь такие обильные плоды посеянной смуты, если бы в руководящих сферах печати и общества было развито чувство патриотизма, которое заставило бы отказаться хоть на тяжелое военное время от преследования партийных интересов, а среди бюрократии существовало бы чувство долга и совести.

К сожалению, события последнего времени ясно доказали полное отсутствие как того, так и другого, вот почему тайная работа врагов наших, найдя такую благодарную почву и не встречая ниоткуда ни малейшего противодействия, так успешно обработала общественную мысль, начиная с высших представителей бюрократии и кончая гимназистами.

Когда после злодейского убийства Плеве[2] вступил в должность князь Святополк-Мирский[3] и неосторожно вздумал довериться худшим и опаснейшим разрушительным элементам в лице политиканствующих земцев, явно стремящихся к разрушению существующего строя России вообще, а Самодержавия в особенности, то тем сразу прорвал плотину, до того времени еще сдерживавшую в известных пределах приличия противоправительственную агитацию, которая и полилась широким руслом, захватывая при неустанной, энергичной работе подпольной крамолы все новые и новые общественные слои – дворянские, торговые, учебные и, наконец, рабочие, как в столицах, так и в провинции.

Лишь народ среди всей этой безобразной и позорной вакханалии оставался совершенно спокойным, не требуя никаких перемен, что ясно доказывает всю искусственность и фальшь настоящего движения, имеющего целью якобы народное благо, а в действительности лишь алчное стремление к власти честолюбивых его вожаков.

Если бы Правительство так бы и поняло это брожение умов, сознало бы, что оно не имеет ни малейших корней и сочувствия в огромной массе населения, то ему было бы очень легко потушить вспыхнувшую смуту в самом ее зародыше твердыми и благоразумными мерами и бдительным надзором.

Но, к сожалению, оно оказалось или недостаточно осведомленным, или же находилось само под влиянием лиц,

стремившихся во что бы то ни стало к капитальной ломке существующего строя, но только начавшимся против него выходкам со стороны лиц и учреждений, к делу благоустройства Государства не призванных, Правительство не оказало ни малейшего противодействия; напротив того, оно как будто вовсе перестало существовать и дозволило совершенно свободно изливаться разбушевавшимся страстям реформаторов, кричавших тем громче, чем податливее становилось Правительство. Наконец, появился Указ 12 декабря, обещавший выполнить полную программу земских революционеров, до пресловутой мелкой земской единицы включительно.

Если бы причина смуты лежала в нашем государственном неустройстве, то появление этого указа должно было бы вполне успокоить умы, по крайней мере, на время, потребное на совершение ряда коренных реформ, им возвещенных; но так как неудовлетворительность государственного положения была только предлогом для смуты, то она, увидя в этом акте Правительства его слабость и готовность к уступкам, повела себя еще наглее, и мы стали свидетелями событий, немыслимых и недопустимых ни в каком благоустроенном государстве, ни при каком правительстве, ни при каких наисвободнейших учреждениях страны. Начались никогда раньше у нас не имевшие места политические банкеты с произнесением речей самого крайнего и нелепого содержания, с составлением таких же резолюций; земские, городские и дворянские собрания, вопреки твердо заявленному намерению Верховной Власти произвести все реформы при непременном сохранении основных законов Империи, начали посылать адресы с требованием участия народных представителей в законодательстве, начались по подстрекательству злоумышленных людей бесчисленные забастовки рабочих, железнодорожных служащих, не объяснимые экономическими причинами, и, как венец и высшая степень происходящего безобразия, началась под руководством забывших долг, присягу, честь и совесть профессоров позорнейшая из забастовок – забастовка всех высших учебных заведений страны.

При таком положении, казалось, простой здравый смысл должен был бы указать правителям, что, располагая сильным и преданным ему войском и имея на своей стороне буквально весь стомиллионный народ, за исключением кучки озорной интеллигенции и нескольких тысяч сбитых с толку рабочих и мальчиков, им следовало немедленно усмирить всех нарушителей спокойствия и нормального хода общественной жизни и строго наказать всех смутьянов, кто бы они ни были, и тем сильнее, чем выше их общественное положение.

Но ничего подобного Правительство не сделало. Виднейший и влиятельнейший представитель его, председатель комитета министров[4], спешил в это время провести реформу крестьянского быта, возбужденную без всякой существенной надобности, и притом такую, которая при своем осуществлении грозила полнейшим расстройством издавна установившегося крестьянского быта; вела, вопреки Высочайшей воле, к уничтожению общины и сословной обособленности крестьян.

Министерство Внутренних Дел, за исключением нескольких предостережений, данных наиболее расходившимся органам печати, не проявило ни малейшего противодействия беззаконным сборищам и преступным подстрекательствам рабочих, плодом которых явилось позорное и трагическое происшествие 9 января[5].

Министерство Народного Просвещения как будто совсем прекратило свое существование, и во время студенческих волнений, возбужденных преступными и беззаконными поступками их профессоров, окончившихся по подстрекательству сих последних позорнейшей и бессмысленнейшей забастовкой учения, – ни единым звуком не проявило ни своей деятельности, ни даже своего существования, дав таким образом враждебным Государству элементам полный простор для политического развращения нашего юношества и не оказав никакой помощи и защиты его благоразумной части, не желавшей следовать за бунтующими профессорами и за совращенными ими товарищами.

Разразилась ужаснейшая злодейская выходка крамолы 4-го февраля, жертвой которой пал один из достойнейших представителей Царского Дома – Великий Князь Сергий Александрович[6]. Верная часть общества надеялась, что Правительство проснется наконец от грома этой ужасной бомбы, выйдет из своего оцепенения и сознает, хотя бы по инстинкту самозащиты, всю ошибочность своего поведения и непригодность уступчивости там, где она никого не удовлетворяет и не умиротворяет и возбуждает лишь жажду новых требований. Но и пролитая невинная кровь одного из виднейших представителей царской Семьи не заставила Правительство изменить гибельное для России направление его внутренней политики, несмотря на то, что опыт приложения решительных мер к прекращению забастовочного движения на железных дорогах доказал всю их действительность, в немного дней прекратив стачки служащих на всем протяжении Империи, как только объявлено было военное положение. Совершенно такой же эффект произвели бы решительные меры, приложенные и ко всем остальным проявлениям беспорядков, вытекавших не из насущной нужды Государства или различных групп населения, а из тайных подстрекательств врагов внутренних и внешних и их сознательных или несознательных пособников, наполняющих правительственную и общественную бюрократию и большую часть органов печати, руководимой всегда нам враждебным еврейством.

Все многочисленные попытки Правительства умиротворить смуту удовлетворением желаний так называемого общественного мнения кончились полнейшею неудачею; каждая уступка Правительства сопровождалась новыми, все более и более дерзкими выходками тайной и явной крамолы, и в самый день появления Рескрипта 18 февраля Московское «императорское» Общество Сельского Хозяйства выступило с прокламацией самого яркого противоправительственного содержания, начиная с осуждения сопротивления рабочему бунту 9 января и кончая требованием немедленного созыва учредительного собрания; рабочие волнения продолжаются,

а в Курске собрание родителей и педагогов по предложению священника вотирует отмену посещения гимназистами церкви и чтения классной молитвы и предоставления гимназического зала для обсуждения гимназистами их нужд. А Правительство продолжает молчать и допускает до воспитания детей таких педагогов, таких священников, и не противится их развращающему влиянию.

Почему же Правительство, несмотря на очевидное старание угодить всем требованиям так называемой либеральной партии, несмотря на предоставленную всем разрушительным элементам полную свободу выражать и в печати и словесно в публичных собраниях какие угодно идеи и проводить самые крайние взгляды по вопросам государственного устройства, все-таки не успело склонить на свою сторону сторонников государственной реформы? Ответ на это ясен: потому что Верховная Власть, идя навстречу всем требованиям либералов, если можно этим именем назвать мутящую спокойствие нашей страны партию, составляющуюся преимущественно из беспочвенной интеллигенции, политиканствующих за отсутствием серьезного дела земцев, из лиц разных свободных профессий с преобладающим влиянием еврейского элемента, к которым в последнее время примкнули, к величайшему прискорбию, молодые представители торгово-промышленного купечества, – вместе с тем упорно отстаивала незыблемость основных законов Империи, то есть давала все, что угодно, но только на почве сохранения Самодержавия. Между тем, вся цель агитации, ведомой вышеназванной группой лиц явно, а крамолой врагов наших тайно, именно и заключается в устранении Самодержавия и замене его представительным образом правления. Ни на какой компромисс в этом вопросе они не согласятся; одни потому, что это противоречит их честолюбивым стремлениям захватить власть, в качестве народных представителей, в свои руки, а другие потому, что их конечное стремление заключается в разрушении России, которое, как они справедливо ожидают, должно непременно последовать при разрушении Самодержавия, составляющего главный, если

не единственный устой существования России как таковой; но если бы Самодержавие вело Россию к гибели, то наши многочисленные враги были бы первыми его сторонниками.

Да и может ли быть какой-нибудь компромисс между Самодержавием и Представительством? Эти две правительственные идеи прямо противоположны и одна другую вполне исключает.

Самодержавие есть сосредоточение народной воли в одном лице, все интересы которого неразрывно и органически связаны с интересами подчиненного ему народа и Государства; в нем, как в фокусе, отражаются все переживаемые страною радости и горе, успехи и неудачи, нужды и благосостояние. Такое единение интересов Царя и народа делает присущим Самодержавию высшее и необходимейшее качество всякого правления: беспристрастие и справедливость. Примкнуть к самодержавию выборных представителей народа с решающим голосом нельзя, не уничтожив принципа Самодержавия, придача же к нему особым законодательным актом постоянных народных представителей лишь с совещательным голосом наверное никого не удовлетворит, да и излишня потому, что Самодержец волен и без того приглашать всех, кого, как и когда заблагорассудит, к государственной работе. Вместе с тем проектируемое Рескриптом 18 февраля привлечение выборных от народа людей к законодательным работам опасно и тем, что может быть объясняемо, и, наверное, объясняется лицами известного направления как первый шаг отречения от Самодержавия, несмотря на последовавший 18 февраля Манифест, его подтверждающий[7].

Таким образом, Рескрипт 18 февраля едва ли поведет к умиротворению волнующихся умов: для части общества и всего народа, остающихся верными Самодержавию, акт этот излишен, а группу лиц, стремящихся к коренной перемене системы правления, он не удовлетворит, потому что конечная цель их – уничтожение Самодержавия и учреждение конституционного или представительного правления. Это доказывается содержанием многочисленных адресов от общественных учрежде-

ний, в которых тщательно избегалось даже самое упоминание слова «Самодержавие», а иногда и верноподданничества, а еще более из прений по поводу этих адресов, причем, однако, «Самодержавие» заменилось выражением «бюрократически-полицейский режим», коему противопоставлялся «закономерный, правовой порядок», который будто бы составляет неотъемлемое свойство правления при участии в законодательстве свободно избранных представителей народа.

Смешение совершенно разнородных понятий Самодержавия с бюрократически-полицейским режимом делалось или умышленно, чтобы скомпрометировать первое; если же искренно, то доказывает, что лица, отождествляющие эти понятия, не имеют ясного о них представления. Противопоставлять и сравнивать можно лишь предметы и понятия однородные. Так, можно сравнивать Самодержавие с Представительством как два принципа, полагающиеся в основу правления; но бюрократически-полицейский режим есть не более, как орудие, и притом неизбежное, которым пользуется для осуществления своих предначертаний всякое правительство: и представительное и автократическое, и нет такого Государства, которое не пользовалось бы бюрократически-полицейским аппаратом за неимением никаких других способов управления. Этот аппарат может прекрасно действовать и в самодержавном государстве, и плохо в конституционном или республике, совершенно независимо от руководящей идеи, положенной в основу правления.

Неоспоримо, что в России бюрократически-полицейский аппарат действует весьма неудовлетворительно, и именно его крайнее расстройство привело страну в настоящее смутное положение, способствовало массе политических преступлений и вконец расстроило все отрасли государственной жизни.

Виновником всех наших неустройств является, таким образом, не образ правления, не принцип, положенный во главу угла, не Самодержавие, а исполнительный инструмент в лице нашего государственного и, кстати сказать, и общественного чиновничества. Исправится ли положение дела от перемены

идеи самодержавия, пустившей глубочайшие корни в народном сознании, идеей представительства, основанной на ложном понятии о непременной справедливости большинства, так сказать на счетоводственной правде? Позволительно сильно в этом сомневаться, и, кроме того, едва ли это возможно без сильного потрясения, а может быть, и совершенного разрушения доселе столь прочного организма Империи, именно благодаря Самодержавию, связующему как крепчайшим цементом все многоразличные ее части. Наконец, имеет ли право сама Верховная Власть отказаться от Самодержавия, не составляющего личного приобретения ее или ее предков, но порученного народною волею основателю ныне царствующей династии? При таких условиях Самодержец может отказаться от своих прав только по желанию народа, но народ этого не требует и не желает, а та кучка земских и разночинных демагогов, которая ратует против самодержавия, ни в каком случае не может быть принята за выразительницу народных нужд и желаний; она идет походом против существующего порядка, отчасти в своекорыстном чаянии захватить власть в свои руки, отчасти под влиянием враждебных против России элементов, как внутренних, так и внешних, число которых, к величайшему прискорбию, очень значительно.

Таким образом, сохранение Самодержавия является жизненным вопросом для России, и вот почему Манифест 18 февраля искренно порадовал всех истинно русских людей, бескорыстно любящих свою Родину, и поверг в смущение противников Самодержавия и, наоборот, Рескрипт 18 февраля заставил биться опасением за дальнейшую судьбу нашего Отечества сердца приверженцев Самодержавия, и возбудил ликование и преувеличенные, может быть, надежды в среде противников.

Но не подлежит ни малейшему сомнению, что все административные аппараты, как государственные, так и общественные, находятся в крайне неудовлетворительном состоянии и требуют капитального исправления и даже переработки. Жестокая ошибка правительства за последнее время заключалась в том, что оно причины всеобщей расшатанности припи-

сало, под влиянием земской и печатной пропаганды, а также и своих зараженных конституционными вожделениями членов, несовершенству действующих законоположений, тогда как истинная, несомненная и, можно сказать, единственная причина всех наших непорядков заключается в нарушении и неисполнении существующих законов всем административным персоналом, начиная с высших его представителей, чуть ли не ежедневно нарушающих своевольно основные законы Империи, не требующих и не наблюдающих за законностью действий второстепенных и мелких агентов правительства, которые, в свою очередь, безнаказанно не исполняют лежащих на них обязанностей.

Мы далеки от мысли, что законы наши совершенны и не требуют исправлений и улучшений, но никакие реформы, в особенности не вызываемые жизненными потребностями населения, а проектируемые из ошибочного представления о народных нуждах, не внесут ни порядка, ни успокоения в общественную жизнь, если первее всего не будет приведен в полнейшую исправность наш испорченный бюрократически-полицейский режим.

Главнейший и наиболее распространенный недостаток нашей административной машины заключается в том, что органы ее, как высшие, так и низшие, не только имеют противоправительственные взгляды и убеждения, не только позволяют себе выражать их открыто в беседах и печати, но и проводить в жизнь, пользуясь своим официальным положением. Такое отношение к правительству его агентов немыслимо ни в каком благоустроенном государстве, как бы ни была широка свобода его учреждений. Яркие примеры того, с какой ревнивой беспощадностью блюдут даже республиканские правители руководящие ими в данное время идеи, представляют С[еверная] Америка и Франция – передовые представительницы свободных учреждений, из которых в первой с переменой правящей партии меняются поголовно все правительственные агенты, а вторая не терпит ни малейшего противоречия господствующей в данное время государственной мысли и беспощадно изгоня-

ет все, ей противоречащее (конгрегации, националисты, монархисты и т. д.). Между тем, в числе личного состава нашего Правительства, в особенности центральных его представителей, не только встречаются, но, можно с уверенностью сказать, преобладают конституционалисты, республиканцы, даже, может быть, анархисты, при весьма небольшом и невлиятельном числе сторонников исконных русских начал.

Причины такой несообразности лежат в общем нездоровом направлении общественной мысли, развращаемой печатью, большею частью антинационального направления, склонностью всякого человека вообще, а русского в особенности, к угодливости преобладающему направлению, к исканию популярности среди полуневежественной толпы.

Но главная причина лежит в попустительстве всех, кому следовало бы блюсти интересы страны и олицетворяющего ее правительства. Могут возразить, что нельзя человека заставить думать несогласно с его убеждениями потому только, что он чиновник. Совершенно справедливо, но такому человеку не должно быть места среди правительственных агентов, и если он не хочет и не может подчинить свои личные взгляды правительственным, он должен избрать себе и независимый род деятельности для свободного их выражения в границах общественного спокойствия и безопасности.

Таким образом, искоренение противоправительственного направления среди своих агентов должно составлять первейшую и наиболее неотложную задачу Правительства.

Немалую язву нашего правительственного аппарата составляет несоблюдение или обход существующих законов, практикуемые во всех слоях администрации, но наиболее вредными для Государства, конечно, являются те, которые совершаются высшими сановниками, злоупотребляющими возможностью проводить важнейшие мероприятия посредством всеподданнейших докладов, помимо Государственного Совета.

Несомненно, что могут встретиться исключительные обстоятельства, вынуждающие немедленное принятие какой-

нибудь экстренной меры, но такие случаи должны быть редким исключением, когда нет никакой возможности, по спешности дела, провести законопроект установленным порядком через Государственный Совет. Да и в таком случае предлагаемая министрам мера должна быть разрешаема лишь временно, на строго определенный срок, по истечении которого она или должна быть отменена. или должна получить окончательную санкцию Верховной Власти, пройдя через Государственный Совет и только в этом случае войти в число органических законов страны. Теперь же чрезвычайный и исключительный путь проведения законопроектов посредством всеподданнейших докладов стал явлением совершенно заурядным, и таким образом гг. министры обходят критику их предположений высшим правительственным учреждениям Империи, парализуя тем его важное государственное значение.

Но этого мало, бывает и так, что мероприятие, вносимое министром в Государственный Совет, и им отвергнутое, испрашивается к осуществлению всеподданнейшим докладом, и в этом случае уже прямо умаляется и компрометируется значение Совета, а Верховная Власть вводится в заблуждение.

Было бы желательно, чтобы авторитетный голос Государственного Совета, этого ближайшего и необходимейшего помощника Верховной Власти, не обходился министрами по их произволу, а получил бы вновь подобающее ему значение и чтобы учреждение это совершенствовалось и развивалось сообразно многосложным требованиям государственной жизни.

Наряду с Государственным Советом следовало бы восстановить и значение Сената как учреждения, призванного быть блюстителем законности в Государстве. В настоящее время деятельность Сената почти вся исчерпывается кассационным рассмотрением судебных дел и опубликованием новых законов, деятельность же его как блюстителя законности почти ничем не выражается и совсем не ощутительна, а между тем, в этом заключается его главный смысл и назначение. Сенат должен иметь дискреционную власть по привлечению к ответственности по собственной инициативе и, в крупных случа-

ях, с разрешения Верховной Власти, всех государственных и общественных деятелей за несоблюдение существующих законов, как бы ни было высоко их положение, то есть до министров включительно, причем звание сенатора не должно быть только номинальным, а каждый сенатор должен и заниматься сенатскими, а не иными делами, несовместимыми с этим высоким званием.

Нисходя затем по иерархической лестнице к низшим степеням государственной и общественной деятельности, следует и от всех второстепенных лиц и учреждений требовать строгой ответственности и иметь постоянный и действительный контроль над ними, пресекая всякое беззаконие и злоупотребление в самом его начале.

Немаловажный недостаток нашей администрации государственной и общественной заключается в непомерном обилии должностей и даже целых учреждений, совершенно излишних, стоящих Государству очень дорого, и за неимением прямого, серьезного и производительного для страны дела, деморализующихся в политиканстве и бесплодных и бесполезных для народа затеях. К таким должностям принадлежат, например, должности податных инспекторов, старших фабричных инспекторов – по Министерству Финансов, инспекторов земледелия, агрономов и др. – по Министерству Земледелия, которое и само-то в 10-летний период своего существования никакой ощутительной пользы стране не принесло. Из учреждений общественных надо признать не только бесполезным, но и в высшей степени для настоящего земского дела вредным учреждение Губернских Земских Собраний и Управ, с их огромными штатами бесполезных для населения служащих, парализующих все более и более деятельность Уездных Земств помощью бесконтрольного и безапелляционного взимания с них дани, для затей, ничего общего с пользою народной не имеющих. Вся ненужность, искусственность и бездеятельность Губернских Земств была ярко раскрыта прекрасной и крайне обстоятельной ревизией бывшего товарища Министра Внутренних Дел Зиновьева[8],

оставшейся, к сожалению, без последствий и пользы пропавшим, но полезным и серьезным трудом.

Уничтожение всех таких паразитных должностей принесет огромную пользу Государству как в экономическом отношении, освободив значительные средства для производительных затрат, так и еще большую в нравственном, освободив массу людей из развращающего положения дармоедов народного достояния.

Одно из самых больных мест нашего государственного организма составляет часть учебная. Крамола и враги наши, добивающиеся окончательного разложения России, уже давно обратили свои старания к развращению нашего юношества как в нравственном, так и в политическом отношении и, не встречая противодействия со стороны воспитателей и наставников, большею частью зараженных противогосударственными идеями, успешно привили ему все язвы, губительно подтачивающие молодые умы и делающие их неспособными к восприятию здравых понятий об их обязанностях к себе самим, Государству и обществу. Более 40 лет уже совершается это развращение, и результаты его поистине ужасны. Они с особенною яркостью выразились при настоящих печальных обстоятельствах. Общество наше, обработанное тайной и явной пропагандой разрушительных идей, оказалось лишенным не только любви к Родине, к ее исторически сложившейся жизни и учреждениям, но даже инстинкта самозащиты при грозящей опасности, присущего всякому животному. Псы, принадлежащие к одному двору, и те прекращают свои домашние ссоры и дружно бросаются на появившегося врага; наше общество оказалось в этом отношении ниже собачьего. Оно не только не сумело откинуть, хотя бы на время ужасной войны, составляющей для нашей Родины вопрос «быть или не быть», свои вожделения, подсказанные ему вражескими наветами, но именно при таких критических обстоятельствах и сочло благовременным налечь на ослабевшее правительство, терроризируя его и своими до наглости настойчивыми, неуместными и ненужными

для страны требованиями, бунтуя народ и, наконец, прекратив все высшее образование в стране. Лютейший враг России не мог поступить с нею так, как поступила профессорская коллегия, которая, вопреки своей священной обязанности охранять вверенное ей юношество от всякого дурного влияния, мешающего их просвещению, шла во главе позорнейшей учебной забастовки, и, что всего невероятнее, совершила это преступление безнаказанно, погубив, может быть, навсегда для Отечества не одну тысячу молодых людей.

Эти прискорбные факты ясно доказывают, что дело воспитания и образования юношества, по крайней мере, высшего, у нас совершенно разрушено до основания. Над разрушением этим трудились дружно и враги, и крамола, и наши собственные государственные деятели всех рангов и положений, потакая и потворствуя всем дурным страстям юношества из недостойного стремления к популярности между молодежью преимущественно, а частию и вследствие своих личных антиправительственных убеждений. Гг. студенты всех наименований, а университетские в особенности, уже давно перестали заниматься наукой, а, между тем, испытательные комиссии пропускают сотни безграмотных дипломированных невежд, неспособных ни к практической деятельности, ни к умственной, не обладающих умом, способным к самостоятельному логическому мышлению, но исполненных крайнего самомнения благодаря вооружению ложным аттестатом.

Немного лет тому назад бывший министр юстиции Муравьев[9] публично засвидетельствовал, что половина поступающих на службу кандидатов прав безграмотна. Значительный упадок образования замечается и в большинстве специальных и технических учебных заведений, и вследствие потери времени на политиканство, и вследствие слабой степени требовательности со стороны обучающих. Как на самый современный и при настоящих обстоятельствах самый прискорбный пример низкого уровня познаний, приобретаемых молодыми людьми в этих заведениях, можно указать на Морской корпус; достаточно будет осведомиться у адмирала

Рожественского[10] – он теперь прекрасно знает, насколько подготовлены наши моряки к своему делу.

Наши начальные училища, давая учащимся очень незначительный запас знаний, совершенно не развивают в детях ни чувства долга, ни дисциплины, ни уменья владеть собою, ни сознания своих обязанностей, ни любви к Родине, отличаясь в особенности этим последним качеством от школ всего мира. Было бы несправедливо в таком ненормальном положении школы винить лишь непосредственно соприкасающийся с учащимися учительский персонал, хоть и он почти сплошь заражен тлетворным антинациональным и противоправительственным направлением. Главным виновником и ответчиком за такое гибельное состояние учебного и воспитательного дела является, конечно, центральное управление – министерство народного просвещения, которое обязано было давать тон и направление всей учебной деятельности Государства и не допускать в них ни малейшей фальши. Трудно перечислить весь вред, нанесенный агентами и учреждениями министерства нашей русской школе. У преподающих были отняты все способы воздействия на нерадивых и шалунов; строгость – другими словами неуклонное и настойчивое требование исполнения учащимся его обязанностей, – была совсем изгнана из употребления; как меры воздействия были преподаны (московский училищный совет) разных степеней выговоры и исключение, то есть самое недействительное для неразвитого ума и самое жестокое и бессмысленное средство без всяких промежуточных, наиболее действительных взысканий; при обсуждении преподавания пения училищные советы высказывались за вредное влияние на здоровье учеников изучения церковного хорового пения и за его посему устранение из певческой учебной программы; священники (Курск) находят излишним заставлять детей посещать церковь; в Тифлисе школьники забивают до смерти законоучителя («День», 26 февраля) за то, что он не угодил им своим преподаванием, и т. д. Одним словом, в угождении модным веяниям, внушаемым, разумеется, теми же старателями разрушения, русская школа доведена

до самого хаотического состояния. Да и можно ли ожидать чего-нибудь иного от министерства и коллегии, коим вручены судьбы русского юношества, а следовательно, и все будущее России, члены которой выступают поборниками разрушения русского языка (профессор Брандт и Академия Наук)? Можно ли ожидать успехов просвещения в стране, в которой могут появляться для назидания будущих поколений такие нарочито тенденциозные ученые труды, как словарь Эфрона и Брокгауза[11], цель которого заключается в возвеличении и увековечении всякой бездарной посредственности либерального и антирусского направления и в умолчании или умалении значения гениальнейших творческих имен, составляющих нашу истинную и законную гордость.

Для исправления вконец испорченного дела народного воспитания и образования потребуется, может быть, очень долгое время и очень тяжелая борьба с гибельным направлением настоящего, борьба, которая может окончиться успешно только при пособии самого общества и бдительнейшем надзоре правительства; но чем раньше будет приступлено к этой трудной и ответственной работе, тем скорее можно ожидать успеха от появления в жизнь новых деятелей, воспитанных в любви к Родине и уважении к ее установлениям, в сознании своего гражданского и патриотического долга и в приверженности своей родной Церкви.

Как немецкая школа вырабатывает прежде всего из школьника немца, французская – француза и т. д., так и русская школа должна прежде всего вырабатывать русского человека, а уже потом сторонника того или другого образа мыслей, тогда только Россия будет действительно сильна и в ней не будут возможны такие позорные явления, которые нам суждено переживать ныне.

Не в меньшем расстройстве находится и удовлетворение религиозно-духовных потребностей населения. Язвы разложения, как это ясно доказывается явлениями последнего времени, глубоко проникли и в область Церкви, начиная с высших представителей церковной иерархии и кончая семинаристами.

Нужны ли доказательства при неоспоримой очевидности фактов и наличности деяний, возможность которых еще очень недавно нельзя было себе представить. Высший петербургский клир, соблазненный примером светских правителей, пустился в легкомысленное реформаторское политиканство, признанное неуместным и несвоевременным с высоты трона; епископы начали сотрудничать в наиболее противоправительственных и атеистических органах (Исидор Балахнинский в «Русских Ведомостях»[12]), полемизируя с охранительною и православною печатью; состав низшего духовенства, соприкасающегося непосредственно с народом, потеряв прежнюю простоту существования, не только не повысился в степени своего духовного и интеллектуального развития, но значительно понизился, и по своим новым привычкам и требованиям все более и более отдаляется от тесной связи, существовавшей еще так недавно, с прихожанами. Много семинарий закрыто вследствие беспорядков, проявившихся несомненно под влиянием тех же враждебных элементов, которые уничтожили в России и светское образование. А между тем потребность религиозного удовлетворения еще очень велика в русском народе, и Церковь имеет огромное влияние на его жизнь и духовное настроение. Зная это могущественное влияние Церкви, разрушители наши употребляют все старания к его уничтожению и, к прискорбию всех верных православию, достигли уже, при отсутствии всякого противодействия свыше, устрашающих результатов. Пропаганда, не только тайная, но и явная, всякого неверия и безбожия усиливается с каждым днем, просачивается и в народ посредством соприкасающегося с ним так называемого интеллигентного слоя в виде многочисленных земских агентов – преимущественно учителей сельских школ, а также статистиков и иных, а между тем число достойных сельских пастырей все редеет. Встретить теперь среди сельского духовенства священника с надлежащим образовательным цензом, то есть богослова, – большая редкость. По большей части это батюшки, прошедшие 2-3 семинарских класса и по не успешности оставившие учение для диаконского служения и посвященные

впоследствии в священнический сан. Возможна ли таким мало развитым и мало знающим приходским руководителям успешная борьба с хитрым и злобным врагом, не брезгующим никакими средствами для достижения цели? Но положение Церкви еще хуже: зачастую и этого невысокого качества контингента не хватает для замещения приходских вакансий, и тогда в такие опустелые приходы командируются иеромонахи, по большей части из крестьян и мещан, не получившие уже ровно никакого ни богословского, ни иного образования и совершенно чуждые населению и его духовным интересам.

Причины такого недостатка в достойных для звания приходских настоятелей лицах многоразличны, а главнейшая заключается в том, что семинарист, окончивший успешно полный курс, имеющий возможность продолжать учение, стремится в университет преимущественно на факультеты юридический и медицинский, дающие наибольшие надежды на приобретение материального благосостояния при весьма неутомительном труде, тогда как положение приходского сельского священника обставлено в материальном отношении довольно ограниченно, а в отношении обязанностей очень сурово и требует большой трудовой закаленности даже в физическом отношении.

Прежний суровый режим духовных заведений и приготовлял таких привычных к трудам и лишениям борцов, число которых теперь уже очень незначительно, а на их смену появился слой уже расслабленный и неприготовленный суровой школой к перенесению всех тягостей приходского священнослужения. Поэтому-то лучшие и способнейшие воспитанники духовных училищ и бегут в другие более привлекательные профессии, а на долю народного прихода остается наименее удовлетворительное. Отсюда видно, что даже и помимо злонамеренного разрушения духовного просвещения сами условия, в которых находится сельско-приходская деятельность по сравнению с другими, создают настоящее печальное положение Церкви и народных детей ее.

Казалось бы, что при известности причин, вследствие которых наше сельско-церковное дело находится в неудо-

влетворительном положении, легко изыскать и средства к их устранению. Но это только так кажется, на самом деле решение вопроса церковного благоустройства представляет чрезвычайные трудности и сложности. На первый взгляд представляется, что так как недостаток в церковных пастырях, вполне удовлетворяющих своему назначению, вызывается неудовлетворительностью их профессиональной и материальной обстановки, то следует их улучшить настолько, чтобы положение приходского священника было обеспечено не менее, чем в других отраслях государственной или общественной деятельности. Но что легко поправимо в других случаях, то в данном представляется предметом весьма спорным.

Главный, а в сравнительно еще недавнем времени почти единственный, источник материальных средств духовенства представляла плата за совершаемые им требы и потому степень обеспеченности его находилась в прямой зависимости от обширности прихода и щедрости прихожан и колебалась от нищенства почти до богатства. Такой способ приобретения средств существования в последнее время порицался весьма многими с одной стороны как якобы не соответствующий достоинству священнического сана, а с другой — ставящий духовенство в положение вымогателей и притеснителей прихожан, и предлагалось, уничтожив такие сборы, перевести все духовенство на жалование, которое и теперь выдается для восполнения скудости средств, собираемых в бедных приходах.

Но такое разрешение материальной обеспеченности духовенства может привести, а, вернее, непременно приведет к превращению приходского священника в духовного чиновника, и утратится главный стимул непосредственной и сильной связи между служителями Церкви и прихожанами. При настоящем положении духовенство материально заинтересовано в точном и ревностном исполнении треб. Как врачу невыгодно отказываться от визита к больному, так и духовенству от приглашений нуждающихся в нем; другое дело, когда на его благосостояние не будет иметь ни малейшего влияния ревностное или небрежное отношение к нуждам прихожан. По человеческой слабости,

всем свойственной, и ревность духовных лиц может ослабнуть при одинаковости положений заботливого и нерадивого. Что же касается до аргумента о несоответствии священнослужителю находиться в зависимости от доброй воли населения, то он едва ли справедлив. Не одно тысячелетие служители Церкви питаются от алтаря и ровно ничего зазорного в том нет, как не зазорно и доктору получать за свое знание и труд добровольное вознаграждение от пациента.

Кто хорошо знаком с нашим деревенским бытом и отношениями, существующими между духовенством и прихожанами, знает, что такая материальная зависимость первого от последнего нимало не роняет его духовный авторитет, если он находится в нравственном отношении на высоте своего призвания. Но эта материальная связь теснейшим образом сближает население с духовенством, и надо очень и очень серьезно обдумать те, может быть, отрицательные последствия, к которым приведет разрыв этой связи, прежде чем решиться на оный.

Практически вопрос о церковном благоустройстве должен разрешиться снабжением населения достаточным числом священнослужителей, которые по высоте своих качеств могли бы быть действительно достойными пастырями своих прихожан и их духовными руководителями. Для достижения сего необходимо: 1) принять меры к удержанию на духовном поприще лучших учеников семинарий, ныне поголовно от него уклоняющихся; 2) упорядочить положение всех духовных учебных заведений, восстановив в них строгий, можно сказать, даже аскетический порядок, приличествующий серьезности их назначения, и повысить уровень научных требований; 3) улучшить материальное положение духовенства предоставлением ему обеспеченности дарового воспитания детей; обеспеченности престарелых пастырей и их вдов и сирот, и 4) реформировать высшее церковное управление, в смысле усиления в нем попечения и влияния в преследовании чисто церковных интересов.

Из изложенного выше ясно, что причины всеобщего расстройства жизненного организма России заключаются не в не-

пригодности для настоящего времени основных законов Империи вообще и Самодержавия в особенности, а от допущенного самим Правительством ложного направления деятельности как его государственных, так и общественных органов, на исправление и усовершенствование которых и должны быть направлены его мероприятия, каковые можно формулировать следующим образом:

1) Принять решительные меры для немедленного восстановления порядка в Империи и защите всех верных граждан против насилия смуты, преимущественно рабочих и учащихся; решительно запретить земским и общественным собраниям, ученым и учебным корпорациям выходить из пределов обсуждения предметов, законом им предоставленным; запретить всякие сборища, собирающиеся под предлогом обсуждения несуществующих нужд и вносящих в общество волнение и смущение. Для успешнейшего воздействия на смущающих общественное спокойствие лучшим и действительнейшим средством было бы объявление военного положения во всех больших городах и промышленных центрах. Конечно, большинство печати и смутьянов подымут против этой меры вопли и крики, но громаднейшее большинство спокойного населения будет ею довольно и вздохнет спокойно при проявлении Правительством силы и решимости.

2) Уволить от государственной службы всех чиновников, какой бы высокий пост они ни занимали, обнаруживающих противоправительственный образ мыслей, и профессоров, возбудивших забастовки, с лишением их всех по государственной службе преимуществ.

3) Воспретить министрам незаконно пользоваться всеподданнейшими докладами для проведения их личных мероприятий помимо обсуждения их в Государственном Совете, обязать их каждый законопроект представлять на заключение Сената – не противоречит ли он существующим законам. В случае неизбежной необходимости немедленного проведения меры государственного значения доводить ее до сведения Верховной Власти не иначе как с вышеупомянутым заключени-

ем Сената и с обязательством в кратчайший срок внести ее на утверждение Государственного Совета.

4) Усилить значение Государственного Совета как высшего и ближайшего помощника Верховной Власти в законодательных работах.

5) Восстановить значение Сената как высшего блюстителя законности в Государстве; подчинить ему в этом отношении все должности и учреждения Империи, как государственные, так и общественные, и поручить ему постоянное и неослабное за ними наблюдение. Звание сенатора признать несовместимым ни с какою другою должностью по государственной службе.

6) Учинить всеобщий пересмотр существующих должностей и учреждений, как государственных, так и общественных, с целью исключения всех излишних, не вызываемых действительными потребностями населения.

7) Произвести коренную реорганизацию учебного дела с целью воспитания юношества, согласно неоднократно выраженной воле Государя, в духе Православия и любви к Отечеству, с возложением на профессоров и руководителей юношества полной, строгой и действительной ответственности за все непорядки и нарушение правил в учебных заведениях всех степеней.

8) Переустроить высшее церковное управление в направлении, наиболее соответствующем духовным интересам Церкви и народа, восстановить порядок и серьезность занятий в духовных учебных заведениях и принять меры для образования достаточного количества достойных и сведущих пастырей для всех сельских церквей России.

———

Кто пытается исказить волю Государя

В № 300 Московского «Телефона Нового Времени»[1] помещено под заглавием «Государственная Дума» изложение

проекта будущего учреждения народных представителей, составленного будто бы под руководством Министра Внутренних Дел А. Г. Булыгина[2] и уже рассматривающегося в Совете Министров.

Неизвестно откуда почерпнула свои сведения газета г. Суворина[3] и насколько достоверно это сообщение, но, во всяком случае, даже и в настоящее время самых чудовищных закононарушений со стороны всякого желающего трудно поверить, чтобы Министр Внутренних Дел позволил себе до неузнаваемости исказить волю своего Государя и вместо порученного ему осуществления предначертаний, ясно выраженных в Рескрипте 18 февраля, предпочел осуществить вожделения всех нездоровых общественных групп, страдающих неудержимым зудом жажды власти и без устали фантазирующих на тему «народное представительство», одаряя его, за счет Самодержавия, всеми возможными атрибутами.

Может ли быть, чтобы и Министр Внутренних Дел столь же плохо понимал значение и смысл Рескрипта, как и гг. Струве[4], Щепкины, Шиповы[5] и К°, 22 предводителя и многие иные рьяные старатели? Судите сами: в Рескрипте сказано, что Государь решил привлечь «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей», попросту сказать – выборных; а г. Министр, по словам газеты, составляет Государственную Думу из «представителей народа». Конечно, господам, стремящимся сокрушить Самодержавие, весьма естественно старание вдолбить обществу и по возможности и Правительству этот термин, и один из их плеяды – Г. Н. Хомяков выступил в «Русском Деле» с большим усердием, но весьма малым успехом, усиливаясь доказать, что поименованные в Рескрипте лица и представители народа – одно и то же, и что последнее выражение употребляется, видите ли, только для краткости, как ближе всего подходящее к понятию выборных, но г-ну Министру кажется невозможно не понимать разницы между значением выборного и представителя, и потому замена, при исполнении Рескрипта, одного понятия другим, не соответствующим,

представляется ничем неоправдываемым нарушением точно выраженной воли Монарха в угоду небольшой, но страшно крикливой кучке очумелых от выпущенного в недобрый час г. Святополк-Мирским магического слова «доверие» голов, вообразивших, что после этого можно и должно растащить власть, что называется, «нашарап».

Далее, в Рескрипте назначение выборных определяется участием в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений. Такое определение деятельности выборных указывает, что Рескрипт не предполагал составлять из них особого учреждения: они должны были «участвовать» в разработке, следовательно, войти уже в действующее правительственное учреждение и работать вместе с правительственными чинами. Каким процессом мышления из такого ясного назначения выборных людей можно, не кривя душой и не нарушая смысла Высочайшего предначертания, вырастить Государственную Думу? Но не в слове еще дело, хотя и это громкое название совсем не к месту. А вы посмотрите, чем только не наделял г. Министр (а может быть, только г. Суворин) эту фантастическую Думу. Она будет иметь не только законодательное право, но и право законодательной инициативы, самостоятельной разработки новых законов, независимо от Министерств, обсуждение Государственных росписей, смет Министерства Финансов, право рассмотрения отчетов и т. д.; тут и запросы министрам и интерпелляции целым ведомствам, и вход с заявлениями и 15 руб. в сутки, что в особенности недурно! Одним словом: добр и милостив наш Государь, но куда же ему до г. Булыгина! Да ведь и то сказать: чужого не жаль: роздал его поскорее, и дело с концом, и себе не убыток, а слава-то за давальцем.

Но мы решительно отказываемся верить, чтобы Министр, облеченный доверием своего Государя, осмелился так жестоко исказить Его намерения и вести страну по тому же пути, на который ее хотят во что бы то ни стало стащить сознательные и бессознательные пособники разрушительной крамолы и врагов наших, и с нетерпением ждем опровержения. Такие

сообщения, мутящие общество, подвергающие в недоумение всех здравомыслящих, компрометирующие значение Верховной Власти и клевещущие на ее ближайших исполнителей, не должны оставаться не опровергнутыми.

Это необходимо, и г. Министр Внутренних Дел, конечно, поспешит успокоить всех сторонников точного исполнения воли Государя, а не удовлетворять вожделений 15-ти рублевых законодателей.

23 мая 1906 г.

———

Против мирного договора с Японией

Православный Русский народ!

Много, бесконечно много, перенесла и претерпела наша родная земля за последние полтора года. Нет того бедствия, которое на нее не обрушилось бы!

В начале прошлого года напал на нее враг – японец, оказавшийся страшным по своей храбрости, стойкости и приготовленности, *явному* врагу стали помогать *тайные* – англичане и американцы, а весь свет радовался нашим неудачам и поражениям, очень естественным, если вспомнить, что Япония воевала рядом со своим домом, откуда могла доставлять и войска и запасы в два-три дня, а нам каждого солдата, каждый снаряд пришлось доставлять за десяток тысяч верст.

В то же время другие скрытые враги воспользовались войной, чтобы при деятельнейшем пособии евреев и русских изменников возбудить смуту среди населения и рабочих, подстрекая первое к грабежам и насильственным захватам не принадлежащих им земель, а рабочих – к стачкам и предъявлению неисполнимых требований, бунтуя преимущественно занятых изготовлением разных военных принадлежностей и постройкой судов.

Пользуясь послаблением Правительства и отделавшись убийством от стойкого защитника русских интересов генерала

Бобрикова[1], подняла дерзко голову финская крамола, зашевелились польские и еврейские мятежники, начались безобразия, беспорядки, убийства служащих всех степеней, от губернатора до городовых, в Выборге, Риге, Юрьеве, Варшаве, Лодзи, Белостоке, Минске, на Кавказе и во многих других местах.

В Москве убили лучшего из Великих князей – Сергия Александровича, в Петербурге пал от бомбы презренного убийцы энергичный министр Плеве; застрелен в своем доме прекрасный, как человек и верный слуга Царю и Отечеству градоначальник П. П. Шувалов[2]; разразились Одесский грабеж, позорная измена в Черноморском флоте на броненосце «Потемкин»[3], на котором взбунтовавшаяся команда умертвила всех офицеров и подняла, по еврейскому наущению, красный бунтарский флаг, – словом, невозможно перечислить всех ужасов, творящихся ежедневно на обширном пространстве нашего несчастного Отечества.

В то же время большая часть печати и общества, состоящая из профессоров-забастовщиков, адвокатов, кормящихся народным достоянием земцев, разночинцев и инородцев, воспользовавшись смутой, стали настойчиво требовать перемены исконного нашего государственного строя на чуждый нам западный образец, доказывая, совершенно неправильно, будто бы только-де при такой перемене прекратятся беспорядки, вызванные будто бы несовершенством нынешнего Самодержавного правления.

Напрасно благоразумное меньшинство, состоящее из людей, преданных заветам родной старины, убеждало, что не в Самодержавии кроется причина наших непорядков; что не время предпринимать капитальную ломку учреждений страны, когда все усилия Русских людей обязательно должны быть направлены к одной цели – к одолению напавшего на нее врага, что всякие внутренние перемены и улучшения следует делать после спокойного и глубокого их обсуждения, а не в горячке спеха и возбуждения страстей. Голоса эти совершенно пропадали в хаосе, поднятом проходимцами, обезумевшими от жадного стремления к власти, захватить которую в свои

руки они считали всего возможнее в сумятице внешней войны и внутренних беспорядков, возбуждая их своими подстрекательствами, и вину сваливая на неспособность и злоупотребления Правительства.

Но Правительство именно тем и грешило, что, принимая ошибочно этот гвалт немногих за выражение народных желаний, уступило наглым требованиям интриганов и предприняло ряд преобразований, для народа бесполезных, нужных только смутьянам, инородцам и крамоле, для их разрушительных целей.

Все стали домогаться замены Самодержавия – представительным правлением, то есть чтобы правили Государством так называемые народные представители, но чтоб они выбирались непременно из тех нынешних земцев и думских заправил, которые и своего-то, маленького сравнительно, дела не могут вести как следует, и чтобы в числе представителей непременно были все инородцы, «чуждые нам по вере и крови», как выразился в речи Государю один из зловреднейших вожаков изменнического движения, разумея под этими «чуждыми» прежде всего, конечно, евреев, этих главных виновников настоящей крамолы, всех беспорядков и убийств.

На ту же сторону передались и многие предводители дворянства, и осмелились самовольно, дворянством на то не уполномоченные, требовать облыжно от имени представляемого-де ими сословия, немедленных реформ, грозя в противном случае самыми страшными бедствиями.

Оглушенное всем этим неистовым гамом требований и принимая их ошибочно за голос народной нужды, Правительство имело слабость вступить на путь уступок. Но, чем более оно уступало, тем более разгорались беспорядки всех видов, и теперь несчастная наша Родина кишмя кишит забастовками, убийством должностных лиц и всякими преступлениями и беззакониями, творимыми всеми преобразователями при деятельном участии евреев.

Но всего этого мало: чтоб окончательно опозорить Правительство в глазах населения и окончательно угасить его пре-

данность Верховной Власти, наши крамольники давно уже начали вопить о необходимости заключения мира с Японией на каких бы то ни было тяжких условиях.

Каждый истинно Русский, дорожащий судьбою своего Отечества, понимает, что России, в настоящем положении войны, после ряда неудач на суше и на море, не может быть предложено мирных условий, не унижающих ее достоинства как великой державы, хотя и потерпевшей неудачи, но далеко еще не истощившей средств сопротивления и способной рядом настойчивых усилий вернуть все потерянное в минувший год кампании.

Как трудна самим японцам, поддерживаемым даже целым светом, борьба с Россией, видно уже из того, что после нашего поражения под Мукденом[4] они не только не могли воспользоваться своею победой для преследования и окончательного вытеснения нас из Маньчжурии, но даже в течение более четырех месяцев не могли настолько оправиться, чтобы предпринять новое нападение и помешать нам пополнить и приготовить вновь наши военные силы для нового отпора и, может быть, перехода в наступление.

И вот теперь, когда наша армия не только пополнела, но достигла небывалой еще численности; когда она обильно снабжена всем необходимым; когда задача Японии становится труднее, чем когда-нибудь, – к голосу наших крамольников примыкает голос президента С[еверо]-Американских Штатов, приглашающий нас вступить в мирные переговоры с Японией.

Чтобы правильно оценить побуждения, которыми мог руководиться президент Розвельт[5], выступая с таким предположением, следует вспомнить, что он же имел дерзость выступить пред нашим Правительством в качестве защитника еврейских интересов во время Кишиневских беспорядков[6], вызванных самими евреями, – а его правительство и соотечественники всячески помогали против нас японцам и относились к нам с таким же недоброжелательством, как англичане, если еще не хуже.

Ведь не из жалости же к нам, не из опасения нашего окончательного разгрома выступит г. Розвельт со своим, нами непрошенным, посредничеством, – не для того, чтоб остановить дальнейшие успехи японцев, если б они были легки и возможны!

Не будет ли вероятнее предположить, что для Японии, несмотря на одержанные победы, борьба с нами становится слишком тягостною даже при удаче; что она начинает сознавать, что борьба с Россией ей не под силу и что она пробует чрез своего друга и помощника, президента Розвельта, воспользоваться плодами своих военных успехов – заключением мира, для нее почетного, а для нас, может быть, и не отяготительного, но во всяком случае *позорного*, бедственные последствия которого невозможно и перечислить.

Позорною же будет всякая, даже незначительнейшая, уступка Россией не только своей части земли или уплата денежного вознаграждения, но и удовлетворение всякого требования Японии, стесняющего действия России на Дальнем Востоке. А между тем, можем ли мы, при настоящем положении дела, ожидать, чтобы Япония не потребовала ни уступок земли, ни денежного вознаграждения, ни приобретения каких-либо прав в ущерб России? Ведь это совсем невероятно, и японские уполномоченные, – не в пример нам хорошие патриоты, – никогда не решатся не использовать своего выгодного против нас положения.

И, в самом деле, что может выставить наш уполномоченный, – если бы таковым был даже наипреданнейший слуга Царя и Отечества, – для отпора притязаниям Японии?

Уверение, что у нас осталось достаточно сил для дальнейшей борьбы? Но ведь это уверение не может служить достаточным доказательством, и против него может быть выдвинуто такое же уверение японцев.

А между тем, мы глубоко убеждены, что обладаем еще огромными, неисчерпанными средствами для продолжения войны, и что окончательная победа должна быть на нашей стороне, хотя бы неудачи наши еще временно продолжались.

Что же заставило наше Правительство пойти навстречу предложению нашего заведомого недоброжелателя, – предложению, до очевидности нам невыгодного? Неужели оно решилось подвергнуть нас несмываемому позору, – позору ненужному, невызываемому, насколько мы можем судить, непреодолимостью положения?

Нам известно, что мы не тронули еще и пятой части запаса личного состава; в материальном отношении наша кормилица-деревня еще нимало не чувствует обременения военного времени: это скажут все живущие в народе и, что еще важнее, это говорит сам народ; армии наши по общим сведениям вполне благоустроены, обильно снабжены и одушевлены на сопротивление наступающему врагу.

В чем же заключаются те неизвестные, прискорбные и непреоборимые обстоятельства, которые – при всех перечисленных благоприятных условиях для продолжения войны, – и даже преодоления ее именно в интересах возможности заключения прочного мира, а эта возможность явится после хотя бы одного нашего значительного успеха, ибо сравняет шансы обеих сторон и исключит возможность японских притязаний, – в чем же заключаются те обстоятельства, которые заставляют наше Правительство, на радость всех врагов наших, идти или на явную невозможность соглашения, или на ненужный нам позор?

Ни одно русское сердце не может без тоски и тревоги смотреть на будущее своей Родины, порученное человеку, назначение которого приветствуется всеми нашими врагами не только в Европе и Америке, но и в Японии; человеку, который уже на дороге поспешил объявить себя сторонником мира, то есть того унижения, которое вечным пятном ляжет на наше Отечество, – и это заявление его, конечно, придает смелости и настойчивости притязаниям его противников.

Люди православные! Что же делать нам, как избегнуть предстоящей страшнейшей опасности, опасности горшей военных неудач, нашей внутренней смуты и неурядицы, общественной бестолковости, правительственной слабости, – опас-

ности мирного позора может быть, накануне оборота военного счастья на нашу сторону, о возможности чего свидетельствуют все наши военачальники?

Остается нам одно средство: молить нашего Верховного Вождя, нашего доброго, любящего нас Монарха, не поступаться ни честью, ни достоянием нашей Родины, выразить Ему нашу беспредельную готовность пожертвовать всем для продолжения борьбы с врагом до успешного конца, и уверить Его в том, что это составляет пламенное, единодушное желание всего многомиллионного *Русского* народа на всем пространстве Его беспредельной Империи.

Дерзайте же, люди Русские, несите ваши мольбы к подножию трона, к стопам нашего великодушного Царя, всегда готового отозваться на родные нужды, – и Его русское сердце услышит и поймет вас.

Просите и дастся вам, толцыте и отверзится![7]

10 июля 1905 г.

———

Грозящий позор

Из всех многочисленных врагов наших никто не выказал столько явного недоброжелательства, как англичане и американцы.

И вот теперь президент их Розвельт, которого правительство, как и народ, всеми возможными средствами помогали нашим противникам и ставили нам всевозможные затруднения, выступил посредником для мирных переговоров между нами и Японией. Зная недружелюбие к нам президента Американских штатов, высказанное еще ранее неуместным и бестактным вмешательством в пользу евреев во время беспорядков, ими же самими возбужденных, можем ли предположить, что его неожиданное вмешательство вызвано какими-либо добрыми чувствами к нам или соображениями человеколюбия? Первое совершенно невероятно, а если бы им руководило же-

лание прекратить жестокости войны, то для этого не нужно было допускать полуторагодового кровопролития и во все это время поддерживать его своим пособничеством одной стороне и пристрастным отношением к другой.

Как ни ужасна война, как ни желателен для всех нас мир, должно сознаться, однако, что для переговоров о нем нельзя было выбрать времени для нас более неблагоприятного. Ряд побед японцев дает им, по-видимому, право выступить с такими унизительными для нас требованиями, на которые не может согласиться Россия не только под опасением потерять свое значение мировой державы, но и под угрозою негодования всего народа на нанесенное ему оскорбление, когда он, полный еще сил для борьбы, будет отдан на милость временного победителя. С другой стороны, совершенно невероятно, чтобы японское правительство могло предложить нам приемлемые условия. Этого оно не может сделать под опасением возбудить всеобщее негодование японского народа. Возможно ли ожидать при таких условиях какого-либо удовлетворительного исхода переговоров при решительной невозможности – одной стороне отступиться от своих требований, основанных на военных успехах на суше и на море, а другой – согласиться на унизительное для великой державы условие, имея еще неистощимый запас сил и средств для дальнейшего ведения войны с противником, хотя может быть более искусным и энергичным, но слабейшим численно и в средствах материальных.

Обращаясь затем к вопросу: кому именно более всего желателен мир, кто более всех озабочен его заключением, нельзя не заметить, что возбужденный нашими недоброжелателями, приветствуемый всеми другими нашими внешними врагами, о нем в то же время вопиет вся антипатриотическая часть общества, вся так называемая либеральная печать, вся петербургская и всероссийская интеллигенция и все примыкающее к ней чиновничество, содержимое Правительством, но действующее постоянно против него в согласии со всеми разрушительными элементами Государства. Но патриотическая часть общества, народ – весь, или, может быть, лишь за

малыми исключениями, стоит за продолжение войны до благополучного конца, в котором он до сих пор не сомневается. Это могут засвидетельствовать все живущие в народе и постоянно с ним сообщающиеся.

Казалось бы, что при таких условиях, при таком несомненном стремлении всех наших врагов побудить нас к заключению мира, Правительству нашему следовало бы отнестись к этому вопросу с крайней осторожностью, отнестись с естественным и вполне законным недоверием к филантропическим чувствам г. Розвельта, пробудившимся лишь после полутарагодовой Русско-японской бойни, и к воплям о мире своих доморощенных политиков правого и левого – в особенности последнего – флангов. Но вместо того Правительство наше, официально заявив, что почин г. Розвельта сделан им без всякого намека на склонность к мирным переговорам с нашей стороны, все-таки спешит на приглашение всем известного нашего недоброжелателя, и полномочным распорядителем судьбы России является С. Ю. Витте.

Надо ли пояснять, что должен при этом чувствовать каждый любящий свою Родину русский? Какие надежды может он питать на государственного человека, деятельность которого, в особенности за последнее время, насквозь пропитана отрицательным отношением ко всем главным устоям нашего государственного здания и склонностью к его разрушению для торжества чуждых нам начал, главного заступника и ратоборца за всех «чуждых нам по крови и вере», как выразился другой их рыцарь – кн. С. Н. Трубецкой[1], в ущерб коренному Русскому населению, всех кормящему своим на диво выносливым хребтом.

Но если бы нашим уполномоченным было назначено лицо, вполне преданное интересам России, одушевленное пламенным желанием принести пользу своему Отечеству, что может оно сделать при существующем ныне положении? Флот наш уничтожен, Сахалин занят неприятелем, ряд побед японцев на суше вытеснил нас из южной Маньчжурии, еще одна победа, – а она возможна, хотя и не исключает вероятности наше-

го конечного торжества, и мы будем отброшены к собственной границе. Можно ли предположить, что при таком положении нам будут предложены приемлемые условия мира? Ведь это совершенно невероятно. Для чего же будут вестись эти совершенно бесцельные переговоры? Для какой надобности г. Такахира[2] будет любезничать со столь приятным ему г. Витте? Каких удовольствий ожидает он от этого назначения, какового не выказывал, пока уполномоченным называли г. Муравьева? И если Витте оправдает надежды гг. Такахиры и Розвельта, то поздоровится ли от этого нашему Отечеству? Не думаю; и не думает этого вся истинная Россия. И вот почему мы осмеливаемся утверждать, что никогда еще Россия не была в таком опасном положении, в каком будет в день встречи гг. Витте и Такахиры в Портсмуте[3] на такой *дружественной* для нас почве, каковою оказалась Америка и при посредстве такого *доброжелателя*, как Розвельт. С врагами-то мы, может быть, еще справились бы сами, но избавит ли нас Господь от прискорбия стать жертвами таких друзей, как Розвельт, и таких защитников, как г. Витте, если мы сами суем им пальцы в рот, – весьма сомнительно, да и не стоим мы того!

10 июля 1905 г.

———

На пути к разрушению России

Едва ли можно найти в истории другой пример такого непрерывно-тревожного состояния, какое в настоящее время приходится переживать нашему Отечеству.

Прекрасно подготовленные враги внешние и внутренние навалились на него одновременно и употребляют невероятные усилия. Не гнушаясь никакими бесчестными и злодейскими приемами, чтобы свалить Северного Колосса.

Неудачное начало войны (ибо по ходу ее, следовало бы все до сих пор происходившее считать только началом) сопровождалось ужасающим развитием тайной крамолы, поощряе-

мой полнейшею безнаказанностью. К ней примкнула вся так называемая интеллигенция, почерпающая свое мировоззрение из больших и малых уличных листков, ищущих популярности посредством проповеди радикальнейшей бессмыслицы, столь любезной большинству читателей, не снабженных развитым мыслительным аппаратом для критического к ней отношения.

Забастовщики-профессора, уже давно развращающие наше юношество, – не встречающие ни нравственной поддержки в своих, тоже пораженных гангреной безнравственности и безверия семьях, ни защиты у надлежащей власти, – увенчали свою разлагающую работу конечным искоренением нашего высшего образования и, – вместе с другими паразитами, начиная с высших сановников и кончая сельскими учителями, – обратились на борьбу с нашим вековым самодержавным государственным строем для замены его лжепредставительным.

А Правительство, вместо того чтобы с энергией и силой выступить на защиту основной государственной идеи, при которой только и возможно существование нашего необъятного Государства, старалось все время примирить непримиримое: сохранить Самодержавие и удовлетворить по возможности все вожделения реформаторов.

Хоть несостоятельность такой политики с первых же шагов вполне ясно обнаружилась для всякого, не лишенного небольшой дозы здравого смысла, но Правительство с непостижимым упорством продолжает следовать по пути, ведущему только к одной цели, — *к разрушению России*.

И результаты уже начинают обнаруживаться, один грознее другого.

Но ни ежедневные убийства правительственных агентов всех рангов, ни одесский погром[1] под руководством еврейской революции, ни стоны зарезанных на «Потемкине» офицеров, – ничто, кажется, уже не в состоянии пробудить энергию Правительства, вывести его из оцепенения и заставить принять решительные меры к защите своих агентов и своих еще верноподданных, составляющих пока неизмеримое большинство молчащего населения.

Однако невзирая на полуторагодовую неудачную войну, несмотря на страшный взрыв внутренней смуты, несмотря на недоброжелательство к нам всего света и на явную помощь, оказываемую нашим внутренним и внешним врагам со стороны многих якобы дружественных нам держав, – Россия, то есть деревенская Россия, выносящая на своих богатырских плечах все тяготы военные и государственные и питающая бесчисленное количество старающихся погубить ее паразитов, – Россия почти еще и не почувствовала тяжести обрушившихся на нее бедствий. И если бы не газеты, приносящие нам в деревню ежедневно известия о происходящих ужасах, то мы, ее жители, могли бы быть в заблуждении, что все обстоит благополучно: до того мало отразились все события последнего года на нашей вседневной жизни и на нашем экономическом благосостоянии.

Такой силы сопротивления, такой устойчивости никак уже не ожидали наши недоброжелатели, еще с весны запрудившие все гостиницы Москвы и Петербурга соглядатаями для наблюдения за революцией, долженствовавшею, по их расчетам, непременно разразиться после дворянских выборов, руководимых гг. Трубецкими и Гудовичами[2], и доканать нас вместе с годичною неудачною войной.

Но, к величайшему огорчению всех внешних подстрекателей и всей интеллигентной шелухи, облепившей могучее тело нашей Родины, никакой революции не состоялось, и неудовлетворенные соглядатаи разъехались, разнося по всему миру удивление о чисто варварской стойкости России и против военных несчастий, и против просвещенных стараний Трубецких, Петрункевичей[3], Дорфов[4] и множества других ревнителей ввести у нас счетоводное правление на западный образец, в чем им деятельно помогала вся «либеральная» печать, с одной стороны, и террористическая шайка – с другой.

И наши внешние недруги поняли, что Россию, несмотря на весь ее внутренний разлад, не так-то легко сокрушить, и что потребуется еще много времени, много сил и много денежных затрат для содержания и японцев, и разбойников, убивающих

лучших Царевых слуг, и на возбуждение измены, так хорошо подготовленной в Черноморском флоте и давшей такие плачевные для ее инициаторов результаты.

И вот после таких очевидных проявлений громадной мощи России умные враги наши решили, что будет гораздо проще и дешевле доканать ее миром, – миром, который в настоящее время, – после всех военных неудач на суше и на море, не искупленных ни единым крупным успехом, – не может быть для нас ни почетным, ни прочным, и который, – как совершенно верно рассчитали все враги наши, – если только состоится, возбудит такой взрыв негодования, уже действительного, во всем населении России против Правительства, против которого ему не устоять при потере опоры в громадном большинстве населения.

Почин предложения мира берет на себя г. Розвельт, своею политическою деятельностью давно уже доказавший личную нам враждебность. Достаточно вспомнить хотя бы его дерзкое и неуместное вмешательство в пользу евреев во время Кишиневских беспорядков, ими самими вызванных. Что же касается до населения Америки, то оно выказало такую к нам враждебность и такую склонность помогать японцам, что в этом едва ли не превзошло наших исконных врагов – англичан.

Казалось бы, что к этакому предложению явного личного недоброжелателя нашего, главы народа, проявившего к нам крайнюю и притом беспричинную враждебность, следовало отнестись не только весьма осторожно, но даже недоверчиво, тщательно обсудить побуждения, которые заставили заботиться о водворении мира всех тех, кто достоверно желает нашего уничтожения; что следовало обратить особое внимание на то, что и внутри России о заключении мира особенно заботятся все революционные группы без исключения, начиная с авторов Государственной Думы и с предводителей и кончая земскими дармоедами, и обсудить: не есть ли это новая западня, расставленная для успешнейшей нашей пагубы?

Так называемый простой народ, который на самом деле несравненно рассудительнее нашей интеллигентной толпы

правителей и руководителей, отлично понимает положение и весь, почти без исключений, стоит против переговоров о мире и за продолжение войны.

Вывожу это заключение из ежедневных бесед с крестьянами, среди которых живу постоянно. Еще на днях заезжал ко мне старшина нашей волости посоветоваться, как поступить ему с запросным листком г. Шарапова[5] о продолжении войны: места мало, а подписаться за войну хотят почти все – и никто за мир.

К сожалению, что чует и понимает крестьянство, того не разумеют наши руководители, и мы с величайшею тревогой и опасением худшего узнали о назначении уполномоченного, уже 6 июля отправившегося в Вашингтон...

Бесполезно, да и невозможно скрывать, что вся Россия, – решительно все партии — от крайней левой до крайней правой, – относятся с полнейшим недоверием к способностям нынешних поставленных во власти правителей, – и положение, до которого они довели Россию в последние два года, вполне оправдывает это недоверие.

Изо всех же государственных людей настоящего времени наибольшим недоверием в кругах патриотических пользуется именно С. Ю. Витте, покушавшийся еще так недавно в корень разрушить доселе крепкую организацию крестьянской обособленности, делающую это основание крепости России неуязвимым для всяких революционных влияний, и не успевший в этом только потому, что Государь вовремя закрыл руководимое им «Особое Совещание»[6], служившее органом его разрушительных намерений.

И такому-то государственному деятелю, по меньшей мере не понимающему нужд нашего народа, вручена вся будущая судьба его, его честь и достоинство!

Нельзя не признать, что задача нашего уполномоченного была бы невыносимо тяжелая, если бы таковым был истинно Русский, любящий свою Родину человек. В самом деле: что может он противопоставить притязаниям Японии, основанным на ряде блестящих военных успехов? Возможность перехода

военного счастья на нашу сторону? Но нельзя же гадательное противопоставлять реальному?

И хоть мы, Русские, глубоко убеждены, что, несмотря на все наши неудачи в прошлом, несмотря на возможность продолжения их до известного предела в будущем, – мы все-таки в конце одолеем врага, если будем стойко и неуклонно стремиться к этой цели, но для переговоров о мире в настоящее время этот аргумент едва ли будет убедителен для противников. Для того чтобы выйти с успехом при таком положении, нашему уполномоченному, кроме необыкновенного дипломатического искусства, – ничем Сергеем Юльевичем Витте, да и никем из нашего дипломатического корпуса не доказанного, – надо иметь еще пламенную любовь к своей Родине, несокрушимую уверенность в ее силе, отличное знание духа, характера, потребностей и желаний народа, – *народа*, а не кучки лжеземцев, беспочвенной интеллигенции, инородцев и вообще всей мути и накипи, всплывшей за последний год на поверхность безбрежного океана Русской народности.

Обладает ли г. Витте этими качествами? Вся государственная деятельность его этого не доказала, и опасения всего худшего болью сжимает сердце всякого истинно любящего свое Отечество и дорожащего его честью.

А как подавляюще должно действовать все это на нашу несчастную армию, борющуюся на два фронта: оружием против японцев и духом – против подлых внушений разных негодяев, старающихся отвратить ее от исполнения ее долга!

Ужасно! Недаром же г. Такахира так обрадовался назначению С. Ю. Витте. Но можем ли и мы радоваться тому, что так приятно для нашего противника, собирающегося драть с нас шкуру?

Но помните, гг. правители, не выдержит народ позора, на который вы его ведете, – и придет час, и он теперь близок, когда вы не только пожнете, но и вкусите горькие плоды вашего пренебрежения к управляемому вами народу, вашего незнания, неумения и неспособностей, – и слезно раскаетесь в ваших грехах против него.

Только поздно будет ваше раскаяние, и не спасет оно вас от гибели, а Государство, вам вверенное, – от разрушения, под обломками которого погибнет вековая работа Собирателей Земли Русской.

Остерегитесь!

12 июля 1905 г.

———

Тяжкое наказание

За нелепое столпотворение вавилоняне были наказаны смешением языков.

Всю силу и тяжесть этого наказания мы можем оценить именно теперь, когда, предприняв, по подстрекательству всех наших зложелателей, государственное всероссийское столпотворение, мы подверглись этой тяжкой, горшей, чем всякая иная, каре.

В самом деле, чтó может быть ужаснее положения, когда люди потеряли способность сознательности, когда, имея пред собою широкий торный путь, испытанный веками, они неудержимо влекутся, как бы под гипнозом злой воли, в пропасть? В этой пропасти должно погибнуть все нажитое целыми веками труда народного и попечения самобытного государственного гения, должно погибнуть – в угоду всем многочисленным нашим лиходеям и малому числу искренне заблуждающихся, при ревностном содействии того самого «приказного строя», к которому так презрительно относятся все те, в чье удовлетворение он старается теперь не оставить камня на камне в нашем прочном, исторически сложившемся государственном здании, чтобы на его развалинах создать нечто очень приятное для всех «чуждых нам по вере и крови», но о чем горько будут сожалеть и сами строители, и погубленное ими Государство.

Впрочем, что же мудреного? Прошло много, даже слишком много времени с тех пор, как могучий вавилонянин, Великий Петр[1], заложил первый камень той нелепой башни, кото-

рой ныне суждено рухнуть при таком языкосмешении, которое вряд ли было даже в ветхозаветное время. И все столпотворители спешат как можно скорее положить свои камни безо всякого соображения с законами равновесия и устойчивости, при деятельнейшей помощи и личном участии всех тех, которым предстоит первыми быть погребенными под обломками здания, неминуемо предопределенного к разрушению.

И в самом деле, посудите сами, может ли существовать Государство, в котором Власть защищает преступников и бунтовщиков против народа, губернаторы обещают строго наказать солдат, защищавшихся от нападения революционной толпы евреев; где общественные деятели, кричащие о правопорядке и законности, наглейшим образом и беспрепятственно нарушают законные распоряжения Правительства; где люди, считающие себя передовыми борцами за благополучие Отечества, являясь к Государю в такие серьезные минуты, не находят ничего лучшего и полезнейшего для Государства, как ходатайствовать за права инородцев и иноверцев; где доводят внешние сношения до войны, к ней не приготовившись, а на позорные переговоры о мире идут, не истощив не только всех, но даже и небольшой части средств сопротивления; где генералы не знают, победили они или поражены; а другие наглейшим образом нарушают воинскую дисциплину на глазах всей армии и всего света и попадают за то не под суд, а в высшее государственное учреждение; где бьют беспощадно вернейших слуг Царя и Родины, а убийцы наказываются 100 марками штрафа; где правительство само деятельно помогает разрушителям доканать страдающее Государство, подчиняясь всем, до очевидности самым гибельным, требованиям худших и вреднейших общественных слоев; где ученые профессора под нелепым предлогом «взволнованности» губят высшее образование при полном сохранении содержания и служебных прав и преимуществ; где кучка сбитых с толку ребят препятствует огромной массе благоразумных юношей продолжать образование, и они не встречают помощи и защиты от Правительства; где власть вместо твердого руководства общественными делами рабски

следует требованиям наглейших крикунов, алчущих вырвать в свои нечистые руки распоряжение Государством; где власть сама надевает себе петлю на шею; где бездарность, мошенничество и грабеж общественного и государственного достояния поощряются наградами и повышениями и царит беспримерная безнаказанность, возведенная в принцип; где презрительно попираются и отдаются на гонение и пропятие священнейшие народные верования; где, одним словом, не осталось ни одного явления, на котором с отрадой могли бы отдохнуть взор и успокоиться сердце нормального человека, – как может не разрушиться *такое* Государство?

Где, в чем заключено то зернышко, из которого вновь могли бы возродиться порядок и благоустройство, которые могут только *регламентироваться* установлениями, но *создаются* долгим жизненным опытом?

Этот долголетний жизненный опыт привел нас к такому государственному укладу, который наиболее соответствует народным понятиям и потребностям, а теперь, — по воле кучки демагогов и непонимающего своего назначения Правительства, запуганного и шайками убийц, с одной стороны, и записками, — увы! — предводителей дворянства с другой, — должен быть вконец разрушен для расчистки места лжепредставительству на западный манер.

Но если даже на Западе, при несравненно большей общественной развитости, представительство давно обратилось в самую дикую олигархическую тиранию, то что же ожидает нас, не имеющих ни малейших зачатков истинной общественной просвещенности, ни дисциплины, ни навыка к общественным делам, что мы так ярко доказали донельзя скверным ведением городских и земских хозяйств?

И вот, с одной стороны, не нынче завтра все эти неспособности, все это невежество, вместе со всеми «чуждыми нам по вере и крови», станут *на место Царя* — сделаются *хозяевами* несчастной земли Русской!..

С другой стороны, услужливый телеграф того и гляди возвестит нам мир…

Каков может быть этот мир, — легко судить уже по тем образчикам, которые обнаружились поныне.

Не нужно было обладать особою прозорливостью, чтобы рассудить, что означает при данных обстоятельствах самый факт посылки уполномоченного, да еще по приглашению если не злейшего, то уж во всяком случае недобросовестнейшего, врага нашего, в заведомо враждебную страну для переговоров с упоенными своими победами японцами!

И первые же шаги, первая же встреча считающих себя победителями с уполномоченными мнимо побежденных показала, с каким нескрываемым высокомерием и даже пренебрежением отнеслись первые к последним.

В то время как г. Витте почтительнейше подносил форменно скрепленные копии своих полномочий, надменный барон Комура[2] удостоил лишь «словесно» сообщить нашему представителю, что и он имеет полномочия, а на просьбу доставить с них копию прислал никем не подписанный французский перевод своего мандата, который оказался совершенно несоответствующим тем обширнейшим полномочиям, которыми снабжен наш представитель.

В первом же заседании Комура имел наглость заговорить по-японски на обращенную к нему речь Витте на французском языке. Затем Комура представил японские *требования*... Заметьте: не условия, а *требования*, малейшего из которых было достаточно для немедленного перерыва переговоров, до того эти требования унизительны для нашего государственного достоинства. Комура не согласился на участие в заседаниях г. Мартенса[3] (положим, потеря для нас невелика), — *и г. Витте уступил* и благодушно проглотил оскорбление, нанесенное России.

Словом, унижение и позор, совершенно не выкупающиеся теми шутовскими овациями, которыми, может быть, тешится самолюбие г. Витте, но которые далеко не утешают наболевшие и полные тоски и тревоги сердца истинно русских людей, с душевною болью представляющих себе, в какие ненадежные руки вручены честь и достоинство Родины!

И если г. Витте после целого ряда надменных и прямо-таки презрительных выходов Комуры не прервал переговоров; если он не почувствовал оскорбления, наносимого в лице его нашим врагом Царю и России, то тревога русских людей, конечно, должна считаться не напрасною, и основательность ее подтверждается поведением г. Витте, которое столь недостойно представителя великой державы.

Если б он явился от себя, то мог бы хоть на коленях стоять перед Комурой и лобызать кончики его сапог, но он забыл, что он уполномоченный Русского Царя, пока еще неограниченного Властителя $^1/_6$ части мира, и что он не имел права сносить оскорбительное обращение Комуры, не имел права выслушивать его японщину, а должен был немедленно прервать переговоры с нахалом, не соблюдающим азбуки дипломатической вежливости.

А нас извещают, что после всего этого, после невероятно дерзких *требований*, отношения между нашими дипломатами и японцами стали *сердечными*…

Боже великий! Может ли далее простираться бессмыслие!

Каких еще почестей суждено нам ожидать в будущем?

Может ли быть большее и горшее смешение языков?

6 августа 1905 г.

Самоубийство «приказного строя»

Ну вот и дожили, благодарение… чуть-чуть было не сказал по старой привычке — Богу, когда тут было бы воистину всуе упоминание Его имени, а вернее всего, надо сказать: благодаря «приказному строю» и дожили мы до его самоубийства и сошествия в собственноручно изготовленную могилу, куда вместе с ним будут сложены по его завещанию и все наши старые исторические предрассудки: одни, как, напр[имер], православие — немедленно, другие, пока еще оставленные для деко-

рации, предоставляется положить во гроб народившейся в 6-й день августа в лето от Рождества Христова 1905, в самый день Преображения Господня Российской Государственной Думе[1], и мы нимало не сомневаемся, что она ревностно и без промедления займется этим обрядом для окончательной расчистки места новым, достойнейшим правителям Отечества, 412 удостоенных доверия, хотя и чуждым нам по духу вообще, а по вере и крови в значительной своей части, но которые несомненно будут одушевлены пламенным желанием достойно завершить последнее творение столь им ненавистного, но так много потрудившегося для их создания «приказного строя».

Воистину можно поздравить 26 представителей и князей Трубецких, Долгоруких, Петрункевичей и др. явных героев 6 июня[2], а также и тайных, но не менее чем они, достойных руководителей веденной против «приказного строя» кампании, с полнейшею, небывалою победою, причем их армия не только не понесла никакого урона, но одними обманными криками от имени народа да страхом браунингов и бомб (и скверная же шутка эти бомбы!), причем для доказательства неотразимости этого аргумента было произведено несколько очень удачных опытов, заставила своего противника самого себя уничтожить, – факт, своим невероятием превосходящий утверждение Городничего о самосечении гоголевской унтер-офицерши, но тем не менее достоверный. Итак, «приказной строй» кончается, и отныне законодательствовать и благоустроять наше Отечество призваны все языцы Российские: и мудрые Натаны из Лодзи, и Ицки из Кишенева, и Мордохаи из Шклова, Бердичева и иных поселений черты оседлости, взрастившей этих «преданнейших» сынов Отечества, и такие патриоты русского дела, как ясновельможные паны и граждане Варшавы, Вильны и др[угих] польских городов, и инородцы Кавказа и остзейские бароны, и даже кочевники наших степей!

Не правда ли, с этой стороны требования заботников об участии чуждых по вере и крови, красноречивым выразителем которых являлся кн. С. Н. Трубецкой, удовлетворены в полной мере и, сверх сего, «приказной строй» простер свою трогатель-

ную заботливость об этих чуждых до того, что позаботился, чтобы их чувства и взоры не беспокоить эмблемами, для многих бессодержательными, а для других даже неприятно напоминающими гнусность их преступления, содеянного над Тем, кого мы, православные, считаем воплотившимся Сыном Божиим. Как же иначе объяснить, что для будущих членов Государственной Думы отменена присяга на кресте и Евангелии, дающаяся всеми, поступающими даже на менее важные общественные службы?

Впрочем, все это совершенно последовательно и логично. Можно только удивляться мудрой проницательности «приказного строя», чрезвычайно правильно предугадавшего духовные свойства будущих своих преемников, большинство которых будет, конечно, свободно от всяких этих религиозных предрассудков, ну, а для десятка-другого верующих стоит ли портить общую картину в новомоднейшем стиле и шокировать доверием народа облеченных представителей изо всех 12-ти колен Израиля, поклонников Магомета, Будды и других экзотических богов? И вот, в угоду всем этим, нам воистину чуждым, избранникам, и немногочисленные русские, еще погруженные в мрак религиозных заблуждений, освобождаются от привычной им формы торжественной клятвы в добросовестном исполнении налагаемых на них долгом обязанностей. А так как «приказный строй» все-таки сознавал, что компания в Думе соберется со всячинкой, и что верить на слово этим достойнейшим рискованно, то он и придумал вместо клятвы, святость и ненарушимость которой для многих весьма сомнительна, взять с них расписки. Не правда ли, как это гениально просто, практично и современно? Жаль, однако, что при этом сделано одно важное упущение – не назначено чувствительной неустойки за нарушение договора. Впрочем, очевидно, что расписка эта только переходная формальность, не имеющая никакого существенного значения. Ведь ясно, что главная цель «приказного строя» заключалась в том, чтобы, как говорится, ублаготворить полнейшим образом и во всех отношениях избранников населения. Им и неприкосновенность, и безнака-

занность за долги, и пятачок на версту, и красненькую в день, причем не оговорено, что платится за участие в работах или в заседаниях Думы; нет, удостоенный доверия может хоть ни разу не посетить Думы, рта не разинуть во все 5 лет своего избрания, – а десять целковых все-таки пожалуйте!

И неужели после всего этого гг. Трубецкие со всеми чуждыми не отнесутся с теплою благодарностью к самозаклавшемуся для вящей их славы «приказному строю»; неужели не воздвигнуть ему достойный мавзолей с соответствующей эпитафией, ему, единственному виновнику их возвеличения, ему, не только добровольно уступившему им место, но и подчинившему их державной отныне воле сотню миллионов русских людей, осужденных теперь в поте лица своего добывать для них десятирублевки? Это было бы черною неблагодарностью; но возможно ли ожидать таковую от облеченных доверием, да еще с распискою в кармане?

Осмелимся, однако, обратить внимание удаляющегося в царство теней «приказного строя», чтобы он во время mise en scéne[3] театра будущих подвигов Государственной Думы для сохранения последовательности не забыл удалить иконы, дабы видом их не оскорбить чуждых, да не вздумал бы по старой привычке открыть ее молебном. Прилично ли будет так насиловать свободу разнокалиберной совести собрания? Конечно, торжество какое-нибудь нужно при таком необыкновенном случае, но надо придумать что-нибудь более подходящее ко вкусам чуждых и их покровителей, напр[имер], сыграть марсельезу, пропеть хором одну из тех прекрасных кантат, за которые наш невежественный народ, плохо понимающий еще художественные красоты революционных гимнов, бил исполнителей в Нижнем, Балашове и др. местах, а в забористых речах уже, конечно, недостатка не будет. А что же молебен? Это выйдет – в бочку жидовского меда да ложку православного дегтя – все и испортишь.

Итак, «приказный строй», облагодетельствовав Россию чуждой ей по вере и крови Думой, отходит в вечность, захватив с собою крест и Евангелие… Теперь для переполнения чаши

нашего благополучия недостает лишь одного – «почетного» мира, но и этого, вероятно, уже не долго ждать при страданиях такого убежденного сторонника его, как г. Витте, уже любезно уступившего по 8 п[унктам] из 12-ти японских *требований*[4], да, похоже, и по остальным уступить он не затруднится. Не подумайте, чтобы он согласился заплатить контрибуцию, о нет! Он не доведет нас до такого позора, но ведь надо же вознаградить японцев за уроки военного искусства и содержание пленных. Ну а корабли, рыбные ловли, Сахалин — ну будет ли ссориться из-за таких пустяков великодушнейший за наш счет С. Ю. Витте? И тогда, кажется, уже опорожнится весь рог изобилия, уготованный судьбою нашей счастливой стране.

Что же остается делать нам, неисправимым приверженцам Православия и Самодержавия? Кажется, одно: отрастить пейсы и поклониться золотому тельцу.

10 августа 1905 г.

———

«Почетный» мир

Мир заключен. Нет границ восторгам и торжеству всех врагов и противников наших. Нет пределов их ликованию. В Портсмуте сама земля не выдержала и затряслась от веселья. Король Эдуард[1] всю ночь не спал от радости. Император Вильгельм[2] спешит засвидетельствовать, что Розвельту обязано человечество за данное ему благо (интересно знать, чем обязывал он человечество, вооружая и помогая японцам против нас?); этот, в свою очередь, благодарит Императора за содействие его усилиям восстановить мир на Дальнем Востоке, у американских Шейлоков – Моргана[3], Шпильмана и Бёкса уже сводит челюсти и течет слюна от сладостного предвкушения 4000 миллионов займа, предназначающегося, вероятно, чтобы достойно отпраздновать воистину колоссальный, чисто сказочный успех гг. Розвельта и Комуры, сумевших не сморгнуть глазом, бессовестно много запросить и, несмотря на громад-

ную уступку, получить все-таки во сто крат более, чем следовало. Да, склонить врага к миру накануне его несомненного торжества, да еще заставить его заплатить за этот мир, нужный не ему, а гг. Розвельтам и Комурам, – это действительно такой невероятный успех, которого можно достигнуть, имея дело только с нашими, с позволения сказать, государственными людьми калибра гг. Витте, Розенов[4], Мартенсов и вообще всей нашей правительственной компании, знающей Россию так же хорошо, как, напр[имер], планету Уран, и даже несколько менее. Ликуйте, кстати, уж и вы, великодушные дипломаты, не щадившие русских клочьев для затычки японских прорех, ликуйте, ибо за ваши доблестные подвиги во славу Комуры, Розвельта и К°, за ваше великодушие к японцам на ваших достойных персях воссияют несомненно новые знаки отличия, и русские, и японские, и последние вы, бесспорно, заслужили более, чем первые. Но не успели вы еще обмакнуть перо в чернила для увековечения нашего позора, как уже японцы заключили против вашей Родины, если только можно считать вас русскими, оборонительный и наступательный союз с англичанами. Ибо против кого же другого Англия «гарантирует прочность новых японских приобретений»? Кто, кроме нас, может напасть на английские владения в Азии, в защите которых Япония обязалась оказывать Англии помощь? Это, кстати, дает очень определенное понятие о том, насколько, кроме «почетности» заключенного мира, достигнута и его «прочность».

Только поразительною до наивности неосведомленностью наших уполномоченных можно объяснить их совершенно ненужные и неуместные уступки Японии, находившейся явно при последнем издыхании, несмотря на все ее победы, в то время, когда мы только что вполне развили свои силы и вправе были не только надеяться, но и быть уверенными в том, что успех непременно перейдет к нам. Ведь не из любезности же к Линевичу[5] Ойяма[6] полгода не двинулся против него для дальнейшего поражения и дал нам время не только пополнить, но и переполнить наши силы против эпохи Ляояна[7] и Мукдена? Неужели гг. уполномоченные не дали себе труда поразмыслить

о причинах такого странного бездействия победоносного врага нашего пред лицом «разгромленного» неприятеля? Неужели они не знали того, что известно каждому биржевому листку, – что Японию заставило искать мира ее полное финансовое истощение, ибо половина ее доходов идет на уплату процентов по государственным долгам? Вот почему вся заграничная печать, несмотря на громадные сделанные Японией нам уступки против запроса, сходится в том, что выгоды, приобретенные Японией, огромны; но ведь эти выгоды доставили им мы, к такой же, следовательно, огромной для нас невыгоде.

Вот как оценивается за границей успех наших дипломатов, успех, над которым можно бы посмеяться, если бы не приходилось тяжко стонать от его последствий. И Розвельт действительно человек гениальный, будучи одним из главных и явных пособников японцев против нас, он сумел, как ловкий фокусник деревенского простофилю, околпачить наших премудрых уполномоченных, простодушно поверивших этой пошлой, сшитой белыми нитками комедии невероятно наглого запроса и столь же невероятно быстрого согласия получить гривенник за рубль за вещь, недостойную ни гроша. Мы присутствовали словно в цирке, где клоун за данную ему затрещину запрашивает в удовлетворение оскорбления тысячу рублей, а соглашается помириться за пятиалтынный, получив который, торжествует, что надул простодушного оскорбителя и оставил его в дураках.

Жуть берет при одной мысли, в каких руках находится участь величайшего Государства! Какова, напр[имер], наивность этого барона Розена, старающегося войти в дружбу с Японией и открыто заявляющего от имени России, что она надеется «впоследствии заменить Англию в союзе с Японией». Не правда ли как уместно, как тактично это заявление барона от имени России?

Итак, Розвельт – величайший человек в мире: весь мир восхваляет умеренность (!!) и великодушие японцев. О г. Витте – и говорить нечего: это главный герой всей Маньчжуриады с начала и до конца: выстроивший семь раз Китайскую дорогу

для хунгузов[8] чужих и преимущественно своих, Дальний – для японцев, Порт-Артур для погребения нашей чести и славы, и, в числе других маленьких уступок, преподнесший японцам рыбные ловли – насущный хлеб прибрежного сибирского населения, осужденного теперь на голодное вымирание за невозможностью конкурировать на море с японцами. Но ведь эти несчастные далеко, и их стоны не услышат в Петербурге, и они не обеспокоят сытое блаженство наших звездоносцев; значит, все довольны и счастливы: и Розвельт, и король Эдуард, и Вильгельм, и Комура, от удовольствия даже обернувшийся к г. Витте задом, и наш *гениальный* г. Витте и весь Петербург, питающийся от корыта 20 числа[9], и все наши внутренние благодетели, стремящиеся к ниспровержению и без малого достигшие цели.

Ну а что говорит русский мужик, что он чувствует, как он относится к сочиненному во славу Японии и Розвельту миру? «Кишки воротит от такого мира» – вот подлинное выражение впечатления крестьянина при первой вести о нашем окончательном и бесповоротном позоре. Это же испытывает и каждый дорожащий честью и будущностью своей страны русский.

20 августа 1905 г.

———

Кто правит Россией?

I

Еще недалеко то время, когда было бы совершенно неуместно задавать такой вопрос, но теперь он далеко не праздный, – напротив, до боли, до отчаяния народного, назревший требующий немедленного и окончательного решения.

Все события последнего времени – с тех пор, как кресло министра внутреннего безделья занял либеральствующий манекен[1], немедленно, – как и следовало ожидать от автомата, – спутавшего весь ход государственной машины, – все

события, говорим мы, доказали, что Правительство наше быстро тает в кипятке никому не нужных, никого не удовлетворивших реформ, и уничтожается в практическом бездействии против подтачивающей государственный организм крамолы. Последние же действия тайных руководителей и распорядителей судьбами нашего Отечества доказали ясно, что явное, так называемое законное Правительство окончательно и позорно обессилело, не будучи в состоянии справиться с горстью неведомых деспотов, повелевших прекращение государственных сообщений и приведших это заранее всем известное намерение свое в исполнение[2], причем наше мнимое Правительство, несмотря на всеоружие своих средств, не умело или *не хотело* принять надлежащих, действительных мер для прекращения такого неслыханного безобразия.

А между тем этот огромнейший правительственный аппарат сто́ит сотни миллионов трудовых народных денег, поглощаемых трутнями 20-го числа без малейшей пользы для питающего их народа. Да что́ уже – пользы! С момента подлого убийства единственного государственного деятеля, достойного этого имени, вся громадная свора петербургского чиновничества потеряла решительно малейший намек на здравый смысл и, вместо того, чтобы заниматься тем, чем нужно, – соблюдением порядка, законности, укрощением не в меру расходившихся честолюбивых аппетитов разных авантюристов quasi-земств и городов и разных произвольных «союзов», – углубилась в дело, не нужное никому, кроме врагов России: в разрушение нашего исторически сложившегося государственного порядка, составлявшего нашу силу и нашу славу.

Наши звездоносные крамольники из кожи лезли, чтобы казаться один либеральнее другого, все заигрывали с разрушителями и потакали самому дикому проявлению необузданного произвола всех групп населения, начиная от одержимых неутомимою похотью власти общественных коноводов, до стихийных бурь среди рабочего класса. Рабочие совращены были

подлым подстрекательством своих и чужих возмутителей, а частью подкуплены для предъявления Правительству и работодателям совершенно неисполнимых безумных требований.

Казалось совершенно невероятным, чтобы Правительство могло сдаться явным народным злодеям…

Но и невероятнейшее совершилось…

Манифест 17 октября[3] окончательно похоронил историческую Россию, совлек с нее, – в угоду смуте, крамоле и тупоумному общественному стаду дипломированных невежд, – последние остатки самобытного ее обличия и вырядил в изношенную мишуру западного конституционализма, донельзя опротивевшего народам, осужденным на этот грубый, фальшивый режим арифметического деспотизма и счетоводной правды.

Ровно двести лет назад (1705 г.) нам повелено было Великим Петром, – под страхом плетей, рвания ноздрей и других столь же гуманных, сколько и справедливых мер, – отказаться от присущего нам обличья и одеяния, обрить бороду и облачиться в куцый европейский кафтан.

Ныне завершено наше обезличение – не только внешнее, но и государственное…

Преступная агитация самозванных сообществ, не имеющая никаких отношений к народу, его жизни и нуждам, вынудила Власть к самоубийству и к убийству исторических начал нашего государственного бытия. И это жертвоприношение естественного уклада полуторастамиллионного народа сделано в угоду – кому? – людям, производящим в Государстве смуту, насилия, беспорядки, убийства и грабежи.

Так и засвидетельствовано в Манифесте, начинающемся сожалением о происходящей смуте и кончающемся исполнением всех ее требований.

Чтó же будет дальше? Умиротворится ли крамола и смута, достигши цели и добившись невероятных уступок по всем своим неоднократно провозглашенным требованиям?

Достаточно ли будет ей, что желания ее почти слово в слово формулированы в Манифесте 17 октября, которым да-

ются кому-то все свободы, все неприкосновенности, требовавшиеся всеми отраслями смуты, от профессиональных союзов до гимназических забастовок?

Удовольствуется ли она отречением от Самодержавия обещанием всеобщего, равного, тайного и т. д. голосования и включением в состав избирателей всего бродячего элемента Государства, не имеющего ни оседлости, ни интересов с ним общих?

Нет, очевидно, что не удовольствуется, потому что цель ее — не устранение, а разрушение России. Орудием этого разрушения служит почти вся наша печать, наша полуобразованная, политически неразвитая и лишенная малейших признаков патриотизма часть руководящего общества и развращенная многолетнею пропагандой политического яда наша неучащаяся молодежь, а вернейшим средством для достижения цели – ослабление Власти, что́ и достигнуто теперь в полной мере.

А между тем, кажется, не было в многовековой истории нашей Родины момента, когда бы сильная Власть была так настоятельно нужна для спасения России от близкого погружения в кровавый хаос, в котором неизбежно погибнут и сами его творцы.

II

Когда граф С. Ю. Витте, создавший настоящее положение, был поставлен во главе нового порядка[4], когда ему отданы были бразды правления, мы на первых порах почувствовали некоторое успокоение, несмотря на отрицательное отношение наше ко всей его государственной деятельности.

Мы рассчитывали, – как и многие его сторонники и противники, – встретить в нем непреклонную силу с ясно выработанною программой и твердым намерением провести ее в жизнь. Мы надеялись, что, достигнув верха честолюбивых стремлений, он докажет, что достоин той высоты, на которую возвела его судьба, что он твердой рукой возьмется за руль

и выведет наш государственный корабль из области урагана, хотя и не тем путем, который, казалось бы, уготован ему историей.

Но и в этой надежде очень скоро пришлось разочароваться!

Добившись своего и став у руля, граф Витте был обязан, вместе с вырванным у Власти Манифестом, обнародовать, для сведения будущих выборщиков и законодателей, и *программу*, которою он будет руководиться в своей новой роли главы кабинета, ответственного пред народом за свои действия.

Иначе чем же отличается его теперешнее положение от положения самовластного сатрапа, которое он занимал в блаженной памяти Самодержавной России?

Одарив нас 17 октября всевозможными свободами, зачем же лишает он нас возможности пользоваться одною из существеннейших – свободой обсуждения его политической программы и способов проведения ее в жизнь?

А граф Витте, вместо того, чтобы властною рукой указать нам путь, по которому он поведет нас к успокоению и процветанию, вместо того, чтобы продиктовать обществу и печати свои к ним требования, необходимые для успешнейшего выполнения своей государственной задачи, мечется в очевидном творческом бессилии, ища опоры там, где он сам должен бы быть руководителем.

На днях была опубликована, – и осталась, к сожалению, не опровергнутою, – беседа нашего полновластного министра с представителями прессы известного направления.

Грустно было за Россию и стыдно за графа Витте читать, какую жалкую роль пришлось ему сыграть в этой беседе.

Казалось, что это беседует не руководитель Государства с одним из органов воздействия на общество, а провинившийся приказчик перед рассерженными хозяевами, который, сознавая свою вину, молит о пощаде, об отсрочке и снисхождении, – и чем усерднее просит, тем бóльшие возбуждает требования. Какие-то Пропперы[5], Нотовичи[6], Ходские[7] и другие такой же масти деятели явились не получить распоряжения государ-

ственного мужа для проведения его политических задач, а предъявить ему ряд нелепейших требований, противоречивых и потому неисполнимых.

А граф? Дал ли он им надлежащую отповедь? Указал ли им их общественные обязанности? Предъявил ли необходимые требования? Увы, – нет! Он лепетал какие-то неопределенные фразы; он напоминал собою капризного ребенка, который, получив дорогую игрушку, не знает, как с ней обращаться, и мечется и к няне, и к горничной, и к лакеям, прося от них указаний, которых они, конечно, дать не могут.

И гг. Пропперы ушли от графа не с властными указаниями, а в уверенности своей силы, и задав графу порядочную головомойку, благосклонно им перенесенную.

Вот кто правит Россией. Куда же может управить ее такой жалкий вождь?

Страшно и подумать!

7 ноября 1905 г.

———

Разрушительная вакханалия

I

Если бы нужны были еще доказательства того, какое гибельное для России учреждение создано в лице Государственной Думы, то каждое новое ее заседание, каждое предложение ее членов, каждая ее резолюция дают обильный к тому материал.

Нельзя развернуть газету, чтобы не встретиться с каким-нибудь новым способом, измышленным этим удивительным собранием, для разрушения всех основ, на которых зиждется существование не только России, но и всякого Государства, каков бы ни был образ его правления. Одичалые члены этого собрания друг перед другом стараются побить рекорд в изыскании наидействительнейших способов разгромления России; в

этом стремлении их не останавливает ничего, ни даже явная нелепость убийственного предложения.

Так, телеграф от 18 мая угостил нас сразу такими известиями, которые способны повергнуть не только в уныние, но прямо в отчаяние самого крайнего оптимиста, при мысли о том, в какие руки отдана судьба Государства.

В самом деле, в этот день Дума, – вопреки категорическому заявлению Правительства, что смертная казнь не может быть уничтожена при настоящем положении страны, – *единогласно* принимает предложение передать законопроект об отмене смертной казни в «комиссию пятнадцати», с тем чтобы она в пятидневный срок представила свой доклад.

Ни минуты нельзя было сомневаться в том, каков будет по этому предмету доклад «комиссии» и как отнесется к нему Дума.

К чему же эта отвратительная, совершенно излишняя комедия, которою забавляются достойнейшие избранники народа, играя жизнью верных слуг страны и безопасностью буквально всех мирных ее жителей? И это в то время, когда не проходит дня без убийства, насилий и ограблений. Можно ли себе представить, что это со стороны членов Думы только недомыслие, а не явное, нескрываемое стремление отдать Россию на безнаказанное растерзание всем лютым хищникам?

Ибо какое же наказание, кроме лишения жизни, может удержать разнузданные порочные страсти, пользующиеся таким заботливым покровительством так называемых народных избранников? Каторжные работы? Да ведь это же какая-то мифология. Никто у нас и не знает, в чем, собственно, состоят эти работы для этих quasi-политических преступников. И хоть бы гг. члены Думы, хлопочущие об амнистии и уничтожении казни, посоветовали своим клиентам хоть на время прекратить их свирепую деятельность – хотя бы для бóльшей обеспеченности успеха их законопроекта! Но их уверенность в достижении цели так велика, что они и этого временного воздержания от убийств не считают необходимым, – и бедные жертвы служебного долга падают ежедневно десятками на всех ступенях и

отраслях государственной деятельности, от губернаторов и до городовых, почтальонов и сидельцев монополии графа Витте, не только при равнодушии, но при нескрываемом сочувствии Таврических самозванцев.

В тот же день, 18 мая, группа думцев, присвоившая себе наименование «трудовой», – хотя очень сомнительно, чтобы в нее попали действительно люди серьезного и производительного труда, а не демагоги разрушения и их скудоумные клевреты, – принесла положение просто изумительное по своей прямо баснословной нелепости и неисполнимости, а именно, что только земли надельные и частновладельческие, не превышающие трудовой нормы, остаются в пользовании их владельцев, а все прочие переходят в общественное заведование!

Да ведь это прямо бред сумасшедших или наглое издевательство над всеми человеческими отношениями, сложившимися тысячелетиями, это – явное стремление разгромить всю земельную собственность, чтó поведет к неизбежному крушению Государства, водворив в нем такой хаос и такой дикий произвол, какого свет еще не видал от сотворения мира.

Замечательно и характерно в особенности то, что эта думская «трудовая» группа пока не высказывается против собственности вообще: она не грозит ни капиталистам, ни фабрикантам, ни промышленникам, ни домовладельцам. Это не желание осуществить социалистическую доктрину, это не поход против собственности вообще, это – нападение только на одно частное землевладение. Почему же именно оно заслужило такую ненависть гг. трудовой группы? Да именно потому, что его уничтожение в России, стране по преимуществу земледельческой, есть вернейший путь к разрушению Государства.

Нужды нет, что этот *законопроект* нелеп, неосуществим, ибо кто это и как может определить трудовую норму, как можно заставить все население сидеть на обработке этой земельной нормы, которая не может быть одинакова для юноши, старика и человека в расцвете лет; нужды нет, что эта дикая мысль порождает массу совершенно неразрешимых осложнений, что это будет неслыханным, чудовищным произволом и насилием,

но она разрушит Россию, а этого только и добиваются умные внушители глупого стада «трудовой» партии, играющей бессознательно в руку ожесточеннейших врагов своей Родины, соблазнившись коварно поднесенным ей подлейшими змиями-искусителями фальшивым, отравленным разрушительным ядом, плодом соблазнительного якобы земельного уравнения.

И весь этот горячечный бред неистовой злобы не встречает ни малейшего противодействия со стороны учреждений, обязанных охранять безопасность общественную и государственную. Напротив того, грозя строжайшими репрессиями проявлению своеволия в развращенном разрушительною пропагандой населении, наши громовержцы стараются всеми мерами угодить центральному сборищу руководителей и подстрекателей преступных движений, истинным виновникам всех постигших нас ужасных несчастий, вместо того, чтобы обезвредить их и пресечь приготовляющиеся злодейства в самом корне, теперь совершенно обнаружившемся.

Второй год мы только и слышим, что вопли о всевозможных свободах и неприкосновенностях. В пагубный день 17 октября злой гений России вырвал, наконец, у Верховной Власти все требовавшееся вожаками крамолы: свободы не только даны, но и тотчас же стали практиковаться, – и в результате получился такой невыносимый гнет, такой небывалый произвол, такая беззащитность личности от убийственного прикосновения первого злоумышленника, каких не бывало в самые мрачные времена автократического или бюрократического произвола.

Страшный гнет революционного террора весьма рельефно выступает в деятельности самой Думы, этой явной поборницы всяческих свобод, до свободы резать кого угодно под предлогом политики.

Как ни ужасен состав Думы, сколь много ни проникло в нее ненавистников России и ее исторической самобытности, однако же нельзя допустить, чтобы в эту многосотенную толпу не попало случайно хоть несколько лиц, одаренных обыкновенным здравым смыслом, любящих искренно свою Родину,

понимающих ее потребности и сознающих весь бесконечный вред для нее настоящего направления думской деятельности. И тем не менее, до сих пор в Думе не раздалось еще ни одного протестующего голоса против предложений, ввергающих Россию в хаос окончательного разрушения! Не было сделано никем даже и попытки в этом отношении, ни одна фамилия не выделилась проявлением хоть каких-нибудь добрых стремлений среди озлобленного воя свирепых волков, хотя и накинувших на себя овечьи шкуры, но не стесняющихся показывать свои смертоносные клыки и неукротимое желание растерзать отданную на их произвол, покинутую своими защитниками, жертву.

Да, все безумнейшие, разрушительнейшие вопросы, возникающие в Таврическом застенке, разрешаются там Малютами[1] – единогласно. Никто не осмеливается быть *против*.

Вот одно существенное отличие нашего обезьяньего до мелочей парламента от всех существующих учреждений этого рода. Даже в радикальнейшей республике, Франции, которой мы стремимся рабски подражать во всех мелочах не только до смешного, но до пошло бессмысленного, – даже и там, среди республиканского парламента, свободно и громко высказываются и монархисты, и империалисты, и никто не стыдится и не боится своих убеждений, не соответствующих вкусам большинства. Не то у нас. Хамская наглость заправил большинства вселяет робкий страх в меньшинство, боящееся пуще черта упрека в отсутствии либерализма, в приверженности к бюрократически-полицейскому режиму, в принадлежности к реакции, – и эти жалкие люди, проклиная в душе безмыслие, глупость и зловредность так называемых передовых деятелей, увлекающих за собою Панургово стадо[2] наших «интеллигентов», стараются изо всех сил казаться не менее передовыми, либеральными, готовыми земно поклониться всем кумирам модно-губительного невежества! И вот в нашем парламенте оказалась лишь одна партия: левая и левейшая, обстоятельство доселе еще не виданное в вековой практике выборных учреждений. И смешно, и страшно!

Ведь если бы в Думе нашлись хоть 5—10 решительных, самостоятельных людей, которые имели бы смелость толково и ясно обличить всю нелепость, всю губительность предложений думских шакалов, – около них наверно сейчас же сгруппировались бы все честные люди с неповрежденным здравым смыслом, и многие бы прозрели и увидели бы во всей наготе умственное убожество тех гороховых шутов, которые теперь диктуют свои губительные повеления, безапелляционно принимаемые толпой, всегда увлекающеюся красноречием, приправленным ничем не стесняющеюся ложью и наглостью.

Но и такого малого числа независимых храбрецов не нашлось в Государственной Думе.

Да и в «Кабинете», обращающемся к населению с твердостью и определенностью, вполне подобающими уважающему свое положение и сознающему свои обязанности Правительству, по отношению к Думе не нашлось достаточно смелости, чтобы ясно и твердо указать ей те пределы, в которых она должна держаться уже в силу вызвавшего ее к бытию закона, и отнюдь не допускать ни малейшего расширения установленных им рамок. Это в особенности важно в первые дни существования учреждения, стремящегося, лишив законную Власть всякого значения, стать самому *неограниченным* в своем произволе над судьбами Империи. Да оно себе уже и присвоило свойство непогрешимости и титул державности. А Дума наша еще очень нуждается в уроках политического воспитания и не должна бы оставаться без внимания и строгого руководства блюстителей законности.

А впрочем, может быть, по нашему обывательскому невежеству, мы заблуждаемся, и Дума, ведя нас на всех парах к государственной погибели, не выходит из пределов своих законных полномочий? Ну, в таком случае остается только…

А, в самом деле, что́ же в этом случае останется? Вернее всего, что ни от Российской Империи, ни от нас, ее обывателей и верноподданных своих Самодержавных Государей, ничего не останется. Не останется даже и вечной памяти,

которую постараются затереть гг. Ефроны и Брокгаузы и их продолжатели.

28 мая 1906 г.

———

Обращение к русским воинам

Высоко стояла слава нашего родного воинства, много подвигов и побед записано за ним в военной истории; много также пришлось на его долю и тяжелых испытаний, но на то была Божия воля, и доблестное войско и после перенесенных бедствий не теряло той славы, которую впервые стяжало в день великой Полтавской битвы.

Лютые враги нашей Родины, вот уже два года стремящиеся погубить наше Отечество, не могли, конечно, исполнить свой адский замысел, пока оно защищалось несокрушимым оплотом народной любви и миллионом штыков преданного войска, готового грудью стать против всякого врага Царя и Родины, как внутреннего, так и внешнего.

И вот для совершения своего подлого дела умыслил враг в народе разлить яд зависти и алчности к чужому добру и в рядах ваших поколебать беззаветную преданность, с которою вы доселе исполняли свой долг, для чего стал распространять в народе подстрекательства к грабежу и погромам, а в войсках сеять подлые семена измены, не гнушаясь никакою ложью, никаким обманом, пользуясь и недавно неудачно окончившеюся войной, общим смутным состоянием и, наконец, пособничеством бунтовщиков, проникших в ваши ряды.

К невыразимому прискорбию и ужасу нашему развратительные усилия свирепых врагов наших принесли прискорбные плоды, и подлая измена, как ядовитая змея, нашла путь в слабые, обманутые несбыточными прельщениями умы некоторых частей войска и, побудив их к открытому бунту, поставила дорогую Родину нашу на край погибели, а себя покрыла навеки несмываемым позором.

Ужасом, стыдом и невыразимыми словами горем наполнились сердца истинных Русских людей при невероятных известиях о событиях в Севастополе, Кронштадте, Свеаборге, Ревеле[1]… Не хотелось верить, чтобы наш, русский матрос, русский воин был бы способен поднять преступную руку против своей же земли, хладнокровно резать своих лучших офицеров и командиров! Велики должны быть наши прегрешения, если Господь счел справедливым так ужасно наказать нас, что стыд и позор военной измены лег отныне надолго черным пятном на войско наше и на весь народ, из среды которого оно вышло.

Дорогие, родные воины! Мы, смертельно скорбящие отцы и братья ваши, взываем к вам из глубины истерзанных горем сердец наших: не губите свою Родину, не поддавайтесь подлым наветам и подстрекательствам негодяев, втирающихся в среду вашу и развращающих ваш ум и сердце, заглушающих в вас чувства долга, дисциплины, верность присяге и любовь к своему Отечеству. Подумайте, к чему приведет измена войска? Ведь она грозит гибелью вашему Отечеству, то есть нам, вашим отцам, матерям, братьям и сестрам, всему, чтó носит Русское имя; она отдает нас, ваших соотечественников, в кабалу нашим внутренним непримиримым врагам, а землю нашу на расхищение иноземцам! Тяжесть пережитого нами в старину Монгольского ига бледнеет перед теми ужасами, которые обрушатся на страну вследствие вашей измены.

Родные, дорогие воины! Пощадите же вашу многострадальную Родину, пощадите сердце вашего кроткого, доброго Царя, пощадите нас, взывающих к вам из глубины истерзанного горем сердца! Не верьте прельщениям и наговорам смутьянов, являющихся в рядах ваших под видом заботников о ваших интересах. Это подлые волки в овечьей шкуре, подсылаемые на гибель всего Русского. Извергайте их беспощадно из доблестной среды вашей. Помните, что вам вверена честь и слава Русского имени, что в ваших руках находится спокойствие и безопасность обширнейшего Русского Царства, стоившего потоков пота и крови вашим предкам! Берегите же это драгоцен-

ное наследие, не растрачивайте его в угоду врагам и не покрывайте и себя, и нас грязью позорной измены!

Не обманите нашей надежды, что все доселе случившееся есть плод прискорбного увлечения, которое не повторится в будущем!

11 августа 1906 г.

Итоги смуты

I

По поводу блестяще удавшегося взрыва на Аптекарском острову[1], растерзавшего многие десятки ни в чем не повинных жертв, глава нынешнего Правительства, г. Столыпин[2], поспешил оповестить во всеобщее сведение, что это ужасное преступление не заставит Правительство переменить направление своей деятельности, каковое останется неизменно либеральным.

Заметьте: он не счел нужным оповестить, что взрывы и убийства не могут поколебать его в стремлении работать на пользу и благо России, – он спешил кого-то успокоить и уверить в своих неизменно либеральных стремлениях. Но такое заверение страдает крайнею неопределенностью и едва ли было способно подействовать успокоительно на нервы обывателя, – рядового, обыкновенного обывателя, не стремящегося ни в Таврические, ни в Мариинские законодатели[3].

И очень естественно, почему. Ведь и авторы, и свершители Аптекарского жертвоприношения, наверно, причисляли себя к направлению либеральному. Ведь все убийства, грабежи, насилия и разгромы совершаются во имя свободы, именуются «освободительным движением», и сторонники и участники его искренно убеждены, что деятельность их – либерального направления. К либералам же, наверно, причисляют себя и составители Выборгского воззвания, равно

как и все стрелки по губернаторам, полицмейстерам и городовым, все бомбометатели и бомбопроизводители, все карманоочистители, от обирающих выручки лавок Виттевской «винополии» до дающих сражения близ Фонарного переулка в резиденции и центре действия главы тоже *либерального* Правительства.

Идет уже третий год, как под предлогом либерализма над обывателем чинятся всевозможные насилия, сделавшие жизнь его сущею каторгой, какой не подвергаются и закоренелые преступники, ибо что́ может быть хуже жизни в постоянной неуверенности в завтрашнем дне, в постоянном ожидании какой-нибудь катастрофы, личной или имущественной? Мудрено ли после этого, если объявление г. министра, что он пойдет стезей либеральною, не только не привело нас в восторг, но, напротив, охладило надежды на защиту от либеральных насилий, в конец отравивших нам существование?

Конечно, оставалась еще слабая надежда, что либерализм кабинета г. Столыпина будет иного характера, чем таковой вожаков «освободительного движения»; но ведь пуганая ворона куста боится, говорит пословица, и ворона-обыватель трепетала в жутком ожидании приложения либеральных экспериментов сверху, на его спину, уже исполосованную ударами либерального произвола снизу.

И дождались…

II

Последнее десятилетие нашего государственного бытия, руководимого графом Витте, который, несомненно, был влиятельнейшим членом Правительства, ознаменовалось таким развитием бюрократического произвола и чиновничьих хищений и беззаконий, подобного которому не было даже в так называемое дореформенное время.

Россия невозбранно расхищалась и развращалась системой всеподданнейших докладов, коими злоупотребляли безгранично гг. министры вообще, а влиятельнейший г. Витте, –

тогда еще не сиявший графским титулом за позор России, – в особенности.

Этот исключительный способ проведения законодательных мер стал обычным, и таким образом гг. министры устранили контроль и участие Государственного Совета в разработке важнейших мероприятий и, обманывая Верховную Власть, стали на ее место неограниченными вершителями судьбы Империи.

Их самовластие, беззакония и неспособность справедливо возмутили всех, кому было доступно понимание ненормального хода нашей государственной машины, и дали в руки бесчисленных врагов наших, внутренних и внешних, сильное оружие, которое номинально было направлено против ненавистного всем «бюрократически-полицейского строя», а на самом деле против всего нашего государственного уклада, начиная с Самодержавия и кончая исторически сложившимся крестьянским бытом.

Бюрократические верхи, тотчас же, разумеется, понявшие эту конечную цель вражеских стремлений, принявших заманчивое и соблазнительное название «освободительного движения», не только их не испугались и им не противодействовали, но вступили с ними в теснейший союз, – и наитипичнейший бюрократ, совесть которого обременена бóльшим количеством злоупотреблений властью и беззакониями, чем всех его товарищей, взятых вместе, тот же пресловутый г. Витте, стал во главе движения против использованного им в личную выгоду и славу старого режима. Теснейшая связь его с тем, чтó называется у нас революцией, теперь выяснилась для всех, и его отношения к Совету Рабочих Депутатов и Гапону, содержавшемуся им на казенные деньги, не оставляют в том никакого сомнения.

III

Рескрипт 18 февраля 1905 года[4] дал полную возможность исправить обнаружившиеся недостатки нашей государствен-

ной машины, узнать и удовлетворить все истинные и неотложные потребности *Русской* жизни, *Русского* населения. Всем известно, какие последствия вызвал этот акт.

Все бюрократы сверху и наше неискусно-политическое общество снизу, под одну и ту же тайную диктовку вражеских влияний, с усердием не по разуму, занялись поспешным реформированием нашей Родины на самый красный фасон, в результате каковой работы явилась сначала никого не удовлетворившая Государственная Дума 6 августа, а затем сварганенный тем же злым духом России, только что опозорившим ее Портсмутским миром, вынужденный наглейшим обманом Верховной Власти и неслыханными преступлениями, – закон 17 октября, не оставлявший камня на камне от многовековой работы созидания Руси и отдавший ее на неограниченный произвол кучке неистовых демагогов под видом «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей».

Все это делалось под предлогом борьбы с бюрократическим строем.

Ну что́ же? Избавились ли мы от ненавистного всем «бюрократически-полицейского режима», от подлого «приказного строя»?

Увы, кажется, – и не только кажется, но до осязательности очевидно, – что нет, и никогда еще бюрократический произвол и беззакония не неистовствовали так сильно, как с тех пор, когда новая серия бюрократов общественных вступила в состязание с чиновничьею, ради совместного разгрома России и захвата в свои руки верховной над нею власти.

В этом хаосе погибло все, чем мог дорожить истинно Русский человек. Погибло Самодержавие, оставив после себя призрак, за который тщетно хватаются оставшиеся верными историческим заветам Родины; исковерканы основные законы, составлявшие незыблемое основание государственного устройства; погибло образование, позорно загубленное его руководителями; расшатана Православная Вера и отдана на поругание всех иноверий до еврейского включительно; погублена армия, безнаказанно и невозбранно растлеваемая явною

и тайною, устною и письменною пропагандой; погибло всякое благоустройство государственное, личная и имущественная безопасность не только отдельных лиц, но и общественных и государственных учреждений, и, наконец, – как достойный венец такой дьявольски-разрушительной деятельности, – в последних днях сих разгромлен вековой уклад крестьянского быта, и крестьянину даровано право, – в котором ныне царствующее Правительство обещает всячески помогать ему, – стать как можно скорее безземельным батраком, пролетарием, вместо собственника неприкосновенного и неотчуждаемого земельного участка.

Да, погибло все, чтó можно было погубить, но бюрократический режим остался во всей его неприкосновенности, и во всей его беззаконности и неограниченном произволе доламывает последние остатки русской самобытности на либеральный манер, ни разу не усомнившись в своей бюрократической непогрешимости, совершенно так же, как год тому назад беспощадно ломалось все, чтó лежало на пути графа Витте к президентству над Российскою республикой.

IV

В самом деле, какая же разница существует между эпохой дореформенной, временем владычества графа Витте и настоящими правителями?

Нравственная, да, громадная. Никто не может заподозрить настоящих руководителей в таких личных стремлениях, которые обнаружились в авторе Сахалинского расчленения. Но разве по существу не продолжается тот же личный произвол, какой царствовал у нас год и два, и десять лет тому назад? Произвол не Самодержавия, но министров, справляющихся только со своими личными вкусами и воззрениями и знать не хотящих того, чтó думает народ, чтó ему действительно нужно.

И чтó дальше, то хуже. Прежде была хоть слабая узда, сдерживавшая особо неудобные фантазии наших временщиков

в лице Государственного Совета. Когда явилась настоятельная надобность в усиленном контроле над бюрократией, то эта же бюрократия создала Государственную Думу, составленную из самых отъявленных врагов России, не только в массе попавших туда инородцев, но в их прихвостнях туземного происхождения.

Конечно, такое антинародное учреждение, одушевленное лишь одним стремлением захватить министерские портфели, а с ними и власть, в свои руки, не могло быть ни контролирующим, ни регулирующим государственную деятельность аппаратом, – и Верховная Власть, несмотря на свое ангельское долготерпение, вынуждена была распустить это собрание алчущих власти бесноватых.

Но для какой надобности прекратилась деятельность Государственного Совета на все время до созыва новой Думы, – решительно невозможно понять. Хотя туда и попали гг. Трубецкие, Таганцевы[5] и им подобные, государственная мудрость и понимание русских интересов у коих весьма недалеки от таковых же Родичевых, Петрункевичей, Набоковых[6] и им подобных, но была же там и группа настоящих Русских государственных людей, прекрасно осведомленных о пользе и нуждах России, которые могли и парализовать вредное направление гг. Таганцевых и просветить Правительство в его, быть может, совершенно добросовестных заблуждениях. Но за прегрешения Думы лишили и Государственный Совет права голоса в судьбах России, – и вот продолжается тот же ничем не сдерживаемый бюрократический произвол, хоть и в руках лиц, ничем не опороченных и воодушевленных, без сомнения, самыми искренними желаниями принести пользу своему Царю и Отечеству.

Но недостаточно хотеть, надо еще уметь, знать и понимать.

V

Не входя в оценку всех ненужно-спешных реформ, все разоривших и пока ничего не создавших, мы только напомним

нашему настоящему правителю, что он даже под бомбами решился следовать либеральному направлению.

Как же он понял и проявил это направление? Проявил его чисто бюрократически, предпринимая коренную ломку народной жизни, не посоветовавшись не только с народом, но даже и с поддельными его представителями; а понял он либеральное направление совершенно так же, как и всею Россией проклинаемый его предместник: в разрушении крестьянского быта, в покровительстве инородческим стремлениям вообще и еврейским в особенности, и в неприкосновенной прелести невероятно-нелепой выборной системы, которая может провести в Государственную Думу лишь интриганов и мошенников, но отнюдь не людей достойнейших, доверием народа облеченных.

Таким образом, мы присутствуем при изумительном зрелище: люди, лично безукоризненной репутации, исполняют йота в йоту программу государственного разложения, составленную нарочито для сего графом Витте при содействии всего враждебного истинно русским началам. В «Кабинете» настоящего, безукоризненного лично премьера действуют те же влияния, господствует то же направление, как и при премьере совершенно противоположных нравственных качеств.

Совершенный последними узаконениями разгром крестьянского быта вообще и крестьянской общины в особенности соответствует как раз тем стремлениям, которые проявились весьма ярко в «Записке по крестьянскому быту» С. Ю. Витте[7].

Юдофильство этого господина находит также очень горячих сторонников в кабинете г. Столыпина и в его официозах, хотя им не может быть неизвестно отношение Русского народа к еврейскому вопросу.

Ввиду всех действий настоящего кабинета мы имеем полное право сказать, что, хотя графа Витте устранили от участия в государственном разрушении лично, но вся его разрушительная программа пунктуально выполняется его преемниками. И если при г. Столыпине введены против раз-

бойников военно-полевые суды[8], то в такой бессистемности, непоследовательности, в такой гомеопатической дозе, которая нимало не убивала аллопатических размеров общегосударственного разбоя, не достигавшего таких грандиозных размеров, как теперь, даже и в правление гр. Витте.

Таким образом, если этот злой гений России губил ее сознательно, с определенною, эгоистическою целью, то во имя чего же губят Русское Государство эти «честнейшие» люди?

От явного врага и негодяя можно все-таки защититься. Не горше ли положение, когда Родину бессознательно разрушают безукоризненные руки, – а в этом теперь едва ли может быть хоть малейшее сомнение.

24 ноября 1906 г.

———

«Революционеры справа»

I

Количество и численность состава так называемых «правых» партий быстро увеличивается, деятельность их растет и оживляется, и из области отвлеченных стремлений переходит к практическим начинаниям, крупному развитию которых препятствует только неимение достаточных материальных средств для их осуществления.

В среде самих сообществ не только не замечается ослабления тех чувств, которые вынудили Русских людей, дорожащих своею самобытностью, соединиться для ее защиты, но, напротив, эти чувства разгораются все ярче и ярче, и все плотнее и плотнее сплавляют в одно целое многочисленные патриотические организации, образовавшиеся первоначально совершенно независимо одна от другой, но потом слившиеся в едином стремлении спасти Родину от обезличения и разгрома политического и материального.

Но по мере того, как разрасталось единение Русских людей для защиты дорогих им начал и русских государственных и народных интересов, разрасталось и количество многочисленных врагов его. Не говоря уже о всех «левых» партиях, от конституционалистов до анархистов включительно, окрестивших союзы Русских людей презрительною кличкой «черносотенцев», к ним в последнее время присоединились люди и органы, так сказать, благонамеренные, но которые, по меткому выражению знаменитого сатирика, и сами хорошенько не знают, чего они хотят: не то конституции, не то севрюжины под хреном. Подобно тому, как все якобы либеральные органы наименовали союзы Русских людей черносотенными для ложной характеристики к грубым насилиям, – так эти политические ублюдки, желая доказать вредоносность «правых» не меньшую, чем бомбометателей, определили это патриотическое движение «революцией справа».

Наконец, в последнее время к числу порицателей деятельности «правых» (разумея под этим названием все русские партии, не отрекшиеся от Самодержавия и борющиеся против подчинения русских интересов инородческим) присоединился и такой почтенный русский орган, как *Русское Дело* (№ 47), и устами своего руководителя, предрекает им предстоящее неминуемое крушение по причине неимения «программы» и, называя их «самодержавниками вопреки Высочайшей воле», ставит их в положение бунтовщиков, стремящихся якобы к разрушению существующего с 17 октября прошлого года государственного строя.

Обвинения, как видите, сыплются на «правых» весьма тяжкие, стремления (возвращение к старому испытанному порядку) приписываются крайне несимпатичные. Поэтому нам, то есть «правым», будет не бесполезно проверить самих себя и нашу действительность, – не кроются ли в ней действительно те ужасные преступления, в которых нас так решительно обвиняют не одни сторонники пролетариев всех стран, но и органы, казалось бы, достаточного политического развития и несомненно большого влияния на обширный круг читателей?

II

Итак, мы – «революционеры справа».

Для проверки справедливости этого нарекания надо прежде всего определить, чтó разуметь под наименованием революции.

По нашему мнению, это есть насильственное стремление к разрушению существующего государственного строя и к захвату власти в свои руки.

Можно ли найти эти неизбежные революционные проявления в действиях «правых»?

Едва ли наши обвинители будут в состоянии указать хоть на один пример насильственных действий «правых» против существующего порядка в Верховной Власти Государства. Если они полагают, что, высказываясь твердо и неизменно за Самодержавие, правые идут против Высочайше утвержденного 17 октября будто бы конституционного образа правления, то ведь в этом кроется очевидное недоразумение, и заблуждающеюся стороной являются отнюдь не «правые», а сами их обвинители, жертвы неопределенных и неудовлетворенных желаний.

Чем могут хулители «правых» доказать, что Высочайшею волею введено у нас конституционное правление? Мы не знаем ни одного правительственного акта, в котором бы это упоминалось, и Манифестом 17 октября Государь даровал не конституцию, но *самодержавно* установил известный порядок будущего законодательства, который тою же Самодержавною Властию может быть и изменен, если окажется неудовлетворительным.

Господам, столь твердо уверенным, что Россия превращена в конституционное Государство, мы только напомним (а С. Ф. Шарапов и сам это помнит, как видно из его статьи в № 47 *Русского Дела*), что гораздо позднее 17 октября Государь во всеуслышание произнесет: «Самодержавие Мое останется таким же, как было встарь».

Против кого же революционируют «правые», оставаясь верными Самодержавию, не окургуженному какими-то ограничениями, а такому, каким оно было встарь? Уж если нас признавать разрушителями существующего порядка, то каковым же надо признать и Самого единомышленного с нами Государя Императора, но в таком союзе (если бы он существовал!) мы смело готовы бороться против всех бесчисленных врагов наших политических исповеданий, полные уверенности в несомненной победе, потому что с таким Царем и за такого Царя стоит весь Русский народ.

Но, оставаясь верными принципу Самодержавия, союзы Русских людей не могли бы быть названы революционными даже и в том случае, если бы Государь отрекся от Самодержавия. Это Он совершил бы тогда революционный поступок, ибо нарушил бы народную волю, ясно и несомненно выраженную при избрании Его предка.

Если бы Государь убедился, что Россия не может далее управляться Самодержавною Волей, Он должен был бы отдать решение этого вопроса народу, от которого получил Свое Самодержавие. И если бы это было сделано так, если бы была найдена правильная форма народного голосования, а не опрос либерально-паразитных учреждений, существующих под именем земских и городских самоуправлений, – то мы уверены, что народ не пожелал бы променять Самодержавного Царя на 500 безответственных представителей. И Государь должен был бы подчиниться такому народному решению, если бы даже оно противоречило Его личным убеждением, или же отказаться править вопреки им.

Но Он Сам признает Свое Самодержавие оставшимся непоколебленным, Он Сам призвал Русских людей к объединению вокруг Своего Самодержавия, – во имя чего? Разве во имя конституции? Да ведь это же было бы верхом нелепости.

Поэтому «правые», протестуя и борясь всеми доступными им *законными* способами против покушений разрушить Россию – такую Россию, какою она была встарь, усилиями

революционеров *сверху*, переполняющих Петербургские правительственные учреждения, с пресловутым «Кабинетом» во главе, – совершают акт законной защиты своего Отечества от злонамерения и недомыслия. В этом нет ни малейших признаков революционности, и надеемся, что бешеная травля газетной злости не поколеблет убеждений ни одного из многомиллионных ныне защитников Русского дела, а тем более их стойких и энергических главарей.

III

Столь же мало справедливы и разумны осуждения «правых» партий в неимении определенной, разработанной программы.

Если бы те миллионы людей, которые объединились теперь, движимые любовью к Родине, не имели этого всецело охватывающего их ум и сердца побуждения, тот никакая, хотя бы идеально разработанная, программа управления Россией соединить и сковать их в крепкое однородное тело не смогла бы. Их сплавила не программа, а идея, которая должна быть положена в основу правительственной программы. Эта идея, выражаемая тремя словами: Бог, Царь и Родина, понятна всякому истинно Русскому человеку и безо всяких разъяснений способна проникнуть в самую глубь его души и воспламенить ее даже на смертный подвиг.

Строить хитрые программы управлений не может быть делом патриотических массовых организаций, нижѐ их главарей. Их дело – силой выражения своих чувств крепко стоять и оберегать основы Русской государственности, так несомнительно ясно выражающейся в приведенном трисловии: *Бог* – святыня Русской народной души, беззаветно верующей и получающей духовное удовлетворение и внешнее выражение в обрядах православного исповедания; *Царь* – олицетворение высшей справедливости и нелицеприятия, высший, свободный, неограниченный Судия и Властитель, Защитник обиженных и Каратель обидчиков; и *Родина* – необъятное про-

странство земли, приобретенное Русскою кровью и обильно политое трудовым народным потом не одного крестьянства, но всех Русских деятелей на всех ступенях государственной деятельности.

Вот эти три начала, три корня своей государственности, настоящие Русские люди будут защищать до последнего издыхания, и никаких иных программ им не нужно, ибо нет такой программы, которая согласила бы всех без противоречий. Выработать ее в толпе нет возможности: это – дело избранных Высшею Властию выразителей народных нужд и желаний при разумном и неослабном контроле лучших Русских людей.

Почтеннейший С. Ф. Шарапов, упрекающий «правых» в беспрограммности, лучше и ближе, чем кто-нибудь, должен знать, насколько бесполезна детальная программа для подъема народных чувств, раз они возникли не искусственно, а на основных отвечающих народному самосознанию.

Посмотрите, миллионы Русских людей крепко сплотились не вокруг программы Грингмута[1], или Дубровина[2], Никольского[3] и других стоящих в центре этого народного движения: они объединились на призыв постоять за Веру Православную, за Царя Самодержавного и за права свои – Русского народа. Всякое прибавление какой-нибудь подробности к этим основным заповедям русского катехизиса будет только разжижать стойкость, густоту и крепость цемента, связующего группы «правых» от Петербурга до берегов Черного моря и от Москвы до Иркутска.

А вот у С. Ф. Шарапова имеется во всех деталях разработанное здание государственного благоустройства. Однако много ли сторонников собрал он вокруг своего домика, который он сам, конечно, считает верхом государственной премудрости? И можно сказать наверно, что такой решительный неуспех происходит не от недостатков его программы государственного управления, хотя и очень спорной, но от ее ненужности и неуместности в борьбе за Русскую землю в настоящей ее стадии.

IV

Здесь уместно будет упомянуть об одном шулерническом приеме, хотя очень грубом, но, к несчастию, практикующемся с большим успехом политическими мошенниками в среде политических простофилей, боящихся пуще огня показаться нелиберальными, каковою передержкой увлекаются часто и очень почтенные деятели.

Начиная от Сахалинского сиятельства[4] и кончая мелкими земскими сосунами обывательского достояния, и от Нововременских хамелеонов до исступленно-революционных листков все на разные лады и голоса старались внушить своим читателям и слушателям, что торжество «правых» будет торжеством произвола кнута (sic!)[5], восстановлением «опричнины», бюрократически-полицейского режима, беззакония и прочих ужасов.

Но ведь это же самая подлая ложь, самая чудовищная клевета и передержка! Только злонамеренная подлость могла людей, стоящих за старый государственный порядок, превратить в людей, ратующих за старые беспорядки и беззакония, от которых более всего страдали именно Русское население, Русские интересы. Ведь это обвинение есть самый бессовестный подлог, самая наглая, очевидная ложь, нарочито пущенная в обращение для того, чтобы отвратить Русских людей от коренных русских начал, скрепляющих целость Государства, и отдать его на съедение сторонникам чуждых нам форм и жадных стремлений инородцев всех мастей забрать в свои хищные когти не только экономические силы страны, но и политическое ею распоряжение.

Нет такого образа правления, при котором были бы невозможны злоупотребления, и они существуют в конституционных и республиканских странах не в меньшей мере, чем в неограниченных монархиях. Все дело в людях: распорядителях, властителях и исполнителях.

Какой режим обеспечивает лучше Государство от злоупотреблений, – это вопрос весьма спорный. Но беспристрастный наблюдатель может сказать только одно: что сильная власть всегда вела Государства к процветанию, а слабая – к падению.

Самодержавие исторически доказало, что, несмотря на все злоупотребления администрации, эта форма правления наиболее сродни Русскому народному духу и понятию о власти. И Русское Государство процветало и крепло тогда, когда наши Цари наиболее проникались принципом Самодержавия и твердо проводили его в управление Государством; и наоборот, Государство слабело, расстраивалось и клонилось к распадению и гибели при ослаблении Самодержавной идеи. Кажется, доказательств не нужно ввиду воочию совершающегося и, хотя недавнего, но, увы, столь уже далекого от нас прошлого.

Перестаньте же лгать на «правые» партии. Только заведомая клевета разрушителей и скорбные головы политических недоумков, которыми у нас не то что пруд, а хоть море пруди, могут приписывать «правым» революционные стремления и желание возврата бюрократически-Петербургских подлостей, которые не только не унялись, но еще пышнее расцвели под сению поспешно, но неразумно выпеченных реформ, убийственных для существования Русского Государства.

Вам не смутить здравый смысл Русского народа, уже почуявшего беду и собирающегося для отпора злодейским рукам, дерзко протягивающимся к его святыням. Уже он услышал призыв своего Государя к объединению, повторенный передовыми бойцами за русские интересы. Искра их горячего слова уже проникла в миллионы русских сердец и, даст Бог, настанет день, когда в могучем пламени народного негодования погибнут без следа все его вóроги, как громящие Русь убийствами и грабежами, так и отравляющие ее смертоносным ядом противоестественных губительных реформ из комфортабельных министерских революционных кабинетов.

3 декабря 1906 г.

———

Тревожное будущее

Увлеченные игрой в Государственную Думу с ее президиумами, рассадкой 137 партий, на которые дробятся «лучшие» избранники «сих дел мастеров», поглощенные заботами и гаданиями о «блоках», из которых образуются центр и фланги третьей по счету законодательной игрушки, ни правительственные, ни выборные, ни общественные малолетки не обращают ни малейшего внимания на новое грозное явление действительной жизни, которое, наверно, возбудило бы сильную тревогу в умах государственных людей, достойных этого наименования.

Мы говорим о все возрастающем вздорожании пищевых продуктов вообще и зерновых в особенности. Устрашающее свойство этого явления заключается в том, что причина его не может быть объяснена всеобщим неурожаем хлебов в мире, ни истощением мировых запасов, и, хотя жатва настоящего года вообще дала результаты ниже прошлогодней, но эта разница далеко не соответствует стремительному подъему цен на зерно. В частности же в России урожай нынешнего года дал продовольственных хлебов почти на 120 милл[ионов] пудов более прошлогоднего, а, между тем, именно у нас-то и замечается наиболее сильный рост цен на хлеб, готовый принять размеры непоправимого народного бедствия. Уже и сейчас, когда хлебные запасы далеко не истощены, крестьяне промышленной полосы России вынуждены покупать ржаную муку по ценам, коих она не достигала в минувший «голодный» год. Несмотря на то, что сбор ржи, по исчислению центрального статистического комитета, в нынешнем году более против прошлогоднего на 232 миллиона пудов; торговцы уездных городов, опасаясь (хотя совершенно напрасно) крупного падения цен, не запасаются более или менее значительными партиями ржаной муки, которой поэтому часто недостает для удовлетворения спроса, и цена ее в один базар

поднимается до совершенно невероятных размеров. Так, например, нынешнюю осень в гор[оде] Алексине она не раз достигала до 1 р. 90 к. за пуд очень плохой муки.

Что же ожидает нас впереди, весною и летом будущего 1908 года? Можно ли надеяться на улучшение? К несчастью, не только нет никаких оснований ждать улучшения, но будущее положение государственного продовольствия и сельского хозяйства представляется в самых мрачных красках.

Как мы уже сказали, дороговизна хлебов едва ли происходит только от его неурожая в странах, служащих главнейшими поставщиками на мировой рынок, – причины случайной и преходящей; но для России есть другая причина, гораздо более опасная, и не только не преходящая, но грозящая принять размеры, гибельные для Государства.

Она заключается в аграрной, с позволения сказать, «политике» дирижеров Министерства Земледелия и прочих функций, на него возложенных. Министерство это, как видно из ежедневных газетных сообщений, ревностно преследует намеченную себе цель – уничтожение частного землевладения. Каждый день мы читаем о кончине культурного хозяйства на пространстве тысяч и десятков тысяч десятин при благосклонном содействии Крестьянского Банка, этого бюро похоронных процессий благоустроенных хозяйств, предающего их трупы Землеустроительным комиссиям на бесповоротное растерзание в отрубные кусочки, дабы и в будущем не оставалось надежды на воскрешение правильной на них культуры. У нас нет под руками цифр, но, сколько помнится, разрушители частного землевладения не раз возвещали о миллионах десятин, вырванных ими из рук, заботливо обрабатывавших их доселе усовершенствованными приемами и орудиями и преданных под царапание допотопной сохи и способов, практиковавшихся в каменный период человеческих познаний.

Вред государственному сельскому хозяйству, наносимый этою политикой, во много раз пагубнее неурожаев, погромов, поджогов и всех грабительско-разбойничьих приемов «освободительного» движения. Как ни ужасны эти явления,

но они все-таки временные. Как ни деликатно относится наше Правительство к преступным действиям злодеев, все же можно надеяться, что оно рано или поздно одумается, ну, хоть под влиянием свежесобранной Государственной Думы, в которую вошло много людей честных и не лишенных здравого смысла, но надеяться на то, что Правительство откажется от политики разрушения частного землевладения, нет решительно никаких оснований.

Конечно, могут возразить, что Правительство никого не принуждает продавать свои земли, что Крестьянский Банк покупает только то, что́ предлагается добровольно и что вольно же землевладельцам бросать свои имения и бежать из них. Добровольно! Хороша добровольность под страхом грабежа, поджога, под ножом или дулом револьвера усовершенствованной системы убийц, против которых не принимается никаких действительных мер, которые бы хоть в малой степени соответствовали ужасным размерам бушующего по всей России зла. Несмотря на учреждение стражников в каждом уезде, мы, злосчастные обитатели усадеб, остались все-таки вполне беззащитны и предоставлены на произвол всякого насилия. В самом деле, как может предохранить землевладельца от нападения злоумышленников хоть целый полк стражников, квартирующихся в уездном городе или при становых квартирах, хотя бы находящихся и в недальнем расстоянии от места преступления? Грабеж, насилие, убийство – дело нескольких минут, в течение которых может защитить только оборона, находящаяся на месте, когда она может *услышать* тревогу или крик о помощи, но, находясь на расстоянии хотя бы таковом, на котором не слышен ясно звук выстрела, она уже бесполезна для предотвращения преступления и годится только в погоню за преступниками, в девяти случаях из десяти бесплодную. Учреждение стражников, таким образом, может прекратить только, так сказать, длительное преступление или нарушение прав собственника, как, например, самовольный захват земли крестьянами, лесные порубки и т. п., чисто «аграрные», менее всего беспокоившие землевладельцев даже в самый разгар это-

го «движения», когда не столько захватывались чужие земли и леса, сколько громились и уничтожались усадьбы, скот и хозяйственные запасы.

Хотя нет того газетного листа, в котором читатель не встретил бы сообщения о грабежах, убийствах и пожарах, но это не составляет и десятой доли действительно совершающихся преступлений, в особенности участившихся в минувшую осень, когда в России систематически выжигались только что собранные запасы хлебов и корма. Редкую ночь нам, обитателям деревенских усадеб, не приходилось наблюдать зарева, а то так и нескольких сразу. Жгли не только так называемых «помещиков», жгли и крестьян, без выбора, кого попало, бедного или зажиточного, лишь бы спалить и без того скудный сбор, едва достаточный хоть на ползимы.

Земские страховые суммы по большей части растрачены или разграблены, частные Страховые Общества отказываются совершенно принимать на страх продукты сельскохозяйственного производства. Только в одном из Московских Страховых Обществ было зарегистрировано за минувшее лето более 600 сельских пожаров, и каждый день прибавляет десятки новых.

О грабежах и убийствах тоже только малая часть сведений попадает в печать. Сколько пострадало безвестно лавочников, трактирщиков, священников и деревенской мелкоты, даже из землевладельцев; недостало бы никаких газетных листков для их полного перечисления! Как же вы хотите, чтобы люди не стремились отделаться от жизни в условиях такой полной беззащитности и при совершенной безнадежности улучшения в будущем? Поэтому совершенно естественно, что они пользуются первою же представившеюся возможностью отделаться от такого опасного вида собственности, каковым является в настоящее время земля, и спешат предложить ее редкому, по нынешним временам, покупателю – Крестьянскому Банку. Таким образом, приобретены или переданы землеустроительным комиссиям для превращения в отрубно-хуторскую окрошку уже сотни тысяч, а может быть, и миллионы деся-

тин земли, и настолько же, следовательно, уменьшилась площадь благоустроенных хозяйств, которые почти единственно доставляют на внутренний и международный рынок избыток сельскохозяйственных продуктов, продовольствующих наше неземледельческое население и балансирующих нашу внешнюю торговлю.

Очевидно, что с дальнейшим переходом культурных имений в крестьянское землевладение, хотя бы и отрубное, количество зерна, поступающего на рынок, должно все уменьшаться, до тех пор, пока крестьянин из сельскохозяйственного дикаря не превратится в разумного, прилежного и знающего земледельца, чего в скором времени ждать невозможно. Вот в этом-то неминуемом прогрессивном уменьшении производительности возделываемой площади, которому так неразумно содействует «аграрная политика» правящего «Кабинета», и заключается главная и неустранимая причина непомерной повсеместной дороговизны хлеба. Рынок чует грядущее бедствие, предчувствует неминучие недоборы, не зависящие от одних только атмосферических причин, и потому крепко держится за имеющиеся запасы, в полной уверенности, что в будущем нет причин к понижению цен, а следовательно, и к убыткам.

Положение еще не разбежавшихся землевладельцев крайне неуверенно, и потому почти повсеместно естественно приостановился рост хозяйств и, наоборот, явилось стремление к сокращению, так сказать, к заблаговременному приготовлению к весьма вероятной ликвидации. Это в особенности наблюдается среди среднего и мелкого землевладения, не имеющего средств к самообороне, как это практикуется теперь в богатых экономиях, охраняемых собственною вооруженною стражей из кавказских разноплеменностей. Количество скота постепенно уменьшается, и там, где еще два года назад откармливались 200–300 голов, теперь держат 50–60, распродав чтó было возможно. Отсюда – уменьшение удобрения, а следовательно, и урожайности, небывалая дороговизна мяса и почти полное исчезновение на провинциальных рынках молочных продуктов.

Вот те цветочки, которые выросли на почве «аграрной политики» правительственных мудрецов, которые забыли, что в России имеется 2000 миллионов десятин, из коих лишь $^{1}/_{40}$ часть обработана, и, вместо забот о расширении культурной площади, занимаются ее сокращением, в видах совершенно мнимого крестьянского благополучия. Каковы же будут ягодки?

Осмеливаемся очень рекомендовать этот наиважнейший вопрос нашего существования особливому вниманию третьей по счету, но первой, надеемся, по благоразумию, Государственной Думы.

10 ноября 1907 г.

———

Третья Государственная Дума

Члены Государственной Думы разъехались на вакации. Это удобное время сказать несколько слов о Думе третьего созыва[1].

Всем известно, как мало были похожи на серьезное законодательное собрание «достойнейшие» двух первых Дум; поэтому естественна та тревога, те сомнения, которые охватили обывателей в ожидании того, «чтó день грядущий нам готовит»[2].

Теперь ожидаемое осуществилось, и хотя прошло еще не много времени со дня открытия Думы и «доверием народа облеченные» еще не успели фактически проявить свою «работоспособность», однако облик ее уже выяснился с полнотою, не оставляющею места никаким сомнениям.

По внешнему виду она представляет совершенную противоположность двум своим предшественницам, начиная с одеяния и кончая поведением. Насколько в первых преобладали косоворотки и «пинжаки» с соответствующим невежеством и необузданностью выражений, настолько в последней преобладает сюртук и тщательная обработка языка. Насколько *уволенные Думы* вели себя неприлично при вступлении в

законодательный храм, коего они оказались неожиданными жрецами, настолько же корректно и безупречно было поведение нынешнего состава, и хотя в него попало немало особ из прежнего заремаренного, но часть их не сочла теперь возможным подражать свинье за столом, а часть наилевейшая демонстрировала лишь отсутствие в моменты особенно неприятные ее «сознательности». Это с внешней стороны. Каково же внутреннее содержание настоящего собрания, имеются ли данные для суждения о его характере и не будет ли оно преждевременно? Едва ли. Прения об ответном адресе на приветствие Государя совершенно выяснили отношение Думы к самому существенному и главному вопросу – вопросу о Самодержавии и конституции, который уже третий год повергает все Государство в неисчислимые беды. Все, что́ ни пережили мы за это время, все ужасы, преступления, бунты гражданские и военные, все это совершалось, совершается и будет совершаться под предлогом борьбы между этими двумя противоположными, взаимно одна другую исключающими, системами государственного устройства.

Я говорю: *под предлогом*, потому что, в сущности, закулисные вдохновители и руководители нашей так называемой революции имеют в виду вовсе не благоустройство России под тою или другою формой правления, а ее окончательный разгром и разрушение. И теперь можно сказать безошибочно, что если Первая и Вторая Думы состояли из исполнителей велений революционных главарей, из рядовых деятелей мятежа против существующего государственного строя, то в Третью Думу проникли все полководцы революционных армий со своими главными штабами. В самом деле, разве можно не признать революционною партию октябристов? Разве не заявили они с трибуны, во всеуслышание, что цель их – стремление к установлению конституционных начал государственного правления? И это в то время, когда еще не высохли чернила, которыми они расписались в верности Верховной Власти *Самодержавного* Императора. Их поведение в прениях по тексту адреса ясно показало, что в их понятиях Само-

державие противоположно конституционализму, ими проводимому; но ведь так недавно такое стремление было признано высшими властями в лице Петербургского градоначальника и Министра Внутренних Дел и представителями закона – в лице Сената, преступным, и *мусульманской* партии, имевшей те же цели и стремления, было отказано в регистрации. Таким образом, ясно, что партия, принявшая название 17 октября и стремящаяся к установлению в России конституции, стремится к ниспровержению существующего государственного строя, а потому, несомненно, должна быть причислена к сообществам преступным. О кадетах и левейших и говорить нечего. В основном вопросе государственного устройства они оказались все одного мнения и составили большинство в 212 человек. Избранников же народных, действительно верных существующему государственному строю, установленному 17 октября 1905 г.[3] Самодержавною Властию и признающих Верховную Власть Самодержавного Царя, оказалось, судя по количеству подписей под адресом фракции «правых», 115 человек. Хотя Правительство, как мы видели, в лице высших административных властей и блюстителей законов уже высказалось о существующей форме Правления, но в первом же выступлении своем пред народными избранниками оно, как и следовало, и требовалось Думским разногласием, устами г. Председателя Совета Министров, ясно и категорически подтвердило, что Россия управляется на началах Самодержавия, «определившего пределы Высочайше дарованного» стране «представительного строя». К этому г. Столыпин добавил: «Проявление Царской Власти во *все времена* показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная Власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности». Драгоценные слова! Как жаль, что г. Столыпин не высказал их раньше, по крайней мере, до выборов в Третью Государственную Думу. Может быть, тогда гг. октябристы постарались бы сообразоваться со взглядами Правительства по основному вопросу существующего государственного строя и поняли бы очевидное: что

можно сидеть в Таврическом дворце по воле Самодержавного Царя и без всякой конституции, а ведь теперь – чем же они отличаются от партий противогосударственных, как бы они ни назывались? Правда, они не наймут убийцу для уничтожения неприятного им члена существующего «режима», они, пожалуй, не откажутся выразить им порицание, но они не только ничего не сделают для упрочения существующего строя, но будут содействовать и сочувствовать всему, чтó поведет к его ослаблению и крушению.

Таким образом, теперь вполне определилась грань, отделяющая признающих существующий государственный строй и подчиняющихся действующим основным законам от стремящихся к государственному перевороту.

К последним следует, несомненно, причислить не только партию, именующуюся Партией Народной Свободы[4] и всех левейших ее, но и Партию Октябристов, совершенно солидарных с ними в стремлении уничтожить историческое Самодержавие Русских Царей. Так как соединение всех этих групп с присоединением к ним воздержавшихся от голосования крайних левых и польского кóло[5] составит значительное большинство, то и настоящая, Третья Дума должна быть признана революционной. Именно революционной, а не оппозиционной. Это последнее наименование ей можно было бы присвоить, если бы она не одобряла законопроекты, вносимые Правительством на ее обсуждение и утверждение, при этом на стороне противников законопроектов могут оказаться и избранники правой фракции, но теперь, если настоящая Дума окажется и работоспособной, в чем почти нельзя сомневаться, и даже в большинстве одобрительно отнесется к представленным ей законопроектам, она, тем не менее, останется революционной по существу, так как устами лидеров партии, неправильно объявившей себя сторонницей акта 17 октября, а на самом деле являющейся его нарушительницей, она заявила свои конституционные стремления, не вытекающие из упомянутого акта. Это не наше толкование; это без всякой сомнительности явствует из приведенной выдержки речи г. Председателя Совета Министров; это резко

подчеркнуто им и во второй его речи. «Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок», – сказал этот сановник, а ведь на его речи, произнесенные в Думе 15 ноября[6], нельзя смотреть иначе как на объявление правительственного взгляда на государственный строй, установленный 17 октября 1905 г., обязательного для всех *верноподданных*.

Повторяем: очень прискорбно, что Правительство ранее не определило с достаточною ясностью свои воззрения и тем ввело в заблуждение многих, примкнувших к Партии октябристов и добросовестно убежденных, что октябристским актом дана конституция. Может быть, и сами вожаки партии искренно убеждены в том, ибо очень трудно представить себе добропорядочного г. Гучкова, или почтительнейшего экс-ктитора Московского Успенского собора – Ф. Н. Плевако (хотя он и адвокат) в роли революционеров, стремящихся к насильственному или хоть мошенническому государственному перевороту.

Нам, правым, не раз приходилось и читать, и выслушивать упреки в том, что, проповедуя незыблемость Самодержавия после 17 октября, мы являемся нарушителями Высочайшей воли, установившей конституцию, и получили наименование «революционеров справа». Виновато, конечно, и Правительство, которое не позаботилось с совершенною точностью выяснить значение Высочайших актов улучшения существовавшего государственного строя и твердо установить, что они не упраздняют ни Самодержавия, ни Царской воли, ни значения Царского сана и вообще ни одного из наших исторических государственных устоев.

Это взаимное непонимание и привело к удивительно несообразным последствиям. Правительство, которое, конечно, должно обязательно стоять на почве 17 октября, вообразило, что партия, именующая себя этим числом, есть именно та, в которой оно найдет наибольшую солидарность во взглядах и наивернейших помощников по проведению их в жизнь Государства. Партия 17 октября со своей стороны была добросовестно убеждена в правильности своего конституционно-

го понимания. И вдруг какой камуфлет! Оказалось, что им обоим только показалось! Теперь, после правительственной декларации, бесспорно, что всех вернее и согласнее с Правительством поняли значение всех реформационных актов, начиная с 18 февраля 1905 г., правые, оклеветанные и снизу из революционного подполья разрушителями Государства, и в общественных кругах – охотниками за властью, и сверху – в заблуждении, что правые стремятся к возвращению старого «бюрократически-полицейского», совершенно исподличавшегося режима и уничтожению всех дарованных Монаршею милостию улучшений. Что «правые» подверглись самой гнусной и беспощадной клевете и всяческому поношению со стороны конституциональных и революционных партий – это весьма естественно. Но менее понятно, или даже совсем непонятно, как могло Правительство иметь такой неправильный взгляд на стремления и значение «правых» и считать их в числе противников Высочайших предначертаний, и, вместо того, чтобы опереться на людей, исповедующих твердо, во всей их совокупности, те исторические начала Русской Государственности, которые, как оказалось из декларации правительства, составляют и его символ веры, искало опоры во враждебных лагерях, до кадет включительно? Предубеждение правительственных руководителей против «правых» не ослабело и после знаменательных слов Государя, что вернейшею опорой законности и порядка Он считает Союз Русского Народа, т. е. правейших из правых.

Никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах, ни устно, ни печатно, «правые» не выражали неповиновения Монаршей воле и стремления разрушить его дело. Судить о пользе или вреде того или другого нововведения имеет право всякий, и отрицание положительных надежд, возлагавшихся на учреждение Государственной Думы по рецепту графа Витте, доселе не оправдавшихся, еще не составляет проступка против верноподданничества. Напротив, именно долг верноподданного обязывает каждого высказываться по крайнему его разумению, а в поступках повиноваться установленным законам и властям.

Так именно и поступали «правые». Считая Государственную Думу в ее настоящем виде учреждением до известной степени противоречащим сущности Русских Государственных начал и далеко не целесообразным, они, тем не менее, приложили все усилия, не противные чести и совести, чтобы провести в нее действительно лучших людей, любящих свою Родину и ей верных. Не их вина, что усилия их не имели никакого успеха в первый раз, очень малый во второй и недостаточный в настоящий, третий раз. Мы не знаем, насколько и в какой форме способствовало Правительство избранию в Думу гг. октябристов, но несомненно, что его расположение к этой якобы вполне легальной партии, и особливо суровое отношение его столичных и провинциальных агентов именно к правым и их органам, не содействовало успеху этих последних и облегчало путь в Таврический дворец всем противникам *существующего* государственного строя, в том числе и преимущественно октябрьским конституционалистам.

Итак, теперь положение выяснилось, Верховная Власть и ее Правительство объявили, что существующий государственный строй есть исторически Самодержавный, чуждый всяких чужеземных цветков, что обязанность Правительства, да и всякого Русского человека: «неуклонная приверженность к русским историческим началам», что «это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть *Царю, олицетворяющему России*». Слова в кавычках г. Столыпина, а курсив наш. Похожи ли на нарисованный главою Совета Министров портрет гг. Гучков, Плевако и их сподвижники – судите сами. По нашему – сходства мало, а потому настоящая, Третья Дума, по своему составу, очевидно, революционная.

Как наладится теперь дело при таком коренном различии во взглядах на существующий государственный строй и вытекающих отсюда дальнейших стремлений – предугадать мудрено. Октябристы ли поправеют и откажутся от конституционных мечтаний, Правительство ли опять будет заискивать в левом большинстве Думы и изменит своему откровению – кто угадает?

А все эти Петербургские chaines chassés croisés[7] вытанцовываются на покрытом бесчисленными синяками горбе несчастного российского обывателя. О Господи, доколе?..

19 декабря 1907 г.

———

Позор Выборгского воззвания. Речь в Московском Дворянском Собрании января 1908 г. по поводу участия Ф. Ф. Кокошкина в Выборгском воззвании

Как счастлива была бы наша Родина, как счастливо было бы дворянство, если бы их честь и интересы находили много талантливых и горячих защитников, сколько их нашлось, к величайшему нашему прискорбию, в этом зале Дворянского Собрания[1] на защиту участника позорного Выборгского деяния!

Его поступок не только оправдывался и очищался от всякого налета бесчестности, но ставился ему в заслугу; его нравственный облик возносили так высоко, что авторитет Дворянского Собрания оказывался ничтожным в сравнении с непоколебимо утвержденной репутацией Кокошкина; одним словом, нам недвусмысленно было дано понять, что мы недостойны даже развязать ремень у сапога этого великого человека, а не то что судить его.

Ввиду такого неудержимого восхваления Выборгского деятеля невольно берет сомнение, уж не заблуждаемся ли мы? Не принимаем ли подвиги за бесчестный поступок? А потому да позволено будет и нам проследить поведение Выборгских героев за последний год, т. е. за время, последовавшее после экстренного Дворянского Собрания, на котором впервые было произнесено осуждение г. Кокошкину, а следовательно, и его сподвижникам.

Что же случилось в это время, что дало бы нам материал для суждения о нравственном облике Выборгских деятелей? Прежде всего – произошел суд над ними. Один из защитников

достоинств г. Кокошкина заявил, что он присутствовал на этом суде и вынес впечатления, благоприятные для судимых.

Я на суде не был, но читал отчеты о происходившем на нем, и по ним составилось у меня несколько иное мнение. Мне казалось, что это судятся не Русские люди, а какая-то заезжая труппа актеров на манер мейнингенцев[2], усердно разыгрывающая пошлую французскую мелодраму. Ну разве свойственно Русскому человеку ломаться, заранее сговорившись, в такие серьезные минуты, когда решается все будущее его?

Нет, Русскому человеку свойственна простота, и он презирает всякую ходульность, на которую взбирались с таким усердием Выборгские герои ради одобрения взиравшей на их ломание сочувственной галерки. Но для Русского ума, для Русского чувства это ломание было противно и не могло возбудить ни сочувствия, ни уважения к актерам. Затем смягчить сердца наши по отношению к преступникам могло бы их чистосердечное раскаяние. Но, кажется, что о нем и говорить нечего. Оно не проявлялось ни в малейшей степени ни до суда, ни в его течении, ни после оного. Не лишено было бы известной доли благородства и мужественное сознание в целях задуманного преступления, если бы подсудимые смело и откровенно заявили, что – да, они ненавидят существующий государственный строй, что они решились не останавливаться ни перед какими средствами для его сокрушения и что они готовы понести за это кару, но не отступятся от своих убеждений. И в этом сознании преступления было бы некоторое величие непоколебимого мужества. Проявили ли его составители Выборгского документа? Нет: ни оптом, ни в розницу, ни в одиночку. Напротив: они и их защитники оказались столь виртуозными в изобретении уловок для оправдания преступности, что далеко превзошли крючкотворство того поколения юристов, которое в дореформенную эпоху носило характерное наименование «крапивного семени». Они уверяли, что Выборгское воззвание было выпущено ими для спасения самого Правительства от взрыва народного негодования за разгон его представителей; они, видите ли, своим воззванием отводили этот сокрушительный поток

в русло «пассивного сопротивления». Но вы уже слышали, как активно, кроваво активно могло разразиться это пассивное сопротивление, если бы Русский народ имел что-нибудь общее с этими двухвершковыми самозваными героями. Вот и все, на чем можно основать суждение о нравственном облике Выборгских деятелей вообще и г. Кокошкина в частности. Ни правдивого объяснения, ни откровенного сознания.

Обращаясь засим к г. Кокошкину, мы видим, что он отнесся с полнейшим пренебрежением к постановлению Дворянского Собрания и не воспользовался правом представить объяснения своего предосудительного поведения.

Нас старались уверить в том, что г. Кокошкин не подал объяснения потому, что был оскорблен предъявленным ему обвинениям в бесчестии и что отвечать на таковые препятствовало ему чувство собственного достоинства. Едва ли можно признать это объяснение правдоподобным! Я полагаю, что причина молчания г. Кокошкина кроется не в этом, а в том, что для своего явно бесчестного поступка он не мог найти достаточно убедительных мотивов оправдания, да еще письменного. Ведь еще словесно можно наговорить много громких, хотя, в сущности, пустых, фраз, которые могут произвести эффект и ввести в заблуждение доверчивого слушателя. Но дать письменное объяснение – это дело посерьезнее! Тут не отделаешься какой-нибудь ошеломляющей фразой, сказанной с известным пафосом; тут надобны логика, ясность и доказательность. Не подал он объяснения потому, что ничего удовлетворительного для себя объяснить не мог.

Я должен еще обратить внимание гг. дворян, что вопрос о решении участи г. Кокошкина усложнился очень серьезным обстоятельством. Ведь год тому назад огромное большинство московских дворян, собравшихся на экстренное Собрание, уже высказали свое суждение и признали деяние г. Кокошкина бесчестным.

Если теперь настоящее Собрание не подтвердит это решение, – в каком положении окажутся те 192 дворянина, которые высказались за удаление г. Кокошкина из среды Мо-

сковского дворянства? Ведь оправдание деяния г. Кокошкина будет равносильно признанию, что эти 192 дворянина не умеют разбираться в вопросах чести их сословия, и тогда решится ли хоть один из них переступить в будущем порог этой залы; своим решением сохранить в дворянской среде г. Кокошкина вы нравственно исключите 192-х дворян, которые, конечно, не сочтут себя достойными восседать рядом с этим великим Выборгским деятелем.

Господа, не завидно положение Российского Дворянства! Материальное благосостояние его тает; беззащитность от насилий и аграрная «политика» вынуждают нас покидать наши родовые гнезда, политическое значение нашего когда-то первенствующего сословия сведено до нуля благодаря тому, что мы были устранены от всякого участия в важнейших государственных событиях последних лет и нам не дали возможности высказаться по поводу совершавшегося государственного преобразования. Осталось у нас одно достояние, хоть не высоко ценящееся на современном товарном рынке, но нам еще очень дорогое, – наша сословная родовая честь. И теперь собираются если не отнять, так хотя замарать ее. В доселе чистую, стремятся влить ложку дегтя и тем непоправимо ее испортить. И заметьте, что это делается вовсе не потому, что этою дворянскою честью очень дорожит г. Кокошкин. Один из его апологетов обмолвился, что, собственно, ему важно не то, останется ли он членом сословия или нет, на это ему – наплевать, а важно для него то, что исключение из сословия повлечет за собою потерю некоторых прав и может отразиться на его материальном благосостоянии. Но если дело только в этом, то, господа, давайте сделаем складчину или ассигнуем из дворянских сборов достаточную сумму для возмещения этому господину материальных потерь! Я уверен, что все мы с большею готовностью и удовольствием откупимся от старания г. Кокошкина и его радетелей, во что бы то ни стало сохранить его место в нашей дворянской семье!

Горячие защитники г. Кокошкина едва ли сознают, какая несоизмеримая разница между участью одного человека,

запятнавшего себя позорным деянием, и охранением чести целого сословия, уже раз определенно высказывавшегося по его делу, и я осмелюсь напомнить господам дворянам, что, неся оправдание Кокошкину в его баллотировальный ящик, они тем самым превратят его в похоронную урну их дворянской чести!

———

«Мы обязаны говорить Царю правду». Речь в Московском Дворянском Собрании 1 февраля 1908 года

Кн. П. Н. Трубецкой[1] предлагает нам выразить пожелание успеха в работе Государственному Совету и Думе, и трудно было бы возражать против такого предложения, если бы цель его ограничивалась высказанным. Но сами же инициаторы предложения пояснили, что оно должно служить дополнением и исправлением к только что принятому Московским дворянством Всеподданнейшему адресу[2], и потому является демонстрацией против его содержания. Такое выяснение цели предложения кн. Трубецкого делает его совершенно неприемлемым, ибо никаких дополнений и истолкований к адресу, одобренному большинством Собрания, допустить нельзя. Сторонники предложения наш отказ истолковывают как противление воле Государя, непризнание им образованных учреждений, что несогласно с выражаемыми нами чувствами верноподданничества. Но это клевета, которую пора разоблачить. Неправда, мы подчиняемся во всем воле Самодержавного Государя, мы признаем все, что от нее исходит, а в том числе и учрежденную Им Государственную Думу, мы употребляем все усилия, чтобы послать туда действительно лучших людей, и не наша вина, если в том не успеваем. Но мы верноподданные, а не рабы. Никакое верноподданничество не обязывает нас восторгаться мероприятиями, которые мы считаем ошибочными. Как ни велико наше уважение к

Царю, как ни высоко чтим мы Его сан, но все-таки Царь не Бог, а человек, и может ошибаться, вводимый в обман своими советниками. Как верноподданные, мы обязаны говорить Царю правду, как бы горька она ни была, указывать на ошибки, а не покрывать их. И наши Цари всегда умели выслушивать правду, наши Монархи никогда не насиловали наших мнений, как их стремятся насиловать народившиеся политические партии. Протестанты против адреса Государю, принятого Дворянским Собранием, подали свое отдельное мнение; если этого им мало, пусть пошлют приветствие в Думу от своего имени, но не навязывают того же всему Московскому дворянству.

———

Корень бедствий

Уже четыре года наша несчастная Родина изнывает под бременем тяжких бедствий. Начиная с небывало несчастной войны, закончившейся неудовлетворительным миром, ей суждено было испытать целый ряд внутренних потрясений, расшатавших доселе крепкий организм и грозящих самому существованию Государства. Многочисленные вспышки гражданских и военных бунтов и возмущений, по подстрекательству врагов Государства разрушили массу благосостояний и пролили целые потоки крови. Хотя представители Правительства и провозгласили, что теперь настало успокоение, но, к величайшему прискорбию, действительность не подтверждает это уверение. В самом деле, можно ли считать страну успокоенною в то время, когда по всему Государству рыщут грабители, и даже в столицах, бдительно оберегаемых полицейскими и военными силами, грабежи и убийства стали явлениями обыденными, и то и дело открываются покушения заговорщиков на государственный переворот и происходят целые битвы между преступниками и чинами общественной охраны; когда ежедневно льется кровь обывателей; когда разбой царит

повсеместно?! Можно ли считать страну успокоенной, когда в минувшую осень вся она была объята пламенем пожаров, в которых намеренно и систематически уничтожались плоды трудов земледельческой России, единственной основы нашего экономического благосостояния?

Но горше всякой внешней неудачи, горше разбоя и имущественного разорения разъедает Россию смута в умах, объявшая все влиятельные сферы, как служебные, так и общественные, и парализующая всякую живую практическую государственную деятельность. С тех пор, как Манифестом 17 октября 1905 года Государю угодно было в заботах о благоустроении Государства привлечь «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей» к участию в законодательных трудах, в обществе произошел раскол и резкое разномыслие в понимании истинного значения дарованной реформы. Одна часть общественных деятелей поняла этот акт как отречение от Самодержавия и установление представительного образа правления, именуемого конституционным, другая же, опираясь на точный смысл Основных Законов и Собственные слова и акты, исходившие с Высоты Престола, считает Самодержавие оставшимся незыблемым и после прав, дарованных населению 17 октября неограниченною Верховною Властию Самодержавного Монарха. Отсюда возгорелась прискорбная вражда между частями населения, толкующими различно значение вышеупомянутого акта; рознь, столь же непримиримая, сколь противоположны и несовместимы идея Самодержавия с идеей конституционализма.

Но можно ли винить строго общество в неумении уразуметь истинный смысл обновленного государственного строя, когда даже среди лиц высшего правительственного персонала существует в этом отношении коренное разномыслие, ибо в то время, как одни представители власти считают проповедь конституционализма государственным преступлением, караемым законами Империи, другие не видят в этом никакого проступка, так как такая проповедь есть только укрепление установившегося 17 октября 1905 года образа правления?

Не может также способствовать успокоению Государства и не вызывать справедливого недоумения то различие, с которым агенты Правительства относятся к одним и тем же политическим деяниям. Так, пропаганда конституционализма и разрушительных социальных теорий среди населения признается преступной и карается, а провозглашение того же с трибуны Государственной Думы происходит невозбранно и даже попечениями Правительства распространяется во всеобщее сведение.

В последнее время эта политическая смута получила новую пищу после того, как г. Председатель Совета Министров в заявлении своем пред Государственною Думой одновременно признал и существование представительного строя, и необходимость сохранения исторического Самодержавия, очевидно, стремясь, ради примирения разномыслящих общественных групп, совместить эти совершенно несовместимые идеи, и, конечно, не удовлетворил ни ту, ни другую сторону. Сторонники конституционализма признают себя обманутыми, справедливо считая его несовместимым с сохранением Самодержавия; сторонники же исконного Самодержавия, считающегося ими единственно пригодным для Русского Государства, не могут удовольствоваться водворением в действительности конституционного образа правления с сохранением Самодержавия лишь как парадного титула Монарха, без его сущности.

Эта раздвоенность и постоянные колебания между двумя совершенно несовместимыми правительственными началами приводят к печальной уверенности, что Отечество наше не может достигнуть успокоения, пока будет продолжаться смута, порождаемая разнотолкованием существующего строя; не может быть благоустроено Государство без твердо определенного образа правления, коему все безусловно обязаны подчинением. Колебания Правительства и отсутствие авторитетного, решительного указания, как должно и обязательно понимать нынешнее государственное устройство, имеют своим последствием то, что все разномыслящие обще-

ственные группы считают правильным каждая свое толкование и стремятся дать ему преобладание. Враждебные Государству элементы искусно пользуются этим ненормальным состоянием, возбуждают страсти и, под предлогом политических стремлений, развращают население несбыточными обещаниями и, наконец, что всего ужаснее, убивают все будущее страны, погубив в ней высшее и расстроив всякое образование и тем лишив Русское юношество необходимого знания и умственного развития.

Несчастное Отечество наше измучилось в невыносимых страданиях, и только властное слово с Высоты Престола может умиротворить и успокоить его. Поэтому ближайшая обязанность и непременный долг всех Русских людей, групп и партий, искренно и горячо любящих Родину и желающих восстановления в ней спокойствия, безопасности, порядка и благоустройства, заключается в обращении к Государю с настойчивой единодушной мольбой, чтобы Он произнес это слово, вывел бы Россию из состояния гибельной неопределенности, установил с бессомнительною ясностью и твердостью, не допускающею никаких сомнений и лжетолкований, как обязаны все русские подданные понимать существующее государственное устройство. Только по разрешении этого основного вопроса нашего государственного существования, что всякое иное толкование сущности дарованных реформ будет преступно и неизбежно караемо, при каких бы обстоятельствах и кем бы оно ни проявлялось, можно надеяться на оздоровление нашего больного государственного организма. Изъятие этой главнейшей причины нашего государственного нестроения развяжет руки Правительству в его обязанности защищать всемерно спокойное существование населения и охранять его от всякого злоумышления, успокоить и умиротворить мятущееся многомиллионное население и возвратить нашему обширному Царству крепость и силу, а Царскому Престолу его историческую незыблемость и славу.

———

«Недосиженные» законодатели

Во время обсуждения в Государственной Думе предложения о вспомоществовании пострадавших от разбоев революционных партий граф Бобринский 2-й[1] произнес обширную речь, в которой, между прочим, выразил удовольствие от неудачности кампании, «которую повели против народного представительства реакционные слои нашего Государства», но теперь он, «слава Богу», видит, что русское население дожило до представительного строя, даже более того, «до конституционного строя», и с гордостью объявляет, что он дорос до этой высокой степени гражданского развития; он утешается сознанием, что Дума в любой день «с громадным подъемом духа и с глубоким убеждением высказала бы порицание (однако до сих пор не высказала) тем ужасам, которые творятся революционерами в России». Эта тирада была покрыта громом аплодисментов. Поздравляем графа с успехом, однако мы полагаем, что едва ли есть основательные причины хвалиться тем, до чего мы, старики, дорастали почти полстолетия тому назад, еще будучи школярами.

Политическое развращение наше началось ведь очень давно, и в начале шестидесятых годов прошлого века мы, читая взасос «Колокол» Герцена[2] и уча наизусть стихотворения его компаньона Огарева[3], которые неукоснительно доставлялись невидимыми благодетелями во все учебные заведения, не только дорастали до того, чего граф Бобринский достиг только чрез 50 лет, но и значительно его перерастали в направлении гражданской свободы, прав человечества и вообще всех тех атрибутов, которые были необходимы для приведения нашего Отечества в то благополучное состояние, которым так гордится и восторгается его сиятельство.

Да, бесспорно, что граф Бобринский дорос теперь до того, до чего мы, недосиженные школяры, дорастали в том возрасте, когда у нас еще молоко на губах не обсохло. Как хотите, а

с нашей точки зрения успех не батюшки мои какой. Было бы для России много полезнее, если бы гг. члены Государственной Думы дорастали до понимания Русской Государственности, ее особенностей, до понимания истинных политических обязанностей Русского Народа, своих истинных обязанностей как людей русских, а не пошлых обезьян, рабски копирующих происходящее по соседству. Вот когда гр. Бобринский 2-й с товарищами дорастут до такой степени своего умственного и политического развития, то тогда и мы будем им рукоплескать. Только дорастут ли? Увы! Едва ли, если они в Таврический дворец вошли такими же «недосиженными» птенцами, какими мы были полвека назад.

9 февраля 1908 г.

Безнадежность настоящего

Если судить о положении России по поведению Петербургских владык, над ее судьбами и новоявленных законодательных учреждений, то можно подумать, что в нашем любезном Отечестве царствуют невозмутимый мир и тишина, что жизнь его течет совершенно спокойно и правильно, и потому от попечителей наших не только не требуется особо напряженной деятельности, но они могут позволить себе роскошь траты времени на пустяки, не имеющие никакого серьезного значения, как, напр[имер], запросы о мнимом провокаторстве сыскной полиции, якобы случившемся три года назад, или обсуждения вопроса о досрочном освобождении наших «освободителей», столь своевременно возбужденном удивительно догадливым главою судебного ведомства. Но можем ли мы, злополучные пациенты наших чиновничьих докторов, разделять их благодушные взгляды и верить в провозглашенное Петербургскими владыками «успокоение»? Ведь достаточно ежедневно проглядывать какой-нибудь газетный лист, чтобы усомниться в правдивости уверений

о наступлении спокойствия. Неужели они, стражи нашего спокойствия, не знают того, что ежедневно объявляется во всеобщее сведение? Не проходит дня, в который бы мы не прочли, что там убили столько-то стражников и полицейских, там-то пристрелили местного председателя Союза Русского Народа, там – зарезали целую семью в поисках за ее сбережениями, ограбили почту, казначейство и т. д. с непрерывным постоянством таких воистину «успокоительных» сообщений! И при этом – обратите внимание: вы никогда не прочтете, что поврежден или убит октябрист, кадет или кто-нибудь из социал-разновидностей, а непременно или полицейский чин, или «черносотенец», да еще не рядовой, а стоящий во главе местного союза или влиятельный его член. И при таком-то положении, когда в государстве жизнь и достояние обывателей оказывается отданной на произвол любого злоумышленника, когда не только в деревнях, но и в городах, не исключая столиц, ежедневно совершаются жесточайшие преступления и открываются приготовления к разрушению «существующего строя», – этот самый «строй», допускающий прямо-таки неслыханное надругательство над всеми началами законности, порядка и безопасности, признается нашими диво-властями нормальным, и, следовательно, судя по отсутствию с их стороны проявления какой-либо особой, видимой заботливости к укрощению злодеяний, мы, обыватели, и впредь осуждены пребывать среди такого в ужас приводящего спокойствия.

Но что говорить о чиновниках. Им, их современному незнанию истинных государственных нужд, уже не говоря о беззакониях и злоупотреблениях, мы обязаны всеми обрушившимися на нас несчастиями. Но вот, в помощь им и для их вразумления, создалось учреждение из людей, «доверием народа облеченных», которые сначала сами себя, а потом и наши мудрые правители назвали «народными представителями». Они, как таковые, должны бы, казалось, знать истинное положение страны, проявить энергическую заботу о прекращении ее страданий и потребовать от исполнительной власти

не кукольной, а действительной борьбы со всеми «разрушителями строя», начиная с украшенных княжескими и графскими коронами. Но идет уже пятый месяц существования третьей, не в пример двум первым, благоприличной Думы, а в ее деятельности нет и намека на что-нибудь подобное. Целые водопады речей низвергаются по вопросам о выеденном яйце, масса времени тратится на пустяки, но ни одного штриха творческой деятельности, ни одного намека на понимание действительного состояния Государства и его нужд, ни одной искры патриотического чувства, которое осветило бы им истинный смысл их назначения. Мы, обыватели, не обеспечены ни на один день безопасного существования, мы, землевладельцы, можем оставаться в наших усадьбах только с ног до головы вооруженные, в опасении наезда экспроприаторов, а наши, с вашего позволения, «представители» ужасно озабочены, напр[имер], проведением закона о «неприкосновенности личности». Чьей? Нашей, обывательской? Да разве она раньше, до «освободительного» насилия не была неприкосновенна? Разве нам, *обывателям*, нужен этот специальный закон? Ни капельки он нам не нужен. Он нужен именно для того, чтобы затруднить охраняющую нашу безопасность власть в борьбе ее с нарушителями оной и сделать возможно неприкосновенной личность всех нарушителей спокойствия общественного и государственного. Разве нам, мирным жителям, нужен закон о досрочном освобождении? Разве не бессмыслица заниматься такими вопросами в то время, когда преступность возросла до небывалых размеров, когда с опаской надо проходить мимо каждого 16—18-летнего парня хоть и в рваном «пинжаке», но зачастую с дорогим браунингом или маузером за пазухой и обильным запасом обойм и зарядов? Да разве вообще можно проводить какие бы то ни было реформы и обновления в государстве, в котором совершенно отсутствует общественная безопасность и не предпринимается никаких мер к ее ограждению? Ведь безопасность личная и имущественная есть право и необходимое условие и главнейшая цель существования Государства. Где ее нет – не

может быть никакого благоустройства, и вотще будут издаваться законы, в особенности такие, которые ограждают права и личность разбойников и революционеров. Могут сказать: да ведь их и теперь не только сажают в тюрьмы и ссылают на каторги, но и вешают, чего же, мол, вы хотите больше? Да, отвечу, мы хотим больше. Мы хотим таких мер, которые бы сделали невозможным повальное развитие преступлений, и всякого охотника до чужого – будь то власть или собственность – заставили бы сильно призадуматься, прежде чем решиться на преступление. Не наше дело советовать властям и «представителям», какие следует принять меры вместо не имеющих ни нравственного, ни устрашающего влияния наших тюрем-гостиниц, каторги-прогулки и случайной виселицы для одного из тысячи убийц. Они, облеченные властью, *обязаны* знать, что нужно предпринять и чем укротить злоумышленников, а если не знают, то недостойны занимать свое положение. Но нет и не может быть сомнения в том, что средства для успешной борьбы с разбоем-крамолой – их теперь невозможно различить – существуют и были бы давно применены, если бы все правящие и законодательствующие сферы серьезно и единодушно обратили все свои усилия на действительное, а не провозглашенное для внешнего употребления, успокоение страны.

К сожалению и горю нашему вся деятельность петербургской бюрократии и законодательных учреждений не дает никакой надежды, что они, наконец, сжалятся над нашей несчастной Родиной и начнут служить ей и ее интересам, а не вожделениям «левых», инородцев и иноверцев, чем ярко оттеняется вся их деятельность. В самом деле, в то время, когда для нас, русских, не сделано ровно ничего, какие мероприятия проводятся правителями и одобряются Думою и ее комиссиями? Введение польского языка в русских семинариях Холмской и Бельской, свобода пропаганды иноверия между православными, досрочное освобождение наших убийц и разорителей и т. п.; а с другой стороны – отказ в кредите на возрождение нашего флота под предлогом недобро-

качественности настоящей морской администрации. Да ведь под этим предлогом следовало бы отказать в кредитах по всем без исключения ведомствам. Которое же из них столь совершенно, что заслуживает полного доверия гг. «представителей»? По справедливости можно сказать, что едва ли остальные отрасли государственной администрации лучше не одобряемой морской.

Если следует отказать ей, то почему не отказать Военному Министерству, доведшему нас до Ляояна, Мукдена, Порт-Артура? Или Министерству Финансов, много лет разоряющему страну своею неумелостью? Или Министерству Путей Сообщения, геометрические подвиги инженеров которого по части лихоимства сделались притчей во языцах? Или Министерству Внутренних Дел, своею деятельностью поставившего на карту самое существование Государства? Почему же достойно бо́льшего доверия Министерство Иностранных Дел, 50 лет ведущее внешнюю политику столь успешно, что мы то и дело попадаем как кур во щи – от Парижского конгресса[1] к Берлинскому сраму[2] и дошли, наконец, до Портсмутского ненужного, ничем не оправдываемого позора? Кстати, о выступлении в Думе настоящего руководителя нашей иностранной политикой. Как я думаю, смеялись в душе присутствовавшие при декларации японские посланник и его секретарь, когда г. Министр Иностранных Дел объяснял, что Портсмутским договором и последующими его развитиями Россия не потерпела никакого ущерба в том, что она имеет право считать своим «историческим» достоянием, к каковому г. Министр не причисляет южную часть о. Сахалин. Что такую несообразность мог сказать чиновник, старающийся обелить деятельность своего министерства, это не удивительно. Но как это среди сотен русских людей, при этом присутствовавших, не нашлось ни одного, кто бы напомнил г. Извольскому, что ему, дипломату, следовало твердо знать, что за южную часть Сахалина мы в свое время отдали японцам целый архипелаг Курильских островов, которые, однако, к нам не возвратились.

Или г. Министр и эти острова не считает нашим историческим достоянием? И вот, вместо того, чтобы напомнить забывчивому чиновнику урок из недавней истории, лидер нашего октябристского несчастия, как и подобает купцу, успешно выторговал у г. Извольского 10 т[ысяч] рублей, а для удовольствия гг. японцев любезно обещал, что Россия не будет искать возмещения своих потерь на Дальнем Востоке. Какое презрение к артистам этого позорного думского представления должны были чувствовать присутствовавшие сыны Страны Восходящего Солнца. Патриотичные до фанатизма и преданные беззаветно интересам своей страны и своему микадо! Стыдно и грустно!

Но кроме, очевидно, непатриотичного направления деятельности 3-й Думы она даже, так сказать, свежеиспеченная, проявляет характерную черту, свойственную всем без исключения русским общественным и отчасти государственным учреждениям, – это пренебрежение своим долгом, происходящим от лени и отсутствия сознания обязанностей, связанных со званием «доверием народа облеченного». Многочисленные и многочленные комиссии то и дело не собираются на назначенное заседание и лишь малая часть членов, недостаточная для пресловутого «кворума», является аккуратно, чтобы безнадежно разойтись. Гг. члены Госуд[арственной] Думы, получая поденное вознаграждение, не стесняются уезжать не только по своим надобностям в провинцию, но путешествуют на щедро платимые им народные деньги за границу и для собственного увеселения, и даже для приготовления оков против вызвавшего их к жизни «существующего строя». Можно ли представить себе положение более бессмысленное, более нелепое? Однако именно таким повальным, ужасающим бессмыслием сверх всякой меры переполнена ныне обновленная, но несомненно увядающая Россия. Пора, очень пора вспрыснуть ее живой водой, но таковой не найти в Петербургском бюрократическом гнилом болоте, ни в изменнической мути Государственной Думы.

Колосово, 10 марта 1908 г.

———

Реформаторская мания

Комиссия Государственной Думы по государственной обороне отвергла кредит на постройку броненосцев, находя невозможным разрешить его впредь до реформы Морского Министерства. Не подлежит сомнению, что морское дело наше находится в руках, не заслуживающих ни малейшего доверия, горестные доказательства чему у всех еще в памяти.

Этим рукам, конечно, нельзя доверить ни попечения о государственной безопасности, ни охранения народной чести, ни полтинника народных денег. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть разоблачение творившихся в Морском Министерстве злоупотреблений, печатавшихся в «Новом Времени» за подписью «Брута»[1] и оставшихся не опровергнутыми. И все-таки едва ли можно согласиться с правильностью отказа Думской комиссии, или, вернее, его мотивировкой – «впредь до реформы».

Причем, реформы в постройке броненосцев? На успешное исполнение этого дела не может иметь влияния никакая организация морских управлений и канцелярий. Как бы ни была совершенна эта организация, но если в ней бесконтрольно и безнаказанно будут распоряжаться те же люди, которые довели наш флот до позорнейшего разгрома, если броненосцы будут строиться такими же казнокрадами и изменниками, то толка, конечно, не будет никакого. Никакие реформы не преобразят мошенников, беспечных лентяев и воров в честных, исполнительных деятелей. Такие люди воспитываются не реформами, а серьезной, строгой и разумной школой учебной и служебной, а у нас, увы, нет ни той, ни другой. И никакая реформа при существующей у нас всеобщей бесконтрольности и безнаказанности за самые вопиющие должностные преступления не воспрепятствует адмиралам пировать в то время, как вверенные им броненосцы взрываются неприятелем, заводам – укреплять бронь деревянными заклепками, заряжать

снаряды песком, морским агентам грабить при заграничных и отечественных заказах и покупках. Все такие вопиющие преступления совершились на наших глазах; а где же виновные? Казнены? На каторге? Лишены чести? О нет: все, кроме очень немногих, может быть, наименее виновных, целехоньки, все носят обесчещенные ими мундиры со множеством украшений, долженствующих лжесвидетельствовать об их небывалых заслугах. Несчастие наше в том и заключается, что всякое беззаконие, всякое обнаруживавшееся злоупотребление личного состава бюрократии вместо требования ответственности и наказания виновных возбуждает вопли о реформах.

Оттого у нас ничего и не ладится, оттого и стоим мы на мертвой точке, что вместо того, чтобы хорошенько стегнуть ленивую лошадь, мы рассуждаем, не успешнее ли она повезет, если мы ее запряжем хвостом наперед. Вот если бы комиссия обороны обусловила утверждение кредита не только на новые броненосцы, но и вообще морского бюджета отдачею под суд адмиралов, пировавших в Порт-Артуре в ночь на 26 января 1904 г.[2], и всех строителей и приемщиков негодных кораблей и снарядов, она поступила бы совершенно правильно. А то вверить существующему морскому персоналу постройку броненосцев нельзя, а все остальное можно! Это непоследовательно и не логично. А реформы нам уже набили оскомину, а толку от них не только никакого не видно, но каждая новая все больше и больше расшатывает целость и силу Государства и приближает его к конечной гибели.

Непомерно виновно Морское Министерство. Но разве другие святее его? Ведь отчаяние охватывает, как вспомнить, какие чудеса творятся в каждом из них. Разве, напр[имер], не столько же преступно Министерство Иностранных Дел в его прямо поразительном неумении и беззаботности в защите русских интересов? Или Военное, результаты деятельности которого так рельефно выступили в последнюю войну. Или Просвещения, в три года уничтожившее всякое просвещение, развратившее все учащееся поколение и собирающееся строить новые университеты, когда его попечениями и все старые

превращены в очаги революции и всякого разврата? Почему же ему не отказывают в кредите? А ведь устройство под видом университетов лишних притонов развращения юношества куда вреднее постройки не только 4-х, но хоть и 44-х скверных броненосцев.

Реформы-то, может быть, и нужны, но, прежде всего, нужно очистить и Морское, да и все остальные ведомства от всяческой подлости, в них засевшей и взявшей засилье. И для этого вовсе не потребуется ни реформ, ни поголовного изгнания нынешнего персонала. Ударьте по коноводам, да так, чтобы им небо с овчинку показалось. Поверьте, что, видя невозможность дальнейшей безнаказанности, моментально исправятся все зауряд-мошенники, убедившись, что быть таковыми не выгодно.

А пока можно будет изменять, продавать и обкрадывать свою Родину въявь, оставаясь сиятельными, высоко и просто превосходительными и упиваться многотысячными казенными содержаниями, до тех пор не помогут никакие реформы, под непомерной грудой которых мы и сейчас задыхаемся.

20 марта 1908 г.

———

Горе от безмыслия

Ma se a conoscer la prima radice
Del nostro dolor tu hai cotanto affetto,
Faro come colui che piange e dice[1].

Выдающаяся, отличительная черта переживаемого нами времени заключается в том, что свершающиеся явления оказываются ни в малейшей степени несоизмеримы с тем, что еще немного лет назад, в доосвободительную эпоху, называлась здравым смыслом. Руководители Российской Империи решительно отказались сообразовать свои поступки с этим, вероятно, в их суждении, устарелым пережитком. Это очевидно. Проследите

только мысленно весь ход событий за последние четыре года, и вы убедитесь, что очень хитер будет тот, кто найдет в хаотическом нагромождении государственных ломок и сооружений, за это время совершенных, хоть небольшую долю разумной последовательности, обдуманности, соответствия с потребностями страны и населения, словом, именно тех признаков, коими в человеческих поступках обнаруживается здравый смысл. Идет жесточайшая война, требующая напряжения всех сил Государства, – и это самое время признается как раз удобным для капитальнейшей ломки всего внутреннего строя Государства. Начинаются бунты, забастовки, – объявляется дарование всех свобод, начиная от свободы грабежа, насилий и убийств беззащитных обывателей и до свободы неверия в Бога и издевательства над православною «господствующею» (!) Церковью. Профессора и по их подстрекательству ребята объявляют забастовку – дается автономия, превращаются храмы науки в вертепы разврата и приготовления разбойников, грабителей и убийц. В Белостоке, Киеве, Нежине, Одессе и многих других городах неистовствуют евреи, оскорбляя все святое для русского человека, который, видя попустительство и бездействие властей, выходит, наконец, из терпения и громит оскорбителей, – на скамье подсудимых и наказанными оказываются не те евреи и русские негодяи, которые рвали и оскверняли царские портреты и навешивали на собак кресты и национальные флаги, а те русские люди, которые пошли с голыми руками против оскорбителей, вооруженных усовершенствованными револьверами. За убийство сотен русских не привлечен к ответу ни один убийца-еврей, а за каждую распоротую еврейскую перину русский человек осужден и в тюрьму, и в арестантские роты. Для укрощения злоупотреблений и беззаконий бюрократии эта самая бюрократия сочинила Государственную Думу и дважды собрала в нее государственных крамольников и нянчилась с ними, допуская тяжкие оскорбления не только по своему адресу, но и Священной для народа Особы Государя и его войска, а в третий раз… Если в первые две Думы враги России явились явно вооруженные для ее убийства, то в третью они

пожаловали, по большей части скрыв свои разбойничьи ножи при самом входе в Таврический дворец, тогда же обнаружили свой истинный характер; однако власть упорно не желает замечать волчьих клыков под ягнячьей шкурой. Государственные преступники, которых не осмелился оправдать даже сердечно сочувствующий им суд; люди, лишенные чести, изгнанные, как таковые, из своих сословий, состоят и по днесь наставниками и руководителями несчастного русского юношества и беспрепятственно, на глазах властей, в городе, числящемся на положении усиленной или, может быть, еще более строгой охраны, вливают подлый яд своей ненависти к родным русским началам государственности в восприимчивые юные умы.

При открытии ныне действующей Государственной Думы г. председатель Совета Министров[2] объявил, что Россия управляется историческим Самодержавием и даже пояснил, что не следует к родному русскому корню прививать чужеземные побеги, а современные сочинители учебников, находящиеся на государственной службе, как, напр[имер], В. Я. Крюковский, – член судебной палаты, и Н. Н. Тавстолес, товарищ председателя окружного суда, с благословения Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения поучают наше юношество, что Россия – монархия конституционная, ограниченная народным представительством, и что Самодержавия более не существует.

И это происходит одновременно с тем, как Государь лично и всенародно заявляет, что Его Самодержавие осталось таким же, каким было встарь, и издает известный акт 3 июня, основанный именно на Его Самодержавных правах.

Глава правительствующего кабинета в той же речи, в которой заявил о незыблемости исторического Самодержавия, объявил также, что не потерпит на службе чиновников, имеющих политические убеждения, не соответствующие существующему государственному строю. О, судя по тому, что вышеназванные авторы выпускают свой учебник 3-м изданием, одобренным Комитетом Народного Просвещения, составляющим отрасль правящего «Кабинета», можно с достоверностью

заключить, что они беспрепятственно продолжают службу и распространяют среди юношества, на казенный счет, превратные понятия о существующем государственном устройстве. Между тем, очевидно, что взгляды на этот предмет г. Столыпина и самого Государя совершенно противоположны проповедуемым гг. Крюковским, Тавстолесом и им подобными, и, согласно логичному и здравомысленному суждению, они должны бы быть признаны тяжкими государственными преступниками, ибо последствия их проповеди могут повести к великим бедствиям Государства и к пагубе юношей, ими подло обманываемых. Почему же допускают эту преступную пропаганду, почему ни один член пресловутой Думы не обратится к Правительству с запросом по этому вопиющему беззаконию, этому наглейшему надругательству над действительностью, этим преступнейшим ее искажением *чиновниками* коронной службы? Ведь это же важнее всякого бюджета, броненосцев, японских миссий или посольств! Или, может быть, авторы учебников правы, а заблуждается г. Столыпин? Может быть, это он неправильно понимает наше государственное устройство, которое, по правде сказать, вернее следует назвать государственным расстройством? Как ни верти, но несомненно, что тут совершается тяжкое государственное преступление с чьей-нибудь стороны, везде, при *всяком* государственном строе, жестоко и беспощадно караемое, где только сохранилась хоть капля чувства долга и здравого смысла. И если у нас возможна безнаказанность за такие поступки, то это ясно свидетельствует, что кормчие перестали руководствоваться логичною последовательностью в управлении его рулем и не думают устранять опасных преград, ясно видимых не только для государственного, но и для каждого обывательского ума.

Можно было бы привести еще множество примеров, свидетельствующих о неоспоримом безумии мечущихся во все стороны, но преимущественно влево как бюрократических реформаторов, так и всех соприкасающихся с их деяниями. В какой стране, скажите, возможен был бы, напр[имер], хоть такой субъект, как «народный представитель» Белоголовый или Бе-

локопытый, – хорошенько не помню, но это все равно, который с Думской трибуны изрекает, что школа должна приготовлять, по его мнению, не грамотных и знающих людей, а способных на «классвую борьбу»? В каком наилиберальнейшем парламенте можно услышать такую подлую и пошлую нелепость? Ни француз, ни немец, ни англичанин, да, думаю, даже и турок, будь он хоть архисоциалист, не додумается ни до чего подобного. А у нас вырабатывают законопроекты такие копытноголовые метафизики, которые, засадивши и себя, и нас в яму, вместо того чтобы просто ухватиться за протягиваемую им не потерявшими головы веревку, роются все глубже и глубже, в безумной уверенности найти более широкий и надежный путь в глубине засасывающей нас трясины. Бедная, бедная Россия, кто-то спасет тебя, да есть ли надежда на спасение?

8 апреля 1908 г.

Государственное пустословие

Вместилище гремучих слов
И мыслей, ставших общим местом,
От красноречья пресным тестом,
Все уши вымазать готов.
(Экспромт неизвестного автора.)

Еще один фальшфейер правительственной пиротехники. Пред восторженными счастливцами Таврического дворца 5-го мая с шумом и блеском лопнул бурак с начинкой из финляндских тяжких пред Россией преступлений[1]. Но смолк треск звука, погас блеск яркой начинки, и только едкий дым и смрад еще долго будет отравлять обоняние не присутствовавшего на фейерверке обывателя, но за который ему же придется расплачиваться и кисою, и кровью.

Хорошо, очень хорошо говорит глава «Кабинета»[2]. Красота его элоквенции действует на слушателя столь обаятельно,

что, за поражающей слух и зрение формой совершенно стушевывается сущность сказанного, и в восторге он забывает все сомнения, которые могли бы возникнуть при спокойном размышлении о том, что именно ему поведано в ответ на запрос по поведению гг. финляндцев, и не представляет ли сообщение г. Председателя Совета Министров весьма богатого материала для вопросов, весьма любопытных всем дорожащим русскою кровью и спокойствием Государства.

До сих пор все, что творилось зловредного в Финляндии, нам было известно только из частных газетных сообщений. Поведение тамошних генерал-губернаторов, начиная с кн. Оболенского[3], вывезенного оттуда чуть не на тачке, и Герарда[4], вполне ушедшего под властную руку Лео Мехемена и за то осыпанного цветами при отшествии, могло быть освещено прессою неправильно, преступные стремления финляндских местных воротил и общества могли быть значительно преувеличены. Но вот 5 мая из уст, уже неоспоримо авторитетных, исходит подтверждение всех самых худших и преступнейших деяний, исходивших из Финляндии. Г. Столыпин подтвердил не только то, что мы уже знали неофициальным образом, но и открыл нам, что все важнейшие террористические акты и покушения последних лет были организованы на территории Финляндии. Прочтите перечень всех злодейств, там приготовлявшихся, и у вас мурашки побегут по спине от ужаса. Уже не говоря о «Воймах»[5], «красных гвардиях», ввозе оружия целыми кораблями, надругательстве над Государственной Русской Властью, — все выдающиеся «освободительные» выступления оказываются финляндского происхождения. Ограбление в Фонарном переулке, покушение на адмирала Дубасова, убийство доблестного Мина, генерала фон дер Лауница, главного военного прокурора Павлова, тюремных начальников Иванова, Гудима, Бородулина, Максимовского; покушение на военного министра, юстиции, на Великого Князя Николая Николаевича[6] и многое множество иных преступлений исходили из этой провинции, находящейся в «державном обладании» Российской Империи.

И такая похвальная деятельность *лояльной* Финляндии началась не со вчерашнего дня, а длится уже многие годы. Но если все это справедливо, то неизбежно возникает вопрос: почему же Русское Правительство до сих пор, даже до настоящей минуты, решительно ничего не предприняло, чтобы оградить Русское Государство от прямо бешеной злобы финляндских разбойников, почему оно, имея на то все способы, не оградило лучших Русских людей от подлых убийц, высылавшихся Финляндией, и допустило пролиться потокам драгоценной крови вернейших слуг Государства? Чего оно ожидало и ожидает до сих пор? Не того ли, что пресытится кровожадный чухонский Молох[7] и сам издохнет, обожравшись русской крови?

Конечно, сладкогласный соловей, ныне держащий бразды, не ответственен за все творившееся в недоброй памяти правительствования С. Ю., ныне графа, Витте, и других предместников своих, но ведь он сам уже стоит у власти 3-й год, и все выше перечисленное совершилось именно в это время. Почему же г. Столыпин допустил все эти злодейства? Кто и что препятствовало ему защитить честь и жизнь страны и ее подданных от неистовства ничтожной окраины, возомнившей себя ни с того ни с сего самостоятельным Государством? И ни один из очарованных правительственным оратором счастливых избранников Таврического дворца не догадался задать ему этот вопрос, единственный нас, обывателей, интересующий. Но если не принималось по тем или другим причинам до сих пор никаких мер для обуздания финляндских преступлений, то, может быть, глава Кабинета успокоил собрание заявлением, что равнодушие и бездействие Правительства далее продолжаться не будут, и оно, наконец, сильною рукою решило положить предел беззакониям и злодействам этой не по достоинству привилегированной окраины России? Увы, ничего подобного. Вместо принятия энергических мер укрощения преступности оратор приходит к заключению, что «разрешить вопрос о причине ненормальных отношений, создавшихся между Государством и завоеванной силою его оружия провинцией, механически нельзя». Вот-те здравствуй! Над нами

злодействуют во всю мочь, нас режут, грабят, взрывают, высылают целые полчища организованных разбойничьих шаек, а мы не можем схватить преступную руку, нас поражающую, потому, видите ли, что «целая область нашего законодательства, касающаяся наших взаимных отношений к Финляндии, совершенно не урегулирована». Не знаю, какое впечатление эта аргументация оставляла в слушателях, имевших счастие лично наслаждаться красноречием оратора, но вне личного его воздействия она не только не убедительна, но поражает своею странностью в устах государственного человека. Взаимные отношения России и Финляндии урегулированы весьма точно и недвусмысленно. Они определяются совершенно ясною формулою, положенной в основание этих отношений, а именно: *державное обладание*. Мы сомневаемся, могут ли целые сотни законодательных статей точнее определить взаимоотношения России и Финляндии, чем эти два слова, которые, кажется, не требуют разъяснений, до того они ясны. Не знаем, как понимает это выражение г. Председатель Совета Министров, но по нашему мнению, когда Государство приобретает область на правах державного обладания, это значит, что правительство приобретающего Государства имеет право дать этой области такое устройство, какое оно найдет наиполезнейшим прежде всего для Государства. Если интересы Государства и области совпадают, тем лучше для последней, если же они противоположны, то может ли быть хоть малейшее сомнение в том, чьи вожделения должны быть принесены в жертву?

Финляндия завоевана Россией и перешла к ней от Швеции без всяких условий сохранения в ней того или иного порядка местного управления. Если финляндцы получали затем, по необычайной к ним милости Русских Царей, особые права и льготы, то это вовсе не лишало Русское Правительство права изменять управление областью согласно интересам Государства. Более 50 лет после завоевания Финляндия жила мирно и спокойно, не обнаруживая никаких сепаратических стремлений. Они именно начались и развились с тех пор, как Русское Правительство стало изливать на эту окраину бесчисленные

жалости. Но теперь, когда обнаружилось, что эти милости принесли только один вред Государству, так ярко обрисованный г. Столыпиным в его великолепной речи 5 марта, оно не только имеет право, но *обязано* устранить все то, что дало возможность финнам преступно вредить Государству. А когда жертвами преступных покушений падают русские люди, честно служащие своей Родине, то возможность этих злодейств, приуготовляющихся в Финляндии, должна быть устранена немедленно, какими бы то ни было мерами: механическими ли, физическими ли, хотя бы для этого потребовалось перевернуть вверх дном весь край Чуди белоглазой со всеми ее Сеймами, Воймами, гвардиями и Михелинами[8], а не ждать, когда то еще наша громадная законодательная машина, наполовину засоренная враждебными Русскому Царству «достойнейшими», удосужится выработать действительно полезный и достигающий цель закон. Пока солнце встанет, – роса глаза выест, говорит мудрая пословица. Так и тут: пока будем ждать закона, финляндцы постараются перебить всех вредных для их желаний русских людей, развести у нас снова разбойную революцию, взрывать казначейства, жечь заводы орудийные и судостроительные и т. д.

Много, очень много хороших слов произнес г. Столыпин в своих ораторских дебютах пред Думами. Второй Думе он молодецки крикнул: не запугаете! И три месяца допустил невероятно неистовствовать ее бешеный состав, проявив храбрость к разгону ее только тогда, когда она занялась, наконец, уже явной уголовщиной. В 3-й Думе обещал нам тоже очень много приятного и, между прочим, настоятельно нужного очищения чиновничьих мест от лиц вредного противоправительственного направления, но мы до сих пор не слыхали ни одного случая исполнения этого обещания, как будто все превосходительные революционеры разом превратились в преданнейших верноподданных. Но всех его хороших слов и благих намерений не перечтешь. Они значительно удлиняют адскую мостовую. Но где же их последствия? Ведь легко сказать, что Россия успокоена, но обывателю не легче от того, что в этом уверены на берегах Невы, если возможность визитов рукоподнимателей

ничем не затруднена. Это хорошо и успокоительно, может быть, для заграницы, живущей вне воздействия рыцарей экспроприации, но обитателю весей Российских надо для успокоения что-нибудь более существенное, чем красивое слово с трибуны Таврического зала…

В конце своей финляндской речи г. Столыпин выразил уверенность, что *они* отвергнут запрос. И не напрасно. *Они* его отвергли, отвергли с восторгом; они «с полным удовлетворением выслушали разъяснение Председателя Совета Министров». А дальше что? Ну конечно, ждать «урегулирования наших взаимных отношений к Финляндии» и вшить новый лист в синодик Русских людей, погибших от *неурегулирования*, для записи неминуемых новых жертв.

Да, хорошо говорит «Кабинет» вообще и глава его в особенности. Но было бы еще лучше к потоку хороших слов прибавить хоть капельку *настоящего* дела. А то в этом отношении наше Правительство очень напоминает одну из героинь романа Диккенса или Теккерея[9], хорошенько не помню, которая каждый день фатально начинала с того, что на пять минут опаздывала и потом так уж никуда и не могла поспеть. Так и наш «Кабинет» блестяще и много ораторствует, а поспеть никуда не может. Вот хоть и в финляндских озорствах: механическое воздействие, и самое чувствительное и действительное, под руками: взял, да и треснул так, чтобы разом дурь из головы вылетела. Так нет, как можно, это уж очень просто для наших мудрецов. Надо «урегулировать». А что пока будут регулировать, будет также продолжать литься кровь и разоряться достояние Русских людей – это что за беда; ничего, потерпят, Русский человек вынослив. Вот Германия – так та недавно в Познани[10] показала весьма ярко, что значит «державное обладание» и как им надо пользоваться против враждебных Государству подданных. Обезьянничать в гадостях и пошлостях мы мастера, а перенять полезное – как можно, Боже сохрани! Эх вы, коротенькие!

12 мая 1908 г.

———

Витте — злой гений России

Знать истинные достоинства государственных деятелей, которым вручена судьба страны, не только любопытно, но и очень полезно для каждого ее обитателя, который по недостаточной осведомленности легко может впасть в ошибку и неправильно судить достойного хвалы или превознести таковой недостойного. За всякое просвещение в этом предмете со стороны сведущих лиц обыватель должен быть им несказанно благодарен, и вот почему мы с большим интересом и вниманием прочли в «Новом Времени» характеристику графа Витте, имевшего несомненно доминирующее значение в ходе государственных дел за последние пятнадцать лет, характеристику, сделанную таким тонким наблюдателем и, бесспорно, талантливейшим из современных публицистов, г. Меньшиковым, и притом на основании личных сношений с названным государственным человеком. Г. Меньшиков не нахвалится умом и талантами гр. Витте: от него «разит умом», «он не только прекрасный финансист, но превосходный железнодорожник и дипломат». Затем следует перечисление заслуг гр. Витте, в числе которых с удивлением и удовольствием встречаем такие, о которых мы, простые обыватели, имели совершенно обратное представление. Так, нам г. Меньшиков открывает, что это гр. Витте, а не Дурново, в ноябре 1905 г. «арестовал революционное правительство» (а мы-то были до тех пор убеждены, что оно именно им и было создано в учреждении Совета Рабочих Депутатов с Носарями[1] и Гапонами во главе, и что он не только сносился с ними, как равный с равными, но и содержал их на казенный счет); что это он, а не Дубасов, подавил бунт в Москве[2] и т. п. Одним словом, поверив оценке г. Меньшикова, мы, считавшие до сих пор гр. Витте злым гением России, приведшим ее на край гибели, должны бы раскаяться в нашей несправедливости и желать вместе с г. Меньшиковым возвращения вновь этого щедро одаренного человека к государственному правлению.

Но при всей склонности изменить сложившееся о личности гр. Витте мнение в направлении убеждений нововременского публициста, мы не можем отрешиться от того общего впечатления, что Отечество наше в настоящее время находится в состоянии неописуемого расстройства, и что в течение многих лет перед этим руководящую роль по всем отраслям государственного управления играл всевластный «прекрасный финансист, железнодорожник и дипломат» – гр. Витте. Составлять свое мнение о нем и определять, чем от него «разит», доступно по личным впечатлениям, конечно, только избранным, а нам, обывателям, которым ни лицезреть, ни собеседовать с великими людьми не полагается, остается иметь наше о них суждение только по результатам их деятельности.

Если бы карьеру гр. Витте можно было считать оконченною, то, как ни огромно, как ни фатально было его влияние на ход государственных дел, оценку его деятельности можно было бы представить будущим историкам нашего печального времени; но так как он, очевидно, стремится снова принять деятельное участие и иметь преобладающее влияние в управлении Россией, так как в этом стремлении он находит сильную поддержку в обладателе огромного литературного таланта на страницах наиболее влиятельного и распространенного органа печати, то выяснение истинного значения этой личности по результатам его прошедшей деятельности является настоятельно необходимым для разрешения вопроса о том, желать или опасаться обывателю появления его вновь у кормила правления? Только поэтому мы и берем на себя труд хотя бегло проследить и дать себе отчет в том, какие блага или несчастья принесло нам долголетнее засилие гр. Витте во главе правительственного ареопага.

Мы не знаем, да и для цели нашей не представляет интереса, насколько искусно было руководительство гр. Витте, когда он стоял во главе правления Общества Юго-Западных дорог[3]. Как ни крупно это дело, но оно требовало для своего ведения хорошего хозяина, а не выдающегося государственного человека с «большою» головою и «размахом» Петра Великого.

Хотя нельзя отрицать государственного значения железнодорожного хозяйства, но рачительно вести его может человек, даже вовсе не одаренный государственным умом, как не требуется такового для ведения торгово-промышленных предприятий вообще, как бы крупны они ни были.

Пропустим также чиновничью эпоху гр. Витте, когда И. А. Вышнеградский[4] поставил его во главе железнодорожного отдела Министерства Финансов[5]. Собственно государственная деятельность гр. Витте начинается с назначения его Министром Путей Сообщения. Хотя таковым он пробыл, можно сказать, без году неделю, но и это короткое свое управление ознаменовал подвигом, о котором не упустил циркулярно прогреметь на всю Россию. Ему удалось тотчас же поймать где-то в Могилеве, кажется, двух шоссейных инженеров-воришек. Дело, казалось бы, самое обыкновенное. Мудрено ли поймать в клоповнике, кишащем этими неприятными насекомыми, два их экземпляра? Мудрено ли в ведомстве самых фантастических хищений, производившихся от привычки к безнаказанности без всяких мер предосторожности, уловить двух мелких казнокрадов, и стоило ли этим хвастаться? Ну, поймал клопа – и под ноготь его. А между тем, новый Министр не упустил торжественно оповестить о своем подвиге urbi et orbi[6], что-де я не потерплю и расказню. Конечно, воров не следует терпеть не только гениальному, но и самому заурядному министру, и предавать их заслуженной казни повелевает долг и присяга; но зачем же шуметь об этом на всю Россию? Зачем уподобляться тому гоголевскому учителю, который, рассказывая о подвигах Александра Македонского, непременно ломал стулья? Как хотите, но этот крик, поднятый на всю Россию, очень смахивал на желание обратить всеобщее внимание на выдающийся подвиг честности нового министра. Но желание построить свою репутацию на трупах двух мелких плутов можно ли считать подвигом серьезного государственного ума?

Ловить воров – нужно, но кричать об этом как будто излишне. Конечно, если бы гр. Витте удалось искоренить воровство в этом ведомстве, представляющем наиболее случаев

неотразимого соблазна, вся обывательская Россия, т. е. страдающая от чиновничьих грабежей, была бы ему крайне признательна. Но, к сожалению, деятельность его на поприще исправления инженерской нравственности вскоре пресеклась, со вручением ему управления российскими финансами[7]. Тут г. Меньшиков хотя и признается, что он не финансист, не смеет «ничего утверждать категорически, но золотая валюта» ему «*кажется* большою заслугою гр. Витте». Несмотря, однако, на это признание в своей некомпетентности, г. Меньшиков несколькими строками ниже уже решительно утверждает, что «огромную работу по введению золотой валюты он ставит гр. Витте в историческую заслугу». Он полагает, что мы погибли бы окончательно, застань нас Японская война с бумажным рублем; введение золотой валюты он ставит в непосредственную связь с тем, что «японцы не в силах были взять с нас денежной контрибуции».

Финансовая реформа, произведенная гр. Витте, составляет действительно главнейший момент его деятельности как Министра Финансов. Реформа эта в свое время была встречена единодушным хвалебным отзывом почти всей русской печати, мало того: критическое отношение к ней, как мне известно по собственному опыту, не принималось ни одной редакцией, и все пели хвалы гениальному министру. Поэтому необходимо обстоятельно обсудить и оценить этот «гвоздь» финансового спектакля, поставленного гр. Витте, дабы решить, насколько он оправдывает сравнение г. Меньшикова с солнцем, которое хотя и имеет пятна, но коего поразительный блеск делает их невидимыми.

Но прежде, чем коснуться самой прославленной реформы, напомним в двух словах способ ее осуществления. Внесенная в Государственный Совет, она была разбита там вдребезги так, что гениальный автор ее не допустил даже состояться по ней, по мнению Совета, но предпочел осуществить ее, минуя его критику, тем путем, которым недобросовестными министрами компрометировалось и подтачивалось Самодержавие – путем всеподданнейшего доклада, который в данном случае было бы

вернее назвать обманом Монаршего доверия. Необходимо также помнить, что финансовая реформа преподносилась гр. Витте под титлом «Восстановление металлического обращения». Но можно ли финансовой операции, произведенной гр. Витте, дать это название?

Не надо быть особо тонким финансистом, чтобы усмотреть, что финансовая реформа гр. Витте никакого металлического обращения не восстановляла, а что это было объявление государственной несостоятельности, официальное признание в невозможности оплатить государственные долговые обязательства полною их номинальною стоимостью. Если бы такую финансовую операцию, которую проделал Министр Финансов Витте, совершило бы частное лицо, то оно, несомненно, было бы признано несостоятельным должником, и не только просто несостоятельным, но и злостным банкротом.

На самом деле, что такое представляет кредитный билет? Несомненно, долговое беспроцентное обязательство Государства. Что такое курс? Степень доверия к состоятельности Государства в исполнении его обязательств. Чем менее доверия к искусству распорядителей государственным хозяйством, тем ниже падает курс его векселей, совершенно так же, как и во всяком частном предприятии. Что такое фиксация курса, произведенная в августе 1894 г., которая, собственно, и составляла практическую сущность реформы? Это признание должника, что он по своим долговым обязательствам, выпущенным в форме кредитных рублей, в состоянии заплатить только по 66 $^{2}/_{3}$ коп. за рубль.

Если это объявляет купец, он признается несостоятельным, почему же для Министра Финансов это признание должно носить громкое название восстановления металлического обращения?

И в то же время, когда гр. Витте объявил курс кредитного рубля в $^{2}/_{3}$ его номинальной стоимости, он оповещал, что в кладовых Государственного Банка у него такое огромное количество золота, какого нет в Английском и Французском Банках, вместе взятых. Теперь представьте себе, если бы част-

ный человек объявил, что у него хотя и есть налицо капитал, не только достаточный для оплаты его долговых обязательств, но далеко их превосходящий, но он все-таки более 66 коп. по ним не заплатит, – как вы думаете, что бы с ним сделали? Да на основании наших законов признали бы злостным банкротом и переправили бы в места более или менее уединенные и удаленные. Конечно, г. Министр Финансов мог вполне рассчитывать на безнаказанность и потому мог смело объявить платеж не только в 66 к. за рубль, а хоть по гривеннику, но в чем же тут гениальность?

Г. Меньшиков удивляется огромной работе гр. Витте по введению золотой валюты и ставит ее в историческую заслугу. Нам, простым обывателям, совершенно неизвестно, сколько стоп бумаги надо было исписать в канцеляриях Министерства Финансов, для того чтобы прийти к такому далеко несложному результату, но, имея огромный капитал, объявить: плачу по полтине за рубль, и больше не надейтесь – кажется, уже не батюшки мои какая головоломная задача. Вот если бы г. Витте действительно восстановил металлическое обращение, т. е. привел бы наши финансы в такое блестящее состояние, что за кредитный рубль предлагалась бы полная его стоимость, – это была бы действительно государственная заслуга, и для ее достижения немало потребовалось бы труда даже и для очень большой головы. Но он не только к этой цели не стремился, но, приготовляясь к пресловутому восстановлению металлического обращения, по терминологии г. Витте, а попросту к объявлению банкротства (или девальвации – что одно и то же), финансовое ведомство само старалось уронить курс кредитного рубля, само стремилось к обесценению своих обязательств, вероятно, с целию их дешевейшего выкупа. Это было позорно и недостойно великого Государства.

Если гр. Витте и пришлось перенести огромный труд и поломать голову над тем, как совершить задуманную операцию, то только потому, чтобы скрыть ее настоящее значение и оправдать ее официальное наименование. Для этой цели предпринимались различные меры, но все они провалились

самым позорным образом. У всех еще в памяти, что, когда был объявлен обязательный курс в 7 р. 50 коп. за полуимпериал[8], то никто, решительно никто, ни частные лица, ни торговые и промышленные учреждения не желали брать золота. Тогда были изобретены какие-то, кажется, депозитные квитанции и разрешены сделки на золотую валюту. Это было не столько гениально, сколько комично. Никто и раньше не запрещал, да и не мог запретить частным лицам рассчитываться между собою не только на золото, но и на какую угодно монету, хоть на ланы или меджидии[9]. Имея в то время довольно тесные сношения с коммерческим миром, я многих допрашивал, какие удобства они извлекут из благосклонного разрешения определять свои взаимные обязательства на золотую единицу, и никто не мог дать удовлетворительного ответа. Впрочем, никто, кажется, ни этим разрешением, ни предлагавшимися металлическими квитанциями не воспользовался, и образцы оных, провисев малое время около касс Государственных Банковых учреждений, были тихим манером сняты и преданы забвению.

Не усматривает ли апологет гр. Витте особый труд и выдающееся проявление гениальности в перечеканке наших старых золотых монет с надписью, истинно свидетельствовавшею о количестве рублей, в них заключающихся, на другие с фантастическим изображением 7 р. 50 коп. и 15 руб. на золотых империалах и полуимпериалах 5 и 10 р. достоинства, вскоре замененных меньшими кружками, но с такою же, теперь уже фальшивой, надписью? Все это метание от одной неудачной меры к другой, кончившееся *насильственным* нагружением населения золотом, от которого все, решительно все, открещивались, свидетельствует только об упорном желании поставить на своем, хотя бы Тит-Титычевыми приемами[10]: но для этого требуется вовсе не гениальность, а совсем другие свойства.

Обратимся теперь к курсу, по которому угодно было рассчитать своих кредиторов тогдашнему управляющему делами должника-Государства. Первоначально было обещано владельцев кредитных билетов рассчитывать, сколько помнится, считая полуимпериал в 7 руб. 40 или с чем-то копеек кредитных,

но вскоре же вышло повеление считать золотой рубль в полтора кредитных или полуимпериал в 7 руб. 50 коп., под очень странным предлогом – удобства расчетов. Для большей вразумительности тогда же на золотых монетах была уничтожена надпись, правильно определявшая выражаемое ими количество рублей, и заменена фантастическими надписями: 7 руб. 50 коп. и 15 руб., не настоящих, имеющих определенное соотношение с денежными единицами других государств, а каких-то иных, совершенно произвольных, выбранных гр. Витте из бесчисленного числа, по картинному выражению г. Меньшикова, «танцующих» рублей. И это очень нехитрое превращение нашего стокопеечного рубля в 66 $^{2}/_{3}$-копеечный огрызок, с обещанием никогда не восстановлять его определенную законом стоимость, названо вместо девальвации, каковой оно было на самом деле, громким именем восстановления металлического обращения!

И против такой явной подмены, такого очевидного обмана, никто не пикнул в свое время, а наша пресса, столь же осведомленная в финансах, сколь петух в значении жемчуга, превознесла «гениального» реформатора превыше облака ходячего, и всякое покушение на критику решительно отметалось.

Почему же, однако, восстановитель металлического обращения изо всех «танцующих» кредитных рублей выбрал тот, который выписывал в 7 руб. 50 коп. за полуимпериал, равный 5 руб. металлическим? Да очень просто, почему. Потому что ниже этого курса не было никаких оснований ожидать падения ценности кредитного рубля, даже при ревностных усилиях Министра Финансов. В течение всего 1894 года, до объявления принудительного курса, он не падал ниже 7 руб. 46 коп., а в июле, накануне установления такового, курс держался 7 руб. 37—38 коп. Уронить курс, т. е. обесценить свои обязательства, очень легко и доступно каждому, не подверженному особой щепетильности в денежных расчетах. Какая трудность объявить, что я по своим обязательствам не плачу более полтины или четвертака, или хоть пятачка за рубль, при полной уве-

ренности в безнаказанности такой операции? Другое дело – заслужить доверие к состоятельности и добросовестности в расчетах по своим долгам. Это достигается отнюдь не теми приемами, которые практиковались изобретателем золотых кружков с фальшивыми надписями.

Что объявленный принудительный курс в 7 руб. 50 коп. за 5 руб. металлических был, так сказать, нижайший, легко убеждает просмотр курсовых колебаний рубля за время, начиная с отставки Министра Финансов Н. Х. Бунге[11] до прекращения свободной его котировки. Вспоминается последний всеподданнейший доклад этого честнейшего человека, хотя, может быть, и очень неискусного министра, доклад, рисовавший в самых мрачных, безнадежных красках состояние наших финансов, когда курс кредитного рубля упал к началу 1888 года до 9 руб. 10 коп. (около 226 фр[анков] за 100 руб., что по нынешнему способу обозначения соответствует 44 руб. 25 коп. за 100 фр[анков]), без всякой надежды на повышение; даже был момент – в феврале 1888 года, когда курс упал до 10 руб. (50 руб. за 100 фр.). Но вот вступает в управление Министерством И. А. Вышнеградский, человек, о честности которого рассказывали очень забавные анекдоты, но, несомненно, смелый, знающий и искусный финансовый делец. Первый же бюджетный год он вместо сорокамиллионного дефицита, по самым умеренным расчетам сметы Н. Х. Бунге, кончает с огромным превышением дохода над расходом. Курс поднимается до 7 руб. 24 коп. (в сентябре 1888 г.) и продолжает расти, с небольшими колебаниями в течение всего 1889 г. И наконец, в сентябре 1890 г. достигает 6 руб. 08 коп. (30 руб. 40 коп. за 100 фр[анков] по нынешнему обозначению), высоты, на которой он не был с 1876 года. Но с этого момента случилось что-то совсем невероятное и для непосвященных неожиданное. Курс без всяких причин начал постепенно падать, а вся пресса, до сего времени совершенно справедливо стонавшая о низком курсе кредитного рубля и хлопотавшая вместе с Правительством о его подъеме, вдруг стала нас поучать, что низкий курс рубля очень выгоден для Государства, что он способствует процветанию сельского хо-

зяйства, поднимая стоимость его продуктов, а также развитию отечественной промышленности, поставляя преграду доступу иностранных товаров, оплачиваемых золотою пошлиною. Что, дескать, подъем курса грозит гибелью России, обесценивая ее сельскохозяйственные произведения и недостаточно ограждая фабрично-заводскую промышленность от иностранной конкуренции при высоком курсе кредитного рубля. И многие, очень многие в это уверовали. Получился удивительный сумбур финансовых понятий. Всякое, не только Государство, но частное лицо, или предприятие, если оно дорожит своей репутацией коммерческой честности, стремится к точному исполнению своих долговых обязательств. Чем оно честнее и солиднее, тем больше к нему доверия, тем выше курс его обязательств. Для солидной фирмы позорно, если ее векселя принимаются к учету только с огромною скидкою или вовсе не принимаются. А у нас само финансовое ведомство (если верить в то время никем не опровергнутым печатным сообщениям) старается уронить курс своих кредитных обязательств и нас, обывателей, из всех сил старается убедить, что такая финансовая политика пригожа великому Государству и удивительно выгодна его обитателям. Как же быть и кому же верить? Тем ли финансистам, которые, начиная еще с шестидесятых годов прошлого столетия и до воцарения дельцов новой формации, считая падение курса доказательством плохого состояния государственного хозяйства и выражения недоверия к его состоятельности, стремились, надо правду сказать, – более или менее неудачно, к подъему курса и доверия, или же проповедникам благодетельности для России низкого курса и фальшивой монеты? Странное дело: почему только для одной России должны годиться совершенно исключительные понятия о правильном денежном обращении и финансовой честности? Сравните: разве наш «переход на золотую валюту» похож хоть издали на денежное обращение западноевропейских стран, не исключая даже Австрии, а может быть, и Турции? Начать с того, что пресловутой финансовой реформой гр. Витте уничтожена наша монетная единица – рубль. Что такое рубль? Прежде мы знали,

что это монета, имеющая такой-то вес и такие-то качества; что рубль этот соответствовал 4 франкам, стольким-то гульденам, маркам, пенсам и т. п. Этот рубль был постоянный, не «танцующий», независимый от курсов; «танцевал» вексель – кредитный билет, выданный под этот рубль. Где же он, этот постоянный рубль, наша точная монетная единица, необходимая для правильного финансового хозяйства? Тю-тю! Его нет! Его заменила фантастическая, случайно выхваченная из курсового вихря величина в 66 $^{2}/_{3}$ коп., т.е. 266,6 сант[имов][12] и т. д. Почему эта величина сделана нашей постоянной денежной единицей, какие права и задатки имеет она на долговечность? Разве она находится вне влияния курса? Поглядите на современные биржевые бюллетени, и вы убедитесь, что уже теперь Виттевский рубль потерял устойчивость, ради достижения которой исковеркано все, до здравых понятий о финансовой честности включительно. Колебания нашего обгрызанного рубля незначительны только потому, что наш великий финансист оценил его сам ниже самых беззастенчивых спекулянтов на понижение. В странах с действительным металлическим обращением нет ничего подобного. Там, в каких бы знаках вы ни получили должное, написанное на них количество франков, лир, фунтов, марок, вы получите полноценною монетою, и никому в голову не придет нагружаться «металлом», наивно думая, что в этом-то и состоит «металлическое» обращение, как это было у нас, когда государственным банковым учреждениям дан был строжайший приказ отнюдь не давать получателям бумажки, несмотря на их слезные о том мольбы, а нагружать их насильно золотом, дабы оно было в «обращении». Ну а теперь? Куда полетела вся эта золотая затея, ради постановки которой принесены огромные жертвы и разорена Россия?

Мало-помалу опять выплыли на свет Божий предававшиеся беспощадному гонению кредитные билеты, нет, не билеты, а грязные, отвратительные, разнокалиберные тряпки, и, таким образом, от всей гениальной финансовой реформы не осталось даже внешнего ее проявления. Остались только самозванцы – лжезолотые, обманно именующие себя 5-ти и 10-рублевыми.

Нас старались, как выше замечено, убедить в благотворности для русских производителей низкого курса нашей монетной единицы, и в особенности для сельского хозяйства, которое по мнению наших заботливых попечителей должно совсем погибнуть при подъеме курса, доказывая это, по-видимому, очень убедительным соображением, что чем ниже курс, тем более кредитных рублей выручит сельский хозяин за свои продукты, проданные за границу на золотую валюту, и наоборот: при подъеме курса он получит так мало кредитных рублей, что не окупит расходов производства. Но так ли это в самом деле? Осмеливаюсь утверждать, что это совершенно не так, и стоимость сельскохозяйственных продуктов для самих производителей определяется совсем не берлинскими и иными биржами, а состоянием внутреннего рынка, на котором обращается хлеба и других произведений сельского хозяйства, по крайней мере, в 5 раз больше, чем весь заграничный отпуск. Очень часто случается, что наш хлеб на внутренних биржах котируется дороже, чем в Берлине, что ясно доказывает полнейшую независимость цен внутреннего потребления, единственно интересных производителю. Припоминается, что именно такое соотношение между ценами зерна на Берлинской бирже и отметками наших внутренних центров хлебной торговли было во время переговоров о первом торговом трактате с Германией, заключенном, вопреки настояниям всех патриотических органов печати, на условиях, столь искусных, что все пенки и сливки договора достались Германии, а мы только облизывались и завидовали немцам, обладающим дипломатами и финансистами, умеющими так хорошо защищать интересы своего Государства. Для кого же был в таком случае выгоден низкий курс рубля при вывозе продуктов нашего сельского хозяйства? Да, конечно, для тех, кто вывозил, для экспортных контор. Вот им – так действительно был выгоден в высшей степени низкий курс рубля. Получая плату по низкому курсу, они получили огромные барыши, увеличиваемые еще обязательной порчей хлеба, но от этого цена на внутренних рынках не поднималась ни на

одну копейку и нимало не отражалась на благополучии сельского хозяина, хотя, к сожалению, и поныне очень многие из них веруют в благодетельность для них низкого курса, даже не зная хлебных котировок заграничных бирж. Порча хлеба, практикуемая в самых обширных размерах еврейскими скупщиками и экспортерами, приносит действительно огромный вред нашему сельскому хозяйству. Еще известный английский писатель Маккензи Уоллес в своей замечательной книге о России[13], которую он основательно изучил, выражал удивление – каким образом еврей, покупая у землевладельца пшеницу по 10 руб. четверть за наличный расчет, мог продавать ее в Одессе, с доставкою и погрузкою на корабли, за 9 руб. в 3-месячный расчет? Для нас, сельских хозяев, это неудивительно, зная, какую массу всякой дряни всыпают эти посредники в прекрасно отделанный землевладельцами товар. Таким образом, высокий курс нимало не грозит нашему сельскому хозяйству, а низкий обогащает инородческие и, преимущественно, еврейские экспортные конторы. В их пользу и ронялся курс нашими недальновидными и неостроумными финансовыми попечителями.

Вот и вся финансовая гениальная политика гр. Витте, политика обмера и обвеса, как в мелочной лавочке, при «восстановлении металлического обращения» и бесшабашно-безумного швыряния сотен миллионов на разрушительную «винополию» – по выражению ее наиболее ревностных потребителей, на разведение огромнейшего штата совершенно ненужных чиновников с генеральскими окладами, как, например, податных, ничего не делающих и никакой пользы не приносящих инспекторов, на целую армию лиц, прикосновенных к пьяному производству, и непременно с высшим «образованием», хотя бы для полоскания бутылок, на Дальние и ближние сумасбродства и утверждение своего первенствующего положения. Конечно, о вкусах не спорят, но нам, обывателям, такой гениальности хоть бы и не надо!

«Довести нас до полного поражения (японцами) помешало не столько железо г. Куропаткина, сколько золото гр. Вит-

те», умозаключает г. Меньшиков. Это очень легко сказать, но едва ли возможно доказать. К величайшему несчастию нашему и величайшей радости врагов и своих подлых изменников и предателей, война окончилась не на полях Маньчжурии, где она была бы *непременно* выиграна нами, несмотря на ряд тяжких поражений вначале. Япония уже истощила все свои силы и энергию, когда Россия еще только начала собираться с силами.

Не в Шахе, Ляояне и Мукдене нанесено было нам непоправимое поражение, а в Портсмуте да в бюрократических сферах Петербурга, действовавших по указке всех подготовителей нашего разрушения, и гр. Витте не только не противодействовал этим противогосударственным, антинациональным покушениям, но был типичнейшим их выразителем. Поэтому оправдание его позорного для России поведения в Портсмуте тем, что он не мог бороться с Петербургом, который, говорит г. Меньшиков: «В то время, как армия Линевича собиралась умереть за Россию (и не одна армия, но и вся Россия, весь народ, добавлю я от себя, за исключением кучки честолюбивых представителей фальшиво-либерального общества, разъеденного еврейской мыслью, глубоко равнодушного к величию своего Государства – определение г. Меньшикова), «Петербург праздновал трусу, кричал о сдаче и о заключении мира во что бы то ни стало». И гр. Витте поддался этой дряблой подлости. На наш взгляд, человек, одаренный выдающимися способностями и сильною волею, не подчиняется влиянию бездарной и подлой среды, а борется с нею и или побеждает, или падает в непосильной борьбе. Но гр. Витте не победил праздновавших трусу и не пал в борьбе с ними, а по их указке отправился на портсмутское позорище. Что ж, разве проницательный гр. Витте не знал, что вся Россия готова умереть за славу своей Отчизны, и что трусит и подличает один Петербург? Государственный деятель, достойный этого наименования, обязан знать мнение и желание страны, а граф или проглядел настроение страны, что не свидетельствует в пользу его «большой» головы, или же пренебрег им, что еще непростительнее. Гр. Витте сам го-

ворил г. Меньшикову, что «заключить мир его побудила глубокая уверенность в том, что дальше воевать было нельзя». Не знаем, на чем основывалась эта уверенность, но всем русским людям, и не только частным обывателям, но и военачальникам маньчжурских армий было ясно, что продолжать войну *должно*. Об этом молил Линевич, этого желал *народ*. Я подчеркиваю это как постоянный житель деревни, находящийся много лет в тесных и постоянных сношениях с населением. Крестьяне удивлялись, как это можно мириться без победы над врагом, и допрашивали о причинах. На ответ, что, говорят, денег нет на войну, возражали: «Как денег нет; почему же с нас на войну ничего не взяли?» Нет, действительно, выдающийся государственный человек при том безгранично влиятельном положении, которое занимал гр. Витте, если бы и поехал в Портсмут, то, зная действительное положение своей страны, понял бы, что не Комуре и Тахакире следовало диктовать условия мира, а ему, гр. Витте, представителю величайшего Государства, не только не истощенного, но едва затронутого войною. Какие уважительные и неотвратимые причины могли принудить нас к заключению мира «во что бы то ни стало», кроме совершенно неуважительной подлой трусости Петербурга? Развивавшаяся смута? Но она именно развивалась петербургскими чиновниками и земскими блюдолизами, унять которых уже вовсе не стоило большого труда при проявлении хоть малой доли здравого смысла и доброй воли. Финансовое истощение? Но сам же г. Меньшиков указывает на доминирующую роль золота, собранного в кладовых Государственного Банка. Да и можно ли верить в истощение страны, население которой после беспримерной по своим колоссальным размерам войны способно выносить 2 ½-миллиардный бюджет, которым удовлетворяются не только все насущные государственные потребности, но тратятся миллионы, и совершенно бесполезно, ради снискания доброго расположения никому, кроме петербургской бюрократии, ненужного, курьезного собрания «достойнейших»… глодать вместе с нею средства государственного казначейства. Сожаления достоин государственный человек, не знающий

средств управляемой им страны и умеющий их черпать за громадные проценты и на тяжких условиях только из еврейских капиталов. Правда, какой-то, не упомню, великий человек сказал, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги, но мне кажется, что великий человек жестоко соврал. Для войны прежде всего нужны: доблесть участников войны, любовь к Отечеству и готовность населения ко всем необходимым жертвам.

Все это имелось налицо, несомненно. То, что некоторые из военачальников оказались не на высоте своего положения, что неизбежно случается при всякой войне, дела не меняет. Граф Витте не сумел использовать эти благоприятные данные и поддался влиянию ничтожных пигмеев бюрократических и общественных петербургских сфер и стал в Портсмуте их достойным представителем, но отнюдь не представителем интересов великой России. Что же еще могло побудить графа к опозорению России в Портсмуте? То, что он, как в винной монополии, в еврейском вопросе, так и «в Портсмутском мире действовал не как хозяин, а как лицо, связанное определенными полномочиями», оправдывает его г. Меньшиков? Но крупный ум, сильная воля, а главное, чувство чести заставило бы человека, одаренного этими качествами, уклониться от полномочий, противоречащих его убеждениям и позорящих и губящих его Отечество. Только ограниченность, малодушие и своекорыстие могут побудить человека поступать вопреки убеждениям своего ума и велениям долга и совести, и г. Меньшиков едва ли оказывает большую услугу гр. Витте, оправдывая, например, учреждение монополии влиянием Каткова, Вышнеградского и покойного Государя. На покойников, конечно, все можно валить, но их заблуждения не могут служить оправданием политики гр. Витте и уже во всяком случае не свидетельствуют о самостоятельности его государственного ума и способности к независимой инициативе. Исполнителем «пятого акта» Русско-Японской трагедии «вольной волею или нехотя», не знаем, но явился гр. Витте, и, надо отдать ему справедливость, исполнил его отлично – в японских интересах.

Контрибуции он, конечно, не заплатил, этого слова в договоре нет, но он заплатил полу-Сахалином, железной дорогой, Дальним[14], рыбными промыслами и др[угими] условиями, много большими всякой прямой контрибуции. Если после инсценированного такого пятого акта, хуже которого трудно себе даже вообразить, Отечество наше не погибло окончательно, то это уже не его вина!

Личность и деятельность каждого государственного человека оценивается по результатам, к которым она привела. Каковы же плоды многолетнего засилия графа Витте в руководстве государственными делами России? Его финансовая политика разоряет Россию и теперь; в Портсмуте он ее опозорил; монополией – споил; расположением бездельного чиновничества – развратил; в союзе с Гапонами и Советами Рабочих Депутатов – достиг почти разложения России и, вырвав обманно акт 17 октября – осчастливил нас, по выражению самого г. Меньшикова, плохой конституцией, которую правильнее было бы назвать всеобщей *деструкцией*.

Повторяю: если бы гр. Витте, как уповали все истинно русские люди, был человек конченный, то можно было бы постараться забыть об этом фатальном деятеле. Но так как он и теперь всеми силами стремится играть выдающуюся роль, так как он, очевидно, вновь протягивает свои руки, натворившие так много бед России, к захвату власти и находит поддержку и защиту талантливейшего пера нашей публицистики, то мы сочли необходимым, со своей стороны, напомнить русским людям ту роль, которая принадлежала гр. Витте во всех злоключениях нашего Отечества, как она представляется с точки зрения обывателя, не находившегося под обаянием его личности, а на своем горбе испытывающего последствия его долголетнего верховодства судьбами Богом наказываемого нашего несчастного Отечества. От гр. Витте «разит» не только умом, но в гораздо большей степени еще кое-чем другим, далеко не столь благоуханным.

4 сентября 1908 г.

———

Царство свободы… произвола

Необыкновенная возня, поднятая, так сказать, «освободительною» частью общества вокруг юбилея гр. Л. Н. Толстого[1], желавшей в своих интересах раздуть празднование 80-й годовщины этого старца во всероссийское торжество, с одной стороны, и энергический отпор, оказанный этому стремлению «черносотенными» слоями – с другой, вызвала такие явления, которые способны возбудить крайние опасения за ожидающее нас будущее. Эти явления еще один лишний раз показали, в какое хаотическое состояние приведено Государство всеми хлопотавшими вокруг него за последние несчастные три года. Не только рядовой обыватель, но даже «достойнейшие» его избранники, даже сами браздодержащие творцы настоящего положения не знают, что, собственно, они натворили и во что претворили вверенное их попечению Государство. Всем еще памятно, как в недоброй памяти октябрьские дни представители власти вели себя разнообразно: одни преклоняли главы пред красными флагами – эмблемами низвержения монархии; другие спешили спасать еврейские перины и сажать в тюрьмы избиваемых бундами[2] православных людей, и лишь немногие стали на защиту русского населения и русских исторических начал, яростно разрушаемых потоком инородческого озлобления и туземных старателей, частью сознательных изменников, а больше по скудоумию и опасению прослыть сторонниками «бюрократически-полицейского» режима. Все помнят, конечно, и тот думский день, в который один из представителей Верховной Власти, министр Коковцев[3], заявил, что у нас «нет парламента», на что тотчас же последовала реплика г. Милюкова[4], заявившего в опровержение г. Коковцева, что у нас «есть конституция». Это заявление на следующий день было поддержано и в очень хлесткой речи развито гр. Уваровым, сославшимся на г. Председателя Совета Министров[5], который де настоящую форму правления наименовал в своей речи «пред-

ставительным строем». Но кто из них прав – г. Коковцев или г. Столыпин – так и осталось невыясненным для обывателя. Но, судя по тому, что и г. Коковцев доселе состоит в «Кабинете», не получив внушения за неправильное определение формы государственного правления, и г. Столыпин правит браздами, и гг. конституционалисты не получили урока истинного познания Основных Законов, следует предположить, что у нас вольно каждому разрешать вопрос государственного правления по своему вкусу, и не только разрешать, но и действовать сообразно своим личным наклонностям. Да ведь и то сказать: главный смысл Манифеста 17 октября, очевидно, заключался в даровании всевозможных свобод, письменных и словесных, личных и имущественных, светских и духовных. Всем разрешалось решительно все, при условии полнейшей неприкосновенности. Ограничивалась этим документом только одна верховная, законодательная власть, но не чиновники, ей служащие. Эти, напротив, приобрели такую полноту свободы действий, о какой и мечтать не смели при «произволе» «бюрократически-полицейского» режима. Произвол и попустительство, практикуемые сверху, не могли, конечно, остаться без подражателей в слоях исполнительного чиновничества, в чем нам, обывателям, приходится убеждаться чуть не ежедневно. Но с особенною яркостью проявилось это по поводу толстовского юбилея в аресте номера «Русского Знамени»[6] за статью, изобличающую юбиляра в противогосударственных и противоправославных лжеучениях, и привлечении редактора газеты А. И. Дубровина к уголовной ответственности по статьям, грозящим лишением разных прав и жестоким наказанием. Если бы дело ограничилось только этим, то мы могли бы недоумевать и удивляться такому проявлению энергического заступничества предержащих властей и ополчению их против нарушителя «неприкосновенности» Л. Н. Толстого, коею он действительно пользуется, не в пример прочим, еще задолго до ее провозглашения в документе 17-го октября. Мы могли бы скорбеть об участи главы «Союза Русского Народа» или радоваться постигшей его каре, сообразно тому, преклоняемся ли мы пред деятельностью

гр. Толстого или проклинаем его вместе со Св. Синодом, но во всяком случае мы знали бы определенно, как относится к нему Правительство и что ожидает его хулителей.

Но оказалось, что «Русское Знамя» только перепечатало уже давно появившееся разоблачение пагубных учений юбиляра в брошюре г. Айвазова[7], изданной книгоиздательством «Верность» *с разрешения цензуры*, на что доктор Дубровин и обратил внимание своих карателей. Но тут-то и начинается нечто уже совершенно невероятное, немыслимое не только в «конституционном» на европейский манер Государстве, но недопустимое даже среди диких кочевников, если бы у них издавались газеты и существовала цензура. На представление г. Дубровина петербургские цензурные блюстители отвечали с остроумной находчивостью, что брошюра г. Айвазова разрешена московскими их сослуживцами, и это разрешение их карательному праву препятствовать не может. Из такого положения, хотя и весьма курьезного, всякий балующийся пером все же может вывести определенное заключение и весьма полезное для себя соображение: если хочешь безнаказанно изобличить учение Л. Толстого – ступай в Москву, но горе тебе за таковое предприятие в Петербурге!

Скажем, и к этому еще можно приспособиться. Но в поисках аргументов для своей защиты г. Дубровин обнаруживает, что еще ранее «Русского Знамени» изобличающие гр. Толстого извлечения из брошюры г. Айвазова были напечатаны во многих изданиях периодической печати *Петербурга*, не возбудив против себя гнева местных цензоров…

Тут уже самый остроумный человек станет в тупик! Что должен подумать обыватель, чтобы не прийти к заключениям, очень нелестным для гг. петербургских блюстителей целомудрия печатного слова? Ссылка их на разномыслие с московскими сотоварищами оказалась неудачною диверсиею, и во всей его наготе и неприглядности обнаружился *личный произвол* против органа, нарочито заслужившего их неблагосклонность. Правда, по обнаружении, что в преступлении против гр. Толстого ранее «Русского Знамени» повинны многие иные орга-

ны, эти последние приказано было тоже изъять из обращения, эта мера была принята и против первоисточника зла, брошюры г. Айвазова, но ведь ясно, что это сделано только потому, что желательно было покарать ненавистное петербургским чиновникам «Русское Знамя», и если бы не оно, то изобличение Толстого всеми остальными газетами осталось безнаказанным.

Теперь финал: прокурорский надзор не усмотрел в деянии г. Дубровина состава преступления и освободил его от суда, а подлежащий номер «Русского Знамени» от конфискации.

Что же свидетельствует все вышеописанное происшествие? Может ли случиться что-нибудь столь дикое, столь беззаконное, явно пристрастное в Государстве, претендующем на «благоустройство»? Может ли произвол достигнуть большей беспредельности? Ведь ничего даже похожего мы не переживали в дни «приказного строя», что теперь стало явлением заурядным. Конечно, были всяческие беспорядки, беззакония, злоупотребления, стеснения «свобод», но, по крайней мере, обыватель знал довольно определенно границы, за пределы которых выходить не безопасно; ныне же, когда при водворении разноименных свобод и неприкосновенностей, свободно и неприкосновенно бушует сверху донизу беспредельный произвол, жизнь становится прямо невозможной. Все отрицательное, все разрушительное, ведущее к гибели наше Отечество, пользуется действительно полною неприкосновенностью, свободою злодеяний и благорасположением гг. «кормчих», но каждое покушение на защиту русской государственности, народной религии и интересов возбуждает против себя гонение, и дерзновенные, как, напр[имер], наиболее ненавидимый реформаторскими сферами г. Дубровин, становятся то и дело очень даже «прикосновенными» для желающих их упечь ad majorem constitutiae gloriam[8].

В одной из блистательных речей г. Столыпин между другими благополучиями посулился, что отныне не будет места на службе негодным чиновникам. Может быть, и даже наверное, он изъяснился в выражениях более красноречивых, но смысл был именно такой. Такому обещанию не могла не порадовать-

ся обывательская душа, к какому бы политическому согласию она ни принадлежала. Увы! – очевидно, что это благое намерение, как и многие другие, пошло на замощение адских путей сообщения. Действительно, очистить чиновничьи авгиевы конюшни не так-то легко, как это обещать. Чиновничий произвол, открытый и остающийся безнаказанным, – это безошибочный указатель полнейшего расстройства государственной машины. А ведь у нас проявлений этого произвола, самого возмутительного, можно насчитать сотни, но трудно припомнить хоть один случай кары, к каковой, конечно, нельзя относить увольнение с регалиями и пенсионами. Закона ныне как будто совсем не существует, и никто им не руководствуется, а поступает согласно своим «убеждениям», хотя бы они шли вразрез с существующим государственным строем и Основными Законами.

Припомните, например, разногласие г. петербургского градоначальника с членами председательствуемого им комитета по вопросу утверждения устава мусульманского союза или общества с целью пропаганды конституционных начал. Г. градоначальник нашел эту цель незаконной, члены его комитета были противного мнения. Ведь ясно, что кто-нибудь из них не понимал существующего, законом установленного, государственного строя и потому не мог занимать места среди администрации. Генерал Драчевский[9] и поднесь градоначальствует – значит, он прав. Но мы не слыхали, чтобы члены комитета, не понимающие законов, были отстранены от их лжетолкования. Слышно было, что в Сенате, куда перенесено было это дело, решение в пользу взглядов г. градоначальника состоялось не единогласно, следовательно, и в числе сенаторов, высших блюстителей законов, оказались лица, понимающие их превратно, но они тоже не были удалены с несоответствующих их понятиям влиятельных позиций. Наверно и теперь произвол петербургских цензоров, проявивших возмутительное беззаконие по личному нерасположению к ненавистному для всякого чиновного «освободителя» основателю «Союза Русского Народа», остается безнаказанным. А ведь в случае успеха их злокозненности г. Дубровину грозило тяжкое и позорное наказание.

Хаос, чудовищный произвол и полнейшее презрение к законам, покрываемые совершенной безнаказанностью, властно водворились во всей стране. И что всего ужаснее, что никого из правящих и властвующих это нимало не беспокоит. Даже и монархические, и патриотические организации поражают своею безучастностью к такому гибельному положению, грозящему окончательным разложением Царства. Так, главу и творца «Союза Русского Народа», насчитывающего теперь многие сотни, а может быть, и тысячи отделов, петербургские чиновники собираются упрятать куда Макар телят не гонял – и они не кричат от негодования, не посыпались к Царю сотнями челобитными на беззаконных обидчиков. И не примкнули к ним все остальные союзы и партии людей права и правды, забыв хоть на время личные счеты, соперничества и подобные разногласия? Увы, да! Они не откликнулись, их не пробрало даже это наглое покушение не мытьем, так катанием стереть с лица земли виднейшего представителя *правых* убеждений и упований. Они все забыли, что каков бы ни был г. Дубровин лично, он воплощает в себе те идеалы, которым они все служат, и сокрушение Дубровина будет тяжким ударом для дела *Русского* народа, *Русского* Государства. Враги его и в косоворотках, и в золоченых мундирах сознают это очень хорошо. Отсюда их неустанное преследование Дубровина и «Рус[ского] Знамени». Произвол чиновничий во много раз хуже самого отчаянного казнокрадства. Бороться с ним следует всем *русским* партиям неустанно, иначе он погубит Россию.

13 сентября 1908 г.

———

Воркующий «режим»

Мировая сцена политической драмы, как это явствует из целого ряда совершившихся и совершающихся событий, попала в руки каких-то невидимых режиссеров, но, тем не менее, столь искусных и могущественных, что ставящиеся ими пьесы

разыгрываются труппой вольных и невольных актеров с ансамблем и успехом, способным удовлетворить самого требовательного антрепренера.

Первое действие мировой трагедии под заглавием «Разгром России» было тщательно подготовлено, роли отлично разучены и удачно розданы лучшим актерам труппы, и представление прошло с таким блестящим успехом, которого не могло ожидать самое пылкое воображение. Оказалось, что наше огромное царство, казавшееся столь крепко спаянным, можно разобрать голыми руками, не только не встречая отпора от охранителей, но получая от них всякое содействие, и моральное, и материальное вплоть до субсидирования разрушительных дружин из средств государственного казначейства. Едва успела появиться хартия 17-го октября с букетом всевозможных свобод, как Российская Империя покрылась от Ледовитого океана до Черного моря и во всю свою долготу от крайнего Востока до пределов царств Западной Европы мириадами «самоопределившихся» республик, с президентами из статистиков, агрономов, ветеринаров, адвокатов, большею частью сомнительного происхождения. Но, хотя эти вновь возникшие «Государства» встречены были с горячим сочувствием в наиболее «сознательных» слоях отечественной «передовой» интеллигенции, однако как и всякая, хотя бы самая блестящая феерия, республиканско-российский апофеоз исчез столь же внезапно, как и появился, потому что «бюрократически-полицейский» режим оказался еще не до смерти забитым и последними своими судорогами разрушил так прекрасно задуманное и так искусно исполненное дело. Над разбойно-освободительной сценой опустился занавес, и «режим» объявил «успокоение», которое было всего более необходимо ему, совершенно истощенному последним усилием в борьбе с той возмутительно-предательской подлостью, которая называлась у нас «революцией».

Но вот революция отдохнула, оправилась и разлилась во всей стране по-прежнему, приняв только несколько иной колорит, и воцарилась во всех отраслях государственной

жизни. А «режим», сознавая свое неизлечимое бессилие, нашел в изобретенной им формуле «успокоение» надежное оправдание своему бездействию и непротивлению злу. «Режим», утративши всякую способность к проявлению силы, составляющей непременный атрибут истинной власти, выказывает самую очевидную, безнадежную растерянность пред наглейшими проявлениями беззакония. На грабежи, организованные, можно сказать, образцово, на стоны убиваемых, на дикий рев юношей, заявляющих, что они могут успешно учиться только в обществе евреев и девиц вольного слушания, на подлейшее подстрекательство жрецов науки к учебной забастовке, наконец, на невероятнейшие нарушения международных трактатов, когда из-под носа у нашей «дальновидной, искусной и хорошо осведомленной» дипломатии крадут целые провинции, – наш блаженный «режим» способен отзываться лишь голубиным воркованием. Уж о внутренних грабежах почт, поездов, пароходов, транспортов золота говорить нечего: эти уже вошли как бы в обиход повседневной жизни и освятились безнаказанностью. Но публика освободительного разгрома до того обнаглела, что всякое умереннейшее напоминание о законе приводит ее в неистовое беснование, и «режим», в испуге от своей собственной смелости, начинает нежно ворковать ради умиротворения прогрессивно оболванивающего нас направления.

Припомните хоть течение вопроса о вольнослушательницах. На вполне законное требование Министра Народного Просвещения поднялись вопли и изрыгались проклятия всеми, начиная с октябрей[1] и влево. И вместо того, чтобы поддержать во всей его полноте законнейшее постановление г. Шварца[2], «режим» тотчас же заворковал отступление, *фактически* узаконивая беззаконное вторжение прекрасного пола туда, где ему быть не полагается. «Режим» не только допустил вторгнувшихся докончить начатое ими университетское «образование», но для сего открыл пред ними настежь и самое запретное помещение, в чем не представлялось ни малейшей надобности. Почему для продолжения учебных заня-

тий не назначены были аудитории разных высших *женских* курсов в свободное от чтений в них лекций время? Разве эти девицы потеряли бы что-нибудь в своем рвении к знанию, если бы та же наука теми же просветителями была сообщена им в зданиях, предназначенных для *женского* просвещения? Очевидно, что «режим» струсил пред напором вольнослушательниц и их рыцарей и сдался на капитуляцию, прикрывшись лишь фиговым листком вечерних занятий в свободное время. Нетрудно было предвидеть, что и эта слабая и чисто фиктивная преграда для встречи обоих, жаждущих… науки, полов вызовет не менее неистовые протесты, как и первое законное распоряжение, ибо дело было не просто в допущении девиц к науке, а в допущении *совместном*. Да, впрочем, даже и не в этом, а просто нужен был предлог разгромить кое-как налаживавшееся учение. Потому что цель тех невидимых, тайных, но могущественных влияний, которым поддалось все, мнящее себя «передовым», «интеллигентным», которым, – увы! – поддался, может быть, и сам того не замечая, «режим», набитый сверху донизу этим «передовым» элементом, пуще огня боящимся быть заподозренным в «отсталости», – цель этих таинственных влияний заключается в *разрушении* России.

А так как никакое Государство не может существовать без образованного класса, и не имея такового, неизбежно попадает под власть ино- и даже чужеземную, то в этих видах и употребляются все усилия, увенчивающиеся, к прискорбию, полным успехом, оставив великое Государство с одними тщеславными, самодовольными недоучками, непригодными ни к какой практической деятельности, кроме организации вооруженных грабежей, приготовлений и метаний бомб, с головами, начиненными ненавистью неудачников и завистью к каждому куску во рту ближнего.

Как же защищает «режим» наше несчастное молодое поколение, в духовном и умственном развитии которого вся наша надежда на будущее спасение России? Не представляется ни малейшего сомнения, что подстрекателями настоящих уни-

верситетских забастовок явились профессора, первые постановившие, без всякого уважительного повода и не имея на то *законного права*, прекращение занятий вопреки мольбам большинства благоразумных юношей, не желавших терять время и средства в преступном баклушничестве. А наш «режим», вместо того, чтобы обрушиться на главных, для всех не слепорожденных явных и единственных виновников прекращения учения, им же поручает судьбу дела, которое они *сознательно* губят. Свирепым, безжалостным разбойником, убивающим просвещение русского ума, лишающим русских юношей умственной пищи, которой они алчут, «режим» вверяет их судьбу, да еще с успокоительным заверением, что не употребит никакого воздействия насилием, а будет сидеть в стороне да любоваться, как «ученые» душегубы, автономно поправшие высшее образование, превратятся в мудрецов, истинных служителей науки и просветителей юношества…

А каково дипломатическое искусство нашего «режима»? Какова его осведомленность? Какова степень *уважения*, которым он пользуется среди государственных людей Европы? Ведь так одурачить, так провести доверчивого простака, как провел Эренталь[3] нашего «глубокомысленного» предводителя русского дипломатического корпуса, кажется, не было примера во всей всемирной истории. От сладких речей Титтони[4], Пишонов[5], Грэев[6], Эренталей; от торжественных почетных приемов, сердечно-дружественных рукопожатий, уверений и льстивых удивлений необыкновенному дипломатическому искусству главы нашей дипломатии у нее «в зобу дыханье сперло» и помутилось в глазах так, что он и не заметил, как Эренталь тут же стащил, вопреки или помимо всяких соглашений с ним, две балканские провинции. Очень было бы любопытно видеть выражение лица г. Извольского[7] в тот момент, когда он узнал о подвиге своего дружественного австрийского коллеги; жаль, если фотография не увековечила его в назидание и в пример будущим дипломатам…

Как же отозвался на этот международный грабеж дипломатический представитель нашего «режима»? Да в совершен-

ном согласии с общим его духом. Вместо заявления смелого, решительного протеста против наглого международного правонарушения, он начал лепетать что-то о конференции, растерянно озираясь, – то на старого коварного друга – Францию, то на вновь, – не в добрый час! – приобретенного – Англию, встречаемый везде как попавший впросак простофиля… Конференция? Из кого? Из того же Эренталя, грабившего с благосклонного попустительства Германской империи и ее верного слуги (увы, у нас таких нет!) гр[афа] Бюлова[8], который на конференции уже, конечно, не окажется на стороне г. Извольского. Да, впрочем, сознает ли этот делильщик Земли Русской на достояние историческое и забеглое, вполне ясно то, что требуется интересами его страны?

Все происходящее в России ясно показывает, что власть утратила способность понимания истинных народных потребностей и под видом удовлетворения таковых принимает меры, нашептываемые нашими лютыми врагами и зараженными ими влиятельными сферами; оттого-то и не выходит ничего хорошего из реформаторских метаний, а государственное расстройство делает ужасающие успехи.

Вот и живи с таким «усовершенствованным» режимом, бессильным унять шайку недостойных профессоров, избавить несчастное юношество от их пагубного влияния, обывателей и свою казну – от ограбления и свое международное положение – от позорного осмеяния. Поневоле захочется… впрочем, напрасно хотел, когда нет никакой возможности достигнуть желаемого. Одно несомненно: все русские, персидские и турецкие революции, японская война, забастовки, грабежи и убийства, нелепые, безжизненные реформы, не отвечающие ни характеру, ни потребностям народов, среди которых насаждаются, внезапная противоестественная дружба русского «режима» (отнюдь не народа) с Англией, одновременное выступление Болгарии, Греции и Австрии в ролях нарушителей трактатов, вопросов о вольнослушательницах и старостах – все это последовательные явления одной трагической пьесы, пятый акт которой должен завершиться окончательною гибе-

лью России. Ибо пока Россия жива, никто не может завладеть миром. Охотников же к тому несколько, и все наши *друзья*.

А мы воркуем!..

4 октября 1908 г.

———

Спасайте будущее!

Итак, российские обыватели оповещены о благополучном окончании сочинения четвертого, или двадцать четвертого – не все ли равно? – теперь должно быть уже самого великолепного университетского устава. Ну а дальше что? Ведь надо обладать прямо сверхъестественною наивностью, чтобы верить в чудодейственную силу горы исписанной бумаги и думать, что как только появится «новый» устав, утвержденный кем и как следует, то сейчас же одичалые юноши и юницы перестанут безобразничать и начнут учиться, а профессора прекратят подстрекательство и трусливое заискивание милостивого расположения забастовочных коалиционеров южного типа и начнут преподавание студентам наук вместо ныне преподаваемого неповиновения распоряжениям высшего начальства.

Разбирать и критиковать новоявленный устав – вещь совершенно бесполезная. Как бы совершенен он ни был, всегда найдутся и хвалители, и хулители: на всех не угодишь. Но можно наперед, даже не читая его, с уверенностью сказать, что самого нужного, самого главного в нем нет, а именно статей, требующих безусловного исполнения наставниками и учащимися *их обязанностей*: первых – учить, вторых – учиться, и притом требования не шуточного, а *настоящего*, сопровождаемого указанием наказания вполне определенного, за нарушение этой единственной цели учреждения университетов. А то не угодно ли полюбоваться на настоящее безобразие.

По очевидному попустительству, сочувствию и пособничеству профессорской коллегии совершается малою частью злонамеренного студенчества отвратительнейшее, гнусней-

шее преступление – забастовка учения. Желающие учиться молодые люди не встречают поддержки в университетском начальстве, преследуются и даже избиваются озверелыми неучами, и тлетворная зараза быстро охватывает все или почти все так называемые «высшие» учебные заведения. Как же поступает наш всесильный «режим»? Обрушился ли он всею силою власти и закона на недостойных гасителей русского просвещения? Заступился ли за благоразумную часть молодежи и дал ли ей возможность беспрепятственного учения? Выгнал ли с позором, вполне заслуженным, не желающих учить и учиться? Очистил ли университеты от смутьянов — профессоров и студентов? Нет, ничего подобного! Он, наш реформированный обновленный «режим», продолжает бесплодно препираться с неповинующейся ему профессорской коллегией. Эта последняя самовольно закрывает университет: «режим» приказывает: открой! Профессорский совет отвечает: не могу, бунтуют. «Режим» на это: уйми, это твоя обязанность…

И так далее в этом явно бесцельном и бесплодном роде. А потребовал бы «режим» хоть раз приложить к преступникам дореформенное средство. Не исполняет университетское начальство и профессора своих обязанностей, допуская до забастовок со всеми их безобразиями – вон со службы, но только без мундира и, главное, *пенсиона*. Не желают молодые люди южного, да хоть и северного, типа учиться – пожалуйте вон, да не на срок, а *навсегда*, без всякого возврата и снисхождения.

«Режиму» нашему следовало бы помнить, что в высших учебных заведениях приготовляется вся будущая умственная сила Государства, что погибель науки есть погибель умственного развития подрастающих поколений, идущих на смену нынешним деятелям. Какие же деятели получаются из полуграмотных невежд, вместо предлагаемого им учения проводящих лучшие годы в бессмысленных забастовках, повинуясь какой-то таинственной вражеской воле, сознательно уничтожающей наше просвещение при пособничестве, – страшно сказать! – жрецов науки, очумелой части «либерально-освободительного» общества и при безнадежной слабости и нерешительности власти.

Еще почти три года тому назад я писал, что наша главная язва заключается в гибели, грозящей нашему образованию. С этим несчастием не может сравниться ни проигранная война, ни разбои, бунты и насилия, ни позорный мир, ни даже вся сумма бессистемных внутренних реформ последнего времени. Прекращение деятельности просветительных учреждений – это духовное убийство страны, это позорнейшее, подлейшее, непростительное преступление.

Бесконечно преступны совершающие его, однако виновна и та власть, на обязанности которой лежит охранение этого важнейшего нерва государственного существования. Четвертый год длятся явные усилия уничтожить нашу высшую школу, и она превратилась в буйное сборище молодых людей, развращенных физически и нравственно, не уважающих никаких авторитетов, не поддающихся никаким влияниям, кроме революционно-разбойных. Господа, да ведь это наши дети! И если их покинула защитой власть, если об их жалкой, позорной и печальной судьбе и ухом не ведут зовущие себя «представителями» народа, то неужели будете и вы – отцы их, русские люди, так же безучастно относиться к одичанию ваших детей и к гибели вашей Родины? Спасайте же их и спешите, а то будет поздно. Еще немного лет такого учебного хаоса, и Россия останется без умственных сил, развитых наукой и обладающих знаниями. *Это-то и нужно нашим врагам.*

Не смогли разгромить Россию бунтами и насилиями, они раздавят ее развратом и невежеством.

Но как спасать, что предпринять, когда правительственные попечители не сознают или не хотят сознать страшной опасности, не хотят видеть гибели десятков тысяч молодых умов, в которых гасится все человеческое?

Когда чиновники и партикулярные реформаторы перекраивали Россию на новый фасон, то нас, обывателей, уверяли, что это делается главным образом для того, чтобы уничтожать бюрократическое «средостение» между народом и Престолом.

Что же, люди Русские, попробуйте! Настало самое время испытать, действительно ли исчезло ненавистное средостение,

действительно ли кровная нужда народная беспрепятственно дойдет до Царя, представителя высшей справедливости, печальника о народных скорбях. Вы, все «правые» союзы, общества и партии, считающие себя защитниками «народности», ратуйте же за нее, пока она еще не окончательно задохлась в диком невежестве!

Идите к Царю, плачьте о гибнущих детях ваших, молите Его о спасении их, ибо только Он может спасти их Своим повелением – *не щадить разрушителей просвещения.*

Еще два слова. Все происходящее в университетах прикрывалось словом «автономия». Студенты безобразничали во имя автономии; профессора сначала подстрекали, а потом уговаривали ради охранения той же автономии. Я понимаю автономное учреждение, содержащееся на автономные же средства, но какою же автономией, доходящей до экстерриториальности, может пользоваться *Императорский* университет, содержащийся на государственные средства? Это что-то совсем дикое, что-то ни с чем не сообразное…

30 октября 1908 г.

———

Безвыходное положение

Среди многочисленных обвинений, направленных против Государственной Думы и более или менее справедливых, чаще всего раздается одно, совершенно несправедливое, – это обвинение в излишней болтливости в ущерб производительной работе. Нам кажется наоборот: Дума слишком умеренно пользуется своим правом и вместе с тем обязанностью по вопросам, на ее обсуждение представляемым.

Многие органы периодической печати с укором вопили о том, что по законопроекту на основании указа 9-го ноября пожелали высказаться – шутка сказать! – 200 с лишком человек. Казалось бы, что надо удивляться, что по закону, последствия которого, несомненно, будут иметь огромное влияние

на благосостояние Государства, закону достоинства крайне спорного, пожелало высказаться не так *много*, а так *мало*, что большая часть достойнейших оказалась не имеющей ничего высказать, когда дело идет о коренной ломке народной жизни, по мнению одних – ко благу, по убеждению других – к гибели.

Вы только подумайте, для чего учреждена Дума? Для того, чтобы своими советами помогать Правительству в управлении Государством, что может она исполнить не иначе, как высказывая свое мнение по делам, в нее вносимым, и если по такому важнейшему акту, как указ 9-го ноября, пожелало высказать свое мнение менее половины всех достойнейших избранников народа, то спрашивается: зачем было собирать такую многочисленную ораву Молчалиных? Ведь все они, эти зовущие себя представителями народа, оплачиваемые «по 17-ти с полтиной с рыла» (выражение г-на Пуришкевича[1]), только тогда имеют смысл и значение, тогда только оправдывают почетное название «достойнейших», «неприкосновеннейших», когда каждый из них представляет самостоятельную ценность мудрости, опыта и знания, а не подголосок более сметливого или юркого соседа. Если бы все члены Думы стояли действительно на высоте своего положения, то было бы не удивительно, а, напротив, совершенно естественно и согласно с идеей, вызвавшей к жизни этого рода собрания, если бы по каждому вопросу являлась надобность и желание высказаться у всех членов «высокого» собрания. На это возразят, что, если бы действительно случилось нечто подобное, то никакая производительная работа в Думе или парламенте, палате, вообще, в таком собрании, была бы невозможна. Это, конечно, совершенно верно. Но что же это доказывает? Разумеется, не то, что надо зажимать рот «доверием народа облеченным». Нельзя не удивляться установившимся в Государственной Думе произволу и деспотии над почтенными представителями, заключающимися в том, что, как только им надоест или наскучит слушать «достойнейшего», так сейчас предлагается: прекратить запись ора-

торов, ограничить время речей десятью минутами. Позвольте, да может быть, следующий-то, не поспевший записаться, оратор и скажет самое дельное, или говорящий имеет так много сказать, что никак не уместится в десяти минутах, – что же, останавливать его на полуслове? Как согласить такое насилие с высочайшим значением народного представителя? Мы еще со Святополк-Мирского «доверия», можно сказать, с неистовою настойчивостью требуем себе всяческих свобод, между которыми на первом плане поставили свободу слова, и вдруг этой-то самой дорогой нашему нраву свободой пренебрегает излюбленнейший, достойнейший наш представитель, невзирая на его совершенную неприкосновенность для Правительства и полнейшую безответственность за качество произносимого, если только того пожелает случайное большинство его сотоварищей. Согласитесь, что это вопиющая несообразность. Представьте себе положение жертвы такого деспотизма большинства, не успевавшего, по врожденной медлительности или нерешительности, попадать в русло словоизлияний. Каково будет его положение перед избирателями, когда они его будут упрекать в безучастии в решении Думой интересующих их вопросов? Что он им ответит?

Я-де и хотел сказать, да мне не позволили. Положение совершенно глупое. Конечно, это происшествие вполне фантастическое и на самом деле произойти не может, потому что избранник и попасть-то не может в сонмище тех избирателей, пред которыми он ответственен. Это уж так предусмотрительно устроено. Но ведь факт остается фактом: безграничная свобода слова для всех и безапелляционный намордник на «доверием народа облеченного» по воле таковых же, когда им надоест слушать словесную канитель! При свободе слова, да еще в заведении, которое и учреждено для разговоров и в иностранных землях так и называется «говорильней», ограничение права народных избранников высказываться вполне по рассматриваемым вопросам представляется совершенной аномалией. Не только членам такого высокого собрания, но даже членам любого комитета или акционерного собрания никто не

может препятствовать высказываться. Но, с другой стороны, много ли производительных результатов получит Государство от нашего представительного учреждения, если дать полную волю словолитию представителей?

Таким образом, с одной стороны, совершенно не соответствует достоинству представителя ограничение его существенного права и назначения кем бы то ни было, в том числе и его сотоварищами, а с другой – предоставление им использовать свое красноречие в неограниченной мере приводит к бесконечному топтанию на одном месте.

Отсюда ясна как день полнейшая несостоятельность идеи, положенной в основание таких многолюдных и постоянных учреждений народного якобы представительства, какими они являются под разными наименованиями во всех конституционных Государствах, и в нашем осуществились в Думах «народного гнева», мести и… скудоумия.

4 января 1909 г.

———

Государственные преступники в Думе

Уже два, или около того, года, как в России официально объявлено «успокоение», и «широкие массы» обывателей и общественное мнение, за небольшими исключениями, поверили этому заявлению. Истерзанные небывалыми ужасами и сверхъестественными преступлениями нервы русских людей до того нуждались в отдыхе и настолько притупились к ежедневным известиям о пролитии крови, что правительственное свидетельство об успокоении было принято в массе с полным доверием, несмотря на то, что убийствами, грабежами и насилиями страницы повременных изданий пестрят и поныне не меньше, чем в доуспокоительный период. Так же успешно убиваются люди «на партийной почве», так же грабятся почты, лавки, артельщики, угоняются с товаром целые вагоны, а на процветающем, по словам сотрудников гр. Воронцова-

Дашкова[1], под его мудрым управлением Кавказе чуть ли не ежедневно похищают живых людей ради получения выкупа и так же, как и в «революционный» период, и теперь эти сообщения в большинстве случаев сопровождаются заключением, что преступники скрылись. Но если измученная обывательская душа потеряла способность к острому восприятию впечатлений от преступных известий, если глазу столичных жителей примелькались виды вооруженной скорострелками охраны во всех банках и банкирских конторах, если он уже не удивляется при виде среди бела дня многочисленных воинских экскортов, сопровождающих каждый денежный сундук Государственного Банка, если деревенский обыватель уже привык ежедневно слышать о грабежах, конокрадстве, поджогах и других насилиях, то умы охранителей Государства не должны бы, казалось, притуплятся от долговременного повторения одних и тех же преступных явлений и обязаны бороться с ними с неослабевающею энергиею. Оно, вероятно, так и есть. Но если борьба Правительства с преступностью еще не привела к ее искоренению, или, по крайней мере, не свела ее со степени необычайной, – что свидетельствуется необходимостью необычайных предосторожностей, – до ее нормального уровня, то, очевидно, что, объявляя «успокоение», Правительство имело в виду не уменьшение преступности, не искоренение тех особых приемов ее, которые стали практиковаться с «освободительного» движения, а что-то другое. Этим другим могло быть, кажется, только одно: подавление революции, т.е. преступного стремления к насильственному ниспровержению существующего государственного строя.

Но можно ли считать, что и с этой стороны наступило успокоение, т. е. что все преступные замыслы обнаружены, преступники в руках Правительства и поставлены в неспособность исполнения своих разрушительных намерений? Если до сих пор еще можно было льстить себе надеждою успокоения в этом смысле, хотя состав Государственной Думы наводил на большие сомнения, то теперь, после обнаружившихся при

прениях по запросу об Азефе[2] отношениях между охранителями Государства и его разрушителями, должен исчезнуть всякий намек на обеспеченность нашу от революционных потрясений и в настоящем, и в будущем. Теперь уже не остается никакого сомнения, что при существующем «режиме» можно быть одновременно и заведомым для властей тяжким государственным преступником и неприкосновенным законодателем. Так, из уст самого главы правительствующего Кабинета[3] мы узнали, что на конференции революционеров, т. е. преступного общества с целью ниспровержения в России существующего строя, собравшейся в Париже в сентябре 1904 года[4], участвовал между другими и г. Милюков, ныне глава одной из значительных партий Государственной Думы. Но этого мало: в 1906 г. высшие представители Правительства ведут с этим заведомым государственным преступником переговоры о способах спасения России от революции, и только благодаря неуступчивости г. Милюкова по всем пунктам его революционной программы, власть над Россией не переходит в руки его и его достойных сотоварищей. Что эти переговоры Правительства с государственным преступником имели место, в этом нет ни малейшего сомнения. Можно сомневаться только в их содержании, которое каждая сторона объясняет по-своему. Г. Милюков говорит, что ему предлагали составить министерство, а представитель Правительства дает понять, что предводитель «кадет» сам набивался в министры. Разница, конечно, большая, но не в ней главная суть дела, а в том, что́ могло вообще побудить высшие правительственные сферы вступить в переговоры о судьбе Государства с главарем бунтарей? Ответ на это может быть только один: могла побудить лишь убежденность в непреоборимом могуществе того движения, представителем которого являлся г. Милюков, что этот господин со своей почтенной компанией Петрункевичей, Родичевых, Долгоруких и иных кандидатов в министры и выше являются выразителями народных потребностей и желаний, тогда как, в сущности, за этими господами стояли только кучка честолюбивых земцев, сбитая с толку

несчастная учащаяся молодежь, отданная в руки Занчевским[5] и Васьковским[6], да вечно фрондирующие на казенный счет большие и малые петербургские чиновники.

В этих переговорах выразилась во всем ее ужасе поразительная неосведомленность Правительства о действительном положении Государства, народном настроении и его потребностях. И это положение, несомненно, продолжается и до сих пор. Гг. министры заискивают и сейчас доброго расположения лидеров думских партий, не имеющих никаких корней, ни связи с народной жизнью, и сейчас ездят на поклон к Гучковым и Милюковым, а те в то же время ездят по Парижам, Константинополям, Нью-Йоркам и Гельсингфорсам, уже, конечно, не для укрепления существующего *Самодержавного* строя. Невольно, но естественно напрашивается вопрос: какую же пользу приносят Правительству все стоящие громадных денег его тайные и явные Азефы; как эти бдительные агенты не раскрыли глаза Правительству на ничтожество политического заговора, явным коноводом которого состоит Милюков, – ничтожество, так рельефно обнаруживавшееся после разгона первой Думы, что стало бы понятно каждому политическому младенцу? Говоря о ничтожестве заговора, мы разумеем, конечно, не внешние его проявления, которые были ужасны, стоили потоков крови лучших русских людей и привели Государство на край политической и экономической гибели, но то, что этот заговор не составляет последствия недовольства народных масс, которые были и посейчас остаются совершенно равнодушными к политической реформе 17-го октября, которая, по признанию самого Милюкова, вызвана не народными потребностями, а вырвана у власти революционным движением, на что опровержение со стороны Правительства не последовало.

Таким образом, преступление г. Лопухина и запрос о «провокаторстве» Азефа послужили к обнаружению следующих несомненных фактов: 1) что г. Милюков и его сообщники, как сидящие в Государственной Думе, так и разгуливающие на свободе, принадлежат к преступной организации, стремя-

щейся к ниспровержению существующего государственного строя; 2) что представители высшей власти, зная это, тем не менее, вели с Милюковым переговоры первейшей государственной важности, вполне неправильно оценивая значение этого деятеля и не понимая ничтожества сил движения, его партией руководимого; 3) что акт 17-го октября, коим созданы настоящие законодательные учреждения, составляет уступку кучке революционеров, по большей части на казенный же счет содержавшихся и ныне содержимых. Таковы факты. Но, если предводимая г. Милюковым партия «кадет» есть сообщество преступное, какового взгляда держится и Правительство, не разрешая ее регистрации, то тем бесспорнее незаконны и преступны левейшие думские партии, открыто исповедующие с думской трибуны свои не оппозиционные, а противогосударственные доктрины. Таким образом, значительное количество достойнейших, доверием народа якобы облеченных, ныне присвоивших себе, без протеста откуда следовало, наименование народных представителей, состоит из несомненных преступников, подлежащих наказанию по совершенно определенным статьям уголовных законов. Каким же образом возможно править страною с таким удивительным, наверное, ни в одном государстве не существовавшим законодательным органом? Не потому ли является он таким пустоцветом, не давшим Государству успокоения и оживления ни в одной отрасли его существования? Ведь в Государственной Думе не только «кадеты» и левейшие стремятся к ниспровержению строя, но и центр, именующий себя «партией 17-го октября», тоже стремится к ниспровержению порядка актом, от этого числа установленным, ибо устами своих ораторов многократно заявлял, что цель партии, установление *конституции*, и при открытии 3-й Думы демонстративно вычеркнул слово «Самодержавие» в ответном Государю адресе. Таким образом, ясно, что огромное большинство членов настоящей Государственной Думы стремится к нарушению существующего государственного порядка, определяемого Основными Законами, – Самодержавным.

Каково же отношение Правительства к своей обязанности – охранять государственный строй и блюсти за неукоснительным исполнением законов, его определяющих? Судя по тому, что в Думе не только безнаказанно, но и без всяких возражений остаются все «конституционные» выходки Гучковых, Бобринских, Мейендорфов[7] и многих других, что первое из названных лиц person gratissima[8] у правящего «Кабинета», – следует заключить, что Кабинет не понимает совершенной противоположности идей Самодержавия и конституции и полагает возможным их совмещение при действующих Основных Законах.

Нет ничего хуже неопределенности, порождающей неизбежно сомнение, смуту и лжетолкование. Во всяком деле требуется ясность положения и определенность цели, а тем необходимее это в основном вопросе государственного устройства. Какого порядка, какого благоустройства можно ждать в Государстве без твердо определенного образа правления? Правительству неоднократно представлялись случаи разрешить этот вопрос по возникавшим о нем препирательствам, но оно упорно обходило его молчанием и оставляло всех в сомнении и заблуждении. Нам скажут, что ведь г. Столыпин в заявлении своем при открытии настоящей Думы объяснил, что у нас Самодержавие на исторических началах, без прививки чужеземных ветвей, но с «представительным» строем.

Но что разумел глава Правительства под «представительным строем», и каким образом он вытекал из исторических русских начал, – он не объяснил. Между тем, представители думской, несомненно, правительственной партии, опираясь на его заявление, определили, что существующее государственное устройство есть «конституция», и возражений со стороны Правительства не последовало. Представьте же себе теперь положение верноподданного обывателя: в Основных Законах начертано, что Россия управляется Самодержавным Государем, а в одной из статей Ему присвоен титул неограниченного; сам Государь объявляет явившейся к нему народной депутации, что Самодержавие осталось, как встарь; поставленный Им гла-

ва Его «Кабинета» провозглашает «представительный строй», министр финансов восклицает: «Слава Богу, – у нас конституции нет», ему возражают: «Слава Богу, у нас есть конституция!» Теперь мы узнаем, что чуть-чуть не попали под пяту «кадетского» режима… Где же гарантия в том, что завтра не вздумается править Государством по программе Булатов[9], Гегечкори[10] и прочих наших неистовых монтаньяров[11]?

Нельзя оставлять Государство в таком неопределенном положении, которое скорее всякого бунта, скорее всякой революции приведет его к разложению. Если у нас Самодержавие, как встарь, то объявите же открыто и громко во всеобщее сведение, что «конституции» у нас нет и не будет, а под представительным строем разумеется не конституция, а то-то и то-то. Если же думающие, что Основными Законами утверждено у нас Самодержавие – ошибаются, и настоящий строй есть конституция, то и это надо тоже заявить авторитетно и громко, дабы каждый знал, кто прав и кто заблуждается. До полного и не допускающего никакого разнотолкования решения вопроса о существующей форме правления невозможно установление спокойного и правильного течения государственной жизни и исчезновения смуты и тревоги в общественных сферах и народных массах.

Лопухино-Азефовский случай[12], осветивший до некоторой степени отношения между Правительством и революцией, и очень ярко – прискорбную неосведомленность первого о положении Государства, превратил прежние смутные сомнения обывателя в очень определенную тревогу об участи, которой он может ожидать при обнаружившихся условиях, и вновь выдвигает настоятельную необходимость оставить гибельную игру в политические прятки и ответить вполне вразумительно и точно, какой же у нас образ правления: Самодержавный или конституционный? Одновременно же и то, и другое существовать не могут. Это очевидная нелепость.

23 февраля 1909 г.

———

Думская Азефовщина

Чуть не каждое заседание нашей Думы, называемой Государственной, разрешается скандалом, совершенно не приличествующим тому значению, которое дано этому учреждению и высоте, на которую оно поставлено. До сих пор, однако, действующими лицами в недостойных выходках были по большей части необузданные члены левого фланга или вообще, так сказать, рядовые различных партий «народного представительства». Но вот, в заседании 25 февраля дух скандала добрался и до председательской кафедры, и ее обладатель разразился против г. Маркова 2-го[1] такою выходкой, которая заставляет сомневаться в уравновешенности его духовных качеств, столь необходимых в его положении. Впрочем, г. Н. А. Хомяков[2] настолько приучил нас видеть в нем ненавистника правой стороны председательствуемого им учреждения, что одна лишняя выходка его раздражения, хотя бы и такой феноменальной нелепости, как последняя, не заслуживала бы особенного внимания, но причины, ее вызвавшие, дают повод к размышлениям, и притом весьма тревожного свойства.

Когда выяснились результаты выборов в третью Гос[ударственную] Думу, и оказалось, что вместо неистовых разбойников, наполнявших сплошь первую и в подавляющем большинстве вторую Думу, теперь значительно преобладают «правые» и называющие себя «октябристами», то мы имели полное основание предположить, что в этой третьей Думе с преобладающим *законопослушным* составом будет спокойно и серьезно исполняться государственное дело, ей порученное. Большинство так и думало, и лишь немногочисленные скептики опасались, что эта последняя Дума будет даже горше двух первых. Теперь с достаточной и прискорбной очевидностью выяснилось, что правы были скептики. В самом деле, вдумайтесь во всю деятельность третьей Думы, и вы должны

будете с ними согласиться. В рабочей производительности действующая Дума, с государственной точки зрения, недалеко ушла от своих предшественниц, судя по совершенному отсутствию влияния ее деятельности на положение Государства и народную жизнь, в выходках же против «существующего государственного строя» и его руководителей она так далеко превзошла Думы Муромцевскую[3] и Головинскую[4], что дальше остается ей только разве объявить себя учредительным собранием или призывать к оружию против «узурпаторов» власти. Если в первых Думах амнистий и уничтожения казней требовали военачальники «революции», то в настоящей снятия всяких исключительных положений, сдерживающих злонамеренную волю, добивается *правительственная* (?) партия октябристов; если раньше русское воинство оскорбляет Зурабьянцами, то теперь оно оскорбляется гг. Гучковыми[5], в полном единодушии с представителем военного управления; если прежде кричали: «Вон! в отставку!» и оскорбляли высших чиновников, то теперь оскорбляется Верховная Власть, по мнению «правых» Думы, выраженному в речи г. Маркова 2-го, – ораторами октябристов и кадет, по мнению же председателя этого удивительного собрания – членом Думы Марковым и, следовательно, всем правым крылом ее. Кто из них справедлив в этом обвинении своих политических противников – вопрос другой, но факт оскорбления Верховной Власти остается бесспорным. Но замечательнее всего то равнодушие, то совершенно невозмутимое безучастие, которое во всех подобных случаях нарушения Думою пределов своих законных прав сохраняли представители власти. Такое отношение Правительства к Думе, очевидно стремящейся расширить свое влияние на дела Государства до превращения в чисто конституционное учреждение, о чем неоднократно заявлялось октябристами, считающимися правительственной партией, и лидер которой, г. Гучков, действительно persona grattissima главы правящего Кабинета может быть объяснено только тем, что Правительство само желает посредством и при услугах «октябрей» перейти к конституции. Это пред-

положение находит подтверждение в поведении, которого неукоснительно держалось Правительство с самого открытия третьей Думы, не только не останавливая ее выходок, направленных против Самодержавия, но предупредительно предлагая на ее усмотрение и критику дела ведомств, изъятых из ведения Думы, и притом без всякой существенной в том надобности и плодотворных последствий. Смысл настоящего положения и стремлений Правительства только и можно логически объяснить тем, что правительственная думская партия октябристов, нападая на правительственную политику, действует так по указанию самого Правительства, поставившего себе целию ввести конституцию, но не решающегося на этот шаг без настоятельной поддержки «народного представительства», фальсифицирующего в этом отношении якобы народные желания.

Как иначе объяснить то, что, чем больше лидеры и ораторы этой партии (о левейших не стоит и говорить) нападают на Правительство и существующий строй, тем любезнее и предупредительнее с ними «Кабинет» и премьер. Ведь с самого Азефовского нелепого запроса г. Гучков и К° не переставая скалят зубы, оскорбляя войско, добиваясь снятия усиленной охраны мирных жителей, зная очень хорошо, что никакого «успокоения» нет, что ежедневно льется русская кровь и грабится народное достояние, и, наконец, обвиняя самую Верховную Власть, и притом нагло облыжно, в неисполнении каких-то обещаний и даже обязательств, данных актом 17 октября. Эта последняя выходка, для исполнения которой ради сильнейшего впечатления был выпущен на трибуну член президиума, и имевшая, очевидно, характер чистой провокации, чтобы дать Правительству предлог якобы вынужденной уступки желаниям народа, возмутила честных русских людей правой стороны Думы и вызвала с их стороны такой энергический отпор, какого не ожидали ни думские исполнители представления, инсценированного закулисными руководителями, ни эти последние. Но протест «правых», как бы справедлив и энергичен он ни был, едва ли помешал бы

режиссерам нашей государственной трагедии использовать провокаторские выступления в желаемом смысле, если бы не подпортил дело усердием не по разуму не особенно сообразительный председатель «высокого собрания», потерявший всякое самообладание от нарушения г. Марковым своим неуместным вмешательством желанного впечатления от так хорошо задуманного и так гладко и успешно проводимого предприятия. Выходка г. Хомякова напомнила собою тех находчивых школьников, которые на оскорбительные слова и упреки своих сверстников только и могут отвечать, повторяя их слова: сам такой! Но не совсем-то легко вывернуться из голословного, без малейшего признака какой-нибудь обоснованности обвинения: сам оскорбитель Его Величества, и в особенности когда этот оскорбитель говорил от имени целой партии. Г. Марков, высказывая обвинение барона Мейендорфа и Родичева[6] в оскорблении Величества, его мотивировал. Можно было оспаривать правильность его выводов, но, предъявляя ему контробвинение, г. Хомяков обязан был тоже доказать, что он имеет к тому достаточные основания. Чем кончится это столкновение не Маркова с Хомяковым, а верных Основным Законам Государства правых членов Государственной Думы, со всеми, стремящимися к их нарушению и установлению конституционной формы правления, мы не знаем, но смеем думать, что если рулевые нашего Государственного Корабля искренно убеждены в благотворности такой реформы, то им следовало идти к ней честно, открыто, а не просовывать ее исподтишка из-за спин Гучковых, Мейендорфов, Родичевых и им подобных фальсификаторов народных нужд и желаний, уклонившихся всецело «в словеса лукавствия».

Был ли Азеф провокатором, и пользовалось ли им, как таковым, Правительство, – осталось совершенно недоказанным, но что вожаки Думского центра исполняют роль провокаторов конституции – это несомненно.

4 марта 1908 г.

———

Потемки

В последние годы, и что дальше, то чаще, происходят события, которые, очевидно, могут иметь серьезное влияние на участь Государства, но для рядового обывателя остается совершенно неизвестным отношение к ним правящей власти и потому естественно и неизбежно в умах населения зарождается сомнение и тревога за будущее. В недавно еще прошедшее дореформенное время, когда царил режим, окрещенный передовыми ненавистниками его презрительной кличкой «бюрократически-полицейский», когда обыватель был совершенно устранен от участия в направлении государственной деятельности, и в это глухое время Правительство, при возникновении таких явлений, которые могли волновать общественное мнение, спешило дать им истинное освещение и выяснить свое к ним отношение посредством так называемых «правительственных сообщений». Это был прекрасный способ для осведомления общества об истинном свойстве данного события, для пресечения всяких злостных и невольных кривотолкований и для доказательства того, что правительство зорко следит за всем происходящим, и от внимания его не ускользает ничто, могущее нарушить спокойствие государственной жизни. Казалось бы, что теперь, когда Высочайшею Волею население приобрело право участия в государственных делах, оно более чем когда-нибудь нуждается в точной осведомленности об истинном значении происходящих событий, возбуждающих его недоумение, и об отношениях к ним правящего Кабинета, а между тем, именно теперь население лишено авторитетных правительственных разъяснений и осуждено блуждать в совершенных потемках, будучи не в силах объяснить себе причины непонятного безучастия и молчания Правительства и определить, какого поведения ему, обывателю, держаться, чтобы оно не оказалось в противоречии с целями и намерениями государственных кормчих.

Из великого множества событий, отношения к которым правительства остались неразъясненными, но которые имели неоспоримо огромное значение, остановимся хоть на тех, которые имели место в самое последнее время. В ночь на 4 июня чуть не совершилось величайшее для России и ужаснейшее преступление – потопление Императорской яхты «Штандарт» и с нею всей Царской Семьи, предотвращенное только исключительной бдительностью охранных судов.

Все объяснения причастных к этому делу лиц, как то: капитана, финского лоцмана, и, главное, начальника лоцманов, генерала *русской* службы Шемана[1], *очевидно*, неправдоподобны, не способны ни в малейшей мере успокоить встревоженные до ужаса чувства всего русского верноподданного населения, остающегося и ныне при убеждении, что это была не случайность, а наглое покушение, что подтверждается сообщениями о сновавших в ту же ночь моторных лодках около стоянки Царской эскадры. Если опасения и тревога русских людей не основательны, то Правительство обязано было успокоить их точным объяснением происшедшего события и *доказать* бессомнительую невинность вышеназванных лиц и в особенности русского генерала Шемана, ибо оставление его на службе после неопровергнутого обвинения в том, что русскому морскому ведомству были сообщены неверные карты шхер, без обозначения на них того камня, на который *лучший* финский лоцман посадил в прошлом году Царскую яхту, когда на финляндских картах этот камень обозначен, и после происшествия в ночь на 4 июня, возмущает совесть и возбуждает негодование русских людей против виновников такой безнаказанности. И вот в этих потрясающих случаях Правительство оставило нас без объяснения причин своего бездействия против их виновников.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил образовать комиссию из русских и финских сановников для установления правильных отношений финляндской окраины к России, причем в представители от Финляндии повелено избрать знающих русский язык, на каковом должны были происходить суждения комиссии. В прямое нарушение этого Высочайше-

го повеления в финские члены комиссии избраны якобы не знающие русского языка; на первом же заседании архиепископ Иогансен[2] осмеливается произнести речь на финском языке, возмутительную по содержанию, как она передана в переводе; председатель комиссии, тайный советник Харитонов[3], который во исполнение Высочайшего повеления был *обязан* остановить наглого его нарушителя, не допустить его до попрания Высочайше выраженной воли, не только допускает совершиться этому *государственному преступлению*, но санкционирует его своим распоряжением о переводе Иогансеновской преступной болтовни и распускает комиссию на несколько месяцев для выработки гг. финнами письменных, опять-таки в нарушение Высочайшего повеления, ответов. Русский человек совершенно ошеломлен и наглостью финских членов комиссии и противозаконным попустительством *русского* ее председателя, и, наконец, окончательно сбит с толка полнейшею неотзывчивостью Правительства на такое возмутительное надругательство над Высочайшей Волей и, естественно, полон недоумения и негодования на происходящее. Но Правительство и в этом случае не сочло своею обязанностью успокоить русских верноподданных объяснением причин отсутствия надлежащего воздействия на виновников нарушения точно выраженного Высочайшего распоряжения и оставляет нас по необъяснимым соображениям в смущении и неизвестности.

По закрытии заседаний Гос[ударственной] Думы несколько ее членов, политическое направление которых характеризуется присутствием среди них гг. Милюкова, Маклакова[4] и подобных, предпринимают поездку в Англию как частные лица, что усердно подчеркивается известного сорта печатью при снаряжении этой экспедиции.

Но, прибыв к цели путешествия, эта кампания, вопреки заверениям, преобразовывается в представителей *русского народа* и, как таковая, чествуется не только различного рода иностранными официальными группами, но и российским Императорским посольством, участвующим в банкетах с произнесением речей, далеко не соответствующих существую-

щему в России государственному строю, установленному русскими Основными Законами и против таких речей не протестующим. Наконец, эта самозванная, никем не уполномоченная и никого, кроме самих себя не представляющая группа, добивается при благосклонном содействии и участии русского посла гр. Бенкендорфа[5] аудиенции у короля Эдуарда, и Его Величество удостаивает представляющихся рукопожатий и милостивой беседы. Согласитесь, что частные туристы едва ли удостоились бы такой чести, хотя бы носили фамилии и погромче Маклаковых и Милюковых. Очевидно, что король принимал их не как случайных заезжих, а как лиц, облеченных известным государственным значением. Кто же ввел его в это заблуждение, кто поддержал перед королем самозванство Хомякова и К°? И как же это наше посольство не вывело короля из заблуждения, а поставило его и себя своим соучастием в чествовании самозванцев в очень странное, чтобы не сказать более, положение?

Ведь в числе представлявшихся ему, Эдуард VII жал руки не только самозванцам, но в лице г. Милюкова *официально уличенному государственному преступнику*, неизвестно почему остающемуся без наказания, когда его содеятели частию вздернуты на виселицу, частию сосланы на каторгу, а частию бежали и поныне продолжают ту же революционную деятельность, в которой принимал личное участие и г. Милюков. Ведь об участии Милюкова в заговоре разрушения существующего в России государственного строя посредством террора и цареубийства мы знаем не по слухам и сплетням, а из такого авторитетного источника, как г. Председатель Совета Министров, поведавший это в речи своей, произнесенной в Госуд[арственной] Думе по запросу о пресловутом Азефе. Может быть, г. Столыпин с тех пор получил сведения, реабилитирующие г. Милюкова и снимающие с него тяжкие обвинения в преступлениях, караемых во всех Государствах смертною казнью и бесчестящих виновного в них человека, но если это так, то обеление г. Милюкова должно было совершиться так же торжественно и гласно, как было произнесено обвинение.

Однако этого не случилось, и уличение его в преступлении главою правящего Кабинета остается в силе и по настоящее время. Как же могло случиться, что представитель России не предостерег короля Англии от приема и рукопожатий с заведомым преступником? Неужели он не считал себя на это обязанным? Но каково же нам, верноподданным русским людям, чтущим Царский сан как святыню, сознавать, что завтра царствующий наш Государь будет пожимать ту руку, которая вчера с не меньшим радушием пожимала руку заговорщика против Его державных прав и, может быть, против его жизни! Хотя г. Милюков и заявил в Англии, что он представляет «оппозицию Его Величества», однако немного дней спустя он шествовал триумфатором по Латинскому кварталу, чествуемый как главный поборник дела Русской революции и не протестовал на возгласы «Да здравствует Русская республика!» Вся остальная компания участников поездки, очевидно, солидарна с ним и, следовательно, враждебна существующему государственному порядку. Как же объяснить крайние любезности, расточаемые этим господам нашими посольствами? И они, что ли, входят в оппозицию Его Величества? Все это такие явления, которые ставят решительно в тупик рядового обывателя и порождают такую смуту и волнение в умах, которые могут разрешиться большею катастрофой. А Правительство упорно молчит и не считает себя обязанным просветить обывателя, объяснить ему настоящий смысл происходящего и свое к нему отношение.

Не говоря уже о двух первых бешеных Думах, и в заседаниях третьей, ныне существующей, неоднократно происходили случаи, требовавшие настоятельно авторитетного разъяснения власти, в устранении обнаружившихся заблуждений, как, напр[имер], диаметрально противоположные толкования формы правления, установленной с 17 октября 1905 года. Обыватель так и остался в неизвестности, кто был прав: министр ли финансов, заявивший, что у нас парламента нет, или его оппоненты – Милюков и гр. Уваров[6], возражавшие, что у нас введена конституция, конечно, в смысле ограниченной монархии, и ссылавшиеся при этом на авторитет г.

Председателя Совета Министров. За кем же следовать обывателю, кому верить, кого считать справедливым, и какой государственный строй признавать законным? Как решить ему эти вопросы, не слыша разрешения их со стороны высшего, безапелляционного авторитета?

Государь Император 27 минувшего июня справедливо изволил выразить[7], что для достижения благоденствия в России необходимо, «чтобы все верные подданные помогали своему Государю». Не может быть никакого сомнения, что мы, верноподданные, готовы не только помогать нашему Государю в Его попечениях о благе Родины, но готовы и души свои положить за Него и Родину. Но для того чтобы помогать с успехом и пользою, надо знать и понимать цели и намерения Правительства, которое должно быть, в свою очередь, *точным* исполнителем Царских предначертаний. А между тем, Правительство упорно молчит, упорно не обнаруживает своего взгляда на явления, известные своим несоответствием с существующими законами и Высочайшими распоряжениями, и оставляют обывателя в полнейшей темноте и недоумении. При таком положении обыватель вместо помощи может невольно пойти вразрез с намерениями и целями Правительства. Не обыватель должен показывать путь Правительству, а наоборот. Дело обывателя – следовать за Правительством, а для сего необходимо, чтобы путь и цели Правительства были ясны и не оставляли бы в умах никакого сомнения.

А теперь, при возникновении явных попыток к перемещению центра тяжести политического влияния и власти в неподобающие руки и при полном отсутствии самомалейших признаков правительственного воздействия за или против этой узурпации, мы, верноподданные русские люди, оказываемся в самом безотрадном, беспомощном, растерянном положении и не знаем, кто же, наконец, является точным выразителем правительственных намерений: Милюков, Гучков, Хомяков и К° или Марков, Пуришкевич и др. с Союзом Русского Народа?

Для благоденствия всякой страны необходимо, чтобы ее правительство было сильно, властно, *строго законно*, и чтобы

деятельность его постоянно чувствовалась населением, чтобы оно не сомневалось ни одной минуты в попечении правительства о его благополучии.

Только при таком положении обыватель будет спокоен, способен к производительной и творческой деятельности и может оказать существенную помощь правительству. Будем же надеяться, что Правительство перестанет таить свои отношения к событиям, возбуждающим нашу тревогу, посвятит нас в свои цели и стремления и объяснит истинный смысл и причины всего, что представляется нам, непосвященным, ныне странным, вредным для русских интересов и даже преступным.

12 июля 1909 г.

———

Думские вольнослушатели

На днях промелькнуло в газетах незначительное, по-видимому, извещение, которое, однако, возбуждает большое недоумение и наводит на размышления, свойства далеко не успокоительного. Именно, телеграф нас уведомил, что член Государственной Думы, г. Новиков, поступил вольнослушателем в Петербургский университет по юридическому факультету. Против похвального стремления г. Новикова дополнить свое образование, конечно, слова нельзя сказать. Однако, как возможно совместить занятия по званию «народного представителя» с прохождением серьезного учебного курса высшего образования? Мы полагали, что как то, так и другое занятие настолько поглощают время и внимание, что не оставляют досуга для систематического изучения какого-либо постороннего предмета. И вдруг оказывается, что член Гос[ударственной] Думы настолько свободен во времени, и голова его так мало обременена заботами о государственных делах, что он без ущерба для своих прямых обязанностей может проходить высший курс юридических наук и, заметьте, не штудируя его у

себя дома в свободное от государственных занятий, неопределенное время, а в качестве «вольного слушателя», посещая для успеха учения университет в определенные по расписанию часы. Заподозревать г. Новикова в том, что он манкирует своими прямыми обязанностями, – «доверием народа облеченного», или в том, что он поступил в университет не для серьезного занятия наукой, а с целями, для которых наука служит только предлогом, мы не имеем права. Следовательно, остается предположить одно из двух: или то, что, состоя членом Гос[ударственной] Думы, можно добросовестно ничего не делать или, вернее, не иметь обязательного дела, занимающего время, очень дорого оплачиваемое Правительством, или то, что наука в университетах столь ничтожна, что для нее достаточно крупиц досуга, оставляемых думскими заседаниями, и головы, утомленной заботою о благосостоянии Государства. Но это последнее предположение едва ли допустимо. Не для пустой же игры существуют университеты в течение многих столетий; они оправдали себя, дав многие сотни знаменитейших ученых по всем отраслям человеческих знаний.

Правда, что еще недавно было время, когда «взволнованные» профессора прекратили свое служение в наших храмах науки, но ведь это время прошло; нас не перестают уверять во всеобщем «успокоении», в том, что и в высших учебных заведениях занятия вошли в нормальный порядок. И если мы встречаем теперь в течение учебного курса гг. студентов и на железных дорогах, контролирующих билеты, и в канцеляриях, в качестве вольнонаемных чиновников, и вообще в деятельности, совершенно исключающей возможность учиться, – то в этом виноваты те, кто допускает такое невероятное переполнение университетов, что их здания могут вместить едва четвертую часть студентов, и начальство университетское оказалось бы в очень курьезном положении, если бы на всех студентов напало такое рвение к учению, что они всем комплектом устремились бы в аудитории. Наконец, сам аспирант научных знаний сознает себя неподготовленным к самостоятельному изучению избранной им специальности без помощи

профессорских лекций, в неоспоримую пользу которых он несомненно верует, чем только и можно объяснить его поступление в университет.

Итак, если исключить сомнение в том, что г. Новиков определился вольным слушателем для серьезного занятия наукою, и подозрение в том, что он делает это в ущерб своим обязанностям «народного представителя», то остается заключить, что в Государственной Думе существенного дела, которое обязательно захватывало бы весь ее состав, столь дорого обходящийся стране, замечательно мало, и мнение о неработоспособности Думы получает в этом незначительном факте веское подтверждение. При этом очевидно также, что эта неспособность Думы к плодотворной и успешной работе происходит вовсе не от случайного ее личного состава; она, несомненно, коренится в ее организации, в условиях ее бесконтрольности и полнейшей безответственности перед Властью, перед своими избирателями, рассыпающимися в прах тотчас по отходе от избирательной урны. В эпоху первой Думы тоже носились слухи, что некоторые «достойнейшие», убедясь в совершенной бесплодности их присутствия на бесноватых заседаниях, стали приискивать себе посторонних занятий для полезного употребления свободного времени и пополнения присвоенного им казенного жалованья, в то время составлявшего еще только 10 руб. в сутки. Так, рассказывалось про одного простолюдина, что он нанялся в дворники. И в этом нет ничего ни смешного, ни удивительного, а есть только очевидное доказательство кричащей ошибочности в организации нового законодательного учреждения. Опыт двух первых и трех сезонов настоящей Думы ясно показал, что верховодят в них делами несколько случайных людей, имена которых только и повторяются в отчетах о думских заседаниях, а подавляющая по численности масса играет роль статистов, повинующихся, часто бессознательно, своим режиссерам. Тут от одной тоски, безделья станешь искать хоть какого-нибудь разумного занятия сверх вставанья и сидения или выхода в те или другие двери по команде своего главаря.

Но такое положение учреждения, влиянию которого подчинена судьба Государства, не может считаться удовлетворительным и настоятельно требует упорядочения не в каких-нибудь подробностях, а в основных условиях его организации. И сделать это может не Дума, вожакам которой очень выгодно настоящее положение, а только Верховная воля Самодержавного Царя.

Иначе Государственная Дума, сколько бы раз ее ни меняли, всегда будет наполняться политическими интригами и «вольнослушателями».

3 ноября 1909 г.

———

Уравнение прав

Заседания Государственной Думы, посвященные обсуждению законов условного осуждения и судебной реформе, обнаружили глубокую пропасть, разделяющую правящие классы и так называемую интеллигенцию – от народа. Казалось бы, что, когда эти разнобережные группы сошлись вместе в Таврическом дворце, и когда правители и интеллигенты получили возможность услышать непосредственно народные желания, высказанные устами народных представителей – избранных в Думу крестьян, то они убедятся в неправильности своих представлений о народных нуждах и ложного, вследствие этого, направления их реформаторских проектов. Не тут-то было. Несмотря на единодушный протест всей крестьянской думской группы против закона, снимающего последнюю узду со злонамеренной воли, свирепствующей именно по деревням над беззащитными их обывателями, и в особенности против уничтожения близкого крестьянину, удобного и дешевого волостного суда, правящие слои не подумали считаться с ярко выраженным *крестьянским* мнением о предложенных реформах.

Если не было оснований ожидать большой пользы от учреждения, наименованного Государственной Думой, при

обстоятельствах, вызвавших ее существование, то все-таки можно было надеяться хоть на то, что интеллигенция, сошедшись в ней лицом к лицу с крестьянином, то есть с настоящею Россией, познает, наконец, истинные потребности страны и откажется от трафаретно-либеральной программы ее усовершенствования, а Правительство станет прислушиваться не к поддельному, а к непосредственному народному голосу, который для того и призвало в законодательное учреждение. Но, видно, не судьба сбыться и этим скромным ожиданиям. На мнения крестьян, когда они касаются самых больных язв народной жизни, не обращается внимания.

Но ведь не одни только крестьянские представители свидетельствуют о несоответствии условного осуждения с настоящим упадком нравственности и возрастанием преступности. Каждый газетный лист приносит известия о десятках самых зверских преступлений не только об убитых, но о замученных, изнасилованных и о других проявлениях самого утонченного варварства. Спросите деревенских священников: спят ли они хоть одну ночь спокойно? Пересчитайте ограбления храмов с убийством сторожей и членов причта. И в такое-то время неистовой разнузданности злой воли, в эпоху невероятного озверения, предлагается смягчение репрессий, замена их применения только угрозой.

У нас провозглашено «успокоение». Не знаем, в чем усмотрены признаки успокоения. В том ли, что теперь давно не бросали бомб в губернаторов и других сановников неосвободительного типа, что не объявляются республики по уездным городам и не строятся в Москве и Петербурге баррикады? В этом смысле действительно наступило успокоение. Но в смысле уменьшения преступных покушений на спокойствие, благосостояние и жизнь частных обывателей не только не наступило успокоения, но волна преступности взрастает в самых тревожных размерах, и не только в беззащитных деревнях, но и в столицах, оберегаемых целым рядом попечительских учреждений и полчищами полицейского персонала. Ослабление карательного воздействия при

таком упадке общественной нравственности сводит почти на нет охрану мирных жителей и действует соблазнительно на порочные склонности людей, неустойчивых в нравственном отношении.

Г. министр юстиции, защищая правительственный проект ссылками на заграницу, определил, что условное осуждение есть наказание. С этим невозможно согласиться.

Условное осуждение можно назвать разве только *угрозой* наказания, и притом такою, про которую преступнику наперед известно, что она не будет исполнена. Угроза действительна и уместна *до* преступления, в целях обуздания порочных наклонностей, но угроза после преступления не имеет значения. Конечно, есть случаи, когда преступления совершаются в обстановке, вызывающей снисходительное отношение к преступнику, и трудно возражать против применения снисхождения хотя бы в самых широких пределах, что так часто встречается в практике суда присяжных. Но условное осуждение у нас явится только изворотом для косвенного оправдания, успокаивающим судящую совесть.

Еще более резкий разлад между идеями, идущими сверху, и народными потребностями сказался в проекте судебной реформы. Тут все думские крестьяне без различия партий, в которые они попали, может быть, совершенно случайно, под личным влиянием кого-нибудь из партийных ловцов, высказались против уничтожения волостных судов, и нашли в этом сочувствие и поддержку только в так называемых «крайних правых», что доказывает, что только эта небольшая группа правильно понимает нужды населения. Доводы защитников законопроекта оказались до крайности слабы. Кроме бездоказательных дифирамбов в восхваление мирового института и огульного осуждения волостного суда, тоже без подкрепления какими-нибудь фактическими или статистическими данными, ничего существенного сказано не было.

Что в волостном суде много вопиющих недостатков, этого никто не отрицает, не исключая и убежденных его защитников. Но ведь если уничтожить все, в чем откроются недостатки,

то пришлось бы уничтожить решительно все ныне существующие учреждения и не трудиться бесплодно над созданием будущих, потому что совершенства без недостатков создать невозможно. Уничтожать надо вредные по идее учреждения, а не те, в которых проявляются злоупотребления исполнителей, всегда доступные искоренению, но, конечно, не посредством «условных осуждений».

Г. министр построил свою защиту судебной реформы на мысли, что, дескать, пора крестьянство уравнять в правах с другими сословиями. Удивительно странное толкование дается у нас понятию об уравнении прав, когда дело идет о крестьянах. Крестьяне уравниваются в правах – и отнимается у них привилегия обеспеченности от взыскания и отчуждения земли и известной части движимого имущества, уравнение делает дальнейший прогресс – и земля общин принудительно отчуждается в личную собственность домохозяина, а семья его лишается всякого права собственности на землю, уравнение делает новый шаг, и крестьянин лишается привилегии своего собственного, выборного, сословного суда. Словом, все уравнение крестьян состоит до сих пор в постепенном отсечении всех преимуществ, которые они имели пред другими сословиями.

Г. министр высказал убеждение «в невозможности оживить волостной суд какими бы то ни было частными поправками и усовершенствованиями». А кто пробовал делать это?

Мы, деревенские жители, что-то не замечали попечений Правительства в этом направлении. Недостатки волостных судов совершенно те же самые, какими заражены у нас и все без исключения остальные административно-судебные учреждения, и происходят от тех же причин – отсутствия контроля и ответственности, и в своих грехах многие учреждения далеко превзойдут волостные суды. «Нельзя далее оставлять меч и весы правосудия в немощных руках волостных судей», – говорит г. министр. Но почему руки мирового судьи, человека, совершенно чуждого крестьянской жизни и ее неоспоримых особенностей, будут более мощны?

Одно лучшее знание статей подлежащих уставов едва ли способно придать им эту мощь. Откуда явятся эти православные чудотворцы? Попадут ли в мировые судьи местные землевладельцы? Но количество хоть несколько просвещенных жителей деревни уменьшается с каждым днем, и в настоящее время нередко встретить уезды, в которых нельзя найти кандидата на должность земского начальника, не то что, напр[имер], предводителя дворянства. Кандидата из крестьян, если будет требоваться образовательный ценз, тоже найти невозможно, а без ценза меч правосудия перейдет в еще более немощные руки. Таким образом, очевидно, что большинство мировых судей должно составиться из людей пришлых, совершенно незнакомых с условиями местной жизни. Решительно нельзя понять, чем будут они лучше волостных судей, при всех других своих недостатках все-таки отлично ознакомленных и с местными обстоятельствами и, главное, с нравственным обликом судящихся. Участвуя много лет в качестве почетного мирового судьи в судебных заседаниях уездного съезда, я с глубоким убеждением могу сказать, что значительное большинство волостных решений постановляется правильно, а ведь в съезд поступают почти все дела волостных судов по апелляционным жалобам. Вот было бы очень любопытно и для дела доказательно предъявить сравнительный процент отмененных по апелляциям решений волостных и кружных судов. Это дало бы хоть какой-нибудь фактический материал для суждения о исправимой или неисправимой негодности волостного суда.

Если земские начальники признаны негодными для усовершенствованного правосудия, а других местных кандидатов, знакомых населению, не имеется, то, как выше сказано, мировыми судьями должны явиться пришлые люди. Но как же, не зная их, будет выбирать население? Каким порядком будет отправляться правосудие, если население забракует всех ему незнакомых кандидатов? Это вопрос очень серьезный. Будут ли назначать тогда судей административным порядком? Чем же это будет лучше нынешнего положения, и почему такой судья будет «ближе к населению», чем свой выбранный крестьянин,

и почему в этом порядке усматривается «уравнение прав»? Уравнение! – Уравняйте сначала жизнь всех классов населения во всех ее проявлениях, уравняйте их духовное развитие, и тогда предъявляйте к ним уравнительные требования и прилагайте одинаковые меры. А все, что прилагается к крестьянской жизни в эпоху настоящих реформ, есть не уравнение прав, а лишение крестьян тех особых прав и преимуществ, которые им даровали предшествующие законодатели.

4 ноября 1909 г.

———

Особенность наших реформ

Цель всякого усовершенствования заключается: во-первых, в облегчении способов достижения желаемых результатов, во-вторых, – в упрощении процедуры производства и, в-третьих, в сокращении непроизводительных, накладных расходов сравнительно с получаемою выгодой или совершенством результатов. Если такое соответствие между прежним положением дела и новым, получившимся после применения способов усовершенствования, существует, то цель может считаться достигнутою и предпринятое преобразование – действительно полезным.

Обращаясь к многочисленным преобразованиям последних лет и прилагая к ним предыдущее рассуждение, должно сознаться, что они, по меньшей мере, главнейшие из них, привели к результатам как раз противоположным. Начиная с реформ сравнительно мелких и кончая переустройством высших законодательных учреждений, все они не повели к усовершенствованию правительственного механизма ни в каком направлении. Новое законодательное учреждение не ускорило, а удлинило законосоставительство, усложнило его процедуру и потребовало миллионы лишнего расхода как из средств Государственного Казначейства, так и из общественных касс при выборах. Достаточно напомнить, что выбор на место каждого

выбывающего из Думы члена обходится в десятки тысяч рублей, а общие поглощают миллионы. Говорить о землеустроительной реформе мы воздержимся потому, что это дело долгосрочное, и те или другие результаты его скажутся только чрез много лет; пока же видим только, что оно вызвало огромные жертвы со стороны Государства. Обсуждающаяся в настоящее время местная реформа обещает последствия прямо противоположные желаемым.

Уезды, согласно проекту, предполагается прямо затопить чиновниками, которым мы, постоянные их обыватели, решительно не усматриваем поля деятельности, т. е., конечно, реальной и полезной населению. Шутка сказать: к нынешнему составу уездных властей прибавляются начальник уезда, два помощника и несколько комиссаров или участковых начальников, при всех будут канцелярии, делопроизводители, писцы, служители, и все это бюрократическое наводнение будет поглощать десятки, а может быть, и сотни миллионов из Государственного Казначейства. Но нужно ли все это? Осмелимся сказать, что нет. Не начальство нам нужно; его у нас вполне достаточно. Нужны служащие работники, а не увеличение компании уездных клубов. Вот если бы правительственный проект местной реформы увеличил число становых, дал бы им такое содержание, на которое пошли бы порядочные люди, усилил бы и улучшил штат урядников, хотя бы взамен решительно никому ненужных, живущих в уездных городах, стражников, то мы бы, деревенские жители, сказали Правительству большое спасибо. А увеличивать общество чиновников в уездных городах для местных жителей никакой пользы не принесет. Если не нравится название «исправник», переименуйте его в уездного начальника, дайте ему особого правителя канцелярии, каковую должность теперь несет его помощник, а этого последнего из неподвижно сидящего в городе преобразуйте в подвижной, постоянно ревизующий низший полицейский персонал, орган. Конечно, первенствующая роль в уезде должна остаться за уездным предводителем дворянства, пока эта должность не будет отменена по тем или другим причинам.

Не только нет надобности увеличивать число уездных должностей, а можно даже сделать сокращение, упразднив совершенно бесполезную должность податных инспекторов, учрежденную как раз в то время, когда началось сокращение личного податного обложения, и которое в настоящее время дошло до крайне незначительной суммы в нашем необъятном бюджете. Таким образом, и тут проявилась резкая неэкономичность наших реформ: подати свели почти на нет, а для их взимания учредили новую должность, поглощающую огромные суммы.

Обсуждающаяся ныне в Г[осударственной] Думе судебная реформа так мало отвечает жизненным потребностям населения, что обличает очень смутное понятие реформаторов о деревенской жизни. Нельзя уже исходить из общих мест о том, что в волостных судах царят подкуп и беззаконие и что ворочает там всем писарь. А раз судьи крестьяне, значит, суд сверх сего и невежественный. А о земских начальниках зазорно даже и говорить мало-мальски уважающему себя «либералу». Но кем же заменить «архаический» суд народный? Местных кандидатов в мировые судьи за безлюдьем провинции нет, остаются, следовательно, только чающие подолгу штатных мест кандидаты на судебные должности. Ну, этих хватит не только на 4, а хоть на 40 тысяч вакансий. Конечно, юридически они будут как в лесу, а дела провинции им будут столь же непонятны, как тарабарская грамота, так что в этом отношении они окажутся, наверное, невежественнее судей-крестьян. И опять с этою реформой отправление народного правосудия удорожится на десятки миллионов.

Готовится и земская реформа. И все, что слышится о ней, подтверждает отрицательные качества, присущие всем нашим преобразованиям. Тут тоже вместо упрощения дела и стремления к сокращению расходов в земском, исключительно хозяйственном деле, предполагается надстройка этажей и снизу, ввиду «мелкой земской единицы», и сверху в виде «областного земства». Конечно, это поведет к удвоению непроизводительных расходов на содержание служебного персонала этих но-

вых канцелярско-земских отростков и даст огромный излишек заработка классу наемного труда, но какая польза будет от этого для *земского* дела – постигнуть невозможно. Земский плательщик и сейчас кряхтит под бременем земских налогов, а в случае насаждения лишних земских «единиц» эти налоги должны не менее, как удвоиться, если не более. Ведь для каждой мелкой земской единицы потребуется помещение, администрация, канцелярия, отопление, освещение, ремонт и т. д., что ляжет на небольшой район и малое количество плательщиков тяжким, а может быть, совершенно невыносимым бременем.

Все кричат в один голос, все согласным хором твердят о том, что деревня оскудела, обнищала, и в это-то время приготовляют для нее реформации, которые потребуют не удвоения, а может быть, учетверения расходов, словом, поступают так, как будто бы деревня ломится от скопления неисчерпаемых богатств и может свободно прокормить беспредельное число государственных и земских чиновничьих ртов.

И вот под непрерывным потоком реформ с такими последствиями жизнь вместо облегчения становится все сложнее, тяжелее. Ее ткань напрягается все более и более и грозит не выдержать, наконец, беспрерывной и нерасчетливой нагрузки и в один непредвиденный день прорвется под ее непомерною тяжестью, и что тогда наступит?

3 янв[аря] 1910 г.

———

Цепь разрушения

I

Государственная Дума должна быть русскою по духу – так угодно было выразиться Государю Императору, издавая Манифест 3-го июня 1907 года. Другого желания, конечно, и не могло быть у Русского Царя, потому что только такая Дума и могла принести пользу своим участием в благоустро-

ении Государства. Под влиянием исправлений, введенных в выборный порядок, а отчасти и вследствие начавшегося поворота общественного мнения, утомленного однообразно оглушительными завываниями первых двух Дум, собралась, наконец, ныне сущая, в которую озверелые ненавистники всякой власти, всякого порядка, вошли сравнительно в значительном меньшинстве. Но достигнута ли цель, поставленная Высочайшим желанием, представляет ли настоящая Дума учреждение русское по духу, господствует ли он в ней и в чем проявляется?

Для того чтобы ответить положительно или отрицательно на этот вопрос, необходимо прежде всего уяснить себе, как и что следует разуметь под выражением «русский дух» в применении к известному учреждению. Под духом учреждения надо понимать те стремления, которые, при всех разнообразных взглядах и мнениях отдельных его членов, равно одушевляют всех их. Они могут расходиться в способах наилучшего достижения намеченной учреждению цели, но не во взглядах на конечный результат преподанной им задачи. Одушевляет ли нашу Государственную Думу такое общее стремление к достижению одной определенной ей цели благоустройства страны? Очевидно, нет и быть не может, потому что в ней участвуют значительное число инородцев, кажется, около 10%, Русскому Государству заведомо враждебных; уверенных, что именно в его крушении они достигнут желаемых целей.

Вся левая сторона Думы отнюдь не может быть названа оппозиционной: она, несомненно, революционна и притом не столько против существующего государственного строя, который, кстати сказать, еще находится в не определившемся состоянии, сколько против интересов Русского народа при их столкновении с инородческими и иноверческими. Таким образом, и в этой части Думы русского духа найти невозможно. Остается затем все-таки большинство, распадающееся на несколько групп, между которыми недавно образовалась даже специальная русская национальная «фракция», или, в переводе на русский язык, – осколок; русский народный осколок.

Попробуем разобраться, проникнуто ли русским духом это большинство Думы, имеющее решающее влияние в судьбах страны и народа.

Народный дух выражается в его преданиях, в заветах его исторической жизни: религиозных, политических и бытовых. Народность духа известного учреждения должна выражаться в уважении к этим преданиям, к заветам старины, взрощенным на почве последовательного наслоения многочисленных поколений, ибо они, эти заветы, суть те корни, посредством которых питается самобытность и самостоятельность народа. Народ, лишенный своих заветов, неизбежно обезличивается и распадается. Всякое государственное строительство должно иметь это в виду при всяких преобразованиях, ибо только те из них будут благотворны, которые, стремясь к усовершенствованию государственного благополучия, не противоречат народным традициям, но находят в них именно оправдание своей необходимости.

Если бы решающее большинство Г[осударственной] Думы было проникнуто русским духом, т. е. пониманием русских государственных потребностей, то оно обратило бы всю свою деятельность, все свои заботы на исцеление бесчисленных ран, нанесенных Родине и внешними, и внутренними врагами, на упрочение ее положения установлением порядка и безопасности, на развитие ее сил для отражения готовящихся на нее вражеских нападений. Нет никакого сомнения, что если бы Г[осударственная] Дума направила свою деятельность в эту сторону, то она встретила бы полное сочувствие в населении и готовность Правительства осуществить ее указания, потому что желание Правительства *угодить* Думе очевидно; оно старается подделаться под тон Думы и теперь, стремясь заслужить ее благоволение проведением законопроектов, наиболее ей симпатичных.

Не совпадают ли вкусы Г[осударственной] Думы с настоятельными нуждами страны, занимает ли Думу то, что в настоящем положении для страны существенно необходимо? Увы, ни в малейшей степени. Со стремительною поспешно-

стью вносятся и рассматриваются законопроекты, ведущие прямо к гибельным последствиям, как, напр[имер], меры, облегчающие наказания преступников, под видом условного осуждения, досрочки и освобождения и неприкосновенности личности, и это в то время, когда преступность возросла в ужасающих размерах, а огрубение, жестокость и цинизм дошли до озверения. Интеллигентной частью Думы вместе с оппозицией не против Правительства, а против существования Русского Государства, с помощью инородцев и вопреки единодушному протесту думских крестьян и немногочисленных «правых», проводится так называемая «судебная реформа», лишающая крестьян огромной привилегии иметь свой сословный, выборный суд, ему близкий и дешевый; реформа, наносящая лишний удар народному быту, составляющему основу существования Государства, тщательно оберегаемую везде, где существует патриотическое, понимающее свои обязанности, Правительство.

Не то у нас. Разукрашенная либеральнейшими фразами, под прикрытием пресловутой, хотя и пустозвонной, формулы «свободы, равенства и братства», составляющей священнейшую заповедь для наших слепых, умственно недоношенных вожаков, действующих бессознательно под влиянием внушения таинственной, враждебной силы, проводятся мероприятия одно губительнее другого, разрушающие наши традиции религиозные, государственные и народные. И надо поздравить наших таинственных врагов (теперь, впрочем, уже и не таящихся) с баснословным успехом. На что во Франции им потребовалось почти полтораста лет, то они совершили у нас в какие-нибудь четыре года. Да что года! При первой же вспышке нелепого, беспричинного бунта началось самое наглое, невыносимое оскорбление наших государственных и религиозных традиций, и наша интеллигенция, начиная с 12-летних подростков, дико одобрительно гоготала при виде, как ее прошлое рвали, топтали в грязи и всячески поносили. Наше Правительство оказалось тоже настолько обработанным в антитрадиционном смысле, что равнодушно допускало

совершаться этому преступлению и даже сажало в тюрьмы тех смельчаков, которые во время этой разрушительной оргии выступали с голыми руками против браунингов господ освободителей.

Нельзя забыть и того обстоятельства, что неистовства эти начались вслед за актом 17 октября, удовлетворявшим все требования прогрессивной интеллигенции, когда следовало бы не оскорблять, а благодарить Власть, объявившую дарование свобод и призвавшую «народ» (!) к участию в государственных делах.

Вся наша государственная деятельность последних лет носит резкую антинациональную окраску. За все это время невозможно назвать ни одного акта, который бы отвечал требованиям народного духа, который не разрушал бы его традиций. Если и были таковые, то они оставались словами без практического применения, и даже еще хуже: действия Правительства оказывались в очевидном противоречии со словесными заявлениями. Грустно, да и излишне приводить примеры: всякий следивший за событиями может воскресить в своей памяти многочисленные случаи противоречия между словами и поступками руководителей Государства.

Переустроители Государства на началах, не имеющих никакой связи с русским историческим и бытовым прошлым, в своем старании уничтожить самое воспоминание о нем не упускают из вида даже чисто внешних, казалось бы, ничтожных мелочей. В правительственных актах последнего времени замечается очевидно намеренное стремление заменить даже наименования, которые могли бы напоминать народу о прошлом. Так, в проекте положения о помощи населению при неурожаях, который, как это явствует из его содержания, имеет в виду и издается исключительно для крестьян, слово «крестьянин» не упоминается ни единого раза и заменено определением, занимающим ровно три печатных строчки, а именно: «Член сельского общества, занимающийся хлебопашеством на земле в таком количестве, которое может быть обработано силами каждого домохозяина и его семьи». В законопроектах

по местным реформам вводится новое выражение: «селенное общество», предназначенное заменить привычное для ушей населения «сельское» и связанное с этими словами представление о старой бытовой жизни его. Такие приемы свидетельствуют о том, как тщательно обдуман план разрыва Русского народа с его прошлым, на почве которого выросли его слава и могущество. Авторы его прекрасно понимали огромное значение слов, определяющих предмет или понятие. Обратите внимание: все вредные для Государства явления последнего времени обозначены симпатичными определениями: «освободительное движение», «партия народной свободы», «сознательный» и т. п., что немало способствовало к увлечению слабых умов в преступные против Родины деяния. Так и в стремлении бесследно вытравить народные предания дальновидные реформаторы сообразили, конечно, что не следует оставлять тех наименований, которые будут напоминать народу его прошлое, и необходимо заменить их другими, ничего его уму, чувству и воспоминанию не говорящими. А тут еще «крестьянин» очень напоминает именующемуся так, что он и «христианин», что далеко не в интересах насадителей той очень странной «свободы совести», которая с первых же шагов применения преобразовалась в свободу надругательства и унижения православной «господствующей» (!!) Церкви, что невозбранно продолжается и по днесь.

Но вытравливание народных традиций, нашей духовной и государственной самобытности, которому ревностно следуют наши государственные деятели и учреждения, не составляет само по себе конечной цели тех таинственных врагов, которые внушают нашим руководящим сферам такое необходимое и верное средство для полного крушения Государства. Как древо не может расти и жить без корней, связывающих его с землей, соками которой оно питается, так и народ не может существовать без традиций, связывающих его с прошлым.

В традициях заключается источник его жизни; отсечение их, как отсечение корней у дерева повлечет за собою неминуемую смерть народной души, обезличит национальность,

уничтожит самый смысл его существования и сделает его неминуемою добычею всякого захватчика. Народ, лишенный традиций, потерявший всякую связь со своим прошлым, во имя чего будет проявлять в потребные минуты героизм, что будет он защищать, когда у него не будет ничего, привязывающего к своему родному, прошлому? Ему останется только одно стремление – цепляться всеми силами за свое материальное благосостояние, а с одним этим животным интересом никакому народу, а в особенности великому, претендующему на мировое значение, устоять невозможно.

В последнее время начало как будто просыпаться у нас национальное самосознание; явилась в кругах, еще не утративших патриотических чувств, потребность хранить и защитить свое, как говорят теперь, – «национальное дело». Но так как национальное лицо есть плод, взрощенный историческим накоплением всей суммы бытовых проявлений народа, то можно надеяться, что пробудившаяся потребность отстоять права русской национальности, попираемой всякой иноплеменностью и общественным, а, главнее всего, правительственным космополитизмом, направит деятельность патриотических групп на защиту народных традиций, попираемых безжалостно решительно всеми правительственными мероприятиями последнего пятилетия, представляющими непрерывную цепь разрушения русских народных традиций. Правда, что дело сокрушения основ народной жизни сделало чудовищные успехи, бороться против его виновников очень трудно, потому что они составляют властное и господствующее большинство в административных и законодательных учреждениях, но, может быть, Провидение еще не совсем отвернулось от нашей несчастной Родины, и если патриотические деятели верно поймут свою задачу, если во главе Правительства окажется, наконец, лицо, понимающее свой долг правильно, то многое еще может быть исправлено, и быстро идущий разгром России остановлен. Надо надеяться; жить без надежды нельзя.

20 декабря 1909 г.

II

«Да, Петербург меня не побаловал ни физически, ни нравственно», – отвечал Калинович.

«Кого же он балует, помилуйте! Город без свежего глотка воздуха, без религии, без истории и без народности!» – произнес Белавин.

(Писемский[1], «Тысяча душ», III).

«Что русскому здорово, то немцу смерть», – гласила старая поговорка, характеризуя в этом сопоставлении неизмеримую могучесть русского организма в сравнении с немецким, под которым, конечно, подразумевался вообще иноплеменный. По нынешним же временам, по всем деяниям наших государственных попечителей, много вернее было бы приложение этой поговорки в обратном смысле: что всякому (народу) полезно, то русскому смерть. И правда – все, что признается для других народов качествами положительными, – в русских порицается и по возможности искореняется. Возьмем хотя патриотизм. Мы признаем это чувство похвальным и естественным для всех народов, но осуждаем его проявление в русском. Припомните только, с каким озлобленным презрением отвергал его чуть не в первом же заседании первой *русской* Государственной Думы так называемый *представитель Русского* народа, один из коноводов партии «народной свободы», и как рукоплескала вся *русская* аудитория его надругательству над русским патриотизмом, и с каким равнодушным безмолвием отнеслись к этому глумлению присутствовавшие власть имущие. Свобода, автономия, самоопределение громко и настоятельно требовались для всех инородцев, населяющих наше несчастное Отечество, и нельзя сказать, чтобы Правительство не прислушивалось благосклонно к этим требованиям и не старалось по мере возможности удовлетворить их, а в то же время вырабатывало законопроекты, отнимающие у Русского народа автономию, которой он пользовался последние 50

лет в своих сословных учреждениях, уничтожая его самоопределение, выразившееся в его исторически сложившемся быте. В самом деле, в то время, когда инородцы стремятся к объединению для более успешного преследования своих сепаратных интересов, ничего общего с интересами Русского Государства не имеющих, русский корень государственной жизни – община – рассекается на отруба и хутора исключительно в интересах экономических, в интересах народного обогащения, весьма, впрочем, проблематического. Не станем, однако, спорить об экономических преимуществах личного землевладения, допустим его бесспорность. Но разве община представляла собою только известный невыгодный способ землепользования? Разве в этом заключалось ее главное значение в государственно-народном укладе? Ведь настоящий убыточный вид общинного землепользования существует всего полвека, тогда как община пережила не менее полутысячи лет, видоизменяясь сообразно силе обстоятельств времени, но оставаясь непоколебимой в своей основе. Не лучшее ли это доказательство того, что община была не просто вид принудительного землепользования, но исторически сложившаяся сообразно народному характеру бытовая ячейка, послужившая фундаментом всему государственному устройству? Если община в последнее время ослабла и стала проявлять отрицательные стороны, прежде не замечавшиеся, то еще большой вопрос: она ли виновата в этом или внутренняя политика Правительства, постепенно расшатавшая ее устои? В противность всеобще признанному положению, что сила заключается в единении, а следовательно, и в прочно организованных группах населения, наши руководители стремятся во что бы то ни стало разрушить искони сложившийся в общину русский народный быт, не жалея для скорейшего достижения ее развала сотен миллионов народных денег и не стесняясь взводить на нее такие пороки и преступления, до политической неблагонадежности включительно, в которых она ни сном, ни духом неповинна. И замечательно, что в это время, когда русскую общину разрушают, обвиняя ее, кроме невозможности при-

быльного землепользования, и в социалистических стремлениях, и в гнете личности, и в деспотизме семьи, связывающей свободную волю главы домохозяйства, в это же самое время вдохновители нашей революции, передовые не бойцы, нет, а подстрекатели нашего quasi-либерального общества и увлекающейся молодежи на борьбу с ненавистным режимом за всяческие свободы, равноправия и неприкосновенности – евреи на съезде в Ковне[2] решают для успешнейшего достижения своих вожделений – владычества над нами, русскими гоями, объединиться в *общину*, в которой *принудительно* обязаны участвовать все евреи без исключения. Для нас проповедуются всяческие свободы, до свободы саморазрушения и самоистребления, для нас община, как обязательный союз, представляется невыносимым гнетом свободной, преимущественно пьяной деревенской личности, и в то же время самые передовые проповедники свобод, – евреи для своего народа стремятся сковать, да и как можно покрепче, те кандалы, которые так усердно стараются сбить с ног русского общинника. И главным поборником этого еврейского объединения явился юрисконсульт Министерства Внутренних Дел, там, конечно, советовавший разгром русской общины. Наши правительственные и общественные юдофилы считают евреев народом, не в пример другим, одаренным всевозможными талантами. Можно ли поэтому заподозрить, что вожаки евреев настолько глупы и недальновидны, что, проповедуя принудительное объединение своего народа в общины, уготовляют ему гибель, разорение и иные напасти как неизбежные последствия общинного устройства? Конечно, нет. Почему же то, что выдающиеся руководители еврейства признают желательным и полезным для преуспеяния своего народа, то истребляется в русском как пагубное во всех отношениях?

Нам скажут, что еврейская община совсем другое дело: в ней не будет вопроса о землепользовании, как в русской. Но, повторяем, надо обладать поистине прискорбно-ограниченной государственной близорукостью, чтобы судить общину только с точки зрения земельных ее отношений, забывая, что это

только одна, и притом далеко не главная сторона ее государственного значения.

Уже полвека назад Правительство признало крестьянство настолько зрелым, что, освободив его от неестественной личной принадлежности поместному дворянству, предоставило ему, крестьянству, такое широкое право самоопределения, каким не пользовалось никакое другое сословие. Крестьянство пользовалось полнейшим самоуправлением внутри своей сословной замкнутости, недоступной вторжению чуждых крестьянству элементов; с другой стороны, ему не предоставлено было права извержения из своей среды порочных членов; ему предоставлена была гарантия неприкосновенности надельной земли и неотчуждаемости известной части инвентаря и имущества и, наконец, оно пользовалось своим неистовым завыванием всех настроенных по российско-либеральному камертону, ваявших засилие общественных шарлатанов. Правительство обильно расточает всякие неприкосновенности и свободы, до свободы и безнаказанности государственных преступлений включительно, ярким примером чего может служить присутствие таковых преступников в числе «достойнейших» Государственной Думы, уличенных самим Председателем Совета Министров. У Русского народа, Русского крестьянства, отнимается решительно все, в чем выражалась его самостоятельность. И этот разгром народной жизни, как будто в насмешку, с неслыханным лицемерием и беззастенчивою, очевидною ложью назван уравнением крестьянства в правах с другими сословиями. Но если отнятие всех признаков сословного самоуправления составляет «уравнение в правах», почему же допускается существование жидовского кагала, который теперь стремятся переименовать во всероссийскую еврейскую общину с обязательным участием в ней всех иудеев и с дискреционным правом управления и самообложения?

В ответ на упреки в уничтожении существующих крестьянских самоуправляющихся учреждений могут указать на вопиющие злоупотребления, в них совершающиеся. Но раз-

ве злоупотребления людей определяют негодность учреждений? Если держаться такого взгляда и быть последовательным, то следовало бы предать немедленному уничтожению все решительно правительственные и общественные учреждения нашего Отечества, ибо в каждом можно указать такие вопиющие преступления, пред которыми все злодеяния крестьянского самоуправления и самосуда покажутся не стоящими внимания легкими недостатками. Взять хоть для примера всю гапониаду, устроенную несомненно под эгидою учреждений Министерства Внутренних Дел и при благосклонном руководстве тогдашнего «премьера», ближайшим последствием которой была кровавая расправа с обмороченными несчастными рабочими, а в дальнейшем – разлитие «революционной» волны по всему Государству. Теперь ведь известно, что Гапон был агент Правительства, от которого получал значительное содержание, что накануне 9 января[3] он объездил всех начальствующих в Петербурге лиц, и потому они не могли не знать о готовящемся выступлении обманутых революционными пропагандистами рабочих масс и все-таки ничего не предприняли для предупреждения катастрофы, жертвой которой оказались сотни жителей, повинных только в заблуждении. Однако ведь никому в голову не придет предложить уничтожение Министерства Внутренних Дел, поста главы «Кабинета», градоначальства и вообще всех учреждений, допустивших совершиться пролитию потоков крови в прискорбный день 9 января 1905 года. А за распитие в волостных судах полбутылки водки предается уничтожению крестьянский сословный выборный суд! А спросить: кто виноват во всех безобразиях крестьянских общественных сходок, волостного суда и других отрицательных проявлений народного самоуправления?

Ответ очень прост: отсутствие всякого надзора, всякого попечения и контроля со стороны высших правительственных инстанций. Никакое самое великолепное по мысли учреждение не будет действовать правильно, если над ним не будет неослабного контроля и угрозы возмездия. А кто же смотрел

ну хоть за волостными судами? Земские начальники? Нет, потому что и за их деятельностью тоже мало наблюдала высшая власть. И потому прекрасные по мысли и крайне полезные учреждения превратились во вместилище всякого безобразия. До чего легко было бы упорядочить существующие волостные суды, можно судить хоть по следующему факту. Волость, в которой я живу, исстари отличалась самой дурной репутацией в окрестности. Ее правление, сходы и суд не обходились без пьянства в степени, выдающейся даже в среде, привыкшей к этому неизбежному явлению деревенской жизни. Но вот явился попечительный, добросовестный земский начальник и в очень короткое время вывел пьянство в крестьянском самоуправлении. К несчастию, он умер, место его занял более слабый человек, и пошло опять безобразие. В волостной суд наш крестьянину совершенно невозможно было показаться без полбутылки для угощения судей, но с недавнего времени поступил на должность волостного писаря не пьющий и строгий человек – и водка моментально исчезла из числа вещественных принадлежностей волостного суда.

Несовершенства надо преследовать прежде всего в людях, а не в учреждениях. При хороших людях всякий «режим» будет хорош, а дурные изгадят всякий, как бы он ни был совершенен.

Уж наше ли время не обильно преобразованиями? Все перевернуто вверх дном, начиная с высших государственных учреждений и добираясь теперь до крестьянской общины и волостного суда. А много ли вышло из этой кутерьмы толка? Легче ли и лучше ли стало жить обывателю? Нам, простым смертным, правительствующие олимпийцы, конечно, не поверят, а вот посадить бы их на полгодика в деревню, в нашу обывательскую шкуру, не охраняемую от произвола деревенского хулиганства никакою реальною силою, тогда бы они, может быть, восчувствовали, что либеральные фантазии, внушенные таинственною враждебностью нашему интеллигентскому «простофильству» и сочтенные с поразительною наивностью «бюрократическим режимом» за выражение тре-

бований русского населения – одно, а действительная жизнь, действительные русские народные потребности – это совсем, совсем другое.

Но пока эти фантазии воплощались только в учреждениях, призванных (и то неудачно) удовлетворить честолюбие особенно назойливых коноводов разных общественных групп, начиная с фирмы октябристов и до анархистов включительно, пока реально это выражалось в бесполезной трате лишнего десятка миллионов рублей голодающего населения, до тех пор еще можно было надеяться, что *Русское* Царство устоит на старинном прочном фундаменте русского народного быта. Но дальновидные враги России поняли это очень хорошо и внушили нашим кормчим разрушить самое основание народной жизни, вместе с которым неизбежно рушится и *Русское* Государство. Это в настоящее время и приводится в исполнение «либеральным» Кабинетом при благосклонном содействии таврических представителей кого угодно, но уж отнюдь не Русского народа.

4 февраля 1910 г.

———

Общественное помешательство

Минувшие святки ознаменовались многочисленными съездами по разнообразным вопросам общественного и научного значения. Это был в некотором роде «сбор всех частей» наших умственных сил, наших руководящих деятелей. Невозможно было не питать особого интереса к этим собраниям потому, что их результаты давали точную мерку для суждения о том, какие успехи сделало общественное самосознание под влиянием потрясающих событий, пережитых Россией в последнее пятилетие, насколько правильно уверение в «успокоении», которое главнее всего должно выражаться в отрезвлении общественной мысли от увлечения, так сказать, освободительным политиканством. Степень прогресса в этом отношении

определяла вместе с тем и большую или меньшую вероятность надежд на улучшение положения Государства и его оздоровления во всех отношениях.

Увы! К величайшему прискорбию должно сознаться, что только что закончившиеся съезды оказались довольно точными копиями неистово нелепых съездов эпохи 1904—1905 годов, хотя и окрашенные, конечно, по не зависящим от участников причинам, более бледными красками. Как тогда съезды «Императорского» сельскохозяйственного общества, крестьянские, Пироговские и иные трактовали не о своих специальных нуждах и предметах, а о ниспровержении самодержавия и о созыве учредительного собрания на основании всеми облюбованной четыреххвостки[1], так и теперь все собрались не для обсуждения предметов, выставленных в их заглавиях, а под их предлогом для того, чтобы пред судом «общественного мнения» засвидетельствовать свою безукоризненную либеральность, по установленному для сего раз навсегда трафарету. Каждый из съездов приходит к неизбежному заключению, что все зло заключается в существующем «режиме» и что для искоренения его надо непременно осуществить тот или другой либерально-прогрессивный шаблон. Так, антиалкоголики, отвергая значение духовно-нравственного воспитания, видят спасение от беспробудного пьянства в воспитании «свободной личности», в полной свободе рабочих организаций и, вместе с психиатрами, в установлении «женского равноправия». Съезд естествоиспытателей, кроме либеральнейших рецептов ради успехов оценочной статистики, отличился уже совершенно дикой выходкой гг. земских агрономов против неутомимого проводника новых идей в метеорологии и сельскохозяйственной культуре – Демчинского[2], не допустив его гамом и шумом до сообщения своего доклада. Можно, конечно, не соглашаться с идеями, проводимыми г. Демчинским, но нельзя не уважать человека, ищущего усовершенствования в основном промысле Государства, составляющем его богатство. Оспаривать его следует логическими доказательствами его заблуждения, а не диким ревом научного невежества.

Отличился также и съезд ветеринаров, усмотревший печальное состояние скотоводства в России в неудовлетворительности «правового» и материального положения жрецов этой науки. Боже праведный, каких же это еще особых ветеринарных «правов» недостает этим господам, без которых они не могут успешно лечить заболевшую скотину? И почему они при получении недостающих «прав» сделаются более способными и знающими свое дело? Эти тоже вопиют о допущении женщин к коновальному мастерству уж, конечно, не в интересах скотоводства, а для того, чтобы пустить лишний «передовой» узор в свою коновальную деятельность. В деловом же отношении всего курьезнее тот вывод, к которому должен придти всякий беспристрастный чтец отчетов по ветеринарному съезду. Один из докладчиков сообщил, что скотоводство в России падает и что количество скота уменьшается, и приписал это тому, что на всю Россию имеется только 4.000 (это мало!) ветеринаров. Но докладчику на эту аргументацию можно было бы указать, что раньше ветеринаров было значительно меньше, а скота было больше, и количество его стало убывать одновременно с увеличением численности ветеринаров. Логическое заключение из сопоставления этих цифр говорит не в пользу увеличения количества ветеринаров, а как раз наоборот. Беда-то не в малом количестве ветеринаров, а в малом вооружении их необходимыми знаниями. Вот в чем беда. Хорошим ветеринаром быть много труднее, чем хорошим врачом, которому сам пациент помогает в определении своего недуга, а у скота не спросишь, а надо самому угадать. А между тем, в ветеринары идут только менее одаренные люди, по очень естественной причине: человека лечить выгоднее, и потому все более способные не идут в целители скотов.

Обзор деятельности только что закончившихся съездов ясно доказывает далеко не нормальное состояние умов руководящего слоя общества, ни в малейшей степени не освободившегося до сих пор от угара разрушительного политиканства, обуявшего его с момента провозглашения под

треск и шипение японских шимоз реформаторской «весны», политой обильно не благодатными оживляющими дождями, но кровью десятков тысяч лучших русских людей, погибших или совсем безвинно или за стойкую защиту вверенных им интересов Русской государственности. Но ведь этот слой общества, с явно болезненным состоянием умственного аппарата, служит единственным запасом, из которого извлекается штат «достойнейших, доверием народа облеченных», из него же пополняются и все правительственные учреждения, что же мудреного, если ход правительственной машины не столь удовлетворителен, как это было бы желательно для блага Государства.

Такое уродливое состояние общественной мысли, которое проявилось в последних «съездах», представляет бесспорно большую опасность, против которой Правительству надлежало бы бороться со всею энергией и всеми силами, в его распоряжении находящимися. К нашему несчастию, мы, обыватели, не ощущаем деятельности Правительства в потребном направлении, и это не может не вселять в нас тревоги за будущее. Нас тревожит эта видимая безучастность Правительства тем более, что оно, под влиянием нам неизвестных впечатлений, поверив в «успокоение», ослабило свою бдительность за разрушительными элементами, которыми, однако, очевидно, переполнены все отрасли государственной и общественной жизни. Только что закрывшиеся съезды это неоспоримо доказали. Во что обратилась русская деревня и, главным образом, ее молодежь – свидетельствует фотография, воспроизведенная г. Родионовым в «Нашем преступлении»[3].

Чем же все это кончится? Предвидеть немудрено, если только сопоставить такое хаотическое состояние умов и ужасающий упадок нравственных начал с попечительною заботливостью об интересах преступников, выразившеюся в спешном проведении законов, ослабляющих их наказуемость, при полном забвении интересов лиц пострадавших.

20 января 1910 г.

———

Усовершенствованный способ решения государственных вопросов

Можно ли, любя свое Отечество, или хотя опасаясь только за свою личную участь, оставаться равнодушно-безучастным, когда важнейшие государственные вопросы, от которых зависит будущее Государства, его существование и благополучие, разрешаются в зависимости от того, сколько «достойнейших», созванных в Таврический дворец, выйдут в ту или другую дверь? Неужели такой способ решения участи Государства можно признать разумным, лучшим против существовавшего до «обновления» государственного строя?

Где же тут разум, где здравый смысл? Нормально ли такое положение, что невозможно даже на день вперед определить, куда повернут народные представители внутреннюю политику Государства, да и внешнюю, которая, хотя пока еще не подчинена их компетенции, но в лице г. министра иностранных дел сама пламенно стремится к единению с Государственною Думой! И ведь добро бы все члены ее обязательно участвовали в заседаниях законоиздательства. Тогда, по крайней мере, можно было бы с большею вероятностью определить заранее, как будет разрешен данный вопрос, зная направление большинства. А теперь оказывается, что в заседаниях Думы участвует зачастую менее половины народных избранников, и участь государственных дел находится в зависимости от того, придет ли в Думу больше Марковых и Пуришкевичей или Гучковых, Милюковых и Булатов, чего, конечно, никто — ни министры, ни сами «достойнейшие» — предвидеть не могут. Следовательно, важнейшие государственные вопросы решаются втемную, случайно.

Теперь почти уже все политические разновидности держатся мнения о необходимости народного представительства. Но, ради Бога, разве можно назвать народным представительством то, что получилось в учреждении Государственной Думы? Разве может течение в ней государственных дел удо-

влетворить хотя самым скромным требованиям заинтересованного населения? Вместо учреждения, регулирующего действия исполнительных органов и развивающего законодательство сообразно с возникающими в Государстве потребностями, получилось собрание людей, свободных от всякого подчинения существующим законам, безнаказанно нарушающих их явно, открыто, не исполняющих своих прямых обязанностей, оплачиваемых, однако, весьма жирно из народного кошелька, и занимающихся не тем, чем можно, а чем и сколько хочется и не обращающих ни малейшего внимания на то, как страдают от их поведения интересы Государства и населения. Говорят, что самое главное дело и самое существенное право народного представительства заключается в рассмотрении и исправлении государственного бюджета. Законом установлен для окончания этого дела определенный срок, но наша Дума и знать не хочет ни постановления закона, ни тех неудобств для ведения государственного хозяйства, которые возникают от неутверждения бюджета, ни громадных убытков, которые несет по милости ее небрежности население.

Было бы слишком долго, да и бесполезно перечислять все погрешности, все беззакония, совершенные даже и этою третьею, сравнительно со своими неистовыми предшественницами – скромною Государственной Думой: они у всех на виду и всем известны. Вопрос в том: можно ли без коренного изменения положения о Думе ожидать упорядочения ее работы и поведения? Мы склонны думать, что нельзя, потому что именно узаконения, устанавливающие порядок деятельности Государственной Думы, дают возможность развиться в высшей степени всем отрицательным сторонам несовершенной человеческой природы избранников.

Действующее положение о Думе, может быть, было бы пригодно, если бы в избранники попали действительно *лучшие*, доверием народа облеченные, люди. Но ведь этого нет и быть никогда не может. Надо помнить, что выборы по большей части являются результатом интриги, подкупов, обмана, стремления к удовлетворению личных интересов, честолюбия, корыстолюбия,

и только в исключительных случаях выдвигают действительно лучшего из выбирающей среды. Ввиду этого неизбежного несовершенства выборной коллегии государственное дело, ей поручаемое, должно быть ограждено весьма твердо и определенно от проявления всех дурных наклонностей ее членов.

Хотя недостатки действующего относительно Думы законодательства очевидны для всех, но заменить его другим, более совершенным – конечно, крайне затруднительно. Составители действующего закона поместили статью, крайне затрудняющую исправление обнаружившихся несовершенств, а именно, что отныне ни один закон не может быть издан помимо Государственных Думы и Совета. А так как настоящее положение очень выгодно для господствующего большинства Думы, то всякое изменение, связывающее его произвол, конечно, не удостоится ее одобрения.

Но ведь Русской народ весь, кроме только петербургского чиновничества, не признает и никогда не призна́ет власти над собой какого бы то ни было учреждения. Он понимает и признает только одну власть: Власть неограниченного Самодержавного Царя, что бы ни выдумывали для ее умаления и уничтожения либеральные сановники и их канцелярские клевреты. Русский народ беспрекословно подчинится всякому велению, исходящему от Царя его. Как мало значит во мнении народа собрание его так называемых представителей, – доказал беспрепятственный разгон обеих первых Дум, на который с таким страхом и трепетом решились петербургские власти.

Но прежде чем принимать радикальные меры к учреждению собрания действительных народных представителей с точно очерченным кругом прав и обязанностей, даже и при настоящем положении во власти Правительства имеются способы заставить Думу работать производительно, а в противном случае обойтись и без ее содействия. Не следует только оставлять безнаказанным ни одного совершаемого ею беззакония, как бы мало оно ни было. Например, – настоящая Дума составила наказ, не соответствующий существующим законам, и, вопреки постановлению о том Сената, руководствуется своим

внезаконным творением. Неужели это презрение к существующим законам может быть терпимо?

С думской трибуны поносятся повеления Царя, как беззаконные, и это остается без протеста с председательского кресла. Можно ли терпеть такого члена Думы, оскорбляющего Величество, и председателя, допускающего это без замечания? Бюджет, – этот главный нерв Государственной жизни и серьезнейшая задача Г[осударственной] Думы – должен быть рассмотрен и утвержден к 1 декабря, а к нему Дума еще и не прикасалась. Неужели же такая прямо-таки невероятная бездеятельность может быть терпима?

Если бы Правительство с самого начала строго наблюдало, чтобы Дума занималась не сенсационными запросами, а доверенным ей громадной важности государственным делом, если бы оно не смотрело пассивно на ее выходки, если бы оно не питало ложных страхов разогнать хоть десяток непригодных Дум и коренным образом исправило бы очевидные недостатки закона о Государственной Думе, – то, несомненно, и гг. народные избранники не позволили бы себе такой распущенности, такого произвола в обращении с правительственными законопроектами, такого оскорбления Верховной Власти, благоговейно чтимой всею Россией несмотря на длящуюся «революцию», такого, наконец, пренебрежения к интересам пославшего их населения, какие теперь составляют отличительные признаки собрания «достойнейших».

Хотя к государственному переустройству следует приступать всегда с величайшею осторожностью, тщательно изучив народные потребности и зрело обдумав способы их удовлетворения, но ошибки здесь, как и во всяком другом творчестве, возможны, понятны и более или менее извинительны. Не извинительно упрямое упорство в совершенных ошибках, когда они обнаруживаются с несомненною ясностью. Ошибка в фальшь не ставится, когда она чистосердечно сознается, но упорство в ней, когда она обнаружилась, – недопустимо.

12 февраля 1910 г.

———

Грозная опасность

Для всякого непредубежденного ума совершенно очевидно, что Россия служит предметом нападения многочисленных враждебных ей сил, стремящихся в конечной своей цели к ее полному разгрому и распадению. В этой борьбе против нее объединились самые разнообразные союзники, отличающиеся друг от друга тем, что одни ведут Государство к разрушению сознательно, а другие под гипнозом внушения, что они содействуют «прогрессивному» движению, названному для отвода глаз и обмана слабоумных «освободительным».

Кто эти враги? Мы не станем перечислять их: это было бы слишком длинно, да и бесполезно. Они многочисленны и вездесущи. Они свили себе прочные гнезда и в сферах высшего управления страною, они завладели почти всею печатью, а следовательно, и возможностью развращения общественной мысли, они деятельно раздувают вражду к Русскому Государству во всем многочисленном ее инородческом населении, не имевшем до сих пор никаких причин к неудовольствию, они захватили, наконец, нашу школу и употребляют все возможные усилия для уничтожения образования. Изо всех способов нападения наших врагов – вот это последнее составляет явление наиболее грозное, наиболее опасное. Началось оно давно, еще с конца пятидесятых годов прошлого века*. Враг подкапывается под наши учебные заведения сначала тайно, маскируя свои разрушительные цели разными, как будто бы убедительными и симпатичными, но на деле лживыми и вредными предлогами. Так постепенно возникло гонение на балльную систему отличия успешных и прилежных от неуспешных и ленивых; поднялся поход против экзаменов, этих необходимых проверочных испытаний учащихся и *учащих*; наконец,

* Пожалуй, даже ранее. Магницкий еще в 1831 г. предупреждал в своем докладе Николая Павловича (Николая I. – *Д. С.*) о натиске масонов на высшие школы *(прим. К. Н. Пасхалова)*.

в восьмидесятых годах было изобретено «переутомление», и под этим нагло-лживым предлогом, которому, однако, неизвестно – искренно или нет, поверило учебное начальство, уровень учения сразу рухнул, а последние преобразования высшей школы, поведение ее наставников и непрерывные подстрекательства русских врагов к учебным забастовкам убили и ту малую крупицу научной ценности ее, которая еще оставалась от доосвободительного периода.

Никакие бунты, восстания, революции не гибельны для Государства так, как разгром школы. Те бедствия преходящие, не лишающие Государство образованного слоя, этой, так сказать, умственной аристократии, без которой немыслимо самостоятельное его существование. Но разгром школы оставляет Государство в совершенно беспомощном положении существа – без головы, а следовательно, без рассудка и воли, неспособным к сопротивлению внушениям, чуждым его интересам и поддающимся всяким вредным влияниям.

Упадок уровня умственного развития нашего и теперь уже достиг ужасающей степени. Разве не ему обязаны мы беспрерывным рядом неудач решительно во всем, что бы не предприняли? Ведь невозможно указать ни в одной области государственно-общественной деятельности, несмотря на лихорадочное ее развитие в последние 6—7 лет, ни на одно мероприятие, которое принесло бы ожидавшиеся от него благотворные последствия. Начиная с убогого состояния нашей внешней политики, то и дело натыкавшей нас то на позор, то на опасность войны, совершенно нам не нужной и не вызывавшейся никакими государственными соображениями, и кончая ничтожнейшими местными мероприятиями, ни одно не оправдалось на деле надлежащим успехом. Разумная и полезная мысль неизбежно искажалась при практическом осуществлении, но еще чаще вводились в жизнь с головокружительною поспешностью вреднейшие предприятия, внушенные правящим сферам какими-то враждебными влияниями. Пройдите мысленно весь бесконечный ряд реформаторской горячки и укажите хоть на одно возникшее из него отрадное явление. В области

государственного строя можно ли назвать создавшееся ныне положение удовлетворительным? Разве можно сказать, что Манифест 17 октября стремился к учреждению *таких* Государственных Дум, как настоящая и две ее предшественницы? В области народного благоустройства разве можно было ожидать полного разгрома сложившегося быта, быстро растущего обезземеления крестьянской массы под влиянием закона, заботящегося якобы о расширении крестьянского землепользования и землеустройства и, под предлогом уравнений крестьян в правах, отнятия у него преимуществ широкого сословного самоуправления и суда? Наконец, в области народного просвещения сумело ли Правительство принять такие действительные меры, которые заставили бы молодежь учиться, а профессоров учить, а не подстрекать к забастовкам и насилиям над теми, кто не хочет к ним примыкать? Ведь страшно вспомнить: настоящего серьезного и правильного хода занятий в высших учебных заведениях Россия не знает уже полвека!

В шестидесятых и семидесятых годах студенческие волнения происходили сравнительно редко и оканчивались более или менее скоро, и в промежутке между ними еще оставалось довольно времени для занятий науками, но потом, когда они участились и, наконец, преобразовались в забастовки, по мысли и под влиянием петербургских профессоров, объявивших в 1905 г. невозможность чтения лекций под глупым предлогом «взволнованности», и, когда вместо энергического воздействия на этих губителей просвещения дарована была «автономия»[1], тотчас же вылившаяся в форму университетской республики с демократо-социало-революционерами в профессорских мундирах и студенческих тужурках во главе, то об учении никто уже и не думал, и вместо науки в высшей школе воцарился революционный хаос и насилие во всех видах, от ломания дверей и до подлейшей «химической» обструкции включительно.

Действия просветительного нашего начальства во все время этого критического положения высшей образовательной школы представляли ясную картину или преступного попустительства, или полной растерянности и непоследовательно-

сти. В то время, когда и существующие университеты только бунтуют и бастуют и когда для них не хватает действительно ученых профессоров для замещения всех кафедр, предпринимается и осуществляется открытие новых университетов для столь же полезной без- или, верней, зло-деятельности. В то же время число студентов в университетах увеличивается при помощи легко выдаваемых аттестатов зрелости и их массовой подделки до совершенно непозволительно бессмысленного количества. В столичные университеты вместо 2—3 тысяч человек, которых способны вместить их здания и аудитории, нагоняется по 10 с лишком тысяч.

Зачем, спрашивается, допускается такое безобразие? Ведь для подлежащего начальства не может быть неизвестным, что из этой толпы только четвертая часть может пользоваться наукой, а три четверти невольно осуждены бить баклуши, и за невозможностью учиться только мешают и другим воспользоваться светом знания и сознательно или бессознательно помогают врагам России в угашении ее ума, что уже так прискорбно отозвалось на всем ходе государственной жизни и деятельности. Могут возразить: что же делать, когда так много жаждущих высшего образования? Но, во-первых, никто не сомневается в том, что $^{9}/_{10}$ идут в университеты не для науки, а для получения чиновных и служебных прав, которые они дают, а во-вторых, комплект лиц высшего образования должен обусловливаться не количеством желающих получить его *на счет Государства*, а потребностями сего последнего.

А допущение к общению с юношеством наставников, заведомо вреднейшего антирусского и антигосударственного образа мыслей, преступников, осужденных в тюрьмы, лиц, признанных своим сословием лишенными чести, разве это похоже на попечение о предохранении юношества от пагубных на него влияний, от развращения его нравственного и политического. Может ли быть это терпимо там, где сохранился разум и здравый смысл? А у нас это считается вполне нормальным, и наше молодое поколение, на глазах у всех, многие годы обрабатывается врагами существующего государственного строя

на казенный счет. И это не невероятная сказка, не выдумка, не ложь, а сама, хотя нелепая, но ужасная действительность. Еще 20 лет назад бывший министр юстиции Н. В. Муравьев[2] засвидетельствовал, что половина юристов, выпускаемых университетами, безграмотна. Можно себе представить, каковы же теперь кандидаты в блюстители правосудия, прошедшие исключительно науку сходок, референдумов, забастовок и химических обструкций!

Государству необходимы люди с вполне развитым умом, способные не поддаваться внушениям модных теорий, а действовать самостоятельно, в полном знании и сознании действительных интересов Русского народа. Для развития же ума на должную высоту совершенно недостаточны те клочки знаний, которые все в уменьшающемся количестве предлагаются в университетах. Для этого нужен долгий, систематический труд, многолетнее постоянное упражнение ума, а где, в каком русском учебном заведении можно найти это?

Последние события доказали ясно это стремление врагов России угасить ее ум, прекратить всякую возможность его развития. Все средства, все предлоги для этой цели хороши: и случай телесного наказания каких-то политических каторжников, и смерть предводителя выборжцев Муромцева, и смерть поносителя Православной Церкви, но и противника бомбистов Л. Н. Толстого, и постановления Совета Министров и т. д. до бесконечности.

А время уходит; неучащуюся толпу, на которую напирают новые толпы «зрелых» из гимназий, надо куда-нибудь рассовать, и вот часть этих невежд выбрасывается вон и поступает в пушечное мясо революционных полководцев, а другая большая, столь же невежественная, но постоявшая перед экзаменаторским столом, получает за это право нацепить синий крест в ромбе и управлять Россией.

Вот и управили!

Бунты и разгромы вредят материальному состоянию Государства, которое может быть легко восстановлено; революции, даже в случае успеха, меняют один государственный строй на

другой, но если в народе жив его ум, то это не грозит его самостоятельному существованию. Но горе стране, допустившей уничтожение высшего умственного развития: она неизбежно должна лишиться самостоятельности и сделаться вражеской добычей. Враги России это поняли и, пользуясь «непротивлением» власть имущих, бьют нас все сильнее и сильнее по голове и, по-видимому, добили уже до бессознательности. Не пора ли опомниться и вырвать наши просветительные учреждения из вражеского захвата, который уже успел ослабить умственную развитость многих поколений? Нельзя достаточно громко и упорно призывать Правительство к защите учащейся молодежи от губительного влияния разрушительных сил, нашедших себе пособников в массе недостойного профессорского персонала и сочувствие в мало осмысленных общественных группах.

Опасность грозна, и, чтобы побороть ее, нельзя останавливаться ни перед какими мерами, как бы круты и даже жестоки они ни казались расслабленным умственно и развращенным нравственно адвокатам и торговцам.

Пора, пора во что бы то ни стало спасать от конечной гибели рассадники государственного ума, от окончательного погружения в беспросветный мрак невежества.

8 апреля 1911 г.

Позор

При наступлении каждого Нового года человечество привыкло возлагать на него надежды на «новое счастье». Посмотрим же, имеем ли мы, Русские, какие-либо основания на то, что наступивший год будет для нас лучше предшествующих, в которых, к нашему величайшему прискорбию, не обнаружилось ни счастья вообще, ни нового, в частности.

Каждая эпоха имеет свои характерные особенности, отличающие ее от других. Переживала Россия эпохи славы,

могущества, эпохи завоеваний, процветания и т. д. Каким же характерным признаком определяется последняя эпоха, началом которой можно считать 1904 год? Увы, едва ли можно подыскать ей более соответствующее определение, как назвав ее эпохой позора. Да, семь лет ужасного, удручающего и все увеличивающегося позора решительно во всех проявлениях государственной жизни, начиная от крупных событий в области внешних сношений и кончая мелкими разбойными набегами неуловимых убийц и грабителей. Начиная с Портсмутского мира, равного которому по позору не найти в истории всего человечества – не по тяжести условий, а потому, что выгодами его воспользовалась, хотя и одержавшая ряд военных успехов, но вконец изнемогшая под тяжестью их сторона, чего намеренно или ненамеренно не усмотрел уполномоченный на переговоры сановник[1], и с легкой его руки последовал ряд событий, одно позорнее другого. Вся революция с Гапонами и Носарями, субсидируемыми представителями власти, с губернаторами, преклоняющимися пред толпами с красными флагами и поруганными Царскими портретами; все три Государственные Думы с каторжниками, предателями, заговорщиками, изменниками и бесчестными авантюристами в своем составе; феноменальная не то что неспособность, а окончательная негодность нашей дипломатии, допустившей поглощение двух славянских провинций Австрией[2], пасующей безнадежно не только перед Англией, Германией и другими великими европейскими державами, но даже перед Персией, в которой допустила неслыханные оскорбления русских представителей до безнаказанного убийства одного из них; сношения официальные с нашим беглым разбойником Ефремом, предательство расположенного к нам шаха и т. д. без конца, опозорение русского престижа в Азии и, в частности, на Кавказе, бессилием и неспособностью сладить с каким-то разбойником Зелим-ханом[3], безучастие представителей иностранного ведомства к оскорблениям нашего Государя, как это случилось в 1910 году в Английском парламенте и в последнее время в Дрездене, наконец, позорнейшая неудача почти всех преобразовательных мероприятий в переустрой-

стве народной жизни, несмотря на колоссальные затраты на расположение чиновников, их осуществляющих, – вот очень неполное, краткое напоминание о том, почему пережитому нами последнему семилетию всего более приличествует наименование «позорного».

Существует поверье в семилетнюю периодичность продолжительности и смены событий. До наступления начавшегося года мы пережили семь лет, имевших, несомненно, общий несчастный для нас характер, и, пожалуй, можно было бы надеяться, что злая судьба истощила сыпавшиеся на нас бесконечно удары и даст нам вздохнуть от лавины перенесенных несчастий. Но, как кажется, надежде этой не суждено оправдаться, и в первый же месяц нового года нам грозит продолжение позора пережитого времени. Предстоящий позор заключается в приезде группы англичан, которых собираются встретить чуть ли не с царскими почестями и придать этой помпе официальный, государственный характер…

Для того чтобы понять всю позорность такого поведения русских общественных деятелей, затевающих эту шумиху, нужно вспомнить, как отнесся английский парламент при обсуждении кредита на расходы по приему нашего Государя, когда Он предпринял в 1910 году посещение Англии. Один из членов палаты запротестовал против достойного приема Государя страны, в которой действуют-де законы и существует порядок, не нравящийся этому социал-демократическому оратору. Министр иностранных дел, – и ныне таковым пребывающий, – лорд Грей, вместо того, чтобы предложить спикеру унять невежу – оскорбителя Монарха, делающего Англии великую честь своим посещением, позволил себе доказывать, что социал-нахал *ошибается*, что наш Император достоин вежливого приема, потому что он, мол, даровал своему Государству конституцию, о чем его оповестили только что бывшие на поклоне в Англии русские «представители»… Это Н. Хомяков, в компании с Гучковым, Милюковым и десятком других, которые поехали холопствовать в Англию, вовсе никем не уполномоченные, и встретившие там радушнейший

прием, без всякого протеста ни от социалов, ни от либералов, ни от консерваторов; пред этими самозванцами почему-то счел нужным низкопоклонничать даже наш лондонский посол, подтверждая своим участием сказку о русской конституции. Но г. Грею удалось убедить господ комонеров, что нашего Государя следует принять с *вежливостью*, подобающею Его сану, и палата *двумя третями* голосов согласилась отпустить для сего потребную сумму. Но, заметьте, целая треть представителей Англии, т. е. по конституционным понятиям, целая треть населения ее *протестовала* против этого приема.

Посудите теперь, может ли Русский человек, в котором сохранилась хоть капля любви к своей Родине, хотя бы микроскопическая доза национального самолюбия и гордости, приглашать и чествовать людей, публично обсуждавших, достоин ли наш Царь вежливого, подобающего Его положению приема и между которыми могут находиться и голосовавшие против? Да ведь это позорнейший из позоров!

И этим мы начинаем Новый год. Нечего сказать, утешительное предзнаменование для будущего. Но наша общественная чувствительность к наносимым пощечинам до того притупилась, что мы без взрыва возмущения терпим тягчайшие оскорбления.

Какое сравнение с немцами! Недавно личный друг Вильгельма, лорд Лонсдэль, вздумал напечатать свою беседу с ним, в которой тот будто бы высказался за сохранение мира во что бы то ни стало. Так, как немцы обиделись за своего кайзера и запротестовали! А мы? Да мы и думать забыли, что англичане – наши вековые враги, участники и творцы всех наших несчастий, что если они теперь заискивают в нас, то только потому, что *им* мы нужны как таран против Германии, но и тут они нисколько не стесняются с нами, уверившись в нашем умственном убожестве и неисправимом холопстве.

Пусть эти англичане, приглашенные гг. Н. Хомяковыми и К°, и будут их гостями, пусть их принимают и в Москве Гучков и их поклонники лично от себя, но гостями Русского Государства или общественных учреждений они ни в каком

случае быть не могут. Мы приглашаем всех, в ком бьется русское сердце, кто имеет хоть какую-нибудь возможность и влияние, – громко и энергично протестовать против готовящегося позора…

8 января 1912 г.

———

Съезд разрушителей народного образования

В то время, как наши высшие государственные учреждения ревностно хлопочут о насаждении всеобщего и даже обязательного обучения, не жалея никаких расходов для достижения намеченной цели, московские просветители русских отроков выбиваются из сил, чтобы свести школьное обучение на нет.

Чтобы удостовериться в том, что таково именно направление деятельности лиц и органов, ведающих в Москве делом народного просвещения, достаточно ознакомиться хотя бы только с резолюциями, вынесенными съездом деятелей по народному образованию в Московском городском управлении. Так, в числе резолюций съезда, в котором принимали участие более тысячи учителей и учительниц городских училищ, было признано, что задавать уроки на дом не следует; не следует также ставить отметки за ответы и прибегать к наказаниям.

До сих пор все, что теперь отрицается современными просветителями, составляло основу школьного дела во всем мире.

Задавание уроков на дом в общественных школах считалось необходимым для приучения обучающегося к самодеятельности, проконтролировать которую в многолюдном классе над каждым учащимся нет физической возможности. Та или другая система наказаний является необходимой до тех пор, пока учащиеся не превратятся в беспорочных ангелов, и таковая практикуется в училищах всех, гораздо более нас просвещенных, стран. Россия и теперь представляет исключение, изъяв из числа школьных наказаний всякое физическое воздей-

ствие, упразднив не только розгу, но даже и ставление на колена. При такой уже существующей «гуманности» становится мало понятным, какие еще наказания стремится упразднить съезд? Лет 10 тому назад, посетив городское училище, в котором состою попечителем, я застал одну из учительниц, очень расстроенную только что выслушанным строгим выговором г. директора народных училищ за превышение, так сказать, власти, заключающееся в том, что она одного шалуна поставила на коленки. Тут я впервые узнал, что это, на мой взгляд, самое рациональное и безвредное наказание подверглось исключению. Недоумевая, какие же способы остались в распоряжении учащих для поддержания дисциплины и укрощения ее нарушителей в классе, наполненном детворой, не получившей ни малейшего домашнего воспитания, я обратился формально в Московский городской училищный совет и получил письменное подтверждение о том, что действительно коленопреклонение изъято из числа школьных наказаний, а в распоряжении учащих имеется нижеследующие: при первом проступке – выговор наедине, в случае повторения – выговор при всем классе, а в важных случаях – исключение из училища.

Я не стану критиковать, насколько педагогичны такая система, род и последовательность взысканий, дозволенных к употреблению, но невозможно не согласиться с тем, что нельзя же выговоры не только при классе, а хотя бы на площади при всем народе считать «наказанием». Исключение же из училища – это тоже не наказание, а умственное убийство. Но нельзя не отметить тут одной непоследовательности: поставить шалуна на колена – этого нельзя, это слишком «жестоко», а вышвырнуть его вон, не принявши никаких мер к исправлению, кроме выговоров, и лишить навсегда умственного развития – это можно, это не жестоко.

Отметки знаний тоже ненавистны современным педагогам. В сообщении о вынесенных съездом резолюциях не сказано, чем в этом вопросе руководствовались противники общепринятой системы оценки успехов учащихся. Если бы пребывание учащихся в училищах не оканчивалось выда-

чей им свидетельства об успешном окончании курса, свидетельств, дающих некоторые права, если бы, просидев, сколько кому угодно, на школьной скамье, ученики расходились из своих школ без всякой отлички от не обучавшихся, тогда, конечно, к чему отметки? Пусть каждый вкушает преподаваемые знания в меру своего усердия или лени. Но спрашивается: можно ли ожидать хороших плодов от таких приемов народного образования? Спора нет, что уничтожение уроков, отметок, наказаний чрезвычайно облегчает и упрощает работу *учащего* персонала, но нельзя же свести к этому задачи школы.

К этому ряду разрушительных резолюций следует прибавить еще упразднение действующего ныне института личных попечительниц и замену их коллегиальными попечительствами.

Хотя в сообщении не изложены мотивы такой реформы попечительства, но угадать их не трудно.

В настоящее время, как ни умалено значение и роль попечителей городских училищ, однако, они представляют собою в некотором роде начальство, независимое ни от какой коллегии, и многие серьезные вопросы, как, напр[имер], назначение учащего персонала, решают единолично, по соглашению с училищным отделом городской управы. Замена личного попечительства коллегией поведет к тому, что учащие получат право участия во всех вопросах, касающихся существования училища, которое принадлежало попечителю, т. е. сделает их полными его хозяевами, ибо понятно, что предполагаемая попечительская коллегия будет включать в себя весь персонал учащих, которой попечитель будет только членом; может быть, председательствующим с голосом перевеса, но уже не доверенным представителем городского управления для надзора за исполнением обязанностей всех служащих в училище. Хорошо это или дурно, полезно или вредно для училищного благоустройства – это вопрос спорный, но что этим значительно расширяется влияние учащих, это очевидно.

Стремление съезда гг. учащих к возможно большему расширению своего влияния на училищное дело подтверждает-

ся и положительною частью его резолюций, в числе которых находим «представительство учащих в думской училищной комиссии с правом *решающего* голоса и участие в заседаниях училищного совета представителей от учительского персонала». Чтобы судить о том, сколь серьезны и велики эти претензии, надо знать, что до сих пор даже попечители и попечительницы совершенно не участвуют в училищном совете, а в училищной комиссии имеют только совещательный голос, если не состоят в то же время гласными Городской Думы, т. е. решительный голос в училищном деле, как и в других городских делах, принадлежал только избранным представителям города – гласным, что совершенно правильно и последовательно. Но городское управление само дало повод к этому стремлению служащего персонала захватить в свои руки распорядительную власть, наводнив им училищную комиссию при обсуждении новой программы 4-летнего курса начальных училищ и способа производства экзаменов.

О крупных недостатках этой программы я внес в городское управление подробную записку, на которую, однако, не было обращено ни малейшего внимания; что же касается до экзаменов, то почтенное собрание постаралось лишить их всякого серьезного значения, как «устаревший пережиток», что и было одобрено всеми многочисленными участниками за исключением одного голоса – автора этих строк.

В числе резолюций съезда положительного содержания в особенности характерны две: отмена ограничительного каталога ученических библиотек и совместное обучение детей мужского и женского пола.

Каковы будут последствия отмены охраны от заражения детского ума всесторонне развратительными изданиями, переполняющими книжный рынок, – пояснения не требует. Что же касается резолюции о совместном обучении обоих полов, то в последствиях сего тоже сомневаться нельзя. В 1866 году я был избран в попечители одного из существовавших тогда в Москве смешанных городских начальных училищ, и уже чрез короткое время обнаружились такие отношения между со-

вместно обучающимися, что я в видах пресечения поводов к разврату счел своим долгом горячо настаивать на упразднении смешанных училищ, что вскоре и было исполнено тогдашним городским управлением, еще недоразвившимся до высоты нынешних жрецов народного образования. Тогда еще признавалось нужным охранять нравственность детей от невольного искушения, признавался необходимым контроль над успехами учения как учащихся, так и *учащих*, считалось неоспоримым, что распорядительные права могут принадлежать только хозяевам дела – представителям города.

Теперь, благодаря попустительству самих же городских избранников, все, казалось бы, незыблемые основы народного образования, подтачиваемые у нас постепенно разрушительными новшествами, считающимися почему-то «либеральными» и под этим штемпелем имеющими обеспеченный успех, уже явно, без всякой церемонии отвергаются тысячной толпой съезда «учащих», без признака протеста ни со стороны нашего «цивилизованного» общества, ни со стороны представителей городского управления. По крайней мере, г. городской голова, закрывая этот удивительный съезд деятелей, – вернее, разрушителей, – народного образования, очевидно, не был уверен в явной неприемлемости ни отрицательных, ни положительных резолюций съезда, что и выразилось в его заключительной речи, в которой он лишь робко намекнул, что постановления съезда не имеют обязательного характера для городского управления. Пока и то слава Богу!

В последнее время пред нашими глазами прошла целая эпидемия съездов, имевших почти сплошь отрицательное для благополучия страны значение. Но ни один из них не может и приблизительно сравниться в зловещем значении с обсуждаемым. Бесспорно, что общественное развитие находится в прямой зависимости от состояния его образовательных учреждений. И вот теперь мы видим, каких деятелей на этом поприще дала наша школа.

Если школа дает нам таких нигде в другом Государстве немыслимых деятелей по народному образованию, то она же

дает нам деятелей и на всех остальных поприщах общественных и государственных. Немудрено поэтому, что все в последнее время идет у нас вкривь и вкось, и ни одно мероприятие не дает тех последствий, которых ожидают его творцы.

Результат получается неизбежно один и тот же, будь то внутри или вне Государства: неудача, позор и срам. Без знаний, без развития ума до способности самостоятельного суждения деятели не застрахованы от влияния враждебных внушений, под видом пользы подстрекающих к гибельным мероприятиям. Так и в данном случае: съезд принимает ряд решений, ведущих к окончательному разгрому начальной школы. Во всяком другом Государстве и здравомыслящем обществе такие «деятели» были бы немедленно устранены от какого бы то ни было соприкосновения со школою. А у нас их резолюции, по мнению г. городского головы, «могут быть приняты во внимание»!

Можно ли при таком безнадежном состоянии русского общественного организма ждать какого бы то ни было оздоровления?!

20 февраля 1912 г.

РУСОФОБИЯ И ГОНЕНИЯ НА ЦЕРКОВЬ

Что делается в Холмской епархии

Только что вернулся из Холмской епархии, где был личным свидетелем начавшейся гибели едва восстановленного многолетними трудами Православия.

Не успел появиться Указ 17 апреля[1], как началась кипучая деятельность по совращению православного населения края в католицизм. Ксендзы, землевладельцы, ординаты крупных магнатов, наконец, само католическое польское население – набросились на несчастных, никем не огражденных, никем не защищаемых православных, – и число не «перешедших» в католичество, но *совращенных*, считается уже десятками тысяч…

И если Правительство не примет самых энергических мер против такого применения так называемой свободы совести, то пройдет немного времени, и в крае погаснет последняя искра Православия, а с ним исчезнет и Русское население, ибо переход в католичество значит в то же время и ополчение.

Могут сказать, что в этом виновато само местное православное духовенство, не умевшее укрепить население в духе Православия, и что население это только свободно пользуется Высочайше дарованным правом перемены религии.

Но такое заключение будет совершенно неправильно. В то время как православное духовенство влияет на свою паству лишь силой убеждения, не встречая ниоткуда ни нравственной, ни материальной поддержки, католическое – прибегает без разбора к улещениям и обманам, пользуется сильною

поддержкою всего польского землевладельческого класса, наконец, натравливает своих прихожан на их православных односельчан, – и те, нафанатизованные ксендзами, вынуждают православных угрозами и насилиями перейти в католичество.

В семьях с членами разных исповеданий – настоящий ад. По подстрекательству ксендзов, католички-жены бросают своих мужей, если те упорствуют оставаться в Православии; мужья побоями и истязаниями вынуждают жен переходить в католичество… Отнимают детей от родителей, стращают девушек, что они останутся без женихов, а парни без невест… Изловленных в костеле заставляют произносить страшные клятвы отречения от Церкви с обещаниями никогда вновь не переступать ее порога… Уверяют население, что перехода в католичество требует Сам Царь, Который и Сам со всею Царскою Семьей уже перешел-де в него.

В то же время польские землевладельцы, управители и арендаторы объявили, что все, кто перейдет в католичество и не будет говорить по-польски, увольняются или немедленно, или по истечении срока договоров, лишая таким образом православное население заработка насущного хлеба.

Одним словом, нет той гадости, нет той подлости, на которую не решится воинствующий католицизм против бедных, кротких, добродушнейших православных, населяющих этот благословенный Богом, но омраченный католическо-польскою ненавистью, край.

Как же устоять слабому простому человеку, брошенному беспомощно в пасть всем этим хищным волкам? Чтó можно требовать от нашего местного православного сельского духовенства, живущего одиноко среди враждебных ему элементов, не получающего никакой поддержки от непосредственно соприкасающейся с ним гражданской власти, которая сама растерялась и решительно не знает, чтó ей делать, и чего она может, и чего не может требовать.

При всяком ее вмешательстве выставляется неотразимый аргумент — «свобода», та свобода, от которой гибнет все Русское в древнерусской Червонной Руси.

Дерзость поляков дошла до того, что они осмеливаются требовать возвращения католическим монастырям отобранных у них после бунта 1863 года[2] упраздненных католических монастырских зданий, в которых уже основались русские духовные общины.

И Русские власти принимают такие наглые заявления «к рассмотрению»!

Вот как отблагодарила польская справа[3] за величайшую милость Государя, размеры которой, по собственному признанию поляков, превзошли самые смелые их ожидания.

Да что – благодарить! В числе разнообразных революционных прокламаций, в изобилии распространяемых среди сельского населения, есть одна – именно предупреждающая, что свобода дана католической пропаганде Государем не добровольно, а вынуждена польскими патриотами и победами японцев, а потому за эту свободу надо благодарить этих последних, а никак не Царя, и надо желать японцам дальнейших успехов, чтобы Царь, оправившись победой, не отнял назад вынужденного у Него силой…

* * *

Между 6–10 мая я сопутствовал преосвященному Евлогию, Люблинскому епископу, при объезде им части своей епархии.

Боже мой, какое это было грустное путешествие! Народ, – кроткий, добрый, преданный вере отцов своих, – со слезами встречал любимого владыку, моля его о защите и поддержке. Но что существенного мог обещать им их пастырь, вооруженный лишь силой молитвы и убеждения, как только претерпеть и надеяться на милость Божию, – что все прекратится, коль скоро Царь узнает, как злоупотребили Его милостью заклятые враги Его, России и Православной Церкви?

– Но пока Он это узнает, – говорил народ, – мы погибнем беззащитные. Нам грозят отовсюду: паны и управители гонят нас – либо в костел, либо со двора долой – хоть умирай с голо-

ду. Односельчане-католики ломают наши изгороди, вытравляют огороды и посевы, не дают спать по ночам, колотя в стены наших хат, смертельно пугая наших жен и детей, наконец, – грозят прямо убийством.

Многие заявляли, что, будучи насильно вовлечены в костел, они дали ксендзу клятву с подпиской, что отвергаются Православия навсегда, и что эта клятва препятствует им теперь вернуться к вере отцов их!

Владыка объяснял им, что такие обманами и насилиями взятые клятвы недействительны, что он объявляет всенародно и уполномочивает священников всех кающихся в совершенном грехе измены веры разрешать и возвращать в лоно Церкви.

Еще в селениях, где большинство жителей православные, они держатся довольно стойко; но там, где их меньшинство, – положение просто отчаянное, и если Правительство не прекратит эту «свободу» всяческих насилий и издевательств над православною паствою древлеправославного Холма, то не пройдет и года, как его население превратится в католиков и в поляков.

* * *

Дерзость католического клира превышает всякий предел терпимости.

В городе Замостье, Люблинской губернии, существует один из древнейших храмов имени Св. Николая Чудотворца, при котором состоит Замостское Свято-Никольское Православное Братство, основанное в 1606 году и восстановленное в 1876 году. Издавна, в день Святителя Николая, 9 мая, совершается там в честь угодника православное торжество, на которое собирается крестным ходом все окрестное православное население со своим духовенством, при участии местного епископа, ежегодно посещающего в этот день город Замостье.

И вот в нынешнем году – с явною целью затмить в глазах народа наше скромное православное торжество и показать ему свое превосходство над бедною Православною Цер-

ковью, – католический Люблинский епископ Ячевский, уже много лет не бывший в Замостье и вообще в объезде епархии, назначил свое прибытие в этот город как раз на 9 мая, оставив безо всякого внимания деликатный намек местной Русской власти о крайнем неудобстве одновременного пребывания в городе двух епископов при настоящем тревожном и возбужденном состоянии.

С тревогой в душе совершил свой путь в Замостье досточтимый владыка Евлогий, опасаясь, конечно, не за себя лично, но за попрание, умаление и, может быть, оскорбление в глазах народа достоинства своего сана и первенствующего в местной Церкви значения.

Но Господь судил иное. Благодаря горячему участию командующего дивизией генерал-лейтенанта Поздеева, офицеров 10-го Донского казачьего полка, с командиром его, полковником Грековым во главе, стараниями маленького местного русского кружка и братчиков, – наш любимый всеми епископ был встречен в Замостье с таким торжественным почетом, с такою трогательною заботливостью и вниманием, что наше православное торжество далеко превзошло и все наши ожидания, и все, что готовилось под всевластным распоряжением пана Замойского и всей окрестной шляхты для епископа Ячевского.

Дороже всего было то, что все военное население приготовило такой торжественный прием своему епископу с искренним, сердечным, любовным участием.

Особенною, можно сказать, пламенною горячностью в выражении своих православных чувств отличалось общество офицеров 10-го Донского полка с их славным командиром.

Они показали себя истинно Русскими, православными воинами, озаботясь окружить епископа непрерывным вниманием и заботливостью не только во все время пребывания его в Замостье, но, встретив его еще в селе Горышеве, – где владыка освящал новостроящийся храм, – провожая его офицерским эскортом до Замостья, где для встречи были выстроены казаки и все пехотные полки с их начальством во главе, и

проводив точно так же в сопровождении всех офицеров полка верхами, и всего остального общества в экипажах, далеко за пределы города.

Спасибо, великое спасибо должна сказать им вся Россия, что они на нашей неприятельской окраине показали гг. Ячевским и Замойским, что еще есть в России грозная сила, готовая защитить свою Веру, Царя и Отечество, вопреки даже стремлениям петербургских чиновников.

Узнав, что я – москвич, казачество горячо просило меня передать их сердечный привет родной матушке-Москве и сказать, что неизменно преданными остались дети Дона своей Вере, Царю и Родине, и что как их отцы, так и они готовы на защиту их сложить свои головы.

Это поручение я сим и исполняю.

* * *

Может в наших скептических умах возникнуть вопрос: насколько виновато в таком грустном положении Православия, в каком оно очутилось, местное православное духовенство?

Конечно, оценить его достоинства и раскрыть недостатки невозможно человеку, пробывшему среди него всего несколько дней. Но и в это короткое время обозначилось с достаточною ясностью, что Холмское духовенство, в общем, значительно выше против уровня сельского духовенства наших внутренних губерний. Среди него (Холмского) есть много пламенных, прекрасных проповедников, как, например, отец Северьян Могильицкий, настоятель Горышевской церкви, или отец Тимофей Трач, настоятель Щебрешинского прихода.

Этот последний во время крестного хода 9 мая в поле сказал такое горячее, трогательное слово, что все присутствовавшие, военные и статские, весь народ – плакали чуть не навзрыд.

Между прочим, тут же случился характерный эпизод.

Когда после отца Трача взошел на возвышение епископ и, со своей стороны, сказал прекрасную речь о совершаю-

щихся печальных событиях, к его ногам припала женщина с воплями о спасении.

По расспросе ее, она оказалась жительницей села Горышева, в 12 верстах от Замостья. Муж ее, перейдя в католичество, побоями и насилием заставил и ее прийти в костел и дать клятву отречения от Православия. Но бедная женщина с тех пор не знала минуты покоя.

Муж ее, опасаясь предстоящего приезда в Горышево епископа Евлогия[4] и его влияния, запер жену на замок на все время пребывания епископа в Горышеве, и выпустил только на другой день после его отъезда.

Но как только женщина освободилась, она бросилась в Замостье и пала при всем народе к ногам владыки, прося его заступления и наставления. Епископ тут же разрешил ее клятву как незаконную, взятую обманом и насилием, что и объяснил всему народу.

Но в результате положение Православия в древней земле Даниила Галицкого плачевно, по его беззащитности. Из религии господствующей оно низведено там в религию гонимую, – гонимую безнаказанно, гонимую злейшими ее врагами.

Какими стонами, слезами, насилиями и бедствиями расплачивается православное население Холма за свободу, дарованную иноверцам!

Господи! Что же это такое? Доколе будет продолжаться это положение, избивающее и сокрушающее все драгоценные заветы, тысячу лет сбиравшиеся и оставленные нам трудами десятков поколений Русских царей и людей?..

———

Записка о положении православных в Холмской епархии после Указа 17 апреля 1905 г.

Высочайший указ 17 апреля, установивший полную свободу вероисповедания, отразился самыми неожиданными, тяжелыми и невыразимо прискорбными последствиями для

православного населения Холмской епархии, расположенной в Люблинской и Седлецкой губерниях. Тотчас по его опубликовании во всеобщее сведение начался массовый переход православных русских в католичество.

При всей прискорбности этого явления, против него ничего нельзя было бы сказать, если бы оно обусловливалось исключительно искренним убеждением переходящих в превосходстве католичества и было бы делом свободного решения их совести. Но, к сожалению, вероисповедные чувства не играли при перемене религии никакой роли, исключая редкие, единичные случаи.

Православное население Холма совращается от веры отцов своих всякими способами, не разбирая их нравственного качества, как то: улещениями, обманами, угрозами и даже насилиями. Ксендзы всеми средствами заманивают православных в костелы, где берут с несчастных, доверчивых и малоразвитых поселян страшные клятвы, что они никогда более не возвратятся к схизме; в селениях со смешанным населением, в особенности в городах и посадах, где преобладает польский элемент, подстрекают этих последних против их православных односельчан и они, нафанатизированные, понуждают, под угрозами имущественного разорения, насилий и даже смерти, бросать свою веру и идти в костелы. Ложь и обманы доходят до совершенно невероятных размеров, распространяется масса прокламаций, из которых одни уверяют, что это царь желает, чтобы все его подданные были католики, что он сам с семьей перешел в католичество и желает быть только крулем польским; другие – предостерегают поляков от благодарности Государю, убеждая, что он вовсе того не заслуживает; что если и надо кого благодарить, то это японцев, победивших Русских, и что если царь оправится победою, то все опять отнимет, а потому надо желать победы японцам. Словом сказать, нет той лжи, нет той гнусности, которая не была бы пущена в ход для искоренения Православия, только что восстановленного в этом издревле православном уголке Червонной Руси.

Деятельными помощниками ксендзам служат все польские землевладельцы, управляющие, арендаторы. Особенно вредными, по общему признанию местной администрации, очагами революционной противорусской пропаганды служат майоратные имения, розданные после бунта 1863 года русским чиновникам всяких рангов, в которых владельцы никогда не живут, а сдают в аренды полякам. Все эти лица, или весьма многие из них, уже объявили своим православным служащим и рабочим ультиматум: или в костел или долой со двора немедленно или по окончании договоров, а между тем эти люди, безземельные, уволенные со службы лишаются всяких средств существования.

Вот в каком невыносимо тяжелом положении очутилось Холмское православное население после Указа 17 апреля. Нельзя требовать геройства от простого, слабого человека ввиду грозящих ему со всех сторон опасностей брошенного совершенно беспомощно и беззащитно среди угроз бушующего своеволия, и потому уже десятки тысяч православных перешли в католичество, не по религиозным убеждениям, а вследствие невероятных насилий. В особенности тягостно положение семей с членами обоих исповеданий.

В них водворился настоящий ад. Ксендзы побуждают католических членов семьи, или даже ставят им в непременную обязанность привлечь в костел их православных родственников, и вот – жена изводит мужа, муж бьет жену, дети покидают родителей, родители выгоняют детей, словом сказать, употребляются все виды семейных насилий, делающих жизнь семьи совершенно невыносимою.

Что же может сделать против этого неистового нападения, не гнушающегося никакими беззаконными средствами, местное православное духовенство, вооруженное лишь словом убеждения?

Что может сделать оно, одинокое, как и страдающий русский народ, не имеющее поддержки ни в высшей власти края, ни в местных ее агентах, решительно отстраняемых католическим духовенством от всякого вмешательства неотразимым

аргументом «свободой», узаконенным 17-го апреля высшим хранителем Православия? И при этом магическом слове отступает недоумевающая власть, и польско-католическое озорство царствует беспрепятственно и безнаказанно.

Если Правительство не примет немедленно, не теряя ни часа, мер для охранения гибнущего православия в Холмской епархии, то оно вскоре, очень вскоре, совершенно исчезнет, а с ним вместе исчезнет и русский народ, ибо здесь переход в католичество знаменует не только перемену религии, но и перемену национальности. Ренегаты очень скоро забывают свой родной язык и увеличивают собою крайне и всегда враждебный нам польский элемент. Уже и теперь слышны требования о перемене речи, об употреблении польского языка в делах гмин[1], поданы заявления о возвращении зданий, конфискованных и упраздненных католических монастырей и выдворении из них основавшихся русских религиозных общин, а русские власти принимают такие дерзкие требования к рассмотрению.

Все вышеизложенное, коему нижеподписавшийся был очевидцем и личным свидетелем, могут подтвердить все Холмское православное духовенство с достойнейшим епископом Евлогием во главе, все местные, соприкасающиеся с народом власти и, наконец, весь страдающий русский народ, стоны и слезы которого раздаются по всей Холмской Руси от Седлец и до Карпат.

Для поддержания и охранения Православия в Холмской епархии от быстрого и полного исчезновения необходимо, следовательно, принять немедленные, решительные и действительные меры, не только в приказах, но и в практическом их применении, каковые могли бы заключаться в следующем:

1. Всенародное объявление в селениях на сходах, в церквах, костелах, гминах – решительного запрещения ксендзам совращения православных в католичество. Желающие добровольно, по собственному побуждению переменить религию должны прежде всего заявить о том своему священнику и

местной власти и соблюсти тот порядок, который узаконен для инославных исповеданий. За совращение же подвергать виновных и ксендзов строжайшей и действительной ответственности.

2. Действительная и непрестанная защита православного населения от всяких насилий со стороны католиков односельчан и других, с возложением на все католическое население за круговою порукою вознаграждения в двойном или более размере за всякий причиненный православному вред или убыток.

3. Устройство всех уволенных только за веру на казенных землях, с выдачею им по мере надобности пособий на льготных условиях. В случае перехода или заявления о переходе получившего участок земли в католичество или иное исповедание – немедленное отобрание земли и взыскание пособия.

4. Строгий, постоянный и бдительный надзор за порядком и спокойствием в селениях смешанного населения и решительного недопущения католической пропаганды.

5. Открытие сети православных обществ взаимопомощи, мелкого кредита, благотворительных, просветительных и других, с целию поддержки и развития солидарности интересов с православно-русским населением. Переходящий в католичество или иное исповедание обязан предварительно ликвидировать свои отношения к таким учреждениям.

6. Выкуп при содействии Крестьянского поземельного банка, по средней нормальной оценке, всех майоратных владений, в которых владельцы, получившие их после бунта 1863 года, не живут постоянно, и переселение на них православных крестьян из внутренних густонаселенных губерний. Переходящих из православия в иное исповедание лишать земельного надела и выселять в инославные общины.

и 7. Выделение Холмской Руси в отдельное, самостоятельное от Варшавского епископство.

Несамостоятельность епископа, живущего в Холме, крайне неудобна как в церковно-административном отноше-

нии, так, и еще более, в смысле духовного влияния на паству. Пост этот, можно сказать, боевой, часто требует быстрого приведения в исполнение принятых решений, а духовный авторитет правящего епископа должен стоять высоко во мнении прихожан, что не всегда достижимо при его зависимом в настоящее время положении.

Алексин, Тульской губ.
16 мая 1905 г.

———

Быть или не быть православно-русскому Холму

Лица, участвующие в вершении судеб нашего Отечества, утверждают, что злополучный, но огромной важности вопрос об освобождении русского Холма из польской паутины сдвинулся с мертвой точки, на которой стоял со времени последнего своего возбуждения в 1905 г., и будто бы в скором времени будет внесен на уважение разума и совести Государственной Думы. Кому известно положение русской православной Холмщины, в которое она поставлена чудовищным, прямо невероятным злоупотреблением воинствующим польским католицизмом, Законом 17 апреля 1905 г. тому совершенно ясно, что если для охранения русского православного населения Забужья[1] и раньше установления свободы совести предполагалось выделение его из состава польских губерний, то с 17 апреля 1905 г. это стало вопросом жизни или смерти для местного русского дела. Неустанные ходатайства о том холмских деятелей во главе с достойнейшим епископом Евлогием встретили, как и следовало ожидать, горячее сочувствие в сердце православного Государя, повелевшего разрешить вопрос о выделении Холма в самом непродолжительном времени. Во исполнение сего Высочайшего распоряжения предержащие власти вступили в переписку и обмен мнений. Но тут оказалось, что дело крайне

простое и совершенно ясное с русской, православной точки зрения, в интересах которой и должно бы разрешиться, вовсе не так просто и ясно уложилось в умах прикосновенных к делу властей, и чем больше строчили перья правительственных канцелярий, тем более набухало, усложнялось и путалось дело. Одна власть нашла закорючки административные, другая экономические, третья политические, стратегические, одним словом, оказалось сколько голов, столько и умов и притом один другого убедительнее доказывавших, что для разрешения вопроса согласно интересам Русского православного народа и Русского Государства встречается уйма непреоборимых препятствий. И вот русское дело огромной важности, *настоятельной спешности* захлебнулось в пучине явного и тайного противодействия, как это по какому-то фатальному предопределению случается со всеми полезными для Русской Земли начинаниями, в противуположность изумительной скоропалительности, с которой удовлетворяется и проводится в действие все ей вредящее. Три с лишком года молил кого следует досточтимый епископ Евлогий о скорейшем спасении тающих остатков своей православной Холмской паствы, встречая любезнейшее сочувствие на словах и обещания пустить вопрос о Холме в первую же очередь, но с тех пор прошло много очередей, а чья-то властная рука продолжала его удерживать под спудом. Но вот, как говорят компетентные лица, оно будто всплыло на поверхность и уже находится в преддверии Таврического дворца и, следовательно, близится к своему разрешению.

Однако имеются ли причины радоваться русским православным людям приближению этого решительного момента в тысячелетней истории Холмского края? Если бы наша Государственная Дума представляла действительно русское национальное учреждение, проникнутое любовью к Родине, к своей Православной вере, к русским историческим заветам, тогда можно было бы безошибочно наперед сказать, что вопрос будет разрешен в русских интересах, требующих

отделение Холма от польских земель. Но такова ли наша Дума? Такими ли чувствами она проникнута? Много ли в ней «достойнейших», которым дороги нужды Русского народа и торжество и незыблемость Православия? Увы, целый ряд явлений, имевших место в ныне существующей Думе (о первых двух и говорить нечего), ясно указывает, что не только левое крыло Думы, уже, очевидно, враждебное основным началам Русской государственности, но и ее главенствующий и руководящий центр, представляющий засилие большинства, озабочен не столько нуждами Русского народа, сколько «укреплением в стране конституционных начал», вернее сказать, – своей суприматии[2], как об этом в Думе и вне ее неоднократно заявлял главнокомандующий тощею в стране, но взявшую засилье в Думе, октябристскою партиею, г. Гучков и его соратники. При этом припоминается нам, что этот влиятельнейший, по каким-то неисповедимым и необъяснимым судьбам, политический счастливчик, высказался за несвоевременность возбуждения вопроса об отделении Холма, как было сообщено газетами. Но если таково отношение к Холмскому мероприятию вожака, командующего Думским большинством, то ясно, что оно будет если не провалено, то сдано на вечные времена в одну из Думских комиссий, из которой если когда и вынырнет на свет Божий, то разве тогда, когда в Холме не останется Православия, невозбранно и по днесь расхищаемого ксендзами, при содействии польского магнатства, не стесняющихся ни ложью, ни угрозами, ни насилиями и преступлениями; а с Православием исчезнет и Русский народ, ибо там католик и поляк синонимы. Мы уже не говорим о том, что вопрос о выделении Холма встретит энергическое противодействие всей инородческой группы Государственной Думы с польским ко́ло во главе и всех инородческих прихвостней, начиная с кадет и левее, а может быть, и правее, вплоть до именуемых «крайними правыми», да и то, если они станут на точку зрения чисто русских не вероисповедных, а национальных интересов, так как с грустию надо признаться, что есть очень много, так

сказать, православных либералов, вполне одобряющих закон 17 апреля, несмотря на страшное оружие, которым он снабдил всех недобросовестных врагов Православия, беззастенчиво им пользующихся. В частности, по отношению к Холму они, т. е. православные либералы, держатся такого мнения, что массовые отпадения из Православия в католицизм есть естественное возмездие за насилия при присоединении из унии в Православие в семидесятых годах прошлого столетия и обнаружение последствий бездеятельности местного духовенства, оказавшегося не на высоте своего положения. Трудно теперь с точностью измерить и определить степень насилия над униатским населением Холма при воссоединении его к Православию, но для всякого знающего *теперь* религиозный дух православных холмичан остается вне всякого сомнения, что массовый переход в католицизм мог быть результатом только тех невероятных насилий над личностью, имуществом и совестью несчастных беззащитных, на которых накинулись, как свирепые волки, ксендзы и польщизна. Что касается до качества местного православного духовенства, то, не отрицая возможной его беспечности в охранении своей православной паствы и укрепления ее в вере предков, все-таки надо признаться, что в сравнении со страшной безнравственностью католических попов оно обнаружило гораздо более нравственного достоинства уже по одному тому, что не позволило себе прибегнуть ни к одному из тех предосудительных приемов для удержания православных, которые без стеснения практиковались католическим клиром для их совращения. К этому необходимо еще прибавить, что католическо-польское население и интересы католической церкви пользовались всегда сильною поддержкою польских состоятельных классов и нашего собственного Правительства по настояниям Римской курии, а Православие прозябало, предоставленное самому себе, не пользуясь ни поддержкой местных русских властей, ни заботами центрального Правительства. Стоит только проехать по Холмскому краю, чтобы убедиться в этом воочию. В то

время когда для католиков сооружаются великолепные костелы, русские православные люди ютятся в крохотных деревянных полусгнивших церквах, построенных еще в 17—18 столетии, качающихся от ветра и вмещающих зачастую не более десятой части всех прихожан. Местное население, как польско-католическое, так и русско-православное, одинаково бедны и самостоятельно не в состоянии соорудить себе соответствующих потребности храмов. Но в то время, когда среди русских нет ни одного местного землевладельца, кроме отсутствующих больших чиновников, получивших имения на льготных условиях после бунта 63 года, сданных в аренду евреям и полякам, среди польских землевладельцев много богачей-магнатов, употребляющих всю силу своего состояния и влияния на пользу своей веры и народности. Правительство же оставалось совершенно безучастно к жалкому состоянию православных церквей края.

Как велики сила и влияние местных польских магнатов, может служить характеристикой следующее истинное происшествие из печально позорной эпохи лета 1905 г. В г. Замостье ежегодно в день Св. Николая Чудотворца, 9 мая стар[ого] стиля, собирается все окрестное православное население и духовенство с епископом во главе для торжественного служения в древнем храме имени этого святого. Многие тысячи народа стекаются сюда, каждый приход со своими хоругвями и образами, и служения совершаются не только в храме, но и в поле молебствуют и слушают проповеди. Католический Люблинский епископ Ячевский, сорок лет не бывавший в Замостье, с очевидною целию парализовать православное торжество, назначил свой приезд туда же на то самое число, несмотря на отсутствие каких-либо побудительных к тому причин, оставив без малейшего внимания намек местного губернатора на неудобство одновременного прибытия в город обоих епископов. Тогда главный начальник края, каковым был генерал Максимович[3], потребовал от Ячевского, уже прибывшего в Замостье с великой помпой, устроенной ему гр. Замойским, чтобы он немедленно явил-

ся к нему в Варшаву. Ячевский уже готов был повиноваться, но граф Замойский настоял, чтобы он остался, а сам поехал вместо него в Варшаву, откуда и была немедленно получена телеграмма, разрешающая Ячевскому оставаться в Замостье. Вот вам пример дряблости нашей власти и ее всегдашней готовности спасовать пред всяким иноземным, иноверным или иностранным нахальством.

Итак, никакой надежды на благополучное и беспроволочное решение вопроса о выделении Холма из состава польских губерний в законодательном порядке, чрез Гос[ударственную] Думу – нет. Но вот вопрос, который для непосвященного обывательского ума представляется неразрешимым и, по правде сказать, весьма недоуменным. К чему потребовалось *законодательное* разрешение этого чисто административного или, если хотите, административно-государственного вопроса? Почему и какой нужен закон для перечисления нескольких уездов, ради пользы местного населения, из одного административного округа в другой? Что эти уезды выделяются из состава польских губерний в состав русских или в особую губернию – это ровно ничего не значит; это дело такого же внутреннего административного распорядка, как перечисление, напр[имер], Белевского уезда из Тульской губернии в Калужскую. Каким образом может подлежать компетенции законодательных учреждений вопрос об административных границах губерний, их величине и всего касающегося удобств управления? Казалось бы, что, если уже существует определенный Основными Законами порядок верховного управления, то к какому же вопросу он может быть более применим, если не к этому? Уж если суждено быть у нас законодательной Думе, ну и пусть она законодательствует, т. е. определяет права и обязанности лиц и учреждений и наказания за их нарушения, но при чем же тут размежевание административных единиц? Несомненно, что одна из причин плохой работоспособности Государственной Думы заключается в перегружении ее совершенно излишним балластом занятий, ничего общего с ее прямым назна-

чением не имеющих. Помилуйте, прибавка каждой будки сторожевой на границе или железной дороге, постройка какой-нибудь бани, назначение лишнего станового или урядника — все это числится в числе законодательных вопросов, подлежащих секции «народных представителей». А наряду с этим уже совершенно неизвестно, с какой целью допускается пустопорожняя болтовня по иностранным и военным делам, ведению Думы вовсе не подлежащим, но очень охотно и пространно дебатирующимися почтенными членами этого учреждения, ибо почему не поболтать без всякой ответственности за то, что смелет ретивый язык? А тут еще вносятся чисто административные вопросы. Нам скажут: так следует по закону. Спорить не станем, хотя сильно в этом сомневаемся; но если существует нелепый или неудобный закон, надо его изменить. Раз у нас существует Самодержавный Государь и определен порядок верховного управления, то какие же могут быть препятствия к разумному и беспрепятственному течению Государственной деятельности, теперь тормозящейся совершенно излишней свалкой в Думу мелочных и не подлежащих ее ведению вопросов. И вот вместо того, чтобы оживить деятельность Государственных учреждений, новые законодательные аппараты еле-еле тащатся от громадного избытка бесполезного трения. А ведь в Холме страдает и гибнет около полумиллиона русских православных душ. За сербов, болгар и других братушек мы волновались не по разуму, а вот своих родных русских оставляем под зарез, и горюшка нам мало!

Холмский вопрос требует решения сейчас, немедленно: он поважнее всех бюджетных, штабных и броненосных и славянских вопросов. Посмотрим, кто, какая власть спасет этих русских людей и увидим, есть ли в России Власть, способная защитить Русский народ и Веру православную. Но, конечно, это будет не Государственная Дума.

8 апреля 1909 г.

Холм и ожидающая его участь

I

Приближается время открытия деятельности Государственной Думы и вместе с тем время решения участи многострадального Холма, этого авангарда Православия в Европе, сотни лет принимающего на себя яростные атаки католицизма. Прежде, до 1905 г., русская государственная власть стояла на стороне Православия и, худо ли, хорошо ли, поддерживала Холмское население в религиозном отношении, хотя мало заботилась о внешнем благолепии храмов религии, признаваемой в Русском Царстве господствующей, чтобы привести их в мало-мальски приличный по сравнению с монументальными костелами вид. Но с закона 1905 г.[1], понятого и истолкованного превратно как русскими администраторами, безучастно смотревшими на возникшие в Холме безобразия, так и иноверием вообще, а католицизмом преимущественно, Холмская Русь предана на произвол польских бискупов, ксендзов и подстрекаемого ими польско-католического населения, при деятельном и материальном участии местных магнатов-землевладельцев. Русская власть спохватилась уже тогда, – nous arrivons toujour trop tard[2], – когда сотни тысяч обманом, лестью, утеснениями и насилием были перетащены в костелы и, следовательно, ополячены. Правда, было много переходов в католичество и добровольных, но несомненно и то, что едва ли не больше совращено угрозами и насилием. Учесть же хотя приблизительное количество тех и других не представляется ни малейшей возможности.

В настоящее время острый, – так сказать, погромный, – период для православного Холма окончился; явные, наглые нападки на него прекратились, и наступило как будто бы успокоение. Но это наружное спокойствие обманчиво: борьба католицизма ведется с упорством и настойчивостью, нисколь-

ко не ослабевающею. Она изменила только форму и способы действий, сообразно с потребностями несколько изменившегося положения и того материала, с которым приходится иметь дело. За отпадением в католичество всех слабых, легко поддавшихся угрозам и улещиваниям, теперь совратителям приходится иметь дело с устоявшим против бури православным русским населением, да и власть поняла ошибочность своего полного безучастия к окатоличению и ополячению, и в значительной степени перенесла свои симпатии на русскую сторону. Сообразно с этим и способы совращения приняли другую форму: наглое насилие сменилось материальным притеснением, бесстыжий обман – лисичьею хитростью. Так, в поместьях и ординациях предлагают переходить православным служащим и рабочим в католичество под угрозой расчета; строятся костелы среди сплошного русского православного населения, поощряются смешанные браки, причем католическому супругу или супруге вменяется в непременную обязанность настоять на обращении другой половины в свою веру. Одним словом, радетели польской справы пользуются малейшим благоприятным обстоятельством для увлечения православно-русского народа в свои сети.

Принимая во внимание все, что пришлось пережить и перестрадать беззащитной Холмской Руси, надо удивляться не тому огромному количеству отпадений, которое было последствием Закона 17 апреля, а тому, как еще могло сохраниться Православие на этой прекрасной окраине, забытой коренной Россией и Правительством. Но пламень чистой веры, чуждой всякого сомнения, ярко горит в сердцах оставшихся верными своей Церкви холмичан, и правительству, при разумных мероприятиях, было бы очень легко сделать необоримым этот передовой пост Русского Государства и Русского дела.

Капитальною мерой для сего считается в настоящее время выделение населенных православными частей Седлецкой и Люблинской губерний в особую административную единицу. Нет сомнения, что обособление Холмщины в самостоятельную губернию крайне необходимо для устранения

подавляющего влияния польской массы, но можно ли надеяться, что вопрос этот найдет сочувствие космополитического, инородческого и революционного большинства третьей Гос[ударственной] Думы и будет ею решен беззамедлительно в положительном смысле? Что-то весьма сомнительно. Ведь главная, или, вернее, единственная причина возникновения предположения о выделении Холма – защита местного православного населения от окатоличения, а Дума незадолго до своих каникул обнаружила весьма ясно, на какую защиту от нее может рассчитывать дело Православия. Всего вероятнее, что она отвергнет законопроект о выделении Холма, для чего, конечно, не будет недостатка в весьма благовидных предлогах, или же, если центр устыдится слишком явного предательства «господствующей» веры, то найдутся предлоги отложить решение этого спешного дела до греческих календ. Но если бы даже, преодолев сверх ожидания все препятствия, выделение Холмщины и осуществилось, то в тех границах, в которых это намечено законопроектом, оно едва ли может быть удовлетворительным, ибо границы эти не совпадают с историческими и оставляют в пределах польских губерний более 20 тысяч православного населения, которое тогда нужно будет считать окончательно погибшим и для Православной Церкви, и для Русской народности.

Так, в одном Щебрешинском уезде отрезывается более 11 тысяч православного населения. Это очень ясно сознается и самими отрезываемыми от Холмской губернии и их сильно тревожит. Находятся селения, которые, узнав предстоящую им участь, решились, если их оставят за границей, продать землю и переселиться в Россию, или куда бы ни было. И такое решение понятно и неудивительно для тех, кто лично знаком с краем и знает, какое огромное значение имеет религия для его населения.

Нигде, кажется, в России не сохранилось религиозное чувство в такой силе, в такой чистоте, чуждой всякого сомнения и рассуждения, как в этом истаявшем остатке Червонной Руси. Нам довелось быть в Холме во время его годо-

вого праздника, 8 сентября, когда со всех сторон за десятки верст стекаются туда на поклонение иконе Холмской Богоматери десятки тысяч народа. Надо было видеть, *как* молится, *как* ведет себя этот народ, как относится он к своей святыне, чтобы понять, какое огромное значение играют в его жизни религия и внешние проявления народной веры. Двое суток – 7 и 8 сентября – вся огромная площадь, расстилающаяся вокруг Соборного храма, ее окрестности и сады залиты народом, очевидно, нарядившимся для этого торжества в лучшие свои одеяния. При этом нельзя не отметить весьма характерную особенность: большинство мужчин носят свои нательные кресты не под рубашкой, а наружи, на груди, на разноцветных лентах, а женщины щеголяют даже многими образками, навешанными в виде ожерелья вокруг шеи. Двое суток собравшийся народ жил около своего храма, большинство на открытом воздухе, потому что нескольких сот палаток, доставляемых войсками, и Холмских строений и навесов едва хватает, чтобы поместить десятую часть собравшихся. Двое суток народ тут молился, подкреплялся принесенными с собой запасами, состоящими из хлеба, творога и масла, – других я не заметил, – и отдыхал. Но, что всего замечательнее, так это то, что за все время праздника не видно было ни одного не только безобразно пьяного, но хотя бы заметно выпившего. Не знаем, было ли это результатом мер, принятых администрацией, но обыкновенно они не препятствуют охотникам до спиртных напитков «нарезаться» всласть, – тем более в городе, переполненном жидами, полиции едва ли удалось бы прекратить тайную продажу вина, будь на него большие охотники. Но поведение собравшейся массы народа было образцово-чинно: ни пьяных, ни крика, ни брани, ни неприличных слов. Сдержанный гул огромной толпы нарушался лишь пением в одиночку или хорами нищих, преимущественно слепых, под аккомпанемент кобз, гармоний и даже скрипок. Но и эти вели себя очень хорошо, не приставали к проходящим, не шлялись в толпе, а разместились вдоль проходов и аллей и уже не двигались с места; да и было их очень

немного, около 170 человек – на сборище по меньшей мере в 20 тысяч человек.

В числе гостей радушнейшего епископа Холмского Евлогия находился в это время весьма известный член Государственной Думы, граф Владимир Алексеевич Бобринский[3], который теперь лично знает, что́ такое Холмщина и какое значение она имеет как русский передовой православный форпост. Он достаточно познакомился там и с характером населения, и с деятельностью причтов и монастырей, он слышал местных православных проповедников, и, хотя после объезда Холмской земли он направился под гостеприимный кров г. Дымши[4], но мы надеемся, что беседа с ним не изгладит впечатлений, вынесенных графом раньше, и законопроект, обеспечивающий Холмскую Русь от насильственного окатоличения и ополячения, найдет в нем горячего и убежденного защитника в Государственной Думе.

II

Не могу отказаться от желания привести еще один пример, показывающий силу привязанности оставшегося верным Православию населения своим святыням. Холмщина, как я уже говорил, изобилует старыми, тесными, полуразвалившимися деревянными храмами. Нашлось лицо, пожертвовавшее достаточные средства, и вот для одного прихода, взамен старого, пришедшего в полную негодность храма, рядом с ним соорудили просторный, красивый, каменный. Приход радовался этому приобретению, всячески способствовал успеху постройки, и, наконец, дело доведено было до конца, и новый храм торжественно освящен при стечении огромного количества народа. Когда все уже было окончено, то старый ветхий храм оказался наполненным рыдающими и стонущими прихожанами, пришедшими проститься с ним как с дорогим покойником. На замечания, что им, обладателям нового прекрасного храма, печаловаться, кажется, некстати, они отвечали: «Как же нам не горевать, расставаясь с храмом, в

котором сотни лет молились наши отцы и деды, где они и мы крестились, брачились и отпевались». Не правда ли, – характерное явление, ярче всего определяющее силу религиозного чувства местного населения, для которого его храм – нечто родное ему, близкое, которое он любит, несмотря на его ветхость и неказистость, и жалеет его, даже меняя на сравнительно дорогое и роскошное!

И вот такой-то народ польско-католическая справа, искажая и злоупотребляя Законом 17 апреля, силится всеми способами оторвать от его исповедания и национальности. В настоящее время идет жаркая, деятельная подпольная агитация. В костелах, поместьях и ординациях составляются адреса и собираются подписи о якобы нежелании народного выделения. Вместе с тем, выпускаются подпольные листки местного и Краковского изделия с самой остервенелой клеветой на Россию и ее Правительство. Так, напр[имер], в июне сего года в Кракове редакция *Поляка (Polaka)* выпустила листок-воззвание «К жителям земли Подляшской, Брестской, Холмской и Люблинской» (Do mieszkanéów ziemi Podlaskiej, Brzeskiej, Chelmskiej I Lubelskiej), наполненной самою отчаянно-злобною ложью ради возбуждения польско-народных страстей в ненависти ко всему Русскому. «150 лет минуло, – пишут авторы этого возмутительного воззвания, – когда Москва первый раз выкупала в крови исповедников Униатского костела (заметьте: костела, а не церкви), умерщвляя по повелению Царицы Екатерины 200.000 беззащитных униатов на Украйне. С той поры лились потоки невинной крови народа, который не желал отречься от веры отцов своих. Не было такой казни, не было таких мучений, которыми Московское Правительство не мучило бы исповедников Римского костела (каков переход от Униатского к Римскому костелу). Народ униатский заковывали в кандалы, заколачивали в дыбы, издевались, мучили его бесчеловечно. Жгли огнем униатские селения, тысячи людей гнали в Сибирь, жителей целых деревень расстреливали, закалывали штыками». И далее: «Четыре года назад, казалось, указ о веротерпимости по-

ложил конец вашей недоле… Но вскоре сорвалась новая буря, страшнее прежней… Вас ожидает еще одно испытание, предстоит последний бой! Если теперь проиграете, – погибнете навсегда. Отрезанные от влияния Польши, этой доброй матери (!!), которая в продолжение стольких веков прикрывала вас, захваченные в железные клещи новой Холмской губернии, вы заживо будете погребены в ней. Правительство устами Евлогия и попов говорит ясно, что в Холмской губ[ернии] вы обратитесь в Православие, а ведь мы знаем, что Москаль в течение 150 л[ет] не обращал иначе, как мукою, пыткою, пулею, штыком и кнутом. Это – символы его души, его науки и религии». Затем идет воззвание на бой. «Настало время, когда жизнью нужно будет заплатить за лучшую будущность для своих… Теперь еще можно победить с великой славой. Если же не начнете войны безотлагательно, ожидает вас позор, неволя и истребление».

Вот такими-то яростными воззваниями стараются и домашние, и галицкие поляки возбудить население против выделения Холма, смешивая жалкую историческую судьбу Польши, виновниками которой были никто иной, как сами поляки, с униатским вопросом, этим ехиднейшим изобретением католицизма, имеющим общее с польским только одну цель: ополячение и окатоличение русского народа. В музее Св. Богородицкого Холмского братства имеется ряд портретов униатских епископов, по которому можно наглядно заключить, что уния служила лишь переходной ступенью к католичеству. Первые униатские епископы ничем по наружности не отличались от православных: ходили в бородах и носили то же одеяние. Но чем дальше шло время, тем более и более отделялись они от православного обличья, и, наконец, последние уже ничем не отличались от католических прелатов.

Так было и по внутреннему содержанию униатской церкви.

Да, много, очень много врагов отделения православного Холма от польско-католического засилия, и если бы вопрос этот, несмотря на все препоны, и разрешился в благоприят-

ном смысле, то этим дело далеко еще не исчерпывается, и предстоит Правительству очень серьезная и трудная задача организации новой Холмской губернии. Боже сохрани, если оно вздумает выравнивать ее во всем по образцу русских губерний и пренебрежет всеми местными особенностями, в которых народ привык жить, к которым приспособились его нравы, надобности, взаимоотношения, словом сказать, весь его жизненный обиход, очень отличный от великорусских, а может быть, и от соседних малорусских губерний. Петербургское чиновничество привыкло действовать «по бывшим примерам», и, чего доброго, начнет с «обрусения» этой губернии применительно к прочим. Это будет огромною ошибкой, которая может повести к результатам прямо противоположным имеющемуся в виду, – к духовному отторжению Холма от Великой России, на этот раз уже непоправимому. От такого неосмотрительного шага мы и считаем долгом предостеречь власть имущих.

Москва,
16 сентября 1909 г.

———

Финляндский вопрос

To be or not to be?[1]

«Терпение, терпение», – рекомендовал нам, отправляясь на войну с японцами, наш неудачливый главнокомандующий. И воистину он безошибочно угадал, что именно эта способность будет нам в последующем нужнее всех остальных свойств человеческого духа.

Эти испытания нашего терпения теперь снова повторяются позором так называемого финляндского вопроса. Странное и притом, однако, постоянное явление можно наблюдать при настоящем, обновленном и якобы усовершенствованном государственном строе. Как только возникает какой-нибудь

вопрос, имеющий существенное значение для Русского Государства и русского населения, как только вносится Правительством законопроект, клонящийся к пользе России, так он непременно встречает непреодолимую кучу затруднений, самый простой вопрос осложняется до совершенной запутанности и, наконец, окончательно замирает, задушаемый какими-нибудь пустейшими запросами о не закономерности того или другого Правительственного агента или учреждения или выдвигаемыми на первую очередь такими «неотложной» важности делами, как, напр[имер], вопрос о праздничном отдыхе служащих в складах и конторах. Достойно примечания то обстоятельство, что подобной участи бесконечной канители или окончательного провала подвергаются именно все мероприятия, неугодные нашим инородцам.

Но как ни слабохарактерна, как ни устойчива наша политика, все же мы, русские обыватели, вправе на этот раз ожидать твердости и непоколебимости в деле, в котором, кроме интересов, замешаны честь и достоинство Государства, Верховной Власти и, наконец, кровавые жертвы народные.

Каждому из нас, получившему хоть в умеренной дозе образование, известно, что Финляндия завоевана Россией и уступлена ей Швецией по Фридрихсгамскому трактату в вечное *державное* обладание. Нам известно также, что Финляндия *никогда* не была самостоятельным Государством, а была шведскою провинцией, управлявшеюся общим со Швецией порядком. «Акты соединения» и «Формы правления» не дали Финляндии ни в малейшей степени государственной автономии перед Швецией, и потому не могли превратиться в автономные государственные хартии при переходе ее под власть России. Десятки русских знатоков, изучавших отношение финляндской окраины к России, единодушно свидетельствуют, что все автономно-государственные претензии ее суть не более, как грубейшая фальсификация и ложное толкование деятельности Императора Александра I и значения Боргоского сейма[2], кстати сказать, имевшего место *до* покорения Финляндии и закрепления ее на вечные времена Фридрихсгамским договором.

Фридрихсгамский договор делает Россию полным хозяином покоренной страны, которой положение в Империи должно вполне согласоваться с ее пользами и нуждами. Если разным политическим пройдохам вроде Чарторыйских, Армфельдов и иных, пользуясь бесконечною добротой наших Государей, удавалось обманами и подтасовками добиваться для своих окраин льгот, не отвечающих пользам России, то это еще не значит, что приобретенное подобным манером должно оставаться неприкосновенным и даже развиваться в будущем, и теперь пришла самая пора положить раз навсегда конец притязаниям финских политиканов, ободряемых и поощряемых слабостью и нерешительностью нашей политики.

Несмотря на то, что столкновение между Финляндией и Империей представляет наше внутреннее, домашнее дело, никого не касающееся, в него, по настойчивому побуждению финнов, нагло вмешиваются какие-то невежественные профессора, живописцы, аптекари германские, английские, голландские, какие-то торгаши, осмеливающиеся заявлять о своих убытках, проистекающих от политики России по отношению к Финляндии, и все это происходит без всякого удержа со стороны властей *дружественных* нам держав, допускающих такое вмешательство разных проходимцев во внутренние дела России. Вот до какого позора дожили мы в нашем «обновленном», «усовершенствованном» строе! Нас третируют, как совершенно ничтожную величину, которой может указывать линию поведения любая компания налитых пивом немецких бюргеров и английских торгашей. И, к тревоге всех дорожащих достоинством Русского народа, уже носятся какие-то зловещие слухи о колебаниях, смягчениях, отступлениях.

Но такое оскорбление русских народных чувств, это пренебрежение русского права может стать последнею каплей, переполнившею чашу нашего поистине невероятного терпения.

Правительству невозможно теперь ни на одну пядь отступать от выработанной им программы взаимоотношений Финляндии к России.

Бояться каких-нибудь крайностей со стороны финнов едва ли основательно, во-первых, потому, что домогательства, ими предъявляемые, составляют лишь выражения вожделений политиканов, а вовсе не настоятельную нужду народа, который едва ли вооружится на защиту честолюбий Свинхувудов, Мехелинов и К°, а во-вторых, потому, что, доведя дело, как теперь, до крайности, финские политиканы рассчитывают именно только застращать нас, надеясь по неоднократному опыту на нашу податливость пред наглостью.

Не следует забывать, что финляндцы, ссылающиеся на какую-то мифологическую конституцию, данную им якобы Императором Александром I, однако до 1863 года просуществовали без сейма, т. е. без того учреждения, в котором могла только выразиться их особая государственность, и нисколько таким положением *народ* финский не тяготился, а богател и развивался. Именно с открытием первого сейма и начали расти притязания политиканов, и чем больше уступок делалось с нашей стороны, тем больше разрастались аппетиты, достигши теперь до совершенно неудовлетворимых размеров.

Наши печальники о финляндских интересах вопиют, что настоящая политика нашего Правительства по отношению к Финляндии есть стремление к ее насильственному обрусению, начатому покойным Бобриковым. Не знаем, как определить эту заведомую ложь. В чем же заключается обезличение данной народности? Только наглая клевета может утверждать, что русское Правительство когда-либо насиловало совесть финнов, преследовало их верования и искореняло язык. Оно стремилось только для общей пользы всей Империи и в том числе самой мятежной провинции объединить железнодорожные пути, почтовую организацию, кредитные учреждения и т. п.

Конечно, эти мероприятия несомненно послужили бы к более тесному сближению Финляндии с Россией, но вот этого-то и не требовалось честолюбивым сепаратистам, потому что с ними терялась почва для создания из Финляндии отдельного независимого от русской власти Государства, подчиненного фактически некоронованным Мехелиным, Лангофам и др. Их

в особенности рассердило Высочайшее повеление, чтобы все представления по финляндским делам проходили чрез Совет Министров. Казалось бы, невозможно отрицать право Государя советоваться о государственных делах с кем Ему заблагорассудится. Этого права не лишен ни один простой смертный. Если даже признать Финляндию за отдельное Государство, то и в таком случае претензия устранить от обсуждения их дел Царских советников совершенно бессмысленна. Но вновь учрежденный порядок устраняет возможность лжи и искажений, которые широко практиковались раньше, препятствует обманным образом вызывать такие распоряжения Верховной Власти, которые служат во вред русскому делу. Теперь этому положен предел и отсюда бешенство финских политических шулеров, лишенных своих крапленых карт.

Теперь финляндская освободительная игра зашла слишком далеко, затягивать ее более было бы со стороны русского Правительства непоправимою, прямо сказать, гибельною ошибкой. Дерзким домогательствам финляндских честолюбцев должен быть положен решительный предел. Если Финляндия не может собрать иного сейма, как только изрыгающего хулу, дерзости и отрицание всяких прав народа-покорителя, то в управление зазнавшейся областью должна вступить русская власть во всей ее полноте. Все коноводы и подстрекатели к отторжению области от Империи должны понести наказание как мятежники. Объединение области с Империей в экономическом отношении должно быть проведено всесторонне и без малейшего колебания. Ввиду того, что Финляндия в последние годы служила очагом всех революционных замыслов против России, высылая в нее грабителей и убийц и давая им безопасное пристанище, в ней должно быть учреждено русское полицейское управление, и до полного успокоения страны и восстановления в ней нормального течения жизни должно быть введено военное положение.

Всякие колебания, всякие уступки поведут только к ухудшению положения.

Но всего хуже было бы, если бы мы остановились на полумерах, вздумали кое-как заштопать политическую прореху.

Гораздо лучше нам тогда вовсе отказаться от какой бы то ни было связи с этою страной.

10 мая 1910 г.

О «свободе совести». Вопрос архипастырям

В столице Государства, в котором Православная вера считается якобы господствующей, через тысячу лет по свержении язычества вновь строится величественное буддийское капище и воздвигаются идольские изображения[1].

Таковы естественные последствия провозглашения принципа «свободы совести», который ни в каком случае нельзя смешивать с понятием о вероисповедной терпимости. Последняя не нуждалась в провозглашении, ибо существовала в России всегда для всех исповеданий. Пройдитесь по главной улице правительственной резиденции, Невскому проспекту: на нем гораздо больше храмов инославных, чем православных. Да и в Москве не в тайне же от начальства существовали старообрядческие и раскольничьи так называемые «кладбища» — Рогожское и Преображенское. Поэтому-то невозможно было актом 17 апреля[2] даровать то, чем уже все давно пользуются. Но, предоставляя свободу вероисповедания, старый закон заботливо предохранял исповедников господствующей Православной религии от соблазна совращений. Вот чтобы устранить эту преграду, не допускавшую инославных волков врываться в православное стадо, и была придумана лазейка, прикрытая очень симпатичным для сантиментальных сердец, но до крайности неопределенно-растяжимым и лицемерно-фальшивым определением – «свобода совести».

Всем известно, каковы были последствия этого прискорбного мероприятия. Православие оказалось отданным на растерзание и поношение католико-польскому фанатизму и ненависти в Привислинском и Западном краях; в столицах и по России зарыскали совратители туземного и иноземного происхождения,

разнося духовную заразу не только невозбранно, но часто и при благосклонном содействии правительственных блюстителей для укрощения православных протестов, когда они проявлялись.

Теперь, после нашествия Фетлеров[3] и братцев Илюшей или Иванушек, дело от искажения Христова учения дошло уже до полнейшего его отрицания, выразившегося в возникновении первого в столице буддийского храма. Евангельская истина заменяется буддийской и несомненно соблазнит многих слабоумных, доверчивых, простых русских людей, склонных к подражанию дурным примерам более развитого общественного слоя. А что среди этого слоя найдется не один идолопоклонник, в этом едва ли можно сомневаться, ибо самое появление мысли о буддийском капище было бы невозможно, если бы во влиятельных общественных сферах не существовало склонности приобщиться этому культу.

Этих, впрочем, не жалко. Влиятельный Петербург был всегда так же похож на Россию, как горилла на человека, и в такой же мере знал ее чувства, жизнь и потребности. Жаль именно простых людей, подвергаемых соблазну и отторгаемых от спасения в лоне Православия.

Естественно, что такие прискорбные последствия «свободы свести» возбуждают смущение и опасения в православных людях, и вызывают печальные жалобы и протесты как единственно доступный им способ выражения своих чувств и доведения их до сведений сфер, распоряжающихся судьбою Государства. Правда и то, что эти обывательские вопли оказываются почти всегда гласом вопиющего в пустыне, но все же у пишущего есть хоть искра надежды, что авось, мол, глаз властного лица случайно упадет на скорбные строки в такую благоприятную минуту, что смягчит его сердце и прояснит ум для принятия мер, удовлетворяющих обывательские интересы.

Но уже не только смущение, а прямо-таки охватывает отчаяние, когда видишь, что и у столпов Православной Церкви не находится другого способа защищать ее от расхищения, как изливая свою скорбь на газетных страницах. До сих [пор] мы были уверены, что у архипастырей наших есть более надежный

путь к защите вверенного им Божественным промыслом православного стада, что они имеют возможность опереться на более надежную твердыню защиты родной веры и указать непосредственно власти опасность, грозящую исповедникам «господствующей» религии. Мы, православные рядовые, имели полное право предполагать, что, хотя мы о том и не осведомлены, но что архипастыри наши предстательствовали пред властью об устранении враждебных Православию и вредных Русскому народу явлений, и если все-таки они кончили бесплодным излиянием своих сердечных прискорбий в такой же безнадежной форме газетных воплей, как и мы, маленькие люди, то это возможно объяснить только тем, что все более существенные и более отвечающие их сану попытки потерпели крушение, что власть не вняла предстательству блюстителей Православной веры, и им остался единственный способ оплакивать расхищаемое Православие и вопиять о спасении его к небу, как и нам грешным, – на страницах тех немногих газет, которым дорога родная вера и будущее Русского народа, от Православия неотделимое.

Но мы, православные люди, имеем право спросить высокопреосвященного Макария[4] и преосвященного Никона[5] и прочих печатавших скорбные статьи об идольском нашествии, что именно предпринимали они пред властью для устранения позорища Православия, что предпринимали в этом отношении и другие иерархи и Синод, и какая неудача их постигла, что им остался только один путь – газетных статей?

2 ноября 1910 г.

———

Холмская волокита

I

Вопрос о Холмщине на эту сессию похоронен. Так сообщают из Петербурга от 26 апреля «по телефону».

Ожидать иного решения этого вопроса от тех истинно нерусских людей, которым вверена участь исконно право-

славного русского края, было бы непозволительною наивностью. К приведенному телефонному сообщению можно не только с большею вероятностью, но почти с достоверностью прибавить, что выделение Холмщины похоронено не на одну эту сессию, но и на все будущие, как ныне действующей Думы, так и всех последующих, пока они будут составляться существующим способом, допускающим возможность и даже преимущественно попадать в число «достойнейших» враждебным инородцам и неукротимым противникам не только существующего, но и всякого государственного благоустройства, при котором они не могут захватить в свои руки власть. Нас удивляла, признаться, добродушная доверчивость некоторых членов Гос[ударственной] Думы, горячих сторонников выделения Холма, не сомневавшихся в том, что вопрос непременно решится в текущую сессию, и даже называвших день, в который он будет внесен на обсуждение этого удивительного собрания, в котором на каждого здравомыслящего честного русского человека приходится по десятку озлобленных врагов России и авантюристов, охотящихся за властью и потому поглощенных «тактическими» для достижения своей цели соображениями, а не заботой о пользах Русского народа. Нельзя не отметить с прискорбием и то необъяснимое равнодушие небольшой группы правых членов Г[осударственной] Думы, к которым прилагается эпитет «крайних», к тем издевательствам, которым законопроект спасения сотен тысяч православных от насильственного окатоличения и ополячения подвергался в комиссии в течение последних лет.

Но, повторяем, все это при настоящем составе нашей «нижней палаты» совершенно естественно; можно было даже думать, что это неизбежно так, что без нарушения «закономерности» устранить заторможение в бесконечность образования самостоятельной Холмской губернии невозможно. Однако в этом заблуждении можно было пребывать только до 12 марта сего года, когда Правительство доказало, что в его распоряжении имеется сильно и быстро действующее средство для пользы и выгод русского населения. Мы не имеем никакого права

смотреть на применение Правительством ст. 87 Основ[ных] Законов как на положение, созданное искусственно для того, чтобы парализовать отрицательное отношение Госуд[арственного] Совета к законопроекту о земстве в Западных губерниях. Глава Кабинета[1] доказывал 2 апреля в Г[осударственном] Совете полнейшую законность приема, употребленного им для осуществления земских учреждений в Западном крае, с такою убежденностью, которая исключала всякое сомнение в искренности того, что Правительство имело несомнительное и неоспоримое право использовать ст. 87 с этою целью.

Но тем страннее и необъяснимее становится – почему оно в Холмском вопросе не применило тот же образ действия, который признало полезным в деле о западных земствах? Неужели защита не то что интересов, а самого существования православного русского населения этого древнерусского края не заслуживают проявления такой же необычайной энергии, которую выказало Правительство в земском вопросе? Не входя в критику правительственных мероприятий, вызванных отрицательным отношением Г[осударственного] Совета к западно-земскому законопроекту, в отношении их законо или не закономерности, нельзя не поразиться крайнею непоследовательностью поведения Правительства и различием его отношения к явлениям одного и того же порядка, свидетельствующим об отсутствии твердо установленной системы и ясно намеченной цели правительственной политики.

Поведение Правительства в его столкновении с Г[осударственным] Советом по земскому вопросу объяснялось его национальным направлением, защитой национальных (русских?) интересов против попрания их правыми группами Г[осударственной] Думы и Совета в союзе с оппозицией. Пусть так. Но ведь кроме законопроекта о введении земских учреждений в Западном крае на очереди, притом гораздо раньшей, стояли не менее важные в национально-русских интересах законопроекты – Холмский и об уравнении прав русских граждан с туземцами Финляндии. Во мнении всех православных русских людей национальное значение этих законопро-

ектов едва ли ниже западно-земского, а мы лично даже глубоко убеждены, что несравненно выше: в Холмском, потому что дело идет о спасении сотен тысяч православных душ от насильственно-обманного совращения в католичество при помощи намеренно искаженного толкования Манифеста 17 апреля о свободе совести, в Финляндском потому, что необходимо избавить народ-хозяин от позорно-бесправного положения в провинции, приобретенной его кровью. Однако же Правительство совершенно равнодушно терпит целые годы намеренную волокиту этих насущнейших в интересах Русского народа вопросов, и его «национализм» не возмущается и не побуждает его к энергическим воздействиям против явной обструкции думских комиссионеров, решивших не допустить их до обсуждения ни в эту и ни в какую другую сессию.

Конечно, Правительство могло иначе расценивать национальное значение помянутых трех вопросов и давать первое место земскому в западных губерниях, но и тут мы наталкиваемся на события, заставляющие думать, что и к этому вопросу оно относилось еще в недавнем прошлом довольно равнодушно и воспылало к нему неукротимым рвением, только встретив противодействие в Гос[ударственном] Совете. Об этом с достаточною наглядностью свидетельствует история возникновения западно-земского законопроекта.

Когда в Госуд[арственном] Совете от девяти западных губерний были избраны 9 поляков, то местные русские люди обращались с ходатайствами к Правительству, во главе которого и тогда был тот же г. Столыпин, об изменении способа выборов, при котором эти русские губернии имели бы возможность посылать в Совет русских представителей, а не поляков, составляющих очень незначительную, хотя и очень влиятельную часть населения. На эти ходатайства Правительство оставалось совершенно глухо, пока, наконец, русские представители Западного края не обратились непосредственно к Государю, отнесшемуся к их справедливому ходатайству с полным сочувствием.

При обсуждении же способов удовлетворения прав русского населения на представительство в Госуд[арственном]

Совете и возникло предположение осуществить это посредством введения земских учреждений с гарантией преобладания в нем русского влияния. Отсюда видно, что вопрос о западном земстве возник не вследствие сознания Правительства, что он назрел, а как простейший и удобнейший способ разрешить вопрос о выборах в Г[осударственный] Совет в интересах русского населения Западного края, которому, в свою очередь, Правительство не придавало особенного значения в виду равнодушия, с которым относилось к ходатайствам местных русских людей, пока они не обратились к верховному защитнику и печальнику о нуждах Русского народа.

Какие причины вывели Правительство из равнодушного отношения к учреждению западных земств и побудили его мечом рассечь завязавшийся Гордиев узел, закономерно или нет оно поступило, достигнет ли оно этим способом охраны национальных интересов местного русского населения – это дело его государственной проницательности и мудрости. Но мы не можем не заявить, как глубоко возмущаются чувства православных русских людей, при виде того надругательства разных инородцев и иноверцев, которому подвергается в собрании зовомых «достойнейшими» вопрос о выделении Холмщины, вернее – об освобождении части Русского православного народа от невыносимого гнета польско-католического засилья. Мы считаем благовременным напомнить Правительству *о настоятельнейшей необходимости немедленного* осуществления выделения Холмской губернии, если оно не желает, чтобы этот прекрасный край, с населением, горячо преданным Православию, был поглощен польско-католическим фанатизмом. Если где требуется подъять меч Александра Македонского, так это именно для разрубки Холмского узла, затягиваемого ныне в мертвую петлю на шее местного русского народа. Допустить похоронить Холмский законопроект будет не только позором, но и непростительным преступлением против России вообще и Холмского края в особенности.

6 мая 1911 г.

II

Странное, удивительное время приходится переживать Русскому Государству и русскому человеку. Самые простые, ясные, не представляющие никаких хитросплетений вопросы затягиваются нашими усовершенствованными законодательными аппаратами до бесконечности. Их очередь обходят законопроекты, не только не имеющие спешного, но даже и вовсе никакого, даже еще хуже – отрицательного значения. И делается это с такою систематическою последовательностью, что заранее можно безошибочно определить, какая судьба постигнет в Гос[ударственной] Думе тот или иной законопроект: шансы его на успех всегда обратно пропорциональны пригодности и ожидаемой пользе для Государства.

Так, проекты для облегчения наказаний за преступления в моменты их наисильнейшего проявления, реформы, уничтожающие народное самоуправление (волостные суды), несмотря на их очевидную непригодность, удостаиваются быстрого рассмотрения и, конечно, принимаются Думой не иначе как с поправками, усиливающими их вред, а в то же время законопроекты, существенно необходимые для восстановления и охранения прав Русского народа, остаются без всякого движения в комиссиях и канцеляриях.

К числу таких злополучных вопросов принадлежит и вопрос об отделении русской Холмщины для охранения ее от окатоличения и ополячения, за что с безграничною наглостью и попранием всех нравственных начал принялись ксендзы при могучей поддержке местных землевладельцев сплошь польского происхождения, или еще хуже – русского, но отдавших свои имения в управления жидов и поляков.

И добро бы это был вопрос новый. Но нет, он уже пережевывается десятки лет, чуть ли не со средины минувшего столетия, только с особою яркостью обозначившись в 1905 году, тотчас после объявления 17 апреля «свободы совести», когда уже до очевидности стала ясна настоятельная необходимость

немедленного выделения Холмщины из состава привислинских губерний. Эта необходимость сознавалась решительно всеми русскими людьми на всех ступенях общественной лестницы, не зараженными маниловско-инородческою сентиментальностью. Верховная власть выразила еще три года назад желание беспромедлительного разрешения Холмского вопроса. Но до чего же сильны враждебные влияния против русских интересов в русских же государственных учреждениях, если, несмотря на это, Холмское выделение с 1905 г. стоит на мертвой точке, с которой не может сдвинуться.

Энергический деятель по холмскому вопросу, досточтимый епископ Евлогий, очень опечален трагическою кончиной П. А. Столыпина[2] в особенности потому, что считал его горячим сторонником этого дела и надеялся на его могучую поддержку во время обсуждения холмского законопроекта в Думе. Трудно думать, чтобы епископ Евлогий ошибался в оценке сочувствия покойного председателя Совета Министров, но становится решительно непонятным, почему г. Столыпин, не останавливавшийся ни перед чем, как это доказал опыт проведения западного земства[3], для осуществления своих планов, оказался бессильным осуществить отделение Холма, что было совершить очень легко, ибо в холмском вопросе нет решительно ничего законодательного, – это вопрос чисто административный. Ведь рассматривается и сейчас в этом смысле проект образования в Сибири новой губернии из частей существующих, если не ошибаюсь, – Томской или Семиреченской области?

Однако участь Холмщины осталась в зависимости от господствующей у нас с 1905 г. политики партийных комбинаций и личных интересов государственных пилотов. Уже и доныне неоднократно шансы благоприятного разрешения холмского вопроса подымались, казалось, очень высоко, но какие-то внезапно появлявшиеся «конъюнктуры» отстраняли его с прямого пути в пучину забвения. Очень много, конечно, зависит от того, сочувствует или нет выделению Холма новый председатель Совета Министров. Если сочувствует,

то, скорее, можно склониться к предположению, что теперь более шансов к тому, что вопрос пройдет в Гос[ударственной] Думе в благоприятном для русских холмичан смысле. И вот почему. До 1905 года лишь очень немногие из русских общественных деятелей знали о существовании среди привислинских губерний русского оазиса в полмиллиона православного населения, и уже ровно никто не был озабочен их участью, включая сюда и высшее духовное управление. Хотя в минувшем столетии Правительство весьма ревностно принялось за искоренение унии, но, достигнув цели средствами, не всегда уместными, оно не проявило ни малейшей заботы об укреплении народа в Православии. Правда, оно образовало местный православный клир, хорошо обеспечив его казенным содержанием; но эта обеспеченность способствовала только ослаблению связи духовенства с паствой и небрежному его отношению к своим обязанностям, чем в значительной степени объясняется массовый переход в католичество после 17 апреля 1905 года. А между тем, новообращенные требовали особливого попечения со стороны своих духовных руководителей, и если бы таковое было проявлено в надлежащей степени, то можно с уверенностью сказать, что закон о «свободе совести» унес бы далеко не такое множество жертв.

Но с тех пор, как холмский законопроект дебатируется в комиссии Государственной Думы, нашлись среди ее членов несколько любознательных людей, пожелавших удостовериться: действительно ли существует на территории Люблинской и Седлецкой губерний русский православный народ, или это только выдумка преосв[ященного] Евлогия, как уверяли своих сотоварищей члены польского «коло» Государственной Думы. Часть этих соглядатаев, удостоверившись в правильности утверждений епископа Евлогия, сделались горячими сторонниками выделения православного Холма, а другая, искавшая разрешения вопроса у гг. Дымш и католических ксендзов, только их и видела в Холме и, конечно, вместе с ними пойдет против. Но уже и то важно, что в Государственной Думе будут несколько очевидцев, которым поверят более беспристраст-

ные товарищи, и противникам отторжения холмского православного населения из-под польско-католического гнета будет труднее оспаривать правду, удостоверяемую людьми, лично знакомыми с положением.

Таким образом, личное ознакомление членов Государственной Думы с Холмским краем составляет, во всяком случае, некоторый плюс к вероятности благоприятного разрешения вопроса, и если со смертью Столыпина участие к нему в правительственных кругах не понизилось, то в общем шансы образования отдельной Холмской губернии увеличились.

Но одно такое образование без других мероприятий, направленных к ограждению Православия как господствующей религии, едва ли даст какие-либо благоприятные для русских интересов результаты. Русское население края и русские в нем государственные интересы были так долго в полном небрежении, что совершенно стушевались пред инородческим и иноверческим натиском. Ввиду того, что все землевладение края, считая в том числе и майораты русских владельцев, лично в них не живущих, находятся в польских руках, в них же сосредоточено и все экономическое влияние, которым они не только широко пользуются, но и злоупотребляют для давления на Русский народ и понуждения его менять свою веру, а за нею и национальность. Русского в крае только толща населения – хлоп да поп, да еще чиновник, и все они заинтересованы в том, чтобы жить в мире с польским панством, от которого чаются всякие благостыни материальные, да и в Петербурге найдется не одна сильная рука, чтобы ублажать покорного и укротить строптивого в отношении польских вожделений. До чего велико польское засилье, и как мало оно стесняется Русскою властью, даже высоко стоящею, свидетельствует, например, хоть следующий случай. В 1905 г. наш православный епископ Евлогий должен был по стародавнему обычаю прибыть в Замостье в день празднования памяти св. Николая, 9-го мая, в честь которого имеется в этом городе старинный храм. Праздник этот сопровождался обыкновенно торжественными службами, крестными ходами при значительном стечении окрестного православного населения.

Чтобы парализовать и затмить православное торжество и доказать преобладающее значение католической церкви, Люблинский католический епископ Янчевский, никогда раньше даже не бывавший в Замостье, назначил свое прибытие туда в этот же день. В избежание столкновений между православными и католиками, весьма возможных, в виду фанатизма последних, возбужденного подстрекательством ксендзов, местный губернатор, по распоряжению бывшего тогда Варшавского генерал-губернатора Максимовича, предложил епископу Янчевскому избрать другой день для посещения Замостья, но тот не обратил на это предложение ни малейшего внимания. Мало того, когда генерал-губернатор приказал ему немедленно покинуть Замостье и прибыть в Варшаву, он не тронулся с места. Вместо него поехал граф Замойский, и Янчевского больше русская власть не беспокоила. Если уже центральная высшая власть не реагирует на своеволие польско-католических выходок, то чего можно ожидать от мелких местных чиновников, которые могут лишиться службы и средств существования по одному слову местного магната и его клевретов.

Какова их сила и богатство, можно судить из того, что, например, чуть не половина землевладения в южной части Холмщины, в уездах Белгорайском, Замостьском, Томашевском и Грубешевском, составляет собственность графа Замойского. Можно себе представить, каково его влияние в крае, где, помимо его воли, нельзя достать ни одного кирпича или бревна на постройку, а все земли его ординации (майората) находятся в эксплуатации крупных арендаторов. И надо отдать справедливость этому местному царьку, что он еще довольно милостиво относится к православному населению, живущему среди его земель. При другом могло быть гораздо хуже.

Невнимание, с которым до сих пор относилось Правительство к положению православного дела в Холме, превосходит решительно всякое вероятие. Не говоря уже о том, что ветхие, тесные, бедные православные церкви, каковыми они представляются в огромном большинстве селений, составляют поразительный контраст с величественными каменными

католическими костелами, но встречаются и уездные города, резиденции русской администрации, в которых костел стоит на главном месте города, а православная церковь удалена куда-то далеко на задворки, даже вовсе вон из города.

В таком положении находится, напр[имер], православная церковь в Красноставе (древний Щекарев, основанный Щеком[5]).

Католический костел красуется на возвышенном месте в центре города, а православный храм находится от города более чем за версту, что крайне затрудняет русским жителям города его посещение, а в осеннее и зимнее время вечерние службы почти недоступны, в особенности в ненастье и темные ночи.

А между тем, еще в 60-х годах прошлого столетия решено было построить церковь в самом Красноставе, отведена для сего площадь и отпущено 30 тысяч р. Но площадь и до сих пор пустует, а куда девались деньги – неизвестно.

При таком пренебрежении к религии, именующейся и сейчас «господствующею», мудрено ли, что ксендзы в 1905 году с успехом обманывали население, уверяя, что Царь и сам стал католиком и всем приказал переходить в католичество, а кто не перейдет, у того отымут землю. А земля в Холмщине составляет единственный источник пропитания населения, лишенного всяких иных подсобных промыслов, да почти что к ним и непригодного по неразвитию в нем предприимчивости.

Итак, если, наконец, Государственная Дума смилостивится над частью православного населения Червонной Руси и оградит его от поглощения польским засильем, то необходимо вслед за сим незамедлительно принять меры, чтобы Православная Церковь в крае была поставлена на подобающую ей высоту и значение, так и с внешней стороны. Все покосившиеся и прогнившие от старости деревянные лачуги, в которых по большей части ютятся православные храмы, должны быть заменены новыми, каменными, достаточно просторными для вмещения всех прихожан. С другой стороны, практикующаяся ныне для удобства совращения православных постройка костелов среди православных селений должна быть

решительно воспрещена. Православное население должно быть, видимо, под особым покровительством государственной власти для удостоверения, что Православие есть действительно господствующая религия, а не называемая только таковою в насмешку. Следует неукоснительно помнить, что в Холме русский и православный – совершенно неотделимы. Потеряв родную веру, русский, и не только в Холме, но и повсеместно, теряет и свою национальность, и потому забота об охране Православия необходима на первом плане при исполнении главного долга Правительства – охране Русской государственности.

15 октября 1911 г.

———

Еврейские притязания

Одна из притч Спасителя мира вещает, как некий человек сеял пшеницу на осле своем, а выросли плевелы на удивление всех слуг его. Так и теперь, Россия обильно расточает кровь сынов своих ради сохранения своей целости и защиты своего достояния от разбойного нашествия тевтонов, а на этой упитанной русской кровью почве, к удивлению всех, по крайней мере, «истинно» русских людей, вырастает целый букет инородческих вожделений и впереди всех, назойливее, хоть и бесправнее всех, вожделения иудейские. Да как и не перекричать евреям всех остальных, когда в хоре нашей печати огромнейшее большинство голосов принадлежит этому племени или таким «просто» русским людям, как г. Мережковский[1], ожидовевшим до потери всякой меры и приличия в превознесении еврейства и его интересов и подчинения им русских.

В том, что настоящее столкновение народов дало повод евреям поднять в тысячный раз вопрос о сравнении их в правах с другими народностями, населяющими Россию, нет ничего удивительного. Неудивительно и то, что в нашем умственно поврежденном обществе находятся много вот таких

«просто русских» людей, раболепствующих пред жидами, – но, как вы думаете, что бы сказала наша армия, если бы ей объявили, что она бьется для доставления прав якобы «угнетенному» племени?

Как основание для этого вымогательства выставляется то, что и евреи участвуют в борьбе с врагами России, и они, дескать, проливают кровь свою наравне с русскими. Но если бы это было даже безусловно верно, хотя к единичным фактам еврейского геройства, по свидетельству весьма осведомленных лиц и учреждений, примешивается массовое уклонение от исполнения воинской обязанности и, что еще хуже, шпионство и предательство, вынуждающие необходимость поголовного выселения этого племени из района боевых действий, как еще недавно последовало распоряжение выселить их из Келецкой и Радомской губерний, – то все-таки их участие в защите приютившего их Государства не дали им ни в каком смысле права претендовать на сравнение с коренным населением.

Разница в положении евреев по отношению ко всем остальным народам, населяющим Россию, заключается в том, что все другие вошли в состав Государства со своею землей, следовательно, внесли свое имущество в общее государственное достояние. А с чем пришли евреи, что внесли они своего в общую государственную сокровищницу? Ровно ничего. Они вошли в Россию не как хозяева, а как гости и притом непрошеные. До самого конца XVIII столетия правители русские решительно отвергали все домогательства евреев о разрешении им селиться в России, и только раздел Польши наградил нас этим нежелательным племенем. Какое же право может иметь гость, хотя бы даже желанный, на одинаковые права с хозяином? Он может пользоваться только гостеприимством в предоставляемых ему границах. Не нравится – скатертью дорога, ищите более гостеприимный дом.

Странно даже слышать о «стеснении в правах» народности, которая, как пришлая, никаких прав и иметь не может. Добиваются в первую голову уничтожения черты оседлости. По какому праву? Разве гостю, как бы он ни был мил и даже

полезен хозяину, последний непременно должен предоставить в пользование весь свой дом? Разве в каждом доме нет таких комнат, в которые гостям входить не полагается, и ни один здравомыслящий гость не будет претендовать на такой запрет? Да и все ограничения для еврейского племени числятся только на бумаге, а в действительности они не препятствуют евреям пользоваться всеми благами, предоставленными и другим народностям в России. Черта оседлости! Но она не удерживает в своих границах ни одного еврея, которому вздумалось бы ее перешагнуть. Этот закон не составляет исключения из того, как у нас вообще они пишутся, а именно с допущением таких оговорок и исключений, которые уничтожают их силу и значение. Ограничительные законы для евреев – это узда с брошенными поводьями, которые можно, однако, натянуть, если нарушение их пойдет через край. И евреи не могут пожаловаться, чтобы власть часто пользовалась этою возможностью. Тогда еврейство бурным потоком заполнит все жизненные пути Государства, если и теперь в положении «угнетения» оно сумело захватить многие отрасли в свои цепкие руки.

Московские старожилы, конечно, помнят еврейское на их город нашествие в семидесятых и восьмидесятых годах минувшего столетия, – заполонившее Москву целым полчищем евреев под видом кучеров, лакеев, поваров известного богача Лазаря Полякова[2], и превративших Зарядье в сплошную еврейскую резиденцию с синагогой на Глебовском подворье. И все это были якобы 2—3-х первогильдейских евреев, а в действительности подыменщики, таким «законным» способом избавлявшиеся от первогильдейского налога и приобретавшие за ничтожный расход на приказчичье свидетельство купеческие права, в ущерб природному русскому купечеству. Благодаря таким лазейкам в ограничительных законах они не только не стесняют евреев, но часто дают им преимущества, как в указанном выше случае, и ныне нет в России такого запретного места, где бы их действительно не было.

Ограничительная норма для поступления в учебные заведения, которая стала мало-мальски соблюдаться благодаря

твердости покойного Кассо[3], ни в каком случае отменена быть не может, иначе еврейство вытеснит русское юношество, и не потому, что ему образование более необходимо, как средство для получения прав, которые закон дает по образовательному цензу, которого поэтому евреи добиваются с настойчивостью, отличающею их племя. Не будучи способными ни к какому тяжелому, ни к производительному труду, они стремятся пробиться во все так называемые свободные профессии: адвокатов, врачей, музыкантов и другие, чего достигнуть можно тоже только, получив известное образование. Вот это их свидетельство – неспособность к тяжелому труду – очень опасно для всякого Государства, потому что понуждает их искать средство к жизни в таких областях деятельности, которые имеют наибольшее влияние на общественную мысль и нравственность, и, обрабатывая их посредством печати и участия в общественной деятельности, в своих еврейских интересах, не имеющих ничего общего с интересами народа и Государства, их приютившего, они приобретают руководящую роль и становятся господами положения.

Разительный пример тому представляет Франция, в которой, несмотря на то, что евреи представляют ничтожнейший процент населения, какую-нибудь сотню тысяч на 30 с лишком миллионов, чуть не половина всех префектов – евреи. А ведь в России количество евреев исчисляется многими миллионами, и без известных ограничителей они при своей сплоченности, настойчивости и современной неразборчивости в средствах для достижения намеченной цели – несомненно, захватят окончательно все отрасли общественной деятельности, оставив надолго народу-хозяину лишь тяжелый труд. Да разве и теперь не замечается еврейского засилья во множестве профессий легкого труда?

Но настоящая борьба народов разбудила в евреях аппетиты, которые уже не довольствуются «равноправием». Они уже мечтают о самостоятельном еврейском государстве в Палестине, как будто это должно быть естественным последствием нашей победы над турками, и находятся «русские» органы

печати, и даже не чересчур ожидовелые, которые с очевидным сочувствием относятся к этой дикой идее и производят «анкету», обращаясь исключительно к таким лицам, в положительном мнении которых по вопросу не представляется сомнений. При этом без всякого стеснения объявляется, что самостоятельное еврейское Государство требуется вовсе не для водворения в нем этого племени, на что с радостью можно бы было согласиться, но только затем, чтобы придать еврейству, расселенному по всему миру, большую авторитетность и влияние. И это все должен доставить господам евреям русский солдат своею кровью и русский народ своим разорением. Но и на учреждение своей самостоятельной державы евреи соглашаются только при условии, что существование ее будет обеспечено обязательствами держав-учредительниц. Все это было бы смешно, если бы не было так… нагло!

Но не пора ли евреям и еврействующим их «просто русским» прислужникам убедиться, что особенность положения евреев в России есть необходимое, неизбежное и неустранимое последствие того, что они в ней – народ пришлый, не внесший в страну ни клочка своей земли, а потому и не имеющий права претендовать на равенство с хозяевами земли. Все ограничения, которыми обставлено их существование, совершенно разумны и необходимы в интересах народа-хозяина. Возьмем, например, хоть запрещение приобретения земли. Ничего не может быть правильнее и законнее. Все народности, вошедшие в состав России, если могут купить у русского человека землю, то могут и продать ему свою. Еврей же может только купить, но продать своей земли не может, потому что у него таковой нет. При способности евреев к наживе денег они в состоянии скупать огромные пространства земли, составляющей единственную нашу силу и богатство, потому что всякое другое имущество имеет только условное значение и только земля представляет имущество, удовлетворяющее главнейшие неустранимые жизненные потребности. Поэтому-то Государство и обязано всеми мерами охранять это драгоценнейшее достояние от всякого расхищения из рук

своего народа иноземцами, к числу которых должны быть причислены евреи, более чем кто-нибудь, потому что по своим национальным качествам, по особенностям нравственных начал, предписываемых им их талмудами, шулхан-арухами[4] и другими духовными руководствами, как это изобличено многими серьезными исследованиями, они никогда не могут слиться с коренным населением обитаемых ими стран, что и доказывается многими тысячелетиями их истории. Поэтому всего разумнее им помириться с неизбежным, не претендовать на невозможное и не вносить смут в приютившие их Государства при посредстве малосмысленных или заинтересованных их пособников из «просто русских» людей.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Земское самодержавие

Я не знаю, как точнее назвать то государственное устройство, которым предполагает счастливить свое Отечество Д. Н. Шипов[1], при благосклонном содействии князей П. Н. Трубецкого[2], В. М. Голицына[3], Г. Г. Гагарина[4] и гг. М. А. Стаховича[5], В. И. Герье[6], Н. А. Хомякова и, в особенности, О. П. Герасимова[7].*

И ведь как это просто сделается: не надо никакой ломки, – распустить лишь на все четыре стороны настоящих членов Государственного Совета, а на их место водворить земских гг. Шиповых и К°, да вооружить их на первый случай небольшими полномочиями, отдающими под их высокую руку и всю Россию, и ее Самодержавие, – и водворится в счастливом Отечестве нашем такая благодать, примеры которой и теперь можно наблюдать в губерниях, отданных на кормление так называемых земских учреждений.

Всего любопытнее, что изобретатели этой земской олигархии клянутся Самодержавием, положа руку на Рескрипт 18 февраля[8], вдребезги громят откровенных конституционалистов всесокрушающими аргументами таких знаменитых авторитетов, как Брайс[9], Дайси[10], Токвиль[11] и Каутский[12], и тут же, в следующем газетном столбце, вопреки Самодержавной воле, искажают коренным образом совершенно ясный смысл Рескрипта, превращая «достойнейших, доверием народа обле-

* Слово, № 124, 125 *(прим. К. Н. Пасхалова)*.

ченных, избранных от населения людей» – в «народных представителей», а цель их созыва: «участие в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений», – заменяя рассмотрением законопроектов уже разработанных, и не только разработанных, но и «приведенных в окончательную форму» в создаваемом вышеназванными печальниками о нашем благополучии «Государственном Земском Совете» с выборным председателем, коему предоставляется исключительное право доклада Царю мнений Совета.

Неправда ли, как это сходится с заверениями в преклонении пред Самодержавием и с точным смыслом Высочайшего Рескрипта?

Правда, великодушные сочинители проекта оставляют пока Самодержавному Царю право решающего голоса и утверждения в должности избранного Советом председателя; но, ввиду тех прерогатив, которые отмежевываются «Государственному Земскому Совету», ввиду того, что мнения Совета будут докладываться Царю исключительно выборным его председателем, – не надо быть особенно прозорливым, чтобы догадаться, сколь призрачно будет Самодержавие, даже не могущее само себе выбрать советников и назначить докладчиков, и как скоро оно зачахнет под неослабным давлением таких *земских*, но отнюдь не *народных* представителей.

Но верх совершенства в этой хартии – даруемой будущими нашими Самодержцами всероссийскому земству, – составляет то искусство, с которым *устраняется* из числа народных представителей в «Государственном Земском Совете» все крестьянство, то есть *сам народ*, а по возможности и представители коренного землевладения. Для этого предполагается привить нашей Родине ядовитейший микроб «мелкой земской единицы», столь облюбованной всеми нашими радикалами, начиная с их верховника С. Ю. Витте и кончая полуграмотными земскими почвенниками и статистиками.

Эта мелкая, но губительная единица предназначается для разложения крепкого, однородного крестьянского сословия посредством смешения его со всяким проходимцем, лишь бы

доход его исчислялся не ниже 300 руб. и была бы возможность обложить его квартирным налогом с оценки в 60 руб. При таких условиях в мелкую земскую единицу, на равных правах с хозяевами земли войдет всякий платящий несколько копеек квартирного налога, оседлость которого определяется годичным пребыванием в данной местности.

Не трудно представить себе, из кого будет, при таком положении, составляться земство всех трех инстанций, и сколь мало попадет в него истинных хозяев страны. О крестьянах и говорить нечего: едва ли хоть один из них пройдет невредимо сквозь тройной фильтр нарочито для того приспособленных выборов. Да едва ли крестьянин и сам поохотится пойти в правители, так как до сих пор на все общественные службы он смотрит, и совершенно правильно, не как на право, а как на обязанность, и притом тяжкую, от которой он весьма естественно уклоняется.

Не способствовать его устранению, а надо заставить его нести эту обязанность и не предоставлять свое место людям, не имеющим коренных интересов в стране и составляющих чрезвычайно подвижный и самый ненадежный слой населения.

Кто только не получает в наше время 300 р.? И сельский учитель, и земские мелкослужащие, насквозь прошпигованные революционными веяниями, и волостной писарь, и ветеринарный фельдшер и т. д., – и вся эта подавляющая масса, конечно, возьмет засилье и над крестьянством, и над другими коренными слоями страны, которых весьма понятное чувство нравственной брезгливости отстранит от конкуренции с перечисленными выше кандидатами, каковы российские правители, ничего земского, кроме поглощения земских средств, собою не представляющие.

Панегирики земству, сорок лет бесконтрольно обиравшему Русский народ, немудрено слышать из уст его главных руководителей; но надо иметь большой запас самонадеянности, чтоб утверждать, что обсасываемые досуха обыватели в восторге от сосущих их. Не удивительно и то, что земцы, стремясь захватить власть в свои цепкие руки, стараются доказать, что

они «пустили глубокие корни в жизни (в кармане?) Русского народа»; что их «представительство будет выражением мысли народной», – и в доказательство сего выдвигают своего неотразимого Брайса, который говорит, что: «народные представители должны выбираться между лучшими людьми данной местности, между натуральными руководителями местного населения».

Положим, что для такого гениального открытия нужно быть не батюшки мои каким мудрецом, и даже позволительно усомниться в непременном тождестве натуральных руководителей с лучшими людьми; но не слишком ли претенциозно со стороны нынешних земских деятелей считать себя именно такими лучшими людьми?

Чем они доказали это? Непомерными поборами с населения, идущими главным образом на траты непроизводительные и бесполезные? Безмерным распложением земской бюрократии, качеством во много раз худшей против правительственной, на которую с таким озлоблением ополчились, имея сами бюрократическое бревно в глазу? Постоянным, систематическим противодействием Правительству даже в его полезнейших для народа начинаниях? Стремлениями к ниспровержению существующего государственного строя, до распространения, за неимением более серьезного дела, прокламаций, – как это еще на днях было обнаружено в недрах Калужской Земской Управы, и не обнаружено, но производится во многих других?

Такого ли рода деятельностью земство, по словам его восхвалителей, «доказало свою жизнеспособность»?

Нет, господа реформаторы! России нужно земство, это правда, но не такое, каким нас наделила наша несчастная судьба, и еще менее то трехэтажное, которое изо всех сил старается навязать нам проекты гг. Витте, Шиповых и им припевающих. Вся эта беспочвенная саранча, которую нам сулят напустить для вытеснения настоящих людей земли, ни в каком случае не может быть признана выразительницей настоящих земских или, вернее, русских народных интересов, и Государство наше едва ли много выиграет, променяв свой исторически сложив-

шийся строй и даже свою, хоть и весьма неважную, бюрократию, на предлагаемую нам самодовольную и самодержавную… Шипо-кратию.

P.S. Сейчас мне довелось слышать, что сторонники разных конституционных вожделений распространяют такой слух, что если Правительство не согласится уступить их требованиям, то последствием будет всеобщая резня.

Трудно верить, чтобы самое страстное желание достигнуть успеха могло побудить к такому подлому запугиванию, явно злонамеренному. В самом деле, – при твердом намерении Верховной власти остаться Самодержавною не по имени только, а по существу – кто, кого и за что будет резать? Неужели гг. реформаторы воображают искренно, что народ наш желает ограничения Царской Власти, или же думают утверждением сего кого-нибудь обмануть?

Все смуты и погромы, производившиеся по подстрекательству крамольников, до сих пор возникали на обманах народа именем царя; внушением народу, что Царь желает ему отдать всю помещичью землю, а господа этому препятствуют; что господа хотят ограничить власть Царя, и т. п. Но еще ни разу не довелось ни слышать, ни читать, чтобы народ взбунтовался потому, что Царь не согласен уступить Свои державные права алчущим захватить их нашим земским и думским самоуправцам.

И если они не успеют в своих желаниях, то заступится за них уж никак не народ, а та смута, которой они сознательно или бессознательно способствуют.

30 апреля 1905 г.

———

Основания земской реформы

Назначение Земских учреждений заключается в попечении об общих нуждах населения и благоустройстве известного района на средства, собираемые им с населения. Удо-

влетворение народных нужд было предоставлено местному земскому самоуправлению в предположении, что местные деятели, зная всего ближе местные потребности и способы их удовлетворения, всего успешнее достигнут этой цели, при наиболее производительной затрате общественных средств. Однако сорокалетний опыт в большинстве случаев не оправдал этих ожиданий, и средства населения расходовались далеко не с такою полнотою, которую можно было ожидать от попечительных и сведущих хозяев дела.

Причина такой непроизводительности лежит не столько в неудовлетворительности личного состава земских администраторов, сколько в положении, определяющем земское устройство, вызывающее значительный процент непроизводительных затрат и отвлекающее от полезной деятельности к бесплодному политиканству лучшие местные силы. Действительно, существующее ныне деление земских учреждений на уездные и губернские не выдерживает деловой критики. Насколько существование первых, уездных, целесообразно и полезно для удовлетворения местных нужд, настолько учреждение губернских не только бесполезно, но в высшей степени вредно для земского дела, отнимая от уездов значительные средства, совершенно не соответствующие приносимой ими пользе.

Существование Губернских Земств еще более вредно и в том отношении, что с течением времени оно сделалось высшею инстанцией для уездного земства, вследствие сосредоточения в его руках денежных средств, большею частью составляющихся из уездных же взносов, предназначенных на общегубернские потребности, которые оно может направлять по произволу в тот или другой уезд на устройство школ, дорог и т. п. Губернское Земство безапелляционно назначает с уездов размер повинностей в свою пользу, и, таким образом, уездное земство и население находится по отношению к Губернскому как бы в положении данника, лишенного права протестовать против своего неограниченного властителя, чем значительно парализуется его свободная деятельность. О

громадном размере этой дани можно судить по тому, что есть уезды, в которых из общей суммы уездных земских сборов до 40% платится Губернскому Земству.

Чтобы убедиться в совершенном излишестве этого крайне дорогого учреждения, достаточно просмотреть любой его отчет, и всякий беспристрастный человек придет к заключению, что в огромном большинстве случаев дела Губернского Земства могут быть переданы ведению уездных не только без всякого ущерба для дела, но и со значительной пользой и для дела и для населения, а между тем, один служебный персонал Губернских Управ и содержание дворцов, его вмещающих, поглощают в каждой земской губернии непроизводительно сотни тысяч народного достояния, что в общем составит многие миллионы расхода.

Ненужность губернских земств всего ярче доказывается тою необыкновенною апатичностью, с которою относятся к Губернским Собраниям сами губернские гласные, столь лениво их посещающие, что явление закрытия собрания за неприбытием гласных стало совсем заурядным. Они собираются охотно только тогда, когда собрания выходят из пределов круга своих обязанностей и пускаются в обсуждение вопросов Государственной политики. Доказательства налицо: последнее Московское Земское Собрание, закрывшееся за неприбытием законного числа гласных, как только что от политических вопросов перешли к земско-деловым.

В последнее время в известных сферах возникла агитация для учреждения мелкой земской единицы. Польза и необходимость ее доказывались тем, что Уездное Земство, ведя дела слишком крупной территории, не может быть в точности ознакомлено с местными нуждами, и для попечения таковых требуется мелкая земская единица.

Агитация в пользу этого учреждения была настолько сильна, что проникла и убедила в его необходимости высшее Правительство, и мелкая земская единица вошла таким образом в число реформ 12 декабря прошлого года. Тем не менее, для непосвященных значение и надобность этой реформы

оставались совершенно непонятными и доводы защитников мелкой единицы неубедительными, пока разгадка этого секрета не объяснилась запискою С.Ю. Витте[1], из которой было ясно, что эта единица есть не что иное, как то бессословное учреждение, которое, по проекту автора, должно собою заменить волость, и все существующие ныне крестьянские сословные учреждения. Таким образом, желание создать мелкую земскую единицу вытекает вовсе не из экономических и духовных нужд населения, а из желания разрушить ныне существующий строй крестьянской сословной обособленности, под предлогом уравнения прав крестьян с другими сословиями. Но кто же хоть немного знакомый с сельским бытом и его условиями, не знает, что обособленность крестьянского сословия есть его громадная привилегия, а не недостаток прав против других сословий.

Все вышеизложенные соображения приводят к заключению, что для ведения дела земского хозяйства единственною нужною и пригодною является местная организация в форме уездного земского собрания и его исполнительных органов. На пространстве уезда все населения более или менее ознакомлено между собою постоянством деловых отношений и тысячью мелочных столкновений, неизбежных между соседями по житью. Никакой другой земской инстанции ни высшей, ни низшей для земского дела не требуется, и всякое осложнение будет только ему вредить.

Само собою разумеется, что Правительство не может отказаться от наблюдения за правильным ходом земского самоуправления в пределах предоставленных ему законом прав, как бы таковые широки ни были, и таким контролирующим органом могут служить ныне существующие Губернское Присутствие и Сенат, как высшая инстанция.

Что касается до организации Уездных Земских самоуправлений, то существующая ныне система составления земских собраний посредством выбора гласных и устранения от участия в земских делах всех не попавших в число избранников, в высшей степени несовершенна и несправедлива. Ни

для кого не тайна, что выборы очень редко падают на действительно лучших и полезнейших деятелей. Всего чаще на них успевают наиболее ловкие интриганы или лица, имеющие обширные знакомства, связи, общность интересов и т. д., и партийные интересы на выборах всегда берут перевес над деловыми. Поэтому желательно, чтобы право участия в обсуждении земских дел было предоставлено по возможности наибольшему количеству хозяев дела, независимо от выборов, часто фальшивых и всегда партийных. Ведение дела через выборных представителей может иметь место только в том случае, когда по многолюдству участников в деле представляется решительно невозможным собрание всех хозяев дела. Но таково ли положение в уездах? При установлении известного размера ценза для права непосредственного участия в земском собрании, при соединении мелких хозяйств для избрания одного или нескольких представителей по общим размерам их владений, казалось бы нельзя опасаться особого многолюдства земских собраний, и во всяком случае они едва ли будут многочисленнее нынешних дворянских, на которых сбирается даже в провинциальных городах свыше 200—300 лиц. В уездных же земских, принимая в соображение, что многие из участников не будут их посещать, собрания едва ли будут насчитывать свыше ста человек.

Заведывание немногими общегубернскими земскими учреждениями, число которых к тому же может значительно сократиться без всякого ущерба для дела может быть поручено Уездной Земской Управе губернского города при усиленном ее составе, сообразно надобности, оплачиваемом остальными уездными земствами сообразно их материальному положению и под контролем комиссии из всех представителей земских управ или ревизоров от каждого уездного земства (должность бесплатная).

При таком земском собрании, в котором будут иметь право голоса все хозяева уезда и города, имеющие известный ценз, и все представители мелкого землевладения и домовладения, а также владельцы торгово-промышленных пред-

приятий, участвующие в платежах земских налогов, всего успешнее избегается партийность и обеспечивается свобода всякому мнению, освобождая участников от страха забаллотировки и давая возможность земскому делу использовать опытность, знание и деятельность всех лиц, составляющих земство, а не одних лишь выборных. Такому земскому собранию можно смело предоставить самые широкие полномочия самоуправления с наименьшею опасностью злоупотребления ими.

Из всех дел, находящихся в ведении губернских земств, как то: дорожное, учебное, медицинское, статистическое, агрономическое и страховое, неудобно дробить будет по уездам разве только последнее; все остальные отрасли хозяйства только выиграют от передачи их в непосредственно заинтересованные руки хозяев. Но для несложного страхового дела и двух-трех центральных больниц и школ едва ли целесообразно держать администрацию, поглощающую сотни тысяч народных денег в каждой земской губернии.

В числе дел, ведомых земствами, наибольшее государственное значение имеет бесспорно дело народного образования; поэтому, как бы ни была широка автономия, предоставленная земствам, все его образовательные действия, учреждения и персонал должны находиться под наблюдением и руководством правительственных органов народного просвещения, как это существует даже в самых либеральных Государствах Европы – во Франции, Италии и проч., в которых все народные школы, содержимые обществами (коммунами), находятся под постоянным наблюдением инспекторов Министерства Народного Просвещения, снабженных весьма обширными полномочиями и действительной властью.

Находя, на основании всего вышеизложенного, учреждение губернских земств инстанцией не только излишней, но крайне вредящей развитию местной земской деятельности, породившей громадную, дорого стоящую и совершенно бесполезную для населения своеобразную земскую бюрокра-

тию, а мысль учредить мелкую земскую единицу, имеющую в виду не земские потребности, а стремления политические, именно: уничтожение настоящей обособленности устройства крестьянского самоуправления, вопреки началам, провозглашенным Манифестом 26 февраля 1903 года[2] и Указом Сенату 8 января 1904 года[3], и признавая устройство одних уездных земств наиболее отвечающим нуждам населения и лучшим образом разрешающим вопрос местного самоуправления, полагаем, что ныне существующее земское положение следовало бы упразднить и издать новое на следующих главных основаниях:

1. Попечение об удовлетворении всех экономических, материальных и образовательных нужд населения возлагается в каждом уезде на земские собрания и его исполнительные органы.

2. Уездное земское собрание составляется из всех участников в платежах земских налогов по их имущественному или платежному цензу, а также из уполномоченных от мелких владельцев, соединяющихся в полные цензы.

3. Размер ценза определяется по среднему земельному владению данной местности; для горожан, фабрикантов, заводчиков и владельцев других торгово-промышленных предприятий по сумме вносимых ими налогов; крестьяне участвуют в собрании выборными от волостей, духовенство по земельному и городскому его цензу.

4. Все дела, не вызывающие новых или увеличения бывших расходов, решаются собранием простым большинством голосов. Для решения же дел денежных, утверждения смет, отчетов, определения размеров обложения и утверждения новых расходов требуется согласие не менее $^2/_3$ наличных членов собрания.

5. Собрание считается состоявшимся, если в нем участвует не менее ½, а для дел, требующих согласия $^2/_3$ голосов – не менее $^2/_3$ всех составляющих собрание, в противном случае собрание считается несостоявшимся и собирается вторично, через определенный промежуток времени. Это вторичное со-

брание считается состоявшимся при всяком числе голосов для дел, не требующих большинства $^{2}/_{3}$ и при наличности половины членов для этих последних.

6. Исполнительными органами уездных земских собраний служат управы, председатели и члены которых избираются собранием; оно же определяет размеры как личного состава служебного персонала, так и его вознаграждения.

7. Заведывание учреждениями земства, общими для всей губернии, поручается тому уездному земству, на территории которого эти учреждения находятся. Смета на содержание их составляется подлежащей земской управой при участии всех председателей уездных управ и вносится на рассмотрение и утверждение всех уездных земских собраний. Вообще, для определения условий основания и содержания общегубернских учреждений или общих для нескольких уездов, уездные земства могут вступать между собою в добровольные соглашения на известные сроки или бессрочные.

8. Круг деятельности земств может обнимать все те отрасли народного хозяйства, которые и ныне находятся в его ведении, но все учреждения земств по народному образованию, как делу для Государства первостепенной важности, должны находиться под непосредственным наблюдением правительственных органов народного просвещения.

9. Контрольным учреждением по деятельности земских собраний и их исполнительных органов должно служить Губернское Присутствие, в состав которого, кроме членов от Правительства, должны входить и члены от земств, не занимающие в них никакого служебного положения, и председатели земских управ (без права голоса) по делам их уездов. Губернское Собрание определяет законность или незаконность земских постановлений, приостанавливает приведение в исполнение сих последних, при несогласии же земств с мнениями Губернского Собрания решающий голос принадлежит Сенату.

21 мая 1905 г.

———

Мнимое «упорядочение»

Одна из самых вопиющих нелепостей существующего земского положения заключается в том, что большие города, не получая ничего от земств, отданы на совершенный произвол сим последним и платят им дань в том размере, в каком земствам заблагорассудится их обложить. Наиболее попечительные и толковые руководители городских самоуправлений, как, напр[имер], знаменитый московский городской голова Алексеев[1], павший одной из первых жертв уже тогда зарождавшегося «освободительного» зверства, тщетно боролся против такого бессмысленного порядка, при котором Москва, тратя огромные средства на содержание учреждений, которыми пользовались не только одни городские обыватели, но все население губернии, подлежащее попечению земства, сверх сего вынуждена была платить огромную контрибуцию, произвольно назначаемую губернской земской управой и, конечно, всегда утверждаемую земским собранием. При этом надо иметь в виду, что, хотя по положению город и посылал в собрание своих избранников из числа гласных городской думы, но эти гласные, входя в состав собрания в незначительном меньшинстве, были бессильны защитить интересы города пред подавляющим большинством, заинтересованным всецело в возможно большем обложении города. Городские плательщики земского налога, принужденные вносить в губернские земские кассы огромные суммы, нередко превышавшие губернский земский сбор с целой губернии, не получая за это в пределах города от земства ни одного общеполезного учреждения в виде больницы, богадельни или училища, оказались, таким образом, в положении земских крепостных на оброке.

Конечно, такое ненормальное положение, не отвечающее ни в малейшей степени понятию справедливости, не могло остаться незамеченным при возникновении вопроса о пересмотре положения о земских учреждениях. И действительно,

телеграф принес нам известие, что в заседании общего присутствия совета по делам местного хозяйства закончено (даже уже закончено!) обсуждение вопроса «об упорядочении взаимоотношений земств и городов».

Когда города, в особенности большие, застонали под налагаемою на них земскими диктаторами данью, они взмолились перед Правительством о выделении их из земской кабалы, справедливо указывая, что у них нет решительно никаких общих интересов с земствами, вся деятельность которых происходит вне городских пределов и никакой городской нужды не удовлетворяет.

Однако до сего времени это были гласы, в пустыне вопиющие. Но вот, как видите, совет по делам местного хозяйства принялся за этот вопиющий по своей несправедливости вопрос и даже уже закончил обсуждение о его «упорядочении». С этою целью советом «между прочим» (жаль, что неизвестно в чем заключается это «прочее») приняты следующие положения: 1) Город численностью менее 75 000 чел[овек], «может иметь право» выделиться в отдельное уездное земство лишь с согласия уездного земства; 2) Город численностью менее 300 000 жит[елей] может иметь право выделиться в отдельное «губернское» земство лишь с согласия местных уездного и губернского земств. О городах с иным количеством жителей ничего не сказано.

Не правда ли, надо быть очень прозорливым, чтобы в этих принятых советом положениях усмотреть «упорядочение взаимоотношений». Не будем говорить о более чем странной редакции советского положения; может быть, она искажена до бессмыслия в телеграфной передаче. Обратим внимание только на принцип «упорядочения», насколько его можно усвоить в этом бестолковом изложении. Совет, как и все не лишенные здравого рассудка люди, понял, что единственный способ упорядочения отношений между городами и земствами заключается в прекращении всяких отношений между этими учреждениями, имеющими различные поля деятельности, но предоставляя городам право выделения, совет обусловливает его согласием соответствующих земств и этим самым уничто-

жает раз навсегда возможность для городов воспользоваться даруемым правом. Ну разве можно ожидать, чтобы нашлось такое великодушное и бескорыстное земство, которое отказалось бы от крупной дани, доходящей в столицах до миллионов, уплачиваемой городами, да еще теперь, когда все более и более обнаруживается полнейшая пустота земских касс, дочиста вылизанных либеральными претендентами на распоряжение пока еще им недоступным государственным кошельком? В каком положении очутится, напр[имер], московское губернское земство, лишившись миллионного дохода, собираемого им со своих вассалов города Москвы.

Куда денет оно разведенную гг. Шиповыми и Головиными огромную армию своих чиновников, привыкших к жирному вознаграждению за весьма тощую деятельность? Мыслимо ли при таком положении ожидать, чтобы город Москва, да и другие города получили милостивое согласие на вольную от своих помещиков-земцев? Очевидно, что это совершенно невероятно, а потому никакого «упорядочения взаимоотношений» от даруемого городам права, которое может осуществиться «лишь с согласия», не произойдет.

Всего печальнее в этом деле то, что такие бесцельные, безнадежные и неосуществимые положения «упорядочения» принимаются советом, этим «преддумьем», состоящим, так сказать, из квинтэссенции всего лучшего, что могла только выделить русская общественная деятельность. Как прочтешь вот такой перл премудрости, так и видишь, что барометр надежд на «упорядочение» хаотического состояния умов и жизни в нашем несчастном Отечестве падает неудержимо все ниже и ниже.

———

Письмо в редакцию «Русской Земли»

В передовой статье № 810 «Русск[ой] Земли» по поводу помещенных в приложении к этому номеру моих рассуждений по вопросу об общине и Указе 9 ноября[1] выражено недоумение

относительно коренного различия во взглядах между людьми, одушевленными, несомненно, любовью к Родине и желанием ей всякого благосостояния. Позвольте мне высказать несколько объяснительных слов, и тогда недоумение, может быть, и рассеется. Прежде всего, должен заявить, что цель моей статьи состояла не в защите общины. Мое намерение заключалось в указании тех опаснейших для Государства последствий, которые, я в том глубоко убежден, более чем вероятны при новых отношениях населения к надельной земле, устанавливаемых законопроектом. Возможно, что я не сумел изложить это достаточно доказательно в моей статье, но таково было мое намерение, которого я, может быть, успешнее достигну в продолжении, при сем посылаемом*. Что касается общины, то недостатки ее не отрицаются и ее сторонниками, но отсюда еще вовсе не следует, что надо разрушить в конец учреждение, веками доказавшее свою устойчивость, тем более, что отрицательные стороны общины, действительно стеснительные для населения, как, например, свободный выход желающим и переделы, могут быть легко устранены без насильственной ломки сложившегося быта.

Позволю себе напомнить, что не далее как за 3 года до издания Указа 9-го ноября Правительство смотрело на общинный строй как на необходимую, *непоколебимую* основу народной жизни, это яснее ясного выражено в Манифесте 26 февраля 1903 г.[2] Коренная перемена правительственного взгляда на общину, совершившаяся как-то внезапно и без всяких побудительных причин, не может не вызывать тревоги и сомнений в умах русских людей, тем более, что первоначальная инициатива разрушения общинного начала принадлежит вовсе не человеку, о котором говорит передовая статья, а гр. Витте. Прочтите изданную им в 1905 г. «Записку по крестьянскому быту», и вы убедитесь, что это ни более, ни менее, как объяснительная записка к закону 9 ноября. Но, конечно, к этому закону отношусь я отрицательно не потому, что вдохно-

* Отдельная брошюра «Землеустроительное Разор[ение] России» *(прим. изд. 1909 г.)*.

вителем его был гр. Витте, а по тем бедствиям, которыми он грозит населению.

Разномыслие мое о сем законе с «правыми» Гос[ударственной] Думы происходит, как мне думается, от двух причин. Во-первых, от разных точек зрения: взгляды Думы резко разделились по *политическим* партиям; *все* правые – за закон, *все* левые – против. Отсюда ясно, что Закон 9 ноября оценивается в Думе не по существу и тому или иному его влиянию на благополучие населения, а по политическим тенденциям. Я же разбираю его прежде всего, или даже исключительно, с бытовой стороны. И смею думать, что нас, относящихся с большим сомнением к благодетельности Закона 9 ноября, уже вовсе не так мало. Внизу, я в том уверен, вся общинная Россия, а наверху такие имена, как Ф. Д. Самарин[3], Д. А. Хомяков[4], кн. А. Г. Щербатов[5], которые едва ли уступят в знании России и ее потребностей гг. Шидловскому[6], Бобринскому, Лыкошину[7] и даже автору указа. Во-вторых, интересно было бы знать, между думскими защитниками нового закона много ли найдется таких, которые провели бы жизнь в непосредственном соприкосновении с народом; многие ли посвятили свою жизнь великороссийской деревне и ее интересам? Вот если между думскими законодателями такие найдутся, то я крайне изумлюсь, что мы с ними расходимся во взглядах на Законопроект 9 ноября.

9 ноября 1908 г.

Лежачего не бьют, в особенности «кривдою»!

Весьма распространено недоразумение о существующем якобы единении правых с левыми в вопросе о крестьянской общине, разрушаемой Законом 9 ноября 1906 г. Между прочим, и такой почтенный писатель, как Дм. Бодиско[1] («Правда и кривда в суждениях об общине». «Гражданин». № 10. 1909 г.), указывая на аномалию этого единения, приходит к естественно-

му заключению, что, «защищая сообща известное положение, конечно, та или иная партия ошибается», причем думает, что «ошибаются правые», и почитает «долгом совести предупредить *опасное заблуждение»*[*].

Долгом совести считаем и мы рассеять существующее заблуждение о солидарности правых и левых во взглядах на общину. Правые (впрочем, далеко не все: в Гос[ударственной] Думе Закон 9 ноября нашел в правых членах самых горячих защитников) или, вернее, очень небольшая группа их вне Думы, защищали общину как историческое проявление народного быта, складывавшегося веками; защищали ее законные права на надельную землю, произвольно нарушаемые новым законом, и указывали пути, которыми нужда в земле могла быть легко удовлетворена без ломки установившейся народной жизни. Левые же, по крайней мере, в Гос[ударственной] Думе, не столько защищали общину, сколько восставали против Законопроекта, о чем категорически и заявил «ка-детский» запевала, г. Милюков, в ответ на удивление, выраженное, если не ошибаюсь, г. Марковым встретить в разрушителях России сторонников общинного строя. Да, это и действительно было бы странно в высшей степени. Община, несомненно, служила сильнейшим оплотом и охраной целостности крестьянского сословия, левые же всегда стремились к его расслаблению под видом введения мелких земских единиц, лицемерного стремления к уравнению крестьянства в правах с другими сословиями, правильнее выражаясь, – к лишению его тех преимуществ, которыми оно пользовалось не в пример остальному населению Государства, уничтожению сословности крестьянского самоуправления и т. п. мерам, ныне для начала осуществляемыми посредством Закона 9 ноября.

Почему же они шли против этого мероприятия, столь хорошо служащего их целям вообще и образованию необходимого для государственных переворотов деревенского пролетариата в особенности? Да очень просто почему. Именно потому, что, как говорит г. Бодиско, «наши левые в высшей мере хитры

* Курсив наш *(прим. К. Н. Пасхалова)*.

и коварны». Зачем им трудиться в разрушении мешающего им жизненного института, когда это сделается и без их участия усердными реформаторами? Поверьте, что они рассчитали безошибочно, что и без их содействия гибельный для общинного строя Закон найдет достаточное количество сторонников. А, между тем, когда обнаружатся печальные его последствия, левые будут иметь право сказать, что это не их вина, они, дескать, предостерегали Правительство, они стояли за интересы русского крестьянства.

«Если община жизненна, – умозаключает г. Бодиско, – какие бы ни издавались законы, они не искоренят общины».

Жизненность общины, кажется, достаточно доказана веками, ею пережитыми. Испытание ее жизненности пробою разрушения нельзя ни в каком случае признать целесообразным, ибо это поведет только к излишним, крайне вредным потрясениям в народном быте.

Считаем бесполезным еще лишний раз опровергать взводимую на общину клевету, повторяемую г. Бодиско, что это она, община, виновна в погромах 1905—1906 годов, как будто в губерниях, где нет общины, все обстояло благополучно, и будто бы не будь в России общины, то при тех же условиях проповеди насилий и ограблений, не встречавших ни малейшего противодействия со стороны охраняющих властей, все оставалось бы в целости и спокойствии. Обвинение общины в революционных или бунтовщических склонностях прямо недобросовестно до нелепости. Хотя бы вспомнили обвинители, что не более как пять лет назад и Верховная Власть, и стоявшие во главе Правительства лица, обладавшие едва ли меньшим государственным смыслом, чем ныне руководящие, признавали общину неприкосновенной основой народного быта, и только в последнее время, ради оправдания ее разрушения, потребовалось обвинить ее в зловредности.

Сторонники Закона 9 ноября, а вместе с ними и г. Бодиско, хотя и сознают, что он приведет к созданию беспокойного безземельного пролетариата, но уверены, что «он же послужит к созданию у нас прочно консервативного элемента в виде лич-

ных владельцев-собственников». Как на убедительный пример правильности такого ожидания г. Бодиско ссылается на Францию, в которой «наиболее консервативным элементом является земельное крестьянство, и крестьянин готов защищать *свой* (курсив г. Бодиско) клок земли до последней капли крови. «Припомните, – приглашает г. Бодиско, – «La Terre» Э. Золя[2], и вы увидите, насколько консервативен французский земледелец личный собственник».

Едва ли можно было высказать бóльшее осуждение Закону 9 ноября, как приписав ему возможность обращения русского человека в такое безнравственное, отталкивающее существо, каким является французский крестьянин в изображении указываемого г. Бодиско автора. Консервативен он или либерален – это вопрос посторонний, но что он жаден до невозможности, до преступления, до извращения естественных законов природы – это совершенно ясно из упомянутого романа, а г. Золя едва ли можно упрекнуть в незнании характера французского народа. Невероятная, всепоглощающая существо француза жадность ведет эту несчастную страну к вырождению. Вот к каким последствиям привела цветущее когда-то Государство личная собственность. В этом ли усматривается «консервативность», это ли желательно защитникам Закона 9 ноября и для России?! Французский крестьянин, с этим нельзя не согласиться, способен до последней капли крови защищать *свой* клок земли, но он совершенно утратил способность защищать *не свой* клок, – свою Родину. Вспомните Фашоду[3] и множество других оскорблений, проглоченных этою когда-то рыцарской страной, от англичан и немцев. Француз проглотил их, лишь бы не подвергнуть опасности или убытку *свой* клочок.

А между тем такая «консервативность» французского собственника спасла ли Францию от социализма, коммунизма, масонства, революции? Ведь все эти прелести составляют у нас не предмет вывоза во Францию, а наоборот, предмет ввоза оттуда, из страны личных собственников par excellence[4] в нашу несчастную страну, и потребляются не об-

щинниками, а нашею интеллигенциею, нашим обществом, нашими, по преимуществу, *личными собственниками*, которые и стараются сбить и развратить общину. Когда влияние общества на деревню было незначительно, припомните, как эти общинники встречали противугосударственных пропагандистов? В огромном большинстве случаев скручивали им лопатки и представляли по начальству, а иногда и рукоприкладствовали их так, что надолго отбивали охоту смутьянить народ.

Если в общине «живут впроголодь», что, впрочем, надо еще доказать, то виновата в том, конечно, не община, а те, на ком лежит попечение о народном благосостоянии и кто не может, не хочет или не умеет дать удовлетворения народной нужде, располагая всеми необходимыми для того средствами. Россия, богатейшая в мире по количеству земли страна может прокормить, по крайней мере, вчетверо большее население, и при правильном, благоразумном управлении, и без разрушения общины, и без принудительного от нее отчуждения земли, никакого «земельного пролетариата», которым нам грозит г. Бодиско, в ней появиться не может, по крайней мере, на 200-300 лет вперед.

Но так как волею петербургского чиновничества и послушного ему большинства членов Гоу[ударственной] Думы решено общину искоренить, хотя бы она представляла идеал народного быта, и это неизбежно, то, казалось бы, совершенно излишне взводить на нее такие обвинения, в которых она неповинна и которые не изменят ее участи, заранее и бесповоротно предопределенной. Невеликодушно корить умирающего. А нам остается пожелать, чтобы призываемые к жизни личные собственники оправдали надежды, на них возлагаемые, и чтобы их творцам не пришлось раскаиваться в разрушении испытанного векового уклада народной жизни в пользу «сильных и разумных» на манер французского крестьянина.

10 февраля 1909 г.

———

За общину

Ретивые сторонники Закона 9 ноября 1906 г. в изыскании благодетельных последствий, которыми он сулит России, договариваются до таких несообразностей, которые трудно было бы ожидать от людей рассудительных, а когда им на эти несообразности указываешь, то они обходят их полнейшим молчанием, а продолжают твердить, с какою-то совершенно необъяснимою яростью и настойчивостью, уже тысячу раз бездоказательно высказанные обвинения общинного строя крестьянского быта во всех преступлениях, начиная от нищенства, пьянства, голодовок и кончая революцией и разбоями, – обвинения столько же раз *доказательно* опровергнутые.

К числу благодетельных результатов уничтожения ненавистной аграрным реформаторам общины г. Бодиско в статье «Правда и кривда в суждениях об общине», ссылаясь на авторитет Э. Золя, автора романа La Terre[1], указал, что Закон 9 ноября превратит русского порочного и склонного к бунтам и революции общинника в консервативного французского крестьянина-собственника.

Ссылаясь на то же произведение французского романиста, я позволил себе возразить, что превращение русского крестьянина в такое в высшей степени безнравственное, беспредельно жадное, развращенное существо, каким является французский крестьянин личный собственник, едва ли может быть достойным стремления идеалом. (Ст. «Лежачего не бьют». Русск[ая] Земля. № 903.) Г. Бодиско оказал мне честь, обратив внимание на мою заметку и поместив по ее поводу (Рус[ская] Зем[ля]. № 910), как бы возражение. Мне было, конечно, очень интересно познакомиться: какие добродетели, достойные подражания, открыл мой почтенный оппонент во французском крестьянине, которые перевешивали бы и затушевывали его отталкивающие свойства?

К величайшему моему изумлению, в статье г. Бодиско «против общины» ни одним словом не упоминается об этом главном предмете, побудившем его написать свою статью «Правда и кривда», а меня возражать ему, ибо вся остальная аргументация г. Бодиско против общины жевана и пережевана несчетное число раз, против каждого пункта этой аргументации приводились возражения с фактическими доказательствами ее несостоятельности или тенденциозной преувеличенности и извращении действительности, но апологеты Закона 9 ноября, не возражая по существу своим противникам, не обличая их в неверности приводимых в подтверждение фактов, продолжают снова и снова рассказывать сказку про «белого бычка». При таком полемическом приеме, конечно, ни до чего плодотворного и полезного договориться невозможно. Ни одно наше указание на отрицательные свойства Закона 9 ноября и на несостоятельность доводов его защитников и хулителей общинного строя не было уличено в неправильности и опровергнуто, но каждый раз повторялись голословные хвалы и радужные ожидания от нового и бездоказательные и часто явно несогласные с правдой обвинения старого порядка крестьянского пользования надельной землей. Никто не доказал нам правильность таких «правых» догматов, как, напр[имер], что «земля должна принадлежать тем, кто сумеет извлечь из нее большее количество питательных веществ», или что «законы пишутся для разумных и сильных», а между тем эти очевидно ложные положения производили на слушателей Таврической залы впечатление сильно действующего средства и вызывали, по недоразумению, бурю одобрений. Напрасно указывали мы явную несправедливость обвинения общины в голодовках и недородах, потому что община существует сотни лет, а хронические голодовки, столь любезные тем, в чьи руки попадают казенные десятки и сотни миллионов, есть продукт последних лет. Вотще мы утверждали, что нельзя в народе утвердить понятие о неприкосновенности права собственности, нарушая его очевидно по отношению к общине, что нельзя ратовать против принудительного от-

чуждения земли, подвергая ему общину, что нелепо в русской общине видеть задатки социалистических начал на манер западноевропейских и винить общинный строй в погромах 1905—1906 годов, чинившийся «молодыми людьми» и распропагандированными подонками населения, оставленного вне всякого попечения местной власти, бездействовавшей или сознательно или по трусости и непониманию долга. Одним словом, не было того обвинения общинного строя, на которое не было бы сделано нами доказательное возражение, но все они остались без опровержения, и повторялось победоносно все одно и то же ошельмование общины, имевшее под собою лишь одну, по-видимому, справедливую опору, что ведение хозяйства на земле личного владения выгоднее общинного. Но и это утверждение не может считаться абсолютно бесспорным. Интересующимся делом земельной реформы позволю себе рекомендовать внимательно прочесть обширную статью Ф. Д. Самарина (Моск[овские] Вед[омости]. № 63, 64 и 66. 1909 г.), в которой он со свойственною ему логичностью, последовательностью и обоснованностью на неопровержимых данных показывает, «к чему приведет указ 9 ноября 1906 г.?» Вот неугодно ли будет яростным противникам общинного строя попробовать опровергнуть его выводы с такою же обстоятельностью. Но я уверен, что задача эта будет нелегкая и скорее они поколеблются в своей уверенности, что, как только земля перейдет в личное владение крестьянина так и «будет давать сначала двойные, затем и тройные урожаи».

Хотя в статье «Против общины» г. Бодиско не приводит никаких новых обвинений, а центральный предмет нашего разномыслия относительно достоинств французского крестьянина совсем не упоминает, но ввиду необъятной важности по своим последствиям производимой ныне земельно-бытовой операции мы не считаем возможным оставить неотмеченными некоторые особенности его статьи, приводящие нас как раз к противоположным с ним заключениям.

Рекомендуя себя исконным, убежденным врагом общины, он, однако же, говорит: «Община была сильна в дореформен-

ное время, *под управлением сильной власти* (курсив г. Бодиско) либо помещика, либо чинов минист[ерства] гос[ударственных] имуществ на основании прекрасного Закона «Сельского устава» гр. Киселева[2]. То было время богатства и процветания госуд[арственных] крестьян…» и далее: «Не доказывает ли этот неоспоримый факт преимущества прежнего порядка перед настоящим?.. Но тогда община находилась под строгим контролем и высшим управлением помещика и администрации. Вот та община, которую можно было бы еще защищать».

Какое заключение можно логически вывести из приведенной цитаты? Если старый порядок был лучше, то зачем же было его менять и почему к нему не возвратиться, чтобы община опять стала цветуща и богата? Конечно, к крепостному праву помещиков вернуться и невозможно, и никому нежелательно, но ведь община процветала под чем? «под управлением сильной власти», совершенно справедливо отвечает г. Бодиско, а мы позволим себе прибавить, что если все, не только община, но и вся Россия трещит теперь по всем швам, то именно от исчезновения *сильной власти*, необходимой при всяком гражданском состоянии населения. Пока не восстановится в России сильная власть, до тех пор ни Закон 9 ноября и вообще никакие реформы не выведут Государство из бедственного положения, в которое именно ввергли его бесчисленные реформы при отсутствии сильной власти. И вот вместо единственно логического заключения: верните эту власть и контроль, и опять разбогатеет Россия и община, кричат: «Долой общину!» Общину испортили не ее органические недостатки, а изменения отношений к ней правящей власти, которая одна и виновата в ее печальном ныне положении. Но ведь эта же власть, т. е. ее попустительство, привело в негодность и все остальные государственные учреждения, однако никому не приходит в голову дикая мысль требовать их уничтожения, а требуют восстановления в них контроля, порядка и законности. А то, если долой община, то по этой же причине почему не долой университеты, в которых производились всевозможное пакостничество и преступления, долой

все министерства с их казнокрадствами и беззакониями, долой Гос[ударственная] Дума и – что тогда не долой?

Г. Бодиско обвиняет в сотый раз общинное землевладение в том, что им «убита инициатива, предприимчивость, нормальное стремление к улучшению своего земледелия…»; в равнодушии к общественным делам: продовольственному, школьному, призрению, дорожному и пр. «Все разорено, разрушено; земля выпахана; общественный скот всюду бродит без призора, не давая возможности ни одному общиннику завести сада или огорода». Вот безотрадная картина, нарисованная г. Бодиско без указания местности, а, следовательно, по его мнению, общая для всей России.

Предприимчивость и инициатива убиты не у общинников, а у нас, частных и несчастных землевладельцев и убиты не общинниками, а тем хаотическим состоянием, в которое приведено Государство бездействием и ошибками власти и неуверенностью в завтрашнем дне. Кроме Крестьянского Банка, неизвестно для кого приобретающего земли, так как «изголодавшиеся землею» крестьяне, очевидно, не желают пользоваться его попечениями, охотников помещать капиталы в земельную собственность почти нет, что могут удостоверить гг. нотариусы. О деятельном участии крестьянских обществ в устройстве школ, дорог, продовольственном деле и т. д. странно говорить человеку, знающему организацию провинциальной жизни. Кому же неизвестно, что все эти дела подлежат ведению и попечению земств и их органов, а крестьянские общества, равно как и частные землевладельцы, промышленники и фабриканты являются только плательщиками на эти предметы земских обложений. А если эти отрасли общественной необходимости находятся в неудовлетворительном состоянии, то упреки в этом надо адресовать уж никак не общинам.

Не более правдиво обобщение печальной картины общинного разорения. Что общинное землевладение не препятствует заводить сады и огороды – пример тому у меня, постоянно деревенского жителя перед глазами. У нас, в Тарусском уезде крестьянское садоводство за последние 15—20 лет развивается

так, что не только конкурирует, но положительно давит наши частновладельческие предприятия, не неся наших накладных расходов. Многие общины часть полевой земли с общего согласия обращают под сады и ягодники и выручают с них по несколько сот, а иногда и до тысячи рублей на семью. Но если это возможно в Тарусском уезде, то почему же это не может быть и [у] других? А всякие огульные бездоказательные обвинения в разорении, беспробудном пьянстве, неплатеже податей, когда сами струсившие администраторы не взыскивали их четыре года, совершенно не приличествуют в таком первостепенной важности деле, как коренная ломка исторически сложившейся народной жизни.

Все это было высказано не раз, и повторение может показаться излишним. Но возобновляющиеся стереотипные нападки на самый корень народного бытия вынуждают и нас лишний раз обличать их несправедливость.

24 марта 1909 г.

———

Необходимая реформа земских учреждений

I

Назначение земских учреждений заключается в развитии всех сторон местной жизни и удовлетворении потребностей населения и его запросов материальных, умственных и духовных. Между тем, настоящая организация земства, подразделяющаяся на уездную и губернскую, и отношения, установившиеся между ними и правительством, привели к тому, что местная земская деятельность начинает сильно хиреть и грозит в будущем совершенно остановиться, задавленная взрастающим преобладанием губернского земского органа в ущерб уездным. При учреждении земства и подразделении его на учреждения губернские и уездные законодатель отнюдь не имел в виду создавать из них две инстанции

и подчинить первым – вторые. Смысл этого разделения заключался, очевидно, в том, чтобы уездным земским учреждениям, практически и непосредственно соприкасающимся с действительной жизнью, дать возможность обмена мыслей и принятия по возможности однообразных решений по практическим вопросам их деятельности и нарастающим нуждам населения, вверившего их попечению свои жизненные интересы. Но мало-помалу отношения между земскими органами начали изменяться, и по мере того, как развивалось значение и объем центрального органа, деятельность местного, уездного, чахла, лишаемая губернским все в большем размере материальных средств, значительнейшая доля которых тратится совершенно непроизводительно для народной жизни. Толчок в этом направлении дало само Правительство, установившее свое отношение к земству через губернские его учреждения. Так, напр[имер], вместо того, чтобы передать правительственные шоссейные сооружения в ведение тех уездных земств, по территории которых дорога проходит, оно передало их, а также и средства на их содержание губернским земствам, оно же установило безапелляционную обязательность отчислений из средств уездных земств сумм, необходимых на содержание губернских земских учреждений по раскладке, определяемой сим последним. Пользуясь этим правом, губернские земства, возвышая постепенно обложения уездных, довели их в настоящее время до полного истощения, парализовали местную деятельность и лишили возможности не только развивать удовлетворение нарастающих потребностей населения, но и поддерживать в должном совершенстве то, что уже создано было раньше. Для иллюстрации размеров того данничества, в которое поставлены уездные земства, достаточно привести пример бюджета Тарусского уезда на 1908 г., по которому при годовом его сборе в 84.556 р. отчисляется в пользу губернского земства 30.102 руб., т. е. 35 процентов.

Но могут возразить, что эти отчисления на расходы губернского земства не пропадают непроизводительно для на-

селения, а приносят ему такую же пользу чрез деятельность центрального земского учреждения. Несомненно, что часть губернских отчислений расходуется производительно, но неоспоримо и то, что, во-первых, количество накладных, непроизводительных расходов, при настоящей двойственной организации земств составляет огромный процент, а во-вторых, той частью отчислений, которая расходуется производительно, на учреждения, полезные для населения, последнее не может пользоваться равномерно. Для доказательства первого из этих двух утверждений достаточно сказать, что при годовом бюджете Калужского губернского земства в 840.450 руб. на содержание огромного личного состава его расходуется около 100.000 руб. Что же касается неравномерности, то она совершенно очевидна при поуездном сличении количеств лиц, пользовавшихся центральными учреждениями медицинской помощи и благотворительности. Так, например, в крупнейшем учреждении Калужского губернского земства, Хлюстинской больнице, из общего числа пользовавшихся в ней в 1906 г. больных в 4.827 человек лежали жителей г. Калуги и уезда его 2.525 чел., или более половины, а жителей Тарусского уезда — 81, Боровского — 35 чел. Глазным лечением из общего числа 725 амбулаторных и 121 стационарных больниц на долю г. Калуги и уезда его пришлось: первых 431 и 31 стационарных, тогда как Тарусских было 7 и 4, а Боровских ни одного. Учреждение яслей приютило из общего числа 85 детей – 64 ребенка Калуги и уезда, Тарусских 2 и по шести уездам ни одного. И так во всем.

Для полноты картины существующего расстройства земской жизни необходимо объяснить, что, несмотря на огромные отчисления уездных средств в пользу губернского земства, финансовое положение не только Калужского, но почти и всех других, находится в критическом положении. Все капиталы: дорожные, страховые, запасные, оборотные и иные числятся только на бумаге, а в действительности не существуют, ибо давно растрачены на покрытие перерасходов при безрасчетном ведении своего крупного хозяйственного

дела. Вместе с тем, притяжение значительной части уездных средств в распоряжение губернского земства, часть которых этим последним снова возвращается в уезды в той или другой форме, поколебало первоначальные между ними отношения и создало если еще не подчиненность, то, во всяком случае, зависимость местных земских органов. Раз начавшаяся централизация, которой не видится преграды ни с какой стороны, будет естественно возрастать, и, если настоящее положение не изменится, то недалеко то время, когда мысль, положенная законодателем в учреждение земства, совершенно исказится, и они обратятся в простые бюрократические инстанции; уездные в роли подчиненной и исполнительной, губернские — которые и в настоящем виде представляют тип чистейшего бюрократизма — в распорядительно-командующей.

Всякое дело, а тем более практическое и хозяйственное, может вестись хорошо и успешно только тогда, когда у него есть один рачительный и деятельный хозяин. Двух хозяев к одному делу приставлять нельзя, и хорошего от такой системы ожидать невозможно. А между тем именно в земской организации допущена такая двойственность. Вся деятельность земства в главных чертах исчерпывается следующими отраслями: народное образование, здравие, пути сообщения, помощь населению в его обиходной жизни сельскохозяйственной, рабочей и ремесленной. И то, и другое земство занято разрешением одной и той же задачи, с тою разницей, что уездные имеют свою территорию и свое определенное население, подлежащее их заботам, и действует за свой счет, тогда как губернские, вмешиваясь в то же дело, не имеют ни территории, ни определенного населения и действуют на чужие средства. Естественное стремление расширить свой круг деятельности, усилить свое значение, не встречая преград со стороны правительственных установлений, развивается все более и более, а жизнь уездная, лишаемая своих средств все в возрастающей степени, влачит теперь уже самое жалкое существование.

Для избежания конечной гибели местного земского дела необходимо коренное преобразование его организации, и первее всего уничтожение существующего двоевластия упразднением губернских учреждений. При этом едва ли могут встретиться какие-либо непреоборимые затруднения, потому что центральные губернские земские учреждения весьма немногочисленны и состоят почти исключительно в больницах и богадельнях, которые могут быть или постепенно ликвидированы при децентрализации медицинской помощи населению, что принесет несомненно огромную ему пользу и удобство, или же переданы на известных условиях городским учреждениям. Все функции губернского земства могут быть постепенно переданы в заведование уездного земства губернского города при известном временном или постоянном воспособлении от уездных земств для увеличения его штата, а затем уездным земствам, единственно и исключительно нужным, живым органам живого народного дела, должна быть предоставлена полная свобода и независимость в их попечении о местных потребностях населения, при условии точного соблюдения существующих узаконений, под наблюдением соответствующих правительственных учреждений. Уездные земства должны получить право действовать каждое самостоятельно в полной независимости одно от другого, а также входить в соглашение друг с другом для общих целей в той или иной сфере их деятельности группами, в несколько уездов не только из числа уездов одной и той же губернии, но и группами в составе уездов соседних губерний, если это не встретит затруднений со стороны Правительства в смысле административном. Равным образом уездам слишком обширным и с многочисленным населением должна быть предоставлена возможность дробиться на два и более местных земств, тоже самостоятельных в пределах границ их территорий.

Вся будущая участь нашего Отечества зависит, скажу без всякого преувеличения, от земского благоустройства, и если Государству приходится переживать в последние годы

великие расстройства и бедствия, то в большой, а может быть, и решающей степени от того, что у него в потребное время не было правильно организованного земства, которое дало бы в члены Государственной Думы не авантюристов, стремящихся к власти, без знания народных нужд и состояния Государства, а людей дела, опыта и знания. России нужно не мелкое или крупное, а *деловое* земство. Только такое земство может дать Государству людей, действительно достойных принимать участие во вновь созданных законодательных учреждениях, которые только в таком составе получат должный авторитет как в стране, так и в среде Правительства.

Настоящую организацию уездных земств ни в каком случае нельзя признать удовлетворительною. Существенный недостаток ее заключается в выборном начале, на котором основано образование распорядительного органа земств – земского собрания. В деле хозяйственном, каковым является земское дело, все хозяева должны иметь право прямого участия, выборы же в своих результатах зачастую дают не лучших и полезнейших деятелей, а выдвигают наиболее ловких в интригах и искусных в подборе голосов, имеющих обширные связи, влияние и т. п. преимущества, ничего общего с их пригодностью для земского дела не имеющие. Поэтому наисовершеннейшим земским собранием было бы такое, в котором участвовали бы все землевладельцы, имеющие полный, определенный для данной местности, ценз, а также и полноцензовые плательщики земских налогов по другим, кроме земли, имуществам, а неполноцензовые чрез своих представителей – как и в настоящее время. Такой состав собрания делает его всего менее подверженным влиянию партийности, потому что не связывает мнения участвующих никакими выборными соображениями и опасением забаллотировки в случае противоречий с наиболее влиятельными членами собрания. На нем труднее будет обделывать делишки, не согласные с земскими интересами, из опасения неминуемого изобличения одним из независимых, смелых голосов, достаточных, чтобы увлечь за собою всех слабых, нерешительных и обмороченных.

Опасаться особенно многолюдства собраний едва ли основательно. В небольших уездах, принимая во внимание неизбежное отсутствие многих непопечительных, не интересующихся и просто не желающих участвовать в общественных делах, земские собрания едва ли будут значительно многочисленнее теперешних, а крупные, многолюдные уезды могут быть или разделены на несколько земств, или же, при их богатстве, могут соорудить и здание, достаточное для вмещения многолюдного собрания. Что же касается до сомнения в деловитости многолюдных сборищ, то, если возможно признавать деловым Собранием Государственную Думу и Совет, обсуждающие и решающие дела, не знакомые трем четвертям присутствующих, если возможны Дворянские Собрания в несколько сот человек, то тем более возможно деловое многолюдное Земское Собрание, в котором все до единого знают и понимают свое земское дело.

Из приведенных соображений вытекает, что самоуправляющееся земство должно быть единое, совершенно независимое ни от каких пристроек к нему ни снизу, ни сверху, свободное от всяких инстанций, непосредственно сообщающееся с правительственными органами и подвергающееся их контролю исключительно только в смысле соблюдения существующих законов и интересов населения. Такое земство должно быть единственным учреждением для образования Государственной Думы, ибо только хозяева Государства должны иметь право участия в его судьбах. Тогда не будет и пустым словом отчетность члена Государственной Думы перед своими выборщиками, как теперь, когда ни выборщики не знают своего излюбленного, ни он их, и тогда невозможны станут те противогосударственные явления, которые имели место во всех трех первых Думах.

О подробностях земской организации, составе ее исполнительных органов, способах действий, круге дел и обязанностей своевременно будет говорить только тогда, когда будет принят предлагаемый принцип единства земских учреждений. Ранее же сего это будет напрасный, бесцельный и бесполезный труд.

II

Было бы большим заблуждением истощение уездного земского кошелька, ведущее к постепенному ослаблению местной самодеятельности, приписывать исключительно злоупотреблениям губернской земской администрации своим положением по отношению к уездным земствам.

Постепенное разбухание губернского земства и поглощение их самостоятельности уездных является неизбежным и естественным последствием действующего земского законодательства и поведения Правительства, совершенно игнорирующего уездную земскую самостоятельность.

Создавая два вполне самостоятельные органа земского самоуправления, необходимо было совершенно определенно разграничить предметы ведения каждого из них. К сожалению, это исполнено не было: закон не выделил для деятельности губернских земских учреждений лишь заботу об удовлетворении общегубернских надобностей, но допустил вмешательство их и в частные нужды уездов. Это положение дало, с одной стороны, повод уездам обращаться к губернскому земству за содействием по чисто местным уездным нуждам, а с другой – дало право и губернским земствам вмешиваться в уездные дела и повело необходимо к постепенному возрастанию бюджетов губернских земств и их влияния на деятельность уездных, средства которых постепенно уменьшались, перекачиваемые все в возрастающей степени в губернские кассы, и ныне процент губернского обложения достиг свыше трети всего уездного сбора у нас, в Калужской губернии, а в других, может быть, и больше, причем уездные земские собрания лишены права относиться критически к назначаемой губернским земством раскладке в губернский сбор и должны безапелляционно ей подчиняться, не имея возможности выразить свой протест практически хотя бы не взносом определенной губернскою сметой на уезд суммы, ибо таковая обязательно удерживается казначействами при всяких земских поступлениях.

Можно возразить: почему допускают развиваться такому ненормальному соотношению между губернскими и уездными земствами члены губернского земского собрания, состоящие в то же время уездными гласными? Почему они не защищают своих местных интересов, захватываемых центральным учреждением?

Причин на это достаточно, легко объяснимых и часто уважительных. Так, например, далеко не все губернские гласные смотрят на себя как на представителей и защитников интересов своего уезда прежде всего и проводников губернских мероприятий, лишь поскольку они соответствуют этим интересам и им не противоречат. Многих соблазняет бесспорная полезность предлагаемых губернскою земскою администрацией мер, и, соглашаясь на потребные для их осуществления расходы, они упускают из виду, что эти мероприятия принадлежат к области чисто местной деятельности и что потребные для них средства гораздо выгоднее истратить из уездной земской кассы непосредственно, чем внеся их сначала в губернскую, потому что администрирование сумм, туда попадающих, требует расхода от 15 до 20%, пропадающих непроизводительно для полезного дела. Положение, занятое Правительством в отношении обеих инстанций земских учреждений, также и, может быть, более всего способствовало установлению настоящих, ненормальных их взаимоотношений.

В самом деле, уездные земские учреждения имеют во главе своей земское собрание, состоящее из избранных населением гласных. Такая выборная коллегия, очевидно, не может быть подчинена никакой другой, выборной же, коллегии, а тем более происходящей из ее же недр. Ввиду такого самостоятельного органа ему должны бы принадлежать и все отличающие самостоятельность атрибуты. А между тем, закон, установив самостоятельность уездных земских собраний, в то же время лишает их существеннейших ее принадлежностей и сводит ее на нет. Так, уездные земские учреждения лишены возможности протеста в охранении их материальных интересов от фискального произвола губернских земств. Еще более

нарушается их самостоятельность лишением права непосредственных ходатайств перед Правительством о чисто местных уездных нуждах, каковые непременно должны представляться на благоусмотрение губернского земского собрания и без его одобрения не получают дальнейшего хода. Этот порядок является не только несправедливым, но даже не соответствующим ясным требованиям здравого смысла. В самом деле, по каким соображениям можно отдавать ходатайства о местных уездных нуждах отлично осведомленного о них уездного земского органа под контроль губернского, в котором большинство может ничего не знать о предмете ходатайства и его действительной потребности для неизвестной им местности? Кто же ввиду этого является вершителем судьбы уездного ходатайства? В сущности даже не губернское собрание, а губернская земская управа, т. е. исполнительный орган губернского земства является критиком и контролем самостоятельного и независимого от него выборного учреждения. Правда, заключения губ[ернской] управы подвергаются еще обсуждению ревизионных комиссий, состоящих из губернских гласных, но губернское земское собрание, состоя из отбора тех же уездных гласных, не может считаться ни выше уездных собраний, ни благоразумнее их, а в смысле суждения об уездных нуждах оно, конечно, гораздо менее осведомлено. И вот вершителем судьбы постановлений уездных собраний является губернская земская управа. А между тем ее интересы могут часто и не совпадать с потребностями и желаниями уездных земств. Наглядный пример тому можно видеть в возбужденном мною еще прошлого года вопросе о реформе земских учреждений на основании упразднения губернских и полной хозяйственной самостоятельности уездных, единственно живых и практически потребных для населения, к каковой идее ныне примкнуло шесть уездов Калужской губ[ернии], из восьми занявшихся ее обсуждением. Не нужно было обладать особою проницательностью, чтобы заранее предвидеть отрицательное отношение губернской земской управы к упразднению ее существования. Я далек от мысли приписывать такое отношение исключитель-

но эгоистическим побуждениям почтенного состава управы, но, обремененное массой труда, постепенно накоплявшегося в центральном земском органе, они, может быть, вполне добросовестно убеждены в совершенной необходимости настоящей земской организации и невозможности ликвидировать ее двойственность.

Закон, не допуская непосредственных сношений между уездными земскими и правительственными учреждениями, побуждает и Правительство относиться к делам, касающимся земской деятельности, исключительно чрез губернские органы. Это чисто формальное явление, имевшее первоначально, может быть, исключительно смысл практического удобства, неизбежно обратилось в одно из обстоятельств, утверждающих верховенство губернских земств.

Таким образом, настоящее неудовлетворительное положение земского дела, находящееся в прямой и непосредственной зависимости от ненормальных отношений, установившихся, по несовершенству и недостаточной определенности законодательства, к земской организации относящихся, может быть исправлено только коренною их реформой, что сознается и самим Правительством, поставившим этот вопрос в свою преобразовательную программу.

Некоторые уездные земства, среди которых мысль о земской реформе на основании упразднения губернских земских учреждений встретила сочувствие, оговариваются, однако, что находят несвоевременным входить с ходатайством о сем к Правительству, в виду того, что вопрос этот стоит на очереди как у Правительства, так и в Гос[ударственной] Думе.

Казалось бы, как раз, наоборот: именно потому, что можно ожидать в ближайшем будущем обсуждения земской реформы в правительственных сферах и законодательных учреждениях, уездным земствам следует безотлагательно высказаться, в каком направлении желательно и для дела полезно изменение соотношений между земскими учреждениями. Это представляется тем более необходимым, что, насколько известно из сведений, проникающих в печать, правительствен-

ный проект преобразования земских учреждений построен не на основе упрощения земской организации и сосредоточения ее в одном самостоятельном распорядительном органе, но, напротив того, к существующим двум инстанциям, губернской и уездной, предполагается образовать еще третью – мелкую земскую единицу, а по другим сведениям, еще и четвертую в виде областного земства и поставить их все уже в формальную, обязательную зависимость в восходящем порядке.

Если и теперь двойственность земского хозяйства мертвит живое земское дело, отнимая огромную часть денежных средств населения на непроизводительные накладные расходы, то, с осуществлением правительственного трех или даже четырехэтажного земского устройства, эти средства еще в большей доле будут поглощаться содержанием необходимого штата земских чиновников и помещений, а на полезное, производительное, практическое земское дело останется средств еще менее, чем ныне от многомиллионных затрат на содержание губернских земских учреждений.

Надежды на то, чтобы правительственные предположения были переданы на обсуждение земских собраний, не имеется. В роли сведущих людей является теперь совещание, наименованное «преддумьем», и сама Гос[ударственная] Дума. Естественно, что, имея такие осведомительные органы, Правительство не нуждается в других. Если же оно, сверх чаяния, и надумало бы узнать мнение местных земств, то, несомненно, направит свой проект не в уездные, а в губернские земства, которые, конечно, скорее отнесутся сочувственно к правительственному предложению, расширяющему их права и ставящему уездные и мелкоединичные земства в подчиненное положение, чем к проекту, упраздняющему их существование или, по крайней мере, стремящемуся ослабить их подавляющее влияние на уездную земскую деятельность.

Гораздо благоразумнее предостеречь Правительство от неправильного решения и заранее указать ему то направление в земской реформе, которое единственно приведет к благоустройству и оживлению местную жизнь и уничтожит земский

бюрократизм, столь гнетущий земское дело при существующих взаимоотношениях земских учреждений и устранит грозящее им усложнение прибавкой лишних инстанций.

По всем этим причинам теперь наступило самое время возвысить свой голос истинно земским людям и осведомить Правительство о настоящих причинах местного оскудения и безжизненности земского дела. Когда правительственный проект земского преобразования пройдет через Гос[ударственную] Думу, тогда уже будет поздно, да и бесполезно предъявлять ходатайства и указания. А России, между тем, грозит получить вместо бюрократического архибюрократическое земство. Хорошего от этого ожидать, кажется, невозможно.

III

Неудовлетворительность настоящей организации земских учреждений с особою наглядностью проявляется в деятельности губернских земских собраний. Причину этой неудовлетворенности было бы ошибочно приписывать неудовлетворительному личному составу собраний. Бесспорно, что в них, как и во всякую другую коллегию, попадают и ленивые, и беспечные, но этого процента бесполезности избежать невозможно; зато несомненно и то, что в числе губернских гласных большинство состоит из людей дельных, заботливо относящихся к своей обязанности и одушевленных искренним желанием принести посильную пользу земскому делу, и, несмотря на это, покидающих каждый раз собрание с ясным сознанием неудовлетворительности достигнутых результатов.

Доминирующая роль на губернских земских собраниях принадлежат не господам гласным, как бы следовало по их значению и в интересах дела, а исполнительному органу губернского земства – управе, которой только в очень редких случаях не удается достичь одобрения собранием ее докладов, даже очень сомнительных с точки зрения пользы для населения. И это вполне понятно и очень естественно. Ни один гласный не имеет возможности изучить предлагаемый к его разрешению

предмет так, как специально приставленные к нему исполнители; к тому же доклады печатаются и рассылаются гласным иногда чуть не накануне собрания, а добрая половина их раздается уже в самом собрании, а то и вовсе не печатается, а читается прямо с председательского стола. Естественно, что, при таких условиях гласные являются весьма слабо вооруженными для критики предлагаемых исполнительным органом мероприятий и не могут успешно с ним состязаться. Если прибавить к этому, что губернская управа, несомненно, имеет в числе гласных многочисленных сторонников, ей вполне доверяющих, что сама она участвует в голосовании своих предложений, то станет совершенно ясно, почему губернские земские собрания всегда находились и находятся под влиянием их исполнительного органа и никогда не были в состоянии предупредить и пресечь внедрившиеся в оном злоупотребления, почему таковые и привели большинство губернских земств почти к окончательному банкротству.

Таким образом, вследствие крайней затруднительности контроля над действиями губернских исполнительных органов не только со стороны собраний, но и избираемых из их среды ревизионных комиссий, часто до последней минуты не получающих надлежащих для исполнения своей задачи сведений, благополучие губернского земского дела оказывается в полной и исключительной зависимости от более или менее удачного выбора лиц, составляющих губернскую земскую управу, а ошибки в этом отношении встречались несравненно чаще, чем это было бы желательно, что подтверждается всею печальною историей земского дела в России.

Всякому знакомому с ходом дела в очередных губернских земских собраниях известно, с какого медленного темпа они начинаются, при обсуждении даже самых маловажных дел, и с какою головокружительною быстротой оканчиваются (рассмотрением, а зачастую и без всякого рассмотрения), наиболее серьезные доклады, влекущие за собой сотни тысяч расхода народных денег. И это при существующей земской организации совершенно неизбежно и неустранимо. Большинство гу-

бернских гласных не состоят жителями губернского города – места губернских земских собраний, а приезжают из своих имений или постоянного местожительства по обязанностям службы, покидая свои семьи и личные дела. Поэтому вполне естественно, что они, по прошествии известного времени, неудержимо стремятся возвратиться к своим домам и делам, тем более, что проживание в городе составляет для многих очень чувствительный расход, так как на время собраний гостиницы губернских городов поднимают цены на помещения вдвое против обычных и всячески эксплуатируют приезжих.

Могут возразить, что в таких же условиях находятся гласные уездных земских собраний; но это не совсем верно. Расстояние между жительством уездных гласных и уездным городом в огромном большинстве случаев несравненно менее, чем до губернского города, и для многих столь незначительно, что они могут каждый день возвращаться домой; наконец, и продолжительность уездных собраний несравненно короче губернских и обычно не превосходит 3—4 дней без всякой спешки. Медленное рассмотрение дел в начале Губернского собрания свидетельствуют о добросовестном стремлении гласных отнестись обстоятельно и внимательно к каждому вопросу, предлагаемому на их разрешение. Но проходит несколько дней, внимание более или менее утомляется, в особенности монотонностью множества вопросов чисто делового интереса, кошельки гласных тощают, личные дела, скопляющиеся преимущественно перед праздниками, когда, по большей части (в декабре), назначается и губернское собрание, настоятельно требуют возвращения домой, и начинается разъезд, и усиливается спешка, чтобы не остались неутвержденными, за разъездом гласных, отчеты и сметы, т. е. наиболее серьезные вопросы. И вот в то время, когда о мероприятии, требующем затраты какой-нибудь маловажной суммы, препираются иногда целые заседания, вопросы в сотни тысяч разрешаются моментально, без всякого обсуждения, в слепом доверии к заключениям ревизионных комиссий, часто, в свою очередь, не имевших физической возможности

серьезно проштудировать материал, представленный им губернской управой. И такое течение собраний не составляет явления исключительного; напротив, исключением явились бы собрания, с начала и до конца обстоятельно обсудившие все предоставлявшееся их решению. Избежать этого или исправить неудовлетворительную земскую работу при настоящей земской организации нет никакой возможности; она, наоборот, неизбежно должна с течением времени усиливаться вследствие неудержимого расширения круга деятельности губернского земства. Действительно, количество докладов, представляемых на обсуждение очередных земских собраний, ежегодно увеличивается, равно как и количество и объем отчетов, и уже теперь достигло размеров, совершенно непосильных для одоления в течение одного собрания.

Так, например, очередному Калужскому губернскому земскому собранию 1908 года было представлено всего около, а может быть, и более 200 докладов; из них 171 печатный, остальные докладывались непосредственно, на слух. Из печатных докладов только 108, заключающие 475 страниц, были разосланы предварительно; остальные 63 доклада в 388 страниц были розданы гг. гласным уже в течение собрания. Кроме того, на их обсуждение было представлено отчетов и смет губернской управы общим числом около 1.400 страниц. Не угодно ли одолеть добросовестно такое колоссальное количество серьезнейшего материала в течение 9—10 дней губернского собрания, более какового срока гласные не выдерживают, и упрекать их за это решительно невозможно. Не мудрено, что наиважнейшие дела сметы и отчетов были скомканы кое-как, а десятки серьезнейших докладов и вовсе не обсуждались, несмотря на то, что многие из них требовали срочного разрешения и не могли быть откладываемы в долгий ящик следующего очередного собрания, на экстренных же часто отсутствуют по законным причинам гласные, участие которых было бы наиболее желательно и полезно для земских интересов.

Избегнуть такого губительного для земского дела положения можно только перенесением центра его тяжести в

уезды; но это, при настоящем соотношении между земскими инстанциями и положением, занятым по отношению к ним Правительством, решительно невозможно. Налоговая обязательность и правительственное игнорирование уездных земств как самостоятельных учреждений, доколе они существуют, будут всегда фатально возрождать гегемонию губернского земства, вновь втягивать уездные земства в сферу его преобладания и истощать уезды и средствами, и людьми. Никакими паллиативными способами тут помочь невозможно: разгруженное нынче, губернское земство с завтрашнего дня снова начнет притягивать в себя уездные соки, при содействии, – может быть, даже бессознательном, – Правительства. Тут возможно применить с успехом только хирургический способ – отсечение члена, мертвящего местную земскую деятельность, каковым является губернское земство в настоящем его виде. С этим согласно огромное большинство уездных земств, и мы настойчиво осмеливаемся рекомендовать Правительству прислушаться к их дельным голосам и возродить уездную земскую деятельность, дав ей необходимую для того полную самостоятельность.

IV

Неспособность губернских земств к удовлетворительному и успешному исполнению практических задач, возложенных на них законами и поручаемых, помимо уездных, Правительством, можно доказать на множестве примеров. Решительно невозможно указать ни на одну сторону жизненных потребностей населения, в которой отразились бы ясно результаты умелого попечения губернских земств. Правда, на словах и бумаге обнаруживаются всесторонние заботы о благополучии жителей, ассигнуются и тратятся огромные суммы на приглашение специалистов по разным отраслям знаний, но практическая полезность от деятельности всего этого персонала оказывается обыкновенно весьма неопределенная, а часто и вовсе отрицательная. Грунтовые дороги – главный нерв наших

сообщений – за время пребывания их в ведении земств скорее ухудшились, чем улучшились, несмотря на то, что губернское земство содержит и инженеров, и дорогостоящий штат управских о дорожном деле попечителей; санитарное положение деревенских поселений находится в том же состоянии, в котором было, можно сказать, в доисторические времена, хотя на средства населения содержатся группы дорого стоящих санитарных врачей и их помощников всех рангов; в училищное дело губернское земство не внесло никаких улучшений, да и не могло, так как оно находится на попечении уездных земств, ветеринария и агрономия проявляются только в оплате содержания приглашенному персоналу и писанию оным разных проектов по своей специальности, без малейшей практической пользы для населения. Страховое дело находится в положении, близком к банкротству; капиталы его, дорожные и других наименований, по большей части числятся только на бумаге, а в действительности давно и безвозвратно растрачены на содержание огромного, но практически бесполезного персонала губернских земских учреждений.

Конечно, могут возразить, что такая огульная отрицательная характеристика губернских земств мало убедительна и доказывает только слепую предубежденность против критикуемого учреждения; нужны, мол, не голословные обвинения, а конкретные факты. Хотя в подтверждение неблагополучного положения губернского земского дела было бы достаточно привести, напр[имер], результаты ревизии сенатора Зиновьева, богатейшего из губернских земств – Московского, которое, обладая даже такою сокровищницей, как город Москва, все-таки не сумело исполнить удовлетворительно свою задачу, но обстоятельства позволяют привести в этом смысле самый, можно сказать, свежий и неоспоримый факт.

Среди многочисленных съездов, собиравшихся на святках 1909—10 года, был один (кажется, съезд естествоиспытателей и врачей), в котором имелась «подсекция статистики». В этой «подсекции» выступил с докладом «Движение оценочных работ» представитель Министерства Финансов,

г. Ландовский, и он-то и напомнил нам одну из печальнейших отраслей деятельности губернских земств, именно производство им оценочно-статистических работ с ежегодным пособием от казны. Работу эту по предложениям Государственного Совета следовало окончить в два года. Но с тех пор (1899 г.) прошло более 10 лет, истрачено более 14 миллионов казенных денег, а еще и теперь невозможно предвидеть конца оценочным работам, ибо таковых по сообщениям губернских управ сделано по сие время менее половины, а по убеждению докладчика, менее трети.

Если бы такое плачевное состояние оценочно-статистических работ обнаружилось только в некоторых губернских земствах, то его можно было бы отнести на счет неудовлетворительности личного персонала господ земских статистиков и недостатка контроля над их работами. Но так как это явление всеобщее, которого не избегло ни одно губернское земство, то причину неуспешности оценочной статистики надо искать не в приставленных к ней людях, а в ошибках организации дела, централизованного в одном пункте, а не рассеянного возможно более по исследуемому пространству, как это очевидно требуется самою сущностью и смыслом статистического дела. Собирать статистические сведения с какою бы то ни было целью, а тем более с целью оценки, в течение десятков лет – есть явная нелепость, и такая работа совершенно бесполезна, ибо не дает верной картины положения исследуемого предмета. Вне времени не может быть никакой статистики. Чем кратче и определеннее время собирания статистических сведений, тем правильнее будут выведенные из них заключения. В течение же десятков лет условия жизни, потребностей, положения настолько изменяются, что первоначальные определения становятся никуда не годными и не выражают действительного соотношения между однородными предметами, подвергшимися разновременному исследованию. Так, пустынные при статистическом исследовании местности могут быть прорезаны железною дорогою и тем совершенно изменить стоимость прилегающих земель,

а прежде цветущий бойкий грунтовой тракт запустеть и заглохнуть. Многие промыслы могут за долгое время в одном месте развиться, в другом упасть под влиянием каких-нибудь условий, не существовавших ранее.

Необходимость быстроты статистических работ, без которой они не имеют ни малейшей гарантии правильности, сознается всеми, а в том числе и Правительством, предпринимающим, напр[имер], для исчисления количества народонаселения однодневную его перепись. Конечно, в других отраслях статистических работ однодневное получение повсеместных сведений может быть и невозможно, но это составляет, собственно говоря, идеал, к которому следует возможно более приближаться.

Правительство, имея в лице уездных земств самостоятельные, организованные учреждения, должно было воспользоваться именно ими для получения верных статистических данных, преподав точную программу того, что требовалось определить, и тогда оно, наверное, давно имело бы уже желательные сведения, и его 14 миллионов не пропали бы бесполезно, как они, несомненно, пропадут теперь, потому что все оценочно-статистическое дело надо начинать сначала, а то, что сделано до сих пор, уже заплесневело в давности и не выражает действительности.

Назревшая в правительственных сферах мысль о мелкой земской единице может иметь только одно разумное объяснение – сознание невозможности, как оно и есть в действительности, вести практически земское хозяйство чрез крупную земскую единицу; но в таком случае зачем же она? Но и для мелкой земской единицы должен быть предел дробления и, по нашему мнению, этот предел представляет уезд. Меньшая единица, как, напр[имер], волость или, как предполагается некоторыми, приход, не выдержит потребных на ее содержание накладных расходов и разорит население. Только особенно крупные густонаселенные уезды можно было бы с пользою для дела дробить на два или более самостоятельных земства, но в общем уезд представляет наиболее практически подходящий

размер земской административно-хозяйственной единицы, при существовании которой всякая иная совершенно бесполезна, что и доказало полувековое разорительное для населения существование губернских земств.

V

Земское дело как организация хозяйственная в настоящем своем положении всего больше страдает от неимоверного развития непроизводительных накладных расходов, неизбежных при двухинстанционной его организации. Пока будет продолжаться такое положение, пока огромная доля уездных, местных средств будет поглощаться на содержание центрального губернского учреждения, до тех пор тщетно ожидать развития уездных земских учреждений и приведения их в надлежащее благоустройство, которое вполне удовлетворило бы потребности населения, так как поглощение уездных средств губернским не только не имеет наклонности к уменьшению, но, напротив, прогрессирует безостановочно. Поэтому самою насущною необходимостью при обсуждении способов улучшения земского дела является прекращение обессиления уездных земств посредством беспредельной и безапелляционной перекачки их средств в кассы губернского, что может быть достигнуто только упразднением губернских земских учреждений, стоящих очень дорого, но приносящих реальному земскому делу пользу весьма сомнительную.

Конечно, эта мысль может встретить сильные возражения; многим она покажется неисполнимою или, по меньшей мере, до последней степени затруднительною, ввиду тех огромных размеров, до которых разрослись губернские земские учреждения в некоторых губерниях, как, напр[имер], в столичных. Но такие взгляды едва ли можно признать основательными. Земская деятельность, по самому существу своему, как хозяйственная, должна быть самостоятельная и не подвергаться давлению никакой инстанции; как практически местная, она требует децентрализации, а не сосредоточения.

Таким образом, упразднение инстанции, самопроизвольно облагающей уездные земства налогами на свое содержание, без права протеста со стороны последних, будет вполне отвечать реальным земским задачам и интересам. Все отрасли земской деятельности – дорожная, по народному образованию, общественному призрению, медицинская и сельскохозяйственная – требуют местного знания потребностей и местного надзора. Исключение может составить разве только страховое дело; но это, во-первых, не принадлежит к разряду чисто земских дел, а во-вторых, может быть осуществлено добровольным союзом уездных земств не только одной, но и многих губерний, и, как дело при правильном его ведении выгодное, всегда найдет предпринимателей для практического осуществления.

Упразднение губернских земских учреждений едва ли встретит значительные затруднения. Само собой разумеется, что оно не может быть сделано поспешно, что план постепенной ликвидации его должен быть тщательно обдуман и предложен на обсуждение уездных земских собраний; но, во всяком случае, для окончания ликвидации должен быть указан определенный срок, и не более, напр[имер], трехлетнего. Срок этот можно считать вполне достаточным, да и тот потребуется более для соображений и расчетов, а не для практической затем их реализации.

Для выработки общего плана и порядка ликвидации дел губернского земства следует образовать комиссию из уполномоченных от уездных земских собраний, по одному от каждого, с обязательным в ней участием всего состава губернской и всех председателей уездных земских управ.

Ликвидация дел губернского земства значительно упрощается и облегчается тем, что в каждом губернском городе имеется земское учреждение, именно уездное земство, которому и могут быть переданы, до времени их окончательного упразднения, или же в постоянное заведование, губернские земские учреждения вместе со средствами, потребными на их. Тому же земству уезда губернского города передадутся и капиталы неприкосновенные, имеющие специальное назначение,

на тех же условиях, на каких они находились в заведовании губернских земств.

Те капиталы, в которых заинтересованы уездные земства, могут быть или переданы в их заведование, сообразно части, приходящейся на долю каждого, или же, в случае практической невозможности раздела, остаются в заведовании комитета из председателей уездных управ, на основании тех полномочий, которые будут даны уездными земскими собраниями.

Для покрытия расходов уездного земства губернского города по заведованию делами и учреждениями, которые перейдут к нему от губернского земства, оно пользуется или доходами с капиталов, для сих целей имеющихся, или же получает воспособление от уездных земств в размерах, которые будут определены договорным порядком, до срока окончательной ликвидации перешедших учреждений.

Доходы от принадлежащих губернскому земству имуществ, в зависимости от обстоятельств, или делятся между уездными земствами, или поступают в распоряжение уездного земства губернского города для покрытия расходов по принятым на себя соответствующим обязательствам, или же имущества реализируются продажей, и вырученный капитал распределяется между земствами сообразно участию каждого в губернских сборах.

Дело народного образования при упразднении губернских земских учреждений не встретит никаких препятствий. По большей части губернские земства не имеют собственных учебных заведений, а содержат лишь стипендиатов или участвуют в разных школах государственных и частных денежными пособиями. Стипендии до окончания курса пользующихся ими до иной причины прекращения могут выплачиваться уездными земствами пропорционально их участию в губернском сборе, а после того каждое земство будет особо содержать своих стипендиатов, если признает это полезным. Собственные же училища губернского земства, где таковые имеются, продолжают содержаться на пропорциональные взносы уездных земств, постепенно переходящие в плату за

то количество учащихся, какое каждое уездное земство будет содержать в данном училище. Надзор за такими учебными заведениями должен принадлежать училищному совету уездного земства губернского города, в котором участвуют председатели других земских управ и другие уполномоченные земствами лица из числа членов их собраний, если это будет признано нужным.

Передача в заведование уездных земств дорожного дела будет крайне полезна при какой бы то ни было организации земских учреждений, хотя бы даже и при существовании центрального в губернии земского органа. Состояние дорог и дорожных сооружений требует постоянного местного надзора для правильного распределения дорожных работ в постепенности, соответствующей их сравнительной необходимости. Губернское земство, как бы ни было оно попечительно в дорожном деле, не может так хорошо знать местные нужды и их сравнительную важность. К тому же, при распоряжении средствами, предназначенными на дорожное дело центральным учреждением, они могут распределяться между уездами очень неравномерно и часто тратятся на менее потребные сооружения в одном уезде, а крайне необходимые в другом будут ожидать долгое время своей очереди без удовлетворения.

Все существующие дороги, сообразно их значению, относятся к двум категориям: к дорогам государственного значения и к дорогам местным. К первой принадлежат шоссированные пути, соединяющие губернские города, и другие, устроенные в целях общегосударственного значения. Ко вторым – почтовые грунтовые тракты и дороги местного сообщения. В 1877 году Правительство передало содержание государственных дорог губернским земствам за определенную поверстную плату. Такое решение едва ли можно признать правильным как в интересе государственном, так и в смысле практическом. В интересе государственном непосредственный надзор за исправностью дорог государственного значения, казалось, был бы гораздо целесообразнее, устраняя лишнюю исполнительную инстанцию – земство; в смысле же практическом едва ли

Правительство что-либо выиграло этою передачей, так как надзирающая за сими путями правительственная администрация не упразднилась, ни местная, ни центральная. Имея в Министерстве Путей Сообщения целый департамент шоссейных и водных сообщений и подчиненные ему местные органы, Правительству не было никакого основания сдавать содержание государственных путей земскому контрагенту, оставляя и казенную путейскую администрацию. Поэтому при упразднении губернских земских учреждений, хотя Правительство и могло бы сдать государственные шоссированные дороги уездным земствам, по которым дороги проходят, но лучшим, правильнейшим и простейшим решением было бы возвращение государственных дорог в заведование соответствующего государственного учреждения. Засим распределение дорожных капиталов между уездными земствами для содержания и устройства ими местных путей сообщения не встретит никаких затруднений, а дорожное благоустройство может от того только выиграть.

Несколько сложнее решение вопроса о больничных учреждениях губернских земств, где таковые имеются. Не подлежит никакому сомнению, что концентрирование врачебной помощи доставляет населению гораздо меньше пользы и удобства, чем ее распределение повсеместное по уездам. Грандиозными больницами губернских земств население губернии не может пользоваться равномерно, как это неоспоримо доказывается статистическими выводами. Конечно, существуют специальные больницы, которые, может быть, не в состоянии иметь каждый уезд в отдельности, при настоящем скудном состоянии уездных денежных средств, как, например, больницу для умалишенных и хирургическую. Но больницы губернского земства для так называемых соматических больных должны бы быть уничтожены даже и при настоящем положении земских учреждений. Что касается специальных больничных учреждений, то они должны поступить под ближайший надзор и заведование уездного земства губернского города, с участием других земств в покрытии по ним расходов пропорцио-

нально количеству пациентов каждого. Однако дальнейшее существование этих учреждений может определиться или соглашением с общественными учреждениями губернских городов, или поступлением в полное распоряжение уездного земства губернского города, одного или совместно с ближайшими уездами, или же остаться в общем пользовании всех уездов на основании добровольно выработанного между ними договора.

Что касается до учреждений агрономической помощи населению, то, конечно, каждый уезд должен бы и теперь сам заботиться о себе, а склады сельскохозяйственных орудий и других предметов, как учреждения коммерческие, при правильной их постановке должны непременно окупать вполне свое содержание, и потому в принятии его в заведование уездного земства губернского города едва ли встретятся какие-либо затруднения.

Урегулирование всех вообще денежных вопросов, возникающих из упразднения губернских земских учреждений, может быть предоставлено комитету особых на то уполномоченных от уездных земских собраний, каковой может выработать и вообще весь ход постепенного перехода к новому положению.

Намечая общие черты перехода от существующего, так сказать, центростремительного земского устройства, обессиливающего уезды и заглушающего в них развитие здоровой и успешной деятельности, к центробежному, мы имели целью только показать, что переход этот не встретит непреодолимых затруднений. С уничтожением центрального органа размер плодотворной земской работы не только не уменьшится, но увеличится не менее как на ту сумму, которая теперь пропадает в непроизводительных накладных расходах, а можно с уверенностью ожидать, что уездные земства, выйдя из обязательной денежной кабалы, в которой они теперь находятся по отношению к губернским земствам, разовьют самостоятельно значительно более широкую деятельность, когда минет опасность произвольных отчислений третьей части их средств на нужды, частью уездам бесполезные, частью их не удовлет-

воряющие. Многочисленный персонал губернских земских служащих тоже не останется без дела. Упразднятся, конечно, командные должности, но и те, как равно и рядовые служащие, найдут себе занятия в расширившейся уездной земской деятельности, – следовательно, и в этом отношении пострадавших не предвидится или окажется самый незначительный процент. Но что же делать: когда лес рубят, то щепки летят. Это неизбежно.

VI

Рассуждая о земской реформе на основании упразднения губернских земских учреждений, нельзя обойти вопроса о недостатках настоящей организации уездных земств, требующих устранения для возможно правильного и успешного хода земского дела.

Хозяином его в уезде является земское собрание так называемых земских гласных, выбираемых известным порядком, в определенном для каждого уезда числе. Ни существующий порядок выборов, ни самые выборы для составления земской коллегии ни в каком случае нельзя считать удовлетворительными и соответствующими потребностям земского дела.

По Закону 1890 года выборы производятся отдельно, по сословиям, или, вернее, с выделением дворян и крестьян в отдельные от прочих состояний собрания. Такое разделение едва ли находится в соответствии с существом земского дела. Действительно, настоящее деление выборных собраний имело бы смысл лишь в том случае, если бы существовали особые отношения между землей и каждой из выделенных групп населения. Но так как этого нет, то и не представляется разумных причин разделения выборных собраний по сословиям, к тому же ныне сознательно разрушаемым правительственными мероприятиями.

Так как в деле хозяйственном, несомненно, имеют право участия и распоряжения все собственники, то наисовершеннейшим земским собранием было бы состоящее из всех соб-

ственников земли. Но так как это, очевидно, невозможно даже при самом малом размере земской административной единицы, то следует остановиться на таком составе собрания, который бы по возможности приближался к этому идеалу осуществления права участия в земских делах. Как во всяком хозяйственном деле право участия соразмеряется с размером вложенного в него интереса, так и в земском деле мерилом права участия в нем должен быть имущественный ценз. В настоящее время ценз этот измеряется величиной земельного пространства, принадлежащего владельцу.

Но это едва ли правильно. Ценность земель может быть самая разнообразная, и часто может случаться, что маленькое владение в несколько десятков десятин стоит дороже многих тысяч. Поэтому, казалось бы, гораздо правильнее определять ценз по размерам участия в земском сборе, т. е. по сумме платимых земских налогов. По определению размера налогового ценза ближайшим к совершенству земским собранием было бы такое, в котором имели бы право участия без всяких выборов все полноцензовые хозяева, а неполноцензовые – в таком количестве своих представителей, сколько полных цензов составит вся сумма платимых ими налогов. Такое разрешение вопроса о составе земского собрания было бы наилучшим, ибо до последней возможной степени умаляло бы возможность влияния выборной интриги со стороны дельцов, желающих в эгоистических видах захватить в свои руки орудование земскими делами. Но осуществление такого собрания может встретить препятствие в многолюдстве участников. Ввиду сего неизбежно придется применить выборный прием, но с таким расчетом, чтобы право участия населения в земских делах распределялось возможно более справедливо между всеми категориями хозяев-плательщиков. Так как большинством государственных деятелей признается, что Государству одинаково необходимо существование землевладения всех размеров – мелкое, среднее и крупное, то и права их участия в земской деятельности должны быть уравнены таким образом, чтобы все виды владений были представлены в собраниях равным числом сво-

их представителей-гласных. Для сего сумма всех земских налогов разделяется на три равные части. В первую часть войдут все наикрупнейшие плательщики земского сбора, во вторую – менее крупные, и, наконец, в последнюю – остальные мелкие участники земского сбора, – и каждая категория плательщиков выбирает одну треть общего числа гласных земского собрания, определенного Законом для данного уезда. Хотя и следует избегать слишком многолюдных собраний, однако общее количество гласных не должно быть и очень малочисленно, для того чтобы уезд был представлен по возможности полно. Так, даже самые маленькие по пространству уезды должны быть представлены не менее как тридцатью гласными, а может быть, и значительно более.

Мысль о праве участия в общественных управлениях соответственно размерам платимых налогов на их содержание не представляет вместе с тем какой-нибудь новости. Такой порядок выборов гласных практиковался в Московском городском управлении до его реформы, и, кажется, до сих пор сохранился при выборах гласных в Петербургскую городскую думу. Такое распределение прав участия в общественных самоуправлениях, будучи наиболее справедливым, вместе с тем должно удовлетворить и демократическим тенденциям, преобладающим ныне во всех влиятельных сферах.

Само собой разумеется, что право избирать и быть избираемым в члены земских собраний должно быть предоставлено только русским подданным, не опороченным по суду и под ним не находящимся, достигшим известного возраста, а главное – исправным плательщикам земских налогов. Это последнее условие положительно необходимо ради побуждения к исправному взносу земских повинностей тех, за кем ныне накопились неоплатные недоимки. В этом отношении не следует допускать ни малейших послаблений.

В местностях с инородческим населением среди русского – интересы этого последнего должны быть обеспечены обязательным предоставлением русским участия в земских делах и особым правительственным контролем. Что касает-

ся евреев, то даже в черте их оседлости им не может быть предоставлено безграничное участие в земских собраниях, а только известная часть, не имеющая решающего влияния. Нельзя также предоставить им право стоять во главе исполнительных земских органов.

Предметы ведения реформированного земства и по упразднении губернских земских учреждений остаются те же самые, как и теперь, расширяются только рамки деятельности их в соответствии с увеличением материальных средств. Отношения между земскими и правительственными органами должны быть урегулированы так, чтобы обе организации не находились в постоянном антагонизме, но помогали бы одна другой в достижении возможного благосостояния населения, их попечению подлежащего. Разъединить их от всякого соприкосновения, очевидно, невозможно; нельзя устранить Правительство от контроля над законностью хода земских дел. Это необходимо в ограждение интересов самого населения от возможных злоупотреблений его выборщиков, каковой контроль само население осуществить не в состоянии. Вместе с тем, земство должно служить Правительству достовернейшим осведомительным источником о местном положении и его нуждах.

Порядок обсуждения дел в земских собраниях существенных изменений не требует, но для большей обеспеченности интересов населения желательно ввести особый порядок решения дел наиболее важных. Так, дела, не вызывающие новых или увеличения бывших расходов, могут решаться собранием простым большинством голосов, с перевесом, в случае равенства, голоса председателя собрания. Для решения же дел денежных, утверждения сметы денежных отчетов, определения размеров обложения, учреждения новых платных должностей, утверждения новых расходов и т. п. следует установить согласие большинства не менее $^{2}/_{3}$ наличных членов собрания.

Собрание должно считаться состоявшимся: для дел первой категории – если в нем участвуют не менее половины, а для дел, требующих согласия двух третей, – не менее двух третей

всех гласных, составляющих собрание; в противном случае собрание считается не состоявшимся и собирается вторично, чрез определенный промежуток времени. Эти вторичные собрания считаются состоявшимися при всяком числе голосов для дел, не требующих большинства двух третей, а для сих последних – при наличности половины гласных собрания.

Пока существует дворянское сословие и должности уездных предводителей дворянства, председательство в земских собраниях, бесспорно, должно принадлежать им. В случае же упразднения этого сословия и должностей его, гласные в первом же своем собрании, под председательством старейшего из них, который вместе с тем должен обладать образовательным цензом не ниже окончания курса в среднем учебном заведении, выбирают постоянного председателя их собраний и его заместителя на весь срок своего выбора.

Сроки для очередных собраний должны быть точно определены Законом и ни в каком случае, ни под каким предлогом не нарушаться*.

Отношение местной правительственной власти к открытию земских собраний должно быть таково: об открытии как очередных, так и экстренных земских собраний и о предметах, подлежащих обсуждению на них, местный начальник губернии уведомляется не для разрешения их, а к сведению, причем он может не разрешить собрание только в том случае, если усмотрит в числе предметов обсуждения нарушающие существующий Закон.

* В настоящее время уездные собрания происходят позднею осенью, самое раннее в конце сентября, а обыкновенно в октябре и позже, а губернские – в декабре, а нередко и в январе следующего года. Едва ли есть достаточные основания для такого позднего открытия земских собраний. Можно привести многочисленные примеры крупных акционерных и банковских предприятий, обороты которых достигают сотен миллионов, а между тем они поспевают со своими отчетами к марту месяцу следующего за отчетным года. Точно так же нет причин, почему бы земские отчеты не могли быть изготовляемы в первой половине года. Поэтому срок земских собраний следовало бы определить не позднее начала июня. К тому же, это время наиболее свободное для земледельцев и наиудобнейшее для проездов *(прим. К. Н. Пасхалова)*.

Подобные случаи должны быть, однако, обставлены достаточным ограждением от произвола административной власти и сопровождаться подробною мотивировкой причин запрещения собрания или исключения некоторых предметов, предположенных к обсуждению.

Только цельное земство в границах непосредственной осведомленности о нуждах своей местности и населения, каковым может безошибочно считаться уезд, вполне независимое в своей хозяйственной деятельности от централизационных земских учреждений, может принести действительную пользу и развить местное благосостояние и благоустройство. Это первое и необходимейшее условие, без которого уездная жизнь будет неизбежно чахнуть, к чему и привела нынешняя, двухинстанционная система земского самоуправления, при которой уездные земства впадают мало-помалу в зависимость от губернского земского органа, теряя самостоятельность вместе со средствами для удовлетворения самых местных потребностей. Пора отказаться от настоящего, чисто бюрократического построения земских учреждений, и перейти к действительному, хозяйственному, самостоятельному земскому самоуправлению, которое тогда станет прочным фундаментом и государственного благополучия.

30 августа 1910 г.

———

Блестящие результаты старого строя

Официальные сведения о поступлении государственных доходов России за минувший 1909 год должны радовать всякого русского человека, искренно любящего свое Отечество. Ужасающая своею громадностью бюджетная цифра в 2.458,7 миллиона не только была покрыта, но действительные поступления превысили сметные предположения на 66,6 миллиона. Результат неоспоримо блестящий, которому мы обязаны, по авторитетному мнению Министерства Финансов, главным

образом, хорошему урожаю прошлого года. Но факт наводит на размышления также о том, как громадны силы, таящиеся в упраздняемом «старом строе».

За Россией установилась репутация страны бедной, с непредприимчивым, косным, ленивым и пьяным населением. Припомните целый поток речей в Государственной Думе, хотя бы при обсуждении Закона 9 ноября[1]. Кто только не указывал на жалкое состояние нашей сельскохозяйственной культуры, на конечное обнищание деревни, да ведь и самое появление Закона 9 ноября было вызвано необходимостью спасти погибающую в общине земледельческую Россию. И вот, эта нищенская страна, с населением, лишенным предприимчивости, только что перенесшая несчастную, разорительную войну и такое страшное внутреннее потрясение, едва-едва оправившись, покрывает со значительным избытком огромнейший бюджет. Очевидно, такое проявление платежных сил населения совершенно противоречит мнению о его нищете и убожестве; очевидно, вопреки ходячему мнению о нищете страны, она обладает почти безграничною производительною силой, способною удовлетворить самые неумеренные требования.

В чем же заключается эта сила России? Министерство Финансов дало ответ в словах «хороший урожай», или, выражаясь более определенно, – сила России заключается в земле, в этой единственной абсолютной ценности, которою она безгранично богата и обладателями и возделывателями которой являются 86,5 процентов ее населения. В самом деле, обратите внимание: какой-нибудь *один* урожайный год после нескольких плохих – и уже финансовое положение России «блестящее». Не поучительно ли это? Не доказывает ли это, что истинное богатство заключается в обладании землей. Ей, матушке, несут дань золото и серебро, торговля и промыслы, без нее все ничтожно, все непрочно, все погибнет, если земля откажется кормить страну, как бы культурна во всех других отношениях она ни была. Владыкой мира должен быть и будет не тот, кто скопил горы золота, а тот, кому принадлежит земля. Поэтому первей-

шая забота Правительства страны, богатой землей, должна заключаться в сбережении ее для народа – хозяина Государства.

К этому и стремилось наше законодательство 80-х годов минувшего столетия, установившее, совершенно правильно, неотчуждаемость надельной земли, учредившее Крестьянский Банк для расширения крестьянского, т. е. народного, землевладения, и Дворянский – ради охранения культурных центров сельскохозяйственной жизни, необходимых во всяком земледельческом государстве, каковым несомненно является Россия.

Современное Правительство тоже озабочено удовлетворением населения землей в достаточном количестве и упорядочением землевладения ради увеличения земельной производительности. К сожалению, проводимые им по сему предмету законопроекты, ныне уже получившие санкцию Г[осударственной] Думы и Г[осударственного] Совета, дают повод к опасению, что при их действии земля будет не распространяться в народе, а концентрироваться постепенно в более сильных или искусных и притом не народных руках, в размерах, далеко превышающих силы нормальной семьи для ее обработки, что уже и проявляется в довольно значительных размерах. Есть известия, что, например, в Саратовской губернии скупкой надельных участков образовались владения в 400, 500 и до 800 дес[ятин] земли и, таким образом, вместо мелких самообрабатывающих собственников, имевшихся в виду установлением личной собственности, появились новые землевладельцы, нуждающиеся, как и прежние, в наемном труде; а множество бывших собственников наделов превратились в безземельных батраков. До сих пор масса надельной земли и купленная крестьянами с помощью Крестьянского Банка составляла неприкосновенный фонд, недоступный для захвата крупным капиталом; теперь же с представлением прав заклада этих земель и, следовательно, неизбежной возможности отчуждения, вся масса земли Государства делается подвижною собственностью и, конечно, мало-помалу сосредоточится в руках обладателей капитала.

Нельзя ничего возразить против Закона 9 ноября 1906 г. в тех частях его, которыми предоставляется желающим свободный выход из общины, но нарушение прав общины на неприкосновенное сохранение за ней земельного надела и установление личной собственности домохозяина с правом отчуждения суть те трещины, чрез которые просочится земля из слабых рук земледельца в крепкие руки капиталиста, и земледелец, положение которого Правительство предполагало своими мероприятиями укрепить на земле, на деле окажется обезземеленным сельским пролетарием, столь удобным для всяких разрушительных влияний.

Сохранится ли при таком будущем способность Государства быстро оправляться от внешних и внутренних бедствий и давать такое исполнение сметных предположений, как в прошлом году, – вопрос очень сомнительный.

Во всяком случае, несомненно то, что такое быстрое восстановление экономических сил России произошло при том старом государственном строе, который изо всех сил спешат реформировать. Мы убежденно говорим при *старом*, потому что все многочисленные реформы до сих пор не успели еще ни малейшим образом отразиться на народной жизни и оказать практическое на нее воздействие. Последствия Закона 9 ноября 1906 г., разрушающего в корне весь сложившийся веками народный быт, несмотря на четырехлетнее энергическое применение его, не могли оказать еще заметного влияния на социально-экономическое положение населения. Ибо, хотя им и воспользовалось, по причинам, часто совершенно посторонним сельскохозяйственным соображениям, несколько сот тысяч домохозяев на нескольких миллионах десятин земли, но это совершенная ничтожность при десятке миллионов домохозяйств и 140 миллионах дес[ятин] земли. Перемена «правового» политического государственного строя отразилась чувствительно единственно на судьбе и положении 450 счастливчиков, попавших в Таврический дворец, но это ни в какой малости не изменило народную жизнь.

Вообще до сих пор влияние всестороннего переустройства Государства не выходило за пределы Петербурга, и вне его жизнь во всем Государстве течет так же, как и при старом, дореформенном «бюрократически-полицейском режиме», по номенклатуре новаторов, или при правлении Самодержавном, неограниченном, по убеждениям верноподданных русских людей. Разница только в том, что в доосвободительное время жить было гораздо спокойнее и безопаснее рядовому обывателю.

Но если при порядках старого государственного строя можно было достигать быстро и легко таких блестящих результатов в благосостоянии Государства, то спрашивается; для чего было ломать его? Наши политиканы умышленно смешивают два совершенно различных явления: несовершенства государственного устройства и злоупотребления правящих личностей. Но беззакония переменой системы правления не искореняются, в особенности, если в новом строе действуют те же личности, с тем же произволом и тою же безнаказанностью. Не перемена строя уничтожает злоупотребления, а строгий надзор и строгая ответственность, возможная и необходимая при всяком режиме.

Исполнение бюджета 1909 года блестящим образом доказало целесообразность государственного строя, действовавшего до переворота 1905 года, – по крайней мере, в отношении общественно-экономической народной организации, – и потому стремления к ее разрушению нельзя не признать актом по меньшей мере неосторожным. Надо бы помнить, что le mieux est l´ennemi du bien[2], а старое народное bien[3], при охранении неприкосновенности земли земледельца, доказано прошлогодним результатом финансового года яснее ясного. Дай Бог, чтобы искомое mieux[4] не обмануло его авторов, и чтобы будущий беземельный «гражданин» также успешно служил России и так же обильно наполнял сундуки Государственного Казначейства. Но вряд ли кто за это поручится.

11 июня 1910 г.

———

Два постановления по одному земскому вопросу

I

20 июня[1] на чрезвычайном Калужском губернском земском собрании подвергнут был обсуждению мой доклад о необходимой земской реформе с упразднением губернского земства, не способствующего развитию местной земской деятельности, но приводящей ее, наоборот, к упадку оттягиванием материальных средств и людей из уездов в центральные земские учреждения. Доклад этот был еще в 1908 г. внесен в очередное Тарусское уездное земское собрание, на котором был принят почти единогласно с заключением ходатайствовать перед Правительством о реформе земства в смысле доклада. Калужский губернатор, однако, прежде представления этого ходатайства Правительству, препроводил его на рассмотрение 44-го Калужского губернского земского собрания (январь 1909 г.), на котором оно, ввиду заинтересованности многих из состава собрания в сохранении губернских земских учреждений, встретить сочувствия, конечно, не могло. И в самом деле, наиболее речистые и влиятельные губернские земские гласные не только отнеслись к Тарусскому постановлению отрицательно, под предлогом неясности, неразработанности моего доклада, но отвергнули даже мое предложение: не высказываясь по существу доклада, передать его на обсуждение уездных земских собраний, как учреждений наиболее заинтересованных в его последствиях, но мнения которых гг. губернские гласные, представители уездных собраний, не знают, а потому решать за них такой серьезный вопрос не могут. Любопытно заметить, что самыми горячими противниками упразднения губернских земских учреждений и передачи доклада о сем в уездные земские собрания оказались, кроме состава губернской земской управы, слишком чувствительно заинтересованного в сохранении существующей земской организации, самые что ни на

есть «прогрессивнейшие», «либеральнейшие» гласные. Зная очень хорошо, что огромное большинство уездных земств отнесется сочувственно к предположенной мною реформе, они отрицали свою обязанность ознакомиться предварительно с мнением учреждений, которых представителями они состоят. Они отрицали свою обязанность блюсти в губернском собрании интересы уполномочивших их уездов, одним словом, устанавливали полную отрешенность от связи своей с уездами как губернских гласных.

Не желая мириться с провалом, на который осудило это дело Калужское губернское земское собрание, я обратился к местному губернатору, князю С. Д. Горчакову[2], с прошением предложить мой доклад о земской реформе на обсуждение уездных земских собраний, что и было им исполнено. Как и следовало ожидать, значительное большинство уездных собраний, а именно шесть из восьми*, занявшихся этим вопросом, совершенно согласились с правильностью моих доводов о губительном влиянии губернского земства на ход и развитие местной земской деятельности, а три уездных собрания, из которых одно – Калужского уезда, которому существование губернских земских учреждений весьма выгодно, следует причислить к противникам доклада, из двух же остальных один, Лихвинский, разделял мысль доклада, мнение же остального, Мосальского, осталось невыясненным. Но если считать его в противниках предложенной реформы, то все-таки окажутся на стороне моей идеи семь уездных собраний против четырех противных. Таким образом, доклад мой о земской реформе в сопровождении отзывов уездных земских собраний вторично был передан г. губернатором на обсуждение 45 очередного губернского земского собрания в декабре минувшего года.

Однако 45 губернскому собранию не суждено было заняться этим важнейшим вопросом в связи с постановлением

* Присоединились к мысли о необходимости упразднения губернских земских учреждений уезды: Перемышльский, Козельский, Жиздринский, Медынский, Мещовский и Тарусский. Отнеслись отрицательно: Малоярославский и Боровский. Не рассматривали вовсе по разным причинам: Калужский, Мосальский и Лихвинский *(прим. К. Н. Пасхалова)*.

шести уездных земских собраний; за великим множеством докладов и укоренившимся порядком начинать собрания с дел маловажных, а доклады более серьезные пускать под конец, доклад этот с полусотнею других остался без рассмотрения.

Губернской земской управе очень хотелось отложить его до следующего, 46 очередного собрания, т. е. еще на год, но я решительно воспротивился этому и настоял, чтобы доклад о реформе был назначен в ближайшее чрезвычайное собрание; во-первых, потому, что на очередном собрании ему грозит опять участь попасть в число нерассмотренных, а во-вторых, потому, что вопрос о земской реформе стоит у Правительства на череду и, по-видимому, предположен к решению в смысле совершенно противоположном моей идее упрощения земской администрации, а потому желательно, чтобы Правительство в момент решения земского вопроса имело в виду и мнение местных практических земских *уездных* деятелей. И вот 20 июня в чрезвычайном губернском земском собрании состоялся обмен мыслей между собравшимися гг. губернскими гласными по вопросу о преобразовании земского дела и постановке его на началах полной независимости хозяйственной земской единицы от разветвления на земские инстанции, как высшие, так и низшие. Губернская управа представила против мысли упразднения губернских земств весьма пространные, но и очень неубедительные возражения. В них она не сделала даже попытки доказать необходимость существования защищаемого ею губернского земского института и невозможность обойтись без него. Все усилия защитников сводились, во-первых, к доказательству законности действий губернской земской администрации, и, во-вторых, – к перечислению многоразличных отраслей ее деятельности и достигнутых успехов. Слабость доводов губернской управы была столь очевидна, что защитники существования губернских земских учреждений даже и не пытались опереться на них в своих возражениях, которые были поэтому построены лишь на общих фразах, не подкрепленных никакими фактическими подтверждениями.

Не будучи в состоянии аргументировать более или менее убедительно, противники упразднения губернских земств поспешили оградиться Законом и подыскали статью, по их казуистическому толкованию доказывающую якобы, что, ходатайствуя об упразднении губернского земства, земское собрание выходит из пределов, предоставленных ему Законом, – представлять Правительству только о своих местных нуждах. Предлагаемое же преобразование касается не одной Калужской губернии, но и всей России, что де земским собраниям не предоставлено, а следовательно, и ходатайство таковое незаконно.

Было очень странно слышать такое стремление к самоограничению со стороны губернских гласных, да еще либеральнейшей окраски, но ведь по нужде и анархист призывает на помощь городового. Тщетно я убеждал, что законодатель, ставя такое ограничение, имел в виду исключение из предметов обсуждения земских собраний всех *не земских* дел, что было бы незаконно ходатайствовать, например, о постройке броненосцев, подводных лодок или аэропланов, но что всякая земская реформа составляет, очевидно, самую очевидную местную нужду, и если она по существу неизбежно выходит за пределы губернии, то это не лишает ходатайство местного значения и не делает его незаконным; что, становясь на точку зрения моих оппонентов, делается невозможным для земских собраний никакое ходатайство об усовершенствовании земской организации, а такой нелепости законодатель не мог предполагать, определяя границы земских ходатайств.

Но убедить не желающих отказаться от аргумента, считаемого неотразимым, предприятие совершенно безнадежное, и г. председатель собрания, не сочувствовавший выводам моего доклада, категорически заявил, что он не допустит к обсуждению моей резолюции, если в ней будет постановление о ходатайстве. Делать нечего: пришлось ухитряться, чтобы незаконного слова этого в постановлении не было, а сущность осталась та же.

В заключение было представлено по докладу об упразднении губернского земства на голосование две резолюции: одна за, а другая против. И знаете, что случилось? Обе приняты и притом одинаковым большинством — 16 против 14 голосов! Но хотя количество голосов, собранное тою и другою редакциями постановлений, было одинаково, качество их, однако, значительно различествовало. В то время, как в числе голосов, отвергающих доклад, участвовала вся губернская земская управа и ее служащие (6 голосов), за доклад были поданы все независимые и незаинтересованные в существовании губернских учреждений голоса.

II

Таким образом, по одному и тому же докладу состоялось два противоположных постановления, и на первый взгляд это может показаться странным, что, однако же, объясняется довольно понятно при знакомстве с текстами предложенных проектов постановлений. Хотя первым пунктом постановления противников моего доклада предложено собранию к нему не присоединяться, однако пунктом вторым признается желательным скорейший пересмотр всего положения о земских учреждениях в том же направлении, т. е. с предоставлением «независимости уездных земств от губернских собраний в выработке проекта нового земского положения». Мой же проект постановления предлагал представить на усмотрение Правительства о таком преобразовании земства, в основу которого было бы положено упразднение губернских земских учреждений и их постепенная ликвидация, о предоставлении уездным земствам полной самостоятельности и независимости от каких бы то ни было иных земских инстанций во всех отраслях земского хозяйства, даровании им права соединения в добровольные, основанные на договорах союзы для общих земских предприятий, права непосредственного сношения с Правительством по земским нуждам и о сообщении на обсуждение уездных земских собраний и на их заключение проекта

земской реформы, который будет выработан Правительством на приведенных выше основаниях или иных, предварительно внесения на законодательное утверждение.

Из сличения обоих текстов постановлений губернского земского собрания видно, что сущность их весьма мало различествует даже и в центральном пункте, т. е. в «быть или не быть губернским земским учреждениям». Хотя первое постановление как бы предполагает их сохранение, но тогда какой, собственно, смысл заключается в «предоставлении независимости уездных земств от губернских»? В чем она, эта независимость, должна выражаться? Если сохранится губернское земство с правом беспротестного от уездных земских собраний денежного обложения уездного населения на губернские учреждения, то независимость уездных земств будет совершенно призрачная и взаимоотношения обеих земских инстанций останутся без изменения. Оставлять же губернское земство, лишив его права обложения населения без согласия уездных земств, значит – обречь его на голодную смерть, ибо уездные земства в огромном большинстве случаев не дадут губернскому надлежащих для его существования средств.

За исключением этого очень неясного пункта, текст первого постановления в менее определенных выражениях заключает то же содержание, которое во втором является подробнее развитым и более определенным. Одним словом: «Тех же щей да пожиже влей».

Некоторые пункты постановления моей редакции могут показаться излишними, как, например, представление о праве непосредственных обращений к Правительству уездным земским собраниям, ибо таковое право им предоставлено и существующим земским положением (ст. 62?). Но действительная практика как Правительства центрального, так и местных властей сводит это законное право на нет, и ни одно ходатайство уездных земских собраний не представляется губернаторами непосредственно высшему Правительству, как бы следовало по точному смыслу Закона, а неукоснительно

передается на заключение губернских земских управ, заключениями которых и руководствуется губернское собрание. Отсюда происходит вопиющая нелепость: постановления независимого распорядительного органа – уездных собраний – подвергаются контролю и критике исполнительного служебного органа губ[ернского] земства.

Едва ли такое положение можно считать нормальным и соответствующим значению и достоинству уездных земских собраний. Точно так же и Правительство, вопреки Закону, не входит в непосредственные сношения с уездными земскими учреждениями, а действует чрез губернские органы, что, нисколько не упрощая и не способствуя успеху дела, разобщает его с практическими местными земскими деятелями и лишает непосредственной осведомленности о действительном положении земского дела и его нуждах.

Как бы то ни было, но теперь поднятый мною насущнейший вопрос о благоустройстве и упорядочении земского дела отсечением от него излишнего, мертвящего его члена – губернского земства, сдвинулся с мертвой точки, на которой застрял около двух лет. Далеко нельзя быть уверенным в том, что мнение шести уездов Калужской губернии об упразднении губернских земств будет благосклонно принято Правительством, привыкшем придавать им неподобающее значение, которого они в действительности не имеют. В этом заблуждении Правительство поддерживается и невероятной апатией и бездеятельностью уездных земств, которые, будучи в огромном большинстве отрицательного взгляда на существование губернских земств, – в чем меня убеждает масса сочувственных писем, получаемых мною от уездных земских деятелей, – не хотят палец о палец ударить, чтобы избавиться от гнетущей их жизнь ныне действующей уродливой земской организации. Хорошо, по крайней мере, и то, что голос задавленных уездных земств хоть и в малом достигнет теперь Правительства, которое, если пожелает узнать мнение всех уездных земских собраний на трактуемый предмет, может само запросить их и проверить правильность взглядов и за-

ключений шести уездов Калужской губернии, протестующих против существующей земской организации.

11 июля 1910 г.

———

Берегите землю!

Все куплю, сказало злато[1].

Появилось известие, что Правительством обсуждается и готов разрешиться в благоприятном смысле вопрос о приобретении иностранцами земли на южном берегу Крыма. Правда это или нет – нам неизвестно, но несомненно одно, что, если такое разрешение воспоследует, то в весьма непродолжительном времени весь южный берег очутится во владении иностранцев. Не думаем, чтобы такое перемещение земельной собственности в государстве было желательно, где бы отчуждаемые в иностранные руки земля ни находилась, а на окраинах Государства в особенности.

Известие это, сопровождающееся ожиданием благоприятного для иностранцев разрешения вопроса, наводит на очень тревожные размышления о грозящей нам участи, если иностранный капитал обратится в серьезных размерах на покупку русской земли, нашего единственного, но и драгоценнейшего достояния.

Прошлый 1909 год, давший нам удовлетворительный урожай, доказал, какой громадной экономической силой обладаем мы в нашей земле-кормилице, способной в один год поправить бедствия и лишения многих лет и с избытком покрыть все громаднейшие требования государственной росписи. Страшно подумать, чтó станется с Русским народом, вытесненным с земли. Соперничать с Западной Европой в промысловом отношении мы не можем: нам впору только догонять ее, постоянно уходящую вперед. В накоплении капиталов и еще того менее, да и капитал – это условное богатство – потеряет свою

ценность, когда мы лишимся своего действительного богатства, единственно безусловной ценности – земли. Мы не раз говорили и не устанем повторять: не обладатели капиталов будут мировыми владыками, а владельцы земли. Если мы были и остаемся убежденными противниками Закона 9 ноября 1906 г., то именно потому, что он грозит опасностью обезземеления огромной массе слабосильных, нерасчетливых и несчастных хозяев, допуская залог, скупку и превращение в личную собственность надельных земель, по мысли законодателя предназначенных в обеспечение быта земледельческого населения. Куда, спрашивается, денутся эти миллионы лишившихся своих наделов вследствие неисправности в платежах по залогу или по легкомыслию, если вся наша заводская и фабричная промышленность, согласно официальным статистическим подсчетам за 1909 год, занимает всего 1 ½ миллиона рабочих?

Но нашествие иностранного капитала на землю грозит не только слабым, но и всяким хозяйствам, как бы благоустроены они ни были. Накопление его в Западной Европе и в особенности в еврейских руках достигло таких колоссальных размеров, что промышленность, хотя тоже страшно развитая, не может его использовать и потому он остается праздным и естественно ищет помещения, чтобы приносить своим владельцам хотя бы малый доход. Вот почему все наши русские предприятия, основанные русскими людьми, мало-помалу переходят к евреям и иностранцам; не избегнет этой участи и землевладение, когда миллиарды золота обратятся на скупку земель, – основу человеческого существования.

Могут возразить: зачем же продавать такую драгоценность, купля-продажа — дело свободное, принудительно земли не купишь. Нет, купишь. Много ли землевладельцев устоят, если им будет предложена цена вдвое, втрое превосходящая рыночную современную стоимость земли? А это не только возможно, но и весьма вероятно. Недавно как-то писали, что состояние Ротшильдов[2] достигает 11 миллиардов, что составляет 500 миллионов годового дохода. Эти ежегодно приливающие сотни миллионов требуют доходного помещения, а, меж-

ду тем, почти во всех отраслях промышленности господствует перепроизводство: все, что можно было скупить в этой области: рудники, нефтеносные земли, золотые прииски, бриллиантовые россыпи, – все скуплено. Осталась земля.

Но в Западной Европе она дорога – вчетверо или впятеро дороже нашей. Куда же деваться свободным капиталам? Самое разумное и естественное – на скупку нашей дешевой земли, даже платя за нее на нашу мерку баснословно дорого. Уплаченные деньги из рук продавца в более или менее непродолжительном времени уплывут и снова присоединятся к своему источнику – банкирским сундукам, а земля останется сверх сего во власти капиталистов. Вот тогда-то они и сделаются властелинами мира, а все остальное человечество будет на них работать.

Нет, частные землевладельцы не будут в силах противостоять соблазну невероятно больших цен, и упрекать их за то невозможно.

Тут требуются государственные мероприятия, а они могут состоять только в полном запрещении иностранцам приобретать и владеть землею ни на праве собственности, ни по арендным договорам, ни единолично, ни акционерными и иными анонимными компаниями. Если нет такого Закона, то необходимо его издать. Земля Русского Государства должна принадлежать только русским подданным, с существенными ограничениями для инородцев, враждебных русской государственности. Пускай иностранцы владеют миллиардами наших долговых обязательств, пусть заполонили они все самые существенные промышленные предприятия, но пока наша земля не ушла в их цепкие руки, до тех пор они не будут господами положения, какими бы грудами золота и другого имущества, имеющего только условную ценность, они ни обладали.

Но Боже сохрани допустить их приобретать за их золото нашу землю. Как бы дорого они за нее ни платили, она все же окажется приобретенною дешево в сравнении с тем господствующим положением, которое им даст владение землею. Конечно, скупка земель иностранцами не может совершиться в непродолжительное время. Первые шаги в этом направлении

будут для Государства нечувствительны, но следует думать о будущем, чтобы не очутиться в безвыходном и непоправимом уже положении, и такая заботливость о предотвращении грозящей опасности составляет прямую обязанность Правительства, стоящего на высоте своего положения. Пусть оно припомнит, много ли пользы принесло Русскому народу и Государству заселение немецкими колонистами всех наименований наших приволжских и новороссийских степей. Сто лет безданно, беспошлинно они сидели на шее русского плательщика, но за все это время ничем не отблагодарили вскормившее их новое отечество, не прониклись его интересами и не повлияли благотворно на одноместное с ними русское население, на которое смотрели свысока и которого всегда чуждались.

Берегите же, попечительные правители наши, Русскую землю для Русского народа. Не заботьтесь о том, что много ее остается еще невозделанной, берегите ее для нарастающих поколений. Слава Богу, в Россию еще не проникли системы искусственной приостановки роста населения, которое и умножается в ней быстрее, чем во всей остальной Европе вместе взятой, несмотря на огромный процент детей, умирающих до пятилетнего возраста. Население России, исчислявшееся еще в средине прошлого столетия в 55 миллионов, ныне с небольшим в полстолетие утроилось. Ведь если в следующее полстолетие увеличение пойдет в той же прогрессии, то к 60-м годам нынешнего века в России должно быть по меньшей мере 400—450 миллионов народа. Что же достанется ему, если земля будет скуплена иностранцами и враждебными нам инородцами? Рабство, батрачество, полная материальная, а следовательно, и духовная зависимость от чужеродцев. Да ведь это хуже всякого крепостного права. Но это будет неизбежным последствием завладения иностранцами нашею землею. Поберегите же ее, господа русские правители, и Русский народ горячо поблагодарит вас, а его потомство будет благоговейно чтить ваши имена в отечественной истории.

14 июля 1910 г.

———

Мелкий кредит и земская реформа

Речь г. председателя Совета Министров[1] при открытии пятой сессии Совета по делам местного хозяйства (*Моск*[овские] *Вед*[омости], № 260) еще раз доказала, с какою внимательностью прислушивается Правительство к «общественному мнению» о народных нуждах и с какою поспешностью спешит навстречу их удовлетворению.

Прежде чем перейти к суждению о предмете по существу, нельзя не высказать невольно рождающегося недоумения. Речь г. Председателя Совета Министров производит такое впечатление, что вопрос организации мелкого кредита находится еще в области предположения и что разработка этой идеи только что предлагается почтенному собранию членов Совета по делам местного хозяйства, и затем уже последует воплощение ее в форму, наиудобнейшую для практического осуществления. Между тем, уже год тому назад земским собраниям предложено было озаботиться открытием как земских кредитных касс, так и поощрением к учреждению касс мелкого кредита волостных, сельских и товарищеских, на основании Высочайше утвержденного 7 июня 1904 года положения об учреждениях мелкого кредита, дополненного Законом 30 мая 1905 г. При этом предлагалось руководствоваться наказом о порядке открытия сих учреждений, утвержденным Комитетом по делам мелкого кредита 17 января 1906 г., общими основаниями выдачи этим учреждениям ссуд в основные капиталы из средств Государственного Банка, утвержденными г. министром финансов 3 августа 1905 года и из средств управления по делам мелкого кредита, утвержденных им же 11 октября того же года. Тогда же были выработаны утвержденные тем же министром образцы уставов для касс мелкого кредита всяких наименований.

Но мало того, что выработаны правила, преподаны наставления: руководствуясь ими, многие учреждения мелкого кредита уже открылись, а некоторые уже успели и разориться.

Ввиду такого фактического положения дела мелкого кредита недоумеваем, о каком же еще мелком кредите должен был совещаться Совет по делам местного хозяйства? Неужели все, что по этому делу было до сих пор сделано и утверждено и осуществлено, подлежит уничтожению или переработке?

Но обратимся теперь к существу дела и именно к тому, как оно представлено в речи главы Правительства.

Трудно не согласиться с его утверждением, что «на местах» мало средств. Это даже слишком мягко. Не мало, а вовсе нет никаких средств ни у населения, ни у земств, большая часть которых находится в состоянии хронического безденежья, и их часто стесняет покрытие какого-нибудь ничтожного расхода в несколько сот рублей, а не то что отчисление 2—3 процентов.

В том, что деревня разорена, «общественное мнение» вполне право, но поможет ли ее экономическому возрождению кредит, и его ли отсутствие привело ее в настоящее плачевное состояние, или были на то другие причины, в этом следует еще разобраться.

Если бы деревенское обнищание происходило от отсутствия кредита, то наша деревня никогда не должна была быть в благополучном состоянии, а, между тем, мы знаем, что упадок деревенского благосостояния начался не далее, как со второй половины прошлого столетия и с тех пор идет, прогрессивно увеличиваясь. Нельзя сказать, чтобы Правительство не делало попыток прийти на помощь населению именно открытием ему широкого и, сообразно тому времени, дешевого кредита на самую насущную нужду, – расширение крестьянского землевладения, учреждением Крестьянского Банка в 1882 году и Дворянского Банка — в 1886 году на самых льготных для заемщиков условиях.

Но что же из этого вышло? Это не остановило ни упадка деревенского благосостояния, ни дворянского разорения, напротив – ускорило последнее. Напрасно многие сваливают вину на банки, что, дескать, они не так действовали, не такую политику вели. Политика-то была в самых заемщиках, *не так*

использовавших кредит, как это требовалось хозяйственным благоразумием. Но, конечно, гораздо легче сваливать вину на учреждение, чем сознавать ее за собою. Государственный земельный кредит для крестьянского населения открыт теперь, можно сказать, настежь, с широкими воспособлениями не только для приобретения земли, но и для устройства на ней и под залог ее. Дальше в этом направлении идти, кажется, некуда, а между тем, последствия широчайшей щедрости казны весьма проблематичны, судя по тому, что происходит на глазах у нас, местных обывателей.

Вышеперечисленными положением, наказами и образцами установлена новая серия кредитов под общим наименованием «мелких», и Совету по делам местного хозяйства предлагались на обсуждение в текущую сессию еще новые способы кредитования Государством земств, а через них населения. Но г. председатель Совета Министров справедливо высказал, что земская деятельность погаснет, «если земства ограничатся ролью распорядителей ассигнованного казною кредита», что «едва ли земствам пристало быть исключительными расходчиками казенных денег». Нельзя не согласиться с тем, что кредит оказывает помощь и приносит пользу там, где есть что-нибудь свое. Ему, как зерну, требуется подготовленная почва, а на голый камень — сколько ни рассыпай зерна, никакого плода не получишь. А русская провинция представляет теперь именно безотрадную пустыню. Процветавшие в ней еще так недавно без всякого кредита промыслы — одни захирели, другие и вовсе исчезли. Возьмем для примера хоть нашу промысловую Калужскую губернию с очень развитым, предприимчивым населением. Не более 20 лет назад в нашем уезде (Тарусском) были в полном развитии промыслы: валяльный, ткацкий, красильный, крупорушный и другие, на которых население зарабатывало хорошие средства к жизни. Теперь же все они влачат самое жалкое существование, за исключением разве только производства валенок. Войлочное производство совсем прикончилось, не выдерживая конкуренции фабричного производства, женщины перестали ткать полотна, пред-

почитая продавать лен волокном, это, в свою очередь, повело к сокращению красильного дела и т. д. Спрашивается, какой кредит может восстановить производства, гибнущие не от его недостатка, а от причин, ничего общего с ним не имеющих и им не устраняющихся?

К обнищанию деревня приведена не отсутствием кредита, которого и в заводе не было, когда она процветала, а экономическою политикой, направляющей общий ход государственной жизни, при которой все средства, а следовательно, и вся жизнь и деятельность централизуются в больших городах, а в деревне остается лишь то, что невольно приковано к ней злосчастной судьбою. Не в кредитах нуждается провинция, а в развитии в ней жизни, в освобождении ее от насосов, выкачивающих из нее начисто ее собственные средства и деятельное население.

Причин центростремительного скопления средств к развитию жизни, конечно, много, и явились они не со вчерашнего дня. Но главная заключается в централистической организации фундамента экономически хозяйственной жизни Государства — земства. Подразделение его на две инстанции, уездную и губернскую, скованные неразрывно обязательными узаконениями, повело к постепенному возрастанию значения центрального, губернского земского учреждения в ущерб местному, уездному. Вытягивая значительную часть местных средств в свою резиденцию – губернские города, губернские земства не оставляют никаких средств для развития и улучшения жизни местной и сами по себе представляют совершенно лишнюю обузу населению.

Столицы, города питаются и живут деревнею, единственною производительницею необходимых предметов потребления. Поэтому Правительству прежде всего естественно и необходимо заботиться о процветании местной деятельности. И первым, действительно существенным к тому шагом должна бы быть земская реформа с упразднением губернской земской инстанции, убивающей местную жизнь, отбирая у нее и материальные средства, и людей. С упразднением этого чисто па-

разитного учреждения десятки тысяч образованных деловых людей, скопленных в губернских учреждениях, на содержание которых тратятся десятки миллионов почти бесполезно для населения, будут искать приложения своих знаний и способностей на местах, где теперь при существующих условиях безденежья царит полное безлюдье. Оживление провинции людьми возбудит больший спрос на местные продукты и произведения, средства, освобожденные от отлива в города, образуют тогда собственные фонды для кредита и составят ту производительную почву, без которой посторонний кредит, как справедливо высказал г. председатель Совета Министров, не принесет пользы, а разовьет лишь нежелательный «казенный социализм». Уездные земства, освобожденные от материального давления губернских, окажутся в состоянии отчислять, может быть, и более 2–3 процентов своих бюджетов для кредитования местных предприятий, и расцветет местная жизнь, освобожденная от земских и иных централистических пут.

В подтверждение того, насколько бесплодны кредитные предприятия при нынешнем состоянии деревни, как последствия земского централизма, приводим отрывок из письма председателя правления Заборьевско-Сосновского кредитного товарищества, предвидящего его гибель.

«Причина, ведущая дело к упадку, пишет почетный председатель (*Свидетель*, № 39–40, 1910 г.), это масса просроченных ссуд, благодаря бездействию местной власти».

В речи г. председателя Совета Министров выражено, что «вопрос о принудительном взыскании недоимок облечен в комбинацию, одинаково удобную для Государства и для органов самоуправления». Какая это комбинация – неизвестно, но думается, что иной, кроме взысканий чрез уездные полицейские власти, нет и быть не может. Но ведь предписать взыскать – это одно, а исполнить – это другое. Заборьевское правление приняло все возможные меры для взыскания ссуд с неисправных заемщиков, и все вотще. «1909 год окончился... дефицитом в 980 р. 26 к.», — жалуется председатель. «О возврате всех просроченных ссуд я и не думаю, — повествует он дальше, — беда

в том, что... имущественный ценз многих членов должников изменился, а некоторые совершенно ликвидировали свое хозяйство и уехали со всей семьей на заработки... С кого взыскивать ссуду? Заемщика нет, стоит одна заколоченная хата».

После объяснения причин такого грустного положения кредитного товарищества изумительное впечатление производит заключительная часть письма, приписывающая «горе нашего товарищества» тому, что из Гос[ударственного] Банка выдано ему всего только 17.000 р., на которые «работать невозможно».

Почему неисправный возврат ссуд, разоряющий товарищество, прекратился бы и улучшилось материальное положение заемщиков при увеличении кредита Государственного Банка, составляет секрет автора, разгадать который нам не по силам.

И такая участь постигла не одно Заборьевское товарищество, а мы привели первый попавшийся под руки пример.

Кредит нужен, но прежде открытия кредита надо приготовить для него благоприятную почву – возбудить погасающую местную жизнь и деятельность, дать ей возможность самостоятельного развития, оберечь от поглощения местных средств и культурных деятелей городами. Первым главным и необходимым к тому мероприятием должно быть упразднение земской централизации в учреждениях губернских земств, предоставив полную самостоятельность уездным и развить их организацию сообразно современным требованиям.

Без этой предварительной реформы никакие казенные кредиты не воскресят увядающей местной жизни.

16 ноября 1910 г.

———

Волостное земство

Неудовлетворительное положение земского дела и ничтожность результатов, достигнутых земскими учреждениями в благоустройстве народной жизни за полувековое их существование, по сравнению с громадностью средств, на них

истраченных, должно было неизбежно вызвать мысль о необходимости их реорганизации.

Под внушением земских деятелей времени, предшествовавшего возникновению так названного «освободительного» движения, Правительство остановилось на мысли упорядочения земства чрез прибавление к двум уже действующим самостоятельным земским органам – губернскому и уездному – еще третьего, под названием мелкой земской единицы. Из всех способов решения вопроса улучшения земской деятельности нельзя было выбрать более неудачной, менее всего пригодной для достижения намеченной цели. Правительство не заметило того, что современные земские воротилы выдвигали идею учреждения мелкой земской единицы вовсе не в целях улучшения земского хозяйственно-экономического дела, а затем, чтобы получить наибольшее влияние среди населения при надвигавшемся государственном перевороте, который и не замедлил последовать, хотя и не в той мере, на которую рассчитывали земские коноводы освободительного движения.

Показной предлог необходимости учреждения мелкой земской единицы – невозможность уездному земству успешно справляться с земскими делами на таком большом пространстве, как уезд, был лжив и нелеп до очевидности, в особенности для центральных губерний, в недрах одной из которых он и возник. В самом деле, не считая 11 губерний Европейской России, действительно слишком пространных, размеры остальных колеблются в пределах от 30 до 80 тысяч кв. верст, что составит от 3 до 8.000 верст на уезд. Среднее расстояние от уездного города до отдаленнейших пределов уезда колеблется в губерниях незначительного пространства от 30 до 50 верст, а в крупнейших до 80 верст. Очевидно, что уездная земская единица и ее администрация вполне состоятельны вести свое дело на таком небольшом пространстве и решительно не нуждаются в помощи каких-либо других более мелких единиц.

Земское дело и в настоящее время страдает от того, что ведение его поручено двум самостоятельным распорядитель-

ным органам, друг от друга независимым и имеющим право каждое на обложение налогами одних и тех же предметов для одной и той же цели, откуда происходит громадный непроизводительный перерасход народных средств, разорение земских плательщиков и обнищание провинции.

Прибавка новых земских административных подразделений, несомненно, не улучшит дела, а окончательно его погубит. И без того небольшие земские средства, остающиеся за удовлетворением накладных расходов на расходы производительные, окончательно растают на содержание персонала и помещений мелких единиц, коих предположено великое множество.

Но изо всех способов осуществления мелкой земской единицы приурочение ее к волости следует считать самым неудачным. В самом деле: что такое должно представлять ныне обсуждаемое в Г[осударственной] Думе «волостное земство»? До сих пор волость была низшим административно-полицейским учреждением, подчиненным в инстанционной постепенности таковым же высшим. Земство же есть административно-хозяйственное учреждение, в круге своего ведомства никому не подчиненное. Можно ли совместить в одном учреждении заведование такими делами, из которых часть подлежит воздействию высших инстанций, а другая вполне самостоятельна? Надо при этом иметь в виду, что проектируемому волостному земству предполагается предоставить право самообложения и широкую независимость от правительственной администрации, но поставить его в органическую связь с крупнейшими земскими органами – уездным и губернским.

Таким образом, волостное земство в одно и то же время облекается широкими правами самоуправления и самообложения, а с другой должно состоять исполнителем административно-полицейских властей, как низший их орган. Мы очень сомневаемся, чтобы такое совмещение могло способствовать стройному ходу как земско-хозяйственных, так и полицейско-исполнительных обязанностей проектируемого учреждения.

А может быть, волостное земство будет совершенно освобождено от этих последних, но тогда для них придется создавать еще особое учреждение, т. е. налагать новую тяготу на население, и так переобремененное налогами. Но, оставляя в стороне вопрос о совместимости в одном учреждении таких разнообразных отраслей деятельности, как хозяйственно-распорядительная и полицейско-исполнительная, и об установлении удовлетворительных отношений между ним и существующими земскими и правительственными органами, нельзя не остановиться на вопросе о том, из кого предполагается составить администрацию новых учреждений и каких материальных жертв они потребуют от населения.

Если исполнение полицейских обязанностей требует хоть маленького умственного развития и хорошего знания грамоты, то для успешного ведения земского дела требуются люди культурные, могущие сознательно разобраться в многосложных отраслях земской деятельности, куда входит и народное здравие, образование и всяческое благосостояние. Как известно всем, провинция в отношении культурного, в истинном смысле этого слова, населения представляет безнадежную пустыню, с каждым годом увеличивающуюся. Все, что только может, стремится в большие центры, куда выжимаются все материальные средства и где культурный человек может ожидать оплаты своих знаний. Это бегство культурных людей из провинции будет продолжаться до тех пор, пока центры будут поглощать местные средства, а этому ни конца, ни перемены не предвидится. На местах остаются лишь немногие землевладельцы, которым, по каким-либо несчастным обстоятельствам, нельзя покинуть своих имений для более верного и легкого заработка в городах. Таких более или менее культурных лиц не найдется в уездах и по одному на волость. Остальное – или крестьянская безграмотность или же, что еще гораздо хуже, полуинтеллигенция крестьянских кулаков, писарей, лавочников и т. п. Спрашивается: неужели можно вверить попечение о благе населения, его просвещении, удобствах, безопасности – подбору из такой ненадежной

и неудовлетворительной среды, да еще без правительственного контроля? Не будет ли это актом величайшего и прискорбнейшего заблуждения?

Обращаясь затем к материальным последствиям предполагаемого учреждения волостных земств, нельзя не ужасаться тому, какою тяжестью они лягут на население. Самый небольшой уезд состоит из 10–12 волостей, а большой – из 30 и более.

Таким образом, в каждом уезде должно образоваться от 10 до 30 и более волостных земских учреждений.

Каждое из них для содержания помещения, администраторов, канцелярии, бухгалтерии, сторожей и других неизбежных накладных непроизводительных расходов потребует затраты не менее 1.500–2.000 р. в год, что ляжет на весь уезд тяжестью от 20 до 60 и более тысяч рублей, а на губернию, считая в среднем по 10 уездов, от 200 до 600 тысяч рублей. И их придется выколачивать из населения, разоренного освободительным движением и еще ни в какой степени не восстановившего своего благосостояния новейшими мерами для улучшения землеустройства и землепользования. Удивительно, как одно это соображение не раскроет правительственных глаз на непосильную для народа тяжесть земского усложнения, к тому же совершенно ненужного.

Мы в целом ряде статей и докладов доказывали, что плохое состояние земского дела происходит оттого, что оно поручено двум самостоятельным учреждениям, из коих одно, крупнейшее, губернское, за неимением своего особого круга предметов ведения, вторгается все более и более в область действия уездных и опустошает провинцию в средствах и людях. Здравый смысл и интересы каждого дела требуют, чтобы распоряжение им было в одних руках; поэтому даже из двух ныне существующих распорядительных земских учреждений одно является лишним, и к ним не только не следует прибавлять еще третий самостоятельный земский орган, но если благоразумие должно оставить распорядительную и налоговую власть за губернским земством, то следует уничтожить само-

стоятельность уездных земств, предоставив губернским иметь в уездах свои исполнительные учреждения, ему подотчетные. Если бы необходимы самостоятельные уездные земства, то губернский орган должен быть или упразднен, или же остаться как совещательное учреждение без права облагать население и распоряжаться помимо согласия и постановлений уездных земских собраний.

Истинные интересы Государства требуют не истощения, а увеличения благосостояния провинции; к этому должны стремиться все правительственные мероприятия, и в особенности относящиеся к земскому благоустройству. Цель эта достигнется тогда, когда прекратится неудержимый ныне отлив денег и людей из провинции в центры и начнется обратное движение. Достигнуть же этого можно только оставлением одного самостоятельно распорядительного земского органа, именно уездного земства. Предполагаемое же усложнение земских учреждений какими бы то ни было земскими единицами – мелкими, приходскими, волостными – поведет провинцию к окончательному расстройству и разорению. В Гос[ударственной] Думе оно, мы в том не сомневаемся, найдет многочисленных защитников, как и все, клонящееся к уничтожению цельности и мощи России и ко вреду ее коренного населения. Слава Богу, что не за ней решающее слово.

4 марта 1911 г.

———

Проект местной анархии

Такое наименование всего правильнее определяет то, что в настоящее время изготовляется в Думе, именуемой «Государственной» под заголовком волостного земства.

Поистине неисчерпаемо невежество собрания, на произвол которого злой рок отдал судьбу нашего горемычного Отечества. В то время, когда население осуждено платить непосильные налоги на содержание двух земских организаций,

из которых одна губернская, и сейчас не только излишня, но и страшно вредна, опустошая провинцию деньгами и людьми, – наше законодательство вместо облегчения народной тяготы упразднением никому не нужной губернской земской бюрократии, насаждает еще новое земское учреждение с огромным штатом служащих, которому предполагается вручить уже не только одно хозяйственное распоряжение, но и широкие административно-полицейские полномочия с правом предварительного лишения свободы подозреваемых в преступлениях лиц.

Невольно хочется спросить господ законосочинителей: милостивые государи, да вы были ли когда-нибудь в деревне, обращали ли ваше внимание на ее жизнь и положение? Давали ли вы себе труд подумать, кто будет владыками в волостных земствах и кому вы вручаете такие обширные полномочия? Неужели вы никогда в жизни даже не слыхали, что провинция буквально обезлюдела, что с величайшим трудом находятся люди для занятия существующих немногочисленных должностей по уезду, а вы собираетесь умножить их в 12—15 раз. Ведь и теперь каждый раз, как приходится замещать вакантную должность по уездному земству, обыватель с безнадежной тоской ищет, кого бы хоть мало-мальски подходящего посадить в председатели или члены уездной земской управы. И часто останавливается на заведомо очень плохом за неимением лучшего. Если деятельность уездных земств неудовлетворительна, то первенствующая тому причина в большинстве случаев – невозможность найти на исполнительные должности подходящих людей. Теперь для ведения дел уездного земства требуется три-четыре человека, а с введением волостных земств их потребуется 40—50 человек. Откуда взять столько развитого, честного, толкового народа в нашей провинциальной пустыне? Вы скажете: да ведь находятся же теперь люди для обязанностей волостных старшин в крестьянской волости, а с учреждением волости всесословной в нее войдет вся уездная интеллигенция и, таким образом, круг лиц для выборов на ответственные должности расширится.

Но знаете ли, сколь многочисленна уездная интеллигенция, настоящая, без кавычек? Никак не более 1—2 экземпляра на волость, да и из тех половина не живет в деревнях, а другая по другим причинам, большей частью по старости, так как молодежи в деревне почти нет, не может служить в исполнительных должностях.

Существующий штат волостных старшин не может быть признан удовлетворительным, ибо выбирается водкой. Впрочем, несомненно, что этот же прием будет практиковаться и при выборе должностных лиц волостных земств. Ведь избиратели и избираемые останутся те же самые, и нравы их не переменятся от обессословления волости. В председатели и члены волостных земств устремятся, с одной стороны, вся армия деревенских хулиганов, а с другой – весь уездный третий «полуинтеллигентный» элемент и попадет в волостные владыки кто больше выставит или у кого сильнее глотка.

И этакому-то подбору – потому что другого быть не может, его при настоящем положении уездов неоткуда взять, – вручается не только право материального обложения населения и распоряжение его средствами, но и обширная административно-полицейская власть до возможности лишения свободы самостоятельным распоряжением. А волостные земские собрания?

Почему господа сочинители законов думают, что они будут лучше существующих волостных сходов? Ведь личный состав их будет совершенно тот же, с прибавлением проживающего в волости третьего элемента, что, конечно, только его ухудшит, а человек непривычный к заседаниям с распитием едва ли пойдет в волостные гласные, да его и не выберут.

При обсуждении волостного земства в Г[осударственной] Думе довольно ясно обозначается склонность поставить его возможно более независимо от всякого начальства. Это тоже не обещает ничего хорошего. Если в настоящее время уездн[ая] земск[ая] администрация плоха, то именно от бездействия власти, от недостатка ее проявления. Будь она неусыпно бдительна над исполнением обязанностей низшими агентами, контро-

лируй их возможно чаще и строже, карай беспощадно всякое злоупотребление, то, может быть, тот же состав оказался бы удовлетворительным. Волостные старшины плохи, потому что за ними плохо смотрят земские начальники, эти последние – потому что за ними плохо следит губернская власть и т. д. Ослаблять же существующую власть, устранять ее влияние на деятелей волостных земств при настоящем всеобщем развращении и разнузданности, значит, отдавать все население на произвол случайно выбившихся на командные позиции лиц низкого уровня развития во всех отношениях. Не трудно предугадать, как это благоустроит деревенскую жизнь. Об ответственности их пред уездными земскими учреждениями можно мечтать разве только во сне, да и то ради шутки.

Повторяем, что не раз уже говорили: бессмысленно учреждать никому не нужный, лишний земский орган, бессмысленно навязывать совершенно не сродные ему административно-полицейские задачи. Надо совершенно не понимать сущности и значения земского дела, чтобы додуматься до такой архинелепости, и если, не дай Господи, проекту волостного земства суждено будет осуществиться, то это будет началом такого развала России, который превзойдет самые смелые ожидания всех стремящихся к ее сокрушению, как инородцев, так и своих.

Как орган же земский – волостное правление совершенно не нужно и пригодно как пятое колесо в телеге.

Если нужна всесословная волость затем, чтобы привлечь к платежу волостных повинностей всех, пользующихся ее услугами, то против этого едва ли можно возражать, лишь бы обложение не обратилось в ограбление. Но создавать учреждение, никому не нужное, не вызывающееся ни малейшею потребностью населения, но осуждающее его на громадные материальные жертвы и отдающее во власть интриги проходимцев, не есть признак потребного развития государственного разума.

4 апреля 1911 г.

Ненавистники общины

I

Мои указания на некоторые уже обнаружившиеся отрицательные последствия правительственной земельной политики последних лет (статья «Семь раз примерь»...) удостоилась неблагосклонного внимания г. Меньшикова[1], и он в «Новом Времени» обрушился на меня всем обилием своего многословия, стараясь не только опровергнуть, но и высмеять меня. На здоровье! Смех хорош, когда он уместен, но серьезное дело, а что может быть для России серьезнее земельного благоустройства ее населения, требует не гаерства и насмешек, а серьезных, обдуманных доводов. Но вот таковых-то и не встречается в статьях почтенного публициста, несмотря на их объемистость, а способы разрешения им высказанных мною сомнений носят очевидные признаки легкомыслия, доходящего до наивности, совсем не идущей к почтенному лицу г. Меньшикова.

Но, прежде всего, нельзя не отметить довольно скверненький прием, употребленный г. Меньшиковым, чтобы заранее внушить своему читателю отвращение к автору критикуемого г. Меньшиковым произведения. «Едва сражен был еврейской пулей П. А. Столыпин, как враждебные ему стихии обрушились на главное дело его жизни – Закон 9 ноября 1906 г.» Так начинает г. Меньшиков, давая этой фразой возможность предполагать читателю, что, пока жив был великий автор Закона, его мелкие противники не осмеливались пикнуть против него, а вот, мол, как умер, так и набросились и, заметьте, набросились не расходящиеся с ним в оценке земельной реформы, а «враждебные ему стихии», т. е. как будто личные его враги. Этот более чем некрасивый, даже не полемический, а клеветнический прием не имеет и подобия правды, по крайней мере, по отношению ко мне, не имевшему

случая даже видеть покойного министра и потому не могшему питать никаких чувств к его личности, ни враждебных, ни дружеских.

Неправда и то, что я, в образе враждебной стихии, обрушился на главное дело Столыпинской жизни после его смерти. Обрушился я на это дело еще в то время, когда оно обсуждалось в Г[осударственной] Думе, в ряде статей, напечатанных в «Русской Земле», издававшейся тогда в Москве, а в 1909 г. издал брошюру «Землеустроительное разорение России», т. е. в то время, когда г. Столыпин пользовался вожделенным здравием и находился в апогее своей силы и мог стереть в порошок всякую враждебную ему стихию. Да, строго говоря, г. Столыпину можно приписать разве только труд проведения и способ осуществления земельных законов, а никак не инициативу их. Мысль, которая осуществилась в землеустройстве по Закону 14 июня 1910 г., была выражена в программном Манифесте 12 декабря 1904 г. в форме облегчения крестьянам свободного выхода из общин, т. е. тогда, когда еще никто и не предполагал, что г. Столыпин будет руководителем внутренней политики России.

Не менее неправильно и самое заглавие, данное г. Меньшиковым своей статье: «Врагам землеустройства». Отрицающих полезность ныне практикуемого землеустройства нет никаких оснований клеймить врагами землеустройства вообще. Мы противники только такого порядка, который под видом землеустройства допускает расхищение надельных земель, долженствующих быть неприкосновенными, пока не отменено законным порядком Положение 19 февраля 1861 года[2], мы противники такого землеустройства, которое ведет к обезземелению крестьян и вводится если не насильственными, то, во всяком случае, настойчиво побудительными мерами, которые совершенно напрасно отрицаются перед нами, обывателями, их очевидцами.

Г. Меньшиков справедливо удивляется, как это против землеустроительных законов высказываются и левые, и крайне правые. Чтобы это уяснить себе, надо припомнить

последовательность событий и игру влияний, приведших к настоящему положению. Еще недавно крестьянская община считалась главным и прочным фундаментом государственного строя. О такой оценке общины Правительством ясно свидетельствует Манифест 26 февраля 1903 г., который, определяя разные мероприятия, дабы «с непреклонною решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным», повелевает: «в основу сих трудов положить *неприкосновенность общинного строя* крестьянского землевладения».

Выраженное в том же Манифесте предначертание: «изыскать одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины» едва ли ослабляет «непреклонную решимость» сохранить общинный строй землевладения, иначе говоря, неприкосновенность надельных земель, ибо община без земли теряет всякое значение и смысл существования.

Как же могло случиться, что крестьянский общинный строй, еще так недавно считавшийся Правительством краеугольным устоем Государства, стал вдруг вместилищем всяческой порочности, грозящей даже опасностью государственного крушения? Нельзя же предположить, что до 1903 года все государственные люди поголовно ошибались в оценке общинного народного уклада, а, с другой стороны, в условиях государственной жизни не произошло никакого переворота, который бы требовал коренного его изменения.

Конечно, всякий грамотный человек знает, какие обвинения предъявлялись общине, но едва ли можно признать их достаточно вескими и тем менее неоспоримыми. Решительный толчок к земельной реформе дали землевладельческие погромы 1905—1906 годов, которые без малейшего основания были приписаны общинному строю, как зародышу социализма. Но можно ли выдумать что-нибудь более невероятное? Конечно, подбором более или менее ловких софизмов можно доказывать что угодно, но если вспомнить только то, что община, насчитывающая даже по исчислению ее врагов многие века (с XIV века) существования, не успела у нас развить свои

социалистические зачатки и наши социалисты заимствовали свой культ всецело из стран личной собственности, то страх перед нашим, русским общинным социализмом более чем фантастичен. Считать погромы «освободительного» времени за социалистические проявления столь же несправедливо, сколь нелепо самую эту эпоху называть «освободительной». Это были просто бунты крестьянские по подстрекательству главарей тогдашней смуты и их многочисленных приспешников. Это был даже не «аграрный», а прямо разбойный бунт, возбуждавшийся часто ряжеными генералами с фальшивыми царскими грамотами. Следует, наконец, вспомнить, что бунт 1905 г. был не первый в этом роде. Совершенно такой же произошел несколько лет раньше (в 1902 г.) и разразился преимущественно в Полтавской губернии, т. е. местности подворного владения, где общины нет. Мы, местные жители, пережившие лично происходившие тогда ужасы и безобразия, достовернее петербургских чиновников и литераторов знаем, кто были их виновники, и наклеветали бы на общину, если бы обвинили ее. Крестьян подбивали к погромам разъезжавшие по России «молодые люди» и предводительствовавшие ими; подстрекали «ораторы», безвозбранно наводнявшие тогда провинцию, действовавшие заразительно на неразвитые крестьянские умы, возбуждая в них инстинкты жадности, злобы и зверства, одинаково легко как в земледельцах общины и дворов, так и среди заводских и фабричных рабочих, во свидетельство чего и сейчас стоят у нас разоренные заводы, благополучно существовавшие до «освободительного движения» со времен Петра Великого. Попытки развратить крестьянскую общину в политическом отношении начались еще с 60-х годов прошлого столетия. Припомните хождения в народ, – а чем они кончились? Полнейшим крушением надежд возмутить народ против существующего государственного строя – точнее, против Самодержавного Царя. Крестьянская община оказалась совершенно непроницаема для противогосударственной пропаганды и большею частью представляла пропагандистов со скрученными руками по начальству.

Так относилась крестьянская община, обвиняемая ныне в социализме, к попыткам посеять в народе крамолу, когда она была в полной силе своего самоуправления, составляла крепкий крестьянский союз, недоступный чуждым ему элементам. Самодержавные Цари и общинная Россия создали величайшее и сильнейшее в мире Государство, быстро шедшее к еще большему усилению и процветанию. Это, конечно, не могло нравиться никому: ни многочисленным врагам России, как внешним, так и внутренним, ни соседям, ни даже друзьям, а потому и начались попытки разложения России посредством ослабления ее государственных устоев и умственного развития. Последнее посредством сокрушения школы удалось в совершенстве, а затем было уже легко убедить господствующую посредственность, что Самодержавие есть негодный пережиток времен варварства, а община – вместилище всякой мерзости, а потому долой и то, и другое.

Если разрушение школы потребовало многолетних усилий и разнообразных ухищрений в виде гонения на экзамены, балльную оценку, изобретение «переутомления», не говоря уже о новейшем способе учебных забастовок, то для того чтобы от Самодержавия остался только один неопределенный призрак, потребовалось всего несколько дней, и оно было обработано между 6 августа и 17 октября 1905 г.

С общиной пришлось повозиться всего больше. Как ни урезывали ее права, как ни калечили ее в прошлом столетии, она все-таки оставалась непоколебимой, хотя и испорченной, пока имела твердую опору в неприкосновенности ее надельной земли. Вот с этого-то фундамента ее и надо было сшибить. Для сего был изобретен предлог – «гнет» общины. Отсюда возникла необходимость выхода угнетаемым, и вот в программу усовершенствований включается облегчение выхода из общин не желающим в них оставаться.

Здесь необходимо оговориться. Мы вовсе не считаем порядки, практиковавшиеся в общинном быту, идеально прекрасными, мы признаем, что в нем, как и во всяком, впрочем, другом общественном или государственном учреждении име-

ли место беспорядки, несправедливости и злоупотребления, но это вовсе не оправдывает возникшего с новым режимом беспощадного на общину гонения и стремления во что бы то ни стало к ее уничтожению. Весьма многие наши правительственные учреждения кишат беззакониями всякого рода; вспомните хоть интендантство, чуть не сплошь отданное под суд и осужденное; вспомните баснословные расхищения казенных средств в морском ведомстве, повальный грабеж в путях сообщения и многое подобное. Однако никому, находящемуся в здравом уме и твердой памяти, не придет в голову прекратить зло уничтожением этих учреждений. Но для крестьянской общины сделано исключение потому, что она составляет традиционную основу русского народного быта.

II

Совершенно несправедливо тоже считают нас, сторонников общинного строя, противниками личного, хуторского или отрубного владений.

Мы вовсе не противники этих видов землепользования, желаем им всякого процветания, но мы противники незаконного расхищения надельной земли, пока не отменено законным порядком Положение 19 февр[аля] 1861 г. и последующие законы о неприкосновенности надельных земель, предоставленных по *Закону* в постоянное пользование каждого сельского общества, поэтому мы считаем несправедливым и незаконным укрепление надельной земли в личную собственность случайного домохозяина, обездоливая его семью, участвующую не менее главы в ее оплате и трудах на ней; мы считаем сверх сего совершенно непрактичным и возбуждающим в населении раздражение, выделение из *надельной* земли личных владений хуторских или иных. Пусть Правительство образовало бы рассадники совершеннейшего типа владения на многомиллионном пространстве десятин, приобретенных Крестьянским Банком и доселе на ¾ остающихся неисполненными, пусть отдавало бы оно эти участки на каких бы то ни было облег-

ченных условиях, хотя даром с уплатой в виде многолетнего налога, мы только приветствовали бы такое решение вопроса о землеустройстве. Но с хуторской и отрубной системой на обрывках надельной земли нельзя согласиться ни в смысле законности, ни в смысле практичности.

Апологеты ныне вводящегося порядка землеустройства доказательства его правильности основывают на быстром росте количества домохозяйств, ими воспользовавшихся. Что в этом, однако, удивительного, принимая в соображение огромные личные выгоды и преимущества, предоставленные этим законом домохозяевам.

Другой десятки лет не был в своей деревне и почти забыл свою принадлежность к обществу, напоминавшуюся раньше ежегодною выборкою паспорта, ныне тоже устраненною, но этот Закон напомнил ему о его правах на столько-то душевых наделов, которые он и спешит стребовать с общества для незамедлительной перепродажи деревенским кулакам, а семья идет по миру. Так же поступают многие домохозяева-пьяницы, обездоливая свои семьи. Г. Меньшиков и его петербургские читатели, конечно, не видели их слез, не слышали воплей отчаяния, а мы их видим и слышим, поэтому-то и впечатление у нас от обращения надельных земель в личную собственность с правом отчуждения совершенно иное, чем в петербургских Кабинетах.

Сомневающиеся в достоинстве новых землеустроительных Законов указывали на то, что ими разовьется деревенский пролетариат. На это сторонники Закона возражали: тем лучше, что с земли уйдет весь негодный и не желающий заниматься земледелием элемент, а останутся только люди хозяйственные, настоящие земледельцы.

Но вот вопрос: куда же денутся все изверженные от земли тем или иным способом?

По отчету фабричной инспекции за 1910 г. во всех 15.721 промышленных заведениях России были заняты 1.951.955 человек рабочих; из них женщин 606.588. Вот и весь требующийся для нашей промышленности контингент сил. Если новое

землеустройство выбросит с земли хотя только один процент населения, то окажется более миллиона рук, которым некуда будет приложить свой труд, ибо очевидно, что, как бы быстро ни возрастала наша промышленность, она не поглотит прибавку сил, почти равную утилизирующихся ныне. Экономии частного землевладения? Да, на увеличение предложения рабочих батраков возлагали надежды многие землевладельцы из породы кулаков, рассчитывая на понижение цен от увеличения предложения рабочих рук, чем достаточно объясняется их положительное отношение к новому земельному Закону, но, думается, они жестоко ошибутся, и в деревнях усилится, скорее, число бездельников, чем работников, ищущих заработка.

Если бы внушители Закона 9 ноября 1906 г. стремились лишь к облегчению желающим выхода из общин, то для этого вовсе не нужно было производить общую ломку народного быта. Но ведь в сущности выход из общин никогда не был затруднен. Он обусловливался только согласием общества, причем, конечно, в некоторых случаях встречались и притеснения и мздоимства со стороны общинников. Этого можно было легко избежать, дав право выхода и помимо согласия однообщинников. Но прежде увольняющийся из общины не уносил с собою землю, что, по нашему мнению, было вполне справедливо с точки зрения назначения надельных земель по Закону 19 февр[аля] 1861 г., а теперь увольняющийся получит право забирать с собою якобы *свою* долю надела. Но, если бы у составителей нового землеустроительного Закона не было затаенной цели разгромить общину и если бы они считали выходящего из общины вправе получить известную часть ее достояния, то это могло бы выразиться в выплате общиной за остающийся в ее владении надел выбывающего известного денежного вознаграждения. Таким порядком были бы соблюдены законные права общины и в полной мере интересы выбывающего.

В том, что к новым земельным законам отнеслись отрицательно одновременно часть самых несомненных правых и все левые группы, нет ничего удивительно. Левые воспользовались случаем быть хоть один раз справедливыми защитника-

ми народных интересов против мероприятий Правительства, рассчитав притом наверняка, что их оппозиция не будет иметь успеха и не помешает проведению неудачного Закона.

Нельзя согласиться и с тем, что Правительство поступило благоразумно, осуществив землеустроительную реформу на основании ст. 87 Осн[овных] Законов. Мы понимаем так, что эта статья предназначена для того, чтобы дать исход правительственным мероприятиям в непредвиденных экстренных случаях, но никак не для проведения в жизнь органических Законов, меняющих коренным образом условия народного существования. По ст. 87-й могут издаваться лишь временные Законы, которые могут быть отвергнуты впоследствии Законосоставительными учреждениями. Но как отменить уже совершившийся переход земельного владения в другие руки или отменить состоявшуюся организацию земства в западных губерниях? Пользование ст. 87 для осуществления органических Законов возвращает нас к наихудшим явлениям до реформированного строя, ибо чем это лучше злоупотреблений всеподданнейшими докладами, которыми так широко пользовались министры во избежание критики Государственного Совета? А ведь ст. 87 ныне действующих Законов несомненно отвечает бывшим всеподданнейшим докладам. Как эти, употребляемые по произволу, или ставит Г[осударственную] Думу и Совет в безвыходное положение, или компрометирует Верховную Власть, допуская отмену ее повелений.

Вполне признавая достоинства хуторской системы в разумном ее применении и отнюдь не будучи «врагами землеустройства» вообще, мы относимся отрицательно к такому, которое создается искусственным давлением, вносит смуту в население, возбуждает ряд неразрешенных и, может быть, неразрешимых вопросов, ведет к расхищению надельных земель и обезземеливанию массы крестьянства, не создавая вместе с тем прочных хозяйств, ибо задолженность, равная стоимости хозяйства, делает его жертвою всякой неблагоприятной случайности, а таковы именно хозяйства личных собственников, созданные новыми землеустроительными Законами. На осу-

ществление их Правительство не жалеет средств: истрачено вместе с покупками Крестьянского Банка около миллиарда и ежегодно ассигновываются новые сотни миллионов рублей, а ведь на упорядочение общинного землепользования не было истрачено ни гроша. Можно с уверенностью сказать, что и оно процвело бы при такой колоссальной поддержке.

Что сказать про возражения, которые высказываются против неразрешенных сомнений при новом землеустройстве, изложенных мною в статье «Семь раз примерь».

Г. Меньшикову кажется, например, что я «ляпнул», утверждая, что сооружение изгороди кругом хуторского участка для предохранения от потрав будет тяжело даже для состоятельных хозяйств. Он же считает это пустяками. Конечно, одна и та же сумма денег представляет различную стоимость для людей различного состояния, и с точки зрения и состояния г. Меньшикова несколько десятков рублей составляют пустяки. Но для земледельца это целый капитал. Г. Меньшиков, вероятно, не сообразил, что при самых благоприятных условиях земельного очертания хутора величиною не более 10 десятин длина изгороди будет не менее 600—700 саж[ен][3]; оценивая ее хоть только по 10 коп. за погонную сажень, стоимость ее определится в 60—70 руб. Какое значение имеет эта сумма для крестьянского домохозяйства, деревенский житель знает, и ничтожною она может казаться только г. Меньшикову и его петербургским читателям. Но он и этим не довольствуется: он считает возможным ограждение «самодержавных» хуторов даже каменными стенами. У нас, в местности дешевого камня, сооружение каменной ограды едва ли обойдется дешевле 10—15 руб. погонная сажень; рассчитайте же, во что станет 700 сажен такой ограды и будет ли она по силам десяти десятинному хозяйству. С таким же легким духом разрешает г. Меньшиков вопросы водоснабжения: пригласите, мол, гидролога, он в одно лето укажет сотни мест, где есть вода. В этом мы не сомневаемся, указать-то он укажет, но никакой гидролог не притянет ее и на вершок ближе к поверхности, и там, где водяные жилы лежат на 40—50-арш[инной][4] глубине, они так и останутся.

Сколь правильны представления г. Меньшикова о деревенских дорогах и сколь он осведомлен в этом вопросе, свидетельствует то, что он серьезно убежден, что натуральная повинность содержания деревенских путей заменена денежной, и считает это большою ошибкой. Успокойтесь, г. Меньшиков: этой ошибки не сделано, а что легче и доступнее населению: содержать общими силами одну общую дорогу или каждому порознь свою, предоставляю Вашей сообразительности.

Не меньшую находчивость обнаруживает мой оппонент, приписывая зачатки хулиганства путешествию ребят в школу гурьбами, которое его живому воображению рисуется разбойничьим набегом; в хождении причтов «со святом» он усматривает погоню за лепешками и пирогами. Стоит ли труда разубеждать г. Меньшикова в ошибочности его безапелляционных приговоров настоящей деревенской жизни, действительно дичающей, но именно с 1905 г., с эпохи дарования свобод, неприкосновенностей и землеустройства.

Г. Меньшиков серьезно думает, что, за исключением России, весь свет разбит уже на хутора («живет же на отдельных участках чуть ли не миллиард населения…»), и воображение его рисует и Россию, сплошь разгороженную на хуторские клетки, обнесенные кругом изгородями, если не каменными, то, во всяком случае, такими, чрез которые не проскакивали бы крестьянские собачки. Сколь это вероятно и правдоподобно для России, волен умозаключить каждый по-своему. Но мы позволяем себе сомневаться в существовании вообще на свете такой идеально хуторской страны. Нам думается, что способы землепользования находятся в зависимости от всей суммы условий данной местности как природных, так и этнографических, подразумевая под ними характерные особенности населения. Поэтому глубоко заблуждается тот, кто признает только один вид землепользования правильным, отрицая все другие. Во время обсуждения Закона 9 ноября в Г[осударственной] Думе известный писатель, г. Валишевский[5], в том же «Новом Времени» утверждал, что даже во Франции, стране наибольшего развития мелкой личной зе-

мельной собственности, около $^{1}/_{14}$ всей ее поверхности находится в общинном землепользовании. (Нов[ое] Вр[емя]. 23 дек. 1908 г.) По свидетельству Гакстгаузена (Haxthausen, Studien über Russland)[6], поволжские колонисты, переселившиеся из Германии, после нескольких лет личного землепользования перешли на общинное с периодическими переделами. Отсюда ясно, что известная сумма условий может сделать более удобным и выгоднее применимым общинное хозяйство, и смотреть на хуторское как на единственно спасительное составляет такую же ошибку, как и его абсолютное отрицание, чего, впрочем, никто и не делает.

В заключение нельзя не отметить сделанной г. Меньшиковым характеристики славянофилов как крепостников маниловски-сантиментального уровня развития. Не правда ли, как находчиво и верно?!

Огородив от потрав хутора, разгородив пером всю Россию, г. Меньшиков нагородил столько… наивностей, что и меня вынудил без меры утомить читателя. Но вопрос правильной земельной народной политики есть вопрос всего будущего России и требует самого тщательного обсуждения и выяснения.

2 ноября 1911 г.

———

Вреднейшая затея

На днях предстоит обсуждение в Гос[ударственном] Совете Законопроекта о волостном земстве. Значение его для России выяснено мною в статье «Проект местной анархии», помещенной в «Земщине» 10 мая[1] № 641, в которой были указаны все отрицательные стороны предположенного мероприятия и невозможная нелепость соединения в одном органе деятельности земско-хозяйственной с административно-полицейской. Хотя в Гос[ударственной] Думе Законопроект, угрожающий внести гибельный хаос в местную жизнь, удостоился одо-

брения, но можно было надеяться, что более благоразумный, спокойный и опытный состав Гос[ударственного] Совета отнесется с более строгой критикой к этому неудачнейшему видоизменению мысли о мелкой земской единице, тайный смысл которой заключался в подчинении всего населения влиянию губернских земств и их администраций. Но надежда эта сильно потускнела после тех откровений по данному вопросу, которыми некоторые члены Совета удостоили опрашиваемого их сотрудника «Нового Времени» г. Ал. Кс., помещенных в № 12816 этой газеты.

Из этих отзывов, прежде всего, выясняется, что представления законодателей о существующей волости, ее деятельности и организации очень скудны.

Так, например, граф Д. А. Олсуфьев[2] представляет себе волостной сход в виде веча, «в котором участвуют до восьмисот человек», будучи, очевидно, убежден, что в волостных сходах участвуют все домохозяева волости. Г. Нейдгарт[3] открывает нам такую новость, что «волость должна содержаться на волостные средства», но что «обложение должно быть не волостным, а уездным. Чтобы не было зараз трех обложений», как будто для плательщика будет легче, если деньги, потребные на содержание волости, поступят не прямо в ее кассу, а сначала полежат в уездной и там несколько усохнут на расходы по их администрации. Тот же член высшего государственного учреждения почему-то счел уместным высказать, что нельзя мужика устранять от волостной деятельности. Ввиду того, что «мужик» безраздельно господствовал в существующей волости, а в будущей, по всему вероятию, будет властвовать его разновидность, в виде деревенских кулаков, лавочников, скупщиков и других хищников, или принадлежащих к так называемому третьему элементу, трудно понять, какой смысл заключался в этой фразе, как будто предполагающей с чьей-то стороны нападение на право крестьян участвовать в волостных делах. Не стоит повторять, какую чепуху несли в опросе Ал. Кс. члены Думы после того, как этот вреднейший Законопроект уже одобрен первою законосоставительною инстанциею.

Но если корифеи обеих палат так плохо осведомлены о существующем сельском строе, то что можно ожидать от рядовых членов Гос[ударственного] Совета, из коих многие никогда и не бывали в настоящей деревне? Как уверить их, что волостные сходы в 800 чел[овек] существуют только в воображении гр. Д. А. Олсуфьева, в действительности же редко превосходят 100 чел[овек] при полном сборе, чего никогда не бывает; что все должностные лица волости получают жалованье, а не служат даром, как утверждает г. Алексеенко[4], что крестьянин исключительно участвует в волостных делах и т. д.?

Попробуем, однако, разобраться: как могла появиться эта совершенно бессмысленная идея о волостном земстве, и почему она привлекла к себе симпатии всех «прогрессивных» вершителей наших судеб.

Для успеха «освободительного» движения, или, переводя на общедоступный язык, – разгрома исторически сложившегося строя России, необходимо было произвести разложение в плотной, однородной, громадной толще русского крестьянства посредством внедрения в него посторонних элементов, обработанной в «либеральном» духе полуинтеллигенции, вполне усвоившей себе весь кодекс разрушительной пропаганды. Попытки достигнуть желаемых результатов посредством наезжих пропагандистов-народников, земских статистиков и иных, оказались неудачными: яд, вливаемый этими временными гастролерами, оказался бессильным подействовать на здравый крестьянский ум. Надо было найти способы постоянного на него воздействия и, следовательно, отыскать возможность внедрения в самую жизнь народа агентов разложения, для чего и была изобретена мелкая земская единица, не имевшая для земского хозяйственного дела ни малейшего значения, но предоставлявшая право участия в местной деловой жизни всем случайным наносным слоям, известным образом обработанным и находящимся в прямой или косвенной зависимости от честолюбивых воротил губернских земств. Но бессмысленность учреждения еще мелкого земского органа при существовании двух: уездного и губернского, причем многими

и этот последний, как самооблагающийся распорядительный, признавался излишним, была настолько очевидна, что осуществить его, под чисто земской фирмой, оказалось очень затруднительным. Вот и найден был выход в приурочении этой единицы к волостному управлению. Этим способом достигаются разом две желанные цели: вводится всесословная волость, в уничтожение крестьянского сословного самоуправления, и открываются десятки тысяч мест для размещения полуинтеллигенции, на правах руководителей местной жизнью, не только в хозяйственном, но и в политическом отношении.

Нельзя не подивиться тому, как могли наши государственные люди поддаться шитому, что называется, белыми нитками, революционному внушению? Как не усмотрели они, что цель предположенной реформы заключается вовсе не в улучшении местного низшего органа государственного управления, а в распылении крестьянской массы, этого доселе незыблемого основания государственной устойчивости, и в захвате на нее влияния проводниками противогосударственных внушений?

В проектируемом волостном земстве проводятся два начала: всесословность и земскость. Рассмотрим его сначала в последнем отношении. Земское значение волости, при существовании уездных земств или будет совершенно ничтожно, или же, перенеся на себя функции уездных земств, поставит эти последние в такое же паразитное положение учреждений, не имеющих своего круга деятельности и потому вторгающихся в область ведения волости, в каком ныне находятся губернские земства по отношению к уездным. Предполагаемая же зависимость волостных земств от уездных при смешении в первом полицейских обязанностей с хозяйственными неизбежно поведет к постоянным столкновениям, трудно разрешимым при невозможности точного разграничения предметов их ведомства.

Одновременное существование в уезде двух земских органов не только не вызывается какою-либо живою потребностью, но не имеет прямо ни малейшего смысла. Один из них будет совершенно лишний. Но который? Может быть, следу-

ет упразднить уездное земство при существовании волостных? С этим, однако, ни в каком случае нельзя согласиться и променять одно уездное на 15—20 и более (в больших уездах до 40—50) волостных. Начать с того, что содержание их обойдется несравненно дороже одного уездного, да и где достать такую массу людей, достаточно развитых, даже просто достаточно грамотных, когда уезды почти наголо опустошены от образованных людей, для добропорядочного ведения земского дела. Один из аргументов за учреждение мелкой земской единицы заключается в том, что уезд слишком большое пространство, недоступное для тщательного надзора за его хозяйственными нуждами из одного центра. Но это или добросовестное заблуждение, или намеренная ложь. В небольших уездах наибольшее расстояние из центра – уездного города – к окраинам не превосходит в среднем 30 верст, в уездах средней величины около 50 верст, а в самых крупных — от 80 до 100. Неужели же чинам земской администрации трудно проехать 30—50 верст для личного наблюдения за какою-нибудь отраслью земского хозяйства? Не надо забывать, что Европейская Россия достаточно изборождена во всех направлениях железными дорогами, которых в настоящее время приходится одна верста на 80 кв. верст поверхности, что, наконец, земское дело не такое, которое требовало бы постоянного, непрерывного надзора в каждом пункте поверхности уезда. Приняв все это в соображение, станет ясно, что для успешности земского дела нет ни малейшей надобности дробить его в мелкую единицу, измышленную земскими политиканами вовсе не в земских целях.

Учреждение мелкой земской единицы в каком бы то ни было виде несвоевременно и потому, что в недрах земств зреет теперь и получила широкое распространение идея уничтожения существующей в нем двуххозяйственности, упразднения стоящих населению громадных трат, но не приносящих соответствующей пользы губернских земств и сосредоточения всей распорядительной деятельности исключительно в земствах уездных. Конечно, губернская земская администрация будет

всеми силами противиться такой реформе, которая поведет к уничтожению целой серии должностей, теперь жирно оплачиваемых, но огромное большинство уездов вполне сочувствуют ей, ибо она прекратит их опустошение как средствами, так и людьми. Ведь действительно трудно понять, зачем созданы для одного и того же дела два самостоятельных земских органа, оба с правами распоряжения и обложения населения, почти в безграничном размере, два раза на один и тот же предмет? Переводя эти общие рассуждения на реальный язык цифр, получим, что содержание излишнего губернского земства составляет 37% всех земских расходов и в настоящее время для 34 земских губерний, не считая шести вновь осчастливленных Западного края, превышает 50 миллионов рублей.

Население и сейчас кряхтит от тяжести земского обложения, наполовину пропадающего в излишних непроизводительных накладных расходах, а учреждение волостных земств потребует, по крайней мере, их удвоения для содержания вместо одной уездной 15—20—30 и более волостных земских администраций. Всякое дело совершенствуется его упрощением, удешевлением производства, сокращением накладных расходов, наши же реформы ведут как раз к противоположным последствиям и делают жизнь обывателя все более и более невыносимо тягостной. Не только уездные, но даже два губернских земских собрания (калужское и тульское) примкнули к мысли о необходимости реорганизации земств на основе упразднения губернских земских учреждений*), а наше законодательство собирается взвалить на плечи населения еще новую и еще горшую земскую тяжесть содержания десятков тысяч никому не нужных паразитных должностей.

Переходя к всесословности волостного земства, прежде всего выдвигается вопрос: нужны ли Государству сословия вообще, а крестьянское в особенности? До 1905 года даже и

* Эта мысль развита мною подробно в двух докладах, напечатанных под заглавиями: «Необходимая реформа земских учреждений» и «Земское дело». Москва. 1910, 1911 гг. Имеются в книж. маг. «Нового Времени» *(прим. К. Н. Пасхалова).*

вопроса такого не могло возникнуть, и необходимость или, вернее, естественность деления населения на сословия не подвергалась ни малейшему сомнению ни в народе, ни в правительственных кругах. В особенности попечительно оберегалась крестьянская обособленность в ее широком самоуправлении. Правда, зачатки отрицания сословий проявлялись и раньше, но не встречали прямого и, главное, сознательного сочувствия в Правительстве, хотя некоторые отдельные мероприятия его и явления общественной жизни стирали до известной степени сословные границы. Освободительная эпоха разом началась с решительного отрицания сословий, к которому, после некоторого слабого колебания, примкнуло Правительство, устами своего председателя публично заявлявшее о намерении реформировать русскую жизнь на принципах «гражданственности», на превращении всех сословий в одно – граждан. Но для успешности реформы недостаточно только желания, надо, чтобы потребность ее настоятельно ощущалась в народной жизни. Имелись ли, однако, в действительности стремления к слиянию сословий, которым мешали существующие общественные перегородки? Едва ли можно отвечать на этот вопрос утвердительно. Крестьянская жизнь не имела почти никаких точек соприкосновения с другими сословиями, и по складу своему в них не нуждалась. Конечно, тут надо разуметь рядовую, деревенскую крестьянскую жизнь. Выходя из нее, крестьянин совершенно сливался с соответствующим новым условиям его состояния сословием, которые не были у нас никогда замкнутыми недоступными кастами. Действительность до сих пор не изменила обособленности крестьянской жизни, не создала такой притягательной общности интересов, которая вызывала бы потребность в общности учреждений.

Напротив, мы, частные землевладельцы, к какому бы сословию не принадлежали, при настоящих условиях деревенской жизни будем чуждыми на крестьянских сходах, искусственно созданный интерес волостных земских выборов не поведет к возрождению между нами и крестьянством органической связи, а, скорее, послужит к усилению розни из-за со-

перничества в стремлении захвата преобладающего влияния в новом земском учреждении.

Но, кроме того, для превращения волостного учреждения из сословно-крестьянского во всесословное необходимо, чтобы это всесословие имелось в действительности хотя бы в мало-мальски уравновешенном виде. Но ведь этого нет, и создать это искусственно невозможно. В деревенской жизни некрестьянские сословия составляют такой ничтожный процент, который совершенно потонет в крестьянской массе и влияние его будет равно нулю. В нашей местности, напр[имер], на каждую волость придется едва ли более 2-х землевладельцев на круг, да столько же церковных причтов. Итого, четыре представителя некрестьянства на 100 чел[овек] крестьян (средний состав волостного схода). К этому надо прибавить, что, благодаря возрастающей в ужасающих размерах распущенности, крестьянские сходы остерегаются посещать наиболее скромные и благоразумные из выборных. Чтобы можно было присутствовать на этих сходах людям, воспитанным в известных условиях, привыкших к вежливому обращению, необходимо сначала упорядочить сходы, вывести из них участие непременного члена – водку – и отучить от безобразной ругани, оскорбляющей нравственное чувство, а этого бумажным Законом сделать нельзя. Таким образом, волостное собрание как было крестьянским, так и останется, но с тою разницею, что в нем усилится влияние всех наихудших в деревенском составе личностей: кулаков, лавочников и мелких разновидностей так называемого третьего элемента, которые, посредством интриг, подкупа и спаивания, захватят преобладающее влияние в волостном земстве и во всей, следовательно, деревенской жизни. Их материальный, хищнический интерес побудит бороться против влияния на крестьянскую массу лучших культурных единиц деревенского населения, чему с успехом будет способствовать их большая близость к крестьянам.

Учреждение волостного земства между другими отрицательными последствиями угрожает крушением среднему и крупному землевладению.

По многим причинам, давно возникшим, ныне продолжающимся, и устранения которых не предвидится в будущем, большинство землевладений находится если не в критическом, то, во всяком случае, в непрочном положении. Процент доходности значительно понизился даже в черноземных губерниях, а в нечерноземных едва, и то не всегда, покрывает издержки производства, изредка давая владельцам кое-как перебиваться, как говорится, с хлеба на квас. При новом обложении, в маломальски чувствительном размере, на содержание волостных земств масса средних задолженных в кредитных учреждениях имуществ не выдержит и поневоле пойдет в раздробительную продажу, и количество культурных центров и культурного населения в провинции пойдет на быструю убыль, если не полное исчезновение.

Что это не фантазия, а весьма достоверное заключение, можно доказать фактами.

Так, в нашей местности размер волостного обложения составляет около рубля на надельную десятину (93 к.). С учреждением волостного земства и сопряженного с ним громадного увеличения волостных должностей и обязанностей надо ожидать, что размер обложения не только не понизится, а значительно возрастет.

Но допустим, что он останется в существующем размере. Много ли средних и крупных землевладений выдержат такой новый налог? Во всей нечерноземной полосе России очень счастлив тот землевладелец, который всего-то чистого дохода получит на круг по рублю с десятины. Какой же расчет будет ему сохранять имущество, работать над ним, заботиться, если оно не доставляет никакой материальной пользы даже таким счастливцам? Даже в черноземных местностях, в которых средний чистый доход с десятины незаложенного владения можно считать от 3 до 4 рублей, новый налог будет чрезмерно отяготителен, а нечерноземные все лопнут. Но ведь еще не так давно признавалось, что для Государства необходимо сохранение всех трех размеров землевладений: мелкого, среднего и крупного, а между тем, готова осуществиться реформа,

ведущая вернейшим образом к уничтожению двух последних. Скажут: но почему же крестьянское землевладение выносит обложение, непосильное для других?

Очень просто: потому что оно не нуждается в наемном труде, не страдает от случайностей рабочей неурядицы и сопряженных с нею часто разорительных потерь и убытков. А уже землевладение в каких-нибудь 100 десятин не может обойтись без наемного труда, а время владельца уходит на надзор и распоряжение.

Сильнейшим аргументом необходимости всесословной волости служит несправедливость несения всех волостных расходов и повинностей одним крестьянством, тогда как услугами волости пользуются все. Этот упрек отчасти справедлив. Действительно, на волость возложены сверх сословно-крестьянских некоторые общегосударственные обязанности, которые несправедливо возлагать на одно крестьянское сословие. К таковым относятся: подводная, рассыльная, содержание и доставка арестантов, их караул, сторожа и отопление приходских церквей и друг[ие]. Но эта несправедливость легко устранима без всякой ломки и создания нового, очень дорогого и совсем ненужного учреждения, привлечением частного землевладения к участию в волостных расходах по общегосударственным повинностям, или прямым обложением, или, что еще лучше, чрез налог, вносимый в государственное казначейство и им распределяемый по волостям в возмещение их расходов.

Это единственное исправление, которое требуется справедливостью в существующем волостном строе. Беспорядки и злоупотребления, вкоренившиеся в него, исправятся не реформами, а строгим контролем и ответственностью за них.

Учреждение волостного земства со смешением в нем совершенно несовместимых функций административно-хозяйственных и полицейских, не вызываемое никакими жизненными потребностями населения, внесет неразберимый хаос в управление уездов и окончательно добьет плодотворную часть земской деятельности, превратив земства в паразит-

ные гнезда кормления целой новой армии служащих и сейчас наполовину бесполезно обременяющей земский бюджет.

Несомненно, что существующее земское положение требует коренной переработки. Но в основание ее должно быть положено не создание новых усложнений, а сокращение существующих, в лице губернских земств, созданных по какому-то необъяснимому недоразумению. За их упразднение высказалось уже множество уездов. Реорганизация земства в интересах оживления и упорядочения земского дела должна бы основываться на следующих главных положениях:

1. Распорядительный орган земства с правом обложения населения должен быть один.

2. Наиболее целесообразная и практически удобная земская единица есть уезд, каковой и должен быть самостоятельным и единственно правомочным органом земского самоуправления. Крупные уезды могут делиться на несколько самостоятельных земств.

3. Уездные земства должны иметь право непосредственных сношений с Правительством.

4. Уездным земствам должно быть предоставлено право съездов для обмена мыслей по различным вопросам земского дела, но без права обложения населения и прав распорядительных, помимо постановлений уездных земских собраний.

5. Уездным земствам предоставляется вступать между собою в договорные соглашения с земствами, как своей, так и других губерний.

6. Всякая реформа в земской организации, предположенная Правительством, должна предварительно сообщаться на обсуждение и заключение уездных земских собраний.

Таковы главные условия, необходимые, чтобы земская деятельность освободилась от гнетущих ее ныне громадных непроизводительных затрат, которые за 48 л[ет] измеряются миллиардами. Всякое раздвоение земского хозяйственно-распорядительного права будет для земского дела губительно, как это доказал пережитый опыт, в результате которого получилось всеобщее земское обнищание при непомерно тяжком

обложении. Земское дело не требует ни централизации в губернских городах, ни распыления по волостям. Естественная его распорядительная единица – уезд и совещательная – съезд уездов. Ни право распоряжения, ни право обложения налогами не может быть предоставлено никому другому.

Если государственные деятели настоящего времени не считают нужным охранение целости земледельческого крестьянства, если они считают полезным предоставить его влиянию экономических и политических хищников всякого рода, если они стремятся к уничтожению культурного землевладения и к окончательной погибели земского дела, если стремятся ввести хаос в уездное управление, то самый верный и короткий путь к тому – учреждение волостного земства.

1 декабря 1911 г.

РУССКИЙ ПОРЯДОК

Есть ли у нас дворянство?

Конечно, не в смысле многочисленного класса людей, которые имеют право называться дворянами или по наследию от предков, или по личным заслугам, оцененным известной степени чином или орденом, а в смысле сословия, составляющего передовой оплот интересов русского Государства, русского народа, его исторических заветов, его самобытности духовной и государственной. Если еще недавно этот вопрос мог быть спорным, то события последних двух лет доказали неопровержимо, что ответ на него может быть только отрицательный. В самом деле, вспомним, какое участие принимало в них дворянство, и каково было его влияние на печальный исход, к которому привели страну дружные усилия как ее врагов, так и руководителей внутренней политики. Когда кн. Святополк-Мирский[1] вздумал в своей деятельности Министра Внутренних Дел опереться на общественные силы, эти последние, в лице земских руководителей, отвечали ему вместо содействия неуместными и неумеренными требованиями, удовлетворение которых представлялось совершенно невозможным в Самодержавном Государстве. Но ведь руководящая и влиятельная роль в земских учреждениях принадлежит бесспорно землевладельцам-дворянам, а не другому какому сословию. Когда в конце 1904 г. либеральная печать и вдохновляемая ею «интеллигенция», при благосклонном содействии либерального чиновничества и сановничества, настаивали на

немедленном введении реформ, сокрушающих исторические самобытные основания нашего государственного бытия, и это во время тяжкой внешней войны, когда все силы и помыслы Правительства, все средства Государства должны были быть употреблены на борьбу с сильным и опасным врагом, чтó сделало дворянство для противодействия этим бесчестным и, к сожалению, удавшимся покушениям принудить Правительство, пользуясь его затруднениями, к уступкам, не вызывавшимся народными потребностями, но удовлетворявшим лишь безмерное честолюбие и доставлявшим низкопробную популярность вожакам движения? И в то время, когда со всех сторон градом сыпались на Правительство ноябрьские постановления[2], во всей России нашлись только 13 дворян, гласных московского Губернского Земского Собрания, протестовавших против неестественной государственной ломки в тяжкие минуты жестокой войны, но в числе их не было имени председателя Собрания, г. Московского Губернского Предводителя, представителя московского дворянства.

Январь 1905 г. ознаменовался адресами Государю от собиравшихся тогда Губернских Дворянских Собраний по предмету жгучего вопроса коренной реформы государственного правления. Лишь очень немногие выступили с умеренными, исполнимыми пожеланиями, большинство же проводило мысль о необходимости безотлагательной ломки существующего строя, выраженную даже в некоторых случаях в бестактной и даже дерзкой форме. Всеобщий интерес был прикован к тому, как выскажется относительно возбужденного общественного движения московское дворянство. Три дня на предварительных совещаниях шла сильная борьба между многочисленной и влиятельной группой сторонников коренной и немедленной государственной ломки и партией, находившей несвоевременными какие бы то ни было крупные реформы во время отчаянной войны, по своим трудностям и размерам превосходившей все, доселе бывшие. Эта последняя партия восторжествовала над сторонниками, желавшими воспользоваться затруднительным положением Правитель-

ства и вырвать у него согласие на конституционные реформы, и значительным большинством голосов собрания был принят текст всеподданнейшего адреса, в котором проводилась мысль, что время, благоприятное для государственных реформ в духе русских исторических начал, наступит лишь по окончании войны. Но была ли эта победа дворянства? Вернее, что это была победа дворян над общественными деятелями всех наименований, принадлежащими к дворянскому сословию. В самом деле, сторонниками революции в государственном правлении явились все видные деятели и руководители земства, городского управления, чиновники и дворяне либеральных профессий, которых дотоле Дворянское Собрание никогда не видело, явившиеся ad hoc[3] только для того, чтобы раздавить попытку московских дворян не идти в хвосте либерального безумия, а следовать русским историческим путем, и во главе всей этой компании стал главный деятель и представитель московского дворянства – его Губернский Предводитель. Так что собственно дворянство, если понимать под этим термином не массу, а руководящий и влиятельный слой, завладевший всеми органами общественной деятельности, было на стороне того пагубного течения, которое привело Государство к настоящему критическому положению. Если эта влиятельная группа потерпела в прениях о содержании адреса поражение, несмотря на крайнее напряжение всех сил и способов борьбы, до непохвальных включительно, то только потому, что во главе сторонников благоразумия выступил носитель имени, пользующегося огромной известностью и наибольшим и вполне заслуженным уважением, и сам стяжавший всеобщую симпатию высокими качествами – Ф. Д. Самарин[4]. Только он один мог сгруппировать вокруг себя разрозненную массу друг друга не знающих, слабых, робких и колеблющихся, которые иначе, под страхом прослыть отсталыми, примкнули бы к котерии либералов. Но если уже такой человек, как Ф. Д. Самарин, открыто стал на сторону «приказного строя», как лжесловили противники Самодержавия, то это осмелило и рядовых быть с ним одного мнения.

Что принятие московским дворянством патриотического адреса было делом исключительно огромного влияния Ф. Д. Самарина, которому только и возможно было увлечь за собою массу, ясно доказывается последующими событиями в жизни дворянства.

Давно уже миновало то время, когда Губернский Предводитель Дворянства имел значение только как представитель этого высшего в государстве сословия. В настоящем это должность огромного политического значения, и в особенности должность Предводителя московского. Казалось бы, поэтому Предводителем московского дворянства должно быть лицо, политические убеждения которого соответствуют определившимся убеждениям большинства дворян, а никак не лицо, коего взгляды не одобряются этим большинством. Однако не прошло 3-х месяцев, как на должность московского Губернского Предводителя был избран убежденный противник политических взглядов Ф. Д. Самарина и большинства дворян, и это случилось потому только, что Ф. Д. Самарин уклонился от всякого участия в выборах. И группа его, которой он служил единственным связующим цементом, немедленно распалась, и московские дворяне таким же большинством выбрали своего политического противника, каким недавно признали его идеи вредными для Государства. Обстоятельство это ясно показывает все политическое бессилие, всю политическую ничтожность дворянства как сословия. Это чрезвычайно рельефно подтвердилось отсутствием положительного влияния дворянства во всех потрясающих событиях последних полутора лет. Как отнеслось оно к Рескрипту 18 февраля 1905 г., этому акту колоссального значения в будущих судьбах России? Правда, земские, городские и вообще состоящие на разных содержаниях дворяне бросились сочинять конституции, одна другой либеральнее, собирались на съезды и митинги, на которых щедро делили свое Отечество и власть над ним между всеми инородцами, но что же делало в это время *дворянство*? Как оно отнеслось к этим корыстным волонтерам перекройки России? Как отнеслось оно к работам тогдашнего

Министра Внутренних Дел[5], под страхом террора осуществлявшего Рескрипт 18 февраля в неожиданной ни по форме, ни по сущности Государственной Думе? Никак. В этом акте величайшей государственной важности оно не принимало никакого участия, оно и не подумало потребовать, чтобы голос его был выслушан в деле такого великого значения, и предоставило фабриковать всю будущность России борзым чиновникам Петербурга Виттевского закала, во главе со смертельно перепуганным их руководителем. Таким образом, положительного влияния на ход коренного переустройства Государства дворянство не имело и не добивалось иметь. Но отрицательное влияние разных общественных групп, руководящую роль в которых играли дворяне, было огромное. В самом деле, кто первый настаивал пред Государем, чтобы к участию в правлении Россией были допущены все «чуждые нам по вере и крови»? Дворяне, представившиеся самозванно от земли и городов, 6 июня 1905 г., во главе с кн. С. Н. Трубецким. Кто несколько дней спустя явился к Государю с заявлением о солидарности якобы дворянства с мнениями, выраженными этими господами, и с устрашением великими бедствиями, которые постигнут и страну, и власть, если она не отречется от своих исконных прав и не передаст их «представителям народа»? Господа московский и петербургский Предводители Дворянства от имени еще 22 таковых, но из которых, в действительности, ни один не посоветовался со своими дворянами, и говорили от их имени самочинно и произвольно. И против такого выдающегося своеволия протестовало, увы, всего каких-нибудь два десятка дворян на всю Россию! И не потому, что не хотели, а по совершенной политической дезорганизации и невоспитанности. В дальнейших событиях уже не находится никакого следа деятельности дворянства, как будто его в России совершенно не существует.

Ни разорительные забастовки государственных, общественных и частных учреждений, ни ежедневные убийства правительственных агентов, от губернаторов до стражников включительно, ни грабежи и разбои, свирепствующие по всей

России, ни резня на Кавказе и в Балтийском крае, ни военные бунты, все более учащающиеся, ни положение несчастного русского юношества, лишенного образования, ни безумное поведение распущенной ныне Государственной Думы, ни, наконец, угроза их личным интересам, в виде ожидаемого ежеминутно разорения от разбоя, именуемого аграрным движением, – ничто не было в состоянии вывести дворянство из абсолютного бездействия и вынудить к деятельному участию в прекращении всех безобразий, разъедающих Государство. Против враждебных сил, стремившихся к разложению Государства, и их сознательных и бессознательных пособников боролись частные лица, составлялись более или менее многочисленные и влиятельные организации, собирались и добровольцы из дворян, хлопотали, ходатайствовали, старались по возможности отвратить бедствия, обрушившиеся на Государство, но дворянство оставалось вполне безучастно ко всем его судорогам, не проявив ничем своего влияния как сословия на ужасный ход государственных дел. Правда, виднейшие представители дворянского сословия усердно помогали гибели Государства, служа, ради приобретения дешевой популярности, бессознательными орудиями враждебных стремлений; но как бы ни были многочисленны эти грустные образчики нашего политического недомыслия, они действовали лично, от себя, в качестве чиновников или носителей звания предводителей, дававшего им возможность высказываться как бы от имени дворян; но дворянство как сословие позорнейше бездействовало, допуская своих представителей злоупотреблять своим положением, и палец о палец не ударило для предотвращения ужасных событий последнего года. В виду этого вопрос: есть ли у нас дворянство? – далеко не праздный и не парадоксальный, но существенный и требующий неизбежно того или другого разрешения.

Едва ли можно сомневаться в том, что для благополучия Государства, успешного и правильного решения всех сторон его преуспеяния, необходимо существование в нем высшего общественного класса людей, обладающих наибольшею чут-

костью, наибольшим сознанием национальных интересов Государства, их, так сказать, передовых выразителей. В стране, имеющей такое сословие, Правительству нетрудно пополнить свои ряды деятелями, знающими хорошо ее нужды и способы удовлетворения действительных народных потребностей, и потому ему легко определить правильный курс государственного корабля. Такому сословию, удовлетворяющему высшим потребностям Государства, могут быть по справедливости даны и соответствующие его значению привилегии, способствующие ему в исполнении его серьезной государственной миссии. Но, если оно теряет свой смысл высшего выразителя народных потребностей, то его привилегии становятся несправедливыми и служат лишь предметом зависти и раздражения остальных сословий Государства. В таком именно положении и находится в настоящее время Российское дворянство. Потеряв в 1861 году значение единственного земле- и душевладельческого сословия, оно потеряло внутреннее объединение, поддерживавшееся общностью имущественных, исключительно дворянских, интересов. Теряя все более и более связь с землею, оно расплылось в государственных канцеляриях и в народившихся в 60-х годах общественных учреждениях, претворяясь мало-помалу, под влиянием ложно-либеральных веяний, в ту беспочвенную, совершенно оторванную от всех русских национальных интересов интеллигенцию, которая причинила весь ужасный, неисчислимый вред, переполняющий ныне Россию. Передовые деятели из дворян, ради удержания своего положения в выборных учреждениях, вполне подчинились модному направлению политической мысли, фальшь которого глубоко впиталась в массу грамотных всех степеней, благодаря развращающему влиянию антинациональной прессы, и ради целей личного эгоизма стали проводниками всего антирусского, тем более вредными, чем выше было общественное положение, ими занимаемое.

Бесспорно, что среди дворян есть много истинно русских людей, правильно понимающих потребности Русского народа, воодушевленных искренним желанием принести пользу свое-

му Отечеству; их, может быть, даже большинство; но это большинство, рассеянное по громадному пространству России, состоит из лиц, не имеющих никакого влияния, ни центра, вкруг которого могли бы объединиться, ни авторитетных руководителей для указания истинно полезных для Родины целей, к достижению которых следует стремиться в данное время, ни способов воздействия на Правительство, увлекаемое враждебными внушениями и их сознательными и бессознательными пособниками из русских общественных деятелей на ложный путь разложения и гибели Государства.

Бессилие дворянства в особенности рельефно выразилось в последней попытке объединения, в форме Всероссийского Дворянского Съезда, собравшегося в Петербурге в первой половине нынешнего года[6]. Казалось, это был прекрасный случай для того, чтобы дворянству высказать свое суждение о деятельности Правительства, приведшей Государство к разбойничьей Думе, повсеместной пугачевщине и общему хаосу, в котором на поверхность поднялось все порочное, злобное, разрушительное, и потонуло все, чем держится благоустройство всякого Государства, всякого человеческого сообщества. Можно и должно было ожидать, что этот съезд всероссийского дворянства будет иметь решающее влияние на направление внутренней политики в ту или другую сторону, что он не разойдется, не установив твердо и определенно отношения дворянства ко всем вопросам государственного значения, и выразит это свое исповедание в торжественном документе для осведомления Верховной Власти, что он, съезд, выработает программу своей организации и установит способы проведения в жизнь и отстаивания русских интересов, как их понимает дворянство, и борьбы с разрушительными стремлениями, откуда бы они ни исходили. Ничего подобного не случилось. Гора родила мышь. Громкое название всероссийского съезда совершенно не оправдалось его жалкими результатами, или, еще вернее, безрезультативностью. Он разошелся, не оставив по себе ни малейшего следа, не изменив ни на волос печального хода событий, ясно доказав тем, что это многолюдное со-

брание не представляло из себя цельного политического тела, скованного одною общею государственною идеею и твердо намеченным планом ее осуществления. Никаких серьезных результатов от такого собрания и ожидать было невозможно. От такого съезда ничего не остается тотчас же после разъезда, как оно и было на самом деле.

В течение последнего года было много таких важных моментов в жизни Государства, в которые дворянство, если бы оно не умерло как государственное сословие, обязано было высказаться. Но оно ни одним звуком не напомнило о своем существовании. Удар за ударом сыпались на погибающую русскую самобытность; неистовствовала печать, общество, представители науки, молодежь, наконец, само Правительство, ставши во главе разрушителей; а дворянство хоть бы словом обмолвилось против этой вакханалии безумия, а верхи его, почти поголовно, оказались политическими шарлатанами, чуя, куда дует ветер, стремясь забежать в первые ряды «освободительного» движения, ради сохранения за собой репутации «передовых», скажем от себя – рабов полуинтеллигентной толпы, нашпигованной развратительным влиянием современной школы и господствующей прессы.

Манифест 9 июля[7] создал снова такое положение, что каждая общественно-политическая группа обязана серьезно обдумать причины, вызвавшие распущение Думы, и установить свои отношения к предстоящим в близком будущем событиям, от которых зависит судьба Государства. Но идет уже второй месяц, а что-то не слыхать, чтобы гг. предводители сочли нужным собрать дворян для обсуждения положения. Правда, они по большей части довольствуются своею принадлежностью к партиям, начиная с 17 октября[8] и левее, и им не только невдомек, но и не желательны дворянские собрания, могущие нарушить вожделения их партий, а масса рядовых дворян что же может предпринять помимо своих вожаков, не имея в своем распоряжении никаких способов осуществления своих чаяний, надежд и желаний? Такое отсутствие политической жизни и деятельности вполне оправдывает сомнение в том, есть

ли у нас дворянство? И если есть, то в чем же выражается его существование и влияние как такового?

31 августа 1906 г.

———

К Союзу Русского Народа

Меж тем как всевластный глава Правительства[1], произвольно отменяющий циркулярами существующие Законы, уверяет заграничных корреспондентов в том, что в России будто бы спокойно, а в ней в действительности безнаказанно и беспрепятственно бушует из конца в конец оргия всевозможных насилий над несчастными обывателями.

Каждый газетный лист сообщает о грабежах, разбоях и убийствах, а в последнее время и о систематических поджогах только что убранных землевладельцами результатов урожая хлебов и корма для скота. Ни один деревенский житель не может быть спокоен ни за один час своего существования. Но в газеты попадает лишь очень незначительная часть ежедневно совершаемых преступлений, лишь некоторые из погибших под пулями и ножами убийц, рыскающих по России. Ограбляются целые поезда железных дорог, пароходы; грабят среди бела дня в городах и столицах, где на каждом перекрестке стоит по стражу и городовому. Каково же положение несчастного обывателя в беззащитной деревне? Там ведь не имеется никаких мер предохранения от преступлений, и потому все, преимущественно мелкие собственники и обитатели, предоставлены в полнейший произвол господ экспроприаторов.

Грабят и убивают священников, лавочников, трактирщиков, нападают на усадьбы землевладельцев, и в девяти случаях из десяти преступники бесследно ускользают от правосудия. Правосудие! Да и где оно у нас? Любовно милостивое ко всякому врагу общества и Государства, оно безжалостно сурово к тем, кто осмеливается прибегать к самообороне. Все, кто только может, бегут из деревень; сам г. Столыпин в одной из своих

щегольских речей перед второй разбойной Думой засвидетельствовал, что Крестьянский Банк «перегружен» предложениями покупки земли. Но понял ли он причину этого явления, дал ли он себе труд подумать, почему землевладельцы так стремительно бросились на возможность хоть за что-нибудь продать и покинуть свои часто веками насиженные родные гнезда? Ведь это был единственно возможный исход из невозможного положения, созданного в деревенской жизни деятельностью правительства с одной стороны и так называемых революционеров, а в сущности просто разбойников и их политических подстрекателей и друзей.

Только богатые экономии и состоятельные люди еще могут держаться в имениях, содержа свою собственную стражу против возможных нападений.

Вся Россия наполнена теперь кавказскими инородцами как наиболее способными по своей воинственности и наибольшей благонадежности дать отпор непрошеным гостям. Осетины, ингуши, лезгины, чеченцы заполняют места объездчиков в экономиях и составляют большинство уездных стражников, куда Русские по меньшей благонадежности принимаются неохотно. И вот такое-то позорно-печальное положение именуется г. Председателем Совета Министров спокойным! От этого спокойствия мы, местные жители, не выходим из состояния ужаса и трепета за каждый день, за каждый час нашего существования. Гг. правителям, окруженным стражею и охраною в их казенных дворцах, может быть и действительно очень покойно, но напрасно они свое состояние духа переносят и на Россию, обнаруживая тем свое полнейшее неведение о ее действительном положении. А положение это в полном смысле слова ужасно. Землевладение – эта главная, а может быть, и единственная основа Русского государственного благосостояния, разрушается, убиваемое беззащитностью от всякой злой воли. Крестьянский банк, по команде Правительства, собирает свежие трупы землевладения и сдает их землеустроительным комиссиям, которые было бы правильнее назвать землеразрушительными, потому

что они эти свежие трупы земледельческой культуры кромсают на изобретенные премудрыми чинами соответствующего министерства отрубы, так, чтобы уж и в будущем убитый труп не мог каким-нибудь чудом возродиться. Местная реформа, по совершенно нелепому проекту наших законоискателей, разгонит и последние остатки еще удерживающихся на жительстве в своих имениях землевладельцев, и наступит тогда полнейшее царство дикости и окончательного государственного разорения. Но так как чувство самосохранения присуще даже бессловесному животному, то мы, переживая воочию все совершающиеся ужасы, ищем спасения. Но где и в чем его найти? К кому обратиться? К правительству? Но не оно ли – причина всего творящегося? Не оно ли уверяет, что все спокойно, а следовательно, – и мер никаких не надо? Правда, есть Царь, которому дорога Россия, который пожалел бы нас, Его непоколебимых во всех наших несчастиях верноподданных. Но наш голос, голос ничтожного обывателя, не достигнет до Него; да и Его ближайшие советники уверяют, вероятно, и Его, как и корреспондентов иностранных газет, что в России «спокойно». В таком отчаянном положении нам осталась одна надежда – надежда на Союз Русского Народа[2], осчастливленный милостивым доверием Государя. Ему, этому Союзу Русского Народа, Государь поверит, потому что Он одобрил его деятельность, цель и стремления, Он назвал его надежной опорой России и Трона.

Вступитесь же за нас, погибающих деревенских обывателей, от рук злодеев и врагов, в нашем лице громящих и разоряющих Россию, вы, руководители Союза Русского Народа. Принесите наши вопли к стопам нашего добрейшего Монарха, сердце которого открыто для всех его верноподданных. Умолите Его приказать принять действительные меры к подавлению крамолы и разбоя, а если Его советники не знают, как защитить нас, обывателей, то пусть призовет более сведущих. Мы уверены, что средства к укрощению преступлений есть, но они должны соответствовать необычайному их развитию. Защитив нас, деревенских обывателей, успокоив и обеспечив

наше существование, Союз Русского Народа сослужит великую службу России, оправдает смысл своего существования и исполнит свое великое назначение. Поймите же, не «спокойно» в России, а погибает Россия, и только от Царя и только чрез Союз Русского Народа ждет спасения.

5 сентября 1907 г.

———

По поводу статьи Л. А. Тихомирова «Самодержавие и Народное представительство»

I

В статье «Самодержавие и народное представительство» автор ее Л. А. Тихомиров[1] дает общую схему государственных учреждений, кладя в основу мысль, что народное представительство и Самодержавие совместимы. Эту мысль едва ли можно признать бесспорной, и для того, чтобы убедиться в ее правильности или ложности, следует прежде всего определить: что такое разумеется под названием «Народное представительство». Это необходимо потому, что упомянутый термин не имеет лишь одно точно определенное значение, не возбуждающее никаких сомнений, но каждый, его употребляющий, придает ему свой, отличный от другого, смысл. Так, напр[имер], партии, стремящиеся к установлению в России так называемой конституции, отождествляют ее с народным представительством, с другой стороны и представители Самодержавного Царя установившийся у нас государственный строй именуют в своих официальных заявлениях представительным. Так сделал г. Председатель Совета Министров в своей речи в Государственной Думе[2], сочетав в ней историческое Самодержавие с представительным строем, чем несказанно утешил печать левого лагеря; это же выражение встречается и в речи Министра Финансов г. Коковцева[3], наконец, и Сам Самодержец упомянул этот термин в знаменитом Манифесте 3

июня 1907 года. Но очевидно и не сомнительно, что партии, стремящиеся ко введению конституции, с одной стороны, и Самодержавный Государь и его Министры, и г. Тихомиров с другой, под термином народного представительства разумели далеко не одно и то же. Значение его, оказывается, таким образом, если не спорным, то во всяком случае имеющим различные степени проявления, от скромно-совещательного при Самодержце до верховного народовластия, которое может осуществляться не иначе, как народным представительством, как *совета* народной мудрости, знания в деле законодательства и *контроля* за действиями исполнительных органов, как бы обширны ни были его полномочия, но так до сих пор под народным представительством понималось именно народовластие, коим Верховная Власть Главы Государства ограничивалась, то против такого народного представительства и боролись приверженцы Самодержавия.

Правительственные составители всех реформационных актов, начиная с Рескрипта 18 февраля 1905 г., очень ясно понимали всю опасность этого термина, имеющего крайне растяжимый смысл и потому ни в одном из них его не употребили. До 3-го июня имевшие быть призванными к участию в законодательных трудах, именовались «достойнейшими, доверием Народа облеченными, избранными от населения людьми». Разве можно, таким образом, квалифицированных лиц назвать народными представителями? Их даже нельзя с полною уверенностью назвать *выборными*, ибо сказано, что они избираются не *населением*, а *от населения*, следовательно, этим актом не определено, кто будет выбирать «достойнейших» «от населения», само оно, или какое-либо другое учреждение по указанию Верховной Власти? Тем не менее, все «либералы», жаждавшие конституции, т. е. уничтожения Самодержавия и учреждения представительной формы правления, немедленно переименовали «избранных от населения» Рескрипта 18 февраля в народных представителей и стали требовать для них соответствующей степени власти, что первоначально вовсе не имелось в виду законодателя, и когда «правая» печать высту-

пила с обличением этого подлога, то нынешний Председатель 3-й Государственной Думы Н. А. Хомяков горячо, хотя неубедительно, доказывал, что избранные от населения и представители народа – одно и то же, и что последнее выражение употребляется лишь для краткости. Но, в действительности, это делалось совсем не с этой невинной целью, а затем, чтобы приучить слух и правителей, и населения к этому наименованию, заставить Правительство употреблять его сначала устно, потом в официальных актах и, таким образом, постепенно и потихоньку узаконить преобразование скромных выборных во властных представителей. Но разница между значением выборного и представителя народа – неизмерима. Первый избирается как умнейший, дельнейший, наиболее осведомленный для суждения о делах, по мере личных своих способностей и разумения, представитель же облекается правом говорить от имени народа; его устами изрекается не его личное мнение, а воля и желания народа. Не согласиться с мнением выборного, значит, не согласиться с мнением одного, хотя и доверенного от населения человека, не согласиться с мнением представителя – значит отвергнуть желания народа, устами его представителя предъявляемые.

Таким образом, выражение «народное представительство», безразличное само по себе, приобретает значение от того, какой смысл придается ему его употребляющим. Ведь и «конституция» представляет слово совершенно безобидное и невинное и в точном переводе обозначает: состав, учреждение, даже телосложение, нрав, характер (в английском языке) и, наконец, государственное устройство. Но в смысле политическом, словом этим принято обозначать не государственное устройство вообще, но такое, в котором воля Главы Государства ограничена волею народного представительства. А так как Самодержавие представляет неограниченную полноту Верховной Власти Главы Государства, то существование при нем народного представительства, в том общепринятом политическом значении, которое придается этому термину, немыслимо.

Л. А. Тихомиров в своем этюде «Самодержавие и Народное представительство» придает этому последнему значение учреждения осведомительного, советного и контролирующего, и против не только желательности, но даже крайней необходимости такой формы общественного участия в государственном управлении едва ли будет спорить хотя бы крайнейший из крайних правых, но целесообразно ли этому участию давать такое наименование, которое имеет несколько значений, и в политическом смысле противополагается Самодержавию? Это поведет к бесконечным спорам, домогательствам и даже обвинениям в обмане, потому что какое же это народное представительство без законодательной власти? Посему на вопрос: возможно ли существование Народного представительства при Самодержавном строе Государства, следует отвечать отрицательно, ибо то, что г. Тихомиров проводит в своей схеме государственного построения, не соответствует общепринятому о нем пониманию.

Вполне соглашаясь с автором в том, что «тесное общение с народом совершенно необходимо для неограниченного Самодержца», мы, однако, думаем, что оно может и должно быть осуществлено и без необходимости наименования органов такого общения опасным и многозначащим именем Народного представительства.

II

Переходя засим к рассмотрению того, как Л. А. Тихомиров разрешает задачу построения Государства, нельзя не обратить внимания на весьма существенный в ней пробел, а именно: автор проходит полнейшим молчанием то, каковы будут в его построении отношения Верховной Власти к главным органам управления, как коронным, так и выборным?

Один из главных, а вернее, что и главнейший атрибут неограниченного Самодержавия заключается в том, что законодательная власть принадлежит всецело Главе Государства, и никакого другого *законодательного* органа при нем быть не

может. Между тем, автор статьи «Самодержавие и Народное представительство» проектирует высшее *законодательное* учреждение смешанного состава, как и существующий Государственный совет, но считает более правильным назвать его «Законодательным Советом».

Составители положений о ныне действующих Государственном Совете и Думе в тайном стремлении перейти от Самодержавного строя нашего Государства к конституционному или народно-представительному, лишили Самодержца самого существенного Его права – не руководствоваться взглядами и решениями арифметического большинства, а выбирать из всех состоявшихся мнений то, которое наиболее соответствует интересам страны, хотя бы оно было высказано лишь незначительным меньшинством участников обсуждения.

Этим, конечно, был нанесен сильнейший удар Самодержавию в его самом жизненном, самом существенном проявлении. И, не входя в рассмотрение иных достоинств или недостатков их, ныне действующие Государственный Совет и Дума представляют, несомненно, учреждения законодательные; это они большинством голосов составляют и издают Законы, а Глава Государства их только утверждает или отвергает, но последнее едва ли может иметь когда-либо место. Идти против решения двух законодательных учреждений, не зная критики меньшинства и его предположений, для Главы Государства совершенно невозможно. Между тем, г. Тихомиров не выясняет, каковы будут отношения между предполагаемым им Законодательным Советом и Монархом. Если они останутся такие, какие установлены для ныне существующих Совета и Думы, то предположенное им переименование Государственного Совета в Законодательный совершенно правильно и более соответствует его назначению, но если он полагает вернуться к прежнему порядку издания Законов, когда свободной воле Монарха подлежал выбор из всех мнений, составившихся в Государственном Совете, порядку, единственно приличествующему Государю, именуемому Самодержавным, то наименование Совета Законодательным

еще менее пригодно, чем Государственным. Государственный Совет не законодательствовал, он только о законопроектах, представлявшихся на его обсуждение, *мнения полагал*, а издавала Законы Самодержавия неограниченная Власть Главы Государства. Если не будет восстановлен этот порядок законодательства, составляющий основное качество проявления Самодержавия, то одно превращение нынешних законодательствующих учреждений в законосовещательные не даст никаких существенных результатов и оставит Самодержавие в таком же обессиленном виде, в каком оно находится ныне.

Наибольшее сомнение в решении задачи государственного построения, по проекту г. Тихомирова, возбуждает относящийся к первой ее части – построение Верховной Власти, пункт б), наложенный так: «В чрезвычайных же случаях Царь действует непосредственно, *в порядке Верховного управления*, узаконивая самолично и указывая непосредственно все, что потребуется для блага или спасения страны, разумом и совестью Верховной Власти».

Способ этот не новый. Он существовал и в дореформенном государственном строе под видом испрошения законодательных решений, помимо их обсуждения в Государственном Совете, путем всеподданнейших докладов гг. Министров. Можно безошибочно сказать, что именно этот путь и довел Россию до того безобразно хаотического состояния, в котором она ныне находится. Злоупотребление всеподданнейшими докладами было доведено гг. докладчиками до высшей степени. Чуть только являлось сомнение в том, что при ходе дела обычным законодательным порядком Государственный Совет не одобрит министерской фантазии, автор ее входил, помимо Совета со всеподданнейшим докладом к Государю под предлогом неотложной необходимости известного мероприятия, и самые вопиющие беззакония, вреднейшие решения исторгались обманным и бесконтрольным образом у Самодержца, на Которого потом и падала ответственность за вольные и невольные грехи и злоупотребления Его мини-

стров. Порядок всеподданнейших испрошений породил величайшее чиновничье своеволие и повел к расхищению Самодержавия; возвращаться к возможности такого зловредного порядка не захочет ни один патриот, к какой бы партии он ни принадлежал. Бесспорно, что могут быть случаи исключительной спешности, когда известное мероприятие нужно осуществить тотчас же, но понятие о «чрезвычайности» случая крайне растяжимо, а чиновничья изобретательность в превращении самого обыкновенного случая в чрезвычайный и безотлагательный бесконечно плодовита, как это доказал очень горький опыт прошедшего. Еще в апреле 1905 г. в брошюре «О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя» я писал: «Немалую язву нашего правительственного аппарата составляет несоблюдение или обход существующих законов, практикуемые во всех слоях администрации, но наиболее вредными для Государства, конечно, являются те, которые совершаются высшими сановниками, злоупотребляющими возможностью проводить важнейшие мероприятия посредством всеподданнейших докладов, помимо Государственного Совета. Несомненно, что могут встретиться исключительные обстоятельства, вынуждающие немедленное принятие какой-нибудь экстренной меры, но такие случаи должны быть редким исключением, когда нет никакой возможности, по спешности дела, провести законопроект установленным порядком чрез Государственный Совет. Да и в таком случае предполагаемая министром мера должна быть разрешаема лишь временно, на строго определенный срок, по истечении которого она или должна быть отменена или должна получить окончательную санкцию Верховной Власти, пройдя чрез Государственный Совет».

Таким образом, во избежание опасности, чтобы порядок Верховного Управления не обратился в бывшее беззаконие всеподданнейших испрошений, необходимо этот порядок обставить существенными гарантиями от злоупотребления докладчиков в интересах соблюдения достоинства Самодержца, от всяких нареканий.

III

Читая далее, пункт 2-й *построение обязанностей и прав граждан,* мы встречаемся с положением, которое едва ли может быть признано бесспорным, что права даются человеку для исполнения обязанностей. Не будет ли вернее обратное положение, а именно, что *исполнением своих обязанностей человек приобретает права*, и это оправдывается самим же Л. А Тихомировым. Когда, несколькими строками ниже, относительно инородцев – он говорит (под буквой в): «Отдельные лица из этих народностей могут получать права граждан Империи… лишь за особые заслуги» и т. д. То есть, права получаются ими после исполнения известных обязанностей по отношению к России.

Весьма симпатично для каждого Русского признание автора, что политические права, т. е. права участия в государственном управлении, должны принадлежать лишь Русским «гражданам Российской Империи», инородцы же признаются лишь подданными, с правами только личными.

Это прекрасно. Но, во-первых, не встретится ли довольно больших затруднений при сортировке граждан и подданных? И можно ли безошибочно определить, кого считать русским и кого инородцем? Существуют ли для сего бесспорные признаки? Их как будто нет. Ни происхождение, ни язык, ни исповедание, в особенности после 17 апреля 1905 г., не дают точных указаний. Есть русские, которые не знают русского языка; можно ли их считать русскими гражданами? А татары? Почему будет лишен прав гражданства народ, уже несколько столетий мирно сжившийся с русским населением и ни разу не выказавший обособительных политических стремлений или враждебности к Русскому Государству? А немцы остзейские и колонисты юга и юго-востока России? А все инородцы, не имеющие своего языка и своей политической особенности – куда их зачислить? Можно сказать с уверенностью, что при осуществлении разделения населения на указанные

выше разряды встретятся большие, может быть, неодолимые затруднения, и возбудятся бесчисленные недоразумения и неудовольствия в части населения, непризнанной «гражданами». С другой стороны, и производство в граждане за особые заслуги может легко выродиться в такие же заслуги, за которые у нас украшаются орденами и жалуются чинами господа чиновники, и мы весьма скоро среди наших сограждан увидим соотечественников Мехелина, Огрызки и Искариота в числе, превосходящем наши, русские, желания. Во избежание производства инородцев в число граждан за фиктивные заслуги не будет ли целесообразнее совершенно исключить этот способ вознаграждения, что не мешает тем, которые на деле докажут свою преданность Империи быть ей полезными на всех поприщах деятельности и пользоваться совещательным голосом в делах Государственного управления. При этом, однако, евреи должны быть совершенно устранены; даже принявших Православие едва ли можно допустить к участию в государственных делах, или же ранее 3-го или 4-го поколения от принятия Православия.

Для получения права быть избираемым *народным представителем* в высшее законодательное учреждение Л. А. Тихомиров на первое место ставит высокий образовательный ценз, так как эти избранники «должны быть *пригодны* к столь трудному делу, как законодательство». Неоспоримо, что трудное и ответственное дело законодательства требует участия высоко развитых умов, но можно ли сказать, что пригодность лица к законодательному делу может безошибочно определяться высоким образовательным цензом? Не обладают ли этим достоинством гг. Милюков, Маклаков, академик Марков и многое множество иных, доказавших свою полную непригодность к Русской государственной деятельности и совершенное непонимание своих Русских обязанностей? Не доказало ли свою совершенную неспособность к государственно-административной деятельности Министерство Народного Просвещения и все, что к нему принадлежит, а где же больше лиц с высочайшими образовательными цензами? Не следует ли, ввиду этого, для

получения права участия в высшем государственном учреждении поставить на первый план ценз действительно оказанных Государству услуг на поприще плодотворной общественной или производительной деятельности? Это гораздо более вяжется с последующим предположением автора, что «лучше всего иметь в законодательном совете выборных от организованных общественных учреждений, как земства, городские, сословные и профессиональные организации» (торгово-промышленные, *рабочие* и т. п.). Это действительно лучше всего. Но разве можно найти высокий образовательный ценз, напр[имер], в ремесленном сословии или в рабочей организации?

Казалось бы, что, если избрание участников в законодательное учреждение лучше всего предоставить общественным организациям, то им же следует предоставить определение качеств лица, достойного избрания.

Нельзя не отнестись с полным сочувствием к совершенно правильной мысли Л. А. Тихомирова о нежелательности продолжительных сессий. При ныне существующем положении о выборах, когда член Думы избирается на 5 лет, большую часть которых должен проводить вне круга своих обычных занятий, ни один действительно деловой человек, т. е. сам ведущий свое дело, будь то землевладелец, фабрикант, заводчик и т. д., не может бросить его и идти в Думу. Мы удивляемся, напр[имер], как могут быть членами ее при настоящих условиях приходские священники и епископы? Естественно ли, желательно ли, чтобы они покидали свои приходы и кафедры на *пять* лет с краткими возвращениями в промежутки перерыва заседаний? Не пострадает ли население от отсутствия его духовных руководителей более, чем их присутствие в Думе принесет Государству выгоды? Мы этим, однако, отнюдь не хотим сказать, что духовенству не место в Думе. Напротив. Надо только дать им возможность исполнить их государственный долг без ущерба для духовных интересов населения. А это вполне возможно достигнуть краткосрочностью сессий. Однако трудно согласиться с автором, что Народную Думу достаточно будет собирать один раз в три года на три—четыре месяца. При

таком продолжительном промежутке времени между двумя сборами, Народной Думе будет очень трудно исполнить свой долг как контролирующего исполнительную власть учреждения и заявлять о желаниях и нуждах населения. Казалось бы, более удобным для успешных действий Народной Думы как органа, служащего непосредственной связью между народом и Царем, было бы, чтобы общение их не прекращалось на такое продолжительное время, и не лучше ли потому было бы Народной Думе собираться на месячный срок, чем в 3 года раз на 3–4 месяца?

Совершенно справедливо автор статьи «Самодержавие и Народное представительство» говорит, что «законодательное (т. е. обсуждающее законопроекты?) учреждение должно быть в Государстве одно», и поэтому Народная Дума «не должна быть органом специально законодательным». Однако перечисляя далее предметы, входящие в круг ее ведения, он пишет, что ей представляются «также все законопроекты, которые Государь Император сочтет желательным представить на народное совещание. Народная Дума, в свою очередь, может составлять законопроекты, которые в таком случае поступают в Законодательный Совет». Не усматривается ли тут противоречия против высказанного выше принципа единства Законодательного учреждения? Какая же разница будет между Законодательным Советом и Народной Думой, с одной стороны, и ныне существующими Государственными Советом и Думой, с другой? Если эту разницу видеть в том, что в существующую Думу вносятся все законопроекты, а в предполагаемую Л. А. Тихомировым лишь те, которые пожелает Государь, то это едва ли будет препятствовать Думе, по ее желанию, обсуждать и все остальные законопроекты, в каковом ей отказать будет невозможно, да и странно, когда она имеет сама право законодательной инициативы. Настоящая Государственная Дума составляет первую законодательную инициативу, проектируемая тоже, в том случае, по крайней мере, когда законопроект составляется ею, следовательно, по существу своих законодательных прав они одинаковы. Таким

образом, и в новом государственном построении явятся два законодательных учреждения, что представляет, несомненно, значительные неудобства и создает страшную громоздкость, препятствующую живой государственной деятельности. Доказательство это мы пережили и переживаем воочию с 27-го апреля 1906 г. – момента открытия первой Государственной Думы. Два первых сбора оказались неработоспособны и принудили и Государственный Совет к совершенному бездействию и вместо обогащения законодательной деятельности новым учреждением, его создание парализовало и доселе действовавшее. Правда, Народную Думу предполагается сбирать изредка, следовательно, Законы будут издаваться, по мере надобности, без ее участия и согласия, но, судя по обширности полномочий, которыми ее предполагает облечь автор, она может затребовать пересмотра всего, сделанного без ее участия, она может, наконец, составить свои контрпроекты Законов и усложнить дело законодательства до невыносимости, и новая Народная Дума может, при известных условиях, явиться таким же, если не большим тормозом для деятельности Законодательного Совета, каким нынешняя Дума является для Государственного.

Эти рассуждения невольно наводят на мысль: да нужны ли непременно два учреждения с участием народных представителей? Потому что выборная часть Законодательного Совета едва ли может быть лишена этого названия. Зачем это излишнее усложнение, только обременяющее население расходами, а государственное управление – бесплодно излишними трудами? Не могут ли народные избранники в Законодательный Совет быть облечены теми полномочиями, которые предположены для членов Народной Думы? Не могут ли они в известных случаях составлять отдельную коллегию, не смешиваясь с членами Совета правительственного назначения? Но если уже никак нельзя осуществить всю полноту государственного управления в одном учреждении, то необходимо организовать отдельные учреждения так, чтобы они не могли мешать одно в другом ходу государственных дел.

Если совершенно правильна мысль, что в Государстве должно быть одно лишь законодательное учреждение, то, полагаю, что не менее справедливо, что в Государстве должно быть одно народное представительство. Между тем, в государственном построении Л. А. Тихомирова таких представительств, как и ныне, два: одно смешанного состава, – Законодательный Совет, другое чистого – Народная Дума. Таким образом, в государственном управлении явятся два сорта народного представительства с двумя различными назначениями и различною компетентностью. Есть ли в этом надобность? Казалось бы, что если нельзя уже будет сосредоточить все высшее государственное управление в Законодательном Совете с выборными народными представителями, то не правильнее ли все это представительство сосредоточить в Народной Думе, а в Законодательный Совет выборного элемента уже не вводить. Самодержавная Власть всегда может усилить его состав приглашением наиболее пригодных для высшей государственной деятельности людей, отличившихся на различных поприщах.

По мнению Л. А. Тихомирова, «народные представители должны являться непременно от совершенно определенных групп населения, получать от них наказы и находиться в течение заседаний в непрерывных сношениях с избирателями». Но есть ли у нас такие группы населения? Для осуществления выраженного требования необходимо, чтобы между избирателями и избранными существовала постоянная и неразрывная связь, а таковая может быть только при непосредственных выборах, у нас же все выборы построены на степенях, при которых избиратель как единица даже не знает, кого его именем выбрали, миссия же доверенных его – выборщиков кончается с того момента, как они опустят свои избирательные записки в урны. Даже и в прямых выборах по городам избиратели не составляют никакого сплоченного общества, не имеют центра, в который могли бы собираться и откуда могли бы писать наказы и сноситься со своим избранником. Предполагается, что избиратели, недовольные своим представителем, могут его

отзывать. Это очень хорошо, но опять-таки, возможно ли при нашем складе жизни, при отсутствии необходимой общественной организации и политической зрелости? Если и можно было бы достигнуть каких-нибудь практических в этом смысле результатов, то не при существующей выборной системе, и во всяком случае не при такой, в которой избиратель является толпой в количестве тысяч, ничем не связанных между собою, как, напр[имер], квартиранты. Сословная система выборов отвергнута решительно, и едва ли возможно к ней возвратиться, и остаются только земские и городские общественные собрания, которые могли бы разрешить задачу выборов так, чтобы не терялась связь между избирателями и их избранником. Но, сузивши до этих пределов выборное право (хотя совершенно правильно), можно ли избранных таким образом лиц облекать званием *народного представителя*? Впрочем, не есть ли это звание, и вообще весьма условное, если и не вовсе фиктивное? Кто это может назвать себя народным представителем, кто может говорить от имени народа? Самое большее, что каждый избранник есть представитель, а вернее, просто выборный своей группы, да и то только того ее большинства, которое его облюбовало. Так что, собственно говоря, народный представитель есть громкое, обманчивое слово, прилагаемое сознательно лживо к избранному в лучшем разе случайно, но часто посредством интриг, плутни и мошенничества.

В общем, схема государственного построения Л. А. Тихомирова вызывает следующие соображения.

1. Под названием «народные представители», употребленном в политическом смысле, принято разуметь собрание лиц, облеченных народом властию соправления с Главою Государства, чего в Самодержавном Государстве быть не может, а потому и присвоение такого названия народным избранникам неуместно.

2. В Самодержавном Государстве Законы дает только Монарх, посему едва ли следует переименовывать Государственный Совет в Законодательный, который Законов не издает, а только их проектирует. Если не нравится название Го-

сударственный (хотя почему?), то можно назвать, напр[имер], Верховный, но название Законодательный наименее ему приличествует.

3. Порядок верховного управления легко может выродиться в пагубную систему всеподданнейших докладов, посему решения, принятые в порядке верховного управления, следует возможно строго гарантировать от злоупотреблений докладчиков, сделав их ответственными за введение Монарха в заблуждение.

4. Распределение населения на «граждан» с политическими правами и «подданных» без оных встретит большие, может быть, неодолимые затруднения; производство же из подданных в граждане вызовет неизбежно жестокие злоупотребления, почему не лучше ли отказаться от этого способа вознаграждения за политическое благонравие.

5. Высокий образовательный ценз далеко не всегда гарантирует пригодность его обладателя к государственной деятельности, право участия в ней вернее определить цензом заслуг лица, оказанных Государству на том или другом поле общественной или производительной деятельности, оценка каковой должна быть предоставлена избирателям (в Народную Думу).

6. Собирать Народную Думу один раз в 3 года на 3–4 месяца слишком редко, так как она главным образом должна служить органом общения Царя с населением. Было бы во всех отношениях целесообразнее собирать ее ежегодно на один месяц, или же ввести способ очередных и экстренных собраний.

7. Обсуждение Законопроектов в Народной Думе противоречит проводимому автором принципу единства законодательного учреждения, каковым признается им Законодательный Совет. Оба эти учреждения должны быть организованы в полной независимости одно от другого, чтобы действия одного не могли парализовать работы другого.

8. Если Законодательное учреждение в Государстве должно быть одно, то не должно ли быть и одно народнопредставительное? И не могут ли оба эти учреждения слиться в одно для большей простоты государственного механизма и его

удобства? Если же признается необходимость существования обоих, то пусть Дума останется народно-представительною, а Законодательный Совет составится из сановников государственной службы и лиц по приглашению, известных своими заслугами и полезной деятельностью.

9. Для достижения предположенного государственного построения необходимо коренное изменение системы выборов.

С. Колосово, 5 декабря 1907 г.

———

Памяти В. А. Грингмута

Блаженны есте, егда поносят вам,
и ижденут, и рекут всяк зол глагол,
на вы лжуще, мене ради.
Радуйтеся и веселитеся,
яко мзда ваша многа на небесех
(Мф. 5, 11—12).

Полгода прошло с тех пор, как неумолимая смерть вырвала из среды живых незабвенного основателя Монархической партии, Владимира Андреевича Грингмута[1]. Кому неизвестно, как труден и как велик был свершенный им подвиг? Среди всех современных ему общественных деятелей ни один не находился и на сотую долю в таких неблагоприятных условиях для успешной организации сопротивления неистовому напору вражеских и изменнических шаек, набросившихся со всех сторон на нашу несчастную Родину для ее разгрома, пользуясь развращенным общественным сознанием и необъяснимым параличом власти, частью растерявшейся, а частью и сознательно предавшейся врагам. И, тем не менее, он, который всю жизнь свою подвергался непрестанной травле всех, стремившихся к ниспровержению исторически народных основ русской жизни, он, оклеветанный и поруганный всеми ненавистниками России, почуявшими в нем сильного и

стойкого противника их разрушительным стремлениям, он, чье самое нерусское происхождение и имя были предметом пошлого глумления всех либеральных тупиц и бездарностей, которыми кишат наши «руководящие» слои общественные и бюрократические, он, одинокий, отверженный, подъял и совершил гигантский подвиг, сплотив при таких невероятно трудных условиях в обширный союз тысячи русских людей, искренно и бескорыстно любящих свое Отечество, остававшихся до тех пор бессильными и разрозненными, а потому и неспособными оказать отпор крамольным нападениям на русские святыни, духовные и политические. Какую надо было иметь энергию, какую силу воли, несокрушимую стойкость и безграничную веру в правду своих убеждений, чтобы устоять в этой беспримерной борьбе с бешеным шквалом разрушения, идти почти в одиночестве против стремительного потока, грозящего поглотить все будущее и бесследно снести все наше *русское* прошедшее! А он пошел и победил! Он победил подлые клеветы своих… нет, не своих, а врагов России, он победил порожденное ими предубеждение, которое заставляло русских людей отшатываться от него, и вражескому потоку противопоставил могучую организацию – Русскую Монархическую Партию.

Он умер, но живо его дело. Его физические силы не перенесли сверхъестественного напряжения сил духовных, требовавшегося для совершения его богатырского подвига, и он умер. Но он оставил после себя бессмертное наследие. Пробужденное русское чувство, сознание русских национальных потребностей не может и не должно замереть вновь. Великий покойник показал нам, что спасение наше от козней врагов и предателей заключается в тесном единении всех истинно русских людей под стягом Православия и Самодержавия. И мы, по его завету, должны стремиться к большему и большему размножению патриотических групп, исповедующих те же начала.

Прошло безвозвратно то блаженно-спокойное время, когда мы имели право жить каждый в сфере лишь своих личных

интересов, сидеть порознь, каждый под своей смоковницей, предоставляя Царской воле править судьбами Государства. Но теперь, когда, к нашему несчастию, между народом и Царской волей воздвигнулась в учреждении Государственной Думы преграда, составленная из пестрейшего смешения людей самых противоположных свойств, начиная от пламенных патриотов, находящихся в ней, к сожалению, в незначительном меньшинстве, и кончая самой злобной инородческой ненавистью и разрушительной алчностью всех левых шаек; теперь, когда все будущее благоустройство Государства, а следовательно, и благополучие каждого из нас, его жителей, находится в неустойчивом равновесии, стоящем в зависимости от случайного перевеса голосов в нашу пользу или на нашу гибель, – мы не имеем права не сплачиваться для нашей самозащиты, для защиты, вместе с тем, и родных основ нашей Государственности, жестоко попираемых и искажаемых всеми выплывшими после 17 октября 1905 г. на поверхность авантюристами в их настойчивой погоне за властью.

В последнее время в среде патриотических организаций обнаружились нежелательные раздоры между выдающимися их членами и главными организаторами. Конечно, это явление очень прискорбное; лучше, если бы все работали в мире и полном согласии, памятуя о святости и величии преследуемой цели. Но едва ли следует придавать этим печальным случайностям преувеличенно-отрицательное значение. Все мы люди с грехами и недостатками; все мы подвержены припадкам раздражительности и оскорблениям уязвленного самолюбия, и при постоянном трении трудно избежать ссор и неудовольствий. Вот при этом нельзя не вспомнить с величайшим почтением покойного Владимира Андреевича: как он умел подчинять свое личное самолюбие требованиям дела, которому служил, и нельзя не пожелать всем настоящим и будущим деятелям следовать его примеру и постоянно помнить, что, несмотря на его наружную скромность, на его готовность уступить видное положение и внешнее главенство другим, истинною душою дела и его руководителем все-таки, в общем сознании,

оставался он. При неизбежных разногласиях, ссорах и расколах из-за личностей и частностей важно, чтобы только ссорящиеся не изменяли основным принципам своих политических верований. И если отколовшиеся, со своей стороны, создают новые союзы и партии, руководящиеся теми же верованиями, идущие под тем же знаменем, к той же цели, то не сетовать на это надо, а радоваться, что число русских национальных групп возрастает. Надобно только употреблять все усилия быть всем патриотическим группам в дружбе, независимо от личных отношений их главарей, в постоянном общении, возможно тесном, и в нужных случаях действовать не врассыпную, а, по возможности, всем вместе. Так поступил бы наш незабвенный собиратель, покинувший нас безвременно раб Божий, болярин Владимир, да упокоит Господь его душу в селениях праведных и да сотворит ему лучшую и вполне заслуженную награду – вечную память!

30 марта 1908 г.

Воровская ухватка

Кому неизвестен воровской прием, заключающийся в том, что преследуемый воришка для того, чтобы ввести в заблуждение и обман преследователей, улепетывая от них, сам кричит: «Держи его!» Совершенно такой же прием употребляется теперь всеми, явно и тайно стремящимися к присвоению власти, когда они кричат о «революционерах справа». Первоначально эта грязная клевета произносилась только весьма левыми охотниками за властью, начиная от партии «народной свободы». Много раз клеветники были уличаемы во лжи, но клевета ведь никогда не конфузится: она не только не унялась, но теперь проникла в такие органы печати, которые ни в каком случае явно не признают себя солидарными в своих вожделениях с более откровенными разрушителями Русского Государства.

Но чем же оправдывается обвинение «правых» в революционных стремлениях, в чем они их проявили?

Об этом, конечно, благоразумно умалчивается, да и трудно было бы господам обвинителям привести хоть один факт в доказательство их клеветы. Всякая революция имеет целью *насильственное* изменение существующего государственного строя. В чем же выразилась деятельность правых революционеров в этом смысле?

В чем проявилось их насилие над существующим теперь, уже, конечно, не по их вине, прискорбнейшим государственным расстройством? Убит ли ими хоть один из сановников, зловреднейших, с их точки зрения, для Государства? Произведено ли ими хоть одно покушение на государственное или частное достояние? Из их ли рядов выходят шайки грабителей почт, винных лавок, казначейств, поездов и пароходов? Они ли подстрекали крестьян к разгрому землевладельческих усадеб? Уличена ли хоть одна группа правых в фабрикации бомб, в содержании тайных типографий, в призыве населения к бунту и неповиновению? Нет, ничего подобного правые не творили и никакого преступного деяния, которое имело бы хотя отдаленное подобие революционного, против них привести нельзя.

Но их политические и народные идеалы, их непоколебимая защита русского осуществления власти – Самодержавия, господствующего положения Православия и интересов Русской народности против инородческого засилия противоречат стремлениям взявшего ныне засилие влиятельного большинства в руководящих сферах петербургского чиновничества и в подслуживающемся ему, до поры до времени, думском центре, – и вот, на правых воздвигнуто гонение.

Несмотря на все происки и интриги тайных и явных охотников за властью, Верховный Вождь Земли Русской совершенно верно определил, в ком Он найдет вернейшую и надежнейшую опору. Он правильно оценил, что только в «правых» Он найдет бескорыстную защиту Своей Державной Власти, тогда как все *неправые* стремятся захватить ее себе. И если господам чиновникам и думским конституционали-

стам не удалось до сих пор окончательное похищение власти Монарха, то, может быть, только потому, что миллионы глаз Русского народа, собравшегося волей-неволей в монархические союзы, зорко следят за руками эскамотаторов[1] и могут очень больно ударить их в случае решительного покушения на народные святыни.

Весьма естественно, что господам, провозглашающим на словах существование у нас представительного строя, конституция то ж, но сознающим, что на деле ничего подобного нет, а имеется лишь новое правительственное учреждение, вызванное к жизни по воле Самодержавного Государя, очень не нравится бдительность «правого» Аргуса[2], и они стараются всячески от него отделаться. Но, не будучи в состоянии исполнить это ни прямою силою, ни обвинением в действительной преступности, они избирают путь весьма подлый, но, к сожалению, часто удающийся, – опорочить «правых» во мнении доверяющей им Верховной Власти, пристегивая к ним такое наименование, которое уже само по себе набрасывает тень сомнения на их политическую репутацию.

Вор старался вселить недоверие власти к честной страже и оттеснить ее от охраняемого ею Престола.

За невозможностью опорочить делами для правых нарочито придумывались по возможности самые унизительные наименования, чтобы оттолкнуть от них всех колеблющихся и слабоумных: «Черносотенцы», «человеконенавистники», «негры», «мавры» и, наконец, – «революционеры справа», – вот та коллекция словесных снарядов, которыми бомбардируют людей, верных исконным самобытным русским началам в жизни духовной, политической и народной. Сначала этими снарядами, начиненными ложью, злобой и подлостью, пользовались только левейшие «товарищи», но, как всякое сальное пятно растекается, так теперь этим позорным орудием не брезгуют пользоваться и те сферы, участия которых в воровских шайках не следовало бы и подозревать. Но, видно, невтерпеж становится подрывать Власть тихой сапой чрез постепенное разложение государственного и народного уклада, и вот делается

наглая попытка скомпрометировать «правых», разъединить Царя с верным Ему народом и затем уже, не встречая противодействия, быстро докончить перемещение власти, начатое так удачно 17 октября 1905 г. знаменитым графом Витте.

6 декабря 1908 г.

———

Неправые «правые»

Гроза страшной войны, реющая над Европой вообще, а над Россией в особенности, благодаря позорнейшей неспособности наших дипломатических руководителей, преемственно передающейся по наследству с тех пор, как в Петербургском Правительстве угасло окончательно понимание потребностей управляемого им Государства, заслонила собою все явления нашей внутренней неурядицы, представляющиеся ничтожными в сравнении со страшной опасностью последствий военного взрыва, вот-вот готового разразиться. Но, как ни рискованно наше положение по отношению к готовящимся внешним событиям, сколь ни велики хитрость и усилия наших внешних друзей-союзников и внутренних врагов-разрушителей, мы и теперь еще можем при достаточном благоразумии и твердости избежать обильно расставленные западни, чтобы втравить нас в свалку, в которой предполагается погубить наше Государство, между тем как внутри мы переживаем теперь самый критический момент, от разрешения которого в ту или иную сторону зависит несомненно и уже бесповоротно все будущее России. На это указывает целая цепь очень странных и трудно объяснимых для непосвященных обывателей явлений, наблюдающихся в сферах правящих и законодательствующих, разумея под последними только Государственную Думу, потому что, к сожалению, очевидно, что Государственный Совет потерял всякое значение и влияние на направление государственного строительства, и при Государственной Думе роль его значительно умалилась даже против той жалкой, которую он играл

при самовластных министрах, дававших ему только мелочную работу и обходившихся помимо его в вопросах первейшей государственной важности, если предполагалось встретить отпор министерским вожделениям. Поэтому не следует допускать внешним событиям отвлекать все наше внимание; надо зорко следить за тем, что происходит внутри, постараться уяснить смысл происходящего, направляемого, очевидно, не к укреплению начал, определенных Основными Законами, а к разложению Государства, что не в пример хуже и опаснее всяких военных погромов.

Ряд странных явлений, о которых упомянуто выше, состоял в нападениях думской, несомненно, *правительственной,* партии октябристов на Правительство и более чем снисходительное, граничащее с раболепством, отношение этого последнего к выходкам вожаков этой партии, явлений, завершившихся, наконец, столкновением «правых» в лице Маркова 2-го с правительственною партиею в лице председателя Думы.

Было бы большою ошибкою считать это столкновение одним из заурядных скандалов, столь часто возникавших в Думе вследствие горячности темперамента, бестактности и неблаговоспитанности многих «достойнейших». Еще бóльшею ошибкой будет, как это постановила «правая» фракция Думы, «считать дело исчерпанным».

«Исчерпанным» дело может назваться тогда, когда оно выяснено всесторонне, определены точно причины, его вызвавшие, и последствия, из него рождающиеся. В таких ли условиях находится это «дело»? Нам неизвестно, что происходило за горизонтом наших сведений, и доказательство «исчерпанности» мы можем почерпнуть только из постановления фракции правых, с предпосланием, в котором с бесспорною справедливостью признается «считать извинения Н. А. Хомякова недостаточными». Однако затем следует «принятие во внимание», изложенное в шести пунктах, тех обстоятельств, которые привели фракцию к противоположному решению «считать дело исчерпанным». Но с таким выводом едва ли можно согласиться, до того принимаемое во внима-

ние мало убедительно. В самом деле, на чем, например, основывает фракция правых свое «надо полагать», что председатель Государственной Думы будет впредь «более бережно и внимательно ограждать неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти от дерзких посягательств», когда в пункте втором фракция признает Н. А. Хомякова непонимающим «серьезности лежащих на нем обязанностей»? От человека, не понимающего своих обязанностей, можно всегда ожидать и впредь и невнимательного отношения к неприкосновенности Верховной Власти, и нелепых обвинений преданнейших ее слуг в оскорблении Величества. Из приводимого в п. 4-м письма Н. А. Хомякова очень трудно вывести то заключение, которое изложено в п. 5-м, а именно, что в промежуток времени между этим письмом и недостаточными извинениями произошло какое-то таинственное обстоятельство, «коренным образом изменившее его (т. е. Хомякова) намерения». Никакого противоречия между содержанием письма Н. А. Хомякова и последовавшим с его стороны недостаточным извинением усмотреть решительно невозможно. Письмо заключает в себе указание фракции правых, что они протесту на действия председателя Думы дали ненадлежащее направление, опубликовав его в газетах; а конец письма, указывающий законный путь протеста и объясняющий, что тогда «председатель Государственной Думы будет иметь возможность возразить на него и дать объяснения свои Государственной Думе», даже предуказует последовавшее действительно объяснение и извинение Хомякова. Если ко всему этому прибавить нагло-оскорбительное для «правых» постановление *правительственной* партии октябристов, с примкнувшими к ним прогрессистами и «коло», в котором эта компания вполне не соглашается с «очевидностью нелепости обвинения Маркова в оскорблении Величества», если вспомнить потом грубейшее оскорбление, нанесенное председателем секретарю Государственной Думы г. Сазоновичу *как члену фракции правых*, то если бы эта фракция действительно оценила «со всей серьезностью и вниманием» создавшееся положение, она не

могла бы отнестись так снисходительно к полученным ею нестерпимым оскорблениям и прийти к заключению: «Считать дело исчерпанным».

Она не только не могла спокойно проглотить нелепое обвинение Хомякова и его дерзость против достойнейшего своего сочлена, наглое постановление Октябрей и их левейших соседей, но она *обязана* была не довольствоваться извинением Хомякова, адресованным только к г. Маркову *лично* и протестовать против дерзко-презрительной выходки правительственной партии. Ибо бросая Маркову обвинение в оскорблении Величества, когда он говорил от имени своей фракции, Хомяков оскорбил не только эту фракцию, а в лице ее всех внедумских правых, пославших эту фракцию в Государственную Думу. Высказываясь в Думе по поручению фракции, он говорил от имени всех правых Русского Государства. Если Марков и его фракция действительно считают себя народными представителями, то они не имели права снести оскорбления, нанесенные тем, кого они представляют, ибо не найдется во всем государстве ни одного правого, который бы не сочувствовал каждому слову, сказанному Марковым в том заседании, когда последовала возмутительная выходка г. Хомякова.

Проявленная фракцией правых такая поразительная уступчивость наглым оскорбителям в деле несомненно первейшей государственной важности, не может быть оправдана никакими *тактическими* соображениями. Они не могут, не имеют права оставаться с не смытым обвинением в оскорблении того, кого мы, их доверители, чтим как святыню, тем более, что надо всем этим чуется какая-то тайная, подлая интрига, руководящая нить которой выходит, по-видимому, далеко за пределы Таврического дворца; интрига, цель которой обрисовывается довольно определенно, если припомнить взаимоотношения правительственных руководителей с господствующим в Думе центральным большинством.

Нет, мы, правые, не можем согласиться с постановлением нашей думской фракции и считать «дело исчерпанным». Оно не окончено; если «правые» потеряли его конец, то его захва-

тят октябри и левые, чего допускать не следует, пока есть еще малейшая возможность бороться за сохранение идеалов Русской Государственности.

Не слабостью и уступчивостью пред захватчиками власти можно отстоять Государево дело, а настойчивою, неослабевающею энергиею в изобличении его врагов, кто бы они ни были и какой бы высокий пост не занимали. Вот в чем заключается истинная задача «правых» в Государственной Думе. Заседание ее, окончившееся Хомяковской выходкой, повторяем, нельзя считать одним из обычных думских скандалов; в нем проявилось осуществление частицы тщательно обдуманного и хотя и медленно, но настойчиво проводимого чрез правительственную партию плана крушения тех основ, за которые борются «правые», именуемые для большей убедительности кого следует «революционерами справа», а ныне обвиненные в оскорблении Величества, которое осталось не смытым покаянием Хомякова. Нет, дело не исчерпано!

12 марта 1909 г.

Слова и дела

I

Для успеха каждого начинания, каждого предприятия, к какой бы отрасли деятельности оно ни относилось, – научной ли, политической, коммерческой, теоретической или практической, необходимо, чтобы слово не расходилось с делом. Между тем, мы, россияне, именно переживаем такое время, в которое совершенно утратилось всякое соответствие между выражаемым в слове и исполняемым на деле. Куда ни обратимся, везде встретимся с диссонансом слов и поступков. Не оттого ли оказывается столь неудачным все, что бы ни предприняли все причастные так или иначе ко всем многоразличным областям государственного устроения?

В самом деле, это противоречие между словом и делом практикуется всеми деятелями как правительственными, так и партикулярными, и сверху и снизу, и справа и слева. Не говоря уж о тех враждебных влияниях, которые сознательно фальшивят, стараясь обманными прельщениями всяческих благополучий свернуть нашу государственную колесницу в безвыходную пропасть, в которой она должна разбиться на множество бессильных автономий, неспособных к самостоятельному существованию, а потому заранее обреченных на исчезновение в сильных руках действительно культурных государств, которые не могут терпеть рядом с собою бессмысленного хаоса, – даже все наши благонамеренные и искренно желающие добра своей Родине деятели всяческих степеней и окрасок грешат этою непоследовательностью, а потому и результаты их деяний получаются как раз противоположные ожидавшимся.

Таких обманных слов, не сопровождавшихся соответствующими действиями, произнесено очень мало, и они, наконец, завели нас в небывалую трясину, из которой выбраться не будет возможности до тех пор, пока не отбросим решительно словесный самообман и не вступим на единственно возможный путь спасения, может быть, эгоистический, но неизбежный, – путь узконациональных чисто русских интересов, не сходя с него ни ради финна, поляка, иудея и иных иноплеменников, населяющих Россию, ни ради отвлеченных понятий гуманизма, либерализма, космополитизма и иных еще более зловредных «измов», преклонение перед которыми считается обязательным для каждого, желающего быть сопричисленным к лицу «передовых». А кому же этого не хочется? Ведь огромное большинство нашей интеллигенции, т. е. всего того, что рассуждает об общественных и государственных событиях и мероприятиях или принимает в них непосредственное или косвенное участие, как огня боится прослыть отсталым, реакционером, ретроградом, человеконенавистником, — эпитеты, неукоснительно прилагаемые к тем, кто осмеливается относиться критически или отрицательно к явлениям, причисляемым к оппозиционным.

Давно свернувши с нашего самобытного исторического пути и бредя в хвосте западной цивилизации, мы, естественно, утратили способность сознательно относиться к действительным, насущным нуждам русского народного благоустроения и, за неимением ничего лучшего, подбираем на пути чужеземные понятия, определения, воззрения и учреждения и применяем их без примерки и приспособления к нашим потребностям, искажая действительное их значение до неузнаваемости и до бьющего в глаза безмыслия, и, разрядившись таким образом в чужое одеяние, идущее к нам как седло к корове, воображаем, что стали настоящими европейцами, тогда как сделались только шутами гороховыми, над которыми настоящие европейцы презрительно издеваются, спеша во всю мочь использовать в своих интересах нашу непроходимую глупость.

Возьмем для примера хоть заимствованные нами с Запада понятия либерализма и консерватизма. На своей родине этими словами определяются различные направления политической мысли, ведущие, однако, к одной цели – благоустроению и процветанию родной страны и потому пользующиеся совершенно одинаковым уважением. Ни один просвещенный европеец не станет кичиться тем, что он либерал и презрительно относиться к своему соотечественнику только потому, что он по своим политическим убеждениям консерватор. Не то у нас. Либерал – это синоним всяческих совершенств, это звание, обеспечивающее его носителю общественное уважение и сочувствие; либерал может позволить себе всякую подлость, всякое насилие, всякое беззаконие – и наше, так называемое, общественное мнение, все ему прощает за его принадлежность к этой избранной касте. Самые понятия о «либеральном», вследствие крайнего политического невежества и дикой умственной неразвитости нашей интеллигенции, не только сбивчивы, но прямо нелепы. Так, например, всякие не только противоправительственные, но и разрушительные в государственном смысле выходки считаются либеральными. Защита всяких инородческих интересов, как бы они ни были противоположны и вредны русским, – обязательна для каждо-

го правоверного либерала. Восставать против всяких действительных мер укрощения преступлений, против общественной безопасности, против покушений на жизнь ее защитников – слуг Государства, одобрять убийства сановников и чиновников, считающихся «консерваторами», вопиять против всякого воздействия Правительства для восстановления правильного учения в наших школах всех степеней, коверкать русскую грамоту, расчищать путь для торжества всякого иноверия и безверия и для разрушения господствующей (не звучит ли этот эпитет горькою насмешкою после печальной памяти актов 17 апреля и октября 1905 г.?) Церкви, – все это и многое другое входит в катехизис специально российского либерализма и исповедуется всеми русскими либералами, на какой бы ступени государственной или общественной деятельности они ни стояли, начиная с министров и кончая курсистками всяких специальностей и наименований.

Не так относится русское общество к именуемому «консерватором». Он может быть честнейшим, умнейшим, образованнейшем человеком, бескорыстным слугою Царю и Родине, ничто, никакие достоинства не спасут его от общественного презрения. Ему, вопреки очевидности, припишут самые мрачные намерения погрузить страну во мрак невежества, под безграничный произвол «бюрократически-полицейского» режима, по невежеству либеральных недоумков, отождествляемого ими с идеей Самодержавия; его провозглашают человеконенавистником, кровопийцем, а ныне, в противоположность героям «освободительного» движения – черносотенцем и провокатором.

И вот вследствие совершенно бессмысленного возвеличения слова «либеральное» и опозорения понятия о «консервативном» случилось то, чего необходимо следовало ожидать среди интеллигенции, в которой разве один из тысячи способен самостоятельно разобраться в вопросах государственного значения, и все наше общественное стадо поперло вслед за бесцеремонно наглыми вожаками либерального культа, захватившими почти целиком всю печать и все нити общественной

жизни и деятельности, и только немногие смельчаки дерзали открыто исповедовать другие убеждения устно и письменно, почему и обливались всевозможною грязью и клеветой и даже платились жизнью.

Лишь в последнее время, после бесчисленных бедствий, обрушенных на нашу Родину либералами общественными и правительственными, интеллигентная масса стала прозревать всю ложь, весь обман, которым ее морочили беспрепятственно десятки лет, и лагерь консервативных общественных деятелей, верных патриотов, стал быстро размножаться и уже успел во многих местах вырвать руководство местной жизнью из губительных рук сознательных или несознательных изменников русскому делу, но позиции их еще очень сильны потому, что они находят и до сих пор, как это ни странно, сочувствие и поддержку в высших правительственных и чиновничьих сферах, несмотря на то, что против них-то и направлены первее всего усилия всех либеральных сообществ, начиная от фальшивых октябристов, лукавых кадет и до всех разбойно-социальных разновидностей на пути к разрушению «существующего государственного строя», точнее, Государства Российского.

Невозможно без ужаса и омерзения вспомнить о том, что проделывали русские либералы во время злосчастной войны нашей с Японией. В июне 1904 года погиб от руки подлого убийцы, подосланного, несомненно, руководителем разрушительного против России заговора, Министр Внутренних Дел В. К. Плеве[1], единственный государственный деятель, достойный этого наименования, ясно сознавший опасности, грозящие Государству от его явных врагов, которыми были, да и теперь переполнены бюрократические сферы, и от тайных, наполнявших все общественные учреждения, развращавших неустанно политически и нравственно нашу учебную молодежь, вытравивших из нее всякую любовь к своему Отечеству, его основным учреждениям и историческим заветам. Духовное оподление ее дошло до такой нигде невиданной и неслыханной степени, что в ее среде нашлись такие, которые решились послать привет Микадо[2] после победы японцев над войском

их Родины с пожеланием ему дальнейших успехов. Преемник В. К. Плеве, вместо того чтобы твердою рукою отвратить государственный корабль от подводных скал, о которые желали разбить его враги Русского Государства, стал заигрывать с ними, полагая уступками и подачками умиротворить их ярость. Началась ужасная трагедия разрушения политической и экономической жизни страны. Чтобы обмануть наивных и недальновидных Маниловых, которыми у нас не то что пруд, а хоть море пруди и чтобы привлечь сочувствие и содействие даже сомневающихся, ряд неслыханных подлостей и насилий, совершающихся и по настоящее время над личностями и достоянием, как правительственными, так и частными, окрещен был нагло-обманным, но очень привлекательным словом «освободительное движение». Не правда ли, как симпатично звучит это определение? Ну как протестовать против деяний, цель которых заключается в освобождении вас… от чего? Ну конечно, от произвола, тирании, злоупотреблений старого «бюрократически-полицейского» режима и водворения всяческих свобод. Однако средства, употреблявшиеся для борьбы с «приказным строем», менее всего вредили этому последнему, но очень больно били обывателя и лично, и по карману. Начался ряд нелепейших забастовок заводов, фабрик, железных дорог; обывателя стали лишать воды, провизии, освещения, способов передвижения и т. д.

Почему все эти действительные истязания должны были привести к желанным кому-то свободам, и каким образом эти неслыханные насилия соответствовали наименованию их «освободительными», для обывательского ума так и осталось загадочным. Но, по крайней мере, может быть, избиение обывателя было необходимо для нанесения поражения зловредной «бюрократии»? Ничуть не бывало. «Бюрократия», предоставив всю страну на растерзание свирепых «освободителей», сама не только ни чуточки не понесла ущерба, но на почве «освободительного» движения, как на хорошем навозе, расцвела еще пышнее и, питаясь его зловредными соками, со своей стороны принялась кромсать Россию не менее успешно, чем

ее, бюрократии, предполагаемые враги, но в действительности вернейшие союзники. Нужны ли доказательства? Припомните только хоть из недавнего прошлого, с каким трудом решилась она расстаться со вторым изданием Думы, на удивление всех, находящихся в здравом уме и твердой памяти, зовомой Государственной, этим незаконным детищем от связи чиновника с освободительной распутницей.

Если бы все деятели, правительственные и общественные, стремились действительно к усовершенствованию нашего государственного строя, то, принимая во внимание полнейшую готовность Верховной Власти всячески содействовать этой благой цели, разве России пришлось бы пережить все ужасы случившегося и неизбежно грядущие в будущем? Так называемое «общественное мнение» именем народа (облыжно) требовало настоятельно государственных реформ. Убежденная в необходимости их своими советниками, Верховная Власть чутко отозвалась на якобы народные желания актами 12 декабря 1904, 18 февраля, 17 апреля и 6 августа 1905 года, коими исчерпывались все предъявленные правильно или неправильно государственные нужды. Но вместо удовлетворения, к ней предъявлялись все новые и новые требования. Видя упорство Власти и нежелание идти далее в разрушении основ Русской Государственности, правительственные дирижеры «освободительного» движения скомандовали «революцию». Но эта революция была опять-таки чудовищно-наглым обманом, грандиозным шулерством в игре, ставкою в которой было все Государство. В союзе с Гапонами, советом рабочих депутатов, ожидовелой прессой и подчиненным ему чиновничьим миром, глава тогдашнего Правительства, позорное имя которого да предастся вечному забвению[3], устроил всеобщую забастовку, которая должна была играть роль «революции». Но подумайте сами: какая же это революция, в которой не участвует ни в малейшей степени ни народ, ни войско, ни горожане, а бастуют развращенные и обманутые фабричные рабочие, железнодорожные служащие по подстрекательству и даже приказу своих начальников-инженеров, да несчастная, сбитая с толка

и лишенная своими недостойными наставниками серьезного учения молодежь, а представители власти свободно допускают эту кучку негодяев, начальствующих и обезумевших недорослей, безобразничать на всю Россию и, не принимая *умышленно* никаких мер к их обузданию, пугают этим шутовским, но кровавым спектаклем Верховную Власть, чтобы вырвать у нее согласие на окончательный разгром нашего исторически сложившегося государственного строя и для водворения на его развалинах полнейшего сколка[4] с той обветшалой, износившейся европейской лжи, которая известна под именем «конституции». К величайшему прискорбию, шулерский вольт удался на славу. Устроенная чиновниками «революция» имела своим последствием убийственный акт 17 октября 1905 г., которым была бы насмерть зарезана старая Россия, если бы не оказались в ней еще здоровые русские соки, начавшие отчаянную борьбу с разъедающей Государство гангреной, борьбу трудную, опасную, конец которой невозможно предвидеть ни по времени, ни по результатам. Но уже и то хорошо, что, благодаря невероятным усилиям немногих патриотов, русское самосознание начинает делать успехи, русские люди сплачиваются, и с этой новой растущей силой вынуждены считаться либеральные громовержцы и изменники.

II

Несоответствие между словами и делами с особенною наглядностью проявляется теперь, после роспуска стодневно безобразничавшей Думы[5]. На выражение горячей благодарности Государю за этот акт милосердия к несчастной России со стороны представителей монархических партий и Союза Русского Народа, председатель его, А. И. Дубровин[6], как известно, удостоился получить не только выражение удовольствия Его Величества, но и драгоценнейшую для всех русских патриотов уверенность Царя, что Союз Русского Народа составляет надежнейшую опору законности и порядка. (Эту Высочайшую телеграмму многие, а может быть, и все левые газеты не поме-

стили). Казалось бы, что эти слова, сказанные открыто, с высоты Престола, должны иметь особливое значение. Это не только милостивые слова, которыми Царь удостоил осчастливить Союз Русского Народа – это весьма точная и определенная политическая программа, которая не могла быть неизвестна правительствующему «Кабинету», который поэтому был обязан во всех своих государственных деяниях руководиться ею или же уступить свои места другим лицам, более способным сообразоваться с указаниями Верховной Власти, выраженными с такою несомненною ясностью. К сожалению, во всех действиях «Кабинета», как предшествующих событию 3 июня, так и последующих, не замечается и малейшей склонности сообразоваться с основными политическими идеалами Союза Русского Народа, одобренными Царем, и он, как и другие патриотические партии, остается у гг. министров теперь в такой же немилости, в таком же пренебрежении, в каком был и до роспуска Думы второго, ухудшенного издания. Теперь, накануне выборов в третью Думу по новому, якобы улучшенному способу, в печать проникают смутные слухи, что «Кабинет» шушукается с лидерами рахитической партии 17 октября, партии наиболее мертворожденной, но наиудобнее укладывающейся под синюю обложку чиновничьего либерализма, этого безжизненного ублюдка тусклого, неуловимо-неопределенного цвета.

Верховная власть в Манифесте о роспуске Гос[ударственной] Думы выразилась, что будущая Дума должна быть «русскою по духу». Справедливость этого пожелания, конечно, неоспорима, даже более: только такая, русская по духу, Дума и может быть полезна как государственное учреждение. Но можно ли надеяться на осуществление этой мысли при настоящем положении страны и ее управлении? Проникнуты ли «русским духом» представители власти и может ли наше общество, доказавши так ярко полнейшее отсутствие в нем чувства патриотизма, выделить в Таврический дворец людей русского духа? Наконец, способствуют ли такому отбору соответствующие правительственные мероприятия? К величайшему несчастию для России, ни на один из этих во-

просов не усматривается утешительного ответа. Руководство направлением государственной политики находится в руках тех же сановников, деятельность которых принесла переживаемое нами всестороннее расстройство всех жизненных органов страны, не видно ни малейших признаков сознания ими совершенных ошибок и не заметно изменение курса в направлении, указанном Царем и осуществленным посильною деятельностью Союза Рус[ского] Народа и содружественных ему монархических партий. Что может Россия ожидать от «Кабинета», которому потребовался 101 день, чтобы понять всю зловредность второсборной Думы, что было ясно для всякого неповрежденного ума рядового обывателя с первого же дня ее существования? Какие надежды можно возлагать на сановников, которые, имея в своем распоряжении всю неограниченную мощь государственных средств, не в состоянии прекратить повсеместного грабежа и разбоя, принявших чисто легендарные размеры, и защитить от гибели своих несчастных агентов, обывателей и благоразумных, желающих трудиться рабочих и желающих учиться, а не шалберничать[7] или «экспроприировать» молодых людей?

Мыслимо ли ожидать, что эти правители приобретут вдруг способности и знания действительных нужд Государства, отсутствие которых определилось с не допускающею никаких сомнений ясностью, как во множестве законопроектов, противоречащих истинным потребностям населения, так и в бесплодности и отрицательных результатах всех практических мероприятий.

Насколько настоящий «Кабинет» неспособен усвоить себе «русскую по духу» точку зрения на свои государственные обязанности, ясно видно из недавнего распоряжения не тревожить гг. евреев, незаконно проживающих там, где им это не полагается. И это чуть не на другой день после того, как Государь выразил свое сочувствие целям и деятельности Союза Рус[ского] Народа, в программу которого, сколько нам известно, вовсе не входит уничтожение ограничительных Законов для евреев и предоставление им высасывать экономические

соки и нравственно развращать русское население. Правители, объявившие себя «либералами», не решавшиеся расстаться с разбойной Думой из боязни нарушить какой-то пункт нашей курьезнейшей «конституции»; допустившие, ради нелепо понятой «неприкосновенности», ложно именовавшихся «народными представителями», у себя на глазах улизнуть таких опасных преступников против целости и спокойствия Государства, как Озоль[8], Герус[9] и К°, не стесняются ради иудейских интересов отменять циркулярами и административным произволом коренные Законы Государства. Вот в каких руках была и ныне находится судьба нашего несчастного Отечества.

Но, если бы даже состав нынешнего «Кабинета», сознав свою неспособность править страною в русском по духу направлении, покинул свои министерские квартиры и кресла, и тогда нет почти никакой надежды, чтобы на освободившиеся места были назначены люди, русские духом. Не потому, что их нет. Они есть, и крепкие национальным духом, и своею преданностью русским историческим началам, и умные, и знающие, но, к несчастью, они не принадлежат к той среде, из которой извлекаются правители высших рангов; та же среда, которая забрала в свои руки все разветвления общественных учреждений и потому имеющая решающее влияние на высшие сферы, и доставляющая кандидатов на правительственные посты, может выделить из себя таких же бюрократов-теоретиков, в которых уже с первого курса университетской скамьи, а может быть, и раньше, под влиянием «передовых» папенек и маменек, окончательно вытравлено всякое понимание русского духа, всякая любовь к своему, народному, русскому.

Ведь естественным последствием оценки деятельности Союза Русского Народа, сделанной Государем, должна бы быть, согласно конституционного катехизиса, отставка г. Председателя Совета Министров со всем его Кабинетом, который не разделяет в этом отношении мнения Государя, и проникнуться государственными идеалами Союза Рус[ского] Народа не может, а кормило правления также естественно должно быть вручено А. И. Дубровину и его соратникам. Вот каковы

должны бы быть логические последствия того значения, которое придается Верховною Властию Союзу Рус[ского] Народа, созданному г. Дубровиным.

Ничего подобного не случилось, и вот это-то отсутствие разумной логической последовательности ведет нас фатально к неминуемой гибели.

«Le gouvernement ne peut être bon, s´il n´y a une puissance unique»*. Сказал, кто бы вы думали? Не черносотенец какой-нибудь, а Вольтер[10], сам Вольтер, имя которого сделалось нарицательным всякого свободомыслия. И высказанное им положение можно считать политической аксиомой. Тот же родоначальник либерализма несколькими строками ниже продолжает: «Les années heureuses de la monarchie ont été derniéres de Henri IV, celles de Louis XIV et de Louis XV *quand ces rois ont gouverné par eux mêmes*. Il ne doit pas y avoir deux puissances dans un état**. (см. La voix du sage ét du people[14], стр. 7 изд. 1823 г.).

Вот какие здравые мысли высказывал Фарнейский философ, которого уж никак нельзя обвинить в грехе отсталости. У нас же, несмотря на номинальное Самодержавие, власть, а следовательно, и руководящее политическое влияние, разбилась на части, из которых каждая мешает другой сделать что-либо полезное для благоустроения Государства. Мыслимо ли в какой-либо другой стране, сохранившей хотя самые элементарные зачатки здравого смысла, чтобы министры, которые должны быть исполнителями воли главы Государства, поступали вопреки ясно выраженным им взглядам о том, каково должно быть направление политической их деятельности и к какой конечной цели они должны стремиться? А у нас это не только возможно, но часто даже не маскируется более или менее ловким обманом, и желания и стремления Верховной Власти открыто и нагло пренебрегаются не только высшими сатрапами,

* Правление может быть хорошим только при единой власти *(фр.), (прим. изд. 1909 г.).*

** Счастливыми годами монархии были последние годы царствования Генриха IV[11], годы царствования Людовика XIV[12] и Людовика XV[13], когда эти короли сами правили Государством. В государстве не должно быть двух властей *(фр.), (прим. изд.1909 г.).*

но и подчиненной им второстепенной бюрократической тлею, зачастую водящею за нос самих министерских юпитеров.

К эти двум началам власти с 17 октября 1905 г. прибавилось еще новых два во властных законодательных учреждениях — Государственных Думы и Совета, без них же ничто же бысть, и с этих пор окончательно прекратилась всякая жизнь страны, закованная накрепко в кандалы непримиримого, несогласимого и неосуществимого четверовластия. Печальный опыт последних двух лет ясно показал всю несостоятельность, всю нелепость такого положения, но, к несчастию, он оказался еще недостаточно убедительным для руководителей Государства.

Микроскопические изменения совершенно невозможного выборного Закона 11 дек[абря] 1905 г. не могут оказать никакого оздоровляющего влияния на состав будущей 3-ей Думы. В бочке меда ложка дегтя настолько же ее испортит, как и целый ушат, да еще вопрос: уменьшится ли в Думе, избранной по новому избирательному Закону, количество вредных противогосударственных, антирусских влияний; будет ли новый способ выборов способствовать образованию Думы, «русской по духу» в большей мере, чем ее предшественницы?

Уменьшение количества крестьян, инородцев и исключение совершенно диких народностей еще далеко сего не обеспечивает, а в Западном крае даже значительно ослабляет шансы русских людей, увеличивая возможность преобладания в них польской землевладельческой курии в союзе с еврейством, о чем уже и высказываются опасения местных людей, знакомых с положением и силами тамошних партий. При прочтении нового выборного Закона у многих явилось впечатление, что он будет способствовать победе на выборах так называемой кадетской партии, восприявшей для успешнейшего обмана выборщиков наименование партии Народной Свободы. Но кто же скажет, чтобы от партии, руководимой юдофилом Милюковым, включающей в себя Родичевых[15], Долгоруких[16], Головиных[17] и всех подписчиков Выборгского воззвания[18], пахло хотя в малейшей степени русских духом?

Можно ли подозревать его в партии, публично ругающейся над патриотизмом, упражняющей свое остроумие над ужаснейшим проявлением разбоя, разорившего целые уезды, истребившего достояние сотен ни в чем неповинных землевладельцев, лишенных крова пожарами, игриво наименованными звездою кадетской партии убитым Герценштейном[19] – иллюминациями?

И еще неизвестно, что хуже для России: очевидно, никуда негодная, ясно неспособная, безобразничающая Дума или внешне корректная, «работоспособная» в направлении, разрушительном для русских интересов и русских государственных исторических устоев?

Если правители Государства нянчились более трех месяцев с пьяно-нахальным острожным сбродом и только в последней крайности решились расстаться с этим сокровищем, то с умными, коварными, хитрыми и беззастенчивыми кадетами, как змеи ползущими к захвату власти, они и вовсе спасуют и сами не заметят, как эти «достойнейшие» заговорят им зубы, а потом спихнут, как никуда уже неугодный хлам. А, впрочем, не будет удивительно и то, что «кабинет» согласится плясать перед Думой на задних лапах под видом «ответственности», всегда и везде, во всех конституциях фиктивной, а на деле совершенно отсутствующей, и тогда… тогда, во всяком случае, прощай, Русское Самодержавие, и да здравствует конституция, а может быть, и республика!

Но еще вопрос: что скажет на это медвежонок, растущий ныне в виде Союза Русского Народа, и его братья?

Кто победит: Русская идея или западное шутовство – сказать трудно. К первой сочувственно относится Царь и группы правых партий во главе с Союзом Рус[ского] Народа, весьма многочисленные, но не имеющие никакого или весьма малое политическое влияние; второе настойчиво проводится всеми врагами русской народности с еврейством во главе и массой, русской по имени, но не по чувствам и убеждениям, интеллигенции, стремящейся захватить в свои жадные руки власть над страною, хотя бы ценою ее расчленения, при дея-

тельной поддержке бюрократии, понимающей очень хорошо, что ей будет еще много вольготнее ловить рыбу в мутной воде парламентаризма с поминальною пред «народными представителями» ответственностью, которая, конечно, никого запугать не может, ибо еще не было примера, чтобы какого-нибудь конституционного министра постигла уголовная кара за злоупотребление властью.

Напротив, практика парламентская доказала, что даже уличенные воры возвращаются на министерские посты не только в монархиях, но и в республиках, и даже в последних преимущественно. До тех же пор, пока не одолеет окончательно та или другая сторона, нельзя ожидать ни улучшений, ни успокоения страны и возврата ее к нормальному состоянию.

Рознь между Царскими стремлениями, сочувственными направлению Союза Р[усского] Народа, и стремлениями «Кабинета» проявляется решительно во всей деятельности последнего, какой бы отрасли государственного благоустройства она ни касалась. Так, например, едва ли соответствует взглядам Союза состоявшееся на днях решение Совета Министров открыть еще новый университет в Саратове, в то время когда и в существующих наука почти окончательно упразднена, да и учить-то юношество некому, так как большинство наших «ученых» начинено жаждой приобретения архилиберальной популярности, способствующей избежанию неприятностей при столкновении с одичалым студенчеством и, попутно, стяжанию презренного, однако управляющего всем животным миром, металла. А новые правила о студенческих организациях, как будто нарочно наталкивающих молодежь на путь политиканства, отдающих ее вполне во власть гнусной пропаганды политического развращения? Как все это соответствует идеям и целям, преследуемым Союзом Русского Народа и его руководителей! Что можно ожидать хорошего при таком коренном и всестороннем разладе между стремлениями Верховного Хозяина Земли Русской и Правительственным составом, не считающимся с Его взглядами, а проводящим свою собственную политику? Верховная Власть требует удовлетворения русских

нужд, русских желаний, правильными выразителями которых признает Союз Рус[ского] Народа и Монархические партии; она заявляет о необходимости иметь Государственные учреждения «Русские по духу», а исполнители Высочайшей воли продолжают неуклонно действовать в духе «либеральном», в том специфически либеральном, присущем нашей интеллигенции, духе, в котором даже ни в какой микроскопической дозе невозможно отыскать ничего русского.

Каким образом, при таком положении, Союз Р[усского] Народа может служить службу «надежной опоры»? Опора эта действительно очень солидная, и Государь совершенно правильно указал на нее своим министрам. Но эти последние как бы нарочно пренебрегают указаниями своего повелителя и, невзирая на весьма вероятные гибельные последствия для Государства, ищут опоры в партиях, изменивших Русским историческим началам, направляемые туда инородческими враждебными влияниями.

Да и было бы более чем странно предполагать, чтобы г. Столыпины в сотрудничестве с Коковцевыми, Кауфманами-Герасимовыми[20], Васильчиковыми[21], Щегловитовыми[22] и иными, вдохновляемыми своими еврейско-польскими канцеляриями, стали проводить в жизнь государственные идеалы гг. Дубровина, Грингмута, Пуришкевича, Пихно[23], Самариных[24] и других истинно русских людей.

Россия представляет в настоящее время печальный пример того, как мировое Государство и великий народ погибают потому, что правители его не находятся на высоте занимаемого ими положения, не знают страны и ее действительных потребностей и потому в своих действиях руководятся предвзятыми из книжек теориями, соответствующими в данный момент господствующей «либеральной» моде, и для умиротворения творящихся ужасов всякого рода насилий употребляют неизменно один способ – уступки всем отрицательным влияниям не только в пределах возможного, но часто даже с нарушением Основных Законов Государства. Лишь один Государь ясно понимает положение, что и доказал своим высокомилостивым

ответом председателю Союза Р[усского] Народа. Но что же может сделать Он, если все его советники и исполнители Его воли, держась других воззрений, искажают ее в своих мероприятиях до неузнаваемости, и потому вместо блага получаются новые и новые осложнения, положение запутывается в Гордиев узел, для развязки которого потребуется новый Александр Македонский[25]. Но явится ли он и когда? До сих пор мы дожили еще только до Македонских гранат, коими мало-помалу разгромляется Россия и уничтожаются патриоты, власть и деньги имущие, а героем Македонским и не пахнет.

III

Существует мнение, что Россия в настоящее время находится в состоянии революции. Но можно ли действительно приложить этот термин к совершающемуся у нас безмыслию, которому мы вполне обязаны не деятелям снизу, а деятелям сверху? Все происходящее ныне есть несомненное логически необходимое последствие действий бюрократии и потому, если мы находимся в революции, то исключительно в революции чиновничьей, которой начало положено земскими паразитами, этими архибюрократами общественных учреждений, плотно присосавшимися к народному достоянию.

В политической публицистике так называемого правого лагеря не раз высказывался совершенно правильный взгляд, что в основании государственного благоустройства должно быть земство, и если бы у нас было таковое, достойное этого наименования, т. е. деловое, составленное из лучших местных русских людей, любящих свое Отечество, свою землю, свой местный деревенский домашний очаг, с которым связаны все предания многих поколений одного и того же семейства, то, конечно, мы не дожили бы до нынешнего позорно-бессмысленного состояния. Приписывают все наши бедствия бюрократической централизации, сетуют на то, что Правительство всячески стесняло земство и не давало ему никакого участия в вопросах благоустройства Государства. Но эти на-

рекания далеко не справедливы. Если Правительство по отношению к земству и можно винить, то только в том, что оно в нем жестоко ошибалось, приняв сброд двуногих шакалов, по горло упитанных данью с обнищавшего населения, за действительных земских людей. Кн. Святополк-Мирский заслуживает таким образом порицание не за свое обращение к сотрудничеству виднейших земских деятелей того времени, а за то, что он не знал цены тем людям, которым выразил доверие, которого они не заслуживали и так жестоко обманули, воспользовавшись им для удовлетворения личных вожделений власти и сопряженных с нею честолюбивых и материальных выгод, при совершенном незнании или непонимании истинных государственных потребностей Русского народа. Да и немудрено: наши земские юпитеры того времени занимались не столько постоянною тенденциозною борьбою с местною администрациею и заботами о возможно большем обложении населения для прокормления огромнейшего штата земских служащих, так называемого третьего элемента, в руки которого и было сдано практическое ведение земских дел и бесконтрольное ими распоряжение, вопреки интересам населения.

Могут сказать: да зачем же население выбирало таких недостойных земских деятелей, когда среди него, наверное, были люди честные, деловые и знающие? На это можно только ответить, что в огромном большинстве случаев выборы есть интрига, плутня и мошенничество, исполняемое шулерами, искусившимися в этой игре и безошибочно проводящими с помощью разных вольтов и передержек намеченных влиятельною кликою лиц на соответствующие земские места и должности. Выборы – это задача, которая только случайно и крайне редко не дает отрицательного решения, и еще не родился такой мудрец, который бы нашел способ извлекать из выборов всегда положительное и наилучшее.

Ничего нет мудреного, что собрание земских деятелей такого калибра, из коих главные коноводы только что были уличены Зиновьевской ревизией[26] в невозможно дурном ведении земского дела при распоряжении громадными денеж-

ными средствами, воспользовалось неосмотрительно оказанным им руководителем внутренней политики доверием не к пользе государственной, а к возможно большему увеличению собственного своего значения и значительному усилению своего влияния, в стремлении расширить его на дела всего Государства.

И вот в собрании этих так называемых земских людей в ноябре 1904 года раздалась первая крупная ложь, формулированная в 13-ти пунктах требований к Правительству, совершенно не нужных для Государства, но очень желательных для чающих депутатских и министерских кресел. Хотя возникшее вслед за тем движение во влиятельных общественных сферах и имело характер якобы против злоупотреблений бюрократии, достигших действительно баснословных размеров, но бюрократия не только не испугалась этого словесного против нее подхода, но поспешила сама стать на сторону рьяных реформаторов в совершенной уверенности, что при осуществлении их программы в наилиберальнейшем духе, до уничтожения не только Самодержавия, но и самой монархии, положение ее не только не поколеблется, но и вяще утвердится в полнейшей безнаказанности самого разнузданного ее своеволия.

Эта земская ложь была тем отвратительнее, что заведомо стремилась использовать затруднительное положение Государства, обремененного тяжкой войной с сильным врагом.

Как бы ни был несовершенен строй Государства, но никому, находящемуся в здравом уме и твердой памяти, не придет в голову перестраивать его в военное время. Это все равно, что переделывать неудобный пожарный насос во время пожара: лучше иметь в это время хоть какой-нибудь, чем не иметь никакого. Напрасно немногие благоразумные голоса указывали на несвоевременность коренного государственного преобразования, требующего крайней осмотрительности, глубокого изучения и напряжения всех умственных и материальных сил страны.

Голос благоразумия был заглушен неистовым гвалтом интеллигентной толпы, и Правительство, переконфуженное

военными неудачами, не смогло дать надлежащий отпор ее безумным притязаниям, подсказанным, к несчастью, не действительными побуждениями к упорядочению государственного управления, а эгоистическими вожделениями перемещения власти в свои руки. Все, что было враждебного России (а что же не было ей враждебно?), все, что страшилось ее возраставшего могущества и потому жаждало ее разрушения, всячески подстрекало и поддерживало безумцев и изменников, каковых нашлось немало не только в среде общественных деятелей, но и между влиятельными членами Правительства. И началось самое наглое жонглирование словами.

Едва ли была другая эпоха, в которую слово, этот драгоценнейший дар, отличающий человека от остального животного мира, осквернялось такою отъявленною ложью, служило бы орудием для такого наглого обмана. Покушения инородцев к расчленению России именовались невинным словом – «самоопределение», и всех наших вислоухих старались убедить, что всякая народность «имеет право» на самоопределение. Подлейшая, не имеющая никакого оправдания и погубившая учебное дело в России профессорская и студенческая забастовка была явно ложно объяснена небывалой «взволнованностью».

Неслыханные насилия, чинимые негодяями над обывателями, подстрекательства рабочих к забастовкам, губившим русскую промышленность и разорявшим как частных лиц, так и самих забастовщиков, именовались симпатичным термином «освободительное движение». Грабежи государственных касс, банков и частных лиц с угрозами и убийствами получили благородное название «экспроприаций». Наконец, разгром частной земельной собственности, бессмысленное уничтожение сельскохозяйственных запасов, инвентаря и скота наименовался «аграрным движением», а причина его, ложность которой выступила теперь с наглядной несомненностью, – «острое малоземелье» крестьян.

Но ужас нашего положения заключается в том, что власть поверила политическим обманщикам, шулерам в этой бесчестной игре и позволила себя убедить в необходимо-

сти удовлетворить все требования, предъявленные ей самозванными рачителями отнюдь не русских, а инородческих и враждебных интересов.

Частию напуганные угрозами смерти, частию по добросовестному заблуждению, последствию совершенного незнакомства с положением страны и потребностями населения, частью из личных, своекорыстных видов, сановные заправилы судьбами Государства окружили трон непроницаемой броней самого чудовищного обмана и всем хором содействовали планам врагов — разрушителей России, убеждая Власть в необходимости государственных реформ по вражеской программе, которую те проводили чрез «либеральных» коноводов земств, столичных предводителей дворянств, действовавших облыжно от имени своих сословий, и иных деятелей свободных и несвободных профессий. Наглость старателей убедить Государя в необходимости реформ, которые разрушали старый, испытанный, надежный строй Государства и отдавали всю Россию во власть кучке честолюбивых проходимцев и инородцев, доходила до того, что Ему представлялись от имени земли и городов самозванные депутации людей, никем в действительности не уполномоченных; устраивались по команде *сверху* искусственные забастовки и бунты; облеченные царским доверием сановники организовывали и вдохновляли революционные сообщества вроде совета рабочих депутатов, субсидировали из государственных средств Гапонов, и все это делалось почти открыто, к явному соблазну всех колеблющихся и ужасу искренно любящих свою Родину, и проходило не только безнаказанно, но поощрялось наградами, повышениями и всякого рода чиновничьими ублаготворениями.

IV

Не так давно в одной из газет русского направления («Русская речь», 13 июля 1907 г.) некто подписавшийся «Русский», призывает нас, патриотов, идти «рука об руку с властью, чтобы сломить царящий разбой, и только после этого… начать

сводить счеты с бюрократическим Правительством». Но если власть не борется, сама не принимает никаких мер против разбоя, как же идти с ней рука об руку? Как это сделать, когда она вас не только не приглашает на помощь против свирепствующего повсеместно разбоя материального и политического, не только отвергает предлагаемую вами помощь, не только не слушает ваших воплей о защите и ограждении, но вас же преследует и карает, когда вы, беззащитные, выведенные из терпения насилиями и оскорблениями, наносившимися беспрепятственно со стороны властей вам лично и всему чтимому вами как святыня, обращались против ваших подлых оскорбителей и прибегали к самозащите, зачастую безоружные, против отлично вооруженного врага? Припомните историю всех так называемых еврейских погромов, бывших везде и всегда последствием насилий и оскорблений со стороны евреев; погромов, в течение которых лишалось жизни и увечилось гораздо больше русских погромщиков, чем зачинщиков-евреев – кого судили, кого сажали в тюрьмы и ссылали на каторги русские суды? Не исконных, заведомых врагов нашего народа и Государства, не насильников оскорбителей наших святынь – евреев, а несчастных русских, у которых еще не оледенело сердце и способно возмутиться до самозабвения при виде поругания всего, ими чтимого, подлым бесчестным врагом.

Как идти рука об руку с властью, которая прислушивается не к нуждам Русского Государства, не их старается удовлетворить, а желает всеми силами угодить виновникам и сторонникам «освободительного» движения и в этом стремлении не останавливается ни перед своевольным нарушением существующих Законов, ни перед насильственною ломкою всего народного быта, сложившегося веками?

Можно ли русскому человеку, любящему свое Отечество, идти рука об руку с такою властью, как «кабинет», все члены которого губят врученные им отрасли управления? Разве не погублено наше просвещение под Кауфмано-Герасимовским руководством? Не гибнет наша торговля и промышленность, вверенная попечению г. Философова?[27] Не превратился наш

суд в надругательство над справедливостью под руководством г. Щегловитова? Не процветают грабежи, разбои, убийства и заговоры против целости Государства и драгоценной жизни его венценосца при системе непротивления злу и отдаче на растерзание добра, практикуемой «либерально» г. Столыпиным? Уже не идти ли рука об руку с кн. Васильчиковым, поверившим в действительность повального малоземелья в Государстве, представляющем на ¾ незаселенную пустыню? Для удовлетворения этой фантастической нужды сочинены, прежде всего, Законопроекты, которые действительно поведут не к увеличению крестьянского землевладения, а к обезземелению крестьян, что неминуемо случится при разрешении им залога и, следовательно, возможности отчуждения не только купленной, но и надельной земли, в затем образован пресловутый земельный фонд, который, как теперь оказывается, никому не нужен, и ложится новым, тяжким бременем на государственную казну, вызывая потребность оплаты процентов и погашения на затраченный для приобретения фонда капитал, не оправдываемых доходностью купленных земель под чиновничьим управлением агентов Крестьянского Банка. Да, «аграрный» вопрос, выпущенный в обращение злоумышленниками ради возбуждения смуты в народе, который не шел ни на какую другую либеральную приманку, искусственность которого била в глаза, заслужил полное доверие «кабинета» вообще, а владыки специального министерства в особенности, ваказав, прямо сказать, позорную неосведомленность правящих сфер о действительном состоянии народно-земельного дела в Государстве. Стремясь отвратить крестьянина от революционеров, щедро суливших ему даровую передачу земель всех других собственников в Государстве и переманить его на свою сторону, «кабинет» бросился, очертя голову, скупать чрез Крестьянский Банк земли, в обилии предлагавшиеся разгромленными и чающими разгрома владельцами, а также лицами, умеющими в мутной воде ловить рыбу и при благосклонном содействии чиновников Банка (см. статью И. Рева, «Киевлянин», № 174, 26 июня 1907 г.), продавших ему земли по совершенно фанта-

стической оценке. Конечно, это делалось в уверенности, что крестьяне, теснимые «малоземельем», моментально расхватают накупленные для перепродажи им земли.

И получилось полное разочарование. Крестьянин оказался много умнее нянек, приставленных о нем заботиться. Пока была надежда на дарование получение земли, то малоземелье оказывалось во всей России, и не было такого уголка «от финнов хладных вод до стен недвижного Китая», в котором крестьянин не стонал о необходимости «прирезать землицы». Но покупать ее, да еще по родственным и дружеским ценам, заплаченным Крестьянским Банком излюбленным продавцам – нет, это крестьянину совсем не подходит, как ни мани его на отрубной хутор. И вот летят из Землеустроительного центра его провинциальным разветвлениям предписания «ликвидировать» и как можно скорее пресловутый «земельный фонд». Да зачем же было составлять такой «фонд», который нужно «ликвидировать»? Да еще как можно скорее? Разве для того составляются фонды? Они составляются для постоянно пополняемого удовлетворения будущего спроса. Вслед за циркулярами помчались и чиновники с самим г. Риттихом[28], этим бумажным творцом крестьянского земельного благополучия, во главе, с поручениями понудить несчастные землеустроительные комиссии найти во что бы то ни стало потребителей для земельного фонда, под невыносимым бременем которого задыхаются не его авторы, а, к несчастью, Государственное Казначейство, пополняемое тощими и дырявыми карманами того же крестьянина, которому теперь предлагается насильно проглотить и неудобоваримый «земельный фонд» Васильчиково-Риттиховского изготовления. И теперь обнаружилось до несомненности, что «аграрный» вопрос был самым наглым аграрным обманом, на удочку которого поймались наши землеустроители и теперь не знают, как бы им соскочить со злодейского крючка, на который они так легкомысленно и глупо засели. А ведь этот гнусный обман возмутил всю Россию, нанес ей неисчислимые убытки и надолго расстроил ее сельскохозяйственную жизнь. А между тем он

был настолько очевиден, так сшит белыми нитками, что разглядеть его не стоило никакого труда, и благоразумные люди на него Правительству указывали. Но наши представители власти совершенно глухи на правое ухо, и хорошо слышат только с левой стороны и ее советы и указания спешат исполнить, как бы ни были они гибельны для Государства. Как же идти рука об руку истинно русским людям с такою истинно нерусскою властью?

От Петербурга и до Тифлиса царят ужасающие грабежи и разбои. Ежедневно льется кровь не только слуг Государевых, но и всех, у кого подозреваются крупные суммы денег. Десятки и сотни тысяч рублей ежедневно расхищаются разбойниками, среди которых почти не встречается лиц старше 20-летнего возраста и в редких случаях, когда после убийства нескольких преследователей им удается задержать часть злоумышленников (деньги всегда исчезают), оказывается, что эти разбои часто чинятся студентами и гимназистами. Вот куда направлена молодежь просветительной деятельностью своих наставников и соответствующего министерства!

До тех пор, пока подлейшие дела будут именоваться соблазнительно-привлекательными словами, а власть имущие не будут в состоянии различать этого явного злонамеренного обмана, до тех пор, пока правители Государства будут руководиться в своих мероприятиях отвлеченными и плохо понимаемыми принципами либерализма, а не действительными нуждами Русского Государства и Русского народа, подчиняя им все инородческие и иноверческие вожделения, до тех пор, пока петербургские чиновники будут пропитаны противорусским духом, пока влиятельные места генерал-губернаторов и наместников будут занимаемы неспособностью, слабостью и даже изменою, пока в Государственном Совете возможны будут члены-сообщники Гапонов, а в Думе ехидны-кадеты и социал-разбойники под председательством покорного им пешки-автомата, пока инородцы, явно враждебные русской государственности, в каком бы то ни было количестве будут находиться в составе русского законодательного учреждения,

пока исполнители Высочайшей Воли не будут сообразоваться с нею в своих действиях и тем не менее, оставаться на своих местах, злоупотребляя своим положением для проведения своей личной политики, пока Россия будет осуждена управляться этим безобразным, бессмысленным нагромождением законодательных учреждений, опутывающих как паутина неосторожно попавшую в нее муху величайший правительственный идеал – Самодержавие, давящих нашу несчастную страну, как Джагернаутская колесница[29] индейских фанатиков, – пока народ не разобьет вдребезги это уродливое сочинение петербургских канцеляристов, и не восстановится во всей его чистоте Русский исторический строй, выражаемый в девизе: Православие, Самодержавие и Народность, – до тех пор Россия будет находиться в муках всяческого насилия и разорения.

Отчаянно трудно положение нашей несчастной Родины: со всех сторон впились в нее и свои, и чужие подлые вампиры и высасывают ее мозг и кровь и рвут на клочья ослабевшее тело. Отчаянные усилия делает она, чтобы страдальческий ее крик о спасении достиг до Царя – ее единственной надежды, ее единственного заступника. Долго этот вопль заглушался недостойными его советниками или перетолковывался их наветами как возмущение против Царской воли и Царских благих намерений, но, наконец-то, Союзу Русского Народа удалось после 3 июня пробить брешь в непроницаемой дотоле стене лжи и обмана, которым петербургская бюрократия отделила трон от народа, и Государь услышал-таки действительно народный голос, внял ему и Сам определил, где надежнейшая опора Государственного порядка и законности. И хотя еще ни один вампир не отвалился от своей добычи, но все же впереди мелькает надежда, что Русское дело, защищаемое правыми с Союзом Русского Народа во главе, при определенно выраженном ему сочувствии Верховного Вождя Земли Русской и ее единственного печальника среди моря равнодушного, невежественного, а зачастую и злонамеренного чиновничества всех рангов, рано или поздно восторжествует над всеми кознями и ухищрениями как внутренних, так и внешних врагов.

И дай Бог, чтобы это было как можно раньше, чтобы раньше перестала литься кровь и расточаться достояние русских людей.

А для сего необходимо прежде всего, чтобы слово перестало служить лжи, мошенничеству и обману, и каждое дело получало надлежащую оценку и соответствующее наименование.

21 июля 1907 г.

———

Итоги реформы государственной власти 1905 — 1909 гг.

I

Во всей истории не только России, но и всего человечества едва ли какая другая эпоха сравнится с переживаемой нами по обилию и значению реформ, предпринятых без сомнения для всестороннего усовершенствования благоустройства Государства и улучшения жизненных условий населения. Вначале, когда вводился новый прядок высшего управления Государством, когда он находился, так сказать, еще в брожении и не прибрел надлежащей устойчивости, было преждевременно судить о его качествах. Но теперь после достаточно продолжительного применения его на практике, после смены трех комплектов Государственных Дум, из которых последняя получилась по улучшенному Законом 3-го июня порядку выборов, накопилось достаточно материала для более или менее правильной оценки реформированного Государственного строя.

Теперь уже своевременно задаться разрешением вопроса: оправдала ли реформа законодательного порядка возлагавшиеся на нее ожидания? Упорядочила ли она разнообразные проявления Государственной жизни? Искоренила ли злоупотребления, произвол, казнокрадство, расточительность? Уничтожила ли «бюрократически-полицейский» режим, «приказ-

ный строй», для чего именно и была предпринята? Облегчила ли тяжесть жизни обывателя, ставшую за последние годы совершенно невыносимою? И так далее. К величайшему сожалению, ни на один из подобных вопросов утвердительно не ответит никто, к какой бы серии политических воззрений он ни принадлежал. Недовольны положением дела решительно все: и рядовые обыватели, жаждущие единственно спокойствия и безопасности и их не находящие, и честолюбцы, неудовлетворенные пределами предоставленного участия в управлении Государством, и патриоты, опасающиеся крушения русских основ Государственного бытия, и многочисленные инородцы, не получившие ожидавшихся ими автономий и равноправий. Не оправдалась ни одна надежда и оправдались все опасения, а жизнь населения, не приобретя ровно ничего нового, хорошего, потеряла даже ту устойчивость, которую имела при старом порядке. А, между тем, нет и не может быть никакого сомнения в том, что Правительство искренне стремилось предпринимаемыми реформами принести пользу и укрепить положение Государства. Почему же все его старания не принесли ожидавшихся благотворных результатов, в чем кроется причина его неудач? Их, конечно, очень много, но главная, все покрывающая, заключается в оторванности нашего общества от народной жизни, в совершенном незнании ее и ее потребностей, вследствие антинационального направления нашего воспитания. А так как это общество поставляет кандидатов в правящий класс, то немудрено, что оно при всем желании не может отыскать правильный самобытный путь для удовлетворения *русских* государственных нужд и путается поневоле в чуждых народу, но более ему знакомых западных образцах, уже теряющих кредит даже на своей родине.

Но кроме этой общей причины, разъедающей русскую государственность уже сотни лет, неуспешность реформ зависела и от частных обстоятельств, имевших место при их зарождении.

Так, для коренного преобразования внутреннего управления Государством едва ли можно было считать удобным то

время, когда оно ведет тяжкую, сопровождающуюся поразительными неудачами войну. Никто, даже правейшие из правых, не стояли за сохранение порядков, при которых возможны были невероятные закононарушения всевозможных видов; указывалась ими только несвоевременность государственной ломки и несовместимость с внешней войной, когда все помыслы Правительства должны быть сосредоточены на заботе о ее успешном окончании. Отсрочку реформ до заключения мира подсказывала, казалось бы, азбука благоразумия, однако тогдашнее Правительство, по каким-то совершенно необъяснимым причинам, вопреки здравому смыслу и логике вещей, начало свою реформаторскую деятельность при громе Ляоянских и Мукденских пушек[1], в разгаре мятежа и всеобщих забастовок, в очевидно несбыточной надежде усмирить ярость бунта либеральнейшими реформами.

Последствия не замедлили доказать ошибочность расчетов Правительства: чем более старалось оно подладиться под требования так называемого общественного мнения, тем сильнее разгорались страсти, тем неистовее действовала крамола, наисильнейшее проявление которой совпало с последнею гранью уступчивости власти, выразившейся в акте 17 октября 1905 года.

Нельзя не обратить внимания и на то, что во всей реформаторской горячке 1905—1906 годов проявилось несоответствие следствий с вызвавшими их причинами. Всеобщий голос, требовавший реформ, необходимость их объяснял злоупотреблениями существующего режима. Но едва ли существует такой режим, при котором злоупотребления были бы невозможны, а потому бороться с ним переменою режима, если под ним разуметь форму государственного правления, бесполезно. Тот или иной режим способствует более успешному управлению Государством и ведению его к благоустройству и процветанию, но злоупотребления, одинаково возможные при всяком государственном строе, искореняются не переменою его, а строгим наблюдением за добросовестным исполнением каждым своих обязанностей, за неуклонным соблюдением су-

ществующих Законов и, главное, неослабным каранием их нарушителей, и тем строже, чем выше их положение в обществе или правительственной иерархии. Если же каждое закононарушение будет вызывать реформу, то Государство очутится в невозможном положении непрерывного преобразования, и, конечно, ни порядка, ни благоустройства в нем ожидать будет невозможно.

У нас именно таково было положение. Беззакония и злоупотребления администрации дошли, вследствие укоренившейся безнаказанности, до последних пределов нетерпимости, но вместо того, чтобы очистить правительственные учреждения от недостойных чиновников и подвергнуть их примерному наказанию, начали искоренять пороки лиц реформою учреждений, оставив руководство ими в тех же недостойных руках, уже уличенных в своей недоброкачественности.

Достойно примечания и то, как современные коноводы общественной деятельности, громко и, может быть, справедливо осуждавшие недостойную «бюрократию», искусно подменили, при деятельном сотрудничестве этой самой «бюрократии», объект своего нападения и вместе с нею стали искоренять не этот негодный исполнительный инструмент власти, действительно требовавший фундаментального исправления, но саму Верховную Власть, исторически вылившуюся на Руси в неограниченное Самодержавие.

Долой «бюрократически-полицейский» режим, долой «приказный строй» – таков был лозунг либеральных общественных руководителей, но вместо гибели бюрократии, т. е. царства чиновничьего произвола, мы теперь, после реформ, произведенных с целью укрощения его, наблюдаем небывало пышный расцвет этого ненавистного начала, а умаление выпало на долю нашей русской государственной идеи – Самодержавия.

Правительство, прияв ошибочно шум либерально-общественных групп за народные требования, дошло до последних пределов уступчивости пред общественной демагогией, но, как водится, не могло удовлетворить ее конечные

вожделения, решившись сохранить неприкосновенным Самодержавие Царя, хотя и поколебленное учреждением Государственной Думы с огромною законодательною компетенциею и совершенно безграничною свободою действий и выражений, перешедших поэтому немедленно в необузданность.

Но и этими широкими правами не удовлетворилась похоть власти политических авантюристов и за обладание ею, в полной, «конституционной», мере, идет непрерывно настойчивая борьба. В этом, несмотря на все их внешнее различие, сходятся Думы всех трех сборов, только в двух первых стремление захватить власть выражалось с явной прямолинейностью и потому отразить его было не трудно, в последней же подкоп под власть ведется хитрее и тем, следовательно, опаснее, и бороться с ним труднее. Таким образом, Государственная Дума как продукт реформы, основанной на неверном представлении о потребностях данного положения Государства, соображенной наскоро, по чужим образцам, вылилась в совершенно невозможное учреждение, вся существенная деятельность которого свелась к отвоеванию власти, а все деловые задачи и вопросы составляют нечто привходящее и решаются не в интересах Государства, а в интересах «тактики» большинства, ведущей к осуществлению его главной цели – захвату власти.

Ненормальность совершенно неестественная положения Государственной Думы и ее отношений к Власти и Законам очевидна и не может не поразить изумлением беспристрастное и спокойное наблюдение. Вследствие какого-то необъяснимого извращения понятий Г[осударственная] Дума оказалась вне Законов, вне всякой ответственности за их сознательные нарушения, и даже за совершение тяжких преступлений. Всем памятны оскорбления, которым подвергалась во всех трех Думах Верховная Власть, высшее Правительство, военная и гражданская администрация, «господствующая» Православная вера и ее служители, и все это осталось без всякого законного возмездия «достойнейшим», тогда как заурядный обыватель за то же самое подвергался строжай-

шему наказанию. Точно так же принадлежность к противгосударственным партиям человека вне Думы признается преступной и карается, счастливым же избранникам в Думу дозволяется открыто принадлежать к воспрещенным сообществам и высказывать разрушительные идеи, распространяемые затем распоряжением Правительства, и на казенный счет возбуждая соблазн в заблуждающихся и прискорбное недоумение в разумных.

Но этого мало. Правительство, допуская безграничную безответственность состава Государственной Думы пред Законом, в то же время устроило ее организацию так, что и население не имеет ни малейшей возможности потребовать отчет от своих избранников. В самом деле: кто из нас, обывателей, может сказать: кто собственно из так именуемых «народных представителей» им избран и обязан перед ним отчетом в своих действиях? В свою очередь, и «представитель», избираемый группой выборщиков, не составляющих никакой определенной коллегии, не связанных никакими общими интересами и в огромном большинстве случаев совершенно незнакомых друг другу, бесследно расходящихся после подачи голоса за кандидата, им лично неизвестного, но кем-то, почему-то внушенного, – перед кем этот избранник будет отчитываться?

Таким образом, процедурой выборов, основанных не на доверии к известному выборщикам кандидату, а на обязательном передоверии, наши думские «народные представители» поставлены, с одной стороны, в полнейшую безотчетность перед населением, а с другой, установившимся на практике отношением к ним Правительства, благоприобрели право неприкосновенности и безнаказанности, какое бы беззаконие и преступление не совершили. Сомнительно, чтобы где-либо и когда-либо существовало такое удивительное учреждение, и ждать от него серьезного дела и благоприятных последствий будет величайшим и гибельным заблуждением.

Бесцельно и бесполезно доискиваться теперь, что и кто были виновниками создания столь неудачного, не обновленно-

го, но, вернее, крайне запутанного и совершенно неопределенного государственного строя. Но, ради спасения Государства от грозящего ему разложения, пора сознать наделанные ошибки и серьезно приняться за их исправление.

II

Течение государственной жизни в последние два столетия все было направлено к одной цели – обратить Россию в Европу, забывая, что создавшиеся там порядки были последствием целого ряда исторических причин, что они представляют естественный и, может быть, неизбежный результат многовековой постепенной эволюции во взаимоотношениях между властью и народами, между правящими и управляемыми. У нас же всякое стремление к улучшению той или другой части государственного механизма неизбежно начиналось со справки: а как этот вопрос разрешен на Западе, и кончалось рабски точным подражанием, без малейшей заботы применить к нашему быту, нашим особым условиям и подготовить прочное основание вновь созидаемому порядку. При таких условиях трудно ожидать благотворных результатов; и действительно, почти все реформы последних столетий, привитые чисто внешним образом и не связанные органически с особенностями условий нашего быта и народного характера, не дали ожидавшихся от них улучшений. И конечно, чем крупнее была подражательная реформа, тем ярче выделялись ее отрицательные стороны, и когда она, наконец, коснулась главных оснований русской государственности, то поставила страну в положение, очень близкое к окончательной гибели.

Неоспоримо, что давно воцарившаяся полная безнаказанность произвола и беззаконий всех чиновничьих сфер и преимущественно высших, не могла долее продолжаться. Можно допустить, что лучшим средством к прекращению зла служит общественный, беспристрастный и независимый контроль в лице «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей». Но можно ли утверждать, что

таковой контроль удовлетворительно осуществился в учреждении, наименованном Государственною Думою? На этот вопрос решительно все группы населения, всяких политических оттенков, хотя и по разным побуждениям дадут без сомнения ответ отрицательный. Какая же причина такой неудачности этого нового учреждения? Да именно та, что оно не есть продукт оригинального государственного творчества, вдохновленного знанием русского народного характера и народных нужд, а явилось как бы готовым, патентованным в западных лабораториях, средством оздоровления государственных несовершенств. Там, на своей родине, оно известно под этикетом «конституции», у нас переменили сигнатурку и то же самое пустили в употребление под названием Государственной Думы. Если при этом и была приложена какая-то забота о внутреннем содержании реформы, то только в том смысле, чтобы она вышла как можно «либеральнее», до последних пределов, допускающих сохранение в Основных Законах титула «Самодержавия». Но о том, чтобы, хотя мало-мальски, приспособить этот западный государственный строй к особенностям нашего жизненного уклада, нет ни малейшего намека. И вот, в настоящее время, после пятилетнего применения новой системы государственного управления, до очевидности ясно выступила ее полная несостоятельность для успешного благоустроения Государства, зависящая не от непригодности какой-нибудь частности, но от ошибочности основной ее тенденции.

Авторы нового, или, как говорят, – обновленного государственного строя задались, как видно, очень трудной и едва ли разрешимой задачей: ввести в России «конституцию», понимая под этим термином раздел Верховной Власти между Монархом и народными представителями, при сохранении Самодержавия. Что они в своей реформе стремились к ограничению Верховной Власти Монарха, очевидно из многих статей Основных Законов, и между прочим, той, по которой на утверждение Царя представляются только решения большинства законодательных учреждений. Этим уничтожен важнейший и существеннейший атрибут Самодержавия – свободный

выбор Верховною Властию решения среди различных мнений, и, собственно говоря, для полного осуществления у нас конституции и притом наилиберальнейшей в смысле безграничной безответственности гг. «народных представителей» недостает лишь одного – присяги Монарха в ее соблюдении. Что учреждение Государственной Думы есть дарование, хотя и несколько прикровенное, конституции, это так понято и очень значительным большинством «достойнейших», думских составов, начиная со сравнительно умеренных октябристов, если еще не правее, и декларация г. Председателя Совета Министров третьей Думе о незыблемости Самодержавия, о сохранении исторических основ, о непригодности прививки к русскому стволу чуждых цветков, не поколебали конституционных стремлений большинства, опирающегося на акт 17 октября 1905 года. И ввиду такого направления, не удивительно, что большинство Государственной Думы ведет себя не как призванное к сотрудничеству с Властью и в помощь ей, а как соправители, борящиеся за расширение своих прав в решении государственных вопросов. Очевидно, что совместительство *такого* народного представительства с Самодержавием невозможно.

Сторонники «конституционных» реформ доказывали их необходимость утверждением, что неограниченное Самодержавие есть «пережиток прошлого», что эта форма устарелая, не пригодная при настоящем политическом развитии масс. Но, не говоря уже о том, что политическое развитие не только масс, но и огромного большинства «интеллигенции» и даже образованной части русского общества находится еще в зачаточном состоянии, что доказывают ежедневно наши думские «достойнейшие», относящиеся с непозволительным нерадением к своим обязанностям, в утверждении об устарелости Самодержавия едва ли есть здравый смысл. Неограниченная наследственная Монархия, известная у нас под наименованием Самодержавия, есть известная идея Государственного Правления. Народовластие, – во всех его видах, начиная с Монархии, ограниченной «конституцией», в которой Монарх с народом соправительствуют, и кончая республикой – этим фиктивным

народовластием, осуществляемом наиболее ловкими пройдохами, представляет другую, противоположную первой, идею правления. Можно спорить о преимуществах той или иной идеи, можно доказывать, что народное благополучие легче и успешнее достигается приложением того или другого способа, но говорить об устарелости одного из двух существующих идеалов государственного устройства не имеет смысла.

С древнейших времен чередовались разные типы государственного устройства под влиянием различных исторических событий, в которых менее всего играло роль политическое развитие населения. Оценивать же правительственные идеалы следует не по практическому их применению, которого достоинства и недостатки зависят от случайного удачного или неудачного подбора исполнителей, а на основании отвлеченных соображений, анализируя те разумные основания, на которых покоится та или другая государственная система.

Высший идеал всякой власти есть беспристрастие и справедливость. В неограниченной наследственной Монархии осуществление этого идеала принадлежит совести и разуму Монарха, поставленного выше всяких эгоистических соображений, которого все интересы неразрывно связаны с интересами его страны и народа. При народовластии идеал власти осуществляется народным представительством посредством механического подсчета голосов, большинство которых и считается выражением верного решения. Который из этих способ[ов] осуществления правительственного идеала лучше, дело убеждения и вкуса. Можно предпочитать тот или другой, но вводить одновременно в государственный строй оба – значит осуждать на постоянную борьбу два несовместимые начала до тех пор, пока которое-нибудь не восторжествует окончательно. Эту борьбу мы и видим теперь в отношениях между Государственной Думой, с одной стороны, и Верховной Властью и ее Правительством, с другой. Для прекращения такого положения, которое, предоставленное самому себе, должно окончиться государственной катастрофой, необходимо, и, чем скорее, тем лучше, выяснить с несомненною точностью и

определить в ясных выражениях, есть ли существующая Государственная Дума – конституционное учреждение в смысле западноевропейском, каковым стремится сделать ее большинство, не встречающее до сих пор по совершенно непонятным причинам активного отпора со стороны Правительства Верховной Власти, или же это есть учреждение, призванное помогать *Самодержавному* Царю в благоустройстве Государства, ему подчиненное и права его не умаляющее?

III

Но точное определение положения Государственной Думы в ряду других государственных учреждений и по отношению к Верховной Власти составляет только первую меру к устранению разномыслия в ее истинном значении. Устранение этого капитального недостатка еще далеко не упорядочит вполне нашего обновленного государственного строя. Важнейшим после выяснения значения Государственной Думы являлся вопрос о ее составе.

Чем серьезнее предполагаемая государственная реформа, чем больше она перестраивает народную жизнь и изменяет отношения между правящими и управляемым населением, тем с бóльшею обдуманностью и осторожностью следует приступать к ней. Можно ли утверждать, что это, бесспорно, необходимое условие было соблюдено при реформе, осуществившейся в учреждении Государственной Думы настоящего образца? Если мы обратимся мысленно ко времени, предшествовавшему ее появлению, то увидим, что государственная мысль дошла до этого конечного решения, галлопируя невероятными скачками. Когда под влиянием кучки земцев и интеллигенции, присвоивших себе значение общественного мнения, и клики либеральных и наиболее честолюбивых сановников был издан Высочайший Рескрипт 18 февраля 1905 г., тогда, как свидетельствует самое содержание этого документа, не было и мысли ни о народном представительстве, ни о каком бы то ни было отдельном учреждении конституционного образца. Рескриптом

призывались «достойнейшие, доверием народа облеченные, избранные *от* населения», «для участия в предварительной разработке законодательных предположений». Из этой сущности Рескрипта нет решительно никакой возможности выжать предположение о создании особого учреждения для собрания народных представителей. Мы подчеркнули весьма знаменательное слово «от», которое попало в Рескрипт, конечно, не случайно и не по недоглядке, ибо очевидно, что он составляется очень тщательно, с большою обдуманностью каждого выражения. Таким образом, выражение «избранные от населения», указывая, *кто* будет избираться, не определяет, *кем* это будет производиться. Если бы Рескриптом предоставлялось это право населению, то оно определилось бы выражением: «избранные населением». Отсюда очевидно, что Рескрипт ни в малейшей степени не предрешал порядок избрания «достойнейших», а, следовательно, и не предрешал степень их значения и объем их полномочий. Точно так же и цель избрания достойнейших – «участие в предварительной разработке…» – не могла наводить на предположение о создании нового учреждения, в виду того, что законодательные предположения разрабатывались в Министерствах, а потому логически следовало придти к заключению, что «достойнейшие» будут участвовать в Министерских Комиссиях или в Подготовительных Комиссиях при Государственном Совете, образуемых, согласно Закону, «для предварительного соображения и разработки особо важных и сложных Законопроектов» (Учр[еждение] Гос[ударственного] Сов[ета] ст. ст. 49, 101, 104). Однако уже 6 Августа 1905 г. Рескрипт осуществился учреждением Государственной Думы с полномочиями, трудно совместимыми с «незыблемостью» Самодержавия[2], а Манифест 17 октября и последующие указы широко раскрыли двери этого законодательного учреждения всем слоям, наиболее враждебным русской исторической государственности. Такую быструю эволюцию вначале довольно скромных реформаторских начинаний можно объяснить только заблуждением тогдашних правительственных руководителей, ошибочно, а может быть, и намеренно принявших шум,

поднятый кучкой сбитых с толка общественных деятелей, под влиянием разгоравшейся крамолы, за народные требования, которые и полагалось удовлетворить, уступая на деле тем, кто стремился сознательно, как инородцы и политические честолюбцы, и бессознательно, как земцы, столичные городские деятели и др[угие] интеллигентные слои, к разрушению Государства. Наконец, ныне, или, вернее, с открытия третьей Государственной Думы в ноябре 1907 г., т. е. через 2 $^{1}/_{2}$ года от обнародования Рескрипта 18 февраля уже само Правительство, устами главы Кабинета, признает настоящий государственный строй «представительным» и не протестует, когда он думскими ораторами партии 17 октября, считающейся правительственной, определяется конституционным. Вот с какою головокружительною быстротою мы перешли от «неограниченного Самодержавия» к строю конституционному и всеконечно «демократическому», ибо только таковой признается панацеей от всех государственных зол всеми без исключения политическими партиями, с одного края до другого.

Обозначает ли, однако, эта необыкновенная поспешность, не имеющая другого примера в истории человечества, не считая водворения конституции в Персии и Турции и республики в Португалии, что Россия была совершенно готова к восприятию нового государственного строя, столь отличного от старого, создавшегося веками ее исторического существования? Едва ли на этот вопрос можно отвечать утвердительно. Хотя попытки к нарушению Самодержавия начались еще в первой половине XVIII столетия, а в следующем, XIX, «конституция» неоднократно изготовлялась в правящих сферах и вот-вот готовилась к оглашению, однако достоверно и несомненно, что народ и его потребности были тут решительно не при чем. Все эти попытки были стремлением честолюбцев из общества и преимущественно из окружавших трон переместить в свои руки по возможности бо́льшую, если не всю Верховную Власть. Но народ русский всею своею историею доказал полное отсутствие в нем стремления к вмешательству в управление Государством, устраняясь от него во все те исторические

моменты, когда это было, казалось бы, наиболее возможно. Начиная с легенды о призвании варягов на заре его истории и кончая XVIII веком, полным дворцовых революций, с воцарения совершенно бесправной Екатерины II[3] и кончая подлым убийством Императора Павла[4], к которым народ остался совершенно безучастным и равнодушным, определилось ясно его государственное мировоззрение, которое можно выразить так: нельзя в одно и то же время управлять и быть управляемым, быть властью и подчиненным.

Но готов ли был верхний слой народа – образованное общество, интеллигенция – к участию в управлении Государством? Если считать, что эта готовность должна выражаться в знании народных нужд, в ясном понимании того, какими способами они могут быть удовлетворены, в любви к своей Родине, в стремлении к ее славе и возвеличению, к охранению и развитию русских государственных начал, то можно без колебаний определить, что нет, общество не было готово к руководству судьбами Государства. Действующая ныне фикция народного представительства обнаруживает свою неспособность к благоустроению Русского Государства на каждом шагу. Воспитанное в идеях космополитизма, прошпигованное ложным сентиментализмом и сочувствием к якобы угнетаемым инородцам и иноверцам, естественно, враждебным русской государственности, наше общество, и вышедшее из него представительство, за немногими исключениями сохранившие в себе русские чувства и здравый смысл, все предалось, с момента ослабления власти, настойчивому преследованию целей, враждебных и пагубных для Русского народа. Раздраженные злоупотреблениями, действительно достигшими невероятных размеров, общественные силы вместо того, чтобы обратиться на борьбу с ними, обрушились яростно на те русские исторические устои, пренебрежение к которым и было причиною развития всякого беззакония, и стали беспощадно и бессмысленно добивать их при содействии оторопелого и растерзанного Правительства.

В момент преобразования государственного строя вся влиятельная и руководящая часть общества и вся печать поч-

ти без исключения были пропитаны тем специфически русским либерализмом, который относится отрицательно ко всем русским началам и русским государственным интересам, отвергает всякую мысль о патриотизме и все свое сочувствие отдает интересам инородческим. Незначительная же часть общества, сохранившая любовь к Родине и ясное понимание ее государственной самобытности, необходимой принадлежности всякого великого народа, была совершенно не организована, не имела почти никакого участия и влияния ни в общественных делах, ни на общественное настроение, и потому голос ее потерялся в буре, разразившейся после объявления кн. Святополк-Мирским «доверия». Правда, что патриотизм и здравый смысл одержал даже в то время всеобщего либерального беснования значительную победу, выразившуюся в принятии Московским Дворянством, в очередном Январском Собрании 1905 г., так называемого Самаринского адреса, но, к сожалению, эта победа осталась бесплодною как по неподготовленности к политическим выступлениям победившей группы и отсутствию энергического руководительства, так и потому, что большинство тогдашних губернских предводителей под влиянием Московского, кн. П. Н. Трубецкого[5], склонилось на сторону так названного «освободительного движения» и, действуя самовольно именем своих дворянств, ввело в заблуждение Верховную Власть относительно истинного положения Государства.

Таким образом, единственный, хотя и сильный протест безвременно разрушительных домогательств был заглушен целым рядом воздействий на Власть, начиная с фальшивых депутаций, якобы от земли и городов, озабоченных всего более дарованием всех прав и преимуществ «всем чуждым нам по вере и крови», с записок Предводителей Дворянства, представлявших в ложном свете положение страны, с обманов и предательства бюрократов высшего ранга и кончая искусственно организованными военными и рабочими бунтами, аграрными погромами и колоссальными забастовками. И все это объяснилось недовольством *народа* существующим Госу-

дарственным, т. е. Самодержавным строем и требованием его реформирования, конечно, в направлении, желательном честолюбивым коноводам движения. Немудрено поэтому, что, когда оглушенная Власть сдалась в ложном убеждении, что она уступает народным желаниям, то Государственная Дума, в учреждении которой осуществилась либеральная реформа государственного законодательства, попала первоначально целиком в руки сознательных и настроенных врагов России, совершенно непримиримых, а в последующих составах хотя и разбавилась правою, русскою группою, но в общем, в большинстве своем и теперь ведет борьбу за власть и притом не в народных, а в чисто партийных интересах. Это вредное направление, к сожалению, до сих пор не встретило должного противодействия со стороны Правительства, пребывающего в ложном убеждении необходимости иметь ему опору в думским большинстве, для проведения своих Законопроектов, и потому избегающему всяких столкновений с Думою вообще и многочисленнейшей ее партией – октябристами — в особенности. Но эта ложная политика только унижает Правительство в глазах населения и усугубляет настойчивость взявшей засилье партии в погоне за присвоением Думе или, вернее, партийным коноводам бо́льшей власти, чем она имеет по Основным Законам 26 апреля 1906 г.

Вместе с тем, полезная работоспособность нового учреждения оказалась если не ниже всякой критики, то, во всяком случае, далеко ниже потребности, которой призвана была удовлетворять. Лень и небрежное отношение к своим обязанностям находили себе поощрение в полнейшей безответственности «достойнейших», предоставленной им Законом, как перед Правительством, так и своими рассыпавшимися бесследно и несобираемо избирателями. Интерес к посещению думских заседаний проявляются только в дни внесения и обсуждения скандальных запросов, которыми предполагается осрамить кого-либо из администраторов, особо не симпатичных центру и левому флангу, в остальные же деловые заседания едва набирается предельный «кворум». А, между тем, пятый год

государственное хозяйство ведется без утвержденного своевременно бюджета, чем вводится в миллионные убытки и в экономический хаос.

Дальнейшее продолжение такого состояния дел высшего управления Государством не может быть терпимо под угрозою окончательного развала, подрыва последних признаков авторитета власти и уважения к ней в населении и воцарения междоусобицы.

IV

Но что же делать? Можно ли исправить сделанные ошибки или мы зашли уже в такой тупик, выход из которого возможен только в бездну государственного разложения по программе социал-революционных больше- или меньшевиков и центробежных стремлений многочисленных инородцев, нами вскормленных, раздобревших на наших хлебах, а теперь стремящихся к отторжению земель, обильно политых русскою кровью?

Казалось бы, что, как ни трудно настоящее положение, но неисправимым его назвать нельзя. И первым, совершенно для того необходимым условием следует признать отрешение Правительства от того курса, которого он держится в угоду модной тенденции, преобладающей в общественных сферах, ложно именуемого «либеральным», в том смысле, как объяснено выше, и усвоение единственно полезного для Государства курса – *русского*, совершенно независимо от того, будет ли таковой либерален или консервативен. А принять этот курс значит положить в основу русского государственного развития во всей его полноте девиз Православия, Самодержавия и Русской народности.

Государственный человек, твердо и искренно исповедующий эти три русские основы и достаточно смелый, чтобы не бояться обвинений в отсталости, консерватизме (постыдном исключительно в России), реакционерстве и т. п. страшных для слабодушных и несамостоятельных умов слов, найдет

и формы практического осуществления государственного устройства, в котором русские самобытные начала и верховные права Русского народа-хозяина будут вполне совместимы с прогрессом и всяческим процветанием Государства и благом подчиненных ему народностей.

Неоспоримо, что к эпохе японской войны всевозможные злоупотребления правящей бюрократии, поощряемые безнаказанностью, довели государственное расстройство до высшей степени и требовали немедленного обуздания, в чем все были согласны. Но, вот вопрос: возможно ли было искоренить разлившееся зло без коренной ломки государственного строя или же таковая была неизбежна? Давала ли гарантию благоустройства существовавшая система государственных учреждений или же они по самому существу своему не могли ограждать Государство от Закон о преступности исполнительных властей? Если взглянуть на дело беспристрастно и обсудить его без предвзятого решения, то на вопросы эти едва ли можно ответить отрицательно.

Так именуемый «старый режим» обладал в достаточной мере учреждениями, гарантировавшими Верховную Власть от неправильных решений и надзиравшими за соблюдением законности всеми агентами Правительства. Роль первого должен был исполнять Государственный Совет, второго – Сенат. Если значение этих учреждений сведено было мало-помалу на нет, то в этом виновны не они, не ложность основной идеи, в них осуществившейся, а те, кто исказил эти институты в личных своекорыстных и эгоистических целях. Если бы строго исполнялся Закон, по которому проект всякого мероприятия должен пройти чрез Государственный Совет и только всесторонне там обсужденный и обработанный преподносился бы на воззрение Верховной Власти, если бы Сенат неукоснительно следил за исполнением Законов и привлекал к ответственности всякого нарушителя, как бы высоко он ни стоял на ступенях бюрократической лестницы, и если бы нарушители Законов несли заслуженное наказание, то и вся административная машина действовала бы правильно, и не было бы места произволу, без-

законию, казнокрадству и другим наиболее распространенным порокам чиновничества всех степеней и рангов.

Не учреждения были плохи, а люди, их наполнявшие и воцарившаяся повсюду беззаконность.

Но говорить о возврате к «старому режиму», который совершенно неправильно смешивается со старым беззаконием и бюрократическою порочностью, теперь считается всеми, или без малого всеми непростительною политической ересью, и виновный в ней будет, по крайней мере, сочтен за сумасшедшего или архичерносотенца. Убедить теперь кого бы то ни было в возможности благополучного существования Государства исключительно восстановлением истинного значения высших государственных учреждений и строгой личной ответственности администраторов, без Государственной Думы, – решительно невозможно, и, следовательно, от этой мысли, как практически неосуществимой, по крайней мере, при настоящем состоянии всех влиятельных умов, следует окончательно отказаться.

Итак, исходной точкой нашего государственного построения является Государственная Дума – собрание «достойнейших», ныне уже официально признанных народными представителями. Не случайная, а органическая неудовлетворенность этого нового государственного учреждения очевидна и не требует доказательств. Попытаемся определить, какими качествами должна обладать Дума, чтобы ее деятельность была полезна для Русского Государства и для Русского народа?

Но, кроме того, Государственная Дума при ныне действующем выборном Законе, заключая в себе большой процент инородцев, еще больший людей, безусловно враждебных существующему и вообще всякому строю, который был бы способен водворить в государстве порядок и укрепить его силу, с присоединением интриганов, стремящихся только к захвату власти и приспосабливающих свою думскую тактику исключительно для достижения этой цели, – является учреждением, не помогающим, но враждебным власти и представляющему ее Правительству, с которым находится в постоянной явной

или скрытой борьбе, стараясь использовать каждый промах, каждую недоглядку или слабость своих правительственных антагонистов. Роспуском и сбором новых составов «достойнейших» никакого улучшения достигнуть невозможно. Недостатки учреждения Думы, повторяем, не случайные, а органические, и могут быть исправлены только коренною переработкою Закона об учреждении «народного представительства» в соответствии с основной русской государственной идеей – Самодержавием и преимущественными правами Русской народности, создавшей Русское Государство.

V

Главнейший порок настоящего положения о Государственной Думе заключается в том, что в основе его положена мысль о равенстве прав всех народностей, населяющих Империю. От такой Думы невозможно ожидать, чтобы она могла быть «русскою по духу», чтобы она преследовала интересы русские, Русского Государства. Правда, в настоящее время весьма распространен в «интеллигенции» взгляд на Россию как на конгломерат многих народностей, между которыми русская составляет, хотя и крупную, но равноправную с другими народностями часть, что лица, отстаивающие принцип преимущественных прав Русской народности, провозглашающие лозунг «Россия для русских», стремятся к расчленению Государства и низведению его до размеров Московского Великокняжества, но с таким суждением едва ли можно согласиться. Великое Государство не может существовать без господствующей народности, интересы которой должны преобладать пред интересами других народностей, подчиненных в государстве жребием войны или другими историческими судьбами. Первая, основная задача Правительства заключается в том, чтобы его мероприятия находились в полном согласии с интересами господствующей народности и их удовлетворяли. Так поступают все Правительства, правильно понимающие свои обязанности. Возьмите в пример Герма-

нию, которой Правительство не останавливается перед самыми суровыми мерами для подавления явлений, враждебных немецкому населению; Англию, насквозь пропитанную национальным эгоизмом; даже Австрия, несмотря на пестроту ее населения и численному превосходству ненемецких племен, всеми мерами поддерживает интересы немецкой народности, считающейся господствующей; а о Венгрии и говорить нечего: там идет прямо террористическая мадьяризация, какая не может идти ни в какую параллель с нашими слабыми, нерешительными, вечно колеблющимися попытками проведения русских интересов среди того или другого инородческого племени. В Государствах всего мира племя, созидавшее Государство, считается его хозяином, всесторонние интересы его составляют основную заботу государственного правления, в чем и выражается его господствующее положение.

Почему же должно быть иначе в России? Русское Государство созидалось исключительно Русским народом, его трудом, лишениями и кровью. Поэтому Русский народ имеет неоспоримое преобладающее право на удовлетворение его потребностей, хотя бы они были в противоречии с интересами других народностей, вошедших в Государство. В этом, несмотря на бесчисленные ошибки наших правителей, учиненные в течение двух последних веков, никто не сомневался до второй половины прошедшего столетия, когда инородческие интриги, с одной стороны, и заражение космополитическим ядом всех руководящих общественных сфер и устранение патриотического воспитания, с другой, совершенно омертвили во влиятельных слоях сознание их обязанностей иметь впереди всего удовлетворение нужд, интересов и достоинства Русского народа, а не сепаратные стремления окраинных инородцев. Идея равенства всех народностей в государстве явно фальшивая, и основывать на ней государственное благоустройство есть величайшее заблуждение. Ввиду противоположности, совершенно несогласимой, интересов инородческих с интересами господствующей народности, Правительство, задавшееся целью равно удовлетворить всех, непременно попадает в безвыходное положение и

возбуждает к себе недоверие в одних, раздражение неудовлетворенности в других и, наконец, ненависть во всех.

Итак, задачей государственного правления должно служить прежде и выше всего всестороннее удовлетворение нужд и прав народа-хозяина, создавшего Государство, в его идеалах духовных, государственных и бытовых, в определении которых не может быть предоставлено участие инородцам, не слившимся с коренным населением до полного единства жизненных интересов.

Государственный идеал Русского народа выразился в правлении Самодержавном неограниченном, почему, каким бы преобразованиям русский государственный строй не подвергался, в основе его должна оставаться эта исторически выработанная и, можно сказать, выстраданная Русским народом государственная идея. При сохранении же Самодержавия не могут существовать никакие *законодательные* учреждения. Издавать Законы может только Верховная Власть Монарха. Те же учреждения, которые призваны в помощь ей в государственном строительстве, обязаны только вырабатывать Законы и не могут поэтому именоваться «законодательными». Это первая, коренная ошибка в наименовании учреждений, призванных только вырабатывать Законы, но не законодательствовать, и создает неразрешимую путаницу и ведет к постоянным столкновениям между одновременно существующими и утвержденными Основными Законами властными началами двух непримиримо противоположных природ: самодержавным и конституционным. Чтобы устранить эти крайне вредящие ходу государственной жизни, но неизбежные столкновения, следует восстановить не на словах только, но и в действительности право решающего законодательного голоса за историческим Самодержавием; все остальные пособные ему учреждения – Государственная Дума и Совет должны иметь смысл только совещательный, причем Верховная Власть должна восстановить свое право знать все состоявшиеся мнения, а не только большинства, и выбирать между ними то, которое по убеждению Ее совести наиболее соответствует пользе народа

и Государства. В противном же случае лучше вовсе исключить из Основных Законов термин «Самодержавие», который, лишенный существенного своего значения, вводит только в соблазн и возбуждает непримиримый антагонизм между политическими разномыслиями.

У Русского Самодержавного Царя и Его Правительства помощниками, советчиками и осведомителями могут быть только русские достойнейшие люди, избранные Русским народом – строителем Государства, поэтому русская законосоставительная коллегия, как бы она ни называлась, должна состоять исключительно из русских людей, избранников русских общественных светских и духовных учреждений. Кроме общих условий происхождения, возраста, неопороченности и т. п., избранники должны удовлетворять еще нижеследующим: не занимать никакой платной должности — ни общественной, ни казенной, ни частной; не принадлежать к сообществу, не разрешенному законным порядком; не быть учредителем или соискателем концессий на какое бы то ни было предприятие промышленного характера, ищущим или пользующимся содействием из государственных средств. Избранники в такое учреждение, которое ныне называется Государственной Думой, ни в каком случае не должны получать содержания ни денежного, ни в каком другом виде, натурой или льготами от казны. Это необходимо, чтобы сделать их совершенно независимыми от правительственной администрации и чтобы они не превратились в лишний бюрократический аппарат, что неизбежно при их материальной зависимости от казны и возможности для исполнительной власти приобретать расположение законовырабатывающего собрания щедрыми прибавками, как это уже и случилось, когда третья Дума в самом начале своего существования, по благосклонному предложению Правительства вотировала себе значительную прибавку к первоначально назначенному весьма щедро содержанию. Выборные люди должны получать содержание свое от тех общественных групп, которые их избрали и перед которыми они должны быть ответственны в оказанном им высоком доверии.

Наиболее вредная сторона, неизбежно почти проявляющаяся в выборных собраниях, заключается в превращении народных избранников в профессиональных политиканов, своими интригами забирающих руководство в направлении деятельности собраний, слабовольное большинство которых подчиняется более энергичным и пронырливым своим сочленам, преследующим свои личные, эгоистические цели.

Образованию таких политиканов весьма способствует продолжительность срока, на который избираются члены законосоставительного собрания и продолжительность сессий последнего. Эти два обстоятельства, отрывая выбранных от их обычных занятий и их жизненной среды на продолжительное время, ослабляют связь между ними и втягивают в водоворот политических интриг, борьбы личных честолюбий, не имеющих никакого отношения к действительным интересам Государства. Во избежание этого желательно было бы возможно большее сокращение как срока выборного полномочия, так и совещательных созывов.

VI

В обязанности собрания «достойнейших» или «народных представителей» входит обсуждение всех бесконечно многочисленных и разнообразных потребностей Государства. Для правильного решения их требуются или специальные познания, или же, за невозможностью быть каждому представителю знатоком всех предлагаемых на его суждение вопросов, такое высокое умственное развитие, которое давало бы ему возможность разобраться сознательно и в предметах, не входящих в круг его знаний.

Разрешение задачи осуществления народного представительства, чтобы оно действительно было таковым, а не его обманчивым подобием, крайне затруднительное вообще и нигде еще удовлетворительно не разрешенное, еще более усложняется при совмещении его с Самодержавием, которое, если не оставляется только в виде внешней декорации, а составляет

основу государственного строя, не может быть ограниченным, какою бы ни было другою волею, не исходящею от Верховной Власти. При самодержавии организация государственных учреждений должна быть, следовательно, такова, чтобы ни в какой степени не связывала свободную волю и выбор решения главы Государства. Без этого условия Самодержавие превращается в пустой звук, только волнующий и смущающий решительно всех, как своих сторонников, так и противников. Отсюда следует, что в Самодержавном Государстве все органы, содействующие Верховной Власти в управлении оным, могут высказывать только мнения, намечать решения, что и составляло обязанность Государственного Совета старого состава, но выбор одного из высказанных мнений и возведение его в Закон должно принадлежать только Самодержцу. Между тем, Основные Законы, изданные вновь в последствие Манифеста 17 октября 1905 года, именуя устанавливаемый ими государственный строй Самодержавным, лишают Самодержавие самых существенных его атрибутов: знания всех состоявшихся в законодательных учреждениях мнений и свободного выбора, окончательного решения. Это вносит неразрешимую путаницу в понятия о существующем в России государственном строе и порождает непримиримые разнотолкования, возбуждая лютую вражду между разномыслящими, ибо все имеют опору своих мнений в странной как будто бы намеренно неясной и неопределительной редакции Основных Законов.

Самодержавие может быть только неограниченным или совсем не быть. Ограниченное или конституционное Самодержавие есть такая же бессмыслица, как, напр[имер], мокрый огонь, сухая вода и т. п. Приступая к упорядочению государственного строя, а избегнуть этого, и притом не в подробностях, а коренным образом, будет невозможно, следует определить образ правления. Так как Государь уже позднее 17 октября 1905 г. неоднократно высказывал, что Самодержавие Его осталось таким, каким было встарь, и действительно проявлял неограниченную Самодержавную волю свою, как, напр[имер], в акте 3 июня 1907 г. и в деле о штатах Морского Генерального

Штаба, то в Основных Законах должно быть ясно и несомнительно выражено, что Россия управляется *неограниченным* Самодержцем (как встарь) и в соответствии с сим должны быть переработаны статьи, определяющие отношения к Верховной Власти разрабатывающих законы учреждений.

Если в России существует правление Самодержавное, то возникает непосредственно следующий за сим вопрос: необходимы ли при этом три степени, или даже четыре, законовырабатывающих учреждений, а именно: Министерства, Совет Министров, Государственная Дума и Совет?

Казалось бы, что такое обилие законосоставительных инстанций порождает страшную громоздкость и малую производительность высших государственных учреждений, запутывая каждое дело в паутине бесчисленных разномнений, требующих массу лишнего времени для своего выражения, но вызываемых часто интересами, ничего общего с государственной пользой не имеющими. Каждый Законопроект естественно должен зарождаться в Министерствах как высшей административной инстанции, долженствующей знать все государственные нужды по своей отрасли управления. Нельзя возразить и против прохождения Законопроекта отдельного Министерства чрез Совет Министров в целях гармонического согласования его с общим направлением государственной деятельности, но одна из двух следующих инстанций – Дума и Совет – предоставляется совершенно излишнею.

Если бы еще Госуд[арственный] Совет оставался в прежнем своем составе из назначаемых туда Верховною Властию служилых людей, то для участия в делах Государства и большей осведомленности о нуждах народа могло потребоваться отдельное учреждение из «представителей» населения. Но ведь эти представители народных интересов участвуют в обилии в реформированном Государственном Совете, и если они находятся там в сочетании с опытными государственными деятелями по назначению, то это нимало не отнимает у них ни возможности защищать народные интересы, ни выражать свои взгляды на обсуждаемые вопросы, ни наблюдать

за законностью действий исполнительных органов, ни возбуждать новые законоположения в развитие и совершенствование существующего государственного благоустройства. Ввиду того, что Государственный Совет безусловно необходим как серьезный регулятор и направитель всей государственной жизни, излишним органом может считаться только Государственная Дума. Это доказывается и тем, что в довольно уже продолжительное время своего существования и три разнохарактерные смены она не внесла ни малейшей живой, плодотворной струи в государственную жизнь. Не говоря уже о несомненном отсутствии работоспособности, о крайнем небрежении ее членов своими прямыми и дорого оплачиваемыми обязанностями, все дебаты их проникнуты страстностью, затемняющею здравый, спокойный взгляд на обсуждаемый предмет, и имеют в предмете интересы партийные, но не государственные.

Партийность есть вреднейшая язва всякого представительного учреждения. Правительство же вместо того, чтобы принять меры к возможному ослаблению этого неизбежного зла, сделало, наоборот, все для его сильнейшего развития, озаботившись уединить в Таврическом дворце все партии в особые помещения, причем таковые были предоставлены и таким, сторонники которых вне состава Гос[ударственной] Думы сажаются тем же правительством в тюрьмы и ссылаются в места более или менее отдаленные. Небрежность членов Думы в исполнении их столь дорого оплачиваемых обязанностей достигала до позорных размеров и совершенно опрокидывала главный принцип, составляющий основание представительных собраний, именно принцип справедливости большинства.

Если законодатель счел необходимым составить представительное собрание из 450 избранников, следовательно, предполагалось, что большинство, гарантирующее правильность решения, должно состоять minimum из 226 лиц Думского Собрания.

Но можно быть почти уверенным, что ни одно серьезное дело, предложенное Г[осударственной] Думе, не решалось

таким минимальным большинством, кроме разве выборов председателя и других должностных лиц думского представительства.

Серьезнейшие государственные вопросы, от которых зависело все будущее страны и народа, решались при едва-едва натянутом «кворуме», определенном в $^1/_3$ думского состава. И разве 80—90 голосов, высказывающихся за Законопроект, могут разумно считаться большинством? Но, спрашивается, если для непогрешности решения достаточно 151 голосующего, то зачем же собирать их втрое более и расходовать на них лишние миллионы?

Во всяком случае, собрать несколько сот людей, платить им огромное содержание и не предъявлять к ним никакого обязательного требования едва ли согласно с требованиями здравого смысла, в какой бы области человеческой деятельности ни проявлялось такое более чем странное отношение. Упразднение поэтому Государственной Думы, решительно и ни в каком отношении не оправдавшей надежд и расчетов, на нее возлагавшихся как законодателем, так и общественным мнением, будет актом государственной мудрости, достойным горячей признательности населения. Если Государственный Совет недостаточно снабжен «народными представителями», если выборы в него не отвечают требованиям государственных интересов, надо усилить его выборный состав и реорганизовать выборы так, чтобы в него попадали лица, наиболее соответствующие своему высокому назначению.

VII

Но будет ли признано достаточным иметь одно законосоставительное учреждение смешанного состава или признается необходимым иметь особую, исключительно выборную, инстанцию, как ныне Государственная Дума, во всяком случае, как система выборов, так и процессуальность первой законосоставительной инстанции и ее отношения к правящей власти должны быть коренным образом изменены.

Высочайшая воля высказалась в Манифесте 3 июня 1907 г[6]. совершенно правильно, что Государственная Дума должна быть русскою по духу, и это бесспорное положение должно быть руководящим при образовании состава «достойнейших». Другое необходимое для гарантии правильности выборов условие заключается в том, чтобы они производились разумно и сознательно, а это достигается только тогда, когда собрание избирателей знает, кого избирает. При существующем ныне порядке выборов избирательные собрания даже и в первой степени – при избрании выборщиков – более чем наполовину не знают и не могут знать друг друга, встречаясь в первый раз в жизни и не имея никаких общих интересов, а уж съезды выборщиков представляют толпу, в которой можно только случайно встретить знакомое лицо, поэтому судьба выборов попадает неминуемо в руки столкнувшихся политических интриганов, проводящих намеченное ими лицо, потому что раздробленная, неорганизованная толпа незнакомцев, конечно, не может условиться на другом действительно достойном кандидате. Предвыборные же собрания в уездах, по условиям провинциальной жизни, являются совершенно неосуществимыми, а в городах организуются теми же интриганами и честолюбцами и служат для укрепления их влияния на выборщиков.

Для того чтобы выборы достойнейшего были сознательны, необходимо, чтобы они производились от той или другой постоянной коллегии, в которой все участвующие были бы известны друг другу по их деловой и нравственной ценности.

В 1905 году все патриотические группы предлагали установить выборы по сословиям, но эта идея была отвергнута Правительством под влиянием «прогрессивных» элементов, а с тех пор и само оно пошло по пути не укрепления, а разрушения сословной обособленности, и теперь выдвигать для выборов сословное начало едва ли уместно и осуществимо практически.

За исключением сословий остается лишь одна коллегия, в которой участники все связаны общественными интереса-

ми и хорошо друг другу известны, – это уездные земские собрания. Мы не упоминаем городских Дум, потому что часть Думских гласных входит в число членов земских собраний и потому будет участвовать и в выборах в законосоставительные учреждения.

Конечно, прежде всего желательно было бы произвести реформу земской организации в соответствии с настоятельными запросами провинциальной жизни, а именно: освобождение ее от гнета бесполезного учреждения Губернского Земства и развитие личного состава уездных земских собраний на началах, отвечающих размерам хозяйственных прав земледельческих групп населения. Реформированное таким образом Уездное Земское Собрание и могло бы сознательно выбрать «достойнейшего» из своего состава непосредственно в законосоставительное собрание. Никакой второстепенности выборов допускать не следует во избежание торжества интриг в собрании чуждых друг другу людей. Для того чтобы в уездных земских собраниях гласные успели хорошо познакомиться и оценить правильно друг друга, следует выборы в законосоставительное учреждение производить так, чтобы они приходились на 2-й или 3-й год после избрания гласных. Избранные таким образом лучшие люди от всех русских уездов составят собрание почти такой же численности, как и ныне действующая Государственная Дума. Инородческие окраины не должны входить в ее состав: как в доме имеет право распоряжаться только хозяин, которому он принадлежит, так и в делах Государства приличествует участвовать только народу, его созидавшему. При этом, однако, следует прибавить, что на будущее время острожный ценз не должен давать права быть в числе народных избранников.

Может встретиться возражение, что при образовании законосовещательного собрания исключительно из выборных гласных уездных земских собраний будут устранены от избирательных прав многие группы населения, по профессиям своим наиболее интеллигентные, как, напр[имер], адвокаты, профессора, врачи, издатели повременных изданий и т. п. В

этом возражении имеется лишь незначительная доля правды. Поставим вопрос: какая профессия дает наибольшее право на участие в государственном строительстве, можно с уверенностью дать только один ответ: та, которая ведет к наибольшему знакомству с населением и к наилучшему знанию его нужд, а такая профессия только одна – земское дело. Чем ближе человек к земле, чем теснее связан он в своей жизни и деятельности с местным населением и условиями его существования, тем пригоднее он как советник и судья правительственных мероприятий, клонящихся к упорядочению положения страны.

Вот почему мы настаиваем на том, что наилучшим составом Государственной Думы будет собрание избранников от уездных земских собраний. Это, с другой стороны, не исключает возможности быть народными избранниками и представителям всевозможных либеральных профессий, если они в то же время состоят гласными уездных земских собраний, но ни одно специальное знание само по себе не может давать права быть представителем государственных нужд по преимуществу.

VIII

Главнейшую язву всякого представительного собрания составляет, как уже сказано, партийность, эта удобнейшая почва для завладения руководства большинством ловкими интриганами, стремящимися к достижению своих личных целей вне всякой заботы о государственной пользе.

Партийность есть грубейшее насилие над свободою выражения личных мнений отдельных членов партии, обязанных голосовать не по убеждению своего ума и совести, а по решению большинства «фракционного» собрания. А каким образом достигается во фракциях решение, угодное лидеру партии и его штабу, можно видеть, например, из рассказа г. Гололобова[7], когда г. Гучков заставил своих октябристов голосовать за запрос по поводу якобы незакономерных действий Правитель-

ства, по закрытию или не разрешению какой-то рабочей организации, опираясь на то, что так решено было на фракционном собрании, в котором, однако, участвовали всего несколько человек (кажется, 12) изо всей октябристской партии.

Не поощрять, не доставлять удобства для разделения по партийным перегородкам следует будущему реформатору неудавшегося обновленного строя, а, напротив, как можно более затруднить возможность подавления индивидуального суждения избранников партийным гнетом, именуемым дисциплиной. Ближайшим, так сказать, наружным средством для достижения освобождения личности может служить уничтожение отдельных помещений для партионных сговоров в здании Думы или, как иначе будет именоваться преобразованное на разумных началах государственно-совещательное учреждение. А затем и самый способ избрания достойнейших из сочленов определенной коллегии, пред которой они ответственны и от которой зависимы, заставит их в своих суждениях руководствоваться тем, чтобы заслужить одобрение избравшего их собрания, а не господина такого-то, добивающегося удовлетворения своих личных интересов.

Для ослабления партийности весьма существенную роль сыграл бы не выбор, а назначение председателя законосоставительного учреждения Высочайшей Властию. Главная обязанность председателя заключается, во-первых, в соблюдении полнейшего беспристрастия к выражению мнений и поведению всех членов Собрания. Выборному председателю, как бы ни были высоки его нравственные качества, чрезвычайно трудно отрешиться от пристрастия к наиболее соответствующим его убеждениям проявлениям, не говоря уже о чувстве зависимости от симпатий или антипатий большинства, которое может свергнуть или восстановить председательствующего на его кресле. Назначенный председатель, будучи совершенно независим от тех или иных чувств к нему собрания, может с бóльшей свободой и беспристрастием руководить ходом собрания, останавливать незаконные выходки и всякое нарушение правильного хода заседания. Необходимость председа-

тельствующего по назначению оправдывается и опытом всех трех предшествующих Государственных Дум с четырьмя выборными председателями, из которых ни один не оказался на должной высоте беспристрастия и уважения к Законам.

Тот же опыт доказал, что нельзя поручать Думе определять самой наказ своего внутреннего распорядка. Подтверждение – налицо: Сенат отказался распубликовать наказ, составленный кадетской комиссией 3-й Думы, как незаконный, а она все-таки руководствуется и, к величайшему изумлению всех законопослушных подданных, не встречает ни в ком противодействия эту вопиющему беззаконию. Равномерно нельзя предоставить самому законосовещательному собранию судить о правильности или неправильности избрания своих членов. Во-первых, это опять подвергает весьма щекотливому испытанию его беспристрастие, в особенности при состязании двух разномыслящих кандидатов на один мандат, а, во-вторых, проверка правильности выборов для нее и крайне затруднительна по невозможности непосредственного исследования на месте. Как составление наказа, так и проверка правильности избраний должны быть предоставлены Сенату. Все это, в свою очередь, поведет к ослаблению партийности, а следовательно, и к пользе для действительного дела.

IX

Весьма желательно и необходимо, но чего при существующем порядке выборов достигнуть невозможно, чтобы избиратели находились в постоянном общении со своим избранником и могли следить за исполнением им своей обязанности и направлении его деятельности. При настоящих порядках гг. члены Думы представляют бесконтрольное, а потому и крайне распущенное собрание, большая часть которого относится до последней степени небрежно к своим обязанностям, не участвуя в голосованиях по предметам даже первостепенной важности для благополучия Государства, а между тем, участие всех в особенности важно, когда государственные вопро-

сы решаются подсчетом голосов. Поэтому желательно, чтобы избиратели имели возможность знать, в каких вопросах их избранники участвовали и как именно голосовали.

Положение избранников ныне действующей Государственной Думы не может не вызывать изумления в людях порядка и законности. Под предлогом нелепо толкуемой неприкосновенности Дума превратилась в разнузданное скопище, для которого необязательно ни соблюдение Законов, нарушение которых непривилегированным смертным жестоко карается, ни подчинение даже общепринятым в общежитии понятиям о приличиях и благовоспитанности. Читающий отчеты думских заседаний не может не возмущаться неприличием поведения членов собрания, как будто даже щеголяющих своими выходками и старающихся превзойти друг друга в наглости и даже преступности, оскорбляя все, что благоговейно чтит Русский народ, которого «представителями» они себя ложно считают. Нельзя не удивляться молчаливому попустительству таких безобразных и прямо тяжко преступных выходок со стороны Правительства. Оно тем поощряет необузданность всех членов Думы, которым не присущи чувства приличия и законности, а таких в Думе, к сожалению, немало. Предоставленные собственному произволу, не опасаясь возмездия, они при всяком удобном случае превращают деловое заседание в скандальный вертеп, в котором оскорбляют друг друга, ругаются над присутствующими членами Правительства и поносят Церковь и Верховную Власть. И все это допускается невозбранно под предлогом неприкосновенности. Конечно, в преобразованном на разумных основаниях законосовещательном учреждении такой «неприкосновенности» не должно иметь место.

Впрочем, и вообще непонятно: почему некоторая группа людей, избранных от населения для участия в разработке Законов, должна пользоваться какими-то бóльшими правами, чем всякий обыватель? Понятно, если народным избранникам будет предоставлен особый почет, особое уважение, но почему против них должны бездействовать Законы, караю-

щие преступления обыкновенным смертным совершенные, это принадлежит к числу соображений, простому здравому смыслу недоступных.

Говорят – это нужно для свободного выражения ими своих мнений без опасения потерпеть наказание. Но и в этом нет разумного смысла, в особенности теперь, когда провозглашены всевозможные свободы и между ними на первом плане свобода «слова». Если она существует для всех, то какая еще особая неприкосновенность требуется для охраны свободы слов думских заседателей? А слова преступные, за произнесение которых полагается Законом наказание, должны быть таковыми же и для законосовещателей. Никакой поэтому особой неприкосновенности для них не нужно и, наоборот, всякая их выходка, выступающая из пределов приличия и законности, должна караться еще строже, чем карается беспочетный обыватель, ибо кому много дано, с того надо и спрашивать много.

X

Ныне действующее положение о Думе имеет еще тот недостаток, что, обязывая ее санкционировать каждое, даже самое мелочное, мероприятие Правительства, перегружает Г[осударственную] Думу таким громадным количеством «Законопроектов», что добросовестно познакомиться с ними и разрешить сознательно не представляется ни малейшей возможности и, таким образом, обсуждение множества Законов обращается в пустую формальность или еще хуже – в недостойный фарс.

Когда наступит время пересмотра сооруженного наспех нынешнего государственного *расстроя*, то эту капитальную ошибку следовало бы исправить и изъять из ведения законосоставительного учреждения всю так называемую вермишель и вообще все, что выходит из области прямого законодательства. Между тем, теперь, кроме вермишели, на решение Государственной Думы вносятся часто вопросы чисто административного распорядка, в которых решительно ничего нет законода-

тельного. Ярким и крупным примером сего может служить внесение на суждение Государственной Думы дела об образовании Холмской губернии, выделением нескольких уездов из Люблинской и Седлецкой губерний.

Это дело, в котором нет решительно ничего требующего изменения существующих Законов, составляющее исключительно вопрос административного удобства, должно бы и разрешиться в порядке Верховного управления, не разжигая политических страстей польской инородности и пресмыкающегося пред нею русского лакейства. И неужели для Правительства, вносящего такие вопросы на законосоставительное обсуждение непонятно, что они будут рассматриваться в ней исключительно с политической точки зрения, которая в компетенцию Государственной Думы не входит, и при Самодержавии, еще не упраздненном, не должна входить. Все вопросы мелкие и не требующие изменения органических Законов Государства следует изъять из Государственной Думы, и они должны подлежать рассмотрению, так сказать, служилых секций Государственного Совета. Равномерно не должны подлежать суждению ее вопросы, касающиеся Православной Церкви и всех ее учреждений, существа и действий Верховной Власти, государственной обороны и политики, как внешней, так и внутренней, разумея под последней установления взаимоотношений между различными народностями, входящими в состав Империи, к коренному русскому населению и Верховной Власти.

Право запросов к представителям Правительства, дарованное существующей Государственной Думе, оказалось в действительности одним из способов глумления над ними со стороны так называемой оппозиции или же совершенно бесплодным, когда запросы действительно обнаруживали вопиющие злоупотребления властей, как это было, например, с запросом правых по беспримерным ужасам, творящимся на Кавказе, при очевидном бездействии и попустительстве Воронцово-Дашковского наместничества[8]. Само собою разумеется, что нельзя лишить учреждение, призванное служить

опорою и помощью Верховной Власти, следить за правильным ходом государственной машины, и исправностью машинистов-администраторов, к ней приставленных, указывать на все открытые неисправности, происходящие от их небрежения или злонамеренности, но эта цель едва ли достигается формою запросов, превращающихся или в способ проявления личного озлобления, или бесследно пропадающих в формальных бездоказательных отговорках. Поэтому казалось бы, что бесплодное право запросов лучше заменить каким-нибудь более действительным способом воздействия на нарушающую законность администрацию, например, правом всеподданнейших обращений к Верховной Власти с ходатайствами расследования обнаруживавшихся беззаконий. Такой способ поведет к теснейшей связи между Царем и народными избранниками, призванными помогать Ему в тяжких заботах о благосостоянии Государства и охранять Его от неправильных действий неудачно выбранных исполнительных властей.

XI

Для стройности хода дел в Государственной Думе необходимо, чтобы в порядке рассмотрения их была твердо установленная последовательность. Ныне существующий порядок или, вернее, хаотический беспорядок и произвол не может быть боле терпим, когда дела насущной важности, не терпящие отлагательства, как, напр[имер, вопрос об отделении Холма, положение Кавказа и т. п. затягиваются в бесконечность, а вопросы, не имеющие никакой спешности, как, напр[имер], условное осуждение, досрочное освобождение – поглощают все время и внимание достойнейших. Такое положение дел является результатом соображений партийной тактики, учитывающей свои интересы вне всякой связи с потребностями государственными, и так будет всегда, пока порядок внесения дел в думские собрания будет зависеть от выборного президиума и совершенно незаконного «сеньорен-конвента»[9] со случайным засилием того или другого боль-

шинства. Определение очереди дел должно быть предоставлено органу, наиболее и ближе всех осведомленному о нуждах Государства, каковым следует, несомненно, признать Совет Министров. Такой порядок внесет известную стройность и в деятельность его членов, когда они будут точно осведомлены о времени, когда им придется защищать предположенные Законоположения. Необходимо также коренным образом вывести постоянно творящееся в нынешней Государственной Думе беззаконие: обсуждение в ее общих собраниях под видом правительственных Законопроектов их искажения в думских комиссиях, без предварительного обращения таких комиссионных произведений на заключение соответствующих ведомств, как это требуется по Закону. Это совершенно недопустимо, и удивительно, почему терпится без протеста со стороны Правительства и блюстителя Законов Сената?

Конечно, в этом беззаконии виновен, прежде всего, выборный «президиум» Думы, поддающийся партийному влиянию большинства, его избравшего, и от которого зависит и его будущее существование. Это составляет еще одно побуждение к замене выборного председательства – таковым по назначению Высочайшей Власти, да, кстати, и для утверждения, что Дума не есть учреждение, находящееся вне Верховной Власти, а составляет подчиненный ей орган.

Один из главнейших постоянных предметов, подлежащих суждению Государственной Думы, составляет рассмотрение росписи государственных доходов и расходов. До сих пор еще не было случая, чтобы Государственная Дума своевременно высказалась бы по этому предмету, а между тем, запоздание в его утверждении ведет страну к огромным денежным потерям и беспорядку в исполнении, что не раз было констатировано как официально, так и повременною печатью. Следовало бы раз навсегда прекратить возможность государственных потерь от незаботливого отношения к своим обязанностям народных избранников. Для сего можно было бы рекомендовать следующие меры. Государственная роспись вносится одновременно в определенный срок в Государственную Думу и Государствен-

ный Совет и рассматривается обоими учреждениями самостоятельно. Обсуждение росписи должно быть окончено тоже к точно установленному сроку, для Думы несколько раньшему, чтобы Государственный Совет мог ознакомиться с внесенными Думою изменениями. Если Дума не окончит в срок рассмотрение государственного бюджета, то таковой представляется на утверждение Верховной Власти в том виде, в каком определится суждением о нем в Государственном Совете.

XII

Для восстановления истинного значения Самодержавной Власти Государя необходимо, чтобы он был осведомлен не только о мнениях большинства народных избранников, но и о всех остальных суждениях, состоявшихся в среде их, а также в заседаниях Государственного Совета. Без этого существеннейшего свойства – свободы выбора окончательного решения, не обусловливаемого ничем, кроме личного убеждения ума и совести Монарха, Самодержавие превращается в пустой звук, не имеющий никакого действительного значения. Но быть в подобном положении ему не подобает: это не титул, украшающий фамилию и льстящий самолюбию того, кому присваивается. Самодержавие есть способ осуществления Государственной Власти чрез свободную, ничем не стесняемую волю и разум ее носителя. Самодержавие есть безусловное верховенство личного решения Самодержца, при котором понятие о большинстве не может играть никакой роли. Введение принципа перевеса большинства с одновременным оставлением наименования Государственного строя Самодержавным вводит непримиримый хаос в понятие о существе образа правления и лишает его необходимой определенности и устойчивости, раздувая такую же непримиримую вражду между политически разномыслящими, сколь непримиримы принципы Самодержавия с господством большинства.

В дореформенное время правильный ход законодательства совершался чрез обсуждение законопредположений в Го-

сударственном Совете, в котором все состоявшиеся о них мнения, подробно мотивированные, представлялись на суждение Верховной Власти, которая и утверждала *Самодержавно* то из них, которое ею по разуму и совести признавалось наиболее правильным и полезным для Государства, не стесняясь количеством голосов, высказывавшихся за избранное мнение.

К такому порядку и следует вернуться для того, чтобы иметь разумное и твердое основание именовать действующий Государственный строй Самодержавным, и раз навсегда вывести Государство из того смутного состояния, в которое его повергло сочетание двух несовместимых и непримиримых начал власти: верховенства воли личной с засилием большинства. Учреждениям, обрабатывающим Законы, останутся ли они оба или сольются в одно, должно быть предоставлено свободное выражение мнений, но решающий выбор из оных или отклонение всех, должно составлять право Верховной Власти или же в Основных Законах следует изменить определение правления Российскою Империею «Самодержавным».

Если будет признано необходимым оставить оба законосовещательные учреждения, то мнения, состоявшиеся в первой инстанции – Государственной Думе, или как она будет названа, должны быть все на обсуждении Государственного Совета, составляющего инстанцию контролирующую, а все мнения этого последнего представляться на выбор и утверждение одного из них Самодержавною Властью.

Самодержавная Власть не может быть связываема ничем в своих проявлениях, поэтому все такие выражения, которые как будто стремятся к ее ограничению, должны быть исключены из Основных Законов, что нисколько не помешает твердому положению законосоставительных учреждений в ряду других правительственных органов Государства. Вообще, будущим реорганизаторам нашего обновленного, но, увы, далеко не усовершенствованного государственного строя следует, прежде всего, решить твердо и без всяких колебаний и двусмысленностей вопрос: какой принцип должен быть положен в основание Русского Государственного построения: принцип Самодержа-

вия или же принцип народовластия, и твердо помнить, что из их смешения ничего путного не получится, потому что они взаимоуничтожающи, но не сливающиеся.

Если выбор реорганизаторов остановится на развитии и усовершенствовании правления страною на основе Самодержавия, а иного предположения нельзя русскому человеку даже себе представить, то следует иметь в виду, что при Самодержавном Царе только он, как сосредоточие народной воли, является народным представителем. Никаких других представителей народа при нем быть не может. Впрочем, и вообще даже в странах с наиболее выраженным типом народовластия – республиках наименование выборных депутатов народными представителями является фиктивной фанфаронадой, но отнюдь не выражает действительного отношения между народом и избранными. В самом деле: народ, или, вернее, группа избирателей из народа в одном месте выбирает монархиста, другая анархиста, третья умеренного, социалиста и т. д. до величайшего непримиримого разнообразия. И все эти избранники, стремящиеся в совершенно противоположные стороны и готовые задушить друг друга ради торжества своей идеи, вернее, своей партии и своего собственного, именуют себя «народными представителями». Получается непроходимая нелепость: народ, стремящийся уничтожить сам себя в лице своих разномыслящих «представителей». Очевидно, что разномыслящая толпа, какою всегда и неизбежно будет всякое собрание народных избранников, ни в каком случае не может быть названа народными представителями, а тем менее при Самодержавном строе Государства. Народное представительство, чтобы не быть самопротиворечащею ложью, может являться только в одном лице, в котором сосредоточиваются все многоразличные народные стремления, и, как при слиянии многих рек, в нем и проявится преобладающее Государственное течение, поглощающее слабейшие притоки.

Наименование избранников в законосоставительные учреждения «народными представителями», не соответствуя действительности, вносит и ложное представление о их от-

ношениях к Верховной Власти, с которой они мнят себя призванными соправительствовать, а не помогать и оберегать ее. Это ложное представление о своем значении возбуждает конкуренцию между двумя властными началами, ведущую к постоянному стремлению избранников к перемещению власти в свои руки, что мы видели и видим в поведении всех доселе собиравшихся Дум и что будет неизменно и неизбежно повторяться во всех последующих, как бы не изменялся их состав под влиянием модных политических течений, преобладающих в данное время, пока не будет незыблемо и ясно установлена основа Государственного строя и отношения к ней вспомогательных, но не соправительствующих учреждений.

XIII

Капитальнейшая ошибка творцов обновленного Государственного строя заключалась в том, что, вопреки требованиям логики и здравого смысла, они начали постройку Государственного здания, не подготовив для него необходимого фундамента. Всякое сооружение начинается снизу, но не сверху, как его производили наши правительственные архитекторы. Замыслив призвать на помощь Верховной Власти и ввести в число правительственных органов, собрание «достойнейших, доверием народа облеченных избранных от населения людей», они не подумали о том, что у нас жизнь не создала таких политически организованных групп населения, которые могли бы сознательно выбрать и послать на призыв Правительства действительно лучших людей. Отвергнув по соображениям мало понятным и еще менее убедительным сословные выборы, они не пожелали воспользоваться и другою единственно до известной степени пригодною организацией – земством, в которой, несмотря на все ее крупнейшие недостатки, выборы могли быть произведены все же с наибольшею осмысленностью. Какие бы ни были причины устранения сословных и земских организаций как выборных групп, во всяком случае, в них меньше всего проявилось заботы о народном благе и понимания его жизни.

Отвержение это оказалось в интересах беспочвенной интеллигенции, специалистов свободных профессий, не имеющих никаких связей ни с сословной, ни с земской жизнью, и повело к полному торжеству на выборах политиканства модного направления, каковым было вначале революционное, сменившееся после его подавления подражательно-конституционным, господствующим не в народе, а среди интеллигенции и ныне. Такие последствия выборов неизбежны и будут повторяться до тех пор, пока Правительство не откажется от неестественного образования выборных групп из людей, друг другу неизвестных и ничего общего между собою не имеющих.

Каково бы ни было государственное построение в высших правящих сферах, но основанием для образования его вспомогательных выборных учреждений может быть только земство как орган, ближайший к населению и непосредственно соприкасающийся с местными потребностями и наилучше их знающий. Усовершенствовав его организацию упразднением тормозящего развитие местной земской деятельности мертворожденного Губернского земства и предоставив ведение всего земского дела уездным учреждениям, вполне независимым от какой бы то ни было другой земской инстанции, Правительство освободит на производительные местные земские мероприятия около сотни миллионов ежегодно, ныне растрачиваемых бесплодно на содержание непомерно огромных личных составов губернских земских учреждений. Эта экономия, оставаясь в уездах, с развитием в них земской деятельности, ныне чахнущей от недостатка средств, выкачиваемых на содержание губернских земских персоналов, привлечет в уезды на постоянное пребывание часть образованного класса, при нынешнем положении сплошь стремящегося в большие города, за невозможностью найти заработок в уездах. Таким образом, мало-помалу, а может быть, и довольно быстро, исцелится вековая язва, которой страдает наше Отечество – оторванность интеллигенции от народной жизни и как прискорбнейшее, но неизбежное последствие сего – незнание народа, его нужд и отсутствие патриотизма. Прекратится та мерзость запустения,

в которой находится провинция, порождаемая действующей земской системой, выжимающей из местной жизни все средства и оставляющей ее без денег и без людей. Если в чем ощущается потребность освобождения от системы централизации, то это именно в земском хозяйском, в обширном смысле слова, деле. Регулятором самостоятельной земской уездной жизни должна быть только Государственная Власть, но отнюдь не другое земское учреждение.

Земское дело в инстанциях не нуждается; земство должно быть единое, самостоятельное, совершенно свободное в своих отношениях к другим земским учреждениям такого же достоинства.

Из таких земств и следует почерпать «достойнейших» помощников Верховной Власти в управлении нашим обширным Царством.

Рассуждая о личном составе законосовещательного учреждения, нельзя обойти молчанием вопроса об участии в нем духовенства.

Вопрос этот очень важный и очень трудный. С одной стороны, устранить православное духовенство от участия в благоустроении православной страны решительно невозможно. Но, с другой стороны, отрывать приходского священника или епископа от епархии, от их паствы на продолжительное время неоспоримо в высшей степени вредно. Выход из такого затруднительного положения мог бы быть найден, во-первых, в особой группировке духовенства для выборов, во-вторых, в сокращении срока продолжительности сессий законосовещательного учреждения, что возможно при изъятии из него «вермишели» и в сокращении общего выборного срока с пяти лет на три, в соответствии со сроком избрания гласных на земскую службу, что будет, даже необходимо, если будет принята система прямых выборов из членов уездных земских собраний. Установленный теперь пятилетний срок выборной думской службы имеет оправдание своей продолжительности в том, что существующий способ выборов обходится населению страшно дорого, и частое их повторение было

бы прямо разорительно. Но это соображение при земской системе выборов совершенно отпадает. При них не потребуется ни одной копейки накладных расходов, так как выборы могут производиться во время съезда гласных на очередные земские собрания. Продолжительность действия выборного полномочия может объясняться еще тем, что частая смена думского состава не даст ему основательно познакомиться со своими обязанностями. Действительно, при существующем порядке выборов можно ожидать от всякой случайности, от всякой перемены общественной впечатлительности чуть ли не поголовной смены думского состава. Но едва ли то же самое может иметь место при прямых выборах по земствам, в которых и теперь гласный ценится не по цвету своих убеждений, а по своему уму, таланту и деловитости, – и именно в *уездных* земствах, но не в губернских. Конечно, встречаются и исключения, но где же и в чем их нет?

Возвращаясь к вопросу об участии в Государственной Думе духовенства, можно еще прибавить, что далеко не все государственные вопросы требуют участия духовенства в их обсуждении и от таких, в которых не затронуты духовные интересы народа оно могло бы быть освобождено. Но решение участия или неучастия его в рассмотрении внесенного Законопроекта должно быть предоставлено высшему духовному учреждению – Синоду.

Оканчивая обсуждение вопроса о том, каким должно быть желательное выборное учреждение, призванное помогать Верховной Власти и ее Правительству в благоустроении Государства, нельзя не упомянуть настойчиво, что в нем не должно быть места инородческим влияниям. Их нужды и пользы, соответствующие интересам Русского народа, хозяина Русского Государства, найдут, несомненно, свое удовлетворение в Русских Правительствующих учреждениях. Инородцам может быть предоставлено широкое право заявлять о своих потребностях высшему Правительству (но не Думе), но признание их заслуживающими удовлетворения должно принадлежать голосу Русского народа чрез его русских выборных.

XIV

Совершенствуя выборные учреждения, не следует вместе с тем забывать о настоятельной необходимости усовершенствовать и высшие правительственные механизмы, к каковым принадлежат Синод, Сенат и Государственный Совет.

Что касается до первого из перечисленных учреждений – Синода, то, считая неуместным подробно анализировать здесь его положение, можно, однако, с уверенностью сказать, что он в полной мере обладает возможностью оказывать громадное воздействие на течение государственной жизни, и если он не пользуется в достаточной степени своим духовным авторитетом, то это едва ли можно приписать несовершенству его как учреждения. Его бездействие, его равнодушное безучастие к целому ряду враждебных проявлений против Православной религии и Церкви ни в коем случае не может быть объяснено его бессилием на них воздействовать и им противоборствовать. Что могло, напр[имер], помешать Синоду энергически выступить против сооружения в городе *Санкт*-Петербурге идольского капища[10], какие Законы или регламенты заградили его уста для авторитетного обличения обманов и шулерского превращения Будды в св. царевича Иосафата со стороны радетелей ламаизма? Почему против этих невежественных или преступных оскорбителей и унизителей христианского учения раздаются только скорбные голоса мирян, да одиночные выступления немногих архипастырей Православной Церкви, пропадающие бесследно в атмосфере убийственного правительственного равнодушия к ударам, сыплющимся со всех сторон на «господствующую» религию, оставленную на произвол и терзания всякого иноверия ее законными защитниками?

Почему Синод хранит гробовое молчание, не отражая нападки буддистов, баптистов, ионитов на Православие, как будто в его обязанности не включается оберегать целость и достоинство Церкви, во главе управления которой он находится? Почему он не оказывает ни малейшего воздействия на «про-

грессивных», а с православной точки зрения прямо нечестивых священников Государственной Думы, становящихся в церковных вопросах против интересов Православной Церкви, почему он допускает таких носить сан священнослужителей, этих отщепенцев от Православия, радетелей и пособников всех врагов Православной Церкви, стремящихся к ее унижению и разрушению? Уж конечно не потому, что он безвластен и немощен противустать этим нападениям. Очевидно, что если бы Синод *хотел*, то он мог и должен был энергически выступать против всякого нападения на Православную Церковь и ее учреждения, против всякого ее оскорбления и умаления ее преимущественных прав, от которых теперь уже ничего не осталось. Они все растворились в ядовитой кислоте «свободы совести», обратившейся с первого же дня ее провозглашения в свободу всяческого и ото всех поругания «господствующей» Православной Церкви, которую не заушал только ленивый, при благодушном невмешательстве властей духовных и светских.

Как преобразовать Синод, чтобы он стал, чем должен быть, — энергическим и деятельным защитником прав и преимуществ Православной Церкви, судить не беремся, но думается, что для достижения этого не столько нужна реформа учреждения, сколько реформа духа членов этого высшего духовного учреждения, а это куда труднее изменения объема его прав и обрядности.

Единственное серьезное улучшение государственного строя как последствие Закона 17 октября заключается в преграде, поставленной самоволию гг. министров, жестоко злоупотреблявших правом испрошения законодательных мероприятий, в обход Государственного Совета, всеподданнейшими докладами, что породило великое множество беззаконий и компрометировало Верховную Власть Монарха, становившегося ответственным за каждую неудачную меру, предпринятую без обсуждения ее в Государственном Совете. Но к прискорбию и это улучшение остается только в теории; на практике же всеподданнейшие обманы заменились еще худшим видом министерского самовластия, отменяющего теперь коренные Законы

простыми циркулярными распоряжениями, как, например, циркуляр, разрешающий евреям жительство в местностях, Законом воспрещенных. Клонись такие циркуляры к удовлетворению насущных потребностей Русского народа, они подняли бы целую бурю протестов либеральствующих инородческих прихвостней, при конфузливом молчании патриотов, но, так как такие циркулярные предписания мыслимы только в ущерб русским, то, конечно, встречаются одобрительно руководящими космополитами, а на протесты русских людей не обращается ни малейшего внимания.

В сущности говоря, невзирая на целую лавину реформ, перевернувших и потрясших Государство в самых его основах, положение осталось совершенно то же самое, что было и при «бюрократически-полицейском» режиме. Как тогда царил режим беззакония, так неистовствует он и теперь, и притом в гораздо большей, а, главное, наглейшей степени. В дореформенное время беззаконие все-таки прикрывалось для видимости каким-нибудь оправдательным документом, а ныне и это считается совершенно излишним, и беззакония совершаются оптом и в розницу без малейшего воздействия или протеста, и пальму первенства в этом заслужило именно то новообразованное учреждение – Государственная Дума, которое призвано было наблюдать за закономерностью поведения всероссийской администрации. Для чего же, спрашивается, было громоздить столько дорогостоящих, никого не удовлетворивших и ничего не исправивших реформ? Если бы реформаторы прежде ломки государственного строя потрудились оглянуться на то, что делается в мире конституций и республик, то увидели бы, что никакой «режим» не спасает от порочности администраторов. Французская республика, по-видимому, наиболее вдохновлявшая наших преобразователей и «прогрессивную» часть общественных деятелей, не спасла Францию от колоссальнейших государственных мошенничеств, панам[11], Дрейфусиад[12], от конечного развращения населения и его вымирания. Лучшие умы Америки скорбят о неисправимой продажности республиканской администрации и видят спасение в созда-

нии единой, неограниченной власти. Ни республики, ни конституционные Государства не гарантируют безопасности их президентов и монархов. На нашей памяти пали от рук убийц лучшие и благороднейшие из них, как, напр[имер], король Италии Гумберт[13] – образцовый конституционный монарх и прекраснейший человек, президент С[еверо]-Американских штатов – Линкольн[14] – уничтоживший рабство негров, Карно[15] – корректнейший из президентов, Фор[16] и другие. Если все эти ужасные и позорные преступления приписать, как это старались внушить нам относительно совершавшихся у нас государственных преступлений, существующему режиму, то во что же надо преобразовывать республики и конституционные монархии, вполне на практике применившие девиз «великой» революции: свобода, равенство и братство? Прискорбнейшая ошибка наших правителей заключалась в том, что они стали лечить язвы всяческих злоупотреблений не их искоренением, имея на то необходимое оружие в уголовных Законах и существующих судебных учреждениях, а реформами существа Государственного строя. Никакой режим от наисвободнейшего до наидеспотичнейшего не спасает от преступных проявлений администраторов и администрируемых, если они не сдерживаются страхом неминуемого наказания, если нет учреждения, обязанного блюсти за не нарушением Законов. И старый режим был вполне достаточно вооружен для воздействия на преступность, беда в том, что преступность высших сановников оставалась безнаказанной вследствие ложных опасений скомпрометировать власть, а рядовая преступность вследствие фальшивого сантиментализма, господствовавшего в обществе под влиянием разных теорий не- ответственности преступника, его невменяемости по разным причинам: ненормальности умственных способностей, состояния в «аффекте», вырождаемости и т. п.

Блюстителем законности при старом строе был Сенат, к сожалению, в период судебных реформ прошлого века потерявший это свое главнейшее значение, тогда как, напротив, его влияние и власть должны бы быть расширены в прямой

соответственности с усложнением жизненных потребностей населения и новых форм его отношений к правящим сферам. Блюститель законности – Сенат должен быть совершенно независим от каких бы то ни было властей, кроме Верховной Власти Монарха, служа его зорким и внимательным сторожевым оком против всякого покушения на нарушение Закона с чьей бы то ни было стороны, как бы высоко ни было положение лица или учреждения, в том провинившегося, карая Закононарушения тем строже, чем большею властью или доверием располагали виновные. Сенат должен быть осведомлен обо всем происходящем как в высших правительственных и административных учреждениях, так и в провинциальных их разветвлениях. Он должен немедленно пресекать всякое незаконное явление, иметь право по собственной инициативе привлекать к ответственности виновных. Сношения его с Монархом должны быть непосредственными чрез первоприсутствующего сенатора: между Царем и Сенатом не должно стоять никакое лицо, никакое учреждение. Звание сенатора должно быть почетнейшим среди всех других должностей и положений и несовместимо ни с каким другим занятием или званием, поэтому лицо, занимающее какую-либо служебную должность, не должно иметь права быть в то же время сенатором. Равным образом и сенатор слагает с себя это звание, получая какое-либо другое назначение. Сенату в смысле наблюдения за законностью поведения должны быть подчинены все государственные учреждения, как правительственные, так и выборные. Ныне существующий для Государственной Думы, противоречащий рассудку и здравому смыслу, самосуд, отдающий на произвол партийного большинства судьбу ее отдельных членов, начиная с утверждения выборов и кончая суждением о виновности в тягчайших государственных преступлениях, должен быть безусловно уничтожен. За законностью думских и выборных процедур и поведения членов Думы обязан наблюдать Сенат в провинции через своих уполномоченных, а в Думе чрез обязательно присутствующих на ее заседаниях очередных или назначенных для сего Верховной Властью сенаторов.

Государственный Совет, значительно усиленный в своем составе обновительною реформою с введением в его состав выборных членов, поставлен, однако, в положение, не соответствующее его высокому значению как высшего законосоставительного учреждения, будучи в своей деятельности в полнейшей зависимости от поведения первой законосоставительной инстанции – Государственной Думы, от ее работоспособности и даже от ее капризов, не имея никаких способов воздействия на нее, ни возможности заняться, помимо нее, рассмотрением хотя бы самонужнейшего Законопроекта. Ради пользы государственной, ради достоинства Государственного Совета и ради улучшения работоспособности самой Государственной Думы, такая зависимость должна быть уничтожена. До сих пор Государственная Дума в своей подражательности западноевропейским парламентам дошла только до площадных ругательств и покушений на драку, но если она остановит всю законодательную деятельность и вынудит Государственный Совет был бездействующим зрителем борьбы думских партийных страстей, ничего общего с государственной пользою не имеющих, из этого недостойного для Государственного Совета и вредного для интересов Государства положения выход может быть найден в определении очереди и срочности рассмотрения Законопроектов, вносимых в Государственную Думу, определяемых по представлению Совета Министров Высочайшей Властью. Еще полезнее, в смысле сбережения времени, одновременное внесение каждого Законопроекта в оба учреждения, с определением конечного срока рассмотрения, с прибавкою времени на согласование заключений Думы и Совета. Неоконченные в определенный срок рассмотрением Думою Законопроекты представляются на Высочайшее утверждение в редакции Государственного Совета. Такой порядок побудит Государственную Думу работать усерднее, хотя бы из чувства простого самолюбия, и не терять времени на взаимную травлю и на погоню за расширением своей власти. Исключены из срочности могут быть вопросы, инициатива возбуждения которых принадлежит са-

мой Государственной Думе и если обсуждение их удостоится Высочайшего разрешения.

Как Сенат в своем значении блюстителя законности, так и Государственный Совет как высшее законосоставительное учреждение должен быть совершенно независим от каких бы то ни было посторонних влияний, для возможно большей свободы и беспристрастности его суждений. В интересах этого члены Государственного Совета, назначаемые Высочайшею Властью, не должны занимать, как и сенаторы, никакой другой должности; никакое совместительство их с другим назначением не может иметь места. Никто, кроме членов Государственного Совета, не должен иметь решающего голоса в этом учреждении. Министры и главноуправляющие, представляющие законоположения, могут только давать по ним объяснения, но в голосовании участия принимать не должны, ибо не могут быть беспристрастными судьями в своей собственной работе.

Таково в общем должно быть положение Государственного Совета, если будет признано невозможным обойтись без двух законосоставительных учреждений, хотя мы не усматриваем никаких препятствий к совместной работе народных избранников с избранниками Царя. И те, и другие обязаны преследовать одну цель – пользу Государства и благосостояние населения, а слияние их в одно учреждение поведет, во-первых, к экономии времени, во-вторых, к сближению между представителями и знатоками народных интересов и правительственными агентами, знатоками механизма государственного управления и к уничтожению существующего между ними антагонизма, ныне разгорающегося вследствие отдельности двух равнозначащих учреждений, соревнующих в своем государственном значении.

Если признается возможность иметь только одно учреждение для разработки Законопроектов, именно Государственный Совет смешанного состава, то выборы в него членов от населения должны производиться тем же порядком, как предположено в Государственную Думу, т. е. прямыми выборами

в уездных земствах или вообще в той одностепенной земской организации, которая заменит ныне существующую двухстепенную, доказавшую свою полную неудовлетворительность.

Если же государственные соображения остановятся на необходимости иметь два собрания, последовательно или одновременно обсуждающих Законопроекты, то для выборного состава Государственного Совета нет никакой надобности образовывать какие-нибудь новые избирательные группы, раз, что сословные отвергнуты как негодные для образования Государственной Думы. Выборный состав Государственного Совета может быть образован из известного числа избранников в Государственную Думу, наполовину назначаемых Высочайшею Властью. Для того, чтобы эти выборы производились сознательно необходимо, чтобы они не совпадали со сроком выборов в Государственную Думу, а производились не менее, как год или даже два спустя, чтобы члены Государственной Думы успели хорошо взаимно ознакомиться, и представители власти могли тоже дать им правильную оценку. Избранные в Государственный Совет члены Думы, как и составляющие эту последнюю, должны быть вполне независимы от правительственной администрации как в нравственном, так и в материальном отношении, а потому содержание свое получать должны от своих избирателей – уездных земств, но отнюдь не от правительства ни прямым денежным вознаграждением, ни льготами и другими материальными выгодами в каких бы то ни было формах.

Правительство не вмешивается в отношения между земствами и их избранниками в законосоставительные учреждения, предоставляя им самим их определение. Земства могут давать своим избранникам поручения и наказы, не нарушающие действующих узаконений, могут установить известную отчетность пред ним их избранника, но вне всякого содействия или вмешательства Правительства. Смена избранника до срока, на который он избран, может быть только как последствие совершенного им государственного или бесчестящего преступления распоряжением Высочайшей власти. Земства обязаны без задержания и без недоимки уплачивать определенное

избранниками содержание, за исполнением сего наблюдает Правительство, которому земство обязано сообщить вместе с уведомлением об избранном лице и размер назначенного ему содержания, которое и вносится земством своевременно в Петербургское казначейство для выдачи по принадлежности.

XV

Создание Государственной Думы из достойнейших народных избранников объяснялось как мера сближения Царя с народом, чрез его представителей, как уничтожение «бюрократического средостения», разъединявшего народ и Верховную Власть и заслонявшего от взоров сей последней истинные народные нужды, действительное положение Государства. Но действующая Г[осударственная] Дума ни в какой степени не оправдала эту цель. Она не только не разрушила бюрократическое средостение, отделявшее народ от трона, но к этому прибавила, в своем учреждении, еще новое, еще худшее средостение, уже окончательно не только заслоняющее Государство от взоров Монарха, но, что еще ужаснее, совершенно извращающее его действительное положение. Если бюрократическое посредничество грешило неточностями передачи по незнанию или непониманию нужд страны, то Думское собрание отражает их в умышленно ложном представлении, всеми способами стараясь ввести в заблуждение Верховную Власть и побудить ее к поступкам, гибельным и для нее самой, и для Русского народа. В самом деле: разве могут доклады таких пособников разрушения русского исторически сложившегося государственного строя, как кадет Головин[17], и конституционалисты-октябристы Н. А. Хомяков и Гучков, *отрицающие Самодержавие*, способствовать уяснению народных стремлений пред лицом Монарха? Разве они могут служить посредниками между Царем и народом, лучшими, чем бюрократы, будучи представителями ничтожной, но очень честолюбивой партии, стремящейся исключительно к захвату власти? Если в настоящей Думе и найдется десяток-другой действительно достойных людей, то они

не имеют никакого влияния на ход думских дел, несмотря на всю их энергию и талантливость, подавляемые засильем интриг и невежества. В такой Думе, составленной по существующему совершенно непригодному выборному Закону, всегда будет господствовать засилье главенствующей численно партии, а не интересы Русского Государства, сколько бы Дум ни распускали и не собирали.

Предлагаемые в настоящем очерке изменения существующего неудовлетворительного положения имеют целью, во-первых, если не совершенно уничтожить, то, по крайней мере, в возможно бо́льшей степени ослабить зло, присущее всяким выборам, и приблизить их к идеалу, теоретически положенному в их основу, т. е. чтобы они выдвигали из известной группы людей действительно лучшего, наиболее пригодного для предназначенной ему деятельности и представительства местных интересов, что достигается сознательностью выборов, ныне совершенно отсутствующей; во-вторых, поставить возможные пределы образованию партийности и гнету личности партийной дисциплиной или, вернее, подчинения массы кучке вожаков-интриганов; в-третьих, упорядочить проведение выборного законосоставительного собрания в отношении соблюдения законности и приличий восстановлением общеустановленной ответственности за их нарушение; в-четвертых, определить с совершенною точностью государственное значение выборного собрания как вспомогательного орудия Верховной Власти, но не соправительствующего, пользующегося неприкосновенностью и свободою выражения мнения наравне с прочими подданными Империи, – ни больше, ни меньше; в-пятых, восстановить существеннейший атрибут Самодержавия, свободную волю Монарха в выборе решения из всех мнений, состоявшихся в законосоставительных учреждениях, а не ограничение только правом утверждения или отвержения постановлений большинства; в-шестых, восстановить значение высших правительственных учреждений: Св[ятейшего] Синода, Правительствующего Сената и Государственного Совета, освободить их от всякого влияния и вмешательства высших

чинов высших административных учреждений и от совместительства званий сенатора и члена Государственного Совета с какою-либо другою должностью или званием.

Засим останутся ли оба учреждения – Государственный Совет и Дума – для разработки Законопроектов, сольются ли они в одно собрание; во всяком случае, следует установить ненарушимо, что ни одно мероприятие, требующее осуществления в законодательном порядке, не может быть представляемо на Высочайшее утверждение, не будучи на рассмотрении законосоставительных учреждений. Из сего нежелательны были бы никакие исключения, потому что они непременно поведут к тем же злоупотреблениям, которые расстроили вконец наш стройный дореформенный государственный механизм и свели Самодержавного Царя к министерскому произволу за ответственностью монарха. Да и не может быть таких экстренных дел, которых бы не поспел в случае надобности экстренно, вне очереди, рассмотреть Государственный Совет. Вакансии же его должны быть сокращены возможно больше и продолжаться зараз не свыше месяца. Наконец, могут быть установлены непрерывающиеся заседания, с частичными освобождениями на отдых личного состава Совета. Можно также в случае экстренной, не терпящей ни малейшего отлагательства надобности, вызывать членов собрания из отпуска, в чем не встретится затруднения, так как местопребывание их должно быть известно, и о всякой его перемене можно обязать немедленно уведомлять. Об уехавших лечиться заботиться нет надобности. Больные могут быть во всякое время года и во всяком положении занятий.

XVI

В конечном выводе, из всех высказанных соображений определяется в общих чертах следующий остов программы порядка государственного законоиздательства:

1. Назначение государственного учреждения, составленного из народных избранников, заключается в том, чтобы, зная

истинные нужды народа, направлять к их наиуспешнейшему удовлетворению все мероприятия Правительства, осведомлять его и Верховную Власть об истинном положении страны и доводить до их сведения о всех недостатках Правительственного механизма, всесторонне помогая своею опытностью и знанием местных потребностей развитию и процветанию Государства и устранения всего, препятствующего достижению этой цели.

2. Наличный состав выборного государственного учреждения образуется посредством прямых выборов из числа гласных уездных земских собраний. Духовенство выбирает своих членов особо установленным порядком.

Инородцы окраин, не слившиеся в одну нераздельную жизнь с Русским народом, в этом учреждении не участвуют.

3. Председательствует в собрании народных избранников лицо, назначаемое Высочайшею Властию. Во избежание обременения избранников излишней и для многих непривычной работой все делопроизводство ведется канцелярией правительственного персонала.

4. Срок служения народных избранников определяется в соответствии со сроками земских выборов, но совпадать с таковыми не должен.

5. Народные избранники для полнейшей свободы выражения своих мнений должны быть в совершенной независимости от правительственных лиц и учреждений, посему категорически устраняются всякие денежные вознаграждения и льготы в каких бы то ни было видах со стороны последних народным избранникам. Возмещения за их труды определяются соответствующими уездными земскими собраниями, соответственно тому, как определяется жалованье служащим по выборам от земств.

6. Правильность избраний контролируется Сенатом, а порядок и правила действий выборного собрания вырабатываются Правительством под наблюдением Сената и утверждаются Высочайшей Властию.

7. Члены собрания народных избранников пользуются полною свободою в выражении своих мнений в пределах со-

блюдения Законов, приличия и торжественного обещания (присяги), ими даваемого при приступе к занятиям. Никакой особой неприкосновенностью, кроме той, которая существует для всех обывателей империи, они не пользуются. За совершенные ими преступления и проступки в должности своей предаются суду по постановлению Сената, а по совершенным вне учреждения привлекаются к ответственности в общем порядке.

8. В государственное учреждение народных избранников вносятся на обсуждение все правительственные мероприятия, касающиеся внутреннего благоустроения Государства, кроме тех, которые в видах пользы и безопасности Государства не могут быть оглашаемы. Учреждению предоставляется и собственная инициатива предложения мероприятий, но проекты таковых прежде обсуждения их собранием народных избранников должны быть препровождены на заключение соответствующих правительственных учреждений через Совет Министров. Вопросы православной религии и церковного благоустройства и всех церковных учреждений, а равно отношения между господствующей Православной Церковью и инославием суждению народных избранников не подлежат.

9. Собрание народных избранников имеет право требовать от правительственных лиц разъяснений по всем известным им нарушениям Законов и неправильным действиям как их самих, так и административных агентов, и в случаях признания объяснений неудовлетворительными, доводить о сем до сведения Верховной Власти.

10. Очередь и срок вносимых на рассмотрение народных избранников дел определяется Высочайшею Властию, но в случае уважительных причин к изменению, собранию предоставляется всеподданнейше ходатайствовать о том.

11. Если будет признано необходимым сохранение двух инстанций, рассматривающих законодательные предположения, то все они одновременно обсуждаются и в Государственном Совете, и в случае, если первая инстанция не исполнит в

срок возложенной на нее обязанности, на Высочайшее решение представляются мнения, образовавшиеся в Государственном Совете.

12. На заключение Государственного Совета поступают все мнения с обстоятельною их мотивировкою, состоявшиеся в собрании народных избранников, которые затем, вместе с мнениями Государственного Совета, представляются на высочайший выбор и утверждение.

13. Так как образ правления Русским Государством именуется Самодержавным в Основных Законах, то в них должно быть точно выяснено положение выборно-государственного учреждения к Самодержавной Власти Главы Государства, как призванного ей помогать и осведомлять, но не соправительствовать. Хотя *ограниченное* Самодержавие представляет нелепость, но во избежание кривотолков, возникших от опущения в новом издании Основных Законов слова «неограниченное», следует его в них восстановить.

А так как главный отличительный атрибут Самодержавия заключается в свободном, ничем не стесненном выборе решения Царствующим Главою Государства, следует восстановить тот порядок, при котором Верховной Власти представлялось не одно мнение «большинства», но все мнения на ее выбор и решение. Принцип «большинства» не может иметь места при Самодержавии, ибо он его ограничивает.

14. Сенату должно быть восстановлено его значение высшего блюстителя Законов, в каковом отношении ему должны быть подчинены все без исключения правительственные лица и учреждения. Сенаторское звание несовместимо ни с каким другим.

15. В Государственном Совете члены его по назначению Верховной Власти тоже не могут занимать никакой другой должности, ни носить другого звания, кроме почетных; никто, кроме членов Государственного Совета, не должен иметь там решающего голоса. Министры и главноуправляющие и их заместители могут лишь быть в нем докладчиками и давать объяснения, но в подаче мнений не участвуют.

При намеченном порядке исчезнет та неопределенность положения, та неясность существующего государственного строя, возбуждающая разнотолки и смуту в умах, более опасную, чем все разбои, экспроприации и забастовки. Россия в настоящем положении представляет беспримерное явление Государства, в котором образ правления определяется каждым сообразно своему вкусу и политическому пониманию не только в среде общественной, но и в сонме правительствующих лиц. Пора окончить с таким невозможным положением, которое в конце должно разразиться неизбежною катастрофою; пора твердо и ясно определить положение Власти, Правительства и пособных ему выборных учреждений, а эти последние – составить из отбора лучших членов от живых земских организмов, теснее всех соприкасающихся с народною жизнью и потому *больше* всех имеющих право выражать его потребности.

Действующий же ныне состав «достойнейших», для всех неприкосновенный, ничем не связанный с народными избирателями, ни перед кем не ответственный, доказал полную свою несостоятельность. Упорствовать в удержании его — значит идти к верному крушению.

———

Спасатели и губители

Невозможно было читать без восторга, умиления и высокого подъема патриотического чувства известия о подвигах спасения погибавших в Мессино-Реджинской катастрофе[1], которыми наши моряки далеко выдались против всех национальностей, участвовавших в этом акте милосердия и человеколюбия. И заметьте: это не была экспедиция, нарочито организованная с известною целью, с известным подбором людей. Нет, это было дело случайности. Неожиданно для всех разразилась ужасная катастрофа, случайно вблизи находилось несколько русских судов, случайно на них нахо-

дился известный комплект матросов и офицеров, ничем не отличающийся от других судовых команд, и вот эта рядовая кучка русских людей, эта щепоточка Русского народа, заброшенная на чужбину, без всякой подготовки выказывает чудеса безграничной отваги для спасения, – правда, ближнего по Евангелию, но очень далекого по земным человеческим отношениям. Ни одна из других национальностей Европы, хотя тоже принимавших деятельное участие в подании помощи погибающим, не могла даже приблизительно сравниться с нашим русским человеком, которого на его Родине честят и диким, и пьяным, и невежественным, и кто же? Его верхний отстой, сливки общественные и вершины правительственные…

А что же делают они-то? Как исполняют свои обязанности? Поддерживают ли, стараются ли сохранить и развить в нашем чудном народе те доблестные качества, которые присущи ему в высшей против всех других народов степени, что, несомненно, доказала не только мессинская катастрофа, но и целый ряд наших отечественных катастроф 1905 года, когда в законном и, смею сказать, священном негодовании на гнусных оскорбителей русских народных святынь русский человек отстаивал нас голыми руками против бундов и шаек, вооруженных маузерами и револьверами, в то время, когда власть бездействовала, а потом привлекала к ответственности и позорила этих же героев, защищавших ее достоинство и даже самое существование. Увы! – С сердечным сокрушением должно признаться, что русский человек стал гонимым пасынком у себя на Родине. Величие его души, его способность к беспредельному самопожертвованию, его отвагу, находчивость, неутомимость видят и признают все, кроме его руководителей. Эти ничего не видят и озабочены только тем, как бы угодить инородцам, иноверцам, иностранцам, как бы сравнять их с хозяевами, по́том и кровью создавшими Русское Государство; с народом, создавшим вместе с тем свое самобытное, в высшей степени идеальное, духовное, политическое и общественное мировоззрение…

И вот, не умея понять богато одаренной натуры Русского народа, его водители стремятся во что бы то ни стало обезличить его, разрушить его духовную, политическую и общественную жизнь, сложившуюся именно под влиянием особых качеств, присущих только русскому человеку, и низвести его в ранг европейца во всех отношениях.

Жизненная сила всякого народа заключается в его отличительных чертах, определяющих его самостоятельную сущность. Чем определеннее и резче эти черты, тем обеспеченнее его будущность. Поэтому всякое мудрое Правительство бережно хранит самобытные особенности управляемого народа, воспитывает будущие поколения в уважении и любви ко всему родному в истории, верованиях и обычаях и никогда не унизится до безграничного подражания чужеземному, ибо в обезличении народа – его гибель. И если бы наши руководители хотя на время оторвались от окна, прорубленного Петром из Ингерманландии[2] в Европу, и потрудились внимательно посмотреть внутрь страны, что было бы во много раз полезнее, – то надо надеяться, что их реформатская деятельность приняла бы иной характер, обнаруживаясь не в огульной ломке всего созданного народом жизненного уклада, а в его улучшении и развитии. Они увидели бы тогда, что народ, который они величают диким, грубым, невежественным, сохранил в себе человечность в гораздо большей степени, чем его образованные западные соседи, может быть, именно потому, что русский народный ум еще не отравился вполне развращенностью европейской мысли, и жизнь его много ближе к природе и Богу.

Великий многострадалец, Русский народ! Какой тяжкий грех совершил ты, какое преступление искупаешь ниспосланными тебе такими неслыханными бедствиями, которым нет равных в истории человечества! Уже не говоря о внешних врагах, естественно желающих твоей погибели, что пришлось тебе перенести и переносить от твоих недостойных и несмышленых детей? Одни восторгаются твоими поражениями на бранных полях, устраивают резню и великие бедствия

дома, другие спешат уничтожить все великие заветы, которыми ты жил и славился веками… Великая доблесть твоя, проявившаяся так ярко на глазах всей Европы, едва ли просветит губящих тебя. От Петербурга до России слишком далеко, и оттуда не слышны ни твои стоны, ни твои желания. Но неужели же Господь Бог допустит погубить великий народ, предать уничтожению величайшее Государство? Не хочется верить, хотя и не видно, откуда придет спасение…

16 января 1909 г.

РОССИЯ И МИР

Из иной страны чудесной…

I

Ясный, теплый полдень. Нежная лазурь моря чуть-чуть рябится легким ветерком и сверкает мириадами искр вся залитая солнечными лучами, щедро падающими с безоблачного южного неба. Его спокойную поверхность то и дело пересекают пароходы, беспрерывно снующие по всем направлениям чудного залива Гуарнеро, окруженного амфитеатром причудливых гор, в которые вкраплены бесчисленные белые точки, то густо скученные в одном месте, то прихотливо рассеянные по склонам, что выше – то реже. Это все человеческие жилища: города и селения Кроации[1]. Вот у самого прибрежья скучилось наибольшее количество этих точек и так тесно, что они слились в одно белое пятно: это Фиуме-Река, славянский город сербокроатов[2], но отданный, как и вся страна, которой он составляет один из главных пунктов, под венгерско-еврейское владычество. Против Фиуме на Истрийском берегу расположена утопающая в роскошных садах чисто тропической растительности, быстро вошедшая во славу, как один из наилучших по климатическим условиям курортов, Аббация[3]. И немудрено.

Если природа не поскупилась излить свои щедроты в это чудное местечко, то человеческий труд и гений, можно сказать, в совершенстве использовали все ее дары и хотя и живо-

писный, но дикий, берег в какие-нибудь два десятка лет превратился в место, не уступающее по своей культуре и красоте знаменитой итальянской Ривьере.

Но как ни велики здесь прелести природы, как ни изумительны результаты человеческих трудов и знаний, русского человека, которого судьба, во образе докторов, вынудила покинуть его печальную родину, поражает всего больше не это, а те условия нормального человеческого существования, от которых он давно отучен у себя дома. Первое время даже кажется странным то совершенное спокойствие, та невозмутимая безопасность, которых мы уже давно лишены у себя в отечестве, благодаря неудачным освободительным реформам Правительства и более чем удачным действиям его помощников – уличных освободителей от кошельков и существования. Контраст между жизненными условиями там и здесь в этом отношении настолько поразителен, что в начале производит просто ошеломительное впечатление.

На длинном пути между Москвой и границей все время невольно вспоминались описания непрошеных визитов молодых людей в пассажирские купе и карманы, с пристрелом сопротивляющихся. Тревожное состояние пассажирской души усугублялось еще тем, что ни одна из предписанных начальством мер предосторожности, по нашему русскому обыкновению, исполнена не была. Никакого защитника во образе кондуктора или иного стража в вагонах не обреталось; предохранительных цепочек, распоряжения о которых мы столько раз читали, на деле мы нигде не видали, и, таким образом, вход в отделения г.г. освободителям, в случае их появления, преградить не могли.

На наше счастие до Варшавы доехали благополучно; на перроне Пражского вокзала под охраною скорострельных винтовок жандармов благополучно пересели в спальный вагон международного Общества и двинулись по соединительной ветви на станцию Варшаво-Венской дороги. Вдали сквозь спущенные сторы окон виднелись многочисленные электрические огни Варшавы. Желая ради некоторого рассеяния ску-

ки неинтересного переезда удобнее рассмотреть их, я поднял стору ближайшего окна. Не успел я еще отнять руки, как ко мне быстро подошел проводник и поспешно снова опустил стору. «Что это значит?» — спросил я. «Здесь часто стреляют и бросают камни в освещенные окна, разбивают их и причиняют вред пассажирам, вот почему мы из предосторожности вынуждены завешивать их». С последним словом проводника раздался весьма внушительный удар в стену вагона, и мы поспешили спрятаться в наши купе, подальше от предательских окон. И этот разбой, это неслыханное и нигде не допускаемое озорство у нас называется «освободительным движением», «Революцией»! Только по сравнению именно с твердым порядком, чувствующимся во всяком проявлении общественной жизни по ту сторону нашего рубежа, отчетливо сознается весь ужас того бессмысленного одичания, до которого доведена наша несчастная страна самим ее Правительством, упорно не желающим сознать своего заблуждения, и до сих пор во всех разрушительных проявлениях видящим стремление перейти к каким-то новым, якобы совершеннейшим порядкам.

Но ведь совершеннейшие порядки вырабатываются совершеннейшими людьми и для совершеннейших людей. Возможно ли причислить к таковым наших общественных и правительственных руководителей и само общество? Первые самым позорнейшим образом доказали и продолжают проявлять самую жалкую неспособность не только в какой-нибудь самостоятельной инициативе, но даже к простому пониманию настоящего положения Государства и к пользованию находящимися в их распоряжении обширными средствами ограждения его от всякой злонамеренности, а общество… Боже великий! Да разве у нас есть общество в смысле собрания людей высшей культуры, высшего умственного и духовного развития, людей нравственно дисциплинированных, сознающих свой долг и уважающих чужое право? Если такие субъекты и встречаются, то лишь как редкое исключение, теряющееся среди нахального самомнения и дикого самодурства *интеллигентной*, именно интеллигентной, но

отнюдь не образованной, толпы дипломированных неучей, уже десятки лет приготовляющихся нашими так называемыми высшими учебными заведениями. Хотите маленькую иллюстрацию? Извольте. Не перенося табачного дыма, в особенности в тесном помещении вагонного отделения, я всегда занимаю предназначенное для некурящих. Так было и в этот раз. Но сидевшие вместе со мною два господина, очевидно, из «порядочного общества», не преминули вытащить портсигары и, несмотря на мои просьбы, протесты и обращение к их благовоспитанности, начали окуривать меня до тошноты и головокружения, наглейшим образом отрицая мое право не быть отравляемым, приводя в доказательство своего какое-то совершенно непостижимое различие между «купе» и «отделением». Это наиболее часто встречающийся пример нашего развития и благовоспитанности. А вот и контраст этому дикому неуважению прав и правил. Из Вены в Аббацию мне пришлось ехать в 2-х местном отделении спального вагона, причем мне досталось верхнее место. Спутник мой, оказавшийся потом профессором Гейдельбергского университета г. G-dt, как только что тронулся поезд, без всякого вызова с моей стороны, но побуждаемый, очевидно, видом моей седой головы, свидетельствующей о моем преклонном возрасте, тотчас же любезно предложил мне уступить свое нижнее место, хотя и сам был уже далеко не первой молодости. Увы, мы не избалованы в нашем отечестве таким почтением к старости, и я был глубоко тронут этим вниманием, оказываемым не только достоинству человека, но и его возрасту.

И вот уже несколько дней я снова живу в нормальных условиях благоустроенного Государства, без опасения попасть под пули приглашающих к поднятию рук или быть ими обобранным в пользу нашей оригинальной революции, воюющей с обывательскими карманами, ни под пули наших защитников, гораздо чаще ухлопывающих по ошибке мирных прихожан, чем тех, в кого им следует целиться. Я привыкаю снова безбоязненно ходить по обширным и часто пустынным садам, наполняющим Аббацию, без щемящей мысли налететь на без-

образия, творящиеся, например, с наступлением сумерек на нашем Тверском и иных бульварах, и начинаю чувствовать себя снова членом цивилизованного человеческого общества, а не животным, предоставленным нашим поразительно близоруким Правительством на травлю целой армии охотников до чужого добра, которым одним предоставлены нигде на свете не практикующиеся свободы, от которых стоном стонет вся русская земля с 17 октября прошлого ужасного года[4].

На душе спокойно, но и грустно же! Ах как грустно! Разрушить в два года все устои Государства, создававшиеся сотни лет. И зачем? В чью пользу?.. Но вместо горького, безнадежного ответа на этот фатальный вопрос позвольте лучше пойти на музыку, погреться на приветливом, ласкающем тепле осеннего южного солнца, и любуясь чудною картиною голубого моря и его мирных живописных берегов, помечтать об ином под звуки великолепного Кур-оркестра.

Аббация, 16 сентября 1906 г.

II

Пасмурно, тихо и свежо. Море расстилается совершенно недвижное, как бесконечная белая простыня, постепенно теряясь в туманной дали. Рассеянные по нем рыбачьи лодки представляются как бы реющими в пространстве – до того вода и небо слились в однотонной молочной мгле. 12 градусов тепла. Для русского сентября это превосходный осенний день, но для начала октября нового стиля на Адриатическом побережье это необыкновенно мало, и тем, кому предписано пребывание в теплоте и на солнце, такие дни сущее наказание и непроизводительная затрата труда долгого переезда, времени и денег. Нельзя представить себе ничего бессмысленнее положения человека, отправленного лечиться солнцем и теплом и вынужденного вместо того сидеть в четырех стенах комнаты гостиницы, всегда скверной по сравнению со своим родным жилищем, сколько бы рекомендательных звездочек ни ставил над наименованиями их Бедекер.

К тому же, надо сказать правду, местные эксплуататоры всех разборов, начиная с содержателей гостиниц, вилл, гофов[5], пансионов и кончая рыночными продавцами фруктов и овощей, заставляют очень дорого оплачивать пользование красотами природы и благорастворением воздухов и стараются изо всех сил взять с вас как можно больше, и дать за это как можно меньше. Так, по приезде в Аббацию, выбрав для своего помещения один из первоклассных, звездоносных отелей, я за какую-то совершенно невероятную плату был втиснут в такую крохотную конуру, что, если бы одному из наших освободителей, после убийства им пары-другой городовых была бы предложена в тюрьме комната таких размеров, то он немедленно объявил бы голодовку, и устрашенное начальство поспешило бы, конечно, ради сохранения для отечества драгоценной жизни такого полезного общественного деятеля, удовлетворить его законное требование. К сожалению, тут народ не столь чувствительный, как наше начальство, и сердце его мякнет только пред звоном презренного металла в прямой пропорциональности к предлагаемому количеству такового. Но было бы странно претендовать на такое естественное вожделение аббацийских пиявиц. Кто же нынче не стремится неудержимо опростать карман искреннего своего, и нам ли, русским, этому удивляться, нам, переживающим теперь и не такие воздействия на личность российского обывателя, с 17 октября прошлого, недоброй памяти, года, отданную на свободное ею злоупотребление каждого не совсем ленивого предпринимателя из разряда «сознательных»? А уж на курортах самою судьбою предопределено нарочито сильно выжимать соки из всех вольных и невольных их посетителей, и разница вся в том, где эта операция производится с большею или меньшею приятностью для жертвы.

Раньше, лет 30—40 назад, хлороформировали на водах рулеткой, но с тех пор, как ее изгнали из всех европейских стран, за исключением славного княжества Монако, пациентов стали анестезировать концертами, театрами, устройством садов, прогулок всех родов, словом сказать, всякий *орт* изо-

щрялся на свой образец, стараясь перещеголять соперника и перетянуть к себе золотоносителя. Все эти обычные меры привлечения имеются и в Аббации, хотя и в степени довольно посредственной: но сверх того ее приморское положение в спокойных водах залива представляет возможность к бесчисленным морским прогулкам и в лодках, и на пароходах во все города Адриатического прибрежья, до Триеста и Венеции включительно. Но что здесь особенно поражает и притом весьма приятно, это совершенное отсутствие всюду, все, всегда и везде наводняющих своим разбойничьим кваканием англичан. Сколько я ни путешествовал по Европе, Азии и Африке, я не запомню такого места, посещаемого туристами, в котором преобладающее большинство таковых не составляли бы англичане. Невозможно передать, сколь удручающе действует этот неумолимый гнет фунта стерлинга, подчиняющий своему могущественному воздействию души всех содержателей странноприимных учреждений, которые все неукоснительно приспосабливаются к требованиям этого всесветного победителя и принуждают слоняющийся народ всех остальных национальностей сообразоваться со вкусами и потребностями длиннозубых всепоглощающих акул великой Британии. Ни английского шипенья, ни французского гнусения здесь совершенно не слыхать. Главный фон составляет немецкий, мягкий, южно-немецкий язык с бесконечными bitte schön и danke sehr[6], без которых не обходится ни одна фраза австрийского немца; за ним большое место занимает венгерский, и все это густо пересыпано всевозможными славянскими наречиями, между которыми преобладает хорватский язык, очень понятный русскому человеку, даже слышащему его в первый раз.

Распорядок дня тут сохранился, так сказать, туземный, а не превратился в шаблонно-международный, водворившийся во всех других местах скопления разноплеменных приезжих. Встают все очень рано; с 10 часов уже вся приезжая колония может наслаждаться прекрасным оркестром музыки, прогуливаясь в великолепных садах, содержимых с неподражаемым искусством и изящностью; с 12 часов начинаются

обеды, а после 2-х уже во всей Аббации такового получить невозможно; потом прогулки, экскурсии пешком, в экипажах, в лодках и на пароходах и музыка, музыка и музыка. Тут и струнный оркестр, и цимбалисты, и какие-то, в quasi – итальянских костюмах, неаполитанские певцы, и кинематограф, и Liedertafel[7] – целая уйма звуков, часто даже перебивающих друг друга. С 7 часов начинаются ужины, кончающиеся около 9, и затем Аббация затихнет. День кончен, рестораны пустеют, и публика скрывается в недрах своих временных наемных помещений. А публика здесь вся солидная, большею частию семейная, масса свеженьких, молоденьких личик под эгидой папаш и мамаш. Ни тру-ля-лей, ни шематонов не видать; разгула – никакого. За неделю моего пребывания я не видел ни одной откупоренной бутылки шампанского. Все это вместе взятое кладет какой-то особенный, патриархально-спокойный отпечаток на здешнюю жизнь, совершенно отсутствующий в других модных местах, преизобилующих «этими» дамами и вытекающими от сего последствиями.

Из всех 24 часов, составляющих сутки, самый неприятный – час получения газет из России, когда погружаешься в бездонную пропасть убийств, грабежей и всяческих насилий, не прекращающихся, несмотря ни на какие меры, принимаемые Правительством г. Столыпина. Впрочем, не вернее ли будет сказать, не принимаемые, а объявляемые, но в исполнение приводящиеся или с недостаточною энергиею и последовательностию или и вовсе остающиеся только объявленными на бумаге. Вот почему ни заверение Правительства после Аптекарской катастрофы в своем непоколебимом либерализме, который невозможно выбить из него никакими бомбами, никакими гекатомбами невинных жертв, ни объявления о военно-полевых судах, при которых за покушение на убийство заключение на 3 месяца в тюрьму и ссылка на родину (?) признается совершенно достаточным наказанием (Баку, покушение на г. Эклунда), не производят ни малейшего эффекта на расторопных опустошителей рядов агентов Правительства и карманов обывателей. Читая все эти сообщения об ограблени-

ях, убийствах, покушениях, нельзя не поразиться тою удивительною легкостью, с которою все это проделывается и сходит гг. Равашолям[8] безнаказанно, все равно: проделали ли они это в отсутствии или в присутствии полицейской, или воинской охраны. В последнем случае результаты по большей части еще плачевнее. Так, если в первом случае сообщение оканчивается обыкновенным заключением, что убийцы или грабители скрылись или остались необнаруженными, то во втором – к этому зачастую прибавляется, что городовые или патруль вступили в перестрелку, причем всегда оказывается, что убиты или ранены несколько защитников общественного порядка, из грабителей же обыкновенно пострадавших не оказывается. Но очень часто, кроме жертв служебного долга, под пули попадают и совершенно посторонние лица. Прочтите, например, хоть такую удивительную телеграмму из Баку от 13 сентября. «В ресторане *Севастополь* предполагалось собрание анархистов. Полиция явилась с патрулем. Посетителям было приказано не двигаться с места, но анархисты открыли стрельбу из маузеров. Патруль отвечал. Арестованы 58 (анархистов), из которых *большинство освобождено.* При перестрелке убит случайно один человек, и несколько ранены».

Заметьте: убиты и ранены не анархисты, а человек, и ранены тоже человеки. И ведь постоянно так. Страдают не злоумышленники, а несчастные человеки, которых горькая судьба свела с патрулем, всегда промахивающимся по анархистам, но очень метко стреляющим в мирного обывателя. Очень любопытно было бы свести статистику пострадавших при таких перестрелках. Можно почти с уверенностью сказать, что большинство будет не на стороне «освободителей».

А Правительство тем временем тщится доказать свое неизменное намерение разрушить Россию по либеральному способу. К числу целесообразнейших к тому способов принадлежит, конечно, обезземеливание крестьян. И вот, от 16 сентября мы утешены известием, что совещание под председательством г. товарища министра финансов, Покровского[9], вырабатывает правила выдачи Крестьянским Банком ссуд под надельные

земли. Сколько раз с высоты престола объявлялась неприкосновенность и неотчуждаемость крестьянской надельной земли. Как же согласить одновременное существование Законов неотчуждаемости и предоставление права залога того же предмета? Ведь предмет, заложенный уже этим самым актом, становится отчужденным залогодержателю впредь до погашения ссуды и отчуждается окончательно при неисправности залогодателя. Как же будет поступать Крестьянский Банк с надельными землями неисправных должников? Если они останутся под защитой Закона о неотчуждаемости, то банковские ссуды окажутся ничем не обеспеченными, если же Банк получит право пускать на аукционную продажу надельные земли, то это неизбежно поведет к обезземеливанию крестьянства, а между тем, Правительство, с другой стороны, для удовлетворения крестьян землею не останавливается даже перед насильственным разрушением частного землевладения, тоже для вящего доказательства своего ужасно-прогрессивного направления.

Да, час чтения русских газет, час осведомления о всех ужасах, с одной стороны, и о невообразимых нелепостях, с другой, очень тяжелый, грустный час, чувствуемый в особенности остро от контраста с нормальной жизнью благоустроенного Государства. Бросим газету. Погода отличная, пойдемте лучше греться на умеренно теплом здешнем осеннем солнце, любоваться красивыми берегами и спокойною ширью голубого моря.

Аббация, 22 сентября 1906 года.

III

В великолепном саду, на самом берегу залива Гварнеро, играет прекрасный оркестр. Вся площадка роскошного цветника густо покрыта движущеюся нарядною толпой, наслаждающеюся и стройными звуками старинной увертюры к опере «Цампа или морской разбойник», и солнечным теплом, и редкой красоты видом и, наконец, само собой, своими нарядами, своим здоровьем, довольством и уверенностью в

ненарушимости своего спокойствия. Несмотря на октябрь (н. ст.), дамы преимущественно в легких белых платьях, франты непрекрасного пола одеты тоже в этот цвет от башмаков и до шляпы, море усеяно белыми лодками, белыми парусами, белыми пароходами, горы – белыми домами, вершины их — белыми камнями, словом, это какое-то наводнение белого цвета под безоблачным небом счастливого уголка Истрийского полуострова. Но что это такое? Среди типичных австрийских военных форм я вижу что-то очень знакомое, но сразу даже не могу представить себе, что не ошибаюсь. Мелькают фуражки с синими околышами, совсем не похожие на венгерские, а настоящие наши, студенческие. Фуражки приближаются, носители их одеты в партикулярное платье, но на одном виднеется тужурка со светлыми пуговицами. Вот тужурка подходит к даме, сидящей на одной скамье со мною, и я уже ясно различаю двуглавого орла на ее пуговицах. Сомнения нет, это студенты наших университетов. Но как они попали сюда? Почему они не в стенах своих научных храмов, что привело их так далеко от них в то время, когда после долгого и горестного перерыва, снова открылась возможность заниматься тем, к чему призваны носители синих околышей и орлов на тужурках? Судя по цветущему виду их лиц и мясистому телосложению, пребывание в курорте не объясняется вопросом о здоровье. Зачем же они здесь? И зачем они выставляют напоказ свое бездельничество, нося здесь, на чужбине, ту форму, которая обязывает их к пребыванию в известном месте и к определенным занятиям? Материальное стеснение? Нет, эти господа одеты франтовски, и наверно у них хватило бы денег на покупку партикулярной шляпы, а тужурка новенькая, с иголочки, видимо, рисуется, выставляя напоказ и свои светлые пуговицы, и синие канты по всем швам, где даже не положено. Вы не поверите, как тяжело было видеть в учебное время этих бездельно шляющихся питомцев высшей русской школы. Правда, лица их выдавали их несомненное иудейское происхождение, но все равно: они выставляли на позор русский студенческий мундир, они выносили на всеобщее пре-

зрение делового европейского населения весь наш домашний учебный мусор, столь обильно накопившийся со времен профессорской «взволнованности» и превращения аудиторий в распивочное собеседование с фабричными «товарищами» и товарками по научному баклушничеству.

Хотел было я вступить с ними в беседу, в слабой надежде выслушать утешительное оправдание их пребыванию на чужбине, но признаться не решился. Оробел под свежим впечатлением только что прочитанного подвига трех питомцев наших университетов в Сочи и при воспоминании о том, как часто эти синие околыши и тужурки участвовали в драмах и трагедиях, начинавшихся приказами «руки вверх» и кончавшихся грабежами и убийствами. Боже, Боже! До чего мы дожили, до чего довели нашу несчастную страну! Все фактические сведения из отечества почти вполне исчерпываются известиями о всякого рода невероятных насилиях и о деятельности Правительства, озабоченного всем ненужным для России, но не принимающего никаких существенных, органических мер к искоренению главного зла, при наличности которого невозможны никакие реформы, никакие улучшения, невозможна спокойная жизнь в стране.

На днях в Neues Pester Journal[10] появилась очень интересная статья о событиях в России. Если отбросить в ней те заблуждения, которым невольно подвергается всякий иностранец, не знающий русского народа и смысла русского Государства, в чем нет ничего удивительного, когда этим самым грешат все наши петербургские правители, то нельзя не отдать справедливости здравым суждениям, высказываемым ее автором. Главную причину того хаоса, в котором находится страна, он видит в постоянном колебании Власти справа налево и обратно, и считает, что дело России погибнет, если это будет продолжаться. «Но, если Власть очнется, наконец, от своей глухой дремоты и взглянет пробудившимися глазами на все ужасы, совершающиеся в России, и с ясным сознанием возьмет в свои твердые и деятельные руки судьбу Государства, то это поведет к спасению и династии, и народа. Сознание, что шапка

Мономаха накрывает голову человека, мужественно мыслящего и действующего, могло бы совершить чудеса. Время для колебаний и двусмысленных действий миновало, надо выбрать тот или другой «курс» (N. P. J. 5 окт.).

Нельзя не признать совершенно правильным это умозаключение, основанное на здравом уме и логике. Революционные проявления имели место везде и всегда только при слабости или бездействии Власти. При сильных и решительных правителях никаких революций не бывало.

Но то, что происходит у нас, можно ли назвать революцией? Нет, это нечто во много раз худшее. Это позорнейший и бессмысленнейший разгром Государства, производимый его правителями, непонимающими его нужд и несознающими потребностей данной минуты, чем искусно пользуются все бесчисленные враги России, эксплуатируя в своих видах все неудачные правительственные мероприятия, перечислять которые было бы слишком долго, да и бесполезно: они у всех на виду и в памяти. Да и теперь не проходит дня без того, чтобы нас не повергло в ужас и недоумение все творящееся в Петербургских канцеляриях.

Аббация, 26 сентября 1906 г.

IV

4 часа утра; ночь темная-претемная, несмотря на резко выделившийся на черном небе узкий серп убывающей луны. Но она не в состоянии преодолеть необъятной массы мрака, окутавшего и берега, и горы, и море, на котором тускло лежит ее слабый, как бы изнемогающий отблеск, делающий еще мрачнее часть, захваченную победоносным мраком. На улицах крепко спящей Аббации столь же неуспешно борются с ним слабенькие электрические лампочки, светящиеся, как весенние светляки, но как и они ничего не освещающие. Тихо и светло. Лишь гулко раздающийся стук копыт пары сильных лошадей, увозящих меня на станцию Маттулие, тотчас же как бы тающий в неподвижном воздухе, нарушает такую же, как и

мрак, необъятную тишину ночи. После 3-недельного пребывания я покидаю Аббацию, а потому теперь самое время свести с ней счеты, подвести итоги и иметь суждение о результате. Право, она стоит вашего внимания, как своего рода знаменитая ривьера, предназначенная для пользования жителей Восточной Европы, а в том числе, конечно, и для нас, грешных. Правда, что у нас есть своя собственная ривьера, южный берег Крыма, не менее, если не более, одаренная природой, и стремление к ней объявилось уже более полустолетия, но местные деятели и заправители во все это продолжительное время, несмотря на то, что Крым ежегодно переполняется приезжими больными и путешественниками, не сделали для их удобств и удовольствия и десятой доли того, что сделали наши соседи в Аббации всего в какие-нибудь 24 года. Ожидать впредь изменения к лучшему едва ли возможно. Отличительная черта всех наших деятелей, даже самых добросовестных, заключается в неудержимом стремлении делать не то, что им поручено, а то, о чем их никто не просит. И ведь это всегда и повсеместно, на всех ступенях нашей государственной, общественной и даже частной деятельности. Всеми нашими несчастиями в прошедшем, ужасами в настоящем и еще горшими в будущем мы обязаны именно этому роковому свойству нашего ума. Нужны ли доказательства? Да ведь их такая пропасть, что шагу нельзя ступить, чтобы не натолкнуться. Вот у меня в руках газета, и я читаю: Московская Городская Дума выбрала комиссию для решения вопроса о чествовании усопшего Герценштейна[11]. Всем известно или, вернее, никому не известно, чем был этот господин для России вообще, а для Москвы в особенности? Правда, он сказал в ныне упраздненной Государственной Думе речь, в которой весьма игриво выразился о событиях, которые могли бы вызвать улыбку разве только у крокодила; он поощрял разных Аникиных[12], Аладьиных[13], Седельниковых[14] и других достойнейших лиц этой категории ко всем политическим безобразиям, коими опозорился наш первый, но, к сожалению, не последний, парламент; он ездил с прочими героями в Выборг и подписал, а может быть, даже и сочинял,

тамошний бунтовский призыв, но если даже признать, что этою своею деятельностью он заслужил чествование своей памяти от благодарных Россиян, то при чем же тут Москва как город? Мало ли было между знаменитыми русскими государственными деятелями москвичей, однако, никто из них не удостоился внимания московских эдилов. Отчего? Да все оттого, что они занимаются не тем делом, для которого избраны, – благоустройством города, а тем, которого им никто не поручал, – расстройством существующего государственного строя и заменой его таким, который нравится гг. Долгоруким[15], Гейденам[16], Пржевальским[17], Щепкиным[18] и им подобным и очень полезен для Герценштейнов, Винаверов[19], Якубсонов[20] и их единоплеменников. Посему и монумент Герценштейну следовало бы сооружать не в Москве, а в Бердичеве[21] или в залах Таврического дворца[22]. А наше Правительство? Разве не делало и не делает оно все, что не нужно, разве не этим довело оно Россию до безвыходного положения? Возьмем опять хоть настоящий момент. В том же номере, который уведомил нас о непотребной деятельности Московской Думы, сообщено известие о съезде в Гельсингфорсе[23] группы лиц, которым таковой съезд в Петербурге был воспрещен, т. е. был признан преступным и вредным для Государства. Ну разве это не поразительно доказывает, что наши власти делают не то, что нужно? Ибо, если съезд так называаемых кадет вреден в Петербурге, то почему он мог состояться в Гельсингфорсе? Разве Финляндия перестала быть частью русского Государства, и г. Герард[24] уже окончательно освободил ее от русского обладания? Мы что-то не слыхали об этом, да и г. Герард все еще только высокопревосходительный, а не сиятельный. Возможна ли была бы такая несправедливость? Ведь г. Витте за отчуждение только пол-Сахалина воссиял графским титулом, а тут освобождение целой Чухляндии из-под варварского ига Российского – и ничего. Нет, в отделение Финляндии в самостоятельное Государство, с независимым от русской Власти правителем в лице г. Герарда, мы не верим; не можем верить, чтобы такая заслуга его осталась без всякого поощрения. Следовательно, если за-

прещенное в Петербурге могло совершиться в Гельсингфорсе, то значит и г. Столыпин, и г. Герард делали не то, что следует. Да что, — примерами, доказывающими это всеобщее свойство русских деятелей, можно переполнить томы, составить из них обширную библиотеку. Так и ялтинские градоправители склонны к разработке и разрешению каких угодно государственных задач и вопросов вместо попечения о вверенных им городских интересах, почему приезжающие туда до сих пор лишены тех удобств и удовольствий, которые привлекают вольных и невольных посетителей курортов, делая эти последние и полезными, и приятными. Надеяться на изменение этих коренных свойств наших вожаков нет, к сожалению, никаких оснований, и нуждающимся в курортах долго еще придется искать их за чертой нашей оседлости, если они желают и имеют средства пользоваться благоустройством, удовлетворяющим потребности цивилизованного человека. Аббация же – ближайшая к нам климатическая станция и поэтому наиболее интересная.

25 лет назад на том месте, где в настоящее время красуются сотни гостиниц, вилл, гофов, утопающих в роскошных садах, представляющих самое оригинальное смешение северной флоры с чисто экваториальною растительностью, был совершенно пустынный берег с единственным зданием – виллой Angiolina, на самом берегу прелестного Гуарнерского залива. Администрация южной железной дороги, идущей из Вены в Триест, Полу, Фиуме и т. д., изыскивая способы к увеличению ее доходности, как-то и наткнулась на мысль приобрести этот пустынный берег и устроить тут курорт ввиду благоприятных и приятных климатических и эстетических условий местности. Мысль оказалась удачною. Народившийся курорт стали посещать сначала коронованные особы и их родственники. Особенным расположением это местечко пользовалось со стороны супруги умершего таинственно в Майерлинге наследного принца Рудольфа[25], Румынского короля Карла[26] и его супруги-писательницы. За этими тузами потянулись, конечно, все мошки, администрация же не жалела ни трудов, ни средств,

чтобы сделать приезжим пребывание приятным и полезным, и посетитель повалил валом. В настоящее время число приезжающих и живущих здесь исчисляется многими тысячами. Открыто несколько первоклассных лечебниц водой, электричеством и солнцем, дома растут и строятся вновь беспрерывно по всей горе, заслоняющей Аббацию от северных и западных ветров; проложены на десятки верст прекрасные дорожки для дальних прогулок; пресная вода проведена в изобилии; по берегу моря не менее как на 8—10 верст разработана дорожка – Strand и Reichstrasse, представляющая тоже великолепную прогулку с постоянно меняющимися прекрасными видами на берег и море. Всюду расставлены в изобилии диваны для отдыха, одним словом, приложены все старания для привлечения публики. Правда, что жизнь здесь довольно дорога, и мы, русские, избалованные на родине прекрасным столом, можем находить здешний не совсем удовлетворяющим нашим гастрономическим потребностям, однако цены питания не превосходят существующие в подобных учреждениях других местностей, посещаемых путешественниками. Так, например, наивысшая цена обеда в первоклассной гостинице – 5 ½ крон, т. е. 2 р. 20 к., но порядочный обед можно иметь и за 3 кр. Или 1 р. 20 коп. При этом надо иметь в виду, что такие цены существуют при страшной дороговизне мяса и хлеба, которая увеличилась еще в значительной мере вследствие закрытия Австрийской границы для продуктов Сербии. Вспомним, что в наших гостиницах Москвы или Петербурга такие же, или еще высшие цены берут при втрое дешевейших продуктах.

Климатические качества Аббации едва ли уступят каким-либо другим местностям Европы подобного же назначения. Расположенная в глубине залива, защищенного со стороны моря гористыми островками, а также довольно значительным амфитеатром гор, достигающих до 1500 метров высоты, со стороны материка она очень редко страдает от ветров. Лишь изредка, зимой, дует с гор так называемая бора, да летом сирокко. Температура зимой в среднем не ниже плюс 10 градусов по Цельсию. Снега никогда не бывает. Но и при этом все дома

теперь снабжены двойными рамами и калориферами, так что стужи опасаться нечего. Мостовые в городке, а также все загородные дороги для прогулки в экипажах прекрасно шоссированы, везде указания направлений и местностей, всевозможные справочные учреждения, электрическое освещение улиц и домов, водопроводы и канализация, прекрасные морские купальни и т. д.; все предусмотрено и устроено для удовлетворения всех разносторонних потребностей комфорта. Итак, все стремящиеся к теплу и солнцу, садитесь и поезжайте. Останетесь довольны, уверяю вас. Чрез 66 часов пути, из Москвы, вы достигнете этого подражания земному раю. А я уже приехал на станцию Маттулие, и покидаю его в поисках еще более высокой температуры.

Маттулие, 16 октября 1906 г.

V

Может ли быть что-нибудь более несообразное названия Неаполем, «новым городом», человеческого поселения, насчитывающего около 3-х тысячелетий своего существования? А между тем мало найдется городов, к которым бы так подходило, которыми бы так оправдывалось это название. Да, кто видел Неаполь лет 30 назад, тому он представляется теперь воистину новым городом. Напряженная деятельность здешнего человеческого муравейника превратила этот живописнейший, но и грязнейший уголок земного шара в один из благоустроенных городов, обладающий во множестве всеми приспособлениями, потребными для удобства человеческой жизни. Правда, поэзия древности и яркость местного колорита сильно пострадали и беспощадно вытесняются правильными, удобными, но и шаблонными, а зачастую и пошлыми формами современной утилитарной фантазии, и нам, старикам, восхищавшимися древними униками, которыми изобиловал старый Неаполь, грустно видеть их исчезновение; нам коробит глаз при виде, например, величественной серой громады Castel d'Uovo[27], облепленной со всех сторон новыми постройками

самого будничного, но удобного для человека, фасона, или опоэтизированных таинственною легендою развалин так называемого дворца королевы Анны, окруженных ресторанами среднего разбора; нам жаль исчезновения прежней живописной, но и весьма неопрятной, всесветно известной набережной Santa Lucia[28] с ее оригинальною жизнью, этой резиденции одетых в живописные лохмотья lazzaroni[29] (где они?), наслаждающихся под палящими лучами яркого южного солнца dolce far niente[30] и готовых за 2 сольди на какую угодно послугу. Но ведь зато эта прошлая грязненькая, вонючая, хотя и Santa, Lucia превратилась в великолепную набережную, расширенную отвоеванным у залива пространством, и там, где четверть столетия назад бушевали волны и ныряли мальчишки за бросаемыми им в море мелкими монетами, стоит ряд великолепных домов-отелей со всеми приспособлениями для удовлетворения человеческих прихотей. Исчезли на piazza Medina столь поражавшие глаз путешественника старые, семиэтажные, но шириною в одно окно, дома, как будто вперегонки вытягивавшие к безоблачному голубому небу свои узкие, разнообразно окрашенные туловища, и заменились постройками общеевропейской архитектуры; прорезались новые прекрасные улицы, весь город покрыт густою сетью электрических трамваев, доставляющих вас за какие-нибудь 30 чентезимов (11 коп.) и на Capo di Monte, S.Martino, и на знаменитое Позилипо, словом сказать, всюду, за грош, в такие места, которые прежде требовали затраты и денег, и времени. Вследствие развития удобства путей сообщения прежде трудно доступные деревушки Вомеро, Антиньяно, Марано и др., расположенные на вершинах окружающих Неаполь возвышенностей, превратились в прекрасно распланированные новые кварталы со всеми удобствами городской жизни. Итак, если, с одной стороны, Неаполь много потерял в глазах любителей старины и оригинальности, то он сделал быстрые и громадные успехи в развитии городского благоустройства. Сейчас видно, что здешний муниципалитет правильно понимает и добросовестно исполняет свою обязанность, а не занимается как наш, московский,

заботой о прокормлении не желающих работать и рассуждениями о том, какую бы сумму ухлопать на увековечение памяти человека, одно имя которого составляет позор для России вообще, а для Москвы в особенности. Трудно представить себе, какое тяжелое чувство грусти, стыда и обиды давит ум и сердце русского человека при виде поразительного контраста между здешней живой, деятельной, производительной, практической жизнью, где всякий трудится по мере сил и возможности в области, отведенной ему судьбою, и нашей совершенно фантастической безалаберностью, в которой безвыходно вертятся наши, с позволения сказать, деятели, делающие как раз то, что не нужно, к чему они не призваны и чего совершенно не понимают, вся забота которых сводится к тому, как бы не сделать чего-нибудь не либерального. И вот, в погоне за либеральным или, вернее, за тем, что внушено нашим жалким деятелям и рабски воспринято их тощими мозгами как наилиберальнейшее, они готовы скорее погубить родину, чем быть заподозренными в том, что для их же обморочения отнесено в разряд консервативного. Припомните только, как это ярко проявилось в совершенно нелепой деятельности распущенной Государственной Думы. Я не допускаю, например, даже мысли, чтобы человек с мало-мальски развитым умом и не совсем зверскими наклонностями мог сочувственно относиться к убийствам, грабежам и насилиям, какую бы конечную цель они ни имели в виду, и убежден, что в глубине души все эти Муромцевы, Долгорукие, Набоковы, Кареевы осознавали всю отвратительность поступков наших освободителей, однако никто из них не осмелился протестовать против проявлений жестокого варварства их уличных единомышленников, когда из среды такого сорта «достойнейших», как гг. Седельниковы, на предъявленный Думе г. Столыпиным счет убитых государевых слуг, раздалось восклицание «мало»! А наша Московская Дума, не дававшая казацкому полку, пришедшему защищать город, помещения и продержавшая его в ненастную осень под открытым небом? И нашлись лишь несколько смельчаков – гласных, протестовавших против этого

безобразия. А власти, равнодушно смотрящие, как городские эдилы растрачивают сотни тысяч общественного достояния зря, беззаконно, на разные затеи, благоустройству города совершенно чуждые, и не подумали энергически потребовать от Думы удовлетворения насущной надобности несчастных Донцов. И все из нелепого, но въевшегося в плоть и кровь нашей «интеллигенции», всякого разбора страха поступить нелиберально. В этом-то и заключается наша главная беда, ведущая нас к погибели. Всякое мероприятие оценивается у нас не со стороны той пользы, которую от него можно ожидать, не со стороны его практичности, удобоприменимости, соответствия с духом и характером населения, нет: прежде всего к нему предъявляется требование, чтобы оно соответствовало принятым понятиям о либеральном. И ведь этим либеральным идолопоклонством заражены, к нашему великому несчастию, все располагающие нашею горькою участью «сферы», начиная с высших, государственных и кончая низшими, общественными, до писарей уездных управ включительно, а в последнее время к ним примкнули в значительной своей части, увы! и духовные. Еще недавно, после Аптекарского жертвоприношения свирепому Молоху специфически российского либерализма, какое было первое слово правящей нами власти? Полупогибшая от сыплющихся на нее ударов, она поспешила удостоверить своих беспощадных врагов, что ничто не заставит ее изменить тому самому либеральному направлению, которое только что пожрало столько невинных жертв и полезных слуг Государства. Правда, с тех пор введены полевые суды, и кое-кто из освободителей получил должное возмездие, но, к сожалению, на каждого осужденного преступника приходятся десятки жертв правительственной бессистемности и непоследовательности. И это неизбежно будет продолжаться бесконечно до тех пор, пока за одно и то же преступление в одном месте будут казнить, а в другом сажать на 2 месяца в тюрьму или и вовсе оправдывать, как это случилось недавно в Москве, где какой-то господин, отставной любовник, послал своей бывшей возлюбленной в отместку взрывчатый снаряд,

которым при вскрытии и были изуродованы две женщины, а весьма милостивые, но столь же несправедливые, гг. присяжные заседатели признали такой поступок не подлежащим обвинению. Немудрено поэтому, что введение полевых судов не дало желаемых результатов.

Однако в такую погоду просто грех сидеть в комнате и писать разные неприятности. Несмотря на середину октября (нашего стиля), яркое солнце греет как у нас летом; чуть зыблющиеся воды красавца залива пестрят массою рыбачьих лодок и грузными корпусами крупных судов всех калибров и наименований; несмотря на ранний час, неаполитанская жизнь бьет ключом. На эспланаде Castel d'Uovo без умолку бьют барабаны, и переливаются трели военных труб; via Partenope[31], окаймляющая берег залива, переполнена шумом, свойственным исключительно Неаполю. Здесь все кричит, как бы стараясь перекричать один другого: кричит неистово старик крестьянин, привезший в город на миниатюрном ослике целую гору разнообразных овощей, разевая во всю его огромную ширину свой беззубый рот, как будто кто собирается его резать, кричит торговец frutti di mare[32] около прилавка со своим курьезным товаром, как будто покупатель находится от него версты за три, кричат газетчики так, что в ушах трещит, и пропадает охота к чтению новостей, столь громко возвещенных, кричат мирно беседующие знакомые так, что опасаешься ежеминутно перехода к рукопашному объяснению, кричат ослы, протестуя против зверства человека, обременяющего их непосильною ношею, кричат мальчишки, которыми усеяны и Santa Lucia и Villa Nazionale[33], так себе, уже без всякой причины, ради упражнения Божьего дара – широкой глотки местного калибра, словом, кричит все потому, что живет и радуется жизни, потому что перед глазами простор голубого моря, несравненная красота берегов, сознаваемая всеми инстинктивно, а над головою безоблачное небо и живительно согревающее солнце. Избыток жизни, радость ее рвется наружу и с шумом вылетает из каждого рта, пользующегося такою Божьею благодатью, таким необыкновенным богатством даров природы,

которыми роскошно наделен этот прелестнейший уголок земного шара. Пойдем и мы, печальные жители сурового севера, хоть потереться о чужую радость, когда нет своей, окунемся хоть в чужую жизнь, если своя губится непримиримою враждою одних и печальным неразумием других.

Неаполь, 12/25 окт. 1906 г.

VI

Вчерашний день мы имели случай порадоваться тому необыкновенному вниманию и почету, которым Неаполь почтил одного из наших соотечественников, слава которого действительно очень громка, но заслуживает ли уважения, это вопрос спорный.

Вчера Неаполь осчастливил своим приездом Максим Горький[34] с подругой и секретарем. Все местные газеты на самых видных местах и самым крупным шрифтом напечатали отчеты своих репортеров, поспешивших интервьюировать эту знаменитость, едва успела нога его ступить на благословенную почву Италии; а сегодня этот герой нашей революции уже председательствовал на митинге, нарочито для него собранном в здании рабочей биржи pro revoluzione in Russia[35], как было напечатано в огромных красных афишах, покрывавших густо все стены древнего Партенона. Правда, что на этом митинге г. председатель играл роль лица без речей, так как, к несчастию для его итальянских поклонников, до сих пор может сквернословить только по-русски, но это не помешало энтузиазму пылких южан вылиться в самой восторженной форме. Восторженным приемом был почтен не только сам босяцкий бард, но и его спутница, с которой этот падишах революции, в подражание коронованным особам, является перед своими подданными. Как всегда бывает в этих случаях, много напыщенного вздора было наговорено под председательством поневоле молчаливого illustrissimo revoluzionario[36], как титулуют газеты г. Горького, и решено окончательно и бесповоротно, что революция в России восторжествует, и воцарится пролетариат. Только

вот не успели решить вопроса о том, каким домом заменить дом Романовых. Итальянцы, видимо, стояли за дом г. Горького, которому и сейчас раболепно поклоняются, но в России гг. кадеты, как видно из газетных сообщений, сильно агитируют за дом князей Долгоруковых[37]. Ну, а русский народ стоит ли спрашивать? Ему что дадут, то и ладно. Ведь уже 200 лет его выкраивают на всевозможные фасоны, какие только придут в голову досужим петербургским сатрапам. Раньше этим делом занимались лишь владыки отдельных учреждений, ну а ныне наше «интеллигентное» общество, коего достойными представителями являются гг. Горькие, Герценштейны, Долгорукие и проч., само захотело заняться выкраиванием лакомых кусков из русского народа, на собственную потребу, и потому старается изо всех сил вырвать ножницы из рук «бюрократически-полицейского режима», уверяя, что только в этом и заключается спасение России от гибели, и что по самоновейшему либеральному кодексу резать народ надлежит не «приказному строю», а народным представителям, каковыми только и могут быть они, поборники всех свобод и торжества пролетариата. И приказной строй, боясь пуще черта быть заподозренным в консерватизме, старается всячески удовлетворить «потребностям народа», но только ножницы-то отдать новым стригунам не хочется, а в них-то вся и суть. Поэтому-то конфликт между зовомой «бюрократией» и так называемою «революцией» во всех ее фракциях будет продолжаться бесконечно, если первая будет только сулить ножницы или даст подержаться только за их кончик, а резать и кроить будет сама. Но всякой революции наступит конец, если власть твердо, раз навсегда, скажет: не дам! Ну, а если отдаст… Тогда: да здравствует его величество пролетариат и его владыка Максим 1-й!

Но вот вопрос, что такое пролетариат? Каюсь в своем невежестве, я не знаю и не могу никак понять, что разумеется под этим иностранным словом, не переводимым на русский язык. Какими качествами и особенностями должен отличаться человек, чтобы иметь право быть причисленным к этому, возбуждающему столь горячие симпатии «передовых» кругов, со-

рту людей? Познается ли пролетарий по роду занятий, или по имущественному цензу, или по образу мыслей, или по степени образования, или по иным признакам? Судя по тому, как за него распинается и хлопочет значительная часть современной либеральной прессы и самых что ни на есть «передовых» общественных деятелей, этот пролетариат должен составлять в России такую значительную массу населения, от благосостояния которой зависит вся настоящая и будущая участь Государства. Добиваются «торжества пролетариата». Если это предмет, достойный самого просвещенного и горячего сочувствия, которому готовы принести в жертву все остальное, то следовало бы точнее определить объект заботы и попечения, для привлечения большего числа сотрудников к достижению искомой цели – торжества пролетариата. Попробуем догадаться сами, чьего торжества следует нам добиваться. Нынче все стремящиеся вырвать вышеупомянутые закройные ножницы на собственную потребу добиваются сего именем народа, уверяя urbi et orbi[38], что народ этого требует. Уже не народ ли подразумевается под этим хитрым названием – пролетариат? Ну конечно, для торжества народа можно постараться, его ведь в России уйма. Однако в № 1 журнала «Наше дело», органе гг. социал-демократов, которому, конечно, должно быть доподлинно известно, кто такие пролетариаты, эти гг. не отождествляются с народом, что явствует хотя из следующей выписки: «Было бы нелепостью и безумием для пролетариата пытаться… *вместе с крестьянством* вступить в борьбу с Правительством»… Крестьянство же, составляющее более 80% населения России, и есть народ, ее населяющий, но знатоки пролетариата из «Нашего дела», как видно из приведенной выписки, не считают крестьянина пролетариатом, а следовательно, его надо искать в остальной уже сравнительно небольшой части населения. Высшие классы едва ли подойдут тоже под определение «пролетариат» потому, что именно для торжества над ними хлопочут его поборники. Фабричные и заводские работники? Но ведь это в громадном, подавляющем большинстве – крестьяне, отделенные от пролетариата. Чиновники? Но ведь это слуги

бюрократизма, который мы и стараемся сокрушить. Писатели? Издатели? Но, позвольте, неужели Л. Н. Толстой или А. С. Суворин[39] – пролетарии? Служащие по вольному найму, конторщики, приказчики, что ли? Но и между ними есть много лиц, совершенно не подходящих под это определение ни по сословию, ни по состоянию; во всяком случае, ясно, что, если в России и существуют пролетарии, то в таком незначительном и неопределенном количестве, что подчинять им все остальное население и все интересы Государства не только не разумно, но и прямо нелепо. Да, наконец, кто же сами эти люди, эти борцы за пролетариатов? Причисляет ли себя к ним, например, г. Максим Горький? Но когда же он был таковым? Теперь, когда он путешествует в 1-м классе с подругой, секретарем и служанкой, или когда он вил баранки в подвальном этаже грязной булочной? Вероятно, тогда, когда служил хлебопеком, ибо теперь он, несомненно, капиталист, если может путешествовать как владетельная особа, с целой свитой для удовлетворения своих разнообразных прихотей. Выходит поразительная нелепость. Горький, рантьер, борется за торжество над собою пролетария. И ведь, все эти рыцари и поборники за пролетариат (если разуметь под этим наименованием просто неимущих) как гг. Горькие, Жоресы и другие, обладая весьма кругленькими состояниями, распинаются за него словесно, готовы принести ему в жертву весь мир, кроме собственного кармана. А казалось бы еще проще: считаешь скопление богатства в одних руках несправедливостью, освободись от нее прежде всего сам. А то на словах-то распинаемся за пролетария, а сами тратим на свою особу в один день столько, сколько бедняку с семьей хватило бы на месяц – и более.

Но все это неаполитанское шутовство со знаменитым революционером не стоило бы и упоминания, – пускай бы тешились этим отбросом земли русской, если бы это чествование идеализатора пьянства, разврата и безделья не действовало развращающим образом на массу русской молодежи, здесь теперь скопившейся вследствие невозможности учиться в своем отечестве и закрытия для нее дверей Германских

университетов. Молодости свойственно увлечение всем, что облекается в формы заботы о преуспеянии человечества. Она доверчива, пряма и искренна, а потому неспособна с холодным и спокойным анализом отнестись к проповедоваемому ей и вникнуть в истинные личные, чудовищно-эгоистические цели гг. проповедников – развратителей, которые призывают ее к борьбе и самопожертвованиям и сопряженным с ними страданиям и бедствиям, а сами спокойно благодушествуют во всей роскоши, во всем утонченнейшем комфорте, какой только способен удовлетворить самые мелочные прихоти избалованного тела. И наша несчастная молодежь, конечно, массою присутствовала при воздаянии почестей этому сеятелю зла и разврата и, без всякого сомнения, подпадет под его погибельное влияние, ибо он намерен осчастливить Неаполь долговременным в нем пребыванием.

О лицемеры, губители юношеских чистых душ, да падет на ваши преступные головы все зло, которым вы отравили наше несчастное молодое поколение и нанесли непоправимый вред и жесточайшие бедствия своему отечеству, ради удовлетворения вашего мелкого самолюбия и непомерной алчности власти и популярности! Пусть же не над головами погубленных вами, а над вашими собственными разразится уготовляемая вами буря, подобная той, которая второй день свирепствует над Неаполем! Непрерывно льет такой ливень, что зачастую застилает от глаз Castel d'Uovo, лежащий перед моим окном. Залив, раздраженный назойливым ветром, дующим вовсю, рассвирепел и яростно мчит пенистые волны, обрушивающиеся в бессильном бешенстве на каменные громады молов и заграждений. Молнии режут во всех направлениях густые сплошные тучи, и непрерывные раскаты грома сменяют городской шум днем и звуки уличной музыки и пения по вечерам. И невольно напрашивается сравнение: как переходящий ветер поднял жестокую бурю в море, от которой погибнет много кораблей, так и у нас легкомысленное, ветреное общество подняло бурю, погубившую уже множество невинных людей. Но утихнет ветер, улягутся волны моря, им поднятые, и настанет тишина на

пользу людям там, где была их погибель; так будем надеяться, что исчезнет вовремя губительный ветер, охвативший все руководящее нашей государственной и общественной жизнью, и улягутся бушующие ныне житейские волны; и очистятся засоренные бурею нивы отечественной деятельности для новой плодотворной и полезной *русской* работы.

Неаполь, 16/29 окт. 1906 г.

VII

Старая погудка.

В Giornale d'Italia[40], считающемся одним из серьезнейших органов Итальянской прессы, в пятницу, 2 ноября (20 октября ст. с.) появилось письмо графа Л. Н. Толстого, с которым он обратился в 1881 году к императору Александру III по вступлении Его на престол после зверского убийства Его отца[41]. Письмо это, нигде до сих пор не напечатанное, передано графом для напечатания в La Revue (ancienne Revue des Revues)[42], а это последнее сообщило его вышеназванному итальянскому журналу. Передача письма в Revue сопровождалась, если верить итальянскому журналу, следующим объяснением графа причин, побудивших его написать этот важнейший (important) документ, в письме к своему другу из журнала Revue. «Я не могу сказать вам ничего особенного о впечатлении, которое произвело на меня событие 1 марта, но образ действия убийц и их приготовления к преступлению произвели на меня сильнейшее впечатление, какое я когда-либо испытывал в жизни. Я не мог отделался от мысли об этих несчастных (disgraziati), о тех, кто приготовлялся наказать их, и особенно об Александре III. Я так живо представлял себе то удовлетворение, которое Царь испытал бы, простив этих заблудших (traviati), что не хотел верить, чтобы они могли быть наказаны смертью, и в то же время я боялся и страдал за их судей. Вспоминаю, что однажды, пообедав, с этою мыслью в голове я лег на диван и задремал. В этой дремоте я думал об этих несчастных и гото-

вившейся ими казни. И вдруг мне представилось с поразительной ясностью, что это не они будут судимы, а я, и что не Александр III и его палачи и суды исполняют правосудие, а сам я. Этот ужасный кошмар (incubo) меня разбудил, и я тотчас же написал это письмо к Императору».

Засим следует подробный рассказ о том, как и через кого письмо гр. Толстого было доставлено Императору Александру III. В этом рассказе достойно внимания то, что первоначально предполагалось сделать это при посредстве К. П. Победоносцева, но он, со свойственным ему здравым смыслом, уклонился от доставления Царю документа, который действительно можно было сочинить только впросонках после кошмара от переполненного обильным обедом желудка.

Самое письмо, названное редакцией «трагическим», очень длинно и переполнено всем известными софизмами графа в его потугах установления принципа непротивления злу. В нем он выдвигает весь арсенал своих доказательств для убеждения Царя в том, что, простив убийц своего отца, он исполнит волю Божию и привлечет сотни злодеев от сатаны к Богу. Приводить этот документ, дышащий величайшим фарисейством, лицемерием и пристрастностью, полностью или в подробных выписках едва ли интересно. Сущность его можно передать в немногих словах или выдержках. О совершенном 1 марта ужасном злодеянии он говорит в следующих выражениях: «Ваш отец, Русский Император, был жестоко изувечен и убит; человек добрый, преклонных лет, сделавший много добра и всегда желавший добра своему народу, он был убит не личными врагами, но врагами существующего порядка, под предлогом (in nome di un preteso) общего блага человечества». И этих чудовищных злодеев, растерзавших старого, доброго человека и доброжелательнейшего Императора, граф Л. Н. Толстой находит возможным советовать простить сыну и наследнику его прав и обязанностей по отношению к России, осмеливаясь утверждать, что такова воля Божия, и что, поступив так, он будет столь же совершенен, как Господь (perfetto come nostro Signore)». «Дайте миру пример величайшего со-

блюдения учения Христа. Прощение виновных в нарушении Законов Божеских и человеческих некоторым покажется идеализмом или безумием, другим – злодейством. Они скажут, что надо не прощать, но уничтожать эту заразу (cangrena). Но заставьте говорящих так доказать их мнение, и они сами окажутся безумцами и злодеями (pazzi e scelerati)». Не правда ли, сколь правильно и неоспоримо это утверждение в то время еще не очень престарелого мудреца Ясной Поляны? «Почему не испробовать во имя Бога исполнить Его заповедь, не помышляя ни о государстве, ни о народе?» Это человеку, Царю, которому вручена судьба необъятного Государства и сотни миллионов населения, советуется *попробовать* забыть о них в разрешении дела о позорном злодеянии, возмутившем миллионы сердец, доступных человеческим чувствам, независимо от их взглядов на политическую деятельность растерзанного Императора. Затем идет самая возмутительная часть письма, в которой гр. Толстой старается облагородить этот подлейший поступок и совершивших его извергов, и ставит их равною стороною, борющеюся против существующих установлений, и оправдывает их злодейство стремлением к лучшему, которому, очевидно, сам верит и сочувствует. «Государь, вследствие плачевных и фатальных недоразумений (malintesi)», пишет он, «в душе революционеров накопилась ужасная злоба против Вашего отца, которая и привела их к возмутительному убийству… Революционеры, может быть, справедливо (!) могли упрекать его в погибели многих своих». И после этого возмутительного предположения следует такое определение революционеров: «Кто такие революционеры? Люди, ненавидящие существующий порядок, находящие его дурным и трудящиеся для установления лучшего… их идеал есть всеобщее благо, равенство и свобода. Бороться с ними следует противопоставлением их идеалу другого, высшего, который бы поглощал их идеал». Итак, в глазах гр. Толстого революционеры суть люди, стремящиеся изменить существующее дурное к лучшему, и потому бороться с ними следует, только противопоставив их лучшему еще более лучшее. Грубая неверность

и пристрастность этого определения очевидны. Почему гр. Толстой так безапелляционно решает, что революционеры всегда стремятся от дурного к лучшему? Что добросовестные, честные революционеры, – потому что такие есть, — убеждены в том, что они стремятся к лучшему, это несомненно, но значит ли это, что они непременно правы? Разве они не могут заблуждаться и, разрушая настоящее, вести Государство не к совершенствованию, а к падению? Ведь если каждого недовольного существующим порядком, а такие всегда будут, считать человеком стремящимся к лучшему только потому, что он присвоил себе знамя всеобщего блага и свободы, и признать за ним право пользоваться всеми средствами для достижения цели, этим флагом прикрытых, то ни одно Государство никогда не выйдет из состояния революции. Мнение же графа, что бороться с революционерами следует на почве идеальной конкуренции, могло бы иметь смысл только в том случае, если бы и революционеры боролись против существующих порядков только духовным оружием, силою убеждения в правоте своих стремлений, а не прибегали бы к ужаснейшим злодеяниям не только против властных лиц, как было в эпоху погибели блаженной памяти императора Александра II, но и против всего населения, как это практикуется теперь усовершенствованными революционными приемами. Замечательно еще, как этот проповедник непротивления злу неодинаково прилагает это начало к борющимся сторонам. Когда так называемые революционеры злодействуют и насильничают и совершают чудовищные преступления, – это на языке гр. Толстого называется «стремлением ко всеобщему благу, свободе», и он против них не вынимает из ножен свой меч непротивления, но как только Государство начинает защищаться против угроз его существованию, против чинимых насилий и разрушений, так яснополянский апостол является – и своим тараном непротивления стремится всячески защитить злодеев от заслуженной кары. Ведь если Государство и его существующие порядки есть зло, то, по теории графа, ему сопротивляться не следует. Почему же он ни разу не направил свою проповедь против первых нару-

шителей защищаемого им принципа непротивления – всякого рода революционеров? Ведь меры против них Правительства есть лишь последствие их действий. Однако же граф, сколько нам известно, ни разу не обратился со словом увещания к этим *противляющимся* злу.

Затем сам собою напрашивается вопрос: почему гр. Толстой счел благовременным опубликовать во всеобщее сведение письмо, написанное 25 лет назад? Ответ на это может быть только один: желание повлиять на власть, чтобы она прониклась убеждениями, в нем излагаемыми, и приложило к революционерам, ныне стремящимся тоже к *лучшим* порядкам, от которых трещит Государство, рецепт всепрощения, забывая, что лекарство было испытано еще так недавно и повело к последствиям, прямо противоположным против ожидавшихся. Что касается того, насколько прав граф Толстой, основывая свои выводы на учении Христа и воле Божией, то, не будучи богословом, я не беру на себя смелость оспаривать его с этой стороны: пусть этим займутся специалисты. Но вполне убежден, что и тут что-нибудь да несправедливо. Не может быть, чтобы воля и Законы Божии так расходились с человеческой природой, которая без понятия о наказании и приложении его на практике немыслима, пока люди не возвратятся к блаженному состоянию, бывшему до грехопадения.

На другой же день после появления письма гр. Толстого, в том же органе была помещена статья под заглавием: «Что говорит Максим Горький о письме Толстого к царю». Этот новейший мудрец и оракул Неаполитанцев наговорил кучу благоглупостей, которых повторять не стоит, причем не преминул лягнуть здорово умирающего льва своим босяцким копытом. Но грустно, что этому типу самодовольного невежества здесь верят и по его беспардонной болтовне составляют совершенно превратное мнение о событиях и положении России. Впрочем, вся итальянская пресса (но не народ) настроена против России крайне враждебно, и нет той пакости, которую бы она не распускала. В последние дни прошли слухи, будто бы наше Правительство предполагает сделать в Италии заем, – что было бы

и действительно очень странно и нелепо, – то надо было видеть, с каким остервенением заорали против этого газеты.

Должен оговориться: о письме гр. Толстого я сужу по итальянскому его переводу, может быть, неверному, а может быть, и вовсе сочиненному ради возбуждения сенсации. Поэтому прилагаю при сем его итальянский текст в вырезке из Giornale d'Italia в удостоверение, что я не исказил текста в приведенных выдержках, и что этот документ действительно существует.

Неаполь, 21 окт./ 3 ноябр. 1906 г.

VIII

O, dolce Napoli, o, suol beato
Ove sorridere volle il creato,
Tu sei l'impero dell'armonia,
Santa Lucia, Santa Lucia![43]

Воскресенье. Чудный, ясный и теплый день после четырехдневной бури, наделавшей много бед по всему европейскому побережью Средиземного моря. Со всех сторон приходят вести об опустошениях, произведенных яростно бросившимися на землю бешеными волнами, разведенными ураганом. В Аббации они разрушили мол, защищавший пристань, в Ницце затопили всю набережную и нижние этажи домов, в Тулоне смыли 17 домов и т. д. Но стих ветер, рассеялись тучи, появилось снова солнце, и быстро улеглись волны, и наступила снова благодатная неаполитанская зима, когда можно спать с открытыми окнами, когда ни на ком не увидишь так называемого верхнего платья.

Итак, сегодня прекрасная погода – и воскресенье. Весь Неаполь, от мала до велика, наводняет в этот день единственный имеющийся в нем городской сад – villa Nazionale, сказать по-нашему, бульвар, тянущийся на пространстве около полутора верст вдоль набережной – Chiaia, а шириною до 60—70 сажен. Раньше, лет 30 назад, он был на самом берегу залива, но с тех пор неаполитанцы отняли у моря, начиная с набережной Santa

Lucia и кончая улицей Mergellina, ведущей на Позилипо[44], полосу шириною примерно около 30 сажен, и там, где еще недавно катились голубые волны, настроены шестиэтажные дома, и разделана превосходная набережная, на которую ежедневно, с 4-х часов и до сумерек, выезжают все владельцы собственных экипажей, щеголяя лошадьми и упряжью. По воскресеньям, с 12-ти до 4-х часов, на villa Nazionale играет превосходный городской оркестр духовой музыки, до которой, т. е. вообще до музыки, неаполитанцы великие охотники, а потому собираются ее послушать многотысячной толпой. Пойдемте и мы хоть немного рассеять на чужом спокойствии и благодушной радости то гнетущее чувство тоски, обиды, негодования, которое является неизбежным последствием ознакомления с тем, что творится в нашей несчастной стране, и ежедневно подновляется в фатальный час прибытия почты между 10—11 час. утра и получения русских газет. Читая длинные столбцы телеграмм о бесконечных убийствах и грабежах, поражаешься какою-то окаменелою безучастностью, с которою относится к ним Правительство, занятое в то же время, со своей стороны, разрушением последних основ нашей государственной крепости. Да, ядовитое семя, брошенное недоброй памяти бывшим временщиком графом Витте, заботливо и старательно культивируется его преемниками. Разница между ними лишь та, что первый совершенно открыто осуществлял свои гибельные для России мероприятия чрез Гапонов[45], Кутлеров[46] и Носарей[47], а последние преследуют те же цели, не мараясь союзом с компрометирующими их верноподданничество сферами, да и только потому, что эти последние не пожелали вступить в компанию нынешних правителей. Но дух и направление чем же разнятся? То же поразительное бездействие и невнимание к самым настоятельным злобам дня, во всех их проявлениях, начиная с грабежей, убийств и кончая положением высших учебных заведений, потому что нелепо же думать, что первое зло может быть подавлено учреждением одних полевых судов, действующих так сказать спорадически, без других систематических мер, детально разработанных и неуклонно, всюду

и везде одинаково применяющихся, а второе, учебное – да о нем, по-видимому, никто и не думает, ниже́ само специальное Министерство Просвещения, связь которого с учебным делом страны порвалась, а влияние исчезло безвозвратно еще 2 года назад; и, конечно, не копошня над проектами уставов – один другого изумительнее – может возвратить утраченное и восстановить учебную деятельность высших училищ вместо воцарившейся развратительной. А сегодня еще пришло просто ошеломляющее известие об успешном ограблении кареты с казенными деньгами из-под конвоя жандармов, среди бела дня, на люднейшем месте столицы. Да ведь это же позор, срам, пощечина для Правительства; ведь возможность этого невероятного, прямо-таки легендарного, происшествия до поразительности ясно раскрывает все умственное убожество *кабинета*. Это не кабинет, а спальня, в которой люди спросонок мечутся бессмысленно и вместо двери попадают или лбом в стену, или вниз головой в окно. Возмутительно, гадко и стыдно в такое время читать произведения червей петербургских канцелярий, разрушающих весь земледельческий и землевладельческий строй России, а на министерском Олимпе – видеть людей, глубоко убежденных в полезности этой червивой деятельности. Нет, пойдемте на villa Nazionale, успокоим наш возмущенный дух при виде чужой мирной, разумной и безопасной жизни.

Полюбуемся на странную и непривычную нашему взору южную растительность. Вот, при самом входе, стоят пальмы с голыми стволами, сильно утолщенными книзу, как слоновые ноги; вот олеандры, разросшиеся в целые деревья, вот развесистые магнолии с жирными листьями и множество других невиданных нами форм растительности. По широчайшим дорогам сада двигается густая толпа нарядной публики – народа. Каждый, очевидно, старался принарядиться в лучшее, даже мужчины, а уж о прекрасном поле и говорить нечего. Пропасть красивых южных типов, светлые платья, перетянутые талии, смех, говор, оживление, толпы детей бегающих, играющих, снующих по всем направлениям в каждом промежутке праздничной толпы, монументальные кормилицы в своих

оригинальных, присвоенных этой должности, ярких нарядах, со своими еще неспособными самостоятельно двигаться человечками на руках, продавцы спичек, видов, специально – неаполитанских изделий из кораллов и черепахи (поддельных), и газетчики, газетчики, газетчики – по 5 чентезимов (2 коп.) за полтора листа любого наименования. И в этой кипящей, но мирной сутолоке вас охватывает такое успокоительное чувство полнейшей безопасности, вы до того проникаетесь убеждением в ненужности с опаской осматриваться, как нас приучили теперь на родине, не приближается ли к вам освободитель с браунингом в безжалостной руке, что эта приятная уверенность сразу приводит в нормальное состояние ваши нервы, и на душе остается лишь капелька меланхолического впечатления от контраста: здесь – и у нас.

Вы устали, сядьте; тысячи стульев приготовлены к услугам публики, но не даром: вот приближается человек в картузе, на околыше которого крупная надпись: sediario, или заведующий стульями. Не беспокойтесь, не дорого: 2 сольди (4 коп.), и сидите хоть все 4 часа, что гремит музыка. А послушать ее, правда, интересно. Оркестр состоит из 50—60 человек прекрасных музыкантов, инструменты тоже превосходные, и большею частию исполняют вещи очень хорошие. Несмотря на огромную толпу, постоянно движущуюся и шумящую, могучие звуки оркестра преодолевают этот шум, и он почти не мешает слушать, за исключением уж особенных piano[48] или solo[49], которые не достигают напряженного слуха. Вам довольно музыки, – пойдемте в аквариум, находящийся тут же рядом. Это одно из богатейших в Европе собраний подводной жизни. Чего, чего тут нет! И рыбы всевозможных форм и величин, и черепахи, и огромных размеров крабы, омары, пауки, и отвратительные чудовища – спруты, про которых сложились страшные легенды, и кораллы, и всевозможные растения – животные морского дна. За небольшую buona mancia (на чай) приставленный к аквариуму сторож заставляет всю эту странную жизнь приходить в движение и выделывать разные любопытные эволюции.

Четыре часа. Музыка кончилась, аквариум осмотрен, началось катанье. Нигде в мире нет такого пристрастия к этому удовольствию, как здесь, в Неаполе. При первой возможности неаполитанец обзаводится лошадью и экипажем и скорее будет терпеть всевозможные лишения, до недоедания включительно, чем расстанется с ними и не выедет prendere l'aria[50] на широком макадаме[51] Киайи. И Боже мой, чего, чего тут только не встретишь! Вот едут солидно парные коляски с кучерами и лакеями в лосиных браках (штаны) и ливреях разных цветов, с блестящими пуговицами всех фасонов – коляски, начиная с новеньких, как с иголочки, и кончая ветхозаветной конструкции ковчегами с впряженными в них преклонного возраста исхудалыми лошадями; вот несутся вперегонки двухколесные одноколки-одиночки, гремя бесчисленными бубенчиками, а вот и менее счастливые, не имеющие собственного выезда, тоже мчатся во всю мочь извозчичьей прыти с возницей, лихо сидящем на козлах своего фиакра[52] в классической позе неаполитанского извозчика, с ногою, задранною на передний щиток экипажа; а вот и оригинальные октябрьские экипажи для загородных пикников в пять лошадей, ярко изукрашенных лентами, перьями и всякого рода погремушками, вмещающими обыкновенно от 12 до 15 особ только одного прекрасного пола, отправляющихся за город «per mangiare» (поесть); а вот и всепобеждающие чудовища нового столетия всех видов и фасонов – «авто-голову-ломили и людей давили», лишенные всякой внешней привлекательности, оставляющие за собою вонь, тучу пыли и проклятия ее глотающих, но не имеющие соперников в быстроте, и среди всего этого – тысячи снующих во все стороны ловких, быстрых и поворотливых велосипедистов. Широкие тротуары с обеих сторон переполнены пешеходной публикой, и воздух наполнен звуками немолчного говора общительных южан. Смех, шутки, восклицания так и несутся нескончаемым потоком, и вы видите на деле то, что знаменитый романист озаглавил фразой: la joie de vivre[53]. Да, когда-то и мы по-своему, разумеется, наслаждались жизнью, но наступила эпоха свобод и освободительных предприятий, с одной

стороны, и самоупразднения бюрократически-полицейского строя, но обилия бюрократически-канцелярско-либеральных реформ с другой – и мы, попавши между молотом и наковальней, в ужасе таращим глаза, чуя неминуемую гибель и с той, и с другой стороны. Какая уж тут радость!

Но солнце скрылось за холмами Позилипо, окрасив нежным розовым цветом легкие облачка в стороне Кастелямаре и провалившегося старика Везувия; весь горизонт между островом Капри и Капо ди Позилипо зарделся чудным красно-золотистым пламенем, как прощальным приветом людям уходящего светила, но он видимо бледнеет, и быстро надвигаются южные сумерки. Все разъезжаются и расходятся, довольные Божьею благодатью, обильно пролившеюся на этот благословенный уголок земной юдоли. Пора и нам домой, где нас ожидает хороший обед и почти наверное нехорошая вечерняя почта с родины.

Вечер. Из-за темной громады Monte Somma выглядывает полная луна и тихо, как будто крадучись и оглядываясь, выплывает на безоблачное небо, бросая узкий, серебристый луч, тотчас подхватываемый переливающимися волнами спокойного моря, которые, как будто играя с ним, то разбивают его на мириады огненных искр, то единят в одну блестящую, как серебряная парча, поверхность.

И снова оживают и суша, и море. По всему водному прибрежью скользят ярко светящиеся и отражающиеся в зеркале моря точки. То рыбачьи лодки, выехавшие на ночной промысл, светом этим привлекающие предмет их ловли. Изредка в море вдруг зажжется целая иллюминация разноцветных огней: то пароходы, стремящиеся к неаполитанскому порту изо всех частей света. А на берегу в это время вся набережная S.Lucia и Partenopa наполняется музыкой и пением. До поздней ночи в ушах ваших раздается весь репертуар популярнейших неаполитанских песен, то томно сентиментальных, то живых и веселых, отражающих в звуках всю внешнюю роскошь здешней природы. Заливается тенор на предельно высоких нотах, под металлически ясные, отчетливые звуки мандолины, сопрово-

ждаемые скрипичными руладами и мягким аккомпанементом гитар. Рьяно подхватывает хор припев, и чувствуется, что, независимо от качества исполнителей, все это – артисты в душе, прирожденные виртуозы, что действительно Неаполь:

Tu sei l'impero dell'armonia
Santa Lucia, Santa Lucia!

Пора спать, а потом и уезжать. Прощай же, хоть и не очень опрятный, но жизнерадостный город! Дай Бог тебе сохранить это драгоценное качество и не попасться с помощью поклонников Максима Горького в лапы освободительного движения.

Неаполь, 22 окт. / 4 ноябр. 1906 г.

IX

Трудно выразить словами, какое тяжелое чувство безнадежности охватывает каждый раз при чтении известий из России. С одной стороны, не прекращающийся синодик убийств и хроника грабежей, часто легендарно невероятных, как, например, сражение близ Фонарного переулка, окончившееся поражением правительственных войск и захватом огромной суммы казенных денег, которые, конечно, никогда найдены не будут, а с другой — полнейшее равнодушное невнимание к этому ужасающему развитию разбоя наших попечителей, которые вместо водворения спокойствия и безопасности с лихорадочною поспешностью стараются растащить последние твердые камни из фундамента русской государственности и заменить их искусственной либеральной композицией, красивые по наружности плитки которой разлетятся в прах под давлением тяжести истинных государственных потребностей, удовлетворить которые они не в состоянии. Все перестраивается, все перекраивается. Нынче даруются крестьянам права, в которых они не нуждались; завтра удовлетворяется нужда, никем не ощущаемая; Законы, указы, положения, уложения, реформы сыплются как из рога изобилия, а положение Государства не улучшается: свинцовая туча убийств и разбоев покрыла всю страну беспросветно; обучение юношества, обра-

зование всех градаций исчезло окончательно, и все праздные молодые силы организовались в экспроприаторские союзы, действующие куда успешнее академических. Обыватель, если у него есть какая-нибудь собственность, способная к отчужденно, живет в трепете, под постоянной угрозой насилия и лишения; но правителям нашим как будто и дела нет до всего этого ужаса. Они, как это часто бывает с нашими пожарными, вместо того чтобы тушить пожар всей силою средств, находящихся у них под руками, бросились разрушать такие здания, которым даже не угрожала ни малейшая опасность. Ведь все, решительно все, имеющие хоть маленькую способность оценивать мероприятия Правительства, ясно видят, что оно делает именно не то, что нужно, и если часть обывателей притворяется довольною, то или в страхе скомпрометировать его пред населением и во избежание смены на еще худшее, или в злорадстве, что оно ведет Россию к гибели по внушенной и воспринятой им якобы либеральной программе. Нелепость поведения нашего Правительства чувствуется в особенности ясно, когда перед вашими глазами — иные порядки, когда вы на каждом шагу видите их целесообразность и стремление к удовлетворению истинно наросших потребностей, а не явившихся в метафизических головах петербургских министерских мечтателей.

И ведь весь склад нашей официальной деятельности таков. Нельзя сказать, чтобы наши руководители не знали истинных потребностей русской жизни. Ведь многие, и даже огромное их большинство, прежде чем принять бразды, жили естественною практическою жизнью заурядных обывателей, следовательно, им по личному опыту должны быть известны их нужды, в успешнейшем удовлетворении которых и состоит искусство правителя. К величайшему нашему несчастью, у нас всякий достигший возможности над чем-нибудь властвовать озабочен совсем не тем, чтобы употребить власть с наибольшею пользою, а первее всего — чтобы использовать ее наилибернейшим образом, по самоновейшему, но перевранному рецепту заграничных и доморощенных авторитетов этого на-

правления, проводимого с деспотизмом, не останавливающимся ни перед каким насилием над реформируемою жизнью. И вот достигли мы апогея либерального самодурства: снизу нас желают осчастливить самою разнузданною свободою, добиваясь этого идеала грабежами и убийствами, над нами же чинимыми, сверху столь же беспощадно кромсают ежедневно наш веками сложившийся уклад, согласно вдохновению петербургских владык, даже под взрыв бомб объявивших, что они ни за что не изменят направления, которое считают, но совершенно ошибочно, либеральным. И в жертву этому идолу приносится все, насилуются естественные условия жизни населения, расшвыриваются зря, без нужды веками скопленные богатства, уничтожается образование и вконец развращается юношество, судьбы Государства вручаются какому-то невежественно-свирепому скопищу, опьяненному до потери остатков человеческого смысла врученною ему властью и алчущему пожрать ее всю, без остатка; разоряется землевладение, мужика превращают в зверя, и все авторы сего наивно думают, что из этой кровавой окрошки невероятного насилия выйдет что-нибудь удивительно либеральное.

Либерализм — понятие очень почтенное, и стремление к проведению его в жизнь государственную или частную заслуживает всякого сочувствия. Но разве можно назвать то, что проделывают у нас Правительство сверху, а освободители снизу, либеральным? Разве это не есть самое вопиющее искажение этой идеи и самое наглое злоупотребление ею? Нет, господа реформаторы-разрушители, если бы вы действительно руководствовались либеральными стремлениями, то вы не позволили бы себе насильничать над исторически установившимся складом Государства, не старались бы — одни, пользуясь властью, а другие, пользуясь ее импотентностью, — навязывать Государству свои личные фантазии, принимаемые вами за ужасно либеральные, а изучили бы до самой глубины народную жизнь и подчинили бы ваши личные вкусы ее насущным потребностям и естественному течению и помогали бы их удовлетворению и развитию.

Но вы, мой благосклонный читатель, удивлены, вероятно, каким образом «иная, чудесная страна» могла не способствовать забвению печального положения родины, а, наоборот, особенно сильно пробудить горькое чувство сознания ее опасно-болезненного состояния? Не удивляйтесь: контраст света усиливает тень и заставляет сильнее чувствовать ее мрачность. Так и в данном случае. Не углубляясь ни в какие специальные изучения, достаточно только выйти на улицу с глазами, способными не только смотреть, но и видеть, чтобы сейчас же почувствовать неизмеримую разницу между порядками даже такой беспорядочной страны, как Италия, и нашей нелепой безалаберщиной. Читая итальянские газеты, вы подумаете сначала: да ведь это то же самое, что и у нас: то же стремление превзойти соседа в ужасной своей либеральности, в особенности по сочувствию к чужим революционерам, доказательством чего служил решительно триумфальный проезд Максима Горького не только по страницам итальянской прессы, но и по улицам Неаполя и Капри, на коем основал свое пребывание этот знаменитый (celebre[54]) революционер, но в действительных порядках жизни прилагаются приемы, далеко отличные от наших. Вот вам один из множества примеров. Я уже раньше как-то писал, что Неаполь сделал такие значительные шаги к усовершенствованию удобств городской жизни, в сравнении с которыми рост таковых в Москве покажется черепашьим шагом. Однако, несмотря на это, деятельность тамошнего синдика, по-нашему — городского головы, показалась неудовлетворительной министру внутренних дел, и он его немедленно протурил, поставив во главу временного, до новых выборов, управления городскими делами правительственного комиссара. И либеральнейшая Италия даже не пикнула, несмотря на ее обожание русских революционеров и сочувствие той свободе слопать Россию, которой они добиваются. Попробовала бы наша государственная администрация прогнать, например, хоть князя В. М. Голицына и предать суду Городскую Управу, разоривших Москву на многие миллионы рублей в деле уплаты за поля для отвода нечистот канализации

или за отвратительные мостовые, да у нас поднялся бы такой гвалт о насилии, деспотизме, бюрократически-полицейском произволе, что батюшки мои!

Или, например, такой факт. Всем, бывавшим в Италии, известно, сколь тесны и извилисты улицы ее городов, даже самых главных, в старинных их частях. Главные улицы даже таких городов, как Рим, Неаполь, Флоренция и т.д., шириною своею равняются, да и то не везде, нашим переулкам среднего значения, например Газетному или Леонтьевскому и т.д., а уж о боковых и говорить нечего: во многих едва разъезжаются два экипажа; но по сравнению с тамошним размером движения наша Москва окажется скромным провинциальным захолустьем. По этим узким, кривым улицам сверх сего проложены рельсы электрических трамваев, изрезавших названные города во множестве направлений. Однако никто не жалуется на стеснение движения, и никому в голову не приходит ломать дома и платить баснословные цены за отчуждение земли для расширения улиц, и там, где в Риме или Неаполе ежеминутно пробегают электрички, автомобили, огромные возы с саженными колесами, у нас не могут, видите ли, разойтись два человека — тесно. Охота к регулированию улиц чисто сквозник-дмухановская, а уважения к чужой собственности и общественному достоянию никакого. А либералы! Только с Тит Титовичевыми наклонностями, которые так и выпирают из-под фригийского колпака наших Робеспьеров и Маратов.

И странное дело: отчего наши руководители никогда не заимствуются очень многим хорошим и полезным иностранным, а непременно чем-нибудь вредным и к нашей жизни идущим как к корове седло? И ведь ужасно стараемся, как бы не сделать чего не соответствующего последнему слову науки, не зная даже ее первого слова. Не много надо ума для обезьянства, а мы только этим и занимаемся, по нашему малому развитию не умея хорошее чужое претворить в свое не одним только механическим приложением, но полным сроднением с особенностями, резко отличающими нас от остальных, действительно культурных народов. Но мы совершенно разучились быть

русскими, а в цивилизованных иностранцев никак не можем обратиться. Так и сидим между двух стульев. От ворон отстали и к павам не пристали.

Неаполь, 28 окт. /10 ноября 1906 г.

X

Солнце плотно спряталось за тучами и упорно отказывается уже несколько дней осветить и согреть последний в Европе приют ищущих его. Показатель наших надежд на его появление — барометр — стоит ужасающе низко и продолжает медленно, но упорно подаваться влево. Ветер, забравшись в домовые трубы и другие щели, воет, как голодный волк, наводя сокрушительную тоску ночью и неотвязную досаду днем, вмешиваясь в ваш разговор и мешая собеседникам слышать друг друга. С моря, застланного вдали туманной сыростью, из-за которой едва мелькают бесформенные массы того, что в светлые солнечные дни представляет изящные очертания Капри с его всемирно известным лазоревым гротом, и поэтический берег Сорренто, нескончаемою вереницею несутся волны в упорном старании разбить все попадающее под их равномерно-монотонные удары, в бесчисленном количестве обрушивающиеся на каменные громады пристаней и набережных. Как бесчисленное войско, идущее на приступ и решившееся взять крепость во что бы то ни стало, идут, идут они без конца, не смущаясь гибелью передовых отрядов, в пыль и пену разбившихся о гранитные стены. Исчез оживлявший живописную картину контраст света и теней, и вся она как-то сразу посерела и слиняла, напоминая memento mori[55] и для здешнего жизнерадостного края. Как-то сразу стало совершенно нечего делать в чужих краях, потерявших всю свою внешнюю привлекательность, и неудержимо захотелось домой, где так же серо, так же воет ветер, а холода и слякоти несравненно более и где, сверх того, чувствуешь себя в настоящее время угнетаемым безысходным горем о гибнущей воочию родине от страшного недуга, охватившего все жизненные части ее когда-то мо-

гучего организма, и от упорства врачевателей, настаивающих на способе лечения, ведущем неминуемо к смерти. Но ведь это все свое, родное, там есть что делать, там русский все еще пока не чужой, и, как к одру дорогого, безнадежно больного родного, потянуло и нас, хотя бы при невозможности помочь, присутствовать при его отшествии в вечность, даже с опасностью личной заразы. Едем. Быстро промелькнули Рим, Генуя, Милан, Базель, и вот въезжаем в город сплошных дворцов и идеального благоустройства — Висбаден. Пора сделать передышку и потому пожить хотя немного дней в этой удивительной бонбоньерке.

Меня, не выезжавшего за границу в течение последних четырех лет, буквально поразили те успехи в росте удобств жизни во всех без исключения попутных городах. Эти успехи бросаются в глаза с первого же шага вступления в город, независимо от его величины, богатства, более или менее торгового значения. Конечно, при кратковременности пребывания в них замечаются только внешние перемены, бьющие, так сказать, в глаза и которыми можно лично воспользоваться; поэтому от проезжего человека нельзя ожидать полной картины европейско-городского прогресса. Но есть одно обстоятельство, которое в особенности сильно поражает ум русского человека, — это разительный контраст в направлении общественной деятельности русской и заграничной, проявляющейся как в крупных, так и в самых мелочных вещах. В европейской деятельности, худы ли, хороши ли ее результаты, вы сейчас же чувствуете стремление удовлетворить действительно назревшие потребности населения, практически облегчить ему существование в пределах средств города и искусства правителей; у нас же все наши попечители гораздо более склонны к выполнению собственных фантазий, далеко не согласующихся с действительными нуждами населения. И на всех ступенях государственной и общественной деятельности практикуется это отвратительное насилие над русской жизнью, которую деспотически ломают люди, добросовестно мнящие себя либералами!

Поражающих примеров так много, что надо ли приводить их для подтверждения! Ну, возьмите хоть деятельность главы Министерства Земледелия с его подручным и, заразившимися «отрубными» фантазиями и принимающими финансовые меры насилия, чтобы заставить несчастный русский народ отказаться от издревле обычного ему характера землепользования, обусловливаемого целым рядом исторических, экономических и бытовых причин, и расселиться согласно послеобеденным вдохновениям этих отрубных министерских голов. Вместо того чтобы помогать жизни населения складываться согласно ее естественным потребностям, для чего наблюсти и изучить ее на месте и потом со знанием дела устранить шероховатости на пути к ее развитию и совершенствованию, господа калифы как только приемлют бразды, сейчас же задаются вопросом, каким бы гениальным измышлением показать, что они могут до всего доходить своим умом. Пока они, как музыканты дедушки Крылова, ограничивались пересадкою в чиновничьей кадрили «Мишеньки против альта и примы против вторы» и расположением паразитов 20-го числа, вроде, например, шутовской должности гг. инспекторов земледелия, пользы и значения которых не постиг и не ощутил доселе ни единый российский землевладелец, ни крупный, ни мелкий, беда была еще не особенно велика. Хоть и кряхтел мужик, но кормил весь этот бесполезный нарост. Но вот поднялся озорниками, русскими и еврейскими, разгром и разбой по всей России, очевидно направленный на ее пагубу, и наши расквасившиеся в болотных испарениях Петербурга «либеральные» чиновники, вместо того чтобы унять озорников, как это требовалось делом и здравым смыслом, вообразили, по их же подсказке, что унять безобразников можно только реформами, что виновато во всем Самодержавие, а, мол, вот при конституции будет все чудесно. Мы все были свидетелями, какие чудеса выкидывал первый русский парламент и что из этого могло произойти в будущем, если бы наконец не распустили этот собор бесноватых. Убрали первого реформатора графа Витте (кстати, отрекаясь от руководства деятельностью

Хрусталева[56], почему он умолчал о своем союзе с Гапоном?), призвали иного и еще иного, совершенно других нравственных обликов; эти призвали иных сотрудников кабинета, но зуд, нестерпимый зуд реформаторской чесотки не унимался, а наоборот, разросся до совершенно уже устрашающих размеров, устрашающих тем более, что гг. чесоточные, кажется, совершенно не понимают всей гибельности своих предприятий и добросовестно обманываются в том, что они что-то благоустраивают. И вот из недр петербургских канцелярий исходит проект принудить всероссийского мужика сделать отрубное шассе-круазе, обещая ему для сего всяческие воспособления в примере и укоризну упорствующим, которые не захотели бы участвовать в риттихо-васильчиковской[57] идиллии. Нет, господа, вы меня извините, но к таким деятелям посылают доктора психически-нервных болезней, а не вручают бразды. И странное дело: несмотря на смену браздодержателей и, казалось бы, их совершенно различные нравственно-политические облики, все они имеют совершенно одинаковые родовые свойства. Все клянутся быть либералами, но произвольничают до последних степеней бюрократического деспотизма, всем поперек горла стал крепкий доселе крестьянский строй, и в особенности община, и все озабочены разрушением того и другого под фальшивым, лицемерным предлогом «уравнения в правах» и усовершенствования землепользования. Я коснулся первого подвернувшегося на память примера, но таковыми бюрократическими фантазиями переполнена сплошь вся деятельность Петербурга, за последние два года в особенности. Мудрено ли, что никакой пользы, никакого толка из этого произойти не может. Это не управление мировой державой, это детская игра. Только неумелыми руками детей разбиваются грошовые игрушки, отрываются головы у кукол, а ведь тут разоряются губернии, гибнут богатства, собиравшиеся столетиями, кровь льется на пространстве 20 миллионов квадратных верст, грабится вся русская земля, стоном стонет русский человек, а в петербургских детских, именуемых ошибочно министерствами, играют в куклы, не замечая живой, теплой крови, которая

ручьем льется из ран, наносимых этими детски-жестокими руками. Вот в чем ужас, вот в чем наша гибель!

А просвещение? Разве не ужас, не бессмыслица, не нелепица то, что творится в этой архиважной отрасли народной жизни? Два года продолжается это неслыханное безобразие. И что же сделала вся смена просветительных начальников для того, чтобы направить в настоящее русло уклонившуюся в несвойственную ей деятельность учебную жизнь страны? Какие существенные меры приняли они, чтобы оживить ее, восстановить истинное назначение учебных заведений и очистить их от густо наросшей политической коросты? Вместо живой деятельности, целесообразных мероприятий все эти министерские мудрецы писали и переписывали уставы один другого либеральнее, но когда из этого писанья «либеральнейших» питомцев государственного казначейства ничего не вышло, они махнули рукой и предоставили нашим академиям свободу делать, что хотят и устраиваться, как желают. Ну и устроились! В разврате и одичании нашего несчастного юношества, в его погибели виноваты не революционеры, не инородцы, не бесчисленные враги, стремящиеся разрушить наше отечество, а прежде всего и более всего те, которые были призваны печься о нем. Они причина и виновники погибели тысяч «малых сих», за которую, уповаем, дадут ответ Богу, хотя здесь, на земле, и будут украшены знаками отличия, несмотря на негодование и презрение всех честных людей.

Совершенно такая же нелепица происходит и в наших общественных учреждениях, вверенных выборным самоуправлениям. Все они крайне озабочены не тем делом, для которого призваны, но стремлением, особенно ярко выразившимся с 1904 года, переместить государственную власть в руки своих коноводов, которые за весь долгий период своей деятельности доказали только полную неспособность благоустроить и маленькое дело, вверенное их попечению. Множество примеров из деятельности столичных земств и городских управлений и состояние их хозяйства не составляют в этом ни малейшего сомнения.

А публика? Может ли быть что-нибудь более разнузданнее, беспорядочнее, чем наша публика? Я уже не говорю — толпа, а именно публика, разумея при этом собрание людей, получивших возможность хоть понаслышке знать, что есть понятие о добропорядочности, скромности, уважении прав других, словом, о благовоспитанности, заставляющей человека сдерживаться и думать о том, чтобы своим поведением не причинить другим беспокойства. Казалось бы, что чем либеральнее человек, тем более, следовательно, дорожит он своими правами, тем более должен бы он остерегаться нарушения прав своего ближнего. Но нет, наш либерализм в этом отношении сверху и донизу — родной брат либеральному самодурству увековеченных знаменитым драматургом Тит Титычей, коих лозунг: «Ндраву моему не препятствуй», и вполне соответствует тому направлению, которое совершенно неосновательно присвоило себе наименование либерального. Сравните поведение нашей и европейской публики, хотя бы, например, германской, и вы поразитесь резким контрастом. Мы понятия не имеем о господствующей здесь общественной дисциплине, необходимой именно для охранения свободы каждого пользоваться своими правами без помехи от соседа. Вот, например, войдемте в театр. Начало назначено в 7 ч., конец в 9 ч. 45 мин, и всякий купивший себе место уверен, что так и будет, что его ни одну минуту не заставят ожидать начала и ни одной минуты не продержат лишней против назначенного окончания. За 5 минут до 7 часов начинается съезд, а за минуту до поднятия занавеса — уже все на местах, и никто не позволит себе войти или выйти и беспокоить вас во время хода представления. С первой же ноты музыки, с первого звука со сцены в зрительном зале водворяется мертвая тишина; ни шорох, ни кашель, ни сопение, ни сморкание, ни шепот разговора — словом, ни малейший посторонний звук не мешает вашему уху воспринимать именно то, за чем вы пришли в театр. То ли у нас? Как раз наоборот. Едва поднимается занавес, как начинается бесконечное вхождение непременно опоздавших; это как будто даже считается каким-то своеобразным шиком — про-

топать в первые ряды кресел именно тогда, когда надо было уже сидеть на своем месте. Затем начинается нескончаемый гул всевозможных звуков, произвольных и непроизвольных, сквозь которые ваше ухо не скоро приспособится различать то, за чем вы прибыли в театр. А последний акт — когда все приспособляются, как бы поскорее выскочить из зрительного зала, как будто именно вот эта-то минута просрочки и есть самая драгоценная, и еще задолго до его окончания начинается выхождение наиболее нетерпеливых, расстраивающих вконец то патетическое впечатление, которое обыкновенно сберегается авторами для действия на слушателя именно в последнем акте! Никто не позволит себе этого дикого поведения в Германии. Ни один человек не позволит себе подняться до падения занавеса из уважения к артистам и обществу. Но вот занавес упал, и тихо, без давки и суеты, но не более как через минуту партер пустеет совершенно, и все мирно расходятся по домам.

Еще одна характерная особенность. Кто составляет во всех наших театрах если не главный, то весьма заметный контингент посетителей? Конечно, учащаяся или, к несчастью, правильнее — не учащаяся молодежь. Целые вереницы студентов и гимназистов всевозможных форм и специальностей торчат у касс во время продажи билетов, и у подъездов, и в сенях перед началом спектакля, и потом заполняют собою все не проданные места партера, ведя себя при этом более чем нескромно. Впрочем, у кого же им и учиться благовоспитанности? В Европе ничего подобного. В будни ни одного молодого человека учебного возраста вы не увидите в театре — они заняты своим делом и приучаются исполнять его, а не баклушничать.

Нет, господа, именующиеся либералами и мнящие себя европейски развитыми людьми, далеко, еще очень далеко вам до той хоть внешней цивилизации, которая выработалась в Европе веками упорного рационального труда, а не болтовней с чужого голоса разных фантазеров недостижимых форм человеческих отношений, которые воспринимаются вкривь и вкось вашими неподготовленными умами как последние слова нау-

ки. Вашими заблуждениями, вашими искажениями истинного смысла и значения слов прогресса и цивилизации вы не только не ведете нас по пути к усовершенствованию, но, напротив, удаляете все более и более в беспросветную тьму невежества, дикости и государственного разложения.

Висбаден, 9 ноября 1906 г.

———

С Англией или Германией?

Сближение России с Англией не могло, конечно, не возбудить самого оживленного обсуждения этого события в нашей повременной печати. При этом определились две диаметрально противоположных оценки его, высказываемые с большею страстностью, весьма, впрочем, понятною, так как оно может иметь для нашей Родины последствия очень серьезные и, может быть, совершенно противоположные тем, которые ожидались руководителями нашей иностранной политики. По этому предмету не так давно высказались и два наших талантливейших публициста, гг. Меньшиков[1] и Шарапов[2], один – с большою тревогою, другой – с ликованием.

Так как, по общему мнению, отношения между Англией и Германией ухудшились до возможности разрыва, то проявление наших дружеских чувств к Англии как раз в это время, конечно, не может быть приятно нашей сильной соседке и, несомненно, возбудит ее неудовольствие, которого сильно опасается г. Меньшиков, за что и получает жестокий реприманд от г. Шарапова, ликующего от того, что русско-английская дружба – шах и мат ненавистной ему, как страстному полонофилу, Германии. Один приглашает нас не изменять старой испытанной дружбе с Германией, другой всею силою своего таланта направляет нас в объятия нашего недавнего беспощадного, не стеснявшегося никакими способами вредить нам, врага нашего, Англии, без участия которой не обрушилось на нас ни одно бедствие за последнее столетие и даже

более. Кого же из них нам слушать, с кем дружить и союзить: с Германией или Англией?

Это разномыслие между нашими талантливейшими политиками, несомненно воодушевленными любовью к Родине и искренно ищущими всего, для нее наиполезнейшего, естественно возбуждает вопрос об отношениях наших не только к этим двум державам, но и вообще ко всем, имеющим вес и значение в ходе мировых событий. Давайте же искать, кто наши истинные друзья и кто своекорыстные обманщики, чтобы безошибочно решить вопрос, на кого надеяться и от кого уклоняться. Начнем с ближайшей соседки – Германии, ci devant[3] Пруссии. Дружба наша с нею, так сказать, традиционно династическая, достигшая особенно пышного расцвета в царствование Императора Николая Павловича[4], когда она проявлялась и в деяниях (с его стороны), и воспевалась в поэтических излияниях.

Русский Царь собрал дружину
И велел своим войскам
Плыть по морю, на чужбину
В гости к добрым пруссакам…

– пела вся наша армия в средине прошлого столетия. Следы нежнейшей дружбы к Пруссии, Германии то ж, может видеть и теперь каждый путешественник при осмотре Берлина и летних резиденций прусских королей – ныне германских императоров. Поезжайте в Sans-Sousi[5], в Babelsberg[6] – и от показывающего вам тамошние дворцы вы то и дело услышите: das ist das Geschenk des Russischen Kaisers[7]. Это мелочи, но характерные, может быть, более, чем общеизвестное русское содействие возвеличению Пруссии. Что же получила Россия от Пруссии? Да, кажется, ничего, кроме отрицательного неучастия в сонме врагов России, когда она воевала с теми или другими Государствами. Таким образом, указание г. Шарапова на эгоистический характер германских отношений к нам вполне справедливо, но кого же следует винить в том?

Можно ли сердиться на человека за то, что он съел кусок, который вы сами добровольно сунули в его разинутый рот? Вот теперь и Англия, если не разевает рот, чтобы проглотить что-нибудь наше, то пожимает нашу руку наверно с целью спрятаться за нашу, несмотря на все невзгоды, все-таки широкую спину, и заставить нас принять на себя удары ее врагов. Она ли виновата, что наши дипломаты не понимают, какие побуждения заставили нашего исконного, естественного врага и соперника, вредившего нам, где и чем только мог, вдруг превратиться якобы в нашего друга и доброжелателя? Ведь только маниловские мозги могут поверить в такую метаморфозу и умилиться ею. Политики, приходящие в восторг от примирения Англии и России, подумали ли о причинах враждебности первой к последней? Подумали ли они о цели, к которой стремится Англия в своей мировой политике и достижению которой может препятствовать только Россия? Цель ее – всемирное владычество, единственный соперник в этом – Россия. Поделить между собою это владычество над миром – неосуществимая мечта, да и Англия вовсе не стремится к совладычеству с Россией, которую она в своей британской гордыне никогда не признает себе равной; она стремится к *исключительному* господству над миром. А так как с 1870 года выросло немецкое Государство, являющееся новым и притом ближайшим препятствием к английской мировой гегемонии, то неудивительно, что у несомненно умных и дальновидных государственных людей Англии явилась мысль одно препятствие сокрушить другим и сделать попытку заставить Россию и Германию разбиться друг от друга и разом освободиться от обоих конкурентов.

К Германии Англия со своей дружбой не сунулась, понимая очень хорошо, что немецкое правительство, по крайней мере, столь же умно и проницательно, как и британское, и его на эту удочку не поймаешь, ну а нас – только помани, мы сейчас полезем целоваться со вчерашним разбойником, нас ограбившим. Так и вышло. Стоило только англичанам приятно улыбнуться по нашему адресу, и наши Маниловы Министер-

ства Иностранных Дел моментально забыли не только весь прошлый бесконечный ряд ударов, нанесенных нам английской враждой, не столько непосредственно, сколько посредством подкупов наших собственных предателей и подстрекательства против нас других держав, не только то, что Англия всегда была и осталась приютом всех злодеев и разрушителей нашего Отечества, в котором еще, можно сказать, только вчера собирался съезд всех заговорщиков против нашего государственного строя для обсуждения наиуспешнейших способов его разрушения, – но они забыли даже и то, что эта Англия только что стремилась сокрушить нас руками Японии. Ибо разве только наши дипломаты со включением к ним и портсмутского волонтера[8] могут сомневаться в том, что мы воевали не с Японией, а ее руками с Англией и Американскими Штатами. Надо обладать воистину феноменальным легковерием, чтобы поверить возможности искренней дружбы Англии с единственно ей опасным и потому ненавистным тормозом ко всемирному преобладанию – Россией. Конечно, к этому тормозу присоединился в последнее время новый конкурент в лице Германии, развивающей с неимоверной быстротою свою торгово-морскую деятельность, но она опасна Англии скорее в экономическом отношении. В государственном же, несмотря на колоссальную и отлично устроенную армию Германии, Англия находится для нее, как и для всех других государств, кроме России, в пределах недосягаемости.

Вообще, можно сказать, что каждый раз, как возникает особенная дружба между Россией и другой какой-нибудь державой, так у простого обывателя, непричастного к дипломатам и верховодителям, является основательное опасение ожидать какой-нибудь неприятности для нашего несчастного Отечества, ибо не было еще за исторические времена такого необыкновенного случая, чтобы наша с готовностью расточаемая семо и овамо дружба принесла нам самим хотя бы малейшую пользу. Уж на что лучше балканские братушки, которых мы освободили, – так и те стали брыкаться, как только мы их сняли с турецкого кола. Указание на Францию будет очень

неудачно. Она бросается в союз с нами только ради спасения своей дряблой шкуры, достаточно отбарабаненной толстым Михелем, а ее финансовые услуги принесли великую пользу ее же гулящим капиталам и очень сомнительную кредитуемой ими России. Невольно припоминается слово величайшей правды, произнесенное покойным Императором Александром III, когда он провозгласил на всю Европу тост за своего «единственного друга, князя Николая Черногорского»[9]. Это вернейшее определение положения России среди всех европейских держав, и руководителям нашей внешней политики следовало бы во всех своих предприятиях сообразоваться с этой доселе непреложной и непоколебимой истиной. У нас нет и *не может быть* друзей в Европе; мы в ней всем чужие и многим страшные, если не теперь, то в будущем. Все державы, претендующие на преобладающую роль, видят в нас соперника, с которым, если не ослабить его заранее, то в будущем не будет возможности бороться. Англия, Франция, Германия находятся приблизительно в одних и притом ограниченных условиях развития, и первенство между ними может переходить по так или иначе сложившимся обстоятельствам нынче к одной, завтра к другой.

Но Россия занимает совершенно отличное положение и под их мерку не укладывается. Ни одна из европейских первоклассных держав неспособна к такому быстрому и, можно сказать, безграничному росту в своем могуществе, как Россия.

Этому способствует ее необъятная территория, вся заключенная в одной меже, неисчерпаемость ее естественных, почти нетронутых богатств и быстрый прирост населения, не вынужденный к эмиграции, а остающийся весь целиком в метрополии. Умная Европа давно поняла и правильно оценила огромную силу, растущую на ее восточной половине, и с тех пор неукоснительно и непрестанно делает все возможное, чтобы задержать полное развитие наших сил, а, если можно, то и задушить его в самом зародыше. Конечно, временно, нуждаясь в нашей поддержке в своих взаимных неприязненностях, то или другое Государство может заискивать наше-

го расположения, но ни одно из них не ударит палец о палец ради нашего благополучия.

Чтобы далеко не ходить, припомните хоть поведение Франции во время японской войны, не говоря уже о печати других европейских государств и Америки, в которой с такою яростью отразилось всеобщее общественное злорадство нашим бедствиям и неудачам.

Следует ли нам сердиться за то на весь мир и огорчаться его нерасположением? Конечно, нет. Это нерасположение очень естественно: оно диктуется чувством самосохранения. Вы только представьте себе положение Европы. В средине прошлого столетия в России имелось только 60 миллионов жителей, пути сообщения отсутствовали; вооружение – первобытное, флот – на парусе. Вступают с нами в борьбу три первоклассные и одно второстепенное Государства[10]. Австрия, вероятно в благодарность за наше усмирение венгерцев в 1848 г.[11], придвигает к границам нашим огромную армию, готовую броситься на свою спасительницу; и при таких-то неблагоприятных условиях Россия борется в течение двух лет и в результате теряет лишь полуразрушенный Севастополь. Не могла же Европа не сообразить, что, если ей в союзе сам третей с половиной едва удалось справиться с страной, находившейся вне всяких культурных усовершенствований защиты и нападения, то что же будет чрез 50 лет, когда ее население удвоится, как это и случилось, или через сто лет, когда оно учетверится, и страна перенесет к себе все результаты успехов цивилизации? Это опасение в особенности должно было озабочивать Англию, потому-то именно она и старается, как и где только можно, вредить нам тайно, явно, враждою и, наконец… дружбой. Повторяю, сердиться нам на такое отношение западного мира излишне, но знать это, твердо помнить и иметь в виду в сношениях с ним необходимо. Очень глупо винить, например, Германию в том, что достигла своего могущества благодаря попустительству, что она заселяет наши окраины своим ландвером, что она теперь предприняла стереть в порошок поляков, как

этим возмущается, например, особый обожатель этой славянской отрасли, г. Шарапов. И, конечно, это мероприятие прискорбное, но если немецкие поляки относятся к своему Государству так же, как русские поляки к России, то ничего нет удивительного, что немец решил придушить поляка. Это ведь народ практический, а не мягкотелый сентименталист болотно-космополитического Петербурга. Если немецкая дипломатия оболванила нашу, толкнув ее на Дальний Восток, то опять-таки, скажите по справедливости, на кого нам следует пенять? Неужели на немца, а не на свое лопоушество? Если наши дипломатические умы не сумели сообразить, что вмешательство наше в мирные переговоры между Китаем и Японией и предписание победителю наших условий озлобит против нас последнего, а последовавшее непосредственно после этого присвоение себе того, что Япония считала вознаграждением за пролитую кровь своих сынов, доведет это озлобление до страстной жажды мщения оскорбителю, если, после озлобления Японии, мы неведомо к чему вмешались в борьбу с «большими кулаками» Китая и тем разорвали с ним нашу вековую дружбу, – то неужели во всех этих непростительно нелепых деяниях наших политических недорослей виноват кто-нибудь, кроме их самих?

Весь европейский мир нам был всегда чужд и неприязнен, а теперь таковым стал американский – неизвестно, почему, а азиатский – по вине собственных наших руководителей. При таком положении было бы величайшим заблуждением верить в возможность искренней дружбы к нам кого бы то ни было. Правильно понятые интересы России требуют, чтобы она была хороша и ровна со всеми великими и малыми державами, но да сохранит вас Всевышний от особой *дружбы* и *союзов*! Довольно они нам стоили. А потому ни с Германией, ни с Англией, Францией, ни даже, скажу, с Черногорией, которая теперь, кажется, тоже не оправдывает особого доверия, оказанного ей великим усопшим Монархом…

16 августа 1908 г.

———

Русский вопрос

I

Разыгрывающаяся на Балканском полуострове драма[1], с ее неожиданными, подстроенными чьими-то искусными закулисными руками, перипетиями, окончательный исход которой будет, несомненно, иметь огромное влияние на положение России как по отношению к славянским народам Балкан, так и в мировом ее значении, не могла не захватить поглощающим образом внимание русского общества и печати. При этом всеобщее сочувствие, почти без исключения, оказалось на стороне славяно-греческого союза, которое и выразилось в значительной материальной помощи ему всем, что только допускается международными условиями нейтралитета. Русская печать, относясь в большинстве тоже благожелательно к делу балканских союзников и сознавая, совершенно справедливо, что тот или иной исход их борьбы с турками затрагивает существеннейшие интересы России, оживленно и горячо обсуждает то положение, какое она должна бы принять в текущих событиях. Высказываемые по этому предмету мнения весьма резко расходятся между собою. Одна часть стоит за полное невмешательство и предоставление участи балканского союза его собственным силам, другая, наоборот, считает необходимым деятельное выступление России для защиты прав союза, приобретенных победоносной войной, не столько против турок, с которыми союз, очевидно, справится без всякой посторонней помощи, сколько против Австрии, которая при поддержке своих союзников старается свести на нет результаты успехов и жертв балканского союза. Таким образом, деятельная защита победных прав этого последнего может повести Россию к военному столкновению не с Турцией, а с Австрией и, по крайней мере, с одной из ее союзниц – Германией.

Война всегда и, во всяком случае, есть бедствие, которое желательно было бы избежать, и может быть оправдана только тогда, когда она совершенно неустранима в видах благополучия Государства.

Поэтому, казалось бы, что сочувствие всякого благоразумного человека должно быть на стороне проповедующих невмешательство, находящих, что Россия принесла достаточно уже жертв на освобождение славян от турецкого ига, что они к тому же оказались далеко не благодарными, что, уничтожив турецкое владычество в Европе и усилясь на его счет, они по самому складу своей природы будут нам всегда враждебны, а потому ссориться нам из-за них с Австрией и подвергаться риску военного разгрома и его неминуемых последствий бессмысленно и даже преступно против своей Родины, которой, в случае внешней войны, угрожают и внутренние опасности от подстерегающей этот момент новой революционной вспышки. Но и сторонники деятельного вмешательства России в балканские события, помимо уже несомненной ее заинтересованности в них, находят, что решительная политика России охладила бы показную воинственность Австрии, которая только делает вид, что готова воевать, а на самом деле только запугивает этим, а в решительный момент отступит; что наше миролюбие и боязнь войны только поощряют ее заносчивость и, скорее, могут довести до столкновения, чем твердый, решительный отпор.

Как видно, и то, и другое суждение имеют солидные основания, с которыми нельзя не соглашаться, но на котором же остановиться, чего следует нам желать и чего можно с вероятностью ожидать в будущем? Для определения сего постараемся выяснить себе положение России как по отношению к балканскому вопросу, так и по отношению к европейским державам вообще и Австрии в особенности.

II

Всякий народ, всякое Государство, претендующее на мировое значение, должно иметь какую-нибудь определенную

цель, стремление к достижению которой составляет главную задачу и смысл его существования. Имеется ли у России такая мировая задача и в чем она заключается? До последнего времени, когда в угоду модным, но фальшивым, идеалам государственного устройства мы сбились с нашего широкого и ясного исторического пути, на эти вопросы существовал совершенно определенный утвердительный ответ.

Мировая задача России заключалась в стремлении к объединению всех славянских племен и народов под ее главенством (но не под властью). А право на главенство давали ей ее несоизмеримо огромные размеры против остальных славянских народов и их территорий, государственная самостоятельность и несомненная способность к быстрому и всестороннему развитию своего государственного могущества. При этом нельзя не отметить, что, исполняя эту мировую миссию и принося для того бесчисленные жертвы, Россия никогда не стремилась к поглощению славянских народностей, и, освобождая их от чужестранного гнета, предоставляла им полную независимость, часто, если не всегда, в ущерб собственным государственным интересам. Могут возразить: а поляки? Это вопрос совсем отдельный.

Польша погибла потому, что она имела одну цель с Россией – стать во главе славянства, и потому борьба между ними и гибель одной из них были неизбежны. В начале XVII столетия казалось, что восторжествует Польша, Россия уже была под ее пятой, по-видимому, при последнем издыхании, но счастье обернулось, Россия сумела сбросить с себя путы победителя и быстро выросла в величину, непосильную Польше, а все последующие попытки последней к возврату государственной самостоятельности вели ее только к большему стеснению даже в складе местной внутренней жизни. Если бы поляки могли отказаться от стремления к главенству в ряду славянских народностей, если бы они были способны удовольствоваться скромною ролью славянских племен с ограниченной территорией и немногочисленным населением, если бы в них было чувство славянского родства и солидарности, то, может стать-

ся, самостоятельность их отечества и не подверглась бы окончательному уничтожению. Но они не хотят, а может быть, и не могут отказаться от надежды восстановить Польшу от моря и до моря, а это возможно только при окончательном разгроме России и исчезновении ее не только из числа великих держав, но даже и с географической карты. Однако как ни эфемерна эта задача, поляки упорно и настойчиво стремятся к ней; чем она труднее, тем большее озлобление развивается в руководящих политических сферах польского общества против главного препятствия – т. е. могущества Русского Государства, под которое они яростно подкапываются, жертвуя для этого всеми интересами других частей забранного края, до принудительного, напр[имер], онемечения Познани, лишь бы приобрести в немцах необходимых союзников против России. Когда прусское правительство осенью 1912 года впервые решалось осуществить в Познани Закон принудительного отчуждения польских земель и приобрело таким способом несколько имений и тем вызвало бурю негодования в польских кругах и слабый протест со стороны польского ко́ла в австрийском рейхстаге, то один из польских депутатов, именно Дашинский[2], высказал, что пусть пропадает хоть все польское достояние в Познани, лишь бы приобрести в немцах союзников против единственного врага поляков – России и сокрушить ее при их помощи. Не проходит дня, чтобы в польской закордонной печати не изрыгалась злобнейшая ненависть против «царата» и не призывались все силы и громы для его сокрушения. Польские писатели не устают доказывать необходимость восстановления польского Государства для ограждения безопасности Европы. «Польша должна стать устоем государств между восточной и западной культурой», – провозглашал пан Дашинский в бюджетных прениях австрийских делегаций и высказал далее, что в будущем поляки не могут занять другого положения, как «борьба против России». Поляки считают Бело и Малороссию исконно польскими землями, населенными «русинами», по их уверению, совершенно чуждыми племени великорусскому, которых тоже требуется «освободить» от угнетения.

III

Но кроме поляков, бессильных сами по себе поколебать серьезно могущество России, у нее со второй половины минувшего века явился новый несравненно более сильный и опасный соперник в лице Австро-Венгрии, вот уже полстолетия очень умно, последовательно и неустанно работающей над развалом России и опять-таки для того, чтобы вытеснить ее из главенства среди славянских племен и самой занять это положение. Идея австро-славизма, на пути к осуществлению которой стоит препятствием Россия, зародилась после того, как Пруссия вытеснила Австрию из германского союза. До 1866 года[3] мировая государственная задача Австрии заключалась в главенстве над германским миром. Эта задача поглощала всю ее государственную энергию и не оставляла места для других более или менее крупных государственных предприятий. Но, будучи вытеснена, с одной стороны, с Апеннинского полуострова, а затем из германского союза, Австрия очутилась без всякого определенного назначения и потеряла свой raison d´etre[4]. Эта бесцельность существования в соединении с необычайной пестротой населения, в котором по численности не преобладало значительно ни одно племя, а немецкое без поддержки массы германского союза не могло, конечно, удержать свое дотоле не оспаривавшееся преимущественное положение, могло бы грозить разнокалиберной империи неминуемым распадом, но ее государственные люди весьма ориентировались в создавшемся положении и, вместо утраченного безвозвратно главенства в славянском, к достижению чего и стремятся с величайшим, надо отдать им справедливость, искусством, которое и вознаграждается значительными успехами, тем более ценными, что для достижения их Австрия не произвела ни одного выстрела, не потеряла ни одного солдата и не истратила ни одного гроша. В то время как Россия для освобождения балканских славян от турецкого ига устилала сотнями тысяч трупов своих сынов Балканский полуостров и разорила на миллиарды свою

казну, Австрия ловко подбирала отвалившиеся куски турецкой империи, сажала на возникшие престолы властителей из родственных ей домов и всячески усиливалась подчинить их своему влиянию, где добром, а где и угрозами насилия.

Несмотря, однако, на все ее частные успехи, Австрия не может достигнуть поставленной себе цели – стать во главе славянских народностей, пока существует могущество России, и вот на сокрушение его и направлены со второй половины минувшего века все усилия и ухищрения государственных людей Австрии. Но Россия пока еще слишком сильна для открытого с нею состязания, а потому прилагаются все способы для внесения в ее организм разных разлагающих элементов; в этой деятельности австрийское правительство владело прекрасным орудием в неукротимой ненависти к России поляков. Однако одно это орудие оказалось, при всей его ядовитости, недостаточным или, по крайней мере, действующим не с желаемой быстротою, и вот в 70-х годах XIX века идея графа Стадиона[5] – разъединить червонорусов Галиции от Русского народа переименованием их из русских в «русины», – получает дальнейшее развитие, в изобретении небывалого «украинского» народа с сочиненным нарочито «украинским» языком, не только отрицающим какое бы то ни было родство с русскою народностью, но и относящимся к ней, к Русскому Государству, к «царату», с фанатической ненавистью, не уступающей в своей силе польской, но значительно превосходящей ее своею беспричинностью. Австрийское правительство, со свойственной ему проницательностью, правильно оценило огромную пользу, которую ему может принести распространение украйноманства или мазепинства[6] не только в пределах Галиции, но и в малороссийских губерниях России и потому ревностно занялось его насаждением по обе стороны границы, отделяющей ее от восточного соседа. У себя, дома, оно не останавливалось ни перед чем, чтобы уничтожить в галичанах сознание своего русского происхождения и единства русского литературного языка. Никакие конституционные гарантии законного признания русского языка, как имеющего права областного, не соблю-

даются; он изгоняется неслыханными насилиями, бесстыднейшим произволом из суда, общественного и официального употребления, из школ и русских бурс. Полицейские ищейки, жандармы, по доносам украинских и польских ненавистников, производя обыски, уничтожают всю попадающуюся при этом русскую литературу: Гоголь, Толстой, Пушкин и другие авторы считаются недозволенными, конфискуются и истребляются без всякого снисхождения.

Но так как живая народность, кроме языка, отмечается также и ее религиозным культом, а русские галичане униаты, т. е. признавая верховенство папы, сохранили всю греко-восточную обрядность и службы на славянском языке, что значительно сблизило их с православным миром России, так что они даже молитвенники и др[угие] богослужебные книги приобретали большею частью издания Почаевской лавры[7], то предприняты были тоже энергические меры к более или менее быстрому окатоличению униатства. Ради латинизации унии польский католик граф Шептицкий[8] не побрезговал наружно перейти в унию, а теперь за ним следует и его братец, и началась в духовном мире униатской Галиции такая же вакханалия беззаконий и преследований, какая неистовствует и в светской. Так как подчинение политике латинизации униатской церкви сулило милостивое благорасположение духовного начальства и сопряженные с ним благостыни, то многие униатские священники с готовностью вводили требуемые изменения, чем во многих приходах возбудили недовольство, кончившееся заявлением о переходе в Православие. Но, хотя по Закону в Австрии существует полная свобода вероисповедания, однако для Православия она не соблюдается, и переход в него считается государственным преступлением. Селения, перешедшие в Православие и не желающие возвратиться в окатоличенное униатство, помногу лет остаются без всякого удовлетворения их духовных потребностей, потому что каждый православный священник, имевший смелость появиться в таких селениях, немедленно ввергается в тюрьму под самыми ничтожными, часто нагло нелепыми предлогами. Так, напр[имер], два священника,

проходившие по мосту чрез какую-то речку, были схвачены и заключены в тюрьму под предлогом обвинения в шпионстве и государственной измене, заключавшимися якобы в том, что они измеряли мост для сообщения его размеров иностранному Государству, а фактическим доказательством такового их преступления послужил найденный при обыске у жены одного из них бумажный метр, рассылаемый при модных журналах. Словом сказать, ни для русских людей, не желающих отказаться от своего происхождения и родного языка, ни для священников-униатов, не желающих содействовать латинизации униатской церкви, не говоря уже о православных, не существует в Австрии ни конституции, ни Законов, ни государственной защиты, ни суда, ни школы, ни прав гражданских, политических и даже имущественных. Под самыми пустыми предлогами на русских галичан сыплются обыски, аресты и штрафы до полного разорения. Виртуозность австрийских властей в этом отношении доходит до высшей степени изобретательности. Так, напр[имер], какой-нибудь стойкий русский человек под каким-нибудь выдуманным предлогом вызывается за много верст к местному начальнику, и это повторяется по несколько раз последовательно, чем подвергнувшийся такому истязанию доводится до полного изнеможения, а надругатель с формальной стороны прав. Или, напр[имер], составляется обвинительный протокол, что на своем земельном участке такой-то допустил произрасти сорным травам и за это налагается штраф, доходящий до 40 и более крон (16 руб.).

Неистовый разгул произвола местных властей над Русским народом Галиции не встречает ни в малейшей степени обуздания со стороны центрального австрийского правительства, так как он соответствует видам ее политики. Покровительство, оказываемое мазепинству, соблазнило большую часть галицийской интеллигенции духовенства перейти в лагерь украинцев и вести ожесточенную борьбу с так называемыми москвофилами, которые, несмотря на то, что со всех сторон окружены врагами, лишенные защиты Государства в самых законных неоспоримых правах существования,

фактически находящиеся вне Закона, все-таки защищаются с энергией отчаяния.

IV

Еще до недавнего времени главными фаворитами австрийского правительства были галицийские поляки, как наиболее удобное орудие против России, но теперь благорасположение его разделили и не только разделили, но, как кажется, обратили на себя в бо́льшей степени, украинцы. Расчет при этом был очень простой. Австрийские политики правильно рассудили, что культивация украинства, ненавистнического России, с внушенной показной целью стремления к «самостийности» Украйны, «угнетаемой царатом», а в действительности для приобщения нашей Малороссии с ее 20-миллионным населением на манер Боснии и Герцеговины к числу народностей, благоденствующих под скипетром Габсбургов[9], принесет много больше выгоды и, вернее, приведет к цели – господству над славянами. Австрии нужна польская ненависть к России для ослабления этой последней, но по достижении ее разгрома поляки, конечно, будут стремиться к их заветной мечте – восстановлению самостоятельного польского королевства и, конечно, не удовольствуются скромною ролью вассалов австрийского Государства. Чем больше славянских народностей войдут в его состав, тем значительнее будет влияние польской их части и тем понятнее будет их стремление к полной государственной обособленности, в чем, однако, они, по всей вероятности, жестоко ошибутся.

Могут, однако, встретиться возражения: почему же благосклонное отношение австрийского правительства к украинскому движению считать актом, направленным против целости Русского Государства? Но какой же другой смысл и значение может иметь покровительство движению, созданному до очевидности искусственно, более того, прямо нелепому, бессмысленному, ибо такого племени, такого народа – украинского – нет и быть не может. Слово «Украйна» есть

термин географический, а не этнографический, и обозначает окраины Государства, и всякий их обитатель, будь то малоросс, поляк, турок и, словом, кто бы ни был, может называться украинцем. Равным образом, и языка украинского быть не может, и волапюк или эсперанто, изобретенное Грушевским[10] и К° под видом украинского языка, составляет фабрикацию, непонятную народу. И вот австрийское правительство для этой искусственной национальности, взрощенной исключительно на почве беспричинной ненависти к Русскому державному народу, собирается основать университет с украинским эсперанто, как преподавательским языком. Но, как ни нелепа кажется, на первый взгляд, эта затея с насаждением искусственной народности с искусственным языком, однако, принимая во внимание зачаточное положение политического развития наших общественных групп, полное отсутствие патриотического воспитания, легкую податливость к внушениям посредством соблазнительных, но совершенно бессодержательных формул, как – свобода, равенство, братство, очень немудрено заразить общество ядовитым брожением и создать сепаратическое стремление. Да оно уже и началось и потихоньку свершает свою гибельную задачу, не встречая заметного противодействия со стороны органов охраны целости Русского Царства.

V

Таким образом, представляется совершенно несомненным, что государственная цель австрийской политики заключается в достижении главенства над славянскими народами, для чего правительство Австрии пользуется всяким случаем расширить границы своих славянских владений и неустанно подкатываться под могущество России, причем главными орудиями служат ей ненависть к России поляков и распространение украинства.

До несчастной японской войны австрийское правительство вело свой подкоп очень осторожно, исподволь, но неудач-

ная война, позорный портсмутский мир, а затем окончательное ослабление правящей власти, допустившей совершенно искусственную революцию и создавшей настоящее крайне неустойчивое и неопределенное положение, поощрило Австрию к более энергическим и решительным выступам, как аннексия Боснии и Герцеговины[11] и доведение до последних пределов террора в целях окончательного истребления русской народности в Галиции.

В этой, острием направленной против России, политике, Австрия опиралась на могущество Германии, правители которой не раз считали нужным высказать к сведению всех, у кого есть уши, что, в случае военного столкновения Австрии с другою державою, а таковою могла быть только Россия, германские войска будут сражаться рядом с австрийскими.

Несмотря на то, что мощь России была значительно потрясена неудачной войной и еще более внутренней смутой, она все же представляла очень сильного и опасного противника, тем более, что пережитые ею несчастья были следствием не падения ее материального могущества, а духовной немощи и заблуждений руководящих сфер общества и сбитого ими с толка правительства. Поэтому-то австрийская политика старалась внести яд разложения в родственные русские племена населения Государства, внушением ненависти к великороссам среди малороссов, переименованных для более наглядного доказательства того, что между ними и великороссами нет ничего общего, в украинцев. Поляки и галицкие, и наши доморощенные с не меньшим усердием пропагандировали в то же время отчуждение белороссов сев[еро]-западного края, переименовывая нас в русинов. Внося таким способом смуту и сея ненависть в различных русских племенах к господствующему великорусскому, объединившему их в одно могучее целое и тем доказавшему свою способность к государственному строительству, эти ближайшие враги и соперники стремятся, очевидно, к тому, чтобы Россия привитым ей ядом разложения ослабла так, чтобы для окончательного развала ее не потребовалось затраты больших усилий, и

она рухнула бы при самом легком внешнем толчке, а может быть, и без оного, а исключительно от своего собственного окончательного сгниения.

Ныне, когда ко всем разрушительным силам, внешним и внутренним, действующим губительно на организм Русского Государства, присоединилась еще балканская война, к которой Россия не может относиться равнодушно, ибо это означало бы отказ от своей исторической государственной задачи, преследуемой многие сотни лет, и положение России, еще не выбившейся на широкую и определенную дорогу в своем внутреннем далеко не законченном переустройстве, осложнилось прибавлением трудноразрешимой внешней задачи, в которой замешаны и перепутаны множество противоположных интересов, Австрия сочла, по-видимому, все сочетание событий сложившимся столь благоприятно для ее целей, что она стала вести себя против России самым вызывающим, или, как теперь выражаются, провокаторским образом, в чем ей вторит до известной степени и Германия.

Достаточно вспомнить наглейшие притеснения многих русских подданных под предлогом шпионства и последний только что разразившийся эпизод с русским инженером г. Алехиным, брошенным в тюрьму без всякого основания и продержанным там 2 месяца с запрещением снестись с русским представительством в Вене, двукратное публичное оскорбление, нанесенное в Львове изображению Русского Монарха, оставшимся без всякого достойного удовлетворения, и многие другие выходки. Германия и в этом отношении не отстает от своей союзницы, как показал недавний случай с одним из русских офицеров, официально командированным в Германию с точно определенным поручением, обвиненным в шпионстве и осужденным германским военным судом к 5-летнему тюремному заключению без малейших уличающих данных.

А между тем, еще очень недавно отношения Германии к России были совсем иные: в 1905 г. мы не усомнились совершенно оголить от войск нашу европейскую границу в твердой вере в дружелюбие Германии, которое так быстро преврати-

лось в презрительно-вызывающее и даже прямо угрожающее поведение.

Кто виноват в порче старинных добрососедских отношений обеих держав: германское ли коварство и эгоизм или неспособность нашей дипломатии, деятельность которой за последнее семилетие вызывала всеобщее неудовольствие в русском обществе – решить мудрено, да и надобности нет этого доискиваться; надо считаться теперь с действительно создавшимся положением, и правильно оценив его, готовиться ко всяким случайностям, чтобы не быть застигнутыми врасплох, что постоянно оказывалось при всех наших столкновениях как внешне военных, так и внутренне революционных.

VI

Теперь же нам грозит одновременно и то и другое. Что же делать? Какой путь избрать? Мнение политической печати раскололось на два противоположные направления: часть советует полное невмешательство и предоставление балканского союза его собственной участи, которая обусловится исходом войны. При этом указывается, что наше Правительство было против войны, но что славянские Государства пренебрегли советами русского Правительства (и, по-видимому, поступили правильно с точки зрения их политических выгод), что, усилясь, они, южные славяне, окажутся нашими более опасными врагами, чем турки, напоминалась их неблагодарность, обнаружившаяся тотчас же после освободительной войны 1876 г. Пусть все это правда. Пусть все балканские славяне, вместе взятые, и с греками в придачу, не стоят капли крови одного русского солдата и, затеяв сами борьбу с турками, пусть сами и расхлебывают кашу, заваренную вопреки предостережениям и советам русского Правительства. Но разве Россия вела свои многочисленные войны с турками только в интересах славянского населения Балканского полуострова? Разве у нее не было там своих русских государственных интересов? Достаточно напомнить хотя бы вопрос

о проливах, который нашим Правительством считается настолько существенно важным для России, что еще так недавно разрешение его в благоприятном для нее смысле противополагалось как компенсация за захват Австрией Боснии и Герцеговины. Но, допустим на минуту, что тот или другой исход балканской борьбы нисколько не затронет русских интересов, и потому мы можем смотреть на нее сложа руки, и ничего не предпринимая. Пожалуй, это было бы возможно, но только при одном условии, чтобы и остальные европейские державы отказались от вмешательства в турецко-славянско-греческое состязание. Но происходит нечто совершенно обратное. Все они, чуя скорое наступление момента окончательного развала турецкого владычества в Европе, озабочены задачей не допустить захвата какого-нибудь лакомого куска своему соседу и урвать себе все, что только возможно. Так, Англия уже успела захватить остров Тезос и гавань Кавалу близ Дарданелл[12] (это наша согласница-то!), Германия выговорила себе какие-то концессии, Австрия создает под своим покровительством, т. е. предлогом к вечному вмешательству в дела балканских стран и давлению на них, – независимую номинально Албанию, которая окажется постоянною гнойною язвою и причиной вечного беспокойства и брожения на полуострове, даже созданная нами Румыния и та, палец о палец не ударив, претендует почему-то на какую-то за что-то компенсацию, и пока еще болгары, дерущиеся смертным боем с турками, ровно ничего не получили, она наглейшим образом требует прирезки к себе части болгарской земли с крепостью Силистрией. И в то же время, если верить газетным сообщениям, германское правительство объявило нашему, что всякое наше выступление в Малой Азии против Турции оно сочтет за casus belli[13]. Теперь спрашивается: может ли Россия, соблюдая *свои* государственные интересы, допустить без вмешательства и без всякого противодействия такое хозяйничанье Австрии на Балканском полуострове, которое отдает его весь в ее полновластное распоряжение? Конечно, не может, не изменяя своему историческому назначению и не

компрометируя окончательно своего положения как великой мировой державы. Допустив вытеснить русское влияние на славянские народности Балкан, Россия окажется в том же положении, в каком была Австрия после Садовой: она утратила смысл своего существования и либо разваливается, либо будет вынуждена отыскивать другую цель, достойную великой державы, что будет ей много потруднее, чем Австрии 1866 года, или и совсем невозможно.

VII

Что касается до положения России среди остальных государств не только Европы, а и всего мира, то на всем земном шаре, во всех пяти частях света не найдется ни одной значительной страны, нам искренно дружественной. От западной нашей границы и до Великого Океана мы окружены соседями, без исключения заинтересованными нашим ослаблением. Даже настоящие наши односторонники – члены тройственного соглашения[14] заинтересованы в нас как в щите, готовом принять на себя главные удары их врагов и соперников, которые из этого столкновения выйдут, по их расчету, если и победителями, то настолько ослабленными, что долго не будут опасными ни Франции, ни Англии, чего только этим и требуется. Растущее могущество России вовсе не в их интересах, в особенности Англии, стремящейся к мировой гегемонии и, конечно, понимающей, что ее вероятной соперницей в этом может быть, скорее всего, Россия, обладающая для того наиболее счастливыми условиями, так как она может достигнуть мирового преобладания исключительно естественным ростом своего населения, далеко еще не заполнившим в достаточной мере огромную территорию Империи, находящуюся не в чрезполосице, как у других ее конкурентов, а в одном куске, а это составляет огромное преимущество.

Для германского drang nach osten[15] могущественная Россия, сознавшая свои национальные и государственные интересы, составит совсем нежелательную преграду. Пре-

тендуя тоже на мировое преобладание, Германия не может ограничиться тесным пространством, занимаемым ею в Европе, и будет стремиться расшириться, конечно, в сторону наименьшего сопротивления. Если бы она находилась в союзе с Россией, то, по всей вероятности, мелкие Государства Запада и часть земель Австрии, а может быть, и вся она легко сделалась бы ее добычей, ибо единственная держава, которая могла бы оказать ей сопротивление – Франция, – давно утратила свое военное обаяние и с ним и могущество, Италия удовольствовалась бы клочками своей irridenta[16], австрийские немцы и сейчас тоскуют об оторванности своей от общего германского vaterland΄a[17], а остальные народности переменили бы только одно владычество на другое. Получив выход к Адриатическому морю, Германия могла бы оставить Балканский полуостров и его народностям развиваться самостоятельно под влиянием России и, таким образом, «восточный вопрос» мог разрешиться без необходимости прививки к нему постоянного гнойника в виде искусственной Албании, нужной исключительно только Австрии для давления на Государства полуострова, когда это будет представляться возможным сложившимися обстоятельствами. Но вмешательство России в распрю между Германией и Францией в пользу и во спасение последней не дало образоваться естественному обоюдовыгодному союзу двух соседей, и вынудило Германию искать союза со своим недавним соперником для обороны от восточного соседа, предоставив Австрии свое содействие в развитии политики австро-славизма, что избавляло Германию от покушений Австрии возвратить свое значение в германском мире и обращало фронт ее государственных стремлений на Восток.

Почему руководители русской политикой того времени предпочли создать бок о бок с собою недовольного врага вместо заинтересованного союзника. Почему в *интересах России* требовалось заступничество за Францию, в течение целого столетия, с конца XVIII века, постоянно враждовавшую против нас – понять очень мудрено.

В интересах пресловутого «равновесия»? Но к чему это равновесие России, которая сама, одним своим существованием составляет живое противоречие всякому равновесию? Это равновесие могло интересовать Государства Западной Европы для сохранения баланса между ними, но Россия, перевешивая своею тяжестью чуть не всю взятую вместе Европу, могла относиться весьма равнодушно к изменению объемов любой европейской страны.

Не препятствуя распространению Германии на Запад, русские политики не только отвращали ее от стремления на Восток, но ставили ее в необходимость искать благорасположения России для обеспечения своего тыла и фланга с юга. А свои западные приобретения Германия не могла бы переварить очень долгое время и тем дольше, чем они были бы значительнее, а Россия на все это время получила бы полную свободу действий в разрешении Восточного вопроса, в который Англия одна, без помощи Франции, ввязаться бы, наверно, поостерегалась, Италия занята была бы своим объединением, а Австрия не посмела бы и шевельнуться со своими славянскими полками против славян. Очевидно, что политика Александра II 1870 года была правильнее и понимала интересы России лучше, чем политика 1875 года, хотя последняя и пользовалась большим сочувствием нашего общественного мнения, воспитанного в почтении к принципам «великой» Французской революции.

VIII

Однако сделанных ошибок не воротишь, и теперь приходится считаться с создавшимся положением, которое по отношению к России заключается в том, что, вместо восточного возник теперь *Русский* вопрос: удастся или нет Австрии, интригами или силою, при содействии Германии развалить Россию и занять ее место в славянском мире. Что таково стремление Австрии – может не видеть только безнадежная политическая близорукость или намеренное предательство.

А сознавая это, можно ли рассчитывать на какое-либо соглашение с Австрией? Казалось бы большою наивностью предполагать возможность такового, и было бы очень странно читать известие, что между русским и австрийским правительствами достигнуто «полное соглашение» по балканскому вопросу. Можно прийти к соглашению с противником, но какое соглашение может состояться между соперниками, из которых жизненная задача одного заключается в стремлении занять место, занимаемое другим. Отказалась ли Австрия от политики австро-славизма? Согласилась ли Россия уступить ей свое место в славянском мире с Малороссией на придачу? Сколько нам известно по ходу событий, в обеих странах не случилось ни того, ни другого. Или обе державы согласились в разграничении сфер своих влияний в славянских странах? Но это со стороны русских политических руководителей было бы не только грубейшей, но и пагубнейшей, непозволительной ошибкой. Повторение истории Боснии и Герцеговины будет смертным приговором России. Согласие же Австрии на разграничение сфер влияния будет заведомым обманом, которым на некоторое время будут прикрыты ее истинные стремления к гегемонии в славянском мире.

Таким образом, для России создалось теперь такое положение, что столкновение ее с Австрией является неизбежным. Хочет или не хочет она войны, а таковая будет, если только Россия не откажется добровольно от своего мирового значения и сама не станет членом славянской федерации под скипетром Габсбургов, чего, конечно, предположить нельзя. Ввиду этого Россия в военном отношении должна быть во всякую минуту готова к столкновению, а в отношении внутренней политики зорко следить за вреднейшей интригой «украинства» в Малороссии и «руссинства» в Белороссии, и принимать энергические и разумные меры противодействия развитию этого злобного и коварного яда.

Восточный вопрос, столь долго занимавший корыстное внимание Европы, теперь, очевидно, рухнул, обманув многие аппетиты. На его место теперь выдвигается другой, еще бо-

лее громадный вопрос, вопрос, который подготовлялся уже много лет разными приемами, начиная от расстройства всех функций нашего государственного существования до искусственной революции включительно, – вопрос *Русский*. Удастся ли русскому колоссу устоять на ногах или же он рухнет и, рассыпавшись на составные части, послужит образованию новых государственных организмов, это зависит всецело от мудрости и искусства его государственных людей.

Кто-то сравнил, что Россия – это колосс на глиняных ногах. Совершенное заблуждение: именно ноги-то у этого колосса и обладали до сих пор, да и теперь еще обладают мощностью. Сумеет ли голова русского колосса оценить и выгодно использовать прочность и силу его ног – вот в чем задача и отчего зависит благоприятный исход *Русского* вопроса.

ПЕРЕПИСКА К. Н. ПАСХАЛОВА

К. Н. Пасхалов (Колосово, Тульской губ.) – Д. А. Хомякову[1] (Москва) 31 октября 1914 г.[2]

Нет никакого сомнения, что все эти общеземские и городские организации суть не что иное, как бастионы, воздвигаемые для будущей неизбежной борьбы «общества», т. е. прохвостов, стремящихся к расхищению власти, – с нашим глупым и близоруким правительством, которое само усердно помогает этим сооружениям, да еще беспредельно сыпет в них миллионы, идущие не столько на раненых, сколько в многочисленные карманы присосавшихся к ним организациям лиц с весьма сомнительной репутацией относительно деликатного обращения с чужой собственностью. Предостерегал я, кого следует, но вотще. Да и ничего нельзя сделать: мы теперь ведь успокоились, что никакой крамолы нет, и все антиправительственные волки обратились в патриотических ягнят. Доверие полное, а никому в голову не придет, что все эти новоявленные патриоты предъявляют потом аптекарские счеты. Вы спрашиваете, что я думаю о войне с Турцией. Это еще новая и весьма трудная задача, навязанная нам подлым Михелем. Что и говорить, – лестно снова водрузить крест на Св. Софии и получить ключ от проливов, но сбудется ли это даже при блестяще успешной кампании, а если и сбудется, то в какой форме осуществится. Я вообще убежден, что, по окончании возникших войн, для нас настанет самое трудное, самое

тяжелое время. Вместить в свое лоно тройное число поляков, в примирение которых с нами я ничуть не верю, – четыре миллиона мазепинцев, да миллион галицких жидов, – все это едва ли будет способствовать процветанию и спокойствию Государства. А чтобы сделаться хозяевами выхода из Черного моря, надо взять не один только Константинополь, но оба берега Босфора, Мраморное море и Дарданеллы, и окружиться непримиримыми врагами, все мечты которых будут в том, чтобы нас оттуда выгнать. А ведь мы сейчас же порто-франко устроим, или что-нибудь вообще кисельное.

———

К. Н. Пасхалов (Колосово, Тульской губ.) – Д. А. Хомякову (Москва) 17 января 1915 г.[3]

Я понятия не имею об Игнатьеве[4], но, помнится, я слышал в старое время, что дети Николая Павловича[5] умом не отличались. Но он будет очень подстать нынешнему режиму. Ведь если все остальные его старшие сотоварищи, за исключением совершенно бессильного Н. А. Маклакова[6], не понимают всего величия нашей государственной идеи, если же грозные события последних дней не разбудили их и не убедили в ее неизмеримом превосходстве перед ложью «народного представительства», то Игнатьеву, ходившему на пристяжке у криводушной пальмы[7], и Бог простит. Знаете, уж не то жалею, что губится самобытность, а может быть, и существование России, а то, что она отдана на произвол вот такой ничтожной пошлости. Больно видеть, как эта сволочь своими корявыми лапами мнет и тискает драгоценную для нас вещь и, будучи не в силах изобрести что-нибудь оригинальное, перекраивает русский кафтан на куцый революционный фрак. До чего все эти думские «нечитайлы» и «пьяных» безнадежно подлы и непозволительно глупы, вы могли убедиться из заседаний бюджетной комиссии, а до чего они кость от кости и плоть от плоти нашего

«общества», доказал курортный съезд, превратившийся с самого открытия в митинг по равноправию жидов. Нет, теперь очевидно, что беспримерная военная слава принесет нам беспримерные горькие плоды.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Д. А. Хомякову (Москва) 9 марта 1915 г.[8]

Можно подумать, что составление этого Закона было поручено не русским сановникам, а Бетман-Гольвегу или Гинденбургу[9], до того он мало тревожит спокойствие немцев на нашей земле. Закон этот – такая гнусная подлость его составителей, что, если после войны начнется революция на почве немецкого засилья, то едва ли у Правительства найдется много сторонников. В Министерстве был составлен совершенно не тот проект Закона, который получил утверждение 2-го февраля. По словам Н. А. Маклакова, его проект заключал обязательное отчуждение земель немцев, а не вольную продажу, которая поведет к мошенничеству, совершенно неумолимому, потому что будет совершаться на законном основании. Проект Министерства Внутренних Дел искажался последовательно в Министерстве Юстиции, Сенате, Совете Министров, откуда, наконец, и вышел очищенный взгляд от всякой принудительности для немецкого землевладения. Эти сановные немецкие холуи забыли, что есть еще на свете Русский народ, кипящий негодованием на озверелых немцев, и что если немцефильские верхи не избавят его от ненавистного отныне сожительства, то он сам придет себе на помощь. Кого тогда пошлет Правительство усмирять народ и защищать любезных ему немцев? Да, помимо польского, армянского, жидовского, босфоро-дарданеллского вопросов неизбежно возникает и немецко-землевладельческий, к сожалению, не решаемый шулерским Законом 2-го февраля. Как его исправить, по-моему, есть на то

два пути: экстренный сбор Думы, которая теперь еще настроена «патриотически», но более верный – воспользоваться еще не стертым «Самодержавием». Маклаков полагает, что при исполнении Закона на практике могут быть введены изменения, исправляющие его погрешности, но я эту возможность решительно отрицаю.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – В. Ф. Снегиреву[10] (Москва). 9 марта 1915 г.[11]

Поездка моя в Петроград вызвана появлением прямо шулерского Закона 2-го февраля о немецком землевладении, составленном так искусно, что немцы могут, не нарушая его юридически, оставаться владельцами всей Русской земли, ими до сих пор захваченной. Но, зная настроение народа и армии против немцев, можно с достоверностью предвидеть, что народ сам начнет освобождаться от ненавистного сожительства, и что же тогда будет творить Правительство? Усмирять народ? Кем? Армией? Но едва ли казаки пойдут защищать немцев от Русского народа. Петроградские чиновники дождутся после войны такой бучи, какой и не воображают.

———

К. Н. Пасхалов (Колосово) – Н. А. Маклакову (Петроград). 6 июня 1915 г.[12]

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич.

Час назад начальник Алексинской почтовой конторы протелефонил мне «последние новости» – текст «милостивого» Рескрипта, освобождающего Вас «по болезни» от руководства Мин[истерством] Внут[ренних] Дел. Хотя я ожидал это-

го еще с момента наречения Вас «присутствующим» членом Г[осударственного] Совета, хотя я и раньше чувствовал, что не сбыться надежде на восстановление исторически выработавшего русского самобытного государственного строя, возродившейся во мне, когда в ночь на 30 марта 1913 г. Вы познакомили меня с Вашими политическими убеждениями. Но все-таки этот давно предвиденный конец произвел такое же сильное потрясение, какое произвело прежде ожидание смерти и ее наступление, и как при смерти дорогого лица хочется выплакать свое горе, так и мне при окончательном крушении надежды на возвращение России на ее истинный исторический путь хочется высказать кому-нибудь всю горечь охватившей меня безнадежности.

Но кто же, кроме Вас, посвятившего меня в планы предполагавшегося возрождения, на пути к которому уже был, казалось, сделан первый шаг, – поймет, почему именно я особенно сильно удручен Вашим увольнительным Рескриптом?

Только Вы знаете, что для меня он – похоронный звон моих политических надежд, отныне окончательно переселившихся в историческую вечность. Ваше назначение было последней судорогой изувеченного проклятыми палачами 1905 г. нашего родного, величавого Самодержавия, этого совершеннейшего выражения государственной мудрости. В борьбе с нашей чиновничьей и жидовской революцией оно по инстинкту самосохранения ухватилось совершенно правильно за Вас, лучшего оружия оно не могло выбрать, но Самодержавная рука, ослабленная многочисленными расхищениями ее силы, не была в состоянии использовать схваченное для своего спасения оружие и выпустило его на радость всем поклонникам фальшивого призрака «народного представительства», ведущего Государство в рабство пошлой посредственности толпы, бессознательно подчиняющейся честолюбивым интриганам, политическим шулерам и разрушителям Государства. Вы были последней поддержкой Самодержавной власти, и теперь, когда эта поддержка выпущена из рук, разложение его пойдет быстрыми шагами. Всего вероятнее, что она перегонит даже

окончание австро-германской войны и мерзость принципов «великой» в своей ужасной подлости французской революции 93 года, измышленных для одурачения слабоумной толпы и выраженных в лозунге «Свобода, равенство и братство», воцарится на святом месте Самодержавия. Горько и обидно видеть такое осквернение величайшего идеала государственного управления; еще обиднее, что Власть сдается, не сознавая своей силы, поддаваясь лжехолопам «либерализма», и добровольно ведется на заклание, добровольно лишая себя своих защитников. И в какое время! Когда именно на русский государственный идеал обрушился во всем своем несравнимом недосягаемом величии. Когда все вопли против него оказались явно фальшивыми, клеветническими, когда обнаружилось, что Россия была не тюрьмою народов, как уверяли малосмысленные поклонники западных начал конституционализма, а страной, за которую все составляющие ее народы, кроме жидов и остзейских немцев, готовы жертвовать жизнею и достоянием, когда неограниченная Воля Самодержавного Царя проявилась блистательно в мгновенном избавлении народа от векового зла – пьянства, когда весь цивилизованный мир с Англией во главе сознал, какой доблестный народ воспитался под воздействием русских государственных и духовных идеалов. И в это-то время отказываться от наиболее убежденного в них сотрудника! Но зато с Вашим изъятием из Совета Министров достигнет, наконец, его «однородность» в стремлении к развитию «представительных» начал, столь ожидаемых жидовой и ее русскими сознательными и бессознательными прихвостнями. Не имею понятия о Вашем преемнике, но так как он свой административный опыт приобрел в конюшнях, то, надо полагать, будет под пару государственным лилипутам, собираемым в Совет, его настоящим коневодом.

Итак, Ваш увольнительный Рескрипт убил во мне всякую надежду на возврат России на ее исторический государственный путь. Русская Россия отпета окончательно, отпета и похоронена. Вскоре […] за нею окончится и Россия православная, которой смертельный удар был нанесен 17 апреля 1905 г., и

окончательно доконают его прихвостнем вроде графа Бобринского, допускающего православное Богослужение только когда оно будет выбаллотировано большинством $^{2}/_{3}$ всех жителей. А ведь также мудрецы теперь в самой моде. Мне из весьма авторитетных источников известно, в какое унизительное положение поставил этот злополучный граф православие во вверенной ему управлению Галиции.

Не знаю, насколько Вы огорчены необходимостью «по болезни» оставить Ваш министерский пост, но я за вас лично рад, что Вы вышли, наконец, из нестерпимо фальшивого положения, в которое Вас ставило несоответствие личного и делового отношения к Вам Власти. Горячо Вам сочувствуя, я часто болею за Вас душою, слушая упреки Вашей деятельности, зная, что они порождены враждебными влияниями, побороть которые Вы не были в состоянии, да и было не в Вашей власти.

Но хоть и тяжелая Ваша «болезнь», я твердо уповаю, что Вы от нее оправитесь, а вот дело то, которое Вы призваны были совершить в минуту просветления от ядовитого тумана, напущенного авторами Портсмутского позора[13] на радость всего «либерального» […] чиновничества, теперь уже убито окончательно и безвозвратно. Осталось одно политическое невежество, неспособное охранить старые заветы, хранить корни нашей государственной жизни, которому по плечу тупое, бескритичное подражание чуждым образцам, потерявшим кредит даже на своей родине. Будущее и даже, может быть, очень близкое чревато угрозами. Если, по милости Божией, благополучно минет внешняя гроза, то вслед за ней всеми чувствуется и ожидается неизбежно внутренняя буря. Порывы ее уже проявились в московском разгроме, и теперь уже можно опасаться, что никакие мероприятия хуторских и конюшенных специалистов не будут в силах прекратить дальнейшее развитие народного негодования на потворство внутренней немецкой язве.

А при этом, как доказал московский опыт, на одного немца гибнут десять русских. И тут уж от этой угрозы никуда не уйдешь! Да пощадит нас и Россию Создатель!..

Я маленький человек, ничтожный атом огромного Русского Государства, но волею Провидения попавший неожиданно из заурядной обывательской жизни в водоворот политической стремнины, я слишком остро чувствую болезненный процесс, переживаемый моей Россией, и насколько в силах, стараюсь указать заблаговременно, в чем кроется опасность, чего следует избежать. Увы, мой предостерегающий [голос] не был услышан и не удостоился внимания.

Очень желал бы ошибиться в моих мрачных предвидениях, но боюсь, что я прав.

Кончаю письмо уверением, если только Вы хоть немного придаете тому цену, что мое личное расположение, сочувствие, уважение и доверие к Вам остались ни на волос не поколебленными.

Примите же, дорогой Н. А., мой сердечный привет и выражение полного сочувствия Вам и сердечного желания завоевать почетное положение себе и своим убеждениям, на какое бы поприще судьба Вас не поставила.

Передавайте мой привет и дорогой Марии Леонидовне, приветливость которой ко мне навсегда останутся отрадным моим воспоминанием. Жена моя горячо и сердечно присоединяется к моим чувствам, и, если когда-нибудь Вам вздумается навестить нас в Колосове, Вы всегда встретите наш дружеский, радушный прием и порадуете самим приездом нас, стариков, его хозяев.

Неизменно преданный и любящий Вас К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Москва, Национальная гостиница) – Н. А. Маклакову 1 июля 1915 г.[14]

Дорогой Николай Алексеевич.

Давно хотелось мне откликнуться на Ваше письмо, но военная буря унесла всех моих колосовских сотрудников, на-

чиная от управляющего и кончая кузнецом, и я вынужден для поддержания моей сельскохозяйственной машины удвоить свое участие в ее работе и потому, когда я дома у себя в деревне, мне почти не останется времени для письменного стола. Вчера дела потребовали моего присутствия в Москве, и я пользуюсь первой же свободной минутой, чтобы побеседовать с Вами. Ваше удаление из МВД тотчас же отразилось моим удалением со страниц «Мос[ковских] Ведомостей». Первая же моя статья была отвергнута, хотя она составляла продолжение целого ряда статей о внутреннем немце, напечатанных без всяких сокращений, пока Вы были у власти. Это штрих очень мелкой людской подлости, но его не лишне отметить как специфическое свойство деятелей нашего времени, увы, якобы нашего «направления»! Правда, это жестоко прискорбное явление: как мало между признающими себя «монархистами», «правыми» честных и твердых людей. Целый ряд деятелей этой группы изменил своим идеалам и поплыл по течению, ведущему к «конституции», а м[ожет] б[ыть], и к гильотине. Все думские уже отравлены ядом «народного представительства», становясь таким образом в ряд с единственным законным и действительным народным представителем – Царем. Совместить Самодержавие и народ представительством из хамья могла только голова экс-анархиста, а ныне статского советника и кавалера Льва Тихомирова, и все наши политические недоноски, начиная со Столыпина – да простит ему Господь весь вред, принесенный России, – в соучастии с кантонистами из жидов, – и кончая ныне собранным в С[овете] Министров ничтожеством.

Вы грустите от «разочарования в идее». А я как раз наоборот: скорблю именно потому, что в моей государственной идее не разочаровался, а ценю ее по-прежнему превыше всего и с ужасом наблюдаю, как ее топит тот, кто ее осуществляет, топит, я верю в это, бессознательно, нагло до очевидности обманываемый шайкой интриганов и политических тупиц. Не думаю, что происходящее сейчас вызвано военной неудачей. Мне кажется, что оно случилось бы и при всяком

обороте военного счастья. Наша революция, которую не видят только безнадежно близорукие оптимисты, пользуется решительно каждым случаем, каждым предлогом для шага вперед. Ведись война с оглушительным победным успехом, – революция приписала бы это заслугам «народного представительства» и потребовала бы компенсации, а все неудачи засчитываются в пассив Правительства, и опять-таки с него взыскиваются убытки.

Правительство засыпало революцию сотнями миллионов на помощь раненым, а она, растратив и расхитив половину, кичится своими заслугами в этом деле. Гучков в сентябре 1911 года кричал в Г[осударственной] Думе «караул» от того, что военная часть у нас в полном расстройстве и еще тогда ладил на место военного мин[истра] посадить Поливанова[15], а 11 декабря того же года у нас, в Калуге, заявлял, что армия наша в таком идеальном порядке, в каком никогда не была, и что этим она обязана исключительно октябристам, и что только они – настоящие деятели, а все прочие, в особенности «правые» – это «бывшие люди». Это его подлинные, точные слова… Но довольно теребить неизлечимую рану… Непременно постараюсь повидаться с Вами, дорогой Н[иколай] А[лексеевич]. Во второй половине августа я должен быть в Москве и тогда, снесясь с Вами (по телефону?), я тем или иным способом нагряну к Вам и милой Марии Леонидовне, которой прошу передать мой сердечный привет, к которому присоединяется и жена, которая знала, что я буду Вам писать из М[оск]вы. Крепко жму Вашу русскую руку, и да приведет Господь Вам принести пользу дорогой, но горько несчастной нашей Родине. Искренно Вас любящий К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Колосово) – Н. А. Маклакову 30 августа 1915 г.[16]

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич.

Считаю необходимым и для нас полезным осведомить Вас о нижеследующем. 27 августа с. г. в Саратове собрался малый съезд уполномоченных разных монархических организаций, на который был приглашен и я, для совещания о том, что нам предпринять ввиду нагло наступающей шайки грабителей власти, проводящей еврейское равноправие первым номером своей шулерской программы.

На этом совещании был выработан текст обращения к Государю, каковое и послано ему телеграммой, решено собрать общий съезд монархистов для того, чтобы были услышаны голоса не одних левых обманщиков, говорящих от имени якобы народа, но и голос действительного народа, местом для съезда выбрали Нижний Новгород для того, чтобы в нем не взяли засилье, так сказать, профессиональные монархисты: Марковы, Коновницыны[17], Дубровины, Пуришкевичи и им подобные, а в Москве – Восторгов с Назаревскими[18], которые все поголовно старательно загрязнили друг друга и потеряли уважение масс. Инициаторами съезда и деятельными работниками по его организации состоят: в Саратове – редактор «Волги» Н. П. Тихменев[19], в Астрахани – Тиханович-Савицкий, в Одессе Родзевич, издающий «Русский голос». Им поручены все подготовительные действия, необходимые для осуществления задуманного дела. Кроме того, съезд уполномоченных в Саратове постановил поднести теперь же Государю Икону Владимирской Божьей Матери через депутацию, в которую избрали 8 человек и в первую голову меня. Но все мы люди маленькие, невлиятельные, без всяких связей и заручек, и потому оглядываемся вокруг себя и ищем: кто бы нам пособил? Вот мне и пришло в голову спросить Вас: хотите ли и можете ли нам помочь? Личным участием или советом и указаниями – за все будем благодарны. Но если и отрицательно отнесетесь к моей просьбе, – то ни огорчаться, ни упрекать Вас не стану.

Порываюсь увидеться с Вами, но т. к. Думу не распускают ввиду того, что она еще недостаточно навредила России, то и Совет действует, и в Ярцеве я Вас, пожалуй, в начале сентября не застану.

1 сентября я должен быть в Москве, но долго не смогу, 5—6 должен вернуться домой в Колосово. Очень прошу не отказать в ответе, чтобы, по крайней мере, знать, что Вы это письмо получили.

Искренне Вам преданный и горячо любящий К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Москва) – Н. А. Маклакову (Ярцево, Московской губ.) 5 сентября 1915, 1 ч. дня.[20]

Дорогой Николай Алексеевич.

Не судьба! Переговорив с Алексеем Алексеевичем и узнав, что до самой усадьбы Вашей проезд – по шоссе, я взял автомобиль и сегодня в 7 ч[асов] утра поехал в Ярцево.

Сначала все шло хорошо, но когда […] мы съехали на Рогачевское «шоссе», то на первой же версте чуть не сломались, потом завязли так, что я и не чаял, что выберемся. Притом же я мог для свидания с Вами располагать только субботой, а потому, потеряв надежду на таком «шоссе», похожем скорее на окопы после бомбардировки «чемоданами», добраться к Вам […] с душевным прискорбием повернул обратно в Москву и первым делом отправился на ст[анцию] междугородного телефона – известить Вас о моей неудаче. Но тут после долгого ожидания оказалось, что мой слух настолько слаб, что я не мог расслышать ни единого Вашего слова. Сам кричал Вам во всю глотку – не знаю, расслышали ли? Уже потом «барышня» взялась быть толковательницей Ваших слов, но и она слышала с трудом.

Ужасно сожалею, а беседовать было о чем. Москва торжествует роспуск Г[осударственной] Думы – видимо для обывателя – забастовкой трамвая с 4 ч[асов] вчерашнего дня, а невидимо – на фабриках и заводах. Власть правительственная подает жиденькие увещания, которых никто не слушает и не обращает никакого внимания, а Москов[ский] гор[одской] голова издал прокламацию, в которой объясняет, что если бы послушались

Москов[ской] думы и исполнили ее постановления о передаче власти «обществ[енному] доверию», то война окончилась бы скоро и благополучно. Но до какой же невероятной степени глупости опустилась наша «интеллигенция» – прямо поразительно! Вчера вечером в одном доме я столкнулся с двумя кадетами[21], конечно, весьма довольными начавшимся безобразием. Напрасно я силился доказать, что от забастовки страдает наше дело на войне, терпит неудобство и лишения обыватель и всего менее отражается она на благополучии Правительства, в наказание которому учиняется. Наговорили они мне в ответ кучу форменной бессмыслицы, а ведь так поглядеть – умные и даже ученые люди. Но поведение власти – приводит в отчаяние. В ответ на прямо изменнические проявления – дряблая жидель и никакого воздействия! Что же это за Правительство, в самом деле, которое не умеет и не смеет заставить себе повиноваться и к предписаниям которого относятся с полным пренебрежением.

Без власти, приказывающей и наказывающей, Государство жить не может. Следовательно… да вот, подите, сделайте вывод из этой неоспоримой предпосылки. Жить стало не то что тяжело, а противно среди поголовного общественного мошенничества, удручающего безумия толпы и правительственного паралича! А немец прет!! Крепко жму Вашу руку и сердечно приветствую всегда милую М. Л., у которой целую ручку. Напишите мне в Алексин, куда я завтра возвращаюсь.

К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) — председателю Одесского Союза Русских людей Н. Н. Родзевичу 8 сентября 1915 г.[22]

Н. П. Тихменев указал мне на вас, как на организатора съезда, поэтому я просил бы вас не отказать мне в уведомлении, в каком положении это дело. После Саратова я был в Москве и сообщил о наших действиях и намерениях Н. А. Маклакову,

который выразил полнейшее нам сочувствие, нашел наши предположения своевременными и обещал всякую помощь, какую он только может оказать. Но прошу вас очень *сего не разглашать*, и, кроме вас, я *никому* об этом не сообщал. Так вот, если встретится надобность в содействии или помощи со стороны Н. А. Маклакова, пишите немедленно мне, а я передам, что нужно, ему. Впрочем, сейчас перечитал ваше августовское письмо и вспомнил, что вы лично с ним уже переговаривались, следовательно, можете к нему обратиться. Его адрес теперь: Почтовое отделение Каменка, Мос[ковской] Губ[ернии], с. Ярцево.

Икона Владимирской Богоматери готова, но рассчитывать на прием трудно. А вот необходимо, чтобы *все* или множество монархических организаций обратились к Царю с возражением против уверений леваков, что «страна» требует ответственных перед Гос[ударственной] Думою министров, т. е. государственного переворота. Поэтому я пригласил Тихановича разослать в этом смысле циркулярное уведомление. Только масса может произвести сильное впечатление, один же наш голос потонет в левом гвалте. Не откажите меня уведомлять, хоть кратко, но без промедления, о ходе дела, нами предпринятого. У меня множество дела и я не всегда могу от них освободиться. На днях пришлю вам мою записку по польскому вопросу, возражающую проекту Ф. Д. Самарина и К°[23]. Удручающее впечатление производит то, что за потоки русской крови стараются вознаградить и осчастливить жидов, поляков, армян, но о русском человеке никто не думает. Даже Самарины! В Москве я случайно виделся с о. Восторговым и надеюсь завербовать его в наших интересах. Все-таки это огромный талант и умственная сила! Ну, дай Бог вам сил и удач!

———

К. Н. Пасхалов (Колосово) — Н. А. Маклакову (с. Ярцево, Московской губ.) 19 сентября 1915 г.[24]

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Алексеевич.

До сих пор судьба не привелела нам встретиться […] мне так сильно хочется повидаться с Вами, что делаю еще попытку. На 22 назначено экстренное собрание Московского Дворянства, на котором я рассчитываю присутствовать. Что скажете Вы, если я выеду утром в среду 23 с поездом в 8 ч. утра, приходящим на ст[анцию] Поодсолнечную в 9 ч. 41, откуда, как мне сообщено, до Вас 20 верст. Не знаю только, найду ли там лошадей и хоть мало-мальски не пыточный экипаж. Если дорога даже очень нехороша, все же, думаю, доберусь до Вас часа через 4, т. е. около 2 ч. дня. Но вернуться в тот же день в Москву будет невозможно, и мне придется просить Вашего гостеприимства на ночь, и уехать бы от Вас утром, чтобы попасть на поезд, отходящий из Подсолнечной в 12 ч. 30 дня. Если можно найти сообщение между Подсолнечной и Ярцевым и если Вам удобно принять меня без малейшего для Вас стеснения, то благоволите телеграфировать мне утром 22 в Москву в Национальную гостиницу. В надежде еще раз замелькавшего нашего свидания я наполняю это послание повествованием о том, что случилось в последнее время не на мировой арене, а в нашем маленьком Калужском муравейнике, на Земском собрании, [собранном] очевидно и нарочито с целью присоединиться к московским Постановлениям. Но, увы, это им не удалось, несмотря на то, что желающих было «подавляющее» большинство, против ратовал только один. Совещание монархистов в Москве было очень жиденькое, хотя с громкими именами. В какую форму оно отлилось окончательно, какой будет дальнейший шаг, – я не знаю, п[отому] ч[то] наступил для меня час отъезда в К[алугу]. Но обо всем побеседуем при свидании, а если на сей раз поступит неудача, то успею и другой раз сообщить письменно. Жена и я шлем Вам и добрейшей Марии Леонидовне наш сердечный привет. Храни Вас обоих Господь. Крепко жму Вашу руку. Авось до свидания. Любящий Вас К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) — председателю Одесского Союза Русских людей Н. Н. Родзевичу 24 сентября 1915 г.[25]

Только что я вернулся из Москвы; там я виделся с человеком, знающим ходы и отношения в высших кругах. Это наш единомышленник в полном смысле слова. Узнав от меня решение Саратовского совещания и о чем мы ходатайствуем, он полюбопытствовал, через кого мы хлопочем. Я отозвался, что на себя, по множеству занятий, никакой деятельной роли взять не могу и что совещание на эти дела уполномочило Вас, а сколько мне помнится, ходатайствуется через Фредерикса[26]. Правильно ли я это сказал или выдумал, решительно не знаю, но только мой собеседник на это возразил, что через Фредерикса ничего не выйдет, а надо бы хлопотать через адмирала Нилова[27]. Об этом я и спешу вас уведомить. Вместе с тем, собеседник мой (Н. А. Маклаков) вызвался оказать нам всякое содействие, какое только будет ему доступно. Вас как нашего распорядителя я ему назвал. И вот, если вам окажется необходимым содействие Н. А., то пишите ему по адресу почтово-телеграфного отделения Каменка, Московской губернии, сельцо Ярцево (лучше всего заказным в запечатанном конверте). Икона готова. Но донесем ли мы ее до назначения [поднесения Царю], – сомневаюсь. А почему? – это при свидании. На экстренном Калужском губернском земском собрании 12 сентября я не допустил публичного присоединения к резолюции Московского съезда, несмотря на то, что ратовал только один, имея лишь 7 сторонников из 53 участников собрания. Не допустил это единственно угрозой, что на публичном собрании буду мотивированно протестовать устно и письменно со внесением в журнал собрания, а если нужно, то и публикацией в газетах. Наши поклонники всех свобод гласности и слова в сущности очень боятся публичных состязаний и

обделывают свои темные делишки на частных совещаниях. Но меня на эту удочку поймать не удалось.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. А. Маклакову (Петроград) 29 октября 1915 г.[28]

Съезд монархистов разрешен в Нижнем Новгороде, «с самой широкой программой», как пишет Тиханович-Савицкий. Это последняя попытка мирного противодействия настойчивому нападению на власть политических шулеров. Скверно, очень скверно будет, если она не удастся и наша попытка кончится провалом. А это весьма возможно. Все правые главари исподличались и переругались, а многие и изменили. Я даже представить себе не могу, кто может приехать на Нижегородское наше совещание из лиц, пользующихся авторитетом и влиянием в действующих и правящих сферах. Увы, дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения, благодаря безучастию главарей – Самариных, Хомяковых[29] и др. Купец – весь либерал, потому что у жида в кармане. Только еще среди духовенства находятся епископы сочувствующие. А масса: мелкие лавочники, артельщики, чинуши, не выше надворного и ни гроша денег… Прямо горе горькое. Буду слезно молить, кого могу, приехать в Нижний, помочь нам, несчастным, и первым долгом Вас.

А читали ли вы опровержение генерала Маниковского[30] относительно поставки артиллерийских снарядов военно-промышленными комитетами? Вот негодяи-то! И смеют после этого упрекать Правительство и Военное министерство в бездеятельности, непредусмотрительности и т. д. Деньги сосут из казенного сундука без конца и счета, и ничего не делают, кроме разговоров и подтачиванья последних устоев Государства. Ужас берет, что делается.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. А. Маклакову (Петроград) 31 октября 1915 г.[31]

Происходит нечто сверхизумительное: министры сыплются, как переспелые груши в бурный ветер. Не высохли еще чернила «искренней благодарности» к одному, как уже и Рухлов[32] получает таковую же и с тем же аксессуаром. Почему затравили Рухлова? Ведь ясно, что если в движении железных дорог и была неурядица, то для нас, простых обывателей, не лишенных способности к оценке положения, ясно, что она происходила, если не вся, то в значительной ее части, не от бездействия власти министра Путей сообщения, не от его неспособности или небрежения, а от причин, от него не зависящих. Не знаю, какую фигуру он представлял из себя в смысле политическом, похоже, что не яркую в ту или другую сторону, но что он был хозяином своего дела, лучше всех своих предшественников на моей памяти, то это несомненно. Не думаю, чтобы Россия выиграла от замены его Думитрашкой, за которым, гласно, по крайней мере, не числится никаких выдающихся подвигов. Ну, Щукин – тот, по крайней мере, ускорил наше передвижение и достиг полного исполнения расписания. А это что?

Получил сообщение, что нам, черносотенцам, разрешено побеседовать в Нижнем. Определили съехаться 29 ноября. Что-то выйдет из этого предприятия, весьма рискованного в расходовании средств, которых у нас почти нет, и тех сил, которые нам удастся или не удастся собрать. На количество, ввиду благосклонного отношения А. И. Дубровина, предписавшего всем своим отделам принять участие, – надеюсь, но качество?! А впрочем, может быть и лучше, если наш съезд окажется в полном смысле «черносотенным». Тем меньше будет поводов к разладу, который неизбежно происходил между корифеями монархического хора.

Сегодня получил известие, от которого пришел в кислое состояние духа. На ходатайство о приеме депутации с поднесе-

нием Иконы последовал отказ по «несвоевременности», а Икону предложено поднести посредством Министра Двора[33]. Вы не знаете, что он крещеный или некрещеный? Или лютеранин? Но для меня, что жид, что лютеранин, – все равно. Даже хуже. Жид — фанатик своего Адоная, а лютеранин – недоверок. Это конституционалист, у него Бог ограничен заключениям разума. И вот такой-то нехристь будет подносить Икону, нашу святыню, которую он считает за плохую картину. Родзевич спрашивает, что делать? Отвечаю: не знаю и чувствую какое-то деревянное равнодушие к тому, как и кто совершит передачу Иконы по назначению. Но весь смысл и значение предполагавшегося вручения Св. Иконы Вождю державному православного воинства пропал. Не все ли равно, кто передаст ее по назначению – министр или камер-лакей. Если последний православный, так еще лучше. Горько! Горько не только на душе, но даже во рту. Горько от того, что ясен ход рассуждений, приведших к отказу. Не приняты революционеры слева с возмутительными резолюциями, а чтобы им не было обидно, то отказано и революционерам справа с Иконою. Не правда ли, какое справедливое уравнение…

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) — Н. Н. Родзевичу (Одесса) 31 октября 1915 г.[34]

Я все более убеждаюсь, что ехидное наименование нас, монархистов, «революционерами справа»[35], как оно ни лживо, как ни нелепо, однако произвело должное впечатление в «сферах», и там действительно уверовали в нашу революционность. Чем же иначе объяснить, что нас постоянно ставят на одну доску с революционерами (несомненными) слева. Принимают нас, идущих с верноподданническими изъявлениями, и сейчас же принимают несомнительных покусителей на права Короны. Отказывают в приеме носителям и возвестителям революционных московских резолюций гг. Рябушинских, Челноковых и К°[36], грабителей казны и разорителей обывателей, «несвоевре-

менно» принять и депутацию с Иконой бескорыстно борющихся с покусителями на права Самодержавия. Знаете, руки опускаются, теряется всякая энергия и охота защищать то, что вас отталкивает и ценит менее, чем старую подошву. Да еще добро бы обе революционные стороны третировались одинаково, а то и этого нет. Земским и городским кадетам отпускаются сотни миллионов бесконтрольно и безотчетно; их насажали во главе всех законных и незаконных общественных учреждений, а мы пробиваемся на задворках, едва терпимые, да и то только тогда, когда кулаками защищаем от жидов и жидовствующих презрительно относящуюся к нам власть. Согласен, что не следует фрондировать по поводу отказа в приеме, но думаю, что теперь нет и нужды особенно спешить с поднесением Иконы. Я даже думаю, – не приурочить ли его к нижегородскому совещанию. Но, по правде сказать, отклонение приема депутации поселило во мне такое равнодушие к поднесению, что, мне кажется, решительно все равно: заменит ли ее [поднесение?] Фредерикс или Нилов, или камер-лакей из не очень важных. Во мне говорит не досада обманутого самолюбия, а просто отчаяние от потери способности власти различать, кто ее союзники и кто – противники, в ком ее спасение и в ком – гибель. Я ни слова не сказал бы, если бы была уважительная причина отказа, если бы даже в этом выразилась личная антипатия к кому-нибудь из депутатов. Но тут именно сопоставление с мерзавцами, явными покусителями на основные устои России…

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. Е. Маркову (Петроград) 2 ноября 1915 г.[37]

Ваша прекрасная и убийственная для леваков речь, произнесенная на совещании в Нижнем Новгороде, не должна остаться неиспользованной. Она фактами доказывает, кто враги и предатели России, и ее надо распространить самым широким образом. Поэтому вам следовало бы ее напечатать не толь-

ко в «Земщине» или других газетах, но и в тысячах отдельных оттисков с заголовком «Истинные предатели и губители России» или вроде этого, и разослать во все организации и, если можно, во все волостные правления, чтобы осведомить народ.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. Н. Родзевичу (Одесса) 8 ноября 1915 г.[38]

Приглашены ли вы на совещание в Басков переулок[39] на 21—23 ноября? Я не приглашен. Что это? Способ парализовать Нижегородский съезд и отвлечь от него силы в количестве и в особенности в качестве, или цель договориться о поведении на Нижегородском совещании? Но мне известно, что в Петроград приглашены представители даже очень незначительных черносотенных групп, которые соблазняются сидеть в компании с членами Гос[ударственного] Совета. Если бы правые аристократы зашевелились вовремя, то, может быть, не нужно было и Нижегородского собрания, а то сидели, как мертвые, не реагируя на неистовства левой шайки, и теперь идут нам поперек дороги. Вот тут и хлопочи и старайся. Впрочем, я не буду огорчен, если Нижегородское совещание окажется вполне черносотенным; может быть, даже лучше, – там действительно будем больше похожи на народное собрание.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. Н. Родзевичу (Одесса) 5 декабря 1915 г.[40]

Письмо к генералу Алексееву[41] и текст обращения к войску взялся сдать на почту Ратьков-Рожнов; дал он мне расписку в получении этого письма и обещал доставить квитанции почты. Но таковой я не получил. Сегодня пишу ему настоятельно, прося присылки квитанции, но если он таковой не до-

ставит, то не вышлете ли мне черновые брульоны, и я, переписав, снова пошлю. Что выйдет некоторое промедление, это ничего, а вот на главную телеграмму нет ответа – это грустно. Наша телеграмма к председателям Гос[ударственного] Совета и Гос[ударственной] Думы взбесила леваков, да и самих председателей, вероятно, эти олимпийцы, конечно, вознегодовали, что мы, мелочь, осмеливаемся читать им нравоучение.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – А. А. Ширинскому-Шихматову (Петроград) 30 декабря 1915 г.[42]

В Нижнем Новгороде вы высказали, что Правительство несомненно поддержало бы материально всякое полезное начинание правых организаций. В данный момент представляется случай для способствования возникновению предприятия, задуманного настоящим правым монархистом. И. И. Дудниченко[43] задумал организовать в Одессе Бюро всей правой печати в России. Для осуществления этого предприятия ему нужна ничтожная поддержка в 2—3 тысячи руб., может быть, даже единовременная. Для Государства, равнодушно относящегося к расточению сотен миллионов наполовину явно непроизводительно, едва ли составит расчет бросить такую ничтожную сумму, да и то не безнадежно, а с некоторым только риском.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. Н. Родзевичу (Одесса) 5 января 1916 г.[44]

Сегодня получил я от Нижегородского губернатора официальное письмо с уведомлением об ответе Государя на нашу нижегородскую телеграмму. Тотчас же послал уведомление о том Тихменеву с копией письма Гирса[45] и советую ему теперь

напечатать нашу телеграмму и ответ Царя в отдельных оттисках и разослать всем монархическим организациям, участвовавшим и не участвовавшим в совещании в Нижнем Новгороде, а также в редакции газет не только правых, но и лево-левейших. Пусть побоятся, а монархисты пусть хоть несколько свободнее вздохнут от ласкового слова Государя. Следовало бы послать оттиски и многим высокопоставленным, ну, хоть бы вашим одесским воеводам. Может быть, они бы и смягчились. Как бы хорошо было теперь народиться нескольким монархическим провинциальным сборщикам и высказаться в духе Нижегородского, но с другими лицами. Надо посоветовать это А. И. Дубровину. Пусть он распорядится по своим организациям.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – И. И. Дудниченко (Одесса) 22 января 1916 г.[46]

Говорю я не сгоряча, а совершенно сознательно и спокойно: наше дело безнадежно, как безнадежно дело Болгарии, Румынии, Греции: народы желают одного, но повелители – обратного, и весь народ ничего не может сделать, ибо может тот, у кого власть. Нам отказывают в приеме с Иконою, а Челноковых и Львовых[47] угощают обедом. Теперь Горемыкин[48] заболел. Конечно, мы останемся верны нашей идее государственного строения Руси, но не наш идеал осуществится: мы смяты и противниками, и теми, за чьи права боремся, а в единомышленниках встречаем… нет, лучше не говорить.

———

К. Н. Пасхалов (Колосово, Тульской губ.) – А. И. Дубровину (Петроград) 23 января 1916 г.[49]

Не откажите хотя в нескольких словах осведомить меня, напечатано ли обращение Нижегородского монархического

совещания к войскам и разослано ли по штабам, как указал генерал Алексеев. И. И. Дудниченко, секретарь совещания, мне уже довольно давно писал, что выслал вам и отчет. Боюсь затруднять вас, но очень любопытно было бы выслушать ваше мнение о всем происходящем, – не в области борьбы с внешним врагом, в которой едва ли можно разобраться и определить точные причины нашего почти 4-месячного бездействия на всем европейском фронте, хотя нельзя ему не удивляться, сопоставляя все доходящее до сведения читателя газет, – но смысл и значение событий, определяющих судьбу нашей внутренней государственной жизни в борьбе из-за неправильного направления, в которой суждено было участвовать и нам, хотя бы для того, чтобы не донкихотствовать понапрасну и не тратить усилий в бесполезной и безнадежной борьбе, при полнейшем бессилии против хищников, которым жертва отдается сама, отстраняясь от своих защитников. Мне, в моем деревенском уединении, именно в таком виде представляется все происходящее. Возмутительная наглость левых газет не знает пределов и не встречает соответствующего отпора ни с какой стороны, в упорном, систематическом опорочивании перед властью направления деятельности правых. Явная подлая клевета и бесстыдство повторяются изо дня в день политическими шулерами и торгово-промышленными грабителями, в последнее время вполне слившимися в одну шайку, в целях разгрома существующего государственного строя, в котором остался еще призрак Самодержавия. И, тем не менее, явные атаманы этой презренной шайки, стремящейся похитить власть, пользуются особым вниманием и благоволением последней на всех ступенях ее правления. «Новый» премьер[50] поспешил отречься от солидарности партийной и расшаркивается перед «общественностью», этим новым фетишем либерального словоблудия. Признак – далеко не утешительный, а если предшественник его устранился по разногласию о том, в каких пределах допустить безобразничать, это – несомненно: и для того достаточно взвинтила [обстановку] жидо-кадетская

печать, а Горемыкин, по слухам, стоял за допущение минимума этого безобразия, что, конечно, не удовлетворяло наших Дантонов и Маратов, и вот устраняют последнюю помеху проявиться полной политической разнузданности нашей «нижней палаты»…

Одесские монархисты стонут под беспощадным давлением Эбеловых[51] и Сосновских[52], стремящихся сокрушить тамошние сильные правые организации при помощи отщепенцев. Петроград пикнул и замолчал. О Москве и говорить нечего. Что же остается? Только вы и «Рус[ское] Знамя»[53]. Как ни сильно это, но все-таки слишком мало. А таких, как я, давят, как мошек, хотя они порой и больно кусаются. Но в последнее время совсем уже обеззубел, да и устал не только работать, но просто – жить. Пора на покой, именуемый вечным… Прощайте, крепко жму вашу руку, прошу засвидетельствовать мое глубокое уважением Елене Адриановне [Полубояриновой][54] и верить в мою неколебимую преданность идее, при полном отчаянии в людях осуществляющих.

Искренне преданный вам К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – А. Н. Маклакову (Петроград) 29 января 1916 г.[55]

Огромный Патронный завод бастует уже неделю. Это значит, что армия недополучила за эти дни 6 мил[лионов] патронов и 200 тысяч пушечных гильз. Рабочие и внешней, и внутренней пропагандой развращены до того, что в них без следа, начисто вытравлены любовь к Отечеству, вера в Бога. Ничего не осталось в их подлой, прогнившей душе, кроме невероятной алчности и идиотского непонимания, что победа немцев грозит им же жалким рабством. Но бастуют и другие заводы: в Москве, Воронеже и т. д. Эта, раньше святая, а теперь подлейшая Русь, зарабатывая по 200—300 р. в месяц, при

полуграмотности, требует уже не 8-ч[асового], а 6-ч[асового] рабочего дня[56].

Конечно, что же особенно винить простой народ, когда во всех решительно областях государственной жизни бывает то же самое. Весь торгово-промышленный мир, земства и города грабят и публику, и казну, политические проходимцы стараются ограбить власть. Власть имущие озабочены угодить думской накипи и направить струю по течению. А течение идет прямо на гибель.

Наше православное, непобедимое воинство сдается массами в плен. Своей артиллерией и пулеметами приходится стрелять в своих же мерзавцев, трусов и подлецов.

Забастовка в Туле тянется уже неделю, но кроме Губернатора, милейшего Тройницкого[57], никому повыше и в голову не придет примчаться на завод, сказать увещательное слово, ярко представить все ужасы последствия их поведения. Никто не пошевелился ни из администрации, ни из народа. Повод к забастовке дал ген[ерал] Маньковский[58]. Он при посещении завода пугал администрацию и взволновал рабочих требованием им еще прибавки к заработной плате[59].

Что же делают «умный» Штюрмер, «твердый» Хвостов и честные патриоты Думы и Совета, провозгласившие «Все для войны и победы»?

В провинции идет бессмысленная продовольственная ерунда. В Алексин крестьяне навозят массу овса, город его проглотить не может, а мы сидим за рекой и лишены права приобретать. Не могу получить ни зерна овса, несмотря на все хлопоты, а посев на носу. У Уполномоченного по Тульской губ[ернии] 2 мил[лиона] пудов семенного овса, а за реку продать не имеет права. Все лишены способности рассуждать и превратились в бессмысленных животных. Если дальше так пойдет, то погибель наша неизбежна. Ради Бога, кричите это всем спящим, кричите с советской кафедры[60], надо же, наконец, опомниться.

———

К. Н. Пасхалов (Калуга) – А. И. Дубровину (Петроград) 12 февраля 1916 г.[61]

Уже имел отвращение читать неистовую ложь и нахальные заявления Шидловского и Меллера, не говоря уже о разбойнике Чхеидзе и негодяе Гримме[62]. Что же ожидать дальше? Ведь это полное крушение всякого понятия о законности, правах и обязанностях подданства не только перед лицом Власти, но и Государства, полное забвение того, как это отразится на арене, где решается судьба – быть или не быть России. Что это? Повальное сумасшествие? Потому что, если эти люди нормальны, если они сознают чудовищную, явную ложь и очевидное извращение фактов поведения Правительства и их шайки, то ведь это такие мерзавцы, такие отчаянные негодяи без стыда и совести, каких еще мир не видел от своего сотворения. Как же может устоять Государство, когда таких архипреступников не только не сажают на цепь, но имто и отдают в руки судьбу его. Им-то и почет, и любезности, и внимание, и перед ними-то и расшаркиваются, а то и подставляют улыбающиеся лица под подлые плевки и даже не утираются. Позор, ужас, отчаяние!

Я вполне понимаю, что у вас опускаются руки и является желание бросить все и предоставить врагам добиваться их целей. Но вспомните, что мы защищаем не человека, который не понимает, где опасность и где избавление, а идею, великую государственную идею, погибель которой погубит мир. Я в этом глубоко убежден. Доказательство: она еще только колеблется и уже исчезло понятие о нравственном долге правдивости; воцарилась самая наглая, бесстыдная ложь. А с ложью жить нельзя; можно только обманывать. От лжи погибает Германия, погибнет и наша несчастная родина, если не опомнится. Мужайтесь и боритесь до конца, пока у вас есть сила, а она есть, и грех ее не использовать.

Собирался отвечать вам тотчас же по получении вашего скорбного письма, но приготовление к Земскому собранию, а потом отъезд на него поглотили все мое время. На собраниях же нашего «либерального» во всех отношениях земства, начиная с политической окраски и кончая расточением обывательского кошелька, я, несмотря на свою старость и усталость, представляю единственный противоборствующий земским загребателям экземпляр. Борюсь, сколько хватает сил, большею частью безуспешно, но для борьбы необходимо знакомство с ходом дела, и я выступаю всегда хорошо этим вооруженный. Нынешнее собрание достается особенно тяжело: надо было, помимо земских дел, заставить собрание, во-первых, послать поздравление Государю и Кавказскому войску в надлежащих выражениях, и во-вторых, бороться за текст приветствия Гос[ударственной] Думе. Отстоять мысль не посылать вовсе – нечего было и думать. Хорошо и то, что удалось сравнять в этом и Гос[ударственный] Совет и в тексте выразить только пожелание успеха на пользу страны и войны.

———

К. Н. Пасхалов (Петроград) – Н. А. Маклакову (Каменка, Московской губ.) 2 октября 1916 г.[63]

Дорогой друг Николай Алексеевич.

Не помню уже, сообщал ли я вам, что по настойчивому и неоднократному приглашению пр[офессора] Левашова я решился принять участие в заседании Совета объединенных монархических организаций и, хотя с трудом, но, как видите, попал [в] столицу всяческих хвостов: хлебных, мясных, сахарных и... революционных. Последние делаются все успешнее, накачивая в народ озлобление, вполне законное и понятное. Весь вчерашний день от полдня до полуночи, с перерывом на 1 ½ часа, заседали мы в числе 13 персон, вырабатывая Положение о съездах монархических единений, а затем приступи-

ли к выбору Председателя Совета за отказом от этого звания И. Г. Щегловитова. Конечно, Председателем желаем иметь человека, во-первых, непоколебимо исповедующего русский 3-членный символ, работоспособного и занимающего такое положение, при котором можно быть в курсе всего совершаемого и предстоящего. Посему Совет остановился на том, что Председателем его должен быть член Гос[ударственного] Совета, а затем, по моему предложению, решил единогласно просить Вас принять на себя эту обязанность. К стыду моему, не мне первому даже пришла на мысль Ваша кандидатура. Из переписки моей с пр[офессором] Левашовым выяснилось, что это он первый указал на Вас, как на самое желательное, обладающее всеми необходимыми качествами лицо для руководства деятельностью огромной Всероссийской монархической армии, призванной, м[ожет] б[ыть], в ближайшем будущем, к совершению дела исторической важности, спасения России от внутренних вражеских новообразований, разъедающих ее как злокачественная язва. Вероятно, вскоре Вы получите официальное извещение о Вашем избрании и просьбу не отказать в принятии предлагаемого Вам поста.

Дорогой Николай Алексеевич, Вы как-то выражали мне тягостное положение бездействия после кипучего государственного труда, которому Вы отдавали свое время и способности на посту министра и, конечно, Вы слишком молоды, слишком много в Вас неиспользованных сил, и физических, и моральных, и только что накопленного опыта, чтобы удовлетвориться Вашим положением члена Совета. С другой стороны, положение России не только тревожно, но и грозно, м[ожет] б[ыть] гораздо грознее, чем было в 1905 году. С тех пор Правительство обессилело себя бесконечными уступками разрушительному стремлению, которые настолько же увеличивали это последнее. Настанет и даже настает момент, когда Верховной Власти не на кого будет больше опереться, как на наши, ныне пренебрегаемые группы людей, сохранивших еще любовь и преданность своему происхождению. Я хотел бы лично повидаться с Вами, подумывал съездить к Вам в Ярцево, но мне

предстоит столько расходов, дома столько дела, что при всем желании не могу этого исполнить. 3-го и 4-го я пробуду по делам в М[оскве], затем до 9-го — в Колосове, 10-го — в Калуге и 12-го — в М[оскве] на Двор[янских] собраниях, и 12-го же в ночь выезжаю в Тарусу на очередное Зем[ское] собр[ание] и вернусь в Колосово только числа 17—18. Подумайте, сколько труда! А мне 75-й! Умоляю Вас, не отказывайтесь поспешно, не губите тем только что организующееся, но столь необходимое теперь «Единение» правых. Если Вы согласитесь, то я отдам Вам весь остаток моих стариковских сил и способностей на помощь. Не разочаровывайте же меня, докажите разницу между Вами и Щегловитовыми.

Дружески жму Вашу руку, целую руки М[арии] Л[еонидовне] и с нетерпением жду известий. Но не отговаривайтесь Вашими деревенскими делами. Вы слишком еще мало отдали на службу Родине, чтобы заслужить право заниматься только своими собственными делами [...].

Крепко Вас любящий К. Пасхалов.

Приписка на л. 149 об. и 150:

С полной достоверностью сообщаю, что не только я и Левашов, но и весь Совет, начиная с Маркова и до секр[етаря] Совета, единодушны в желании видеть Вас своим председателем и в этом видят единственную надежду на успех деятельности объединенного монархизма.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) — Н. А. Маклакову (Петроград) 21 ноября 1916 г.[64]

Дорогой друг Николай Алексеевич.

От всей души приветствую Вас за Ваше мужественное выступление 15 ноября, о котором прочел только вчера, читая газеты очень неаккуратно, да и нет охоты: все или серо или лживо, подло злонамеренно или подло бессмысленно.

Ваш решительный протест против творящегося повсюду и всеми беззакония — это луч яркого света в мерзости царящей тьмы, в которой негодяи куют разрушение Государства, а невинные слепцы подкладывают под их удары все, чем еще оно держится. Спасибо Вам за минуту отрады сознания, что среди толпы покорных слуг рокового засилия разрушителей нашелся человек, не убоявшийся стать один против всех и смело и громко обличивший творящиеся беззакония. И я бесконечно горжусь тем, что этот человек – мой единомышленник. Мысленно крепко жму Вашу честную благородную руку и крепко целую уста, смело говорящие правду, зная, что за нее подвергнутся всеобщему поруганию и осмеянию. Дай Боже Вам, доблестный поборник законности, силы на дальнейшее ей служение. Вы не найдете, конечно, поддержки в дряблой окружающей среде, хотя втайне, конечно, очень многие разделяют Ваше мнение, да и по всей России прогрессивно-жидовская печать пронесет Ваше имя, «яко зло», мало кто даже из правейших правых поймет всю важность, все значение Вашего подвига, но да не смутится этим Ваш дух, да закалится он в борьбе, как сталь под ударами молота. Но, кроме моего, хотя горячего, но ничтожного сочувствия, ничего Вам предложить и ничем Вас поддержать [...] не могу... Боже мой, да неужели и вправду мы ничего не можем? Неужели восторжествует зло, ложь, корысть, измена и предательство? А на то похоже: Власть, от которой единственно и исключительно зависит спасение, делает все для своей же погибели. Что это? Ослепление? Непонимание? Гипнотическое внушение? Но творится нечто действительно сверхъестественное или, по крайней мере, непостижимое. Хищения, растраты, произвол, беззакония всякого рода и свойства не встречают ни малейшего отпора, потому что они совершаются господами, прикрывающимися щитом «общественности», а Правительство, или, вернее, то, что так называется, перед нею расплывается: «Ешь меня, собака!» Чувствует себя [как бы собранием] каких-то несмышленышей, руководимых злокозненностью. Омерзительно и возмутительно для каждого, дорожащего истинной личной свободой, а не свободой издевательства надо

всем Государством кучкой [кучки?] проходимцев, купленных и совращенных. Нет, не хочется мириться с таким положением. Надо что-нибудь делать. Я до сих пор надеялся, что, объединяясь вокруг правой Гос[ударственной] Думы, монархическая Россия может дать решительный отпор всем враждебным шайкам ее исторических основ. Но, увы, там не оказалось вождя достаточно деятельного и авторитетного, чтобы сорганизовать государственное монархическое ополчение, а Вы не пожелали взять на себя это, правда, трудное, но славное дело.

Я до сих пор сильно скорблю об этом, до сих пор боюсь, что Вы сделали непоправимую ошибку, хотя и признаю Вашу аргументацию практически правильною и выводы совершенно логическими. Но часто Случай, а для нас, верующих, Провидение, вопреки всяким самым достоверным расчетам, разрушает их и ведет к спасению там, где предполагалась конечная гибель и наоборот. Доказательство – хоть действующая война. Разве у немцев не было наперед все рассчитано и совершенно точно… Разве мы, в свою очередь, не надеялись на скорое сломление врага по начальным успехам 1914 года? Видимо, самые вероятные, самые точные расчеты не оправдываются, когда дело идет о живой силе человеческих масс.

Но не захотели Вы избрать способ, мною предлагавшийся, – придумайте другой. Вы сильный, умный, молодой и решительный человек. Неужели ограничитесь только протестами пред толпою беззаконников и в том почтете исполнение своего долга в мере Ваших возможностей? Позвольте не думать так. Позвольте, напротив, надеяться, что, раз Вы зацепились за беззаконие, то и пойдете бороться с ним до конца. Каким путем? Не мне указывать, но для чего же нибудь да существует у нас охранитель законности – Сенат? Но, конечно, нельзя ограничиваться только протестами против частных случаев право- и закононарушений. Необходимо предпринять что-нибудь против общего гибельного направления и во главе этого движения должны стать *Вы*. Вы возразите опять: где люди, где средства? Так вспомните, что и нищие (гёзы)[65] вели победоносные войны и босоногие рыбаки покорили Христу весь мир.

Недавно был у меня Тул[ьский] губернатор Тройницкий и сообщил, что у него была в гостях Мария Леонидовна, проездом в Чернский уезд, где она приобрела имение. Очень сожалею, что не знал, а то поехал бы в Тулу с нею повидаться и, м[ожет] б[ыть], уговорил бы навестить нас, стариков, сердечно любящих ее, я – зная, а жена – заочно. Но теперь, когда новое приобретение потребует ваших посещений, то можно надеяться, что в один из проездов в Чернский уезд вы оба удосужите заехать к нам, чем истинно обрадуете нас.

Получили ли вы мой доклад 52-му очер[едному] Зем[скому] собр[анию] по проекту «Волост[ных] земств»? Нашли время разрушать сложившуюся деревенскую жизнь и переделывать ее наново в то время, когда Р[оссия] и без того трещит по всем швам! И ведь все наши недоношенные либералы кричат, что это именно и нужно для войны и победы. И многие искренно – и нет сил разубедить их в том. Горе и безумие!!

Жена и я сердечно вас обоих приветствуем. М. Л. целую ручки. Искренне Вас любящий К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) – Н. А. Маклакову (Ярцево, Московской губ.) 25 декабря 1916 г.[66]

Милый и дорогой друг Николай Алексеевич!

Поздравляю Вас и дорогую Марию Леонидовну с наступающим христианским праздником и надеюсь, что Вы проведете его на чистом воздухе с[ельца] Ярцева, а не во вместилище поразительного скопления всего отрицательного, в сборище всевозможной порочности, над которыми царит неизлечимое безумие. Минувший ноябрь и текущий декабрь – это был сплошной кошмар наяву, какой редко увидишь во сне. Нельзя сказать, чтобы неистовство, проявленное думскими мародерами власти, представляло что-нибудь неожиданное. Не то что «осведомленный» деятель, но и всякий обыватель,

читающий газеты и умеющий считать до десяти, мог безошибочно предугадать, что разыграется на сборище «представителей» смертельных врагов Русского Государства, но все же можно было надеяться, что власть окажет хоть какой-нибудь отпор алчущим ее поглотить.

Увы, она оказалась трупом, нечувствительным ни к ударам, ни к оскорблениям и издевательствам.

Каждая самая ничтожная [?] сволочь из этого поганого сборища, какие-то [Гомаши?], Скобелевы, Сухановы и пр., едва владеющие человеческим словом, ругались [вдоволь?] над представителями Царской Власти и достоинства и – без отпора. Они были «яко агницы прямо стригущему их безгласны»!

Пожар, когда его не тушат, разгорается и пожирает все, что можно было спасти, захватив его в начале. Теперь, кажется, уже и спасать нечего. Все сгорело и только один голос заклеймил подлых мародеров достойными их названиями в лице их Атамана – «мерзавец», сказал Марков, и сколько бы сочувствий ни высказывалось Родзянко, во скольких бы городах ни производили его в почетные граждане, но этот [эпитет?], раздавшийся на всю Россию, так прилип к нему и к «Блоку»[67], что его [не] отдерет никакой почет, никакие сочувствия, никакое хамское раболепие «либеральных» лакеев…

А это, что-то чудовищно безобразное на Мойке[68], и как последствие «гимн» и «ура»!

А последовавший уход Макарова и предсказываемый развал всего Совета, этот danse macabre носителей власти, исчезающих как тени при утренней заре, и эта «сила», которой вручена участь величайшего на земле Государства?? Ужасно. Я поздравляю вас, дорогой, с праздником. Хотел бы поздравить и с наступающим Новым годом. Но не будет ли это умышленной насмешкой при моей глубокой убежденности, что нет решительно ни малейшего разумного основания ожидать в нем хоть малейшего просвета к лучшему. Оно могло бы быть только при одном непременном условии – воскрешении Власти и возвращении здравого смысла. Но ни на то, ни на другое никаких указаний. Могу только пожелать Вам

твердо нести Ваш крест в Гос[ударственном] Совете и всему семейству Вашему здоровья и всякого благополучия. Жена всем сердцем присоединяется ко мне и шлет Вам и М. Л. свой горячий привет. Целую ручки М. Л., а Вам крепко и дружески жму. Ужасно хотелось бы повидаться. Искренне Вас любящий К. Пасхалов.

———

К. Н. Пасхалов (Алексин, Тульской губ.) — Н. А. Маклакову (Петроград) 19 февраля 1917 г.[69]

Трудно представить себе что-нибудь более бестолковое, юридически безграмотное, неделикатное, даже наглое, по отношению к плательщику и столь запутанное, как новый Закон о подоходном налоге. Очень немногие смогут разобраться и удовлетворить малопонятные требования Закона. Осуществление этого Закона в редакции наших законодательных мудрецов поведет, и даже уже повезло, к массе препятствий в исполнении. Вот в чем подлость этого Закона. Составители его чуяли бестолковость своего произведения, чуяли, что исполнители его станут в тупик при практическом его осуществлении и потому все последствия этого постарались взвалить на плательщика.

Это свидетельствует, каких финансовых мудрецов во главе с проворовавшимися в Камском банке Б.[70] мы имеем в этом министерстве.

Волосы дыбом становятся при мысли о том, куда нас заведет подбор таких представителей власти, которые оказываются не только круглыми невеждами в порученной им отрасли государственной деятельности, но еще, того и гляди, должны будут, как, напр[имер], Раев[71], сесть на скамью подсудимых. Все решительно как будто народно ведется к тому, чтобы окончательно скомпрометировать власть, доказать ее полную несостоятельность и передать ее в более способные руки гг. Гучковых, Милюковых и даже Пуришкевичей.

В последнее время я получаю из разных концов России такие поразительные известия, которые совершенно опрокидывают те представления о влиянии на ход государственных событий некоторых лиц, которые у меня составились на основании всего доселе читанного и слышанного от «очевидцев» или из «самых достоверных источников».

Нужно, необходимо нужно знать правду, чтобы при случае опровергнуть клевету, расползавшуюся по всей России, и узнать, действительно ли наше правое дело может найти опору там, в чем нам указывалось гибельное влияние.

КОММЕНТАРИИ

Имя Клавдия Никандровича Пасхалова (1843—1924) в течение многих лет было практически забыто, и лишь в наше время, когда интерес к исследованию правомонархического движения заметно возрос, появляются те или иные публикации, связанные с жизнью и деятельностью этого замечательного человека. К. Н. Пасхалов оставил после себя богатое наследие – речи, воззвания, критические статьи, публицистика, многое из которого сохраняет свою актуальность и злободневность в наше время. Его, наряду с С. Ф. Шараповым, А. Г. Щербатовым, С. Н. Сыромятниковым и другими можно по праву назвать идеологом русского консерватизма начала XX в., идеологом Черной сотни.

Отметим, что имя К. Н. Пасхалова упоминалось и в советской историографии, в частности, в работах В. С. Дякина, А. Я. Авреха, Ю. Б. Соловьева. Советские историки, естественно, в своих работах давали ему сугубо негативные характеристики, изобиловавшие идеологическими штампами. В. С. Дякин охарактеризовал Пасхалова как «одного из видных представителей черной сотни»*. По мнению А. Я. Авреха, «Пасхалов для черносотенцев был примерно тем же, кем был князь П. А. Кропоткин для анархистов: патриархом и теоретиком одновременно»**.

Однако только в 1990-е годы русские историки смогли дать непредвзятую характеристику личности К. Н. Пасхалова. Так,

* *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 206.

** *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981. С. 231.

Ю. И. Кирьянов в 1993 г. в альманахе «Минувшее» опубликовал ряд писем Пасхалова к правым политическим деятелям, составленных в 1915—1917 гг.* Позже, в 1995 г., Кирьянов опубликовал значительно большее количество писем Пасхалова к правым в журнале «Источник»** (из архивных фондов Департамента полиции и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства), включив, кроме того, в новую публикацию практически все письма, опубликованные ранее в альманахе «Минувшее», за исключением нескольких из них (например, к Н. А. Маклакову, от 2 октября 1916 г.). Кроме того, письмо К. Н. Пасхалова (Колосово Тульской губ.) к А. И. Дубровину от 23 января 1916 г. из фонда Департамента полиции было опубликовано еще в 1929 г. в сборнике «Союз Русского Народа»***, и поэтому в журнале «Источник» также не воспроизводилось. Опубликованные Ю. И. Кирьяновым в обоих изданиях письма снабжены вступительными статьями, в которых впервые содержались краткие биографические сведения о К. Н. Пасхалове.

Кроме того, статья, посвященная К. Н. Пасхалову, написанная Ю. И. Кирьяновым, содержится в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века»****. Неоднократно упоминается К. Н. Пасхалов и в сборнике документов «Правые партии», изданном Ю. И. Кирьяновым в 1998 г.*****, а также в монографии Ю. И. Кирьянова «Русское собрание», где ученый охарактеризовал Пасхалова как «патриарха правых»******.

В 2003 г. в Большой Энциклопедии Русского Народа «Русский патриотизм» была опубликована биография К. Н. Пасхало-

---

* Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 14.

** «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. / Публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. 1995. N 6.

*** Союз Русского Народа. М.; Л., 1929. С. 91—92.

**** *Кирьянов Ю. И.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред, В. В. Шелохаев. М., 1996. С.453.

***** Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. Т. 2. 1911—1917 гг. М., 1998.

****** *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание 1900—1917. М., 2003. С. 89.

ва, подготовленная известным историком Черной сотни А. Д. Степановым, с которой также можно ознакомиться в Интернете.*

Наиболее полная документированная биография Пасхалова была составлена А. В. Репниковым и опубликована в журнале «Москва»**. Впоследствии она неоднократно воспроизводилась на многих интернет-ресурсах***. Кроме того, А. В. Репников опубликовал в том же журнале две последние главы работы К. Н. Пасхалова «Из иной страны чудесной…»****, никогда после 1917 г. не публиковавшегося.

Пожалуй, этим и ограничивается на сегодняшний день круг основных публикаций, так или иначе связанных с жизнью и деятельностью К. Н. Пасхалова. Между тем, биографические сведения о нем и по сей день остаются довольно скудными.

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Второй муж А.Н. Пасхаловой был писателем. Старший брат К. Н. Пасхалова, Виктор Никандрович (1841—1886) — выпускник Московской и Парижской консерваторий — был довольно известным композитором, автором романсов, из которых многие написаны на стихи, сочиненные его матерью (особенной популярностью до сих пор пользуется романс «Дитятко»). Вячеслав Викторович Пасхалов (внук Анны Никаноровны) впоследствии тоже стал композитором, а его двоюродная сестра Анна Александровна Пасхалова-Чегодаева (1869—1944), была певицей и драматической актрисой. Другая двоюродная сестра Вячеслава Викторовича – Алевтина Михайловна Пасхалова (1878—1953), прославилась на подмостках русской оперы.

[2] См.: Историко-Родословное Общество (ИРО) в Москве. Август 1905—Январь 1915 (юбилейный выпуск). Список чле-

* *Степанов А.Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О. А. Платонов, сост. А. Д. Степанов. М., 2003. С. 546—548;

** *Репников А. В.* Клавдий Никандрович Пасхалов // Москва. 2005. № 12. С.160—167.

*** См.:http://www.pravaya.ru/ludi/450/6702,http://www.rusk.ru/st.php?idar=15991 и др.

**** *Пасхалов К. Н.* «Из иной страны чудесной» (фрагмент) / Подготовка текста, и комментарии А. В. Репникова // Москва. 2005. № 12. С.167—174.

нов ИРО к 1-му января 1915 года // http://www.gen-volga.ru/biblio/iro10sp.htm.

[3] *Кирьянов Ю. И.* Русское Собрание 1900—1917. С. 153.

[4] Там же. С. 201.

[5] Там же. С. 137; См. также: Отзыв на «Обращение Русского Собрания к единомышленным партиям, союзам и Русскому Народу по поводу Манифеста 17 октября. М., 1906; Правые партии. 1905—1917. Т. 1. С. 111—119.

[6] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 547.

[7] Письмо К. Н. Пасхалова к Д. А. Хомякову от 28 декабря 1911 г. // Переписка и другие документы правых (1911–1913) / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 102.

[8] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 547; Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. С. 231—232; *Кирьянов Ю. И.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Политические партии России. Энциклопедия. С. 453; Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. В 3 тт. Т. 3. 1913—1916 гг. М., 2002. С. 870.

[9] *Пасхалов К.* Русский вопрос. М., 1913. С.21.

[10] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 547.

[11] Письмо К. Н. Пасхалова Н. Н. Родзевичу от 31 октября 1915 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 21—22.

[12] Письмо К. Н. Пасхалова Н. Н. Родзевичу от 8 ноября 1915 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 23.

[13] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 547; См. также отчет о заседаниях Нижегородского Совещания, опубликованный в сборнике «Правые партии.

1905–1917. Документы и материалы» (Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 497).

[14] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 547.

[15] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. С. 522, 530.

[16] Письмо К. Н. Пасхалова к Н. А. Маклакову от 31 октября 1915 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 21.

[17] Письмо К. Н. Пасхалова к И. И. Дудниченко от 22 января 1916 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 28.

[18] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 548; Письмо К. Н. Пасхалова к Н. Н. Родзевичу от 22 апреля 1916 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 33.

[19] Цит. по: *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 548.

[20] Письмо К. Н. Пасхалова к Н. А. Маклакову от 25 декабря 1916 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 39.

[21] Письмо К. Н. Пасхалова Н. А. Маклакову от 2 октября 1916 г. // Правые в 1915 — феврале 1917 г. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. С. 199.

[22] *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. С. 548.

[23] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 (Департамент полиции. Перлюстрация); часть писем содержится в фонде Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства (Там же. Ф. 1467. Оп. 1).

[24] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л.101. (Письмо Н. А. Маклакову от 4 октября 1915 г.).

[25] *Кирьянов Ю. И.* Русское Собрание. 1900—1917. С. 206.

[26] *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. 1. Март 1905—август 1906. М., 1906; Т. 2. 1906—1909. М., 1909; Т. 3. 1909—1912. М., 1912.

[27] Вот лишь некоторые из них: О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя. М., 1905; Основания земской реформы. М., 1905; Слова и дела. М., 1907; Деревенское раздумье. М., 1907; Землеустроительное разорение России. М., 1908; Погрешности обновления 17 октября 1905 г. государственного строя и попытка их устранения. М., 1910; Необходимая реформа земских учреждений. М., 1910; Земский вопрос. М., 1911; Русский вопрос. М., 1913; Еврейские притязания // Московские ведомости. 1915. № 88.

[28] *Пасхалов К.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. С. 31.

[29] *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907–1914. Пермь, 2001. С. 50.

[30] Цит. по: Репников А. В. Клавдий Никандрович Пасхалов // Москва. 2005. № 12. С. 160—167.

[31] *Пасхалов К.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. С. 28, 29.

[32] Там же. С. 67.

[33] *Репников А. В.* Клавдий Никандрович Пасхалов // Москва. 2005. № 12. С. 166.

[34] *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 206.

[35] *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907–1914. С. 46.

[36] *Пасхалов К. Н.* Что делается в Холмской епархии // Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 18.

[37] *Пасхалов К. Н.* Инородческий печальник // Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 134—150. В 1910 г. В. П. Мещерский неожиданно для многих выступил за предоставление широкой автономии Финляндии. Это привело к резкой критике его мнения со стороны правых (См.: РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 452. Л. 184; *Стогов Д. И.* Пути

решения финляндского вопроса в правомонархических салонах Петербурга-Петрограда // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 102).

[38] *Пасхалов К. Н.* Еврейские притязания // Московские ведомости. 1915. № 88.

[39] *Пасхалов К. Н.* С Англией или Германией? // Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 241.

[40] *Пасхалов К.*, Шарапов С. Землеустроение или землеразорение? (По поводу закона 9 ноября 1906 года). М., 1909. С. 34.

[41] Письмо К. Н. Пасхалова к Н. А. Маклакову от 1 июля 1915 г. // «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. С. 12.

[42] *Пасхалов К.* Необходимая реформа земских учреждений.

[43] *Пасхалов К.* Основания земской реформы. С. 2.

[44] *Пасхалов К.* Земский вопрос. С. 27.

ОБРАЩЕНИЕ К СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 10—18. Первоначальное название «Соотечественники!»

[1] Имеется в виду министр внутренних дел В. К. Плеве, зверски убитый эсером-террористом в 1904 г.

[2] Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) – священник; основатель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (1904); инициатор вручения петиции Николаю II 9 января 1905 г.; лишен сана; эмигрировал; амнистирован в октябре 1905 г.; возвратился в Россию, вступил в связь с охранным отделением; убит эсерами.

[3] Имеется в виду зверское убийство Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, сына Александра II, осуществленное эсером-террористом И. П. Каляевым на территории Московского Кремля.

«ПЕРЕДОВЫЕ ДЕЯТЕЛИ» ПРОТИВ РОССИИ

Печатается по изданию: Пасхалов К. Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 31—37. Первоначальное название «Передовые».

[1] Имеется в виду выпуск альманаха «Полярная звезда», газеты «Колокол» и других революционных изданий, осуществлявшихся революционером-эмигрантом А. И. Герценом и его сторонниками за границей, в Лондоне, с 1853 г.

[2] Имеется в виду злодейское убийство Императора Александра II, осуществленное 1 марта 1881 г. у Екатерининского канала в Петербурге группой террористов-народовольцев под руководством А. И. Желябова и С. Л. Перовской.

[3] «Московские ведомости» — одна из старейших русских газет, ведущий орган национально-патриотической мысли, выходила до октября 1917 г.

[4] Катков Михаил Никифорович (1818—1887) – публицист и издатель, идеолог охранительного движения, редактор «Московских ведомостей»; один из организаторов и вдохновителей русской политики 1850—1880-х гг.

[5] Редакционные комиссии – государственные органы, созданные Императором Александром II с целью подготовки крестьянской реформы в конце 1850—начале 1860-х гг., итогом которой явилось освобождение крестьян от крепостной зависимости (1861).

[6] «Марсельеза» – гимн революционной Франции, явившийся символом мирового революционного движения.

О МЕРАХ К ПРЕКРАЩЕНИЮ БЕСПОРЯДКОВ И УЛУЧШЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 42—69.

[1] Имеется в виду Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (так называемый «Указ о реформах»), в котором, в частности, говорилось о свободе совести и о необходимости пересмотра законов о печати.

[2] В. К. Плеве был убит 15 июля 1904 г. в результате взрыва бомбы, брошенной в него эсером Е. С. Сазоновым, на мосту через Обводный канал возле Варшавского вокзала в Петербурге.

[3] Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857—1914) – князь, участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.; пензенский, затем екатеринославский губернатор; в 1900—1902 гг. – виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор; в 1904—1905 гг. – министр внутренних дел.

[4] Имеется в виду граф С. Ю. Витте (1849—1915), занимавший пост председателя Комитета министров с 1903 по 1906 г.

[5] Имеется в виду так называемое «Кровавое воскресенье» (9 января 1905 г.), когда в результате провокации, устроенной революционными элементами, организовавшими шествие простонародья к Зимнему дворцу в Петербурге, было убито большое количество людей.

[6] Сергей Александрович, великий князь (1864—1905) – сын Императора Александра II, дядя Николая II; московский генерал-губернатор. В начале 1905 года, когда в стране вспыхнула революция, великий князь Сергей Александрович был убит взрывом, организованным в Московском Кремле эсером-террористом И. П. Каляевым.

[7] Царский Манифест от 18 февраля 1905 г., в котором Государь призывал верноподданных «соединиться в дружном содействии словом и делом во святом и великом подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней» и сплотиться вокруг Престола.

[8] Зиновьев Николай Алексеевич (1840—1917) – служил в Министерстве юстиции; управляющий конторой Министерства государственных имуществ в Виленской губернии (1876); сувалкский, затем тульский и могилевский губернатор; директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (1901); товарищ министра внутренних дел (1902); сенатор (1903); член Государственного совета (1904).

[9] Муравьев Николай Валерианович (1850—1908) – с 1879 г. служил в прокуратуре; обер-прокурор кассационного департамента Сената по уголовным делам (1891—1894); государствен-

ный секретарь (1892); министр юстиции (1894—1905); с 1905 г. – посол в Риме.

[10] Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) – адмирал, в 1904 г. был назначен командующим эскадрой, сформированной из кораблей Балтийского флота для отправки на Дальний Восток; ранен и взят в плен в Цусимском сражении 17 мая 1905 г.; предан военно-морскому суду, оправдан, но вышел в отставку.

[11] И. А. Ефрон и Ф. А. Брокгауз – издатели многотомного Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, выходившего в свет с 1891 г.

[12] «Русские ведомости» – общественно-политическая газета, издавалась в 1863—1918 гг. в Москве. С 1870-х гг. ведущее издание либерального направления, среди сотрудников многие профессора Московского университета («профессорская газета»), пользовалась популярностью в среде интеллигенции. Редакторы – Н. С. Скворцов, В. М. Соболевский, А. С. Посников, А. И. Чупров. С 1905 г. фактически орган партии кадетов. Закрыта большевиками в марте 1918 г.

КТО ПЫТАЕТСЯ ИСКАЗИТЬ ВОЛЮ ГОСУДАРЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 77—79. Первоначальное название «Кто автор?».

[1] «Новое время» — политическая, литературная газета патриотического направления, издававшаяся А. С. Сувориным в 1862—1917 гг. Газета вела бескомпромиссную борьбу с либерально-космополитическими, революционными и прочими антирусскими элементами.

[2] Булыгин Александр Григорьевич (1851—1919) – чиновник для особых поручений при саратовском губернаторе (1873), гласный петровского уездного и саратовского губернского земства; инспектор Главного тюремного управления Министерства внутренних дел (1879); вице-губернатор в Тамбове (1886), калужский (1888), московский губернатор (1893), помощник (1902—1905) и ближайший сподвижник московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича; член Государ-

ственного Совета (1905—1917); министр внутренних дел (1905); статс-секретарь (1913); расстрелян чекистами.

[3] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) – публицист, издатель, беллетрист и общественный деятель патриотического направления. Владелец газеты «Новое время» (с 1876 г.).

[4] Струве Петр Бернгардович (1870—1944) – публицист и философ либерального направления; член ЦК кадетской партии; издатель; после октябрьского переворота эмигрировал.

[5] Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920) – земский деятель, лидер умеренного крыла земских либералов, основатель кружка «Беседа», один из лидеров партии октябристов; умер в Бутырской тюрьме, будучи арестован большевиками.

ПРОТИВ МИРНОГО ДОГОВОРА С ЯПОНИЕЙ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 79—86. Первоначальное название «Православный русский народ».

[1] Бобриков Николай Иванович (1839—1904) – генерал-адъютант и государственный деятель. С 1898 по 1904 гг. – генерал-губернатор Финляндии. В своей политике жестко отстаивал интересы Русского народа, боролся с проявлениями финского сепаратизма и революционной крамолы. Убит шведским террористом Э. Шауманом.

[2] П. П. Шувалов – граф, московский градоначальник; зверски убит революционными террористами 28 июня 1905 г.

[3] Бунт революционных матросов, начавшийся 14 июня 1905 г. на броненосце «Потемкин» (Черноморский флот).

[4] Мукденское сражение – одно из крупнейших сражений на суше в ходе Русско-японской войны, состоявшееся в феврале 1905 г. и закончившееся поражением Русской армии.

[5] Имеется в виду американский президент Теодор Рузвельт (1858—1919).

[6] Имеется в виду Кишиневский погром 1903 г., причиной которого явились слухи о ритуальном убийстве иудеями православного мальчика. В ходе погрома были убиты 43 человека, 39 из которых были евреями.

[7] (Мф. 7, 7).

ГРОЗЯЩИЙ ПОЗОР

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 86—90.

[1] Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905) – князь, философ, публицист либерального направления; профессор философии (1900) и первый выборный ректор Московского университета (1905).

[2] Такахира Когоро (январь 1854, префектура Ивате, — 1926), японский дипломат. В 1892—99 гг. посланник Японии в Нидерландах, Италии и Австро-Венгрии, в 1900—1905 гг. посланник в США, в 1907—1908 гг. посол в Италии, в 1908—1909 гг. — в США.

[3] Имеется в виду подписанный в августе 1905 г. в Портсмуте (США) русско-японский мирный договор, завершивший Русско-японскую войну. Согласно условиям договора, Япония получила Порт-Артур и южную часть Сахалина, а также денежную контрибуцию.

НА ПУТИ К РАЗРУШЕНИЮ РОССИИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 90—96. Первоначальное название «Мирная каверза».

[1] 12 июня 1905 года начались рабочие беспорядки в Одессе; была объявлена всеобщая забастовка; бастующие задерживали поезда, высаживая из них пассажиров; район порта оказался во власти революционной толпы.

[2] Гудович Василий Васильевич – петербургский уездный (1899—1903) и губернский (1903—1908) предводитель дворянства; член ЦК «Союза 17 октября»; шталмейстер (1908).

[3] Петрункевич Иван Ильич (1844—1928) – гласный черниговского (1866—1879) и тверского (1886—1904) земства, неоднократно подвергался административной ссылке; основатель «Союза освобождения» (1904) и конституционно-демократической

партии; в 1908—1917 гг. – издатель либеральной газеты «Речь»; с февраля 1919 г. – в эмиграции.

[4] Дорф Д. Я. – врач, либеральный деятель.

[5] Шарапов Сергей Федорович (1855—1911) – русский мыслитель, писатель, экономист, издатель газет и журналов патриотического направления, продолжатель дела славянофилов. Один из учредителей в 1905 г. «Союза Русских Людей».

[6] 18 февраля 1905 г. был опубликован Высочайший Рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором Император Николай II заявлял о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Рескриптом учреждалось Особое совещание под председательством министра внутренних дел для выработки избирательного закона. В тот же день был опубликован Высочайший манифест, в котором Государь призывал верноподданных «соединиться в дружном содействии словом и делом во святом и великом подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней» и сплотиться вокруг Престола. Того же 18 февраля был опубликован Высочайший указ Правительствующему Сенату, которым повелевалось «возложить на Совет министров рассмотрение и обсуждение поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».

ТЯЖКОЕ НАКАЗАНИЕ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 96—101.

[1] Петр I Алексеевич (1672—1725) – первый русский Император (с 1721 г.), прозванный Великим.

[2] Комура – главный представитель японской делегации на Портсмутской конференции (США) по заключению мира России с Японией.

[3] Мартенс Ф. Ф. (1845—1909) – профессор международного права, юрист-международник, дипломат, член Совета министра иностранных дел.

САМОУБИЙСТВО «ПРИКАЗНОГО СТРОЯ»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 101—105. Первоначальное название «Преображение».

[1] Проект, опубликованный 6 августа 1905 г. и получивший название «Булыгинской Думы» (по имени его разработчика А. Г. Булыгина). Он устанавливал совещательное народное представительство, имеющее право обсуждать проекты законов и государственную роспись, задавать вопросы правительству и указывать на незаконные действия властей путем непосредственного доклада своего председателя Государю.

[2] Имеется в виду встреча Императора с представителями земской оппозиции, состоявшаяся на ферме в Петергофе 6 июня 1905 г. Либеральная оппозиция (С. Н. Трубецкой и др.) на этой встрече потребовала от Царя введения в стране «народного представительства».

[3] Мизансцена *(фр.)* – букв.: постановка на сцене; расположение актеров на сцене в отдельные моменты спектакля.

[4] Русская делегация во главе с С. Ю. Витте на Портсмутской конференции (1905 г.) согласилась с японскими требованиями: признать японское преобладание в Корее; уступить Японии Порт-Артур и Ляодунский полуостров; возвратить Манчжурию Китаю при эвакуации оттуда русских войск; уступить южную ветку Китайско-Восточной железной дороги; предоставить японцам право рыбной ловли у русского побережья Тихого океана и др.

«ПОЧЕТНЫЙ» МИР

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 105—109.

[1] Эдуард VII (1841—1910) – английский король (1901—1910), из Саксен-Кобург-Готской династии, сын королевы Вик-

тории, был женат на принцессе датской Александре, сестре Императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III. Содействовал созданию Антанты.

[2] Вильгельм II (1859—1941) – император Германии (1888—1918) и прусский король, двоюродный брат Императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II.

[3] Морганы – одна из старейших и крупнейших финансовых групп США, занимающая наряду с Рокфеллерами ведущее положение в финансовой олигархии страны. Руководящим центром финансовой группы до Второй мировой войны 1939—45 гг. являлся банкирский дом «Дж. П. Морган и К°» в Нью-Йорке. Основатель его Джуниус Спенсер Морган и его сын Джон Пирпонт Морган-старший нажили огромное состояние во время Гражданской войны в США 1861—65 гг. После смерти Дж. П. Моргана-старшего банкирский дом Морганов возглавлял Дж. П. Морган-младший. Путем финансовых махинаций и биржевых спекуляций к концу XIX — началу XX вв. Морганы заняли ведущие позиции в ряде отраслей обрабатывающей промышленности (сталелитейной, медеплавильной, машиностроительной и др.), на транспорте и особенно в банковском деле. Банкирский дом «Дж. П. Морган и К°» господствовал в размещении ценных бумаг промышленных компаний и контролировал крупнейшие коммерческие банки Нью-Йорка и Филадельфии.

[4] Розен Роман Романович (1849—1922) – барон, вице-консул в Иокогаме, секретарь российской миссии в Токио (1875—1884); генеральный консул в Нью-Йорке (1884—1890); посланник в Мексике (1890—1895), Сербии (1895—1897), Мюнхене (1900—1901), Греции (1901—1904), Японии (1904); США (1905—1911); член Государственного Совета (1911).

[5] Линевич П. Н. (1838—1908) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий войсками и генерал-губернатор Приамурья, командующий Первой армией, главнокомандующий Маньчжурскими армиями. Уволен 3 февраля 1906 г., находился 8 месяцев под следствием за непринятие мер против стачечников и революционеров.

[6] Ойяма (конец 1840-х—?) – маркиз, маршал, главнокомандующий японскими войсками во время Русско-японской войны.

В японо-китайскую войну 1894—1895 гг. командовал армией, захватившей Порт-Артур.

[7] 16 августа 1904 г. состоялось первое из трех генеральных сражений Русско-японской войны под Ляояном, закончившееся поражением Русской армии и занятием японцами Ляояна.

[8] Хунгузы (от кит. хунхуцзы, буквально — краснобородый) – название участников вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. до победы народной революции в Китае (1949).

[9] Имеется в виду 20 августа 1905 г., когда столица узнала о том, что мир с японцами будет заключен (сам Портсмутский мирный договор был подписан 25 августа 1905 г.).

КТО ПРАВИТ РОССИЕЙ?

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 109—114.

[1] Видимо, имеется в виду С. Ю. Витте, ставший премьером 24 октября 1905 г., когда как управляющим Министерством внутренних дел 23 октября был назначен П. Н. Дурново, человек правых убеждений.

[2] Имеется в виду забастовка железнодорожников, разразившаяся в октябре 1905 г. (7—10 октября) в центральных регионах России и парализовавшая экономику страны.

[3] 17 октября 1905 г. был опубликован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», разработанный С.Ю. Витте, вводивший в стране демократические свободы, а также законодательный орган – Государственную Думу.

[4] Правительство С. Ю. Витте существовало с 24 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г.

[5] Проппер Станислав Максимилианович (1853 (1855)–1931), выходец из Австрии, биржевой маклер, разбогател на финансовых спекуляциях, с 1880 г. издавал в Петербурге газету «Биржевые ведомости», был близок к С.Ю. Витте.

[6] Нотович Осип Константинович (1849—1914) – издатель газеты «Новости и Биржевая газета», либеральный деятель.

[7] Ходский Леонид Владимирович (1854—1918) – профессор политической экономии Петербургского университета (1895—1918); редактор кадетской газеты «Наша жизнь» (1904); после октября 1917 г. эмигрировал.

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ВАКХАНАЛИЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 4—9.

[1] Имеется в виду один из руководителей опричнины Царя Иоанна IV Грозного Григорий (Малюта) Лукьянович Скуратов-Бельский (?—1573), которому традиционно приписывали исключительную жестокость.

[2] Панургово стадо – выражение для обозначения человеческой стадности, по имени героя из сочинения французского сатирика Рабле: Панург, чтобы отомстить за обиду скотопромышленнику Дендену, выбрасывает с корабля в море одну овцу из стада. Увлеченные примером и блеянием, и остальные овцы выбросились в море, а за ними, пытаясь их спасти, и хозяин, и все утонули.

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ВОИНАМ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 10—12. Первоначальное название «Дорогие христолюбивые воины!»

[1] Имеются в виду революционные бунты солдат и матросов, выражавшиеся в избиении и убийствах офицеров, проходившие в течение 1905—1906 гг.

ИТОГИ СМУТЫ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 13—20. Первоначальное название «Честнейшие разрушители».

[1] 12 августа 1906 г. трое террористов совершили злодейское покушение на премьера П. А. Столыпина на его даче на

Аптекарском острове. В результате мощного взрыва убиты 28 человек и 24 были ранены, в том числе тяжело ранены дети Столыпина.

[2] Столыпин Петр Аркадьевич (2(5?).04.1862—5.09.1911), выдающийся государственный деятель, действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего Двора, министр внутренних дел с апреля 1906 г., с 8 июля 1906 и до кончины председатель Совета министров.

[3] В Таврическом дворце в Петербурге заседала Государственная Дума, а в Мариинском дворце – Государственный Совет.

[4] 18 февраля 1905 г. был опубликован Высочайший Рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором Император Николай II заявлял о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Рескриптом учреждалось Особое совещание под председательством министра внутренних дел для выработки избирательного закона.

[5] Таганцев Николай Степанович (1843—1923) – юрист, профессор Александровского лицея и Петербургского университета (с 1868 г.); редактор «Журнала уголовного и гражданского права» (1873—1878); член консультации Министерства юстиции (1881); сенатор (1887); председатель комиссии по подготовке нового законодательства для Финляндии (1894); член Государственного Совета (1906) по назначению.

[6] Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) – служил в Государственной канцелярии; преподавал уголовное право в Императорском училище правоведения; член «Союза освобождения», организатор кадетской партии, член ее ЦК; депутат Первой Государственной Думы; управляющий делами Временного правительства; министр юстиции Крымского краевого правительства (1918); эмигрировал.

[7] В декабре 1904 г. С. Ю. Витте опубликовал так называемую «Записку по крестьянскому делу», в которой с предельной отчетливостью выражена его антиобщинная позиция.

[8] Военно-полевые суды вводились в 1906 г. для пресечения революционного террора.

«РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СПРАВА»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 21—28. Первоначальное название «Клеветники».

[1] Грингмут Владимир Андреевич (1851—1907) – педагог, публицист, один из лидеров право-монархического движения, организатор Русской монархической партии, редактор консервативных «Московских ведомостей» (с 1896 г.).

[2] Дубровин Александр Иванович (1855—1921) – детский врач, статский советник, организатор и руководитель черносотенного Союза Русского Народа, председатель Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (с 1912 г.). Расстрелян чекистами.

[3] Никольский Борис Владимирович (1870—1919) – ученый-правовед, специалист по римскому праву, литератор, публицист, общественный деятель. Один из руководителей Союза Русского Народа. Расстрелян чекистами.

[4] Имеется в виду граф С. Ю. Витте, прозванный «графом полу-Сахалинским» за уступку японцам по условиям Портсмутского мира южной части о. Сахалин.

[5] Так! *(лат.).*

ТРЕВОЖНОЕ БУДУЩЕЕ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 144—149.

ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 150—157. Первоначальное название «Государственная Дума третьего сбора».

[1] Государственная Дума третьего созыва работала с 1907 по 1912 г.

[2] Измененная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, глава 6, ст. XXI: «Что день грядущий мне готовит?».

[3] В тексте издания 1909 г. ошибочно – 1907 г.

[4] Партия народной свободы – она же Конституционно-демократическая партия (партия кадетов) – крупнейшая в России начала XX века партия либерального направления.

[5] Польское ко́ло (от польск. kolo — круг) – объединение польских националистских партий в Государственной Думе в Царской России, в австрийском и германском парламентах.

[6] Имеется в виду речь председателя Совета министров П. А. Столыпина, произнесенная им перед депутатами Государственной Думы.

[7] Цепные охотничьи псы *(фр.)*.

ПОЗОР ВЫБОРГСКОГО ВОЗЗВАНИЯ. РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ ДВОРЯНСКОМ СОБРАНИИ ЯНВАРЯ 1908 Г. ПО ПОВОДУ УЧАСТИЯ Ф.Ф. КОКОШКИНА В ВЫБОРГСКОМ ВОЗЗВАНИИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 174—178. Первоначальное название «Речь К.Н. Пасхалова в Московском Дворянском Собрании января 1908 г. по поводу участия Ф.Ф. Кокошкина в Выборгском воззвании».

[1] Зал Московского Дворянского Собрания располагался в старинном здании на Охотном ряду (в советское время – так называемый Колонный зал Дома союзов).

[2] Мейнингенцы – труппа драматических артистов придворного театра герцога Георга II Саксонского-Мейнингенского (1874—1890), режиссер Л. Кронек прославился особым стилем сценической постановки пьес.

«МЫ ОБЯЗАНЫ ГОВОРИТЬ ЦАРЮ ПРАВДУ». РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ ДВОРЯНСКОМ СОБРАНИИ 1 ФЕВРАЛЯ 1908 ГОДА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 179—180. Первоначальное название «Речь в Московском Дворянском Собрании 1 февраля 1908 года».

[1] Трубецкой Петр Николаевич (1858—1911) – князь, московский уездный (1887) и губернский (1893—1906) предводитель дворянства; член Государственного Совета (1906) от дворянства.

[2] На адрес московского дворянства (январь 1908 г.), преподнесенный Императору, Государь ответил: «Уверен, что дворянство московское честно сослужит Мне, как и встарь, ожидаемую Мною от него службу и посвятит все свои силы проведению в жизнь предуказаний Моих по обновлению и укреплению государственного строя нашей великой России» (См.: Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 402).

КОРЕНЬ БЕДСТВИЙ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 181—184.

«НЕДОСИЖЕННЫЕ» ЗАКОНОДАТЕЛИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 185—186.

[1] Бобринский Владимир Алексеевич (1867—1927) – граф, предводитель дворянства Богородицкого уезда Тульской губернии (с 1906 г.); член Второй, Третьей и Четвертой Государственных Дум; лидер фракции умеренно правых и русской национальной; в 1919 г. эмигрировал.

[2] «Колокол» – газета революционного направления, издававшаяся в середине XIX в. в Лондоне А. И. Герценом.

[3] Огарев Н. П. – друг и соратник А. И. Герцена, разрабатывавший вместе с ним планы крестьянского восстания в России.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ НАСТОЯЩЕГО

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 187—192.

[1] Парижский мирный договор (1856 г.) явился окончанием Крымской войны; согласно условиям договора, Россия теряла

устье Дуная и южную часть Бессарабии, лишалась права иметь военный флот на Черном море. Русские крепости на Черном море предлагалось уничтожить.

[2] Берлинский договор явился окончанием Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Согласно условиям трактата, Болгария была расчленена на три части и лишь Северная Болгария получила свою государственность. Территориальные приобретения Черногории и Сербии уменьшались. Босния и Герцеговина оккупировались Австро-Венгрией. Англия отняла у Турции остров Кипр. Берлинский договор урезал результаты побед России.

РЕФОРМАТОРСКАЯ МАНИЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 193—195.

[1] Псевдоним В. И. Алексеева (1858—?), полковника корпуса морской артиллерии.

[2] Имеются в виду события начала Русско-японской войны, когда в ночь на 27 января 1904 г. японские миноносцы неожиданно атаковали русскую эскадру у Порт-Артура, а несколькими часами раньше нападению подверглись крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» в порту Чемульпо.

ГОРЕ ОТ БЕЗМЫСЛИЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 200—204.

[1] «Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна» (Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Песня 5. Ст. 123—126).

[2] Имеется в виду П. А. Столыпин.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПУСТОСЛОВИЕ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 226—231.

[1] Имеется в виду речь премьера П. А. Столыпина, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 мая 1908 г., в которой Столыпин подчеркнул, что «Финляндия – составная часть Русской Империи, а Империя управляется объединенным правительством, которое ответственно перед Государем за все происходящее в государстве» (Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия…: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шацилло; Сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М., 1991. С. 130).

[2] Имеется в виду П. А. Столыпин.

[3] Оболенский И. М. (?—1910) – князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант Адмиралтейства. В начале 1890-х гг. харьковский губернатор. В 1904—1905 гг. – финляндский генерал-губернатор.

[4] Герард Николай Николаевич (1838—1929) – служил в судебном ведомстве; председатель Варшавской судебной палаты (1875); сенатор (1882); член (1898) и председатель Департамента гражданских и духовных дел (1902—1905) Государственного совета; финляндский генерал-губернатор (1906—1908).

[5] Общество «Воймы» (в переводе с финского – «сила») – военизированная финская организация сепаратистской направленности.

[6] Здесь перечислены ограбления, убийства и покушения на жизнь видных государственных деятелей Российской Империи, осуществленные в годы революции 1905—1907 гг. с участием финских сепаратистов.

[7] Молох (от финикийского mōlek – владыка, царь). Имя финикийского бога солнца, огня и войны, которому приносились человеческие жертвы; жестокая неумолимая сила, требующая множества человеческих жертв.

[8] Михелин Л. – шведский публицист (см.: К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры, изданной под этим заглавием Н. Д. Сергиевским: Перевод со шведского / Михелин Л. - Берлин: Тип. Розенталя и К, 1903).

[9] Диккенс Чарльз (Charles Dickens, 1812—1870), Теккерей Уилльям Мэйкпис (William Makepeace Thackeray, 1811—1863) — английские писатели-реалисты.

[10] Польская территория, включавшая в себя г. Познань (Позен) в то время входила в состав Германской империи. Германия проводила в Познани жесткую земельную политику; в частности, в конце 1907 г. прусский сейм рассмотрел законопроект о насильственном отобрании земли у поляков.

ВИТТЕ — ЗЛОЙ ГЕНИЙ РОССИИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 242—259. Первоначальное название «Появление призрака рокового человека».

[1] Хрусталев-Носарь Георгий Степанович (1879—1918) – адвокат, беспартийный, с 1906 г. – меньшевик; председатель Петербургского совета рабочих депутатов (1905); бежал из сибирской ссылки, жил в Париже, где был в 1913 г. арестован за темные финансовые операции; вернулся в Россию в 1914 г.; в тюремном заключении (1914—1917), председатель земской управы Переяславльского уезда, поддержал Скоропадского и Петлюру, расстрелян чекистами.

[2] Дубасов Федор Васильевич (1845—1912) – флотоводец, адмирал, видный правый государственный деятель, член Государственного Совета. 25 ноября 1905 г. был назначен Московским генерал-губернатором. Именно он принял четкие меры по подавлению декабрьского вооруженного мятежа в Москве.

[3] С. Ю. Витте в 1880-е гг. начинал свою карьеру на Юго-Западных железных дорогах (Одесса).

[4] Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) – математик, инженер; преподавал в Михайловской артиллерийской академии; член Государственного Совета (с 1886 г.); министр финансов (1887—1892).

[5] С. Ю. Витте являлся директором железнодорожного департамента Министерства финансов и председателем Тарифного комитета в 1889—1892 гг., с 1892 г. – министром путей сообщения.

[6] «Граду и миру» *(лат.)*; ко всеобщему сведению.

[7] С. Ю. Витте являлся министром финансов с 1893 по 1903 г.

[8] Полуимпериал – русская золотая монета достоинством в 5 рублей.

[9] Лана, или лань серебра – мелкая китайская монета; меджидия – мелкая турецкая серебряная монета.

[10] Тит Титыч Брусков – купец-самодур, герой пьесы А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856).

[11] Бунге Николай Христианович (1823—1895) – профессор (с 1850 г.) и ректор (1859—1862; 1871—1875; 1878—1880) Киевского университета; товарищ (1880), затем министр финансов (1881—1886), председатель Комитета министров (1887—1895).

[12] Сантим (франц. centime от centesimus) — разменная монета и счетно-денежная единица Франции, Бельгии, Швейцарии и других стран, равная сотой доле франка.

[13] Английский писатель Дональд Маккензи Уоллес, приехав в 1870 году в Россию, несколько лет наблюдал жизнь Империи. Писатель изучил русский язык, историю и литературу. Он называл Россию «страной чудовищных контрастов. Его книга «Россия, ее история и состояние к 1877 году» выдержала 10 изданий.

[14] Порт Дальний на Ляодунском полуострове (ныне— территория КНР), так же как и Порт-Артур, был уступлен японцам по Портсмутскому договору в 1905 г.

ЦАРСТВО СВОБОДЫ…ПРОИЗВОЛА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 260—266.

[1] Толстой Лев Николаевич (1828—1910) – граф, русский писатель. Имеется в виду 80-летие писателя (1908 г.).

[2] Бунд (то нем. Bund – союз, объединение, общество) – «Всеобщий еврейский рабочий союз в России, Литве и Польше»; еврейская революционная организация (создана в 1897 г.), сыгравшая значительную роль в развязывании революционного террора в 1905—1907 гг.

[3] Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943) – служил в Министерстве юстиции (1873—1890) и Государственной канцелярии (1890—1896); товарищ министра финансов (1896—1902);

государственный секретарь (1902—1904); министр финансов (1904—1914); председатель Совета министров (11 сентября 1911—30 января 1914); член (1905), председатель II Департамента Государственного совета (1915); с 1918 г. в эмиграции.

[4] Милюков Павел Николаевич (1859—1943) – историк, профессор Московского университета; основатель «Союза освобождения»; масон; председатель «Союза союзов» (1905); основатель и бессменный лидер кадетской партии; член Третьей и Четвертой Государственных дум; министр иностранных дел Временного правительства (март—апрель 1917 г.); эмигрировал.

[5] Имеется в виду П. А. Столыпин.

[6] «Русское знамя» – газета Союза Русского Народа, выходившая с 1905 по 1917 гг.

[7] Очевидно, речь идет о брошюре И. Г. Айвазова «Религиозное обновление наших дней («Новопутейцы», «Вехи»)», которая выдержала несколько изданий.

[8] «К величайшей славе конституции» *(лат.)*.

[9] Драчевский Д. В. – генерал-майор свиты, петербургский градоначальник.

ВОРКУЮЩИЙ «РЕЖИМ»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 274—279.

[1] Имеется в виду Октябристская партия – «Союз 17 октября».

[2] Шварц Александр Николаевич (4 января 1848, Тула – 5 января 1915, Петроград) – филолог-классик, министр народного просвещения (январь 1908—сентябрь 1910).

[3] Эренталь А., фон – граф, австро-венгерский посол в Петербурге (1899—1906), министр иностранных дел Австро-Венгрии (1906—1912).

[4] Титтони Томмазо – итальянский политический деятель, родился в 1849 г., депутат в 1886—1897 гг., в 1897—1901 гг. – префект в Перуджии и Неаполе, в 1901 г. сенатор, в 1903—1905 гг. министр иностранных дел.

[5] Пишон Стефан – министр иностранных дел Франции (1906—1911).

[6] Грэй Эдвард – английский государственный деятель, виконт. С 1885 г. член парламента от Либеральной партии. В 1892—1895 гг. заместитель министра иностранных дел, в 1905—1916 гг. министр иностранных дел.

[7] Извольский Александр Петрович (1856—1919) – секретарь миссии в Бухаресте (1882) и Вашингтоне (1885); посол в Сербии (1897), Японии (1899), Дании (1902); министр иностранных дел (1906—1910); посол в Париже (1910—1917).

[8] Бюлов (Bülow) Бернхард (3.5.1849, Клейн-Флотбек, — 28.10.1929, Рим) – князь, германский государственный деятель. По образованию юрист. В 1888—93 гг. посланник в Румынии, в 1893—97 гг. посол в Италии, в 1897—1900 гг. имперский статс-секретарь иностранных дел, в 1900—09 гг. рейхсканцлер и министр-президент Пруссии. Требовал для Германии «места под солнцем», добивался всемерного увеличения германской военной мощи (особенно строительства сильного военно-морского флота) с целью подготовки войны за передел мира. Проводил политику колониальной экспансии (строительство Багдадской ж. д., захваты в Китае и на Тихом океане). Политика правительства Бюлова способствовала обострению противоречий Германии с Великобританией, Россией и Францией. В 1914—15 гг. чрезвычайный посол в Риме.

СПАСАЙТЕ БУДУЩЕЕ!

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 282—285.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 291—294.

[1] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920), политический и общественный деятель, один из лидеров правомонархического движения, организатор и руководитель Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ В ДУМЕ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 300—306. Первоначальное название «Пора дать точное разъяснение».

[1] Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916) – граф, генерал-адъютант; личный друг Александра III; руководитель «Священной дружины» (1881); министр императорского двора (1881—1897); наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа (1905—1915).

[2] Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович; 1869—1918) – агент-провокатор Департамента полиции (с 1892 г.); глава «Боевой организации» социалистов-революционеров (1903—1908); после разоблачения В.Л.Бурцевым (1908) приговорен эсерами к смерти, бежал, жил в Германии под вымышленным именем.

[3] Имеется в виду П. А. Столыпин.

[4] По инициативе японского шпиона-революционера Конни Циллиакуса и за японские деньги в Париже в сентябре-октябре 1904 г. собирается совещание «оппозиционных и революционных партий» России. В совещании приняли участие видные либеральные деятели (князь Петр Долгоруков, П. Н. Милюков и др.), а также эсеры – Е. Азеф, В. М. Чернов и др. Совещание вынесло резолюцию об «уничтожении Самодержавия» и о создании «свободного демократического строя на основе всеобщей подачи голосов».

[5] Занчевский Иван Михайлович – российский ученый в области механики, либеральный общественный деятель. Окончил Новороссийский университет (1883). С 1888 г. преподавал там же (с 1892 г. – профессор, с 1902 г. – ректор).

[6] Васьковский Евгений Владимирович (1866 – после 1928 г.) – одесский адвокат, либеральный деятель, профессор Новороссийского университета.

[7] Мейендорф Александр Феликсович (1868—?) – барон, гласный Петербургского губернского земства; товарищ председателя Третьей и Четвертой Государственных Дум; октябрист.

[8] «Приятнейших персон» *(лат.).*

[9] Булат Андрей Андреевич (1872—1941) – адвокат, политический деятель, депутат Второй и Третьей Государственных Дум, член фракции трудовиков.

[10] Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – меньшевик, член Третьей Государственной Думы от Кутаисской губ. и один из лидеров меньшевистской думской фракции. Во время Первой мировой войны – «социал-патриот».

[11] Монтаньяры (фр. montagnards) – левые политические группы в Национальном конвенте во время Французской революции XVIII в., занимавшие места в верхних рядах («Гора» – la Montagne); левые политики в широком смысле этого слова.

[12] В 1908 г. был предан огласке факт сотрудничества Е. Азефа с Департаментом полиции, возглавлявшимся в свое время А. А. Лопухиным.

ДУМСКАЯ АЗЕФОВЩИНА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 307—311.

[1] Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866—1945), политический и общественный деятель, один из лидеров правомонархического движения, председатель Главного Совета Союза Русского Народа (СРН), лидер фракции правых III и IV Государственных Дум.

[2] Хомяков Николай Алексеевич (1850—1925) – служил в Министерстве земледелия; земский деятель; депутат Второй, Третьей и Четвертой Государственных дум; первый председатель Третьей Государственной думы; октябрист; член Государственного совета (1906—1907); уполномоченный Красного Креста при Добровольческой армии А И. Деникина; эмигрировал.

[3] Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910) – юрист, профессор Московского университета (1877—1884); один из основателей кадетской партии; являлся председателем Первой Государственной Думы.

[4] Головин Федор Александрович (1867—1937) – один из основателей «Союза освобождения», кадет, член ЦК кадетской партии; председатель Второй Государственной Думы.

[5] Гучков Александр Иванович (1862–1936) – выходец из московской купеческой семьи. В 1886 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1902–1908 гг. был директором Московского учетного банка и в дальнейшем занимался предпринимательской деятельностью. Один из основателей и с 1906 г. председатель ЦК партии октябристов. Масон. В 1907 г. и с 1915 г. являлся членом Государственного совета. В III Думе возглавлял фракцию октябристов и Комиссию по государственной обороне. С 8 марта 1910 по 14 марта 1911 – председатель III Думы. Выборы в IV Думу по Москве проиграл. С лета 1915 г. стал одним из лидеров Прогрессивного блока. В 1915–1917 гг. был председателем Центрального военно-промышленного комитета. Занимал должность военного и морского министра во Временном правительстве. В 1919 г. эмигрировал.

[6] Родичев Федор Измайлович (1854—1933) – член «Союза освобождения», один из основателей кадетской партии; депутат Государственной Думы всех четырех созывов; комиссар Временного правительства в Финляндии; с 1918 г. в эмиграции.

ПОТЕМКИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 1—7.

[1] Шеман Н. Н. – генерал-лейтенант, директор лоцманского и маячного ведомства Финляндии.

[2] Иогансен (Иогансон) Густав – лютеранский архиепископ, член созданной правительством Столыпина русско-финляндской комиссии «для выработки проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения».

[3] Харитонов Петр Алексеевич (1856—1916) – служил в Министерстве юстиции (1873—1883), затем в кодификационном отделе Государственного Совета; статс-секретарь Департамента гражданских и духовных дел; товарищ государственного секретаря (1904—1906); сенатор (1906), член Государственно-

го Совета (1906) по назначению; государственный контролер (1907—1916).

[4] Маклаков Василий Алексеевич (1870—1957) – присяжный поверенный, правый кадет, член кадетской ЦК (с 1906 г.); депутат Второй, Третьей и Четвертой Государственных Дум; при Временном правительстве посол в Париже; эмигрировал.

[5] Бенкендорф А. К. (?—1916) – граф, гофмейстер, в 1897—1902 – посланник в Копенгагене; в 1903—1916 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Англии.

[6] Уваров Федор Алексеевич (1866—?) – граф, землевладелец, член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1904); член Государственного Совета (1909) от московского земства.

[7] 27 июня 1909 г. Государь принял участие в праздновании 200-летия Полтавской победы над шведами.

ДУМСКИЕ ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 79—82.

УРАВНЕНИЕ ПРАВ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 83—88.

ОСОБЕННОСТЬ НАШИХ РЕФОРМ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 89—92.

ЦЕПЬ РАЗРУШЕНИЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 93—106.

[1] Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) – русский писатель.

[2] Третий съезд еврейской лево-социалистической партии «Бунд» проходил в г. Ковно (ныне Каунас) в 1899 г. На нем был поставлен вопрос о «равноправии» евреев в Российской Империи.

[3] Имеется в виду 9 января 1905 г. – так называемое «Кровавое воскресенье».

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 107—110.

[1] Имеются в виду четырехступенчатые выборы. Так, в ходе выборов в Первую Государственную Думу избиратели (25 млн чел.) делились на 4 курии (землевладельцы, имущие горожане, крестьяне и рабочие). Выборы были многоступенчатыми. Избиратели голосовали за выборщиков, которые затем избирали депутата. У помещиков один выборщик приходился на 2 тыс. избирателей, у городской буржуазии – на 7 тыс., у крестьян – на 30 тыс., у рабочих – на 90 тыс.

[2] Демчинский Б. Н. – русский ученый-агроном.

[3] Родионов Иван Александрович (1866—1940), писатель, казачий офицер, активный участник монархического движения. Родился в станице Камышевской (Мариинской?) области Войска Донского в семье помещика (из донских казаков). Получил военное образование. В качестве командира казачьей сотни участвовал в подавлении революционной смуты 1905 г. Выйдя в отставку, получил должность земского начальника в Боровичах Новгородской губ.

В 1909 г. появилась его повесть «Наше преступление», которая принесла писателю широкую известность — книгу высоко оценил Л. Н. Толстой, отметивший прекрасный народный язык и отсутствие фальши (в 1910 г. она переиздавалась пять раз). В этой книге Родионов ярко показал «разобщение русского культурного класса с народом», которое, как считал писатель, грозило России падением в «бездну, провал, дно». Страшным злом для страны Родионов считал народное пьянство. Он неоднократно заявлял: «По моему глубокому убеждению — Россия гибнет от двух главных причин: еврея и алкоголя».

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВОПРОСОВ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 111—115.

ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 265—270.

[1] Законом от 27 августа 1905 г. была дарована широкая автономия высшим учебным заведениям: весь внутренний распорядок учебных заведений передавался в руки коллегии профессоров и выборных ими ректоров.

[2] Муравьев Николай Валерианович (1850—1908) – с 1879 г. служил в прокуратуре; обер-прокурор кассационного департамента Сената по уголовным делам (1891—1894); государственный секретарь (1892); министр юстиции (1894—1905); с 1905 г. – посол в Риме.

ПОЗОР

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 335—338.

[1] Имеется в виду С. Ю. Витте.

[2] 24 сентября (7 октября) 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины.

[3] Зелим-хан – чеченский разбойник, совершавший со своей шайкой в начале XX в. набеги на города, села, нефтяные промыслы и т. д.

СЪЕЗД РАЗРУШИТЕЛЕЙ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 351—356.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ХОЛМСКОЙ ЕПАРХИИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 18—25.

[1] 17 апреля 1905 г. был опубликован указ о веротерпимости, фактически уравнивавший в правах все христианские конфессии и легализовавший старообрядцев и сектантов. Указ вызвал недовольство среди православных патриотов.

[2] Имеется в виду польский бунт 1863—1864 гг., осуществлявшийся под социальными и националистическими лозунгами. Он был усмирен выдающимся военным и государственным деятелем графом М. Н. Муравьевым-Виленским.

[3] Справа (správa) – администрация *(польск.).*

[4] Евлогий (Георгиевский) Василий Семенович – митрополит, Экзарх Западной Европы (1868—1946), церковный, политический и общественный деятель, участник правомонархического движения.

ЗАПИСКА О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ В ХОЛМСКОЙ ЕПАРХИИ ПОСЛЕ УКАЗА 17 АПРЕЛЯ 1905 Г.

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 26—30. В тексте 1-го тома издания 1906 г. в заголовке напечатано ошибочно – 1895 г.

[1] Гмина (gmina — волость) – в Польше в 1815—1954 гг. низовая сельская административно-территориальная единица, объединявшая ряд общин.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПРАВОСЛАВНО-РУССКОМУ ХОЛМУ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 323—329.

[1] Забужье – территория левого берега р. Буг, притока Вислы (в настоящее время принадлежит Польше).

[2] «Верховенства» *(лат.).*

[3] Максимович Константин Клавдиевич (1849—?) – военный губернатор и командующий войсками Уральской области (1893); атаман Уральского, затем Донского (1899) казачьего войска; Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1905); помощник командующего Императорской главной квартирой (1915).

ХОЛМ И ОЖИДАЮЩАЯ ЕГО УЧАСТЬ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 47—54.

[1] Имеется в виду указ от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, фактически уравнивавший в правах все христианские конфессии.

[2] «Мы прибываем всегда слишком поздно» – *(фр.).*

[3] О В. А. Бобринском см. примечание к статье К. Н. Пасхалова ««Недосиженные» законодатели».

[4] Дымша Любомир Клеофасович (Петрович) (1860—1915) – юрист, доцент Петербургского университета, депутат 3-й и 4-й Государственных Дум (польское коло).

ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 151—155. Первоначальное название «Критический момент».

[1] «Быть или не быть?» *(англ.)* – цитата из трагедии Уильяма Шекспира «The Tragicall Historie of Hamlet, Prince of Denmarke» («Трагическая история Гамлета, принца Датского»).

[2] Боргоский сейм – в Борго был созван финляндский сейм из представителей четырех сословий — дворянства, духовенства, горожан и крестьян. При его открытии 16 (28) марта 1809 года Государь Александр I произнес речь на французском языке, в которой заявил: «Я обещал сохранить вашу конституцию, ваши коренные законы; ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моих обещаний» (Энциклопедический словарь. T.XXXVI. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1902. С. 4).

О «СВОБОДЕ СОВЕСТИ». ВОПРОС АРХИПАСТЫРЯМ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 187—189. Первоначальное название «Вопрос архипастырям».

[1] Буддийский храм был возведен в Петербурге в период с 1909 по 1915 гг. по проекту архитектора Г. В. Барановского в соответствии с канонами тибетской культовой архитектуры.

[2] См. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Что делается в Холмской епархии».

[3] Фетлер Вильгельм (Василий) Андреевич (известен также под псевдонимом Василий Малов) (1883—1957) – проповедник баптизма.

[4] Макарий (в миру Парвицкий-Невский Михаил Андреевич) – святитель, митрополит Московский и Коломенский (14.10.1835—16.02[1.03].1926), миссионер, проповедник, духовный писатель и общественный деятель, почетный председатель Томского губернского отдела Союза Русского Народа (СРН). Канонизирован Церковью в 2000 г.

[5] Никон (в миру Рождественский Николай Иванович) – архиепископ Вологодский и Тотемский (4.04.1851—30.12.1918[2.01.1919]), председатель Издательского совета при Св. Синоде, член Государственного Совета, один из самых активных участников правомонархического движения среди архиереев.

ХОЛМСКАЯ ВОЛОКИТА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 275—279. Первоначально были опубликованы две статьи «Холмская волокита I» и «Холмская волокита II».

[1] Имеется в виду П. А. Столыпин.

[2] 25 августа 1911 г. П. А. Столыпин прибыл в Киев, где предстояли торжества по случаю освящения памятника императору Александру II и приемы представителей края, получившего земство. 1 сентября 1911 г. в здании местной оперы в присут-

ствии Царской семьи Столыпин был смертельно ранен террористом Дмитрием (Мордехаем) Богровым. Вечером 5 сентября премьер-министр скончался.

[3] Закон о земствах в Западном крае (т. е. в местах компактного проживания польского населения) разделял общее число избирателей на две курии – русскую и польскую, причем русская избирала большее число гласных. Русскому населению давались и другие преимущества по сравнению с поляками. Закон, разработанный П. А. Столыпиным и поддержанный Царем, вызвал ненависть со стороны антирусских сил. После отклонения законопроекта Государственным Советом 1 марта 1911 г., Столыпин, испросив у Царя повеление на временный роспуск законодательных палат, использовав ст. 87 Основных Законов, подписал законопроект у Царя, минуя Государственный Совет. В ответ на это Государственный Совет счел себя «оскорбленным», а председатель Государственной Думы А. И. Гучков якобы в знак протеста сложил с себя полномочия председателя палаты.

[4] Щек – один из трех легендарных братьев (наряду с Кием и Хоривом), основателей Киева, согласно «Повести временных лет» Нестора-летописца.

ЕВРЕЙСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ

Печатается по: Московские ведомости. № 88. 1915. 18 апреля (1 мая). С. 1.

[1] Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) – писатель, поэт, один из основоположников символизма, муж З. Н. Гиппиус; участник основанного Н. Бердяевым Религиозно-философского общества (1907—1917).

[2] Поляков Лазарь Соломонович (1842—1914) – предприниматель, банкир, действительный статский советник; еврейский общественный деятель.

[3] Кассо Лев Аристидович (1865—1914) – профессор Юрьевского (Дерптского, 1893—1895), Харьковского (1895—1898) и Московского (1898—1910) университетов; министр народного просвещения (1910—1914).

[4] Кицур Шулхан-арух – дополнение к иудейскому Талмуду, составленное в начале XVI века И. Каро; свод еврейских зако-

нов, принятый к исполнению кагалами всего еврейского рассеяния, и позже дополненный в Польше Моисеем Иссерлесом.

ЗЕМСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 37—42.

[1] О Д. Н. Шипове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Кто пытается исказить волю Государя».

[2] О П. Н. Трубецком см. примечание к Речи К. Н. Пасхалова в Московском Дворянском Собрании 1 февраля 1908 года.

[3] Голицын Владимир Михайлович (1847—1931) – князь, Московский губернатор (1888—1891); московский городской голова (1898—1905).

[4] Гагарин Григорий Григорьевич – князь, предводитель дворянства Клинского уезда Тверской губернии.

[5] Стахович Михаил Александрович (1861—1923) – орловский губернской предводитель дворянства (1895—1897); активный участник либерального земского движения; один из создателей «Союза 17 октября» (1905); член Первой и Второй Государственных Дум; член Государственного Совета (1907) от орловского земства.

[6] Герье Владимир Иванович (1837—1919) – профессор всеобщей истории (с 1868 г.); основатель Московских высших женских курсов; член (с 1876 г.) и председатель (1892—1904) Московской городской думы; член Государственного Совета (1907).

[7] Герасимов Осип Петрович (?—1920) – товарищ министра народного просвещения (1905—1908).

[8] О Рескрипте 18 февраля 1905 г. см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «На пути к разрушению России».

[9] Брайс Джемс – английский писатель и политический деятель, родился в 1838 г.; профессор-юрист в Оксфорде в 1870—1893 гг., с 1880 г. член парламента, либерал; в 1892—95 гг. член министерства Гладстона и Розбери, один из решительных сторонников ирландской автономии.

[10] Дайси Альберт – профессор в Оксфорде, знаток английской конституции. Его главное сочинение – “Основы государственного права Англии”, русский перевод 1892 г., второе издание 1905 г.

[11] Токвиль (Tocqueville) Алексис (1805—1859) – французский социолог, историк и политический деятель либерального направления.

[12] Каутский Карл (1854—1938) – немецкий теоретик марксизма.

ОСНОВАНИЯ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 69—76.

[1] Имеется в виду записка министра финансов С. Ю. Витте о «Самодержавии и земстве», в которой он противополагал реформу местной администрации планам расширения деятельности местного самоуправления.

[2] Манифест 26 февраля 1903 г. провозглашал неприкосновенность общинного строя, однако выражал намерение властей изыскать способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины, а также принять меры к отмене круговой поруки для крестьян. Кроме того, в Манифесте содержалось указание на преобразование местного управления «для изыскания способов удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью».

[3] Высочайший (т.е. императорский) указ Сенату 8 января 1904 г. «О пересмотре законодательства о крестьянах» утверждал принцип неприкосновенности общинного строя крестьянского землевладения.

МНИМОЕ «УПОРЯДОЧЕНИЕ»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 205—207.

[1] Алексеев Николай Александрович – директор правления торгового и промышленного товарищества «Владимир Алексеев» (прядильное и золотоканительное производство), директор суконной мануфактуры в Пушкине, директор Товарищества Даниловской камвольной прядильни в Московском уезде, московский городской голова (1885—1893), директор благотворительного общества при Мясницкой больнице.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 286—287.

[1] «Указ Правительствующему Сенату о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., принятый в чрезвычайном порядке, положил начало выходу крестьян из общины. Смысл его сводился к замене общинной собственности с подворным владением и подворного землепользования (в безобщинных местностях) частной собственностью главы двора, т.е. личной частной собственностью. Как закон Указ стал действовать, пройдя через обсуждение в III Государственной думе, только с июня 1910 г. «Закон об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» от 14 июня 1910 г. облегчал выход из общины и фактически вводил насильственную ликвидацию беспередельных (с 1863 г.) общин.

[2] О Манифесте 26 февраля 1903 г. см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Основания земской реформы».

[3] Самарин Федор Дмитриевич (1858—1920) – земский деятель; Московский уездный предводитель дворянства (1884); член Государственного Совета (1907—1908) от дворянства.

[4] Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1918, по другим сведениям – 1919 г.) – русский мыслитель, педагог, церковный деятель, философ славянофильского направления. Старший сын основателя славянофильства А.С. Хомякова.

[5] Щербатов Александр Григорьевич (1850—1915) – князь, русский экономист, камергер Высочайшего Двора, председатель Союза Русских Людей (СРЛ), правый общественный деятель.

[6] Шидловский Сергей Илиодорович (1861—1922) – земский деятель; член совета Крестьянского поземельного банка (1899—1905); директор департамента Министерства земледелия (1905); октябрист, депутат Третьей и Четвертой Государственных Дум.

[7] Лыкошин Александр Иванович (1861—1918) – служил в Министерстве юстиции; обер-прокурор гражданского кассационного департамента Сената (1901); товарищ министра внутренних дел и начальник Крестьянского отдела (1907—1914); сенатор (1911); член Государственного Совета (1914).

ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЬЮТ, В ОСОБЕННОСТИ «КРИВДОЮ»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 295—299.

[1] Бодиско Дмитрий Михайлович (1851—1920) – русский правый общественный деятель. Совершал инспекционные поездки, занимался собственным хозяйством, поднял голос в защиту поместного дворянства. Д.М. Бодиско в течение ряда лет выступал в печати, заявляя, что поземельное дворянство – «опора власти в деревне», что оно связано с деревней «материально и нравственно», и что с уходом дворян со сцены на смену им придет «новый, неизвестный элемент».

[2] Золя Эмиль (1840—1902) – французский писатель, публицист, общественный деятель. Речь идет о романе Золя «Земля».

[3] Фашодское столкновение французов с англичанами в Судане в 1898 г. привело к удовлетворению английских требований французами и уступки ими Судана в пользу англичан без каких-либо законных оснований для такого решения.

[4] «Преимущественно, по преимуществу» *(фр.).*

ЗА ОБЩИНУ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 317—322.

[1] См. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Лежачего не бьют, в особенности «кривдою!»«.

[2] Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872) – граф, генерал, участник Наполеоновских войн; в 1837—1856 гг. являлся министром государственных имуществ, провел реформу государственной деревни; посол в Париже (1856—1862).

НЕОБХОДИМАЯ РЕФОРМА ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 14—46.

БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СТАРОГО СТРОЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 156—160.

[1] Об Указе 9 ноября 1906 г. см. примечание к «Письму в редакцию «Русской Земли» К. Н. Пасхалова.

[2] «Лучшее – враг хорошего» *(фр.).*

[3] «Хорошее» *(фр.).*

[4] «Лучшее» *(фр.).*

ДВА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ОДНОМУ ЗЕМСКОМУ ВОПРОСУ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 161—168.

[1] 1910 г.

[2] Горчаков Сергей Дмитриевич (1861—1927) – с 1895 г. состоял тарусским уездным (Калужская губерния) предводителем дворянства, в 1898—1900 гг. архангельским, в 1903—1904 гг. олонецким, в 1904—1906 гг. херсонским вице-губернатором. В 1906—1909 гг. вятский, в 1909—1915 гг. калужский губернатор. Был сослан на поселение в Тобольскую губернию, где и умер.

БЕРЕГИТЕ ЗЕМЛЮ!

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 169—173.

[1] Строчка из перевода А. С. Пушкиным анонимной французской эпиграммы. Перевод впервые напечатан в «Московском вестнике» (1827 г., № 2) под названием «Золото и булат».

[2] Ротшильды – семейство еврейских банкиров, сделавших в начале XIX века огромное состояние. Аккумулировав в своих руках огромный капитал, они стали оказывать влияние на всю европейскую политику.

МЕЛКИЙ КРЕДИТ И ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 252—258.

[1] Речь идет о П. А. Столыпине.

ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 259—264.

ПРОЕКТ МЕСТНОЙ АНАРХИИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 271—274.

НЕНАВИСТНИКИ ОБЩИНЫ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 319—331.

[1] Меньшиков Михаил Осипович (23.09.1859—7[20].09.1918), ведущий публицист правоконсервативной газеты «Новое время», один из основателей и идеологов Всероссийского Национального Союза (ВНС) и Всероссийского Национального Клуба (ВНК).

[2] Положения 19 февраля 1861 г. «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», уничтожали крепостное право и

определяли порядок получения крестьянами земельных наделов в собственность.

[3] Сажень – старинная русская мера длины, равная 2,134 метра.

[4] Аршин (тюрк. aršyn) – старинная русская мера длины, равная 0,711 метра.

[5] Валишевский Казимир (1849—1935) — польский историк, писатель, публицист.

[6] Гакстгаузен, «Исследования о России» *(нем.)*. Гакстгаузен Август (1792—1866) – барон, исследователь русской общины, предпринял в 1842—43 гг. путешествие по России.

ВРЕДНЕЙШАЯ ЗАТЕЯ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 339—350.

[1] 1911 г. «Земщина» – ежедневная монархическая газета, одно из самых влиятельных и популярных патриотических изданий накануне революции.

[2] Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862–1937) – граф, камергер. Окончил естественный факультет Московского университета (1885). В 1886–88 гг. служил в гвардейской конной артиллерии, уволился в запас в звании подпоручика, служил в Геологическом комитете Министерства государственных имуществ. В 1891 г. – земский начальник в Московском уезде, гласный и мировой судья в Дмитровском уезде. В 1894 г. – предводитель дворянства в Саратовской губернии, в 1902–1904 гг. – председатель Саратовской земской управы. Во время Русско-японской войны работал на Дальнем Востоке в Российском обществе Красного Креста. Был взят в плен в Мукдене. В 1905 г. – один из организаторов «Союза 17 октября». Депутат III Государственной Думы от Московской губернии, член Государственного совета от земского собрания Саратовской губернии (с 1907 г.), один из основателей и членов «Прогрессивного блока». Предводитель дворянства Камышинского уезда Саратовской губернии. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Эмигрировал. В

1921 г. – член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, однако в заседаниях не участвовал.

[3] Нейдгарт Алексей Борисович (1863—1918) – с 1906 г. член Государственного Совета от Нижегородского земского собрания; поддерживал реформы П. А. Столыпина; по политическим воззрениям был близок к националистам. Расстрелян в Нижнем Новгороде большевиками. Причислен в 2000 г. Русской Православной Церковью к лику святых мучеников.

[4] Алексеенко Михаил Мартынович (1847—1917) – из купеческой семьи. Автор курса лекций по финансовому праву. Депутат 3-й и 4-й Государственных Дум. Председатель думской бюджетной комиссии, пользовался значительным авторитетом. Примыкал к «Союзу 17 октября», но сохранял по многим вопросам независимую позицию.

ЕСТЬ ЛИ У НАС ДВОРЯНСТВО?

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. I. Март 1905—август 1906. М., 1906. С. 291—301.

[1] О П. Д. Святополке-Мирском см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя».

[2] Имеются в виду резолюции земского совещания, проходившего в Петербурге с 6 по 9 ноября 1904 г., которые фактически декларировали конституционную политическую программу в стране.

[3] «К этому» *(лат.)* – для данного случая, для этой цели.

[4] О Ф. Д. Самарине см. примечание к «Письму в редакцию «Русской Земли»« К. Н. Пасхалова.

[5] Имеется в виду князь П. Д. Святополк-Мирский, занимавший пост министра внутренних дел в 1904—1905 гг.

[6] 1906 года.

[7] Манифест о роспуске I Государственной Думы был подписан Императором 9 июля 1906 г. На следующий день после роспуска Думы 178 бывших депутатов собрались в Выборге и подписали воззвание к народу и иностранным

правительствам (автор проекта лидер кадетов П. Н. Милюков в Выборге не присутствовал) с призывом не платить налоги, отказываться от призыва на военную службу, не признавать займы, заключенные правительством. Воззвание не имело никаких особенных последствий. Только через полтора года подписанты воззвания были привлечены к суду, который лишил их права участвовать в выборах в Думу.

[8] Имеется в виду «Союз 17 октября» (партия октябристов).

К СОЮЗУ РУССКОГО НАРОДА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 140—143.

[1] Имеется в виду П. А. Столыпин.

[2] «Союз Русского Народа» – крупнейшая правомонархическая организация, возникшая осенью 1905 г. в дни революционной смуты, последовательно отстаивавшая идеи Православия, Самодержавия и Русской Народности.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л.А. ТИХОМИРОВА «САМОДЕРЖАВИЕ И НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 158—173.

[1] Тихомиров Лев Александрович (19.01.1852–16.10.1923), русский мыслитель, публицист, мемуарист; один из идеологов русского консерватизма.

[2] Речь идет о первой речи П. А. Столыпина в Третьей Государственной Думе, произнесенной 16 ноября 1907 г. (см.: Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия…: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шацилло; Сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М., 1991. С. 98—102).

[3] О В. Н. Коковцеве см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Царство свободы… произвола».

ПАМЯТИ В.А. ГРИНГМУТА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 196—199. Первоначальное название «Полугодие кончины В. А. Грингмута».

[1] О В. А. Грингмуте см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Революционеры справа».

ВОРОВСКАЯ УХВАТКА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 288—290.

[1] Эскамотатор – от франц. escamoteur – фокусник, шулер.

[2] Аргус – неусыпный, зоркий страж; символ бдительности (по имени стоглазого сторожа в греческой мифологии).

НЕПРАВЫЕ «ПРАВЫЕ»

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 312—316.

СЛОВА И ДЕЛА

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 343—369.

[1] Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) – директор Департамента полиции (1881—1894); Государственный секретарь (1894—1902), одновременно в 1900 г. – Государственный секретарь по делам Великого княжества Финляндского; министр внутренних дел (1902—1904). Убит эсером Е. С. Сазоновым.

[2] Микадо – дословно – «возвышенные ворота» *(яп.)* – титул японского императора.

[3] Речь идет о С. Ю. Витте.

[4] Сколк – точное подобие, копия с чего-либо.

[5] Речь идет о Второй Государственной Думе, распущенной 3 июня 1907 г. и проработавшей 102 дня.

[6] Об А. И. Дубровине см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Революционеры справа».

[7] Шалберничать *(простореч.)* – шалопайничать, повесничать.

[8] Озоль (Озолс) Янис (1885—1919)— латвийский революционный деятель. Социал-демократ с 1904 года. Участвовал в революции 1905—1907 гг. Депутат II Государственной Думы. В 1919 г. от имени Советской России вел в Риге переговоры с правительством Латвии. Был захвачен белыми и расстрелян.

[9] Герус Логвин Федорович – социал-демократ. Родился в 1876 г.; сведения об образовании расходятся (в официальном источнике — домашнее, в литературе говорится о среднем и высшем образовании). В социал-демократическую партию вступил в 1904 г. на Кубани. Принимал участие в событиях 1905 г. в Екатеринодаре; председательствовал в стачечном комитете. В декабре 1905 г. арестован там же в связи с подготовкой вооруженного выступления. На выборах во II Государственную Думу избран депутатом от Кубанской области. Принадлежал к меньшевистской части думской социал-демократической фракции. При разгроме фракции избежал ареста и скрылся от суда, уехав за границу, сначала в Европу, потом в Америку. В 1917 г. вернулся в Россию.

[10] Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) – французский писатель и философ, идеолог эпохи Просвещения.

[11] Генрих IV Бурбон (1589—1610) – французский король.

[12]Людовик XIV (1643—1715) – французский король.

[13] Людовик XV (1715—1774) – французский король.

[14] «Глас мудреца и народа» *(фр.).*

[15] О Ф. И. Родичеве см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Думская Азефовщина».

[16] Долгоруков Петр Дмитриевич (1866—1945) – князь, председатель Судженской земской управы; основатель журнала «Освобождение» и «Союза освобождения»; участник земских съездов; организатор кадетской партии; товарищ председателя Первой Государственной Думы; отбывал трехмесячное заключение за подписание Выборгского воззвания; восстановлен в правах в 1909 г.

[17] О Ф. А. Головине см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Думская Азефовщина».

[18] О Выборгском воззвании см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «К Союзу Русского Народа».

[19] Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906), экономист, политический деятель, приват-доцент Московского университета, один из основателей кадетской партии, депутат I Госдумы, в своих выступлениях одобрял аграрные беспорядки, убит.

[20] Кауфман Петр Михайлович, фон (1857—1926) – служил в канцелярии Комитета министров и Министерства внутренних дел; помощник статс-секретаря Государственной канцелярии (1886—1892); секретарь (1892—1896), затем – помощник начальника (1896—1903) IV отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; уполномоченный Красного Креста во время Русско-японской и Первой мировой войны; министр народного просвещения (1906—1908); член Государственного Совета (1908) по назначению. О О. П. Герасимове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Земское самодержавие».

[21] Васильчиков Борис Александрович (1863—1931) – князь, служил в Министерстве юстиции; новгородский губернский предводитель дворянства (1890—1900); псковский губернатор (1900—1903); главноуполномоченный Красного Креста на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны; председатель российского общества Красного Креста (с 1906 г.); член Государственного Совета по назначению (1906—1917); главноуправляющий землеустройством и земледелием (1906—1908); после октября 1917 г. эмигрировал.

[22] Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) – товарищ прокурора Петербургского окружного суда (1887); товарищ обер-прокурора (1897); затем обер-прокурор (1903) уголовного кассационного департамента Сената; директор департамента (1905), министр юстиции (1906—1915); член (1907) и председатель (1916) Государственного Совета; арестован в феврале 1917 г.; расстрелян большевиками.

[23] Пихно Дмитрий Иванович (1853—1913) – издатель и редактор газеты «Киевлянин» (1879—1907); член Государственного Совета (1907) по назначению; руководитель Киевского отдела

Союза Русского Народа (СРН), почетный член Киевского Клуба Русских Националистов и член Русского Собрания.

[24] О Ф. Д. Самарине см. примечание к «Письму в редакцию «Русской Земли»« К. Н. Пасхалова.

[25] Александр Македонский (336—323 гг. до Р. Х.) – великий завоеватель древности.

[26] О Н. А. Зиновьеве см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя».

[27] Философов Дмитрий Александрович (1861—1907) – служил в Министерстве народного просвещения; с 1887 г. – в Государственной канцелярии, статс-секретарь Департамента государственной экономии (1899), Департамента промышленности, наук и торговли (1901); товарищ государственного контролера (1901); с 1905 г. – Государственный контролер; член Государственного Совета (1906); министр торговли и промышленности (1906—1907).

[28] Риттих Александр Александрович (1868—1930) – директор департамента государственных имуществ и управляющий делами Комитета землеустройства Главного управления землеустройства и земледелия (1905—1912); товарищ начальника этого управления (1912—1916); сенатор (1916); министр земледелия (январь—март 1917 г.); эмигрировал.

[29] Джагернаутская колесница – колесница с изображением индийского бога Джагернаута, под которую во время празднеств бросались религиозные фанатики, полагая, что смерть под ее колесами приведет их в божественную «нирвану».

ИТОГИ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ 1905 — 1909 гг.

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 190—251. Первоначальное название «Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения».

[1] О Мукденском сражении см. примечание к работе К. Н. Пасхалова «Против мирного договора с Японией».

[2] О проекте «Булыгинской Думы» от 6 августа 1905 г. см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Самоубийство «приказного строя».

[3] Екатерина II (1762—1796) – российская Императрица.

[4] Павел I (1796—1801) – российский Император, сын Екатерины II. Убит заговорщиками.

[5] О П. Н. Трубецком см. примечание к речи К. Н. Пасхалова в Московском Дворянском Собрании 1 февраля 1908 года.

[6] В издании 1912 года ошибочно – 3 июля 1907 г.

[7] Подробнее см.: Вязигин А. С. «Гололобовский инцидент» (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909.

[8] О наместнике Кавказа И. И. Воронцове-Дашкове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Государственные преступники в Думе».

[9] «Сеньорен-конвент» (от фр. seigneur – сеньор, властитель, повелитель; лат. conventus – сходка, собрание) – властный конвент; во Франции национальным конвентом назывался высший законодательный и исполнительный орган первой французской республики, действовавший с 1792 по 1795 г.

[10] О строительстве буддийского храма в Петербурга см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Вопрос архипастырям».

[11] Речь идет о так называемой «панамской афере». В конце XIX века за строительство Панамского канала, соединившего бы Тихий с Атлантическим океанами, взялся знаменитый французский инженер Фердинанд Лессепс. Однако компания, которую он учредил, обанкротилась, так как трудности в строительстве оказались тогда непреодолимыми – скальный грунт, желтуха и малярия, косившие рабочих. В результате многочисленные французские граждане, вложившие свои средства в строительство канала, потеряли их, а права на строительство канала в 1904 г. перешли к США, которые открыли канал в 1915 г. В ходе расследования французскими властями панамского краха выяснилось, что были подкуплены многие газеты с целью прославления этого предприятия, когда стал уже очевиден его неминуемый крах. Кроме того, в получении взяток от компании были уличены более ста депутатов и даже некоторые француз-

ские министры. В результате в тюрьме оказались не только сам Лессепс, но и ряд других участников скандала, сделавшего название «Панама» нарицательным.

[12] Речь идет о так называемом «деле Дрейфуса» – деле по обвинению офицера французского генерального штаба еврейского происхождения Альфреда Дрейфуса в передаче секретных военных документов Германии. В ходе расследования «дела» (конец 1890-х гг.) либеральная интеллигенция встала на защиту Дрейфуса и добилась вначале смягчения приговора, а затем и полной его отмены.

[13] Гумберт, (ит. Umberto) – король Италии, сын Виктора-Эммануила II, родился в 1844 г., наследовал отцу в 1878 г.; с 1868 г. женат на Маргарите, дочери герцога Генуэзского (р. в 1851 г.), от которой имел единственного сына Виктора-Эммануила (позднее – итальянского короля). Умер в 1900 г.

[14] Линкольн Авраам – американский президент (1861—1865).

[15] Карно (Carnot) Мари Франсуа Сади (1837 — 1894) – французский государственный деятель. В 1878—87 гг. член правительства. С 1887 г. президент Французской республики. Карно способствовал заключению в 1891—93 гг. франко-русского союза. Был убит анархистом С. Казерио.

[16] Фор (Faure) Феликс (1841–1899) – французский государственный деятель. В период Парижской коммуны 1871 г. участвовал в борьбе на стороне версальцев. В дальнейшем примкнул к правым группировкам буржуазных республиканцев. В мае 1894 – январе 1895 г. – морской министр. С января 1895 г. по февраль 1899 г. президент республики. Сторонник укрепления союза с Россией, Фор принимал в 1896 г. Николая II в Париже, а в 1897 г. с ответным визитом посетил Петербург.

[17] О Ф. А. Головине см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Думская Азефовщина».

СПАСАТЕЛИ И ГУБИТЕЛИ

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. III. 1909—1912. М., 1912. С. 332—334.

[1] 28 декабря 1908 г. в Мессине (Италия) произошло катастрофическое землетрясение. Погибли более 200 тысяч человек и, по крайней мере, около 100 тысяч из числа оставшихся в живых оказались неспособными к настоящей работе (подробнее см.: *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. Записки православного. СПб., 1997. С. 34—36).

[2] Ингерманландия (Ижорская земля) – местность, входящая в настоящее время в Ленинградскую область и принадлежавшая в древности к Водской пятине Новгорода. Здесь рядом с финскими племенами жили русские, были и русские города: Копорье, Ям (Ямбург), Ивангород и Орешек (Шлиссельбург). В 1583 г. Ингерманландия отошла к Швеции, затем 1595—1617 гг. – снова к России, по Столбовскому миру вторично к Швеции и, наконец, с 1702—1704 гг., окончательно к России.

ИЗ ИНОЙ СТРАНЫ ЧУДЕСНОЙ…

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Из иной страны чудесной… М., 1907.

[1] Кроация, или Кроасия, – встречающееся в русской литературе устаревшее, заимствованное из некоторых западноевропейских языков название Хорватии.

[2] Сербокроаты – то есть сербско-хорватское население.

[3] Аббация (Abbazia) – курорт в Истрии, на побережье Адриатического моря.

[4] Имеется в виду обнародование Манифеста 17 октября 1905 г., вводившего в России демократические свободы и законодательную Государственную Думу.

[5] Гоф (нем. Hof) – двор, усадьба, хутор.

[6] «Пожалуйста», «большое спасибо» *(нем.)*.

[7] Liedertafel (от Lied — песня и Tafel — стол) – мужские любительские хоровые общества, получившие распространение в Германии и других европейских странах в XIX и начале XX в.

[8] Равашоль (Ravachol) – псевдоним анархиста, терроризировавшего Париж в 1891—1892 гг.

[9] Покровский Николай Николаевич (1865—1930) – служил в Департаменте окладных сборов Министерства финансов (1889—1893) и канцелярии Комитета министров (1893—1899);

товарищ директора (1899—1903) и директор (1904—1905) Департамента окладных сборов; товарищ министра финансов (1906—1914); член Государственного Совета (1914); государственный контролер (1916); министр иностранных дел (1916—1917); после октября 1917 г. эмигрировал.

[10] «Neues Pester Journal» – одна из крупнейших немецких дневных газет, издававшаяся в Будапеште.

[11] О М. Я. Герценштейне см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Слова и дела».

[12] Аникин – рабочий, газетчик на Охте (пригород Петербурга). В 1888 г. ему было около 60 лет. В конце 1880-х гг. вел социалистическую пропаганду среди солдат Новороссийского пехотного полка, расположенного на Пороховых заводах (недалеко от Охты).

[13] Аладьин Алексей Федорович (1873—1927) – лидер депутатской группы трудовиков во II Государственной Думе.

[14] Седельников Тимофей Иванович (1876—?), депутат I Государственной Думы от Оренбургской губернии.

Окончил Уфимское землемерное училище и служил в течение 7 лет землемером на окраинах и два года статистиком по исследованию киргизской степи. Сотрудничал в провинциальных и столичных газетах. За прочитанный им в 1905 г. доклад «Борьба за землю в киргизской степи и колонизационная политика правительства» был уволен со службы по требованию П. Н. Дурново. По своим убеждениям Седельников был крайне левым.

[15] О П. Д. Долгорукове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Слова и дела».

[16] Гейден Петр Александрович (1840–1907) – граф, президент Вольного Экономического Общества, один из лидеров октябристов и мирнообновленцев

[17] Пржевальский Владимир Михайлович — известный адвокат (1840 — 1900). Окончил курс в Московском университете; служил обер-секретарем в сенате; сотрудничал в московском «Журнале для родителей и наставников», где поместил ряд рассказов из истории завоевания маврами Испании. В 1870 г. поступил в присяжные поверенные округа Московской судебной

палаты. Выступал защитником и гражданским истцом по многим уголовным делам, привлекавшим в то время общественное внимание.

[18] Щепкин Николай Николаевич (1854—1919) – политический и общественный деятель, участник земского движения конца XIX — начала XX вв., один из создателей партии кадетов (1905 г.), член ее ЦК. После октября 1917 г. возглавлял «Союз возрождения России», «Национальный центр». Расстрелян ВЧК.

[19]Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – один из основателей партии кадетов, лидер еврейской народной группы.

[20] Якубсон Вениамин – адвокат, депутат I Госдумы от сионистов, член фракции кадетов.

[21] Бердичев – город в Малороссии (совр. Украина), в котором в начале XX века еврейское население составляло значительную часть.

[22] В Таврическом дворце в Петербурге заседала Государственная Дума.

[23] Речь идет о съезде кадетской партии, который разрешил провести в Финляндии тогдашний ее генерал-губернатор Н. Н. Герард.

[24] О Н. Н. Герарде см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Государственное пустословие».

[25] Принц Рудольф (Rudolf von Habsburg) (1858—1889) – наследный принц Австро-Венгрии. Единственный сын императора Франца Иосифа I и Елизаветы Баварской. В 1881 г. принц Рудольф женился на бельгийской принцессе Стефании, но их брак оказался неудачным. Эрцгерцог проводил время в тайных романах, последним его увлечением стала баронесса Мария Вечера. 30 января 1889 г. их нашли мертвыми в уединенном охотничьем замке Майерлинг в 40 км к юго-западу от Вены. Есть основания предполагать, что Рудольф застрелил свою любовницу, а затем и себя.

[26] Король Карл – румынский король Карл I (1839—1914).

[27] Castel d'Uovo – старинная крепость на территории Италии.

[28] Santa Lucia – Святая Лючия *(итал.).*

[29] Lazzaroni *(итал.)* – нищие, босяки.

[30] Dolce far niente *(итал.)* – приятная праздность, отдых.

[31] Via Partenope – главная набережная Неаполя.

[32] Frutti di mare *(итал.)* – спагетти с морепродуктами.

[33] Villa Nazionale – парк в Неаполе.

[34] Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868—1936) – русский писатель.

[35] «За революцию в России» *(итал.).*

[36] Illustrissimo revoluzionario *(итал.)* – глубокоуважаемый революционер.

[37] О П. Д. Долгорукове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Слова и дела».

[38] «Граду и миру» *(лат.)*; ко всеобщему сведению.

[39] Об А. С. Суворине см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Кто пытается исказить волю Государя».

[40] «Итальянский журнал» *(итал.)*.

[41] Отец Александра III, Император Александр II был убит революционными террористами 1 марта 1881 г.

[42] «Бывшее «Ревью де Ревьюз» *(фр.).*

[43] «Неаполь чудный мой,
О, край прелестный,
Где улыбается
Нам свод небесный.
В душу восторги
Льет неземные…
Санта-Лючия! Санта-Лючия!» (итал.).

Здесь К. Н. Пасхалов цитирует строчки из итальянской народной песни «Santa Lucia», которую композитор Guillaume Louis Cottrau (Гильом Луи Коттро) записал, переработал и перевел с неаполитанского на итальянский язык.

[44] Позилипо – холм, с которого открывается самый красивый вид на Неаполитанский Залив и вулкан Везувий.

[45] О Г. А. Гапоне см. примечание к работе К. Н. Пасхалова «Обращение к соотечественникам!».

[46] Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – либеральный сановник, масон. Товарищ министра внутренних дел при князе П. Д. Святополк-Мирском, главноуправляющий землеустрой-

ством и земледелием в кабинете С. Ю. Витте, затем видный деятель кадетской партии. После 1917 г. работал у большевиков в Наркомате финансов.

[47] О Г. С. Хрусталеве-Носаре см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Витте —злой гений России».

[48] «Тихо» *(итал.).*

[49] Solo *(итал.)* – соло *(муз.)*.

[50] «Проветриться» *(итал.).*

[51] Макадам – шоссе из мелкого щебня (по имени изобретателя такого шоссе, англ. инженера Mac Adam).

[52] Фиакр *(фр. Fiacre)* – наемный экипаж, извозчик.

[53] «Радость бытия» *(фр.)*.

[54] «Знаменитый, известный» *(фр.)*.

[55] «Помни о смерти» *(лат.).*

[56] О Г. С. Хрусталеве-Носаре см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Появление призрака рокового человека».

[57] Об А. А. Риттихе и кн. Б. А. Васильчикове см. соответствующие примечания к статье К. Н. Пасхалова «Слова и дела».

С АНГЛИЕЙ ИЛИ ГЕРМАНИЕЙ?

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906—1909. М., 1909. С. 235—241.

[1] О М. О. Меньшикове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «Ненавистники общины».

[2] О С. Ф. Шарапове см. примечание к статье К. Н. Пасхалова «На пути к разрушению России».

[3] «Прежде, раньше» *(фр.)*.

[4] Речь идет о русском Императоре Николае I (1825—1855).

[5] Сан-Суси – резиденция германских императоров в пригороде Берлина Потсдаме.

[6] Бабельсберг *(нем.)*.

[7] Это подарок Русских Царей *(нем.).*

[8] Речь идет о С. Ю. Витте.

[9] Николай I Петрович (1841—1921) – князь Черногорский Негош (1860—1910), король Черногорский (1910—1918).

[10] Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг., в которой против России воевали Англия, Франция, Австрия и Турция.

[11] Точнее, в 1849 г. Австрийский император для подавления венгерской революции призвал на помощь Русского Царя; в мае 1849 г. в Венгрию были введены русские войска. 13 августа 1849 г. венгерская революционная армия капитулировала у крепости Вилагош.

РУССКИЙ ВОПРОС

Печатается по изданию: *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос [О взаимоотношениях России с Австрией]. М., 1913.

[1] Речь идет о Второй Балканской войне (1913 г.), в которой Болгария воевала против Сербии и Греции. В результате войны Болгария была разбита в течение нескольких дней.

[2] Дашинский Игнатий Фердинандович (1866—?) – поляк, австрийский подданный. С 1897 г. — депутат австрийского рейхсрата, участник многих международных социалистических конгрессов, редактор разных органов польской социал-демократии.

[3] 3 июля 1866 г. в битве при Садовой (в Чехии) австрийская армия была наголову разбита прусскими войсками. 23 августа 1866 г. был подписан мирный договор Пруссии с Австрией, итогом которого явились значительные территориальные приобретения Пруссии и установившееся ее господство над германским миром.

[4] «Мотивы существования» *(фр.).*

[5] Стадион-Вартхаузен (Stadion-Warthausen) Иоганн Филипп (1763—1824) – граф, австрийский государственный деятель. В 1804—05 гг. посол в России; содействовал образованию 3-й антифранцузской коалиции. Став накануне подписания Пресбургского мира 1805 г. министром иностранных дел, повел активную подготовку к новой войне против наполеоновской Франции (реорганизация армии и др.); после поражения Австрии в австро-французской войне 1809 г. ушел в отставку. С 1816 г. министр финансов.

[6] Мазепа Иван Степанович (ок. 1644—1709) – гетман Малороссии (1687—1708), изменник, в ходе Северной войны перешел на сторону шведского короля Карла XII.

[7] Почаевская Успенская лавра – крупнейший центр Православия на Волыни, в Западной Малороссии (Украине).

[8] Роман Шептицкий (1865—1944) – граф, перешел в униатство, принял монашество под именем Андрея, являлся в 1901—1944 гг. главой Украинской греко-католической церкви (именовался «митрополитом Галицийским, архиепископом Львовским и епископом Каменец-Подольским»).

[9] Габсбурги – династия австрийских императоров.

[10] Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934) – общественный и политический деятель, один из лидеров украинского националистического движения, писал книги по истории Украины, в которых тенденциозно противопоставлял украинский народ русскому.

[11] 24 сентября (7 октября) 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины.

[12] Дарданеллы – пролив, соединяющий Мраморное и Эгейское моря.

[13] «Повод к войне» *(лат.).*

[14] Здесь речь идет о так называемом «сердечном согласии» – Антанте, военно-политическом союзе Англии, Франции и России.

[15] «Путь на восток» *(нем.)*.

[16] Irridenta (от итал. Irredento – неосвобожденный) – здесь: часть территории, находившейся в то время во владении Австро-Венгрии, на которую претендовало Итальянское королевство.

[17] «Отечества» *(нем.).*

ПЕРЕПИСКА К. Н. ПАСХАЛОВА

Письма К. Н. Пасхалова воспроизводятся по изданию: «Не понимают величия Русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 гг. / Подг. к публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 4—40. Здесь и ниже в тексте комментариев использованы примечания к публикации в журнале «Источник», составленные д. и. н. Ю. И. Кирьяновым.

[1] О Д. А. Хомякове см. примечание к «Письму в редакцию «Русской Земли».

[2] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1914 г. Д. 998. Л. 1744.

[3] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1011. Л. 139.

[4] Игнатьев Павел Николаевич (1870—1926) – государственный деятель. С 8 января 1915 по 27 декабря 1916 г. – министр просвещения. В Совете Министров Игнатьев входил в группу А. В. Кривошеина, стремившуюся направить политику правительства на совместную работу с Государственной Думой.

[5] Имеется в виду отец П. Н. Игнатьева.

[6] Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) – политический и государственный деятель. В 1912—1915 гг. – министр внутренних дел. Член Государственного Совета. После отставки, в 1916—начале 1917 гг., принимал активное участие в кружке правых А. А. Римского-Корсакова (Макаров, Кульчицкий, Голицын, Ширинский-Шихматов и др.). В декабре 1916 г. написал Государю Николаю II письмо, в котором указывал, что династия в опасности, и призывал проводить «крутые меры». Намечался председателем монархического съезда, предполагавшегося в Петрограде в конце 1916—начале 1917 гг., а также одним из руководителей Черного блока. Перед февральским переворотом 1917 г. некоторые видные правые видели в Маклакове возможного лидера монархического движения (Пасхалов), «сильную фигуру», которая может установить порядок (Тиханович-Савицкий).

[7] Вероятно, имеется в виду Александр Васильевич Кривошеин (1858—1923) – с 1908 по октябрь 1915 г. – главноуправляющий землеустройством и земледелием, сторонник уничтожения общинного землевладения и насаждения хуторского хозяйства. В годы Первой мировой войны группировал вокруг себя либеральных министров.

[8] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1042. Л. 105—105 об.

[9] Бетман-Гольвег Т. (1856—1921) – германский рейхсканцлер.

[10] Возможно, письмо адресовано Владимиру Федоровичу Снегиреву (1847—1916/17) – ученому-медику.

[11] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1042. Л. 105.

[12] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 20—23 об. Автограф.

[13] Имеется в виду Портсмутский мир (5.9.1905), завершивший Русско-японскую войну 1904—1905 гг.

[14] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 81—82 об. Автограф.

[15] Поливанов Алексей Андреевич (1855—1922) – генерал, с 28 июля 1905 по 14 апреля 1906 г. – начальник Главного штаба; в 1906—1912 гг. – помощник военного министра, с июня 1915 по 15 марта 1916 г. – военный министр; член Государственного Совета; после 1917 г. был на службе в Красной Армии.

[16] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 90—91 об. Автограф.

[17] Коновницын Алексей Иванович (1855—1919) – граф, один из видных правых деятелей.

[18] Восторгов Иоанн Иоаннович (1864—1918) – священномученик, протоиерей, писатель, политический деятель правого направления. В 1907—1911 гг. председатель Московского «Союза Русского Народа», в 1911—1913 гг. – Русского монархического союза (в Москве). Назаревский Б. В. – в 1915 г. редактор «Московских ведомостей», правый, накануне войны являлся членом Русской монархической партии и Русского монархического собрания; был близок к И. И. Восторгову.

[19] Тихменев Николай Петрович (? – после 1917) – публицист, литератор, общественный и политический деятель правого толка. В 1912 г. некоторое время был редактором «Земщины» – основного органа Марковского Союза Русского Народа, в 1913—1916 гг. – ежедневной крайне правой газеты «Волга» (Саратов).

[20] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 92—93 об. Автограф.

[21] Имеются в виду члены Конституционно-демократической партии (кадеты).

[22] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1014. Л. 707.

[23] См.: *Пасхалов К.* Отзыв на «Записку по поводу воззвания Верховного главнокомандующего к польскому народу» Ф. Д. Самарина и др. М., 1915. 16 с.

[24] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 94—95 об. Автограф.

[25] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1032. Л. 1499.

[26] Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927) – граф, генерал от кавалерии. С 1897 г. министр Императорского двора. После 1917 г. в эмиграции.

[27] Нилов Константин Дмитриевич (1856—?) – генерал-адъютант, адмирал, состоял при Николае II.

[28] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1036. Л. 1830.

[29] Вероятно, имеются в виду А. Д. Самарин и Н. А. Хомяков с их склонностью к либерализму.

[30] Маниковский Алексей Алексеевич (1865—1920) – военный деятель, генерал от артиллерии (1916 г.). С лета 1915 г. до февраля 1917 г. начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства, с сентября 1917 товарищ военного по снабжению. После 1917 г. вступил в Красную Армию. Погиб при крушении поезда.

[31] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1036. Л. 1857—1857 об.

[32] Рухлов Сергей Васильевич (1853—1918) – политический и государственный деятель. В 1903—1905 гг. главноуправляющий торговым пароходством, с 1905 г. член Государственного Совета (правая группа), в 1909—1915 гг. министр путей сообщения.

[33] Имеется в виду Фредерикс Владимир Борисович.

[34] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1036. Л. 1862—1862 об.

[35] В своей речи на совещании монархистов в Петрограде 21—23 ноября 1915 г. И. Г. Щегловитов – председатель этого совещания, бывший министр юстиции – также отметил, что противники называют правых («нас») «революционерами справа, сеятелями раздора», но категорически отрицал пра-

вомерность такой характеристики (Совещание монархистов 21—23 ноября в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 21).

[36] В данном случае идет речь о Рябушинских и Челноковых как олицетворении предпринимателей и политиков, возглавивших в годы войны «общественные организации», которые получили определенную поддержку правительства, но использовали эти организации лишь для выкачивания из казны материальных средств.

Рябушинский Павел Павлович (1871—1924) – московский промышленник, владелец текстильных фабрик и автомобильного завода, банкир, один из политических лидеров буржуазии, издатель газеты «Утро России».

Челноков Михаил Васильевич (1863—1935) – заводчик и купец, общественный и политический деятель, член Государственной Думы 2-го, 3-го и 4-го созывов, кадет.

[37] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1036. Л. 1884.

[38] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1037. Л. 1927.

[39] В Петрограде в Басковом переулке, д. 3 размещался Главный Совет Марковского Союза Русского Народа. 21—23 ноября 1915 г. в Басковом переулке состоялось совещание представителей ряда правых организаций – Марковского и Дубровинского Союзов Русского Народа, московского Отечественного Союза. Не участвовали в совещании представители Союза Михаила Архангела во главе с В. М. Пуришкевичем, большей части групп Поволжья, Юго-Запада России.

[40] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1039. Л. 2143.

[41] Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С начала Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта, с весны 1915 г. – командующий Северо-Западным фронтом, с августа 1915 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего.

[42] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Д. 1041. Л. 2361.

[43] Дудниченко Иван Иванович (1887—после 1920) – публицист, политический деятель. Уполномоченный Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела в Бессарабии. Входил в состав редакционной комиссии «Книги русской скорби» (под редакцией В. М. Пуришкевича), посвященной убитым государственным служащим. В годы войны проживал в Одессе, в конце 1916 г. переехал в Петроград. Эмигрировал в Румынию в 1920 г.

[44] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Д. 1048. Л. 27.

[45] Нижегородский губернатор А. Ф. Гирс.

[46] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Д. 1049. Л. 159.

[47] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) – активный общественный и государственный деятель. Член Государственной Думы. Кадет. В начале войны был избран председателем Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. После февраля 1917 г. глава первых двух кабинетов Временного правительства. После октября 1917 г. – в эмиграции.

[48] Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) – в 1906 г. и 1914—1916 гг. – Председатель Совета Министров.

[49] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Д. 1049. Л. 200—200 об. Частично опубликовано в кн.: Союз русского народа. Сб. док. М.; Л. 1929. С. 92.

[50] Штюрмер Борис Владимирович – Председатель Совета Министров с 10 января по 10 ноября 1916 г.

[51] Эбелов М. И. – командующий Одесским военным округом в 1915—1916 гг.

[52] Сосновский И. В. – в 1911—1916 гг. – Одесский градоначальник.

[53] «Русское Знамя» – основной печатный орган Дубровинского Союза Русского Народа.

[54] Полубояринова Елена Адриановна (1864—1919) – вдова полковника, издательница, владелица типографии, одна из ближайших помощниц А. И. Дубровина по Союзу Русского Народа и газете «Русское Знамя». Расстреляна большевиками.

[55] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Д. 1050. Л. 226—226 об.

[56] Требование 6-часового рабочего дня, наряду с другими экономическими требованиями, было выдвинуто рабочими «тяжелого» латунного отдела (См.: Сведения о положении дел в Империи за последние шесть месяцев (с мая 1915 г.) // ГАРФ. ДП. 4 делопроизводство. 1915 г. Д. 165. Л. 24 об.).

[57] Тройницкий Александр Николаевич – тульский губернатор с 1916 г.

[58] Неточное воспроизведение фамилии Маниковского А. А. – начальника Главного Артиллерийского управления Военного министерства (с лета 1915 г.).

[59] После своего назначения Маниковский видел один из путей увеличения выпуска снарядов в повышении заинтересованности предприятий и рабочей силы. Поэтому, когда образованным летом 1915 г. Особым совещанием по обороне государства ему было поручено усилить всеми средствами изготовление тяжелых снарядов, Маниковский выработал совместно с заводчиками целую шкалу премий за увеличенный выпуск снарядов.

[60] Имеется в виду кафедра Государственного Совета.

[61] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Д. 1051. Л. 391—391 об.

[62] Речь идет о декларации Прогрессивного блока, провозглашенной на февральской сессии (1916 г.) Государственной Думы. Она была подписана от группы 17 октября С. И. Шидловским, от группы членов Государственного Совета – В. В. Меллер-Закомельским и Д. Д. Гриммом.

О С. И. Шидловском см. примечание к работе К. Н. Пасхалова «Лежачего не бьют, в особенности «кривдою!»».

Гримм Давид Давидович (1864—1941) – профессор, политический деятель. Член Государственного Совета от академической группы. В духе декларации выступил на заседании Государственного Совета, за что подвергся критике правых.

Меллер-Закомельский Владимир Владимирович (1863—?) – член Государственного Совета (1912 г.) от петербургского земства, председатель Группы центра, кадет. После Гражданской войны эмигрировал.

Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864—1926) – политический деятель, один из лидеров меньшевиков.

[63] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 149—150. Автограф.

[64] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 158—160 об. Автограф.

[65] Гёзы – (голл. geuzen, от франц. gueux — нищие), в период Нидерландской буржуазной революции XVI в. – прозвище народных партизан, которые на суше и на море вели борьбу против испанцев и их пособников в Нидерландах.

[66] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 163—164 об. Автограф.

[67] Имеется в виду Прогрессивный блок.

[68] Имеется в виду убийство в декабре 1916 г. Григория Распутина.

[69] Подлинник письма: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1917 г. Д. 1071. Л. 51.

[70] Имеется в виду министр финансов П. Л. Барк, который до 1911 г. являлся директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка.

[71] Раев Николай Павлович (1856—1919) – видный государственный деятель, сын Петроградского митрополита Палладия. С 30 августа 1916 г. – обер-прокурор Синода.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие *(выйдет в 2008 г.)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Редактор Е. Н. Сапрыкина
Корректор А. Г. Мартынова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 05.04.2008 г. Формат 84 х 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 33,4 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.